ОЧЕРКЪ

НАУКИ О ХАРАКТЕРАХЪ.

А. Лазурскій.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть I. Предметъ, задачи и методы науки о характерахъ.

Часть II. Обзоръ наклонностей, относящихся къ области вниманія, чувствованій, движеній и волевыхъ процессовъ.

Приложеніе. Программа изслѣдованія личности.

3-е дополненное изданіе.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе К. Л. РИККЕРА.
Морская ул., 17.
1917.

Дозволено военной цензурой. 24 сентября 1916 г.

Типографія Э. Ф. Мексъ. Петроградъ, Забалканскій пр., 22.

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе къ 3-му изданію VI
Вступленіе VII

Часть I. Предметъ, задачи и методы науки о характерахъ.

Глава I. Историческій очеркъ ученія о темпераментахъ. Теоріи Гиппократа, Аристотеля, Шталя, Генле, Фулье и др. Психологическія теоріи. Общая оцѣнка ученія о темпераментахъ съ точки зрѣнія современной психологіи . . . . . .
Глава II. Историческій очеркъ ученія о характерахъ. Классификаціи Платона и Теофраста. Френологія Галля, ея заслуги и ошибки. Классификація Бэна 11
Глава III. Обзоръ современныхъ классификацій характеровъ. Классификаціи Азама, Пэре, Лесгафта, Полана, Лосскаго, Фулье, Рибо, Вереніуса и др. 19
Глава IV. Понятіе наклонности или душевнаго качества. Опредѣленіе этого понятія. Простыя и сложныя наклонности. Различіе между простѣйшими наклонностями и „психическими атомами“ 35
Глава V. Степени развитія наклонностей. Возможность сравнивать наклонности по ихъ интенсивности. Способы измѣренія интенсивности душевныхъ качествъ 44
Глава VI. Измѣняемость наклонностей. Дѣйствительныя и кажущіяся измѣненія характера. Причины кажущихся измѣненій: временное истощеніе наклонности, вліяніе со стороны другихъ душевныхъ качествъ, внутреннихъ и внѣшнихъ возбудителей и проч. 50
Глава VII. Опредѣленіе характера. Характеръ есть продуктъ отвлеченія, логическая схема данной личности 57
Глава VIII. Внутреннія и внѣшнія возбудители наклонностей. Всякая наклонность имѣетъ своихъ возбудителей. Сила дѣйствія возбудителей и условія, ее опредѣляющія 60
Глава IX. Анатомо-физіологическій коррелатъ основныхъ наклонностей. Необходимость его изученія и роль его въ наукѣ о характерахъ 72
Глава X. Взаимныя отношенія основныхъ наклонностей. Различные виды этихъ отношеній: родство, взаимодѣйствіе, причинная зависимость, низшія и высшія наклонности, посредственная связь 78
Глава XI. Взаимныя отношенія основныхъ наклонностей (окончаніе). Не слѣдуетъ смѣшивать взаимодѣйствіе различныхъ наклонностей съ дѣйствіемъ внутреннихъ возбудителей. Противоположныя наклон-

стр.

ности. Способы установленія связи между отдѣльными наклонностями 85

Глава XII. Простыя и сложныя привычки. Одностороннее развитіе наклонностей, привыканіе къ извѣстнымъ возбудителямъ. Необходимыя и случайныя сочетанія душевныхъ качествъ; сложныя привычки. Вопросъ о единствѣ характера 94

Глава XIII. Внутреннія и внѣшнія проявленія основныхъ наклонностей. Какъ тѣ, такъ и другія являются лишь средствомъ для распознаванія основныхъ душевныхъ качествъ. Предварительное описаніе и анализъ внутреннихъ проявленій 105

Глава XIV. Характерологическій анализъ проявленій. Опредѣленіе наклонностей, лежащихъ въ основѣ даннаго сложнаго проявленія. Способы, пригодные для такого опредѣленія 113

Глава XV. Личность какъ сложное функціональное единство. Отдѣльныя основныя наклонности являются лишь относительно-независимыми сторонами одной общей нервно-психической (біологической) организаціи. Отличіе нашей точки зрѣнія отъ старой теоріи способности 121

Глава XVI. Общее направленіе науки о характерахъ. Индивидуальная психологія должна быть наукой, а не искусствомъ, теоретической, а не прикладной отраслью знаній 127

Глава XVII. Предметъ и границы научной характерологіи. Отношеніе между общей и индивидуальной психологіей. Конечной цѣлью послѣдней является составленіе естественной классификаціи характеровъ. Не слѣдуетъ чрезмѣрно расширять границы индивидуальной психологіи 134

Глава XVIII. Выборъ основныхъ наклонностей. Общее дѣленіе науки о характерахъ. Необходимость выбора основныхъ душевныхъ качествъ и критеріи, руководящіе этимъ выборомъ 140

Глава XIX. Составленіе характеристикъ и ихъ группировка. Способы составленія характеристикъ. Различные взгляды на этотъ предметъ. Наука о характерахъ должна идти путемъ сознательнаго анализа, а не полусознательной интуиціи 153

Глава XX. Составленіе характеристикъ (окончаніе). Способы веденія наблюденій. Образцы дневника, дополнительныхъ свѣдѣній и сплошной записи. Образецъ характеристики 162

Часть II. Обзоръ наклонностей, относящихся къ области вниманія, чувствованій, движеній и волевыхъ процессовъ.

I. **Предварительныя замѣчанія** 179

II. **Наклонности, относящіяся къ вниманію** 181

Легкость привлеченія (возбудимость) вниманія 184

Сила сосредоточенія вниманія 189

Произвольность вниманія (вниманіе активное и пассивное) 196

Устойчивость или неустойчивость вниманія 201

Объемъ вниманія (широта или узость его) 206

III. **Наклонности, относящіяся къ формальной сторонѣ чувствованій.** 209

Возбудимость чувствованій 215

стр.
Сила или слабость чувствованій 221
Продолжительность (устойчивость) чувствованій 226
Взаимная согласованность (ассоціированность) чувствованій 233
Обиліе или бѣдность внѣшнихъ физіологическихъ проявленій чувства 238
Вліяніе чувствованій на умственные процессы 244
IV. Наклонности, относящіяся къ области движеній 250
Обиліе или бѣдность движеній (подвижность—малоподвижность) . . 252
Быстрота или медленность движеній 255
Сила (интенсивность) движеній 259
Координація (взаимная согласованность) сложныхъ движеній 260
Сознательность движеній (движенія произвольныя, автоматическія, инстинктивныя и рефлекторныя) 265
Степень развитія идео-моторной способности 269
Двигательная утомляемость 275
Двигательная упражняемость 280
V. Наклонности, относящіяся къ области волевыхъ процессовъ . . 284
Сила или слабость желаній и влеченій 290
Наклонность къ борьбѣ мотивовъ (процессъ выбора—импульсивность поступковъ) 295
Быстрота выбора (продолжительность колебаній) 300
Способность или неспособность къ принятію рѣшеній (нерѣшительность) 303
Устойчивость рѣшеній (постоянство—непостоянство) 306
Ясность, опредѣленность желаній и рѣшеній 309
Степень развитія руководящихъ идей и стремленій 312
Способность къ внутренней (психической) задержкѣ 317
Способность къ физической (психомоторной) задержкѣ 323
Способность къ положительному волевому усилію 328
Продолжительность волевого усилія (настойчивость) 334
Чувство собственной личности (произвольность душевныхъ процессовъ) 336
Степень сопротивляемости внѣшнимъ вліяніямъ (самостоятельность —внушаемость) 342
Наклонность къ обсужденію мотивовъ (обдуманность поступковъ) . . 355

ПРИЛОЖЕНІЕ. ПРОГРАММА ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЛИЧНОСТИ.

Предварительныя замѣчанія 359
Программа № 1 (руководящая) 363
Программа № 2 (объяснительная) 365
Литературный указатель 384

Предисловіе къ 3-му изданію.

Въ 3-мъ изданіи добавлена глава XV („Личность какъ сложное функціональное единство"), представляющая собой сокращенное изложеніе статей, помѣщенныхъ мною въ свое время въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи".

А. Лазурскій.

Вступленіе.

Двѣ мысли положены въ основу этой книги: во первыхъ—возможность сознательнаго, научнаго изученія человѣческихъ характеровъ; во вторыхъ—необходимость пользоваться для этой цѣли въ широкихъ размѣрахъ понятіемъ наклонности или душевнаго качества.

Современная опытная психологія находится въ періодѣ дробленія. Разработка частныхъ вопросовъ, анализъ и описаніе сложныхъ проявленій душевной жизни сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе большинства изслѣдователей. Это не значитъ, что общія, оеновныя проблемы (сознаніе, воля, природа чувствованій, дѣятельность творческаго воображенія и т. п.) забыты или признаны несостоятельными. Напротивъ, собираніе фактическаго матеріала имѣетъ своею конечной цѣлью именно разрѣшеніе этихъ основныхъ вопросовъ. Нужно только при этомъ имѣть въ виду одно важное обстоятельство. Не слѣдуетъ обольщать себя надеждой, что изъ мелкихъ фактовъ сразу выростутъ крупныя теоріи. Нельзя думать, напр., что вопросъ о свободѣ воли въ настоящее время неразрѣшимъ экспериментальнымъ путемъ только по недостатку фактическаго матеріала, а когда этого матеріала будетъ побольше, то вопросъ этотъ рѣшится самъ собой.

Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ далеко не такъ просто. Подробная разработка отдѣльныхъ вопросовъ душевной жизни поведетъ не къ непосредственному рѣшенію основныхъ проблемъ, а къ предварительному созданію нѣсколькихъ самостоятельныхъ научныхъ дисциплинъ, отличающихся одна отъ другой по своему содержанію и по своимъ методамъ, но сходныхъ въ томъ отношеніи, что всѣ онѣ будутъ посвящены изученію и анализу сложныхъ проявленій душевной жизни у отдѣльныхъ индивидуумовъ. Науки эти можно было бы назвать об-

шимъ именемъ „промежуточной психологіи“, такъ какъ онѣ должны будутъ занимать среднее мѣсто между общей психологіей, посвященной разработкѣ основныхъ проблемъ, съ одной стороны, и психологіей народовъ, соціальныхъ группъ, толпы и т. п.—съ другой. Нѣкоторые изъ нихъ уже начинаютъ намѣчаться, какъ напр., психофизіологія органовъ чувствъ, педагогическая психологія, психологія дѣтскаго возраста, патологическая психологія и др.

Къ числу такихъ „промежуточныхъ“ психологическихъ дисциплинъ должна принадлежать также и наука о характерахъ. Личность, характеръ въ теченіе долгаго времени разсматривались, какъ нѣчто до того интимное и неуловимое, что только непосредственное чутье и художественная интуиція могутъ, будто бы, освѣтить до нѣкоторой степени эту загадочную область. Работы послѣднихъ десятилѣтій заставляютъ сильно усомниться въ справедливости этого взгляда. Соединенными усиліями полагается начало новой наукѣ, индивидуальной психологіи или научной характерологіи. Предоставляя общей психологіи рѣшеніе различныхъ основныхъ вопросовъ душевной жизни, она выдѣляетъ для себя опредѣленную, строго ограниченную область, именно—изученіе индивидуальныхъ особенностей и ихъ сочетаній. Въ то же время индивидуальная психологія должна непремѣнно оставаться чисто теоретической наукой, преслѣдующей свои собственныя задачи (главнымъ образомъ, составленіе естественной классификаціи характеровъ) и отнюдь не становящейся на службу какимъ бы то ни было побочнымъ цѣлямъ. Только при такомъ взглядѣ на дѣло изученіе характеровъ можетъ, съ одной стороны, подняться выше того „знанія людей“, которое даетъ намъ опытъ повседневной жизни, а съ другой—способствовать выясненію нѣкоторыхъ общепсихологическихъ вопросовъ (напр., вопроса о взаимной связи различныхъ душевныхъ качествъ).

Другой руководящей мыслью служитъ для насъ признаніе той важной роли, которую играютъ при образованіи личности наклонности или душевныя качества. Характеръ каждаго человѣка состоитъ изъ значительнаго количества устойчивыхъ: болѣе или менѣе постоянныхъ

предрасположеній, „наклонностей", дѣйствіемъ которыхъ и опредѣляется все его поведеніе, всѣ его поступки. Построить человѣка изъ его наклонностей,—вотъ та цѣль, которую мы должны преслѣдовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Въ настоящее время мы еще не можемъ съ увѣренностью указать на тѣ причины, которыми обусловливается происхожденіе отдѣльныхъ наклонностей. Вопросъ этотъ можно рѣшать различно, въ зависимости отъ общаго взгляда на природу душевной дѣятельности. Одни видятъ причину всего въ особенностяхъ организма, въ устройствѣ центральной нервной системы, главнымъ образомъ—головного мозга. Другіе склонны разсматривать душевныя качества, какъ группы ассоціацій, болѣе или менѣе сложныхъ и болѣе или менѣе прочно связанныхъ другъ съ другомъ. Третьи видятъ въ нихъ результатъ волевой дѣятельности, долгое время работавшей въ извѣстномъ направленіи,—своего рода навыки или элементарныя привычки.

Каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ доводы въ свою пользу, и окончательное рѣшеніе вопроса принадлежитъ будущему. Теперь же мы можемъ только выдѣлять отдѣльныя наклонности, имѣющія особенно важное значеніе въ образованіи человѣческихъ характеровъ, и подробно описывать ихъ проявленія, а также тѣ условія, которыя такъ или иначе вліяютъ на ихъ дѣятельность. Такая работа возможна уже и въ настоящее время. Кромѣ того, она необходима, такъ какъ безъ детальнаго и систематическаго описанія и разграниченія отдѣльныхъ душевныхъ качествъ сравнительное изученіе человѣческихъ характеровъ представляется намъ совершенно невозможнымъ.

Подробному описанію и анализу цѣлаго ряда основныхъ наклонностей посвящена вся вторая часть книги. Необходимый для этого фактическій матеріалъ мы черпали отовсюду, гдѣ только могли найти его. Такъ какъ спеціальныя работы, относящіяся къ изученію характеровъ даютъ въ этомъ отношеніи еще слишкомъ мало, то приходилось пользоваться данными, заимствованными изъ сочиненій по общей психологіи, психопатологіи, психофизіологіи и т. п. Всѣми этими данными мы пользовались лишь постольку, поскольку они оказывались интересными съ нашей точки зрѣнія. Этимъ обсуловливается та отрывоч-

ность литературныхъ данныхъ, которая быть можетъ, обратитъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ при чтеніи второй части книги. Собственно говоря, окончательное рѣшеніе цѣлаго ряда вопросовъ, поставленныхъ въ этой части, можетъ быть достигнуто лишь тогда, когда по каждому изъ нихъ будутъ поставлены спеціальныя наблюденія, направленныя къ рѣшенію именно индивидуально-психологическихъ, а не какихъ либо иныхъ проблемъ. Наша же задача заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы ясно и опредѣленно поставить эти вопросы и иллюстрировать ихъ тѣмъ фактическимъ матеріаломъ, который въ настоящее время уже имѣется въ нашемъ распоряженіи.

Подробный перечень сочиненій, на которыя намъ приходилось ссылаться, помѣщенъ въ концѣ книги. Въ самомъ же текстѣ ссылки на эти работы обозначены числами, заключенными въ скобки.

Для того, чтобы дать болѣе полное представленіе о способахъ веденія наблюденій и составленія характеристикъ, мы привели, въ качествѣ приложенія, программу изслѣдованія личности, напечатанную ранѣе въ „Вѣстникѣ Психологіи“ и уже неоднократно примѣнявшуюся нами на практикѣ.

Часть I.

Предметъ, задачи и методы науки о характерахъ.

ГЛАВА I.

Историческій очеркъ ученія о темпераментахъ.

Изложенію всякой отрасли знаній принято предпосылать историческій очеркъ ея развитія. Въ нашемъ случаѣ исторія вопроса представляется въ особенности поучительной. Уже въ глубокой древности различія человѣческихъ характеровъ обращали на себя вниманіе философовъ и врачей. И если систематическое изученіе вопроса начинается только въ настоящее время, то причиной этому является не столько отсутствіе интереса къ данной области, сколько необычайная трудность и сложность самого предмета. Подробное знакомство съ прежними, хотя бы и неудачными попытками можетъ насъ предостеречь отъ повторенія тѣхъ же ошибокъ въ будущемъ.

Ученіе о различіяхъ, существующихъ между отдѣльными людьми, издавна развивалось главнымъ образомъ въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Характеру въ собственномъ смыслѣ слова противополагался темпераментъ, причемъ оба эти отдѣла человѣческой личности изучались долгое время почти совершенно независимо другъ отъ друга. Начнемъ съ ученія о темпераментахъ[1]).

Слово темпераментъ не всегда понимаютъ въ одномъ и томъ же смыслѣ. Въ большинствѣ случаевъ терминомъ этимъ обозначаютъ врожденныя физіологическія особенности, обусловливающія собою силу, быстроту и качество душевныхъ проявленій у даннаго человѣка.

---

[1]) Очень подробно изложена исторія ученія о темпераментахъ у Henle (1).

Основателемъ ученія о темпераментахъ считается отецъ греческой медицины Гиппократъ. Будучи чрезвычайно тонкимъ наблюдателемъ, онъ однако находился подъ сильнымъ вліяніемъ господствовавшей въ то время натуръ-философіи, и вліяніе это несомнѣнно отразилось на созданной имъ классификаціи темпераментовъ. Согласно воззрѣніямъ того времени, четыре главныхъ элемента лежали въ основѣ всего мірозданія: земля, вода, огонь и воздухъ; ими обусловливались четыре главныхъ свойства, присущія всѣмъ вещамъ, въ томъ числѣ и человѣческому тѣлу: твердость, жидкость, тепло и холодъ. По аналогіи съ этимъ гиппократовская школа признавала въ организмѣ четыре основныхъ жидкости или сока: кровь (тепло), флегму или слизь (холодъ), черную желчь (влажность) и желтую желчь (сухость). Преобладаніе какого-нибудь изъ этихъ соковъ обусловливало собой четыре основныхъ темперамента: сангвинической, флегматической, меланхолической и холерической. Нѣкоторыя изъ этихъ названій (напр., сангвинической) были, правда, введены лишь впослѣдствіи, но самое дѣленіе на четыре темперамента, установленное гиппократовской школой, удержалось вплоть до настоящаго времени.

Основанное врачами ученіе о темпераментахъ преслѣдовало вначалѣ главнымъ образомъ медицинскія цѣли. При описаніи отдѣльныхъ темпераментовъ рѣчь шла не столько о различныхъ душевныхъ особенностяхъ, сколько о вопросахъ чисто медицинскаго характера. Какая пища и напитки наиболѣе подходятъ для того или иного темперамента? Къ какимъ болѣзнямъ предрасполагаетъ данный темпераментъ? Вотъ тѣ вопросы, которые въ особенности интересовали древнихъ авторовъ. Въ этомъ отношеніи ученіе о темпераментахъ тѣсно примыкало къ господствовавшей тогда гуморальной патологіи, которая видѣла главную причину болѣзней въ порчѣ соковъ тѣла или въ чрезмѣрномъ преобладаніи одного изъ этихъ соковъ надъ другими. Тѣ психологическія характеристики темпераментовъ, которыя представляются столь обычными въ наше время, почти совершенно отсутствуютъ у древнихъ авторовъ. Насколько понятіе темперамента у нихъ отличается отъ современнаго значенія этого слова, видно изъ того, что, напримѣръ, Галенъ говоритъ о темпераментѣ отдѣльныхъ частей тѣла: сердца, печени, мозга и т. д.

Дальнѣйшій прогрессъ ученія о темпераментахъ заключался прежде всего въ томъ, что по мѣрѣ развитія анатоміи и физіологіи постепенно измѣнялся взглядъ на анатомо-физіологическія особенности, лежащія въ основѣ темпераментовъ.

Аристотель видитъ причину темпераментовъ не въ преобла-

даніи того или иного сока, а въ колебаніяхъ состава важнѣйшаго изъ этихъ соковъ, именно крови. Онъ замѣтилъ, что способность крови свертываться не одинакова у разныхъ животныхъ. Большая наклонность къ свертыванію обусловливается, по его мнѣнію, преобладаніемъ твердыхъ или земляныхъ частицъ, меньшая —преобладаніемъ водныхъ или жидкихъ частицъ. Жидкая кровь является вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе холодной и предрасполагаетъ къ страху, кровь же, болѣе богатая плотными веществами, отличается теплотой и предрасполагаетъ къ гнѣву. Слѣды этой теоріи сохранились еще и по настоящее время въ видѣ довольно распространенныхъ названій, приводимыхъ между прочимъ и Кантомъ въ его „Антропологіи“ (5): легкокровный или сангвинической, тяжелокровный или меланхолической, теплокровный или холерической и хладнокровный или флегматической.

Въ средніе вѣка съ возникновеніемъ химіи явились попытки объяснить темпераменты преобладаніемъ въ тѣлѣ тѣхъ или иныхъ алхимическихъ элементовъ: соли, сѣры и ртути или же эфира и воздуха и т. д. Однако всѣ эти попытки имѣли лишь временное, преходящее значеніе. Только съ наступленіемъ эпохи возрожденія наукъ и искусствъ, когда естественныя науки, въ томъ числѣ и физіологія, начали быстро развиваться, ученіе о физіологическомъ обоснованіи темпераментовъ начало постепенно приближаться къ своему современному состоянію. Цѣлый рядъ открытій въ области физіологіи, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить открытіе Гарвеемъ кровеобращенія, показали, что главная роль въ дѣятельности организма принадлежитъ не столько жидкимъ, сколько твердымъ его частямъ. Различныя ткани, изъ которыхъ составлено человѣческое и животное тѣло, подвергались все болѣе и болѣе тщательному изученію. На мѣсто гуморальной возникла такъ называемая солидарная патологія, видѣвшая причину болѣзней въ разстройствѣ дѣятельности разныхъ тканей, плотныхъ частей тѣла.

Подобная перемѣна воззрѣній не замедлила отразиться и на ученіи о темпераментахъ. Шталь кладетъ въ основу дѣленія темпераментовъ кромѣ физическихъ свойствъ крови также порозность тканей и ширину просвѣта сосудовъ. Легкая кровь, рыхлыя ткани и умѣренно расширенные сосуды облегчаютъ теченіе жизненныхъ процессовъ и порождаютъ сангвинической темпераментъ. При значительной плотности тканей кровь задерживается въ сосудахъ, пульсъ дѣлается сильнѣе и быстрѣе, общая теплота тѣла возрастаетъ,—возникаетъ темпераментъ холерической. При плотной крови и узкихъ сосудахъ въ ткани проникаетъ только жидкая,

водянистая часть крови, благодаря чему возникаетъ темпераментъ флегматическій, характеризующійся малой теплотой и блѣднымъ цвѣтомъ кожи. Наконецъ, плотная, темная кровь съ узкими порами тканей и широкимъ просвѣтомъ сосудовъ ведетъ къ образованію меланхолическаго темперамента. Теорія эта, въ измѣненномъ, правда, видѣ, сохранила отчасти свое значеніе и до настоящаго времени. Такъ, напр., проф. Лесгафтъ (2) считаетъ, что въ происхожденіи темпераментовъ очень важную роль играетъ широта просвѣта и толщина стѣнокъ сосудовъ: „...просвѣтъ сосудистаго ствола необходимо долженъ быть тѣмъ меньше, чѣмъ быстрѣе теченіе содержимаго, и наоборотъ—чѣмъ больше просвѣтъ ствола, тѣмъ медленнѣе теченіе содержимаго“. Далѣе: „чѣмъ толще мышечныя и упругія стѣнки сосудовъ, тѣмъ относительно съ большею силою будетъ прогоняться содержимое; и опять, наоборотъ, чѣмъ эти стѣнки будутъ тоньше, тѣмъ слабѣе будетъ сила, съ которой содержимое протекаетъ черезъ сосудъ“. Отсюда возникаютъ слѣдующія комбинаціи: малый просвѣтъ, толстыя стѣнки—быстрое и сильное теченіе крови, т. холерическій; малый просвѣтъ, тонкія стѣнки—быстрое и слабое теченіе крови, т. сангвиническій; большой просвѣтъ, толстыя стѣнки—медленное и сильное теченіе крови, т. меланхолическій; большой просвѣтъ, тонкія стѣнки—медленное и слабое теченіе крови, т. флегматическій.

Разсматривая ткани, входящія въ составъ какого нибудь организма, мы можемъ дѣлать это съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Насъ можетъ интересовать преимущественно количественное распредѣленіе въ организмѣ различныхъ тканей (мышечной, нервной, соединительной, костной, эпителіальной, жировой и т. д.), преобладаніе какой-нибудь одной изъ нихъ надъ всѣми остальными. Такъ, у однихъ людей наблюдается значительное развитіе костно-мышечной системы, у другихъ преобладаніе жировой ткани и проч. Возникающее отсюда различіе въ строеніи тѣла образуетъ то, что издавна принято называть конституціей организма. Вопросъ о тѣлесной конституціи даннаго индивидуума имѣетъ важное медицинское значеніе. Ею обусловливается предрасположеніе даннаго организма къ тѣмъ или инымъ заболѣваніямъ, съ нею приходится считаться при назначеніи извѣстной діэты или извѣстнаго способа лѣченія, ею, наконецъ, слѣдуетъ нерѣдко руководствоваться при опредѣленіи гигіеническаго режима, наиболѣе подходящаго для даннаго лица. Однако, вліяніе конституціи на душевный складъ человѣка является лишь косвеннымъ и въ общемъ довольно слабымъ; оно можетъ сказываться, напримѣръ,

тѣмъ, что человѣкъ съ хорошо развитыми мышцами является обыкновенно болѣе дѣятельнымъ, человѣкъ тучный, съ сильно развитымъ подкожнымъ жировымъ слоемъ, отличается обыкновенно вялостью и малоподвижностью и т. д. Желающихъ ближе ознакомиться съ этими вопросами мы можемъ отослать къ книгѣ д-ра Виреніуса (3).

Гораздо важнѣе для насъ другая сторона въ жизнедѣятельности организма, именно сторона функціональная. Для опредѣленія темперамента человѣка важно не то, какія ткани преобладаютъ въ немъ количественно, а то, какимъ образомъ функціонируютъ эти ткани, насколько живо и энергично совершается ихъ дѣятельность и не замѣчается ли въ ней какихъ-нибудь качественныхъ особенностей и уклоненій. И мы увидимъ, что новѣйшія попытки построить теорію темпераментовъ исходятъ не столько изъ анатомическихъ, сколько изъ чисто функціональныхъ особенностей въ жизни и дѣятельности различныхъ организмовъ.

По мѣрѣ развитія физіологіи все болѣе выяснялась связь, существующая между душевной дѣятельностью и функціями центральной нервной системы, въ особенности головного мозга. Изъ всѣхъ тканей, входящихъ въ составъ человѣческаго тѣла, нервная ткань, повидимому, ближе всего связана съ тѣми душевными особенностями, которыми характеризуются различные темпераменты. Поэтому интересъ авторовъ, изучавшихъ темпераменты съ физіологической ихъ стороны, сосредоточился мало по малу преимущественно на центральной нервной системѣ и ея особенностяхъ у разныхъ людей.

Врисбергъ видитъ главную основу темперамента въ величинѣ мозга и толщинѣ нервовъ. Люди холерическаго или холерико-сангвиническаго темперамента обладаютъ, по мнѣнію этого автора, большимъ мозгомъ и толстыми, крѣпкими нервами, что обусловливаетъ собою большую чувствительность какъ во всемъ тѣлѣ, такъ и въ органахъ чувствъ, легкость воспріятія, силу сужденія, а также наклонность къ боли и гнѣву. Наоборотъ, малая величина мозга и тонкость нервовъ, наблюдающіяся у флегматиковъ и флегматико-меланхоликовъ, обусловливаютъ собою тупость ощущеній, малоподвижность и неспособность къ наукамъ. Нечего и говорить что эта старинная теорія, хотя отчасти и перешедшая въ разговорную рѣчь („у него толстые, какъ веревки, нервы“), тѣмъ не менѣе не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія современныхъ научныхъ понятій о нервной системѣ и ея отправленіяхъ.

Извѣстный анатомъ Генле (1) предложилъ и довольно обстоятельно разработалъ свою собственную теорію темпераментовъ

основанную на современномъ ученіи о такъ называемомъ „тонусѣ“ мышечной и нервной системы. Наши мышцы и нервы, какъ чувствительные, такъ и двигательные, никогда не находятся въ состояніи полнаго покоя. Примѣромъ могутъ служить жевательныя мышцы, поддерживающія нижнюю челюсть и совершенно разслабляющіяся только въ состояніи очень глубокаго сна или чрезвычайнаго изумленія; далѣе, мышцы, служащія для замыканія рта и другихъ отверстій тѣла и т. д. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ находится, повидимому, въ состояніи полнаго покоя, мышцы эти получаютъ отъ соотвѣтствующихъ нервныхъ центровъ (черезъ посредство двигательныхъ нервовъ) безпрестанные, хотя бы и очень слабые, импульсы, поддерживающіе ихъ въ состояніи постояннаго сокращенія. То же слѣдуетъ сказать и о чувствительныхъ нервахъ и нервныхъ центрахъ. Даже въ состояніи разсѣянности, когда человѣкъ, повидимому, совершенно не видитъ и не слышитъ, что дѣлается вокругъ него, окружающія впечатлѣнія тѣмъ не менѣе, воспринимаются имъ; они только не достаточно сильны для того, чтобы достигнуть порога сознанія. Доказательствомъ служатъ тѣ факты, когда изъ цѣлаго ряда слуховыхъ, зрительныхъ и другихъ раздраженій, хотя и сильныхъ, но мало интересныхъ и потому почти не замѣчаемыхъ нами, вдругъ выдѣлится одно впечатлѣніе, слабое по степени, но совпадающее съ нашими мыслями и потому остановившее на себѣ наше вниманіе. Спящая мать можетъ проспать пожарную тревогу и проснуться отъ слабаго шороха ея ребенка, лежащаго въ колыбели. Вотъ эта-то безсознательная работа двигательныхъ и чувствительныхъ нервовъ и нервныхъ центровъ, этотъ никогда не прекращающійся тонусъ нервной системы достигаетъ, по мнѣнію Генле, у разныхъ людей весьма различной степени. Чѣмъ сильнѣе тонусъ, тѣмъ легче возбуждается данный человѣкъ, тѣмъ меньшее прибавочное раздраженіе требуется для того, чтобы вызвать въ немъ соотвѣтствующія ощущенія, чувства или дѣйствія. Слабая степень тонуса, свойственная флегматикамъ, обусловливаетъ собою общую вялость ихъ движеній, слабость мимики, медленность походки и т. д. Благодаря вялости мышечныхъ сокращеній у нихъ наблюдается обильная эксудація питательныхъ жидкостей въ ткани тѣла и значительное отложеніе жира. Чтобы расшевелить ихъ чувства, требуются сильные и долго дѣйствующіе раздражители. Сангвиники и холерики отличаются одинаково легкой возбудимостью; но въ то время, какъ у первыхъ возбужденіе остываетъ такъ же быстро, какъ и возникло, холерики, по мнѣнію Генле, отличаются длительностью нервнаго возбужденія, отъ чего зависитъ постоянство и глубина ихъ чув-

ствованій и настойчивость ихъ поступковъ. Наконецъ, меланхолическій темпераментъ характеризуется несоотвѣтствіемъ между сильными, глубокими чувствами съ одной стороны и мало развитой наклонностью къ дѣятельности — съ другой.

Въ недавнее время французскій философъ Фулье (4) сдѣлалъ попытку построить теорію темпераментовъ, исходя изъ ученія объ обмѣнѣ веществъ въ организмѣ. Въ основу дѣленія темпераментовъ онъ кладетъ отношеніе, существующее между распаденіемъ (désintegration) и возстановленіемъ (intégration) различныхъ тканей тѣла, въ особенности центральной нервной системы. Какъ сила, такъ и быстрота обоихъ этихъ процессовъ значительно варіируется у разныхъ людей; то, что Генле называетъ тонусомъ нервной системы, сходится, по мнѣнію Фулье, именно къ большей или меньшей напряженности процессовъ распаденія и возстановленія, происходящихъ въ нервной ткани. Кромѣ того, въ однихъ случаяхъ преобладаетъ процессъ возстановленія, въ другихъ — процессъ распаденія. Всѣ чувствительные процессы сопровождаются, по мнѣнію Фулье, возстановленіемъ тканей организма, тогда какъ дѣятельность, болѣе или менѣе энергичная, всегда сопровождается распаденіемъ этихъ послѣднихъ. Что касается силы и быстроты обмѣна веществъ, то оба эти качества не всегда идутъ параллельно. Въ области движеній быстрота будто-бы всегда идетъ рука объ руку съ силой: чѣмъ сильнѣе импульсъ, тѣмъ сильнѣе онъ разряжается; въ области же чувствованій наблюдается обратное отношеніе, такъ какъ медленность чувствительныхъ процессовъ всегда способствуетъ ихъ большей глубинѣ и сознательности. Всѣ эти соображенія позволяютъ Фулье установить слѣдующую классификацію темпераментовъ. Сангвинический (живая и подвижная чувствительность): преобладаніе возстановленія, избытокъ питанія, быстрая, но слабая и непродолжительная реакція. Нервный или меланхолическій (глубокая и страстная чувствительность): преобладаніе возстановленія, недостаточное питаніе, медленная, но сильная и продолжительная реакція. Желчный или холерическій (страстная дѣятельность): быстрое и сильное распаденіе тканей. Флегматическій (дѣятельно-холодный): медленное и слабое распаденіе тканей.

Не вдаваясь въ подробную критику этой теоріи, въ общемъ довольно стройной и законченной, я укажу лишь на то, что нельзя всецѣло пріурочивать возстановленіе нервнаго вещества къ процессамъ чувствительнымъ, а распаденіе его—къ процессамъ дѣятельнымъ. Всякое интенсивное душевное переживаніе сопровождается усиленнымъ распаденіемъ нервной ткани, а отдыхъ—ея возстанов-

леніемъ. Поэтому такое рѣзкое раздѣленіе, которое проводитъ Фулье, едва ли можно признать вполнѣ справедливымъ.

Мы прослѣдили теперь вкратцѣ весь ходъ развитія ученія о темпераментахъ съ ихъ физіологической стороны. Вы видите, что прогрессъ этого ученія состоялъ, главнымъ образомъ, въ постепенномъ совершенствованіи теорій темпераментовъ, въ приближеніи ихъ къ современному состоянію нашихъ физіологическихъ познаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ авторовъ, писавшихъ о темпераментахъ, постепенно сосредоточивался преимущественно на нервной системѣ, этомъ главномъ сѣдалищѣ всѣхъ процессовъ, относящихся къ нашей душевной жизни.

По мѣрѣ развитія ученія о темпераментахъ къ первоначальной, почти исключительно физіологической, характеристикѣ отдѣльныхъ темпераментовъ начали прибавлять различныя психологическія черты. Мало по малу психологическая характеристика темпераментовъ такъ разрослась, что стали даже различать темпераментъ физіологическій отъ темперамента психологическаго.

Первымъ, кто съ полной опредѣленностью выставилъ чисто психологическіе критеріи для классификаціи темпераментовъ, былъ Кантъ. Въ своей „Антропологіи“ (5) онъ указываетъ на то, что главными психологическими основами различія темпераментовъ должны служить: во первыхъ, преобладаніе чувства или дѣятельности, во вторыхъ—подъемъ или ослабленіе жизненной силы. Правда, наряду съ этимъ Кантъ употребляетъ также и старинные термины: легкокровный, тяжелокровный, теплокровный и хладнокровный, однако тутъ же добавляетъ, что „эти выраженія, заимствованныя изъ свойствъ крови, представляются только по аналогіи игры чувствъ и желанія съ тѣлесными движущими причинами (изъ которыхъ кровь есть самая главная)“.

Приведемъ вкратцѣ характеристики темпераментовъ, данныя Кантомъ. I. Темпераменты чувства. А) Сангвиническій. Это человѣкъ беззаботный и легкомысленный, онъ не держитъ своего слова, такъ какъ недостаточно обдумываетъ даваемыя имъ обѣщанія. Добрый товарищъ, шутникъ и весельчакъ, не любитъ серьезнаго дѣла и ничему не придаетъ большого значенія. Не золъ и легко раскаивается въ своихъ проступкахъ, но скоро забываетъ свое раскаяніе. В) Меланхолическій. Глубоко думаетъ и чувствуетъ. Озабоченъ, недовѣрчивъ и полонъ сомнѣній, не легко даетъ обѣщаніе, такъ какъ опасается, что не сможетъ сдержать его. Мало воспріимчивъ къ веселому настроенію духа. II. Темпераменты дѣятельности. С) Холерическій. Горячъ, вспыхиваетъ быстро, какъ солома, но скоро остываетъ. Въ немъ нѣтъ выдержки. Господствующая страсть—

честолюбіе, которое заставляетъ его охотно браться за общественныя дѣла. Онъ любитъ похвалы, блескъ и помпу формальностей, всевозможныя церемоніи и охотно имѣетъ при себѣ какого-нибудь льстеца. Холерическій темпераментъ самый несчастный изъ всѣхъ ибо онъ больше всѣхъ другихъ возбуждаетъ противъ себя противодѣйствіе. D) Флегматическій темпераментъ характеризуется способностью „не легко и не быстро приходить въ движеніе, но поднимаясь медленно, идти настойчиво и долго". Онъ не легко приходитъ въ гнѣвъ; въ своихъ поступкахъ онъ исходитъ изъ принциповъ и въ обыкновенной жизни его часто называютъ философомъ. Благодаря своей обдуманной, непреклонной волѣ онъ умѣетъ постепенно настроить окружающихъ на свой собственный ладъ. Въ религіи флегматикъ бываетъ обыкновенно индифферентистомъ, тогда какъ холерикъ—ортодоксальнымъ, сангвиникъ—свободомыслящимъ, а меланхоликъ мечтателемъ. Эти четыре темперамента встрѣчаются въ жизни, по мнѣнію Канта, только въ чистомъ видѣ, такъ какъ смѣшиваясь они должны были бы взаимно нейтрализоваться или противодѣйствовать другъ другу.

Данныя Кантомъ описанія темпераментовъ были въ общемъ приняты всѣми дальнѣйшими изслѣдователями, которые иногда развивали ихъ, дополняя различными болѣе или менѣе сложными душевными особенностями. Особенно подробное описаніе четырехъ темпераментовъ встрѣчаемъ мы у Гельвига. [1]) Надо сказать, впрочемъ, что мнѣніе Канта объ отсутствіи смѣшанныхъ темпераментовъ совершенно не нашло себѣ сторонниковъ. Большинство авторовъ указываетъ, наоборотъ, на то, что чистые темпераменты встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Характерна въ этомъ отношеніи выдержка, приводимая Генле изъ одного медицинскаго словаря: извѣстный полководецъ Блюхеръ обладалъ флегматическимъ темпераментомъ, вмѣстѣ съ примѣсью холерическаго, замѣтной наклонностью къ сангвиническому, а въ годы угнетенія отечества (1806—1813)—и меланхолическимъ.

Но если характеристики четырехъ темпераментовъ, даваемыя различными авторами, въ общихъ чертахъ между собой согласуются, то нельзя сказать того же по вопросу о томъ, какія душевныя качества слѣдуетъ класть въ основу дѣленія темпераментовъ. Кантъ выдвигаетъ на первый планъ преобладаніе чувства или дѣйствія, но другіе авторы съ этимъ не согласны. Такъ, Вундтъ (6) кладетъ въ основу дѣленія чисто формальныя особенности душевной жизни, именно, силу и быстроту чувствованій и влеченій. Бла-

[1]) Объ этомъ см. у Виреніуса, (3).

годаря различнымъ ихъ сочетаніямъ получается слѣдующая классификація: быстрота и сила—холерическій темпераментъ, быстрота и слабость—сангвинический, медленность и сила—меланхолическій, медленность и слабость — флегматическій. Преобладаніе чувства или дѣйствія, а также какого-либо одного настроенія Вундтъ считаетъ явленіемъ вторичнымъ, вытекающимъ изъ того или иного сочетанія только что упомянутыхъ основныхъ признаковъ.

Въ противоположность этому нѣкоторые авторы (напр. Зеландъ) (7) считаютъ настроеніе основнымъ факторомъ въ образованіи темперамента. Различіе темпераментовъ, по мнѣнію Зеланда, зависитъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ особенностей въ строеніи и функціяхъ нервныхъ центровъ, которыя, не доходя до сознанія, производятъ мрачное или веселое расположеніе духа. Сообразно съ этимъ онъ считаетъ главными основными темпераментами положительный или здоровый и отрицательный или болѣзненный. Но кромѣ преобладанія того или иного настроенія, имѣетъ значеніе также степень и постоянство его. Поэтому отрицательный темпераментъ подраздѣляется на меланхолическій, нервный (болѣзненная измѣнчивость настроенія) и холерическій; положительный же содержитъ три группы: средній, веселый и флегматическій. Лучшимъ изъ темпераментовъ Зеландъ считаетъ ясный (sereine), который соединяетъ выгоды веселаго и флегматическаго.

Гефдингъ (8), принимающій въ качествѣ основы дѣленія всѣ три признака: настроеніе, силу и быстроту чувствованій, насчитываетъ цѣлыхъ 8 основныхъ темпераментовъ.

Теперь, когда мы закончили обзоръ ученія о темпераментахъ, какъ со стороны физіологической, такъ и со стороны психологической, остается задать себѣ вопросъ: насколько оправдывается это ученіе современнымъ состояніемъ нашихъ знаній? Слѣдуетъ ли по прежнему противополагать характеру человѣка его темпераментъ, какъ отдѣльную болѣе или менѣе обособленную часть его личности, или же въ настоящее время мы уже не имѣемъ достаточно данныхъ для такого обособленія и должны согласиться съ Бэномъ, называющимъ темпераменты „ненужной традиціей старой и нелѣпой выдумки"? (10).

Намъ кажется, что ученіе о темпераментахъ въ настоящее время дѣйствительно уже отжило свой вѣкъ. Прогрессъ этого ученія съ его физіологической стороны заключался, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ въ томъ, что на первый планъ постепенно выдвигалась центральная нервная система съ различными особенностями въ ея отправленіяхъ. Но такъ какъ процессы, совершающіеся въ центральной нервной системѣ (въ частности—въ

головномъ мозгу), сопровождаютъ собой всѣ вообще наши душевныя переживанія, то въ этомъ отношеніи темпераментъ ничѣмъ не отличается отъ характера. Можно было бы, пожалуй, сказать, что ученіе о темпераментахъ должно разсматривать тѣ душевныя качества, которыя по преимуществу связаны съ различными физіологическими особенностями организма. Однако, современная научная психологія, стоящая на точкѣ зрѣнія полнаго параллелизма между физическими и душевными явленіями, едва ли можетъ съ этимъ согласиться: всѣ безъ исключенія душевныя качества и наклонности должны имѣть свое отраженіе въ особенностяхъ головного мозга и въ этомъ отношеніи свойства темперамента не составляютъ никакого исключенія.

Что касается психологической стороны вопроса, то по мѣрѣ развитія ученія о темпераментахъ къ описанію ихъ прибавлялось все большее и большее количество психологическихъ признаковъ, иногда очень сложныхъ и имѣющихъ лишь весьма отдаленное отношеніе къ основнымъ критеріямъ дѣленія (силѣ и быстротѣ чувствованій, преобладающему настроенію и др.). Достаточно прочесть любую сколько-нибудь подробную характеристику темпераментовъ (напр. Канта, Фулье, Гельвига и др.), чтобы убѣдиться въ этомъ. Характеристики эти въ общихъ чертахъ, повидимому, согласуются между собой, и это обстоятельство указываетъ на то, что такого рода типы, хотя, быть можетъ, и не столь рѣзко выраженные, встрѣчаются въ жизни довольно часто. Но типы эти, иногда весьма сложные, по своей сущности ничѣмъ не отличаются отъ другого рода типовъ, которыхъ намъ придется касаться при описаніи различныхъ характеровъ, и нѣтъ никакого основанія выдѣлять ихъ въ особую группу. Ученіе о темпераментахъ должно въ настоящее время совершенно слиться съ ученіемъ о характерахъ, передавши въ его распоряженіе весь свой богатый и разнообразный фактическій матеріалъ.

ГЛАВА II.

Историческій очеркъ ученія о характерахъ [1]).

Ученіе о характерахъ въ собственномъ смыслѣ слова разрабатывалось вначалѣ независимо отъ ученія о темпераментахъ и явилось первоначально результатомъ стремленія описать наиболѣе

[1]). Довольно подробныя данныя по этому вопросу можно найти у Siebeck'a (9) и Бэна (10).

распространенные въ обществѣ типы. Едва ли не первую по времени попытку классификаціи характеровъ мы находимъ у Платона, воззрѣнія котораго на этотъ вопросъ были тѣсно связаны съ его философскимъ ученіемъ объ отношеніи души къ тѣлу. По мнѣнію Платона въ человѣческой душѣ надо различать двѣ стороны: одну, болѣе возвышенную, происходящую изъ міра идей, гдѣ она существовала до соединенія съ тѣломъ, и другую—болѣе низменную, являющуюся результатомъ воплощенія идеальной части души и умирающую вмѣстѣ съ тѣломъ. Вторая половина души въ свою очередь дѣлится на двѣ части. Такимъ образомъ, Платонъ дѣлитъ всю душевную жизнь человѣка на три части. Изъ нихъ первая (сверхчувственнаго происхожденія) является чистымъ познаніемъ и помѣщается въ головѣ. Вторая, болѣе благородная половина низменной части души, представляетъ собой источникъ мужества или честолюбія и локализируется въ груди. Наконецъ, третья, самая низменная часть души, помѣщается въ печени и является источникомъ всякаго рода вожделѣній. Въ зависимости отъ этого подраздѣленія, въ которомъ ясно преобладаетъ этическая точка зрѣнія, Платонъ и строитъ свою характерологію. Всѣ человѣческіе характеры, по Платону, складываются изъ этихъ трехъ сторонъ душевной жизни, а индивидуальныя особенности зависятъ отъ преобладанія той или другой части души. Исходя изъ этого положенія, Платонъ устанавливаетъ нѣсколько разнообразныхъ типовъ. Первый изъ нихъ, который Платонъ считаетъ нормальнымъ, характеризуется преобладаніемъ высшей стороны души, т. е., хорошо развитой познавательной способностью. Второй характеръ — тимократическій — отличается сильнымъ развитіемъ честолюбія и наклонности къ борьбѣ. Этотъ характеръ тоже не лишенъ благородства, хотя подъ старость онъ обыкновенно ослабѣваетъ, и тогда характерной чертой его является скупость. Третій типъ — олигархическій — отличается скупостью, стяжательностью; однако и въ немъ Платонъ указываетъ нѣкоторыя хорошія стороны, а именно: бережливость и сдержанность.

За этими характерами слѣдуютъ еще два, болѣе низменныхъ: демократическій, характерной чертой котораго является нравственная неустойчивость и стремленіе къ постоянной смѣнѣ чувственныхъ наслажденій, и тиранический, въ которомъ преобладаютъ самыя низшія, животныя влеченія.

Послѣ Платона въ древне-греческой литературѣ вопросомъ о характерахъ подробно занимался Теофрастъ, ученикъ Аристотеля. Теофрастъ написалъ цѣлое сочиненіе по этому вопросу, но въ сущности не далъ въ немъ настоящей классификаціи характеровъ.

Все его сочиненіе представляетъ рядъ описаній типовъ, наиболѣе распространенныхъ въ тогдашнемъ аѳинскомъ обществѣ и выработавшихся подъ вліяніемъ особенностей соціальнаго строя. Вотъ какого рода типы и свойства душевной жизни отмѣчаетъ и описываетъ Теофрастъ: 1) Притворство—ироническая насмѣшливость, притворщикъ; 2) лесть—льстецъ; 3) скучный разсказчикъ; 4) грубость и вульгарность; 5) заискиваніе—человѣкъ, заискивающій у всѣхъ; 6) безстыдство—человѣкъ безцеремонный въ поступкахъ и рѣчахъ; 7) болтливость—болтунъ; 8) сплетничаніе—сплетникъ; 9) безчестность—человѣкъ, нечестно добывающій барыши; 10) скупость—скупецъ; 11) небрежность къ другимъ; 12) безтактность—человѣкъ, не соображающій своихъ поступковъ съ обстоятельствами минуты; 13) щепетильность—человѣкъ претенціозный и мелочной; 14) глупость; 15) невѣжливость; 16) суевѣріе; 17) задорливость—человѣкъ задорный; 18) недовѣріе—человѣкъ подозрительный; 19) человѣкъ неопрятный; 20) докучливость—человѣкъ надоѣдливый; 21) пустота—человѣкъ, придающій значеніе пустякамъ; 22) скряжничество; 23) хвастовство; 24) наглость; 25) трусость; 26) олигархическая спѣсь и презрѣніе къ народу; 27) ребячество въ старыхъ годахъ; 28) злословіе—клеветникъ; 29) участіе и симпатія къ преступникамъ; 30) нечестность на расплату и плутовство въ торговлѣ.

Уже изъ приведеннаго перечня можно видѣть, насколько несовершенными съ точки зрѣнія современнаго намъ психологическаго анализа являются всѣ эти подраздѣленія. Какъ классификація характеровъ, произведеніе Теофраста въ высшей степени слабо и неполно. Такъ, напр., изъ интеллектуальныхъ свойствъ (какъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу Бэнъ) въ перечень вошла только глупость; нѣкоторыя моральныя качества взяты, наоборотъ, по два раза (скупость—скряжничество и др.).

Описанія каждаго изъ названныхъ тридцати типовъ, даваемыя Теофрастомъ, составлены очень живо и интересно, но какъ по своей формѣ, такъ и по своему содержанію совершенно не отвѣчаютъ научнымъ требованіямъ. Въ нихъ нѣтъ полноты, объективности, строгой и систематической послѣдовательности изложенія. Но за то, благодаря своимъ литературнымъ достоинствамъ, они производятъ очень яркое и жизненное впечатлѣніе.

Трактатъ Теофраста долгое время считался классическимъ произведеніемъ по вопросу о характерахъ. Онъ оказалъ вліяніе не только на писателей древности, но и на болѣе позднихъ авторовъ, въ особенности на моралистовъ XVII в., дававшихъ подобно Теофрасту описанія современнаго общества. Таково, напримѣръ, произ-

веденіе Ла-Брюйера (переводчика Теофраста), представляющее изъ себя не столько трактатъ о характерахъ, сколько рядъ сатирическихъ очерковъ въ обличительномъ духѣ. Для иллюстраціи мы приведемъ здѣсь небольшую выдержку изъ сочиненія Ла-Брюйера.

„Люди обыкновенно говорятъ о себѣ такъ, будто у нихъ только малые недостатки, да развѣ еще тѣ, которые предполагаютъ уже замѣчательныя дарованія и качества. Такъ, они жалуются на недостатокъ памяти, утѣшаясь тѣмъ, что у нихъ сильное чувство и хорошій разсудокъ; они мирятся съ упрекомъ въ разсѣянности и мечтательности, какъ будто этимъ у нихъ предполагается возвышенный умъ; говорятъ о себѣ, что они не ловки и ничего не могутъ сдѣлать своими руками, утѣшаясь за то своимъ умомъ и тѣми дарованіями души, которыхъ у нихъ никто не оспариваетъ; признаются, что тратятъ въ праздности время,— но это доказываетъ ихъ безкорыстіе и отсутствіе честолюбія; они не краснѣютъ за свою неопрятность,—вѣдь это равнодушіе къ мелочамъ, но оно показываетъ, однако, что они заняты важными и серьезными дѣлами".

Первой попыткой классификаціи характеровъ съ научной цѣлью слѣдуетъ считать перечень основныхъ душевныхъ свойствъ, составленный создателемъ френологіи Галлемъ и его послѣдователями (Шпурцгеймомъ и др.) (11). Галль жилъ въ первой половинѣ XIX в., и къ этому именно времени Бэнъ считаетъ возможнымъ отнести возникновеніе науки о характерахъ въ строгомъ смыслѣ слова.

При своемъ появленіи френологія произвела огромную сенсацію и очень быстро стала одной изъ самыхъ популярныхъ теорій. Ею увлекались такіе серьезные мыслители, какъ К. Марксъ, О. Контъ, и послѣдній даже предлагалъ замѣнить ею психологію въ системѣ наукъ. Контъ, какъ извѣстно, относился отрицательно къ психологіи, основанной на самонаблюденіи, находя, что ея выводы недостаточно обоснованы, а методъ изслѣдованія неточенъ. Френологія казалась ему болѣе точной наукой, такъ какъ устанавливала свои положенія не на основаніи самонаблюденія, а при помощи изученія объективныхъ фактовъ. Однако, это увлеченіе френологіей было непродолжительно и исчезло такъ же быстро, какъ возникло. Френологія была забыта. Большинство современныхъ психологовъ склонно смотрѣть на нее, какъ на одну изъ самыхъ неудачныхъ попытокъ примѣнить метафизическое ученіе о „способностяхъ" къ изслѣдованію психофизіологичоской природы человѣка.

Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что френологія внесла коечто новое и цѣнное въ науку о характерахъ. Главнѣйшей ея за-

слугой въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать то, что она выдвинула связь психическихъ процессовъ съ функціями мозга и указала на возможность локализаціи нѣкоторыхъ душевныхъ функцій въ опредѣленныхъ частяхъ головного мозга. Правда, мысль о связи душевныхъ явленій съ отправленіями мозга высказывалась и раньше физіологами, но френологи подчеркнули эту идею и подтвердили фактами. Такъ, напримѣръ, Галль указывалъ на зависимость между размѣрами мозга и развитіемъ умственныхъ способностей. Онъ утверждалъ, что если черепъ человѣка меньше 13 дюймовъ въ окружности, то мы неизбѣжно имѣемъ передъ собой идіота. Далѣе, послѣдователи этой теоріи обратили вниманіе на значеніе мимики, указали на врожденность нѣкоторыхъ свойствъ характера, дали перечень основныхъ душевныхъ способностей и установили критерій для опредѣленія этихъ основныхъ психическихъ процессовъ. Критеріи эти сводятся къ слѣдующему: 1) основною способностью надо считать ту, которая существуетъ у одного животнаго, но отсутствуетъ у другого; 2) ту, которая видоизмѣняется сообразно съ поломъ; 3) ту, которая развита не соразмѣрно съ другими и 4) ту, которая независимо отъ другихъ свойствъ индивидуума можетъ передаваться потомству.

Исходя изъ этихъ положеній, Галль насчитываетъ 27 основныхъ способностей души. Каждая изъ нихъ локализируется въ опредѣленной части мозга, которая является такимъ образомъ органомъ именно этой способности. Части мозга неодинаково развиты у разныхъ людей, вслѣдствіе чего у однихъ будутъ преобладать одни психическія свойства, у другихъ—другія. Неравномѣрное развитіе мозга отражается на строеніи черепа такимъ образомъ, что хорошо развитымъ частямъ мозга всегда соотвѣтствуетъ выпуклость на черепѣ. Изучивъ черепъ человѣка и зная, какія способности локализируются въ данной части мозга, мы поэтому уже безъ труда можемъ установить, какими свойствами характера отличается данное лицо.

Въ этой теоріи намъ дается 27 элементарныхъ психическихъ способностей, изъ которыхъ слагается человѣческій характеръ, а также даются діагностическіе признаки для ихъ распознаванія въ видѣ различныхъ особенностей строенія черепа. Если бы ученіе Галля оказалось правильнымъ, то мы имѣли бы первую дѣйствительно научную теорію характера. На самомъ дѣлѣ, однако, получилось нѣчто совершенно иное.

Прежде всего очень неудачнымъ надо признать перечень основныхъ душевныхъ процессовъ, составленный Галлемъ и принятый его послѣдователями.

Вотъ этотъ перечень: 1) инстинктъ размноженія; 2) любовь къ потомству; 3) привязанность, дружба; 4) наклонность къ борьбѣ и самозащитѣ; 5) разрушительный инстинктъ; 6) хитрость; 7) алчность, воровство; 8) гордость, высокомѣріе; 9) тщеславіе; 10) осмотрительность, дальновидность; 11) память вещей и фактовъ; 12) память мѣстностей и пространственныхъ отношеній; 13) память на лица; 14) память на слова и имена; 15) рѣчь; 16) чувствительность къ цвѣтамъ, художественный талантъ; 17) чувствительность къ тонамъ, музыкальный талантъ; 18) ариѳметическая способность, счетъ; 19) способность къ механикѣ, архитектурѣ; 20) проницательность; 21) способность къ метафизикѣ; 22) остроуміе; 23) поэтическій талантъ; 24) доброта, состраданіе; 25) подражательная способность, мимика; 26) религіозность; 27) твердость, постоянство.

Нетрудно убѣдиться, что перечень этотъ страдаетъ коренными недостатками. Возьмемъ для примѣра любовь къ потомству, которую Галль считаетъ основнымъ и элементарнымъ качествомъ. При ближайшемъ анализѣ оказывается, что это душевное явленіе весьма сложно и по своему составу не всегда однородно. Его нельзя считать только смутнымъ инстинктомъ, но оно предполагаетъ участіе многихъ элементовъ, какъ эмоціальнаго, такъ и интеллектуальнаго характера. Несомнѣнно, что въ любви къ потомству значительную роль играетъ привлекательная наружность дѣтей, сознаніе ихъ безпомощности, вызывающее въ насъ жалость, цѣлый рядъ пріятныхъ осязательныхъ ощущеній, испытываемыхъ, напр., матерью, ласкающей ребенка и т. д. То же самое можно сказать и относительно свойствъ, отнесенныхъ френологами въ другія рубрики; многія изъ нихъ очень сложны и разнородны по своему составу, такъ что если разложить ихъ на составныя части, то онѣ распадутся на нѣсколько болѣе элементарныхъ свойствъ, которыя могутъ быть распредѣлены по разнымъ рубрикамъ.

Но наиболѣе слабымъ пунктомъ френологіи является ея локализація душевныхъ способностей, совершенно не совпадающая съ тѣми фактами, которые установлены на основаніи данныхъ современной науки. Если мы сравнимъ ученіе френологовъ о локализаціи различныхъ способностей съ тѣмъ, что по этому вопросу даетъ современная физіологія мозговой коры, то увидимъ, что въ ихъ гипотезѣ вѣренъ только самый фактъ локализаціи душевныхъ способностей. Распредѣленіе же ихъ въ мозгу въ томъ видѣ, какъ это установили френологи—совершенно фантастично, что ясно видно изъ сравненія двухъ таблицъ: схемы Галля и современной схемы локализаціи мозговыхъ функцій. Это обу-

словлено двумя причинами: во первыхъ, Галль и его послѣдователи основывали свою локализацію не на изученіи самого мозга и его функцій, а на изученіи бюстовъ, при чемъ руководствовались заранѣе предвзятыми предпосылками. Зная, напримѣръ, что данное лицо, бюстъ котораго изслѣдовался, обладало тѣми или иными качествами, они искали извѣстныхъ выпуклостей на его черепѣ и если находили ихъ, то считали, что это подтверждаетъ ихъ гипотезу. Между тѣмъ, въ настоящее время выяснилось, что форма черепа и даже величина головы еще не даютъ намъ права дѣлать выводы относительно развитія умственныхъ способностей. Мозгъ человѣка окруженъ тремя оболочками: твердой, мягкой и сосудистой, которая находится между двумя первыми. Въ тѣхъ случаяхъ, когда сосудистая оболочка переполнена лимфой, голова человѣка можетъ достигать огромныхъ размѣровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такое накопленіе лимфы ведетъ къ идіотизму. Что же касается выпуклостей на черепѣ, то онѣ могутъ зависѣть не отъ большаго или меньшаго развитія той или другой части мозга, а отъ полостей въ черепныхъ костяхъ, которыя бываютъ неодинаковы у разныхъ людей. Такимъ образомъ заключенія на основаніи этихъ признаковъ часто могутъ оказаться ошибочными.

Далѣе, френологи, игнорируя данныя самонаблюденія и выводы современной имъ психологіи, брали въ основаніе слишкомъ сложные душевные цроцессы и пріурочивали ихъ къ опредѣленнымъ, ограниченнымъ участкамъ мозга. Между тѣмъ, если мы обратимся къ современному ученію о функціяхъ мозга, то увидимъ совершенно другую локализацію психическихъ явленій.

Весь большой мозгъ дѣлится на два полушарія, изъ которыхъ каждое въ свою очередь распадается на четыре доли: лобную, височную, теменную и затылочную. Каждая изъ этихъ долей содержитъ нѣсколько центровъ, завѣдующихъ тѣми или другими функціями психической жизни. Такъ, напримѣръ, въ верхней височной извилинѣ находится слуховой центръ, въ затылочной долѣ помѣщается зрительный центръ; въ лобной извилинѣ лѣваго полушарія находится центръ Брока, завѣдующій движеніями органовъ рѣчи и т. д. Поврежденіе какого-нибудь иъ этихъ центровъ ведетъ къ нарушенію соотвѣтствующихъ психическихъ отправленій. Такъ, напримѣръ, поврежденіе центра Брока влечетъ за собой утрату способности произносить слова (двигательная афазія), при сохраненіи способности понимать чужую рѣчь. Мы видимъ, что тѣ душевные процессы, которые локализируются въ опредѣленныхъ частяхъ мозга, чрезвычайно элементарны сравнительно съ основными способностями френологовъ. Поэтому, если мы

возьмемъ одну изъ этихъ способностей, хотя бы способность къ музыкѣ, которую френологи считали основнымъ свойствомъ душевной жизни, то при болѣе тщательномъ анализѣ окажется, что проявленія этой способности всякій разъ слагаются изъ цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ психическихъ элементовъ (зрительныя, слуховыя и моторныя ощущенія, простыя и сложныя чувствованія и т. д.) и, слѣдовательно, должны локализироваться одновременно въ самыхъ различныхъ участкахъ мозговой коры.

Конечно, всѣ эти недостатки френологіи не могли остаться незамѣченными. И дѣйствительно, вскорѣ эта теорія подверглась сильнѣйшимъ нападкамъ, главнымъ образомъ, со стороны психологовъ, указавшихъ на коренной ея недостатокъ — отсутствіе данныхъ самонаблюденія и недостаточно глубокій анализъ душевныхъ процессовъ. Въ противоположность этому критики френологіи естественно должны были выдвинуть на первый планъ значеніе самонаблюденія для характерологіи. И дѣйствительно, Бэнъ, исходя изъ критики френологіи, построилъ свою классификацію характеровъ на основаніи выводовъ современной ему научной психологіи, главнымъ методомъ которой былъ методъ самонаблюденія. Въ настоящее время классификація Бэна (10) совершенно не можетъ удовлетворить насъ, но тѣмъ не менѣе она представляетъ собой первую попытку изученія характеровъ, основанную дѣйствительно на точномъ и детальномъ анализѣ важнѣйшихъ психическихъ проявленій.

Въ основу своей классификаціи Бэнъ кладетъ тройное дѣленіе психической жизни на явленія воли, чувства и интеллекта. Волевые акты характеризуются проявленіемъ мимовольной или естественной энергіи, которая является источникомъ всей нашей дѣятельности. Подъ мимовольной энергіей Бэнъ подразумѣваетъ извѣстное накопленіе силъ, побуждающее насъ къ дѣятельности, независимо отъ какой-либо цѣли. Такая энергія сказывается, напримѣръ, въ потягиваніи послѣ сна; это движеніе, совершенно безцѣльное на первый взглядъ, имѣетъ то значеніе, что даетъ исходъ накопившемуся во время отдыха запасу силъ. Бэнъ указываетъ, что существуютъ люди, въ которыхъ замѣчается постоянное преобладаніе такой энергіи. Понятно, что это будутъ люди дѣятельные и подвижные Бэнъ приводитъ въ примѣръ нѣсколькихъ историческихъ дѣятелей, въ характерѣ которыхъ преобладала такая мимовольная энергія. Большею частью это были великіе завоеватели, въ родѣ Наполеона и Александра Македонскаго.

Впрочемъ, мимовольная энергія, по мнѣнію Бэна, въ той или другой степени наблюдается у всѣхъ людей. Направленіе же

ея и даже сила въ значительной степени зависитъ отъ тѣхъ эмоцій, которыя привычны для даннаго лица, а также и отъ особенностей его интеллекта. Далѣе Бэнъ даетъ описаніе отдѣльныхъ эмоцій, которыя такъ или иначе опредѣляютъ характеръ дѣятельности человѣка. Къ такимъ эмоціямъ онъ относитъ: удовольствіе, порождаемое мускульной дѣятельностью, половую любовь, органическую чувствительность, внѣшнія чувства, изумленіе, ужасъ, робость, смѣлость, привязанность, эгоизмъ, властолюбіе, гнѣвъ, любопытство, симпатію, эстетическія эмоціи. Значительное развитіе одного или нѣсколькихъ изъ этихъ чувствованій можетъ опредѣлить собой характеръ даннаго человѣка. Не менѣе характерными являются также и нѣкоторыя чисто интеллектуальныя особенности: способность различенія въ сферѣ различныхъ органовъ чувствъ, способность отождествленія. Наконецъ, существуютъ, по мнѣнію Бэна, также нѣкоторыя явленія, составляющія какъ бы переходъ отъ эмоціональныхъ процессовъ къ интеллектуальнымъ и содержащія въ себѣ элементы какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Сюда относятся такія качества, какъ интеллектъ практическаго склада (благоразуміе), интеллектуальный элементъ альтруизма (симпатія) и др. Въ заключеніе разсматриваются нѣкоторыя спеціальныя свойства интеллекта, а также важнѣйшія психическія условія, ведущія къ образованію таланта и генія.

Такимъ образомъ, Бэнъ даетъ намъ, въ сущности говоря, не столько классификацію характеровъ, сколько подробный анализъ тѣхъ важнѣйшихъ психическихъ особенностей, которыми отдѣльные люди отличаются другъ отъ друга, а также тѣ комбинаціи этихъ особенностей, которыя чаще другихъ встрѣчаются въ окружающей жизни.

ГЛАВА III.

Обзоръ современныхъ классификацій характеровъ.

Ближайшею цѣлью систематическаго изученія индивидуальныхъ характеровъ является, какъ мы увидимъ ниже, составленіе естественной и общепринятой классификаціи, которая, съ одной стороны, давала бы возможность причислить любое изучаемое лицо къ извѣстной, опредѣленной группѣ, а съ другой стороны — представляла бы достаточный исходный пунктъ для дальнѣйшаго изученія людскихъ разновидностей. При разборѣ матеріаловъ, собранныхъ путемъ систематическихъ наблюденій надъ

отдѣльными лицами, часто приходится жалѣть объ отсутствіи хотя бы такой классификаціи, какой обладаетъ, напримѣръ, клиническая медицина. Установивши у наблюдаемаго больного нѣсколько характерныхъ симптомовъ какой-нибудь болѣзни, врачъ заранѣе можетъ сказать, какіе другіе признаки бываютъ обыкновенно съ ними связаны, и, благодаря этому, сразу получаетъ возможность отнести данную болѣзнь къ извѣстной, вполнѣ опредѣленной группѣ. Несомнѣнно, что и въ душевной жизни человѣка есть такія стороны или проявленія, которыя неизбѣжно связаны съ другими, вполнѣ опредѣленными проявленіями, и составляютъ вмѣстѣ съ ними особыя характерныя группы неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ душевныхъ свойствъ. Если бы намъ удались установить цѣлый рядъ подобныхъ естественныхъ группъ, то этимъ былъ бы сдѣланъ большой шагъ къ установленію такой же естественной классификаціи, какою обладаетъ клиническая медицина.

Къ сожалѣнію, несмотря на обиліе имѣющихся уже классификацій, наука наша еще далека отъ осуществленія этой задачи. Классификація Теофраста, представляющая собой, какъ мы видѣли, только перечень нѣкоторыхъ особенностей характера, создающихся подъ вліяніемъ соціальныхъ условій, очень долго сохраняла свое значеніе, такъ какъ позднѣйшіе авторы, до самаго послѣдняго времени, сдѣлали, сравнительно съ нимъ, немного для установленія болѣе научной группировки. Не далѣе какъ двадцать лѣтъ тому назадъ появилась въ печати книга д-ра Азама (12), посвященная вопросу о характерахъ, въ которой дана классификація характеровъ, немногимъ отличающаяся отъ обыденно-житейскаго подраздѣленія. Такъ, Азамъ дѣлитъ всѣ характеры на хорошіе, дурные и такіе, которые могутъ быть хорошими или дурными, въ зависимости отъ обстоятельствъ. Подъ хорошими характерами онъ подразумѣваетъ характеры мягкіе, живые, пылкіе, скромные, обладающіе чувствомъ собственнаго достоинства и т. д. Дурные, по его мнѣнію, дѣлятся на ревнивые, завистливые, злые, лицемѣрные, эгоистичные и т. д. Характеры, которые могутъ быть и хорошими, и дурными, смотря по обстоятельствамъ, суть: серьезные, апатичные, холодные, сосредоточенные и пр. Мы видимъ, что это только перечень различныхъ душевныхъ свойствъ, оцѣниваемыхъ авторомъ съ моральной точки зрѣнія и не имѣющій значенія научной классификаціи.

Болѣе научный характеръ носитъ классификація Бернарда Перэ (13), который кладетъ въ основу своего дѣленія особенности двигательной сферы. Съ этой точки зрѣнія всѣ люди могутъ

быть раздѣлены на подвижныхъ, мало-подвижныхъ и страстныхъ (пылкихъ), которые отличаются интенсивностью движеній. Эти основныя свойства движеній могутъ различнымъ образомъ комбинироваться, образуя характеры страстные-подвижные, страстные мало-подвижные, уравновѣшенные и т. д. По мнѣнію Перэ, этими свойствами опредѣляется все разнообразіе человѣческихъ характеровъ и подъ указанные признаки можно подвести всѣ остальныя душевныя особенности.

Теорія Перэ встрѣтила справедливыя возраженія. Дѣйствительно, вывести всѣ свойства характера изъ болѣе или менѣе обильныхъ и интенсивныхъ движеній возможно развѣ только съ большими натяжками. Движеніе есть явленіе внѣшнее, и его быстрота и сила не представляютъ собой еще показателей быстроты и интенсивности внутреннихъ психическихъ процессовъ, совокупность которыхъ и составляетъ характеръ человѣка. Движенія ничего не говорятъ намъ и о качественной сторонѣ душевной жизни, о свойствахъ памяти даннаго лица, о содержаніи его чувствованій и т. д. Такимъ образомъ признаки, взятые въ основу классификаціи Перэ, не настолько существенны, чтобы, опираясь на нихъ, можно было распредѣлить характеры по твердо установленнымъ группамъ. Описанія отдѣльныхъ характеровъ, которыя Перэ даетъ въ своемъ сочиненіи, очень художественны и типичны. Авторъ отличается тонкой наблюдательностью и передаетъ наблюдаемыя явленія въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ воспринималъ, благодаря чему получается рядъ весьма близкихъ къ жизни портретовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, характеристики его страдаютъ слабостью психологическаго анализа, которая отразилась и на его классификаціи. Давая очень живые портреты отдѣльныхъ лицъ, Перэ насильственно втискиваетъ ихъ въ рамки своей искусственной группировки.

Такими же самыми достоинствами и недостатками отличается на нашъ взглядъ классификація Лесгафта, изложенная въ его извѣстномъ сочиненіи „Семейное воспитаніе ребенка“ (2). Задачей тѣхъ главъ, которыя посвящены данному предмету, является собственно выясненіе того вліянія, которое оказываетъ семья на образованіе типовъ, наиболѣе распространенныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Но то, что Лесгафтъ называетъ школьными типами, такъ близко подходитъ къ нашему опредѣленію характера, что его типы можно разсматривать какъ классификацію дѣтскихъ характеровъ. Всѣ школьные типы Лесгафтъ дѣлитъ на шесть группъ: типъ лицемѣрный, честолюбивый, добродушный, злостно-забитый, мягко-забитый и угнетенный.

Первый изъ этихъ типовъ, какъ показываетъ самое названіе, отличается лживостью и хитростью. Дѣти этого рода обыкновенно заискиваютъ у воспитателей и учителей, очень покорны и старательны съ внѣшней стороны. Этимъ свойствамъ характера соотвѣтствуетъ обыкновенно низкая степень умственнаго развитія, отсутствіе настоящаго интереса къ предметамъ обученія и умственная лѣнь, прикрываемая часто притворною слабостью здоровья. Такіе типы, по мнѣнію Лесгафта, вырабатываются въ семьяхъ, гдѣ на дѣтей обращаютъ мало вниманія, допуская ихъ присутствовать при всякаго рода сценахъ и разговорахъ, и гдѣ взрослые, окружающіе дѣтей, относятся другъ къ другу неискренно и лицемѣрно.

Дѣти честолюбиваго типа вырабатываются въ семьяхъ, гдѣ принято постоянно восхищаться дѣтьми, стараясь внушить имъ желаніе первенствовать, или же, наоборотъ, явно предпочитаютъ одного ребенка другому и возбуждаютъ въ послѣднемъ чувство соревнованія. Честолюбивыя дѣти учатся для отмѣтокъ и похвалъ и отличаются въ то же время отсутствіемъ интереса къ самимъ занятіямъ. Благодаря этому, они усваиваютъ учебные предметы главнымъ образомъ съ внѣшней стороны, на память и лишены настоящей иниціативы. Всякая неудача сильно ихъ обезкураживаетъ, а порицаніе—оскорбляетъ и дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ.

Добродушный характеръ связанъ съ хорошо развитою разсудочной дѣятельностью, внимательностью, интересомъ къ занятіямъ. Такія дѣти наиболѣе способны къ самостоятельному труду. Они вырастаютъ подъ вліяніемъ спокойной и разумной домашней обстановки, гдѣ любящіе люди относятся съ вниманіемъ къ нуждамъ и запросамъ ребенка, но не балуютъ и не изнѣживаютъ его.

Типы злостно –и мягко-забитый тоже образуются подъ вліяніемъ семьи. Первый изъ нихъ отличается озлобленностью, злорадствомъ, равнодушіемъ къ требованіямъ и порицаніямъ окружающихъ и стремленіемъ поступать наперекоръ этимъ требованіямъ. Дѣти съ такимъ характеромъ обладаютъ иногда и хорошими свойствами: нѣкоторой добротой, сочувствіемъ къ лицамъ своего типа и т. п. Озлобленность ихъ происходитъ отъ несправедливаго и придирчиваго отношенія окружающихъ, отъ чрезмѣрной строгости въ семейномъ воспитаніи.

Мягко-забитыя или заласканныя дѣти создаются въ семьяхъ, гдѣ къ ребенку относятся съ преувеличенной заботливостью, предупреждаютъ каждый его шагъ, не допуская никакого самостоятельнаго проявленія со стороны ребенка. Вслѣдствіе такого постоян-

наго дрожанія надъ нимъ, онъ становится боязливымъ, инертнымъ и лишеннымъ всякой иниціативы существомъ.

Наконецъ, у дѣтей угнетеннаго типа главными характерными чертами являются скромность, непритязательность и трудолюбіе. Угнетенный типъ представляетъ собой результатъ такой семейной обстановки, въ которой господствуетъ матеріальная нужда, не препятствующая, однако же, взаимной привязанности членовъ семьи. Въ такихъ семьяхъ дѣти, хотя и пользуются любовью окружающихъ, но рано предоставляются самимъ себѣ, такъ какъ взрослые не имѣютъ возможности посвящать ребенку много времени. Ребенокъ, рано ознакомившись съ нуждой, угнетающимъ образомъ дѣйствующей на его душу, вырастаетъ, несмотря на это, любящимъ, кроткимъ и благодарнымъ существомъ, такъ какъ любовь, которую онъ видитъ со стороны родителей, не допускаетъ его до озлобленія.

Изъ этого краткаго изложенія видно, что Лесгафтъ даетъ въ своихъ школьныхъ типахъ рядъ чисто эмпирическихъ описаній. Настоящей классификаціи здѣсь, собственно говоря, нѣтъ, такъ какъ не указано признаковъ, которые могли бы служить исходнымъ пунктомъ для дѣленія. Характеристики Лесгафта живо и наглядно показываютъ намъ, какъ семья можетъ вліять на выработку различныхъ характеровъ, причемъ описываемые типы выбраны болѣе или менѣе произвольно. Самыя описанія очень ярки и правдивы, но страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ, какъ и портреты Перэ—слабостью психологическаго анализа. Тѣ черты характера, которыя приняты Лесгафтомъ за основныя при описаніи каждаго типа, не связаны органически со всѣми другими свойствами даннаго типа и не опредѣляютъ собою всего характера, какимъ онъ является въ описаніи. Въ силу этого характеристики Лесгафта не могутъ быть разсматриваемы, какъ классификація въ строгомъ смыслѣ слова, а являются только очень живыми, но чисто внѣшними описаніями нѣкоторыхъ типовъ, какіе онъ наблюдалъ въ школьной практикѣ.

Мы видимъ, что составленіе естественной классификаціи характеровъ, которая, съ одной стороны, охватывала бы всю сложность человѣческаго характера, какимъ онъ наблюдается въ жизни, а съ другой—давала бы возможность распредѣлить по группамъ эти сложные характеры, представляется дѣломъ далеко не легкимъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые психологи, какъ напримѣръ Штернъ (14), совершенно отрицаютъ возможность составленія такой классификаціи при современномъ состояніи знаній. Штернъ полагаетъ, что вся задача психологіи индивидуальныхъ

различій (такъ онъ называетъ характерологію) сводится только къ разбору и анализу отдѣльныхъ сторонъ личности. Хотя съ этимъ крайнимъ взглядомъ и нельзя вполнѣ согласиться, но все же приходится признать, что внимательное изученіе отдѣльныхъ сторонъ характера является въ настоящее время дѣломъ крайне важнымъ.

Именно эта сторона вопроса выдвинута и подробно разработана въ интересной и важной классификаціи Полана (15). По мнѣнію этого автора, вся наша душевная жизнь состоитъ изъ ряда стремленій, которыя, комбинируясь другъ съ другомъ и воздѣйствуя другъ на друга, образуютъ всю сложность человѣческой личности. Исходя изъ этого взгляда, Поланъ находитъ возможнымъ установить двѣ точки зрѣнія на характеръ, разсматривая его со стороны формальной и со стороны его содержанія. Что же слѣдуетъ понимать подъ формальной стороной характера? Поланъ указываетъ, что наши стремленія комбинируются между собой по строго опредѣленнымъ законамъ, которые и опредѣляютъ собою строеніе нашего характера. Стремленія отдѣльныхъ лицъ могутъ быть болѣе или менѣе согласованы, одни изъ нихъ могутъ преобладать надъ другими, всѣ они могутъ отличаться большей или меньшей подвижностью, широтой, гибкостью или устойчивостью. Всѣ эти особенности относятся всецѣло къ формальной сторонѣ характера и ничего еще не говорятъ о содержаніи самихъ стремленій, указывая только на способъ ихъ сочетанія и проявленія.

Но каковы же тѣ законы, которые, по мнѣнію Полана, опредѣляютъ взаимоотношеніе отдѣльныхъ стремленій? Поланъ насчитываетъ ихъ нѣсколько и главное мѣсто среди нихъ отводитъ законамъ систематической ассоціаціи и систематической задержки. Законъ систематической ассоціаціи состоитъ въ томъ, что отдѣльные элементы душевной жизни обладаютъ способностью вызывать къ дѣятельности другіе элементы, находящіеся съ ними въ той или иной зависимости. Законъ систематической задержки заключается въ способности однихъ стремленій подавлять другія, прямо противоположныя. Кромѣ этихъ двухъ важнѣйшихъ законовъ, формальной стороной характера управляютъ еще законы ассоціаціи по противоположности, смежности и сходству. Дѣйствіе этихъ законовъ даетъ намъ первую серію законченныхъ сложныхъ типовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы сейчасъ и перейдемъ.

Прежде всего тутъ слѣдуетъ отмѣтить такъ называемыя уравновѣшенныя натуры, главнымъ свойствомъ которыхъ явля-

ется гармоническое взаимоотношеніе стремленій, изъ которыхъ ни одно не доминируетъ надъ другими. Такіе характеры образуются благодаря дѣйствію систематической ассоціаціи, достигающей у нихъ наивысшаго развитія. Уравновѣшеннымъ характеромъ обладаютъ часто люди совершенно заурядные, не имѣющіе ни сильнаго чувства, ни опредѣленнаго интереса. Но и среди выдающихся личностей можно найти такія гармоническія натуры, примѣрами которыхъ могутъ служить Гете и Леонардо-да-Винчи.

Большое внѣшнее сходство съ уравновѣшенными характерами представляютъ цѣльныя личности. Онѣ тоже обладаютъ гармоніей стремленій, и эта гармонія тоже создается подъ вліяніемъ закона систематической ассоціаціи. Различіе отъ уравновѣшенныхъ натуръ заключается въ томъ, что въ нихъ одно какое-нибудь стремленіе совершенно подчиняетъ себѣ всѣ остальныя, приводя такимъ образомъ къ своеобразной гармоніи. Къ этого рода типамъ можно отнести религіозныхъ фанатиковъ, вродѣ Савонароллы, ученыхъ, убившихъ въ себѣ всѣ интересы, кромѣ научныхъ, какъ Дарвина, и т. д.

Законъ систематической задержки тоже можетъ способствовать выработкѣ особыхъ формальныхъ характеровъ. Такъ, напримѣръ, личности благоразумныя, владѣющія собой, создаются благодаря преобладанію систематической задержки. У такихъ людей стремленія находятся въ постоянной взаимной борьбѣ, но, благодаря умѣнію ихъ подавлять нѣкоторыя душевныя движенія, характеръ этихъ лицъ пріобрѣтаетъ извѣстную гармоничность и приближается къ разсмотрѣннымъ уже типамъ.

Но борьба наклонностей можетъ привести и къ дисгармоніи характера. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда главную роль въ образованіи характера играетъ не законъ систематической ассоціаціи или задержки, а законъ ассоціаціи по контрасту. Такіе люди всегда безпокойны, склонны къ противорѣчію и постоянному самоанализу. Кромѣ этихъ типовъ, Поланъ указываетъ еще на нѣкоторыя особенности характера, стоящія въ связи съ сильнымъ развитіемъ ассоціацій по смежности или сходству.

Всѣ перечисленные типы принадлежатъ къ числу формальныхъ характеровъ, такъ какъ ихъ особенности зависятъ не отъ содержанія стремленій, входящихъ въ составъ ихъ душевной жизни, а отъ способа ихъ сочетанія и проявленія. Но кромѣ этого, Поланъ принимаетъ во вниманіе и слѣдующимъ образомъ классифицируетъ конкретную сторону человѣческой личности, характеры по качеству образующихъ ихъ стремленій.

- Стремленія, касающіяся человѣческаго существованія.
  - органическія
    - 1) отдѣльнаго индивида
      - потребность въ пищѣ,
      - „ „ утоленіи жажды,
      - „ „ дыханіи,
      - „ „ упражненіи мускуловъ,
    - 2) рода — половая любовь,
  - духовныя
    - чувственныя
      - пристрастіе къ вкусовымъ ощущеніямъ (лакомство),
      - пристрастіе къ запахамъ,
      - пристрастіе къ цвѣтамъ и формамъ (живопись, скульптура),
      - пристрастіе къ звукамъ (музыка, поэзія),
    - сердечныя — пристрастіе къ эмоціямъ,
    - умственныя
      - „ „ наукамъ,
      - „ „ литературѣ,
      - „ „ философіи.

- Стремленія, касающіяся отдѣльныхъ индивидовъ.
  - Эгоистичныя,
    - Эгоизмъ,
    - честолюбіе,
    - самолюбіе, спѣсь, тщеславіе, гордость,
  - альтруистичныя,
    - симпатія,
    - состраданіе,
- Стремленія общественныя.
  - пристрастіе къ соціальнымъ группамъ,
    - кружковщина,
    - семейныя наклонности,
    - патріотизмъ,
  - пристрастіе къ соціальнымъ формамъ,
    - политическія страсти,
    - соціальныя страсти,
- Стремленія сверхобщественныя.
  - религіозныя страсти,
    - любовь къ Богу,
    - мистицизмъ,
  - философскія и эстетическія страсти.
    - любовь къ совершенству,
    - любовь къ истинѣ, красотѣ, нравственности, умствен., эстет. и нравствен. мистицизмъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что классификація Полана представляетъ собою не столько группировку важнѣйшихъ характеровъ, во всей ихъ полнотѣ и сложности, сколько перечень важнѣйшихъ качествъ и особенностей, относящихся къ формальной сторонѣ душевной жизни и къ содержанію чувствованій. Наблюдая любого человѣка, мы можемъ, правда, подвести одно какое-нибудь его качество подъ ту или иную изъ установленныхъ Поланомъ рубрикъ; но вмѣстить въ эту рубрику всего

человѣка или даже важнѣйшія его черты мы никогда не въ состояніи. При всей правдивости и жизненности изображаемыхъ авторомъ типичныхъ чертъ характера, отсутствуетъ дальнѣйшая группировка этихъ чертъ, описаніе ихъ взаимоотношеній и комбинацій, образующихъ сложные типы и цѣльные, законченные человѣческіе характеры.

Въ нѣкоторой близости къ дѣленію Полана стоитъ классификація Лосскаго (16), находящаяся въ зависимости отъ его волюнтаристическаго взгляда на психическую жизнь. Это воззрѣніе сводится къ тому, что основнымъ первичнымъ свойствомъ душевной дѣятельности Лосскій считаетъ волю, характеризующуюся особымъ чувствомъ активности, благодаря которому все переживаемое нами окрашивается въ большей или меньшей степени чувствомъ нашего „я“. Когда мы воспринимаемъ, напримѣръ какоенибудь внѣшнее впечатлѣніе, то ясно сознаемъ при этомъ, что качество, наблюдаемое нами въ предметѣ, дано намъ извнѣ. Психическія переживанія этого рода наиболѣе объективны и независимы отъ нашего „я“. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ психическомъ актѣ есть нѣкоторый субъективный элементъ въ видѣ усилія, которое мы должны потратить на воспріятіе, а слѣдовательно есть и участіе нашего „я“. Гораздо значительнѣе это участіе въ такихъ случаяхъ, когда мы испытываемъ борьбу противоположныхъ желаній. Такъ напримѣръ, пьяница, чувствующій потребность выпить и стремящійся подавить въ себѣ это желаніе, приводящій себѣ всевозможные доводы, которые должны бы были парализовать эту потребность, совершаетъ уже значительныя усилія. Часто случается, что искушеніе оказывается слишкомъ сильнымъ, и тогда нѣчто, тоже данное извнѣ, хотя и имѣющее уже болѣе тѣсное отношеніе къ его „я“, толкаетъ человѣка къ неодобряемому имъ самимъ поступку. Все же весь этотъ психическій процессъ заключаетъ въ себѣ уже значительное участіе его собственнаго „я“. Если данному лицу удается побороть свое стремленіе, то такой исходъ борьбы изъ всѣхъ разобранныхъ случаевъ обнаруживаетъ наиболѣе сильное участіе „я“ во всемъ процессѣ.

Эта-то различная роль „я“ въ психической дѣятельности человѣка и лежитъ въ основѣ тройного дѣленія характеровъ, устанавливаемаго Лосскимъ. Онъ дѣлитъ всѣхъ людей на типы: чувственный, эгоцентрическій и сверхличный. У людей перваго типа преобладаютъ низшія, чувственныя влеченія, подавляющія въ нихъ всѣ болѣе высокія стремленія. Они всецѣло находятся подъ вліяніемъ животной природы, и стремленія, данныя извнѣ

играютъ главную роль въ ихъ душевной жизни. Такіе люди какъ бы еще не доросли духовно для того, чтобы ихъ „я“ могло окрасить собой весь ихъ внутренній міръ.

У лицъ эгоцентрическаго типа, наоборотъ, „я“ вполнѣ сформировано и даетъ окраску всѣмъ ихъ стремленіямъ, поступкамъ и чувствамъ. „Я“ господствуетъ у нихъ въ сознаніи, и они стремятся широко проявить его въ своей дѣятельности. Многіе выдающіеся общественные дѣятели, дѣльцы-практики, крупные коммерсанты принадлежатъ именно къ этому типу людей.

Люди, относящіеся къ третьей категоріи, отличаются преобладаніемъ высшихъ, сверхличныхъ стремленій. Эти стремленія, такъ же какъ и у первой группы, являются какъ бы данными извнѣ, но источникъ ихъ находится не въ физическихъ потребностяхъ организма, а въ факторахъ высшаго порядка, какъ-то: высшихъ, религіозныхъ, научныхъ и эстетическихъ запросахъ. Такіе люди дѣйствуютъ какъ бы не отъ себя, а отъ лица высшей воли, которую они признаютъ руководительницей своихъ поступковъ. Къ этой категоріи лицъ принадлежатъ подвижники, ученые, посвятившіе свою жизнь разработкѣ научныхъ вопросовъ, а также нѣкоторые общественные дѣятели, отличающіеся особеннымъ безкорыстіемъ.

Разумѣется, рѣзкой границы между этими группами нельзя провести, такъ какъ существуютъ промежуточные типы, представляющіе собой переходъ отъ одной категоріи къ другой. На это указываетъ и самъ авторъ. Намъ кажется, однако, что возможно также и смѣшеніе въ одномъ лицѣ чертъ, присущихъ самой высшей и самой низшей изъ группъ. Примѣромъ можетъ служить Мармеладовъ („Преступленіе и Наказаніе“), погрязшій въ пьянствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранившій въ себѣ стремленіе къ высшему идеалу, часто недоступному для людей эгоцентрическаго типа.

До сихъ поръ мы касались только такихъ классификацій, которыя имѣютъ индуктивный характеръ, т. е., представляютъ собой обобщенія фактовъ, наблюдаемыхъ въ дѣйствительной жизни. Такъ, Перэ и Лесгафтъ даютъ рядъ реальныхъ, выхваченныхъ изъ жизни портретовъ. Штернъ и Поланъ предлагаютъ перечни нѣкоторыхъ, наиболѣе распространенныхъ въ жизни свойствъ характера, при помощи комбинаціи которыхъ стараются установить болѣе сложные типы. Но наряду съ этимъ можно указать на классификаціи другого рода, которыя, въ отличіе отъ разобранныхъ нами, можно назвать дедуктивными. Отправнымъ пунктомъ при составленіи дедуктивныхъ классификацій служатъ

не реальныя наблюденія, а общія психологическія предпосылки. Одной изъ самыхъ типичныхъ въ этомъ отношеніи является классификація Фулье (4), которую вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать въ высшей степени искусственной. Въ основу дѣленія Фулье кладетъ три основныя стороны душевной жизни: умъ, чувство и волю, полагая, что различное развитіе этихъ способностей составляетъ коренную особенность каждаго характера. Въ зависимости отъ этого положенія Фулье дѣлитъ всѣ характеры на три большія группы: характеры интеллектуальные, эмоціональные и волевые. Дальнѣйшее подраздѣленіе продолжается въ томъ же духѣ: Фулье беретъ основныя особенности каждой изъ этихъ сторонъ душевной жизни и пользуется ими для установленія новыхъ, болѣе дробныхъ категорій. Такъ, напримѣръ, умственныя способности могутъ быть различнаго характера: мышленіе человѣка можетъ быть конкректнымъ или абстрактнымъ, интуитивнымъ или дискурсивнымъ. Фулье именно такъ и подраздѣляетъ интеллектуальные характеры. Но, обладая особеннымъ развитіемъ одной какой-нибудь изъ этихъ главныхъ сторонъ душевной жизни, каждый человѣкъ обладаетъ еще въ большей или меньшей мѣрѣ и другими двумя основными способностями. Этотъ фактъ даетъ для Фулье основаніе для новаго дѣленія характеровъ. Умственные типы онъ дѣлитъ на такіе, у которыхъ сильно развито чувство и слаба воля, и такіе, которые отличаются сильной волей и слабымъ чувствомъ. Такое дѣленіе онъ распространяетъ и на остальныя главныя категоріи характеровъ.

Изъ этого изложенія видно, что разбираемая классификація составлена чисто механически и, въ сущности, ничего не даетъ для наблюдателя, желающаго изучать дѣйствительность во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Кромѣ того, категоріи, установленныя Фулье, иногда ничѣмъ почти не отличаются одна отъ другой. Такъ, напримѣръ, какая разница существуетъ между интеллектуальнымъ типомъ съ сильнымъ чувствомъ и слабой волей и эмоціональнымъ типомъ съ высоко развитымъ интеллектомъ и такой же слабой волей? Элементы, входящіе въ составъ характеровъ, въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же, во взаимоотношеніи ихъ тоже нельзя указать никакой разницы. Какой же смыслъ относить эти характеры къ разнымъ группамъ?

Но, несмотря на многіе ея недостатки, классификація Фулье обладаетъ и положительными сторонами. Такъ, напримѣръ, въ ней подчеркнуто значеніе умственныхъ процессовъ для образованія характера. Фулье не безъ основанія указываетъ на то, что умственное развитіе часто опредѣляетъ дѣятельность человѣка,

который имѣетъ способность руководствоваться въ своей жизни и чисто интеллектуальными соображеніями. Въ видѣ примѣра Фулье приводитъ Канта и Гельмгольца, которые несомнѣнно представляли собой крупные индивидуальные характеры и особенность которыхъ заключалась, главнымъ образомъ, въ высокомъ умственномъ развитіи.

Гораздо большее значеніе, на нашъ взглядъ, имѣетъ классификація Рибо (17), которая является наиболѣе интересной изъ всѣхъ вообще современныхъ попытокъ классификаціи характеровъ, соединяя въ себѣ жизненность со строгостью естественно-научнаго метода дѣленія.

Рибо стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что характеръ въ собственномъ смыслѣ слова опредѣляется большимъ или меньшимъ развитіемъ чувства и воли. Умственная дѣятельность, по мнѣнію Рибо, не имѣетъ въ этомъ отношеніи существеннаго значенія; поэтому людей съ громаднымъ преобладаніемъ интеллектуальной стороны душевной жизни онъ не считаетъ характерами въ строгомъ значеніи слова. Кромѣ того, для истиннаго характера требуются еще два условія: единство и устойчивость. Подъ единствомъ личности Рибо подразумѣваетъ направленіе всѣхъ стремленій человѣка къ какой-нибудь общей цѣли, что даетъ возможность всегда опредѣлить, чего хочетъ данное лицо, а также вывести эти желанія изъ его личности. Устойчивость есть то же единство, только проявляемое на протяженіи болѣе продолжительнаго времени. Эти свойства присущи далеко не всѣмъ людямъ. Вслѣдствіе этого Рибо исключаетъ изъ числа характеровъ двѣ большія группы людей, а именно—аморфныхъ и неустойчивыхъ. Подъ аморфными Рибо понимаетъ такихъ лицъ, которыя не обладаютъ никакимъ ясно выраженнымъ характеромъ. Это—мягкія натуры, вполнѣ зависящія отъ всякихъ случайныхъ вліяній и не могущія оказать никакого противодѣйствія средѣ. Такіе люди въ каждый данный моментъ имѣютъ извѣстныя желанія и мнѣнія, но эти мнѣнія не принадлежатъ имъ самимъ, не вытекаютъ изъ ихъ личности, а всегда случайны и наносны. Неустойчивые люди отличаются постоянной смѣной настроеній, иногда даже противорѣчащихъ вліянію среды, но благодаря измѣнчивости этихъ настроеній никогда нельзя съ увѣренностью опредѣлить, чего именно они желаютъ, ни, тѣмъ болѣе, предвидѣть, чего они могутъ пожелать при такихъ-то обстоятельствахъ.

Исключивъ изъ своей классификаціи два описанные типа людей, Рибо распредѣляетъ остальные характеры, пользуясь пріемами, принятыми въ естественно-научныхъ дѣленіяхъ. Въ осно-

ваніе онъ беретъ одинъ общій признакъ и устанавливаетъ при помощи его главныя группы или роды. Дальнѣйшее дѣленіе на виды или подгруппы производится на основаніе болѣе частныхъ признаковъ, составляющихъ особенности характеровъ, входящихъ въ составъ большихъ группъ. Такъ какъ Рибо считаетъ, что наиболѣе существеннымъ въ характерѣ является большее или меньшее развитіе чувства и воли, то эти признаки онъ беретъ за исходный пунктъ для своей классификаціи. Основываясь на этомъ, онъ устанавливаетъ три большія группы характеровъ: чувствительные, активные и апатичные.

Интеллектуальный элементъ, хотя и менѣе существенный для образованія характера, вноситъ, однако, особые оттѣнки въ характеры, входящіе въ составъ этихъ трехъ группъ. Поэтому большая или меньшая степень умственнаго развитія можетъ служить основаніемъ для болѣе дробнаго дѣленія. Пользуясь этимъ признакомъ, Рибо дѣлитъ чувствительные характеры на три слѣдующія подгруппы: кроткіе, созерцательные и эмоціональные.

Первые изъ нихъ, при сильно развитомъ чувствѣ, отличаются слабыми умственными способностями и слабой волей. Благодаря этому, они являются людьми въ высшей степени пассивными и въ жизни всегда играютъ второстепенную роль.

Люди созерцательнаго типа соединяютъ сильное развитіе чувства и ума съ слабой волей. Послѣднее обстоятельство является причиной, по которой они тоже не играютъ выдающейся роли въ обществѣ. Этотъ типъ отличается обыкновенно живымъ воображеніемъ въ связи съ нерѣшительностью характера, парализующей дѣятельность этихъ людей. Яркимъ представителемъ такого типа является Гамлетъ, а также нѣкоторые мистики, но не тѣ изъ нихъ, которые были создателями новыхъ религій, такъ какъ для послѣдняго требуется большая воля.

Эмоціональные характеры, на ряду съ сильнымъ развитіемъ чувства и интеллекта, обладаютъ и хорошо развитой волей. Но волевая дѣятельность отличается у нихъ порывистостью и неравномѣрностью. Многіе художники и музыканты относятся къ этому типу людей. Они могутъ работать очень интенсивно, но дѣятельность ихъ проявляется какъ-бы вспышками и смѣняется полосами совершеннаго бездѣйствія.

Характеры активные, составляющіе вторую большую группу, отличаются особеннымъ развитіемъ воли. Они по преимуществу дѣятельны. Но и тутъ различная степень умственныхъ способностей, отражаясь на характерѣ дѣятельности, ведетъ къ образова-

нію подгруппъ. Въ этой категоріи характеровъ надо различать людей посредственно-активныхъ, которые, не обладая высокимъ умомъ и серьезными интересами, посвящаютъ всю свою жизнь повседневному, будничному труду. Къ этому же типу принадлежатъ и спортсмены, а также нѣкоторые путешественники, совершающіе свои поѣздки изъ любопытства и любзи къ приключеніямъ.

Сильная воля въ связи съ большимъ умственнымъ развитіемъ даетъ типъ великихъ дѣятелей. Всѣ путешественники, оставившіе слѣдъ въ исторіи, какъ Кортецъ, Пизарро и др., принадлежали именно къ этому типу. У нихъ потребность въ движеніи соединялась съ сильнымъ умомъ, благодаря чему дѣятельность ихъ вылилась въ такія грандіозныя формы.

Люди апатичнаго характера имѣютъ слабую волю и слабое чувство. Малая степень умственнаго развитія даетъ при этомъ такъ называемый чисто-апатичный характеръ. Это—отрицательный типъ, такъ какъ люди съ такимъ характеромъ мало дѣятельны, неподвижны, не обладаютъ устойчивыми интересами и неспособны противодѣйствовать внѣшнему вліянію. Этотъ классъ людей не слѣдуетъ смѣшивать съ аморфнымъ типомъ, такъ какъ послѣдній имѣетъ опредѣленные интересы, проявляетъ извѣстную дѣятельность и только лишенъ иниціативы.

Кромѣ чисто-апатичнаго типа, среди апатичныхъ характеровъ можно наблюдать еще типъ разсчетливыхъ людей. У нихъ слабость чувства и воли связана съ хорошими умственными способностями, которыя опредѣляютъ ихъ дѣятельность, совершающуюся по обдуманному плану, съ методичностью машины. Къ такого рода характерамъ принадлежалъ Веньяминъ Франклинъ.

Всѣ описанные характеры соотвѣтствуютъ родамъ и видамъ естественно-научной классификаціи. Но послѣдняя различаетъ, кромѣ того, еще и разновидности, отличающіяся одна отъ другой незначительными признаками, Такія разновидности Рибо включаетъ и въ свою классификацію. Такъ, онъ отмѣчаетъ типъ чувствительно-активный, особенностью котораго является соединеніе сильнаго чувства съ огромной волей. Этотъ типъ приближается къ эмоціональному, отличаясь отъ него только непрерывнымъ характеромъ своей страстной дѣятельности. Примѣрами этого рода характеровъ являются Лютеръ, Францискъ Ассизскій, Наполеонъ и др.

Второй разновидностью по Рибо является характеръ апатично-активный. На первый взглядъ такое соединеніе можетъ показаться парадоксальнымъ. Но, допуская возможность такого типа, Рибо объясняетъ его такимъ образомъ, что у людей апатичныхъ,

могутъ по временамъ наблюдаться полосы обостренной чувствительности, смѣняемой полной апатіей.

Существованіе третьей возможной разновидности, — умѣреннаго типа — кажется Рибо сомнительнымъ и мало желательнымъ, такъ какъ такой характеръ приближался бы къ аморфному типу. Кромѣ этихъ цѣльныхъ характеровъ, Рибо допускаетъ еще существованіе частичныхъ типовъ, т. е. людей съ односторонними интересами и привычками.

Нормальнымъ характерамъ Рибо противопоставляетъ болѣзненные типы, которые характеризуются отсутствіемъ устойчивости и единства, представляющихъ собой необходимыя условія для образованія настоящаго характера.

Достоинствомъ классификаціи Рибо является ея жизненность и строгость психологическихъ принциповъ, проведенныхъ съ большою послѣдовательностью. Но на ряду съ этимъ нельзя не указать и на нѣкоторые недостатки, изъ которыхъ главнымъ является ея односторонность. Всѣ признаки, взятые въ основу дѣленія, чисто формальны, и классификація нисколько не затрагиваетъ содержанія нашей душевной жизни. Рибо тщательно избѣгаетъ вопроса о содержаніи чувствованій, и эта особенность его классификаціи не есть что-либо случайное, а стоитъ въ тѣсной связи съ его пониманіемъ характера, какъ способа чувствовать и дѣйствовать. Поэтому для него съ характерологической точки зрѣнія важенъ вопросъ о томъ, какъ человѣкъ чувствуетъ. Способъ чувствованія, по его мнѣнію, является прирожденнымъ каждому индивидууму. Что онъ чувствуетъ—есть результатъ вліянія среды и для характерологіи значенія не имѣетъ. Въ этомъ отношеніи классификація Полана имѣетъ извѣстное преимущество передъ дѣленіемъ Рибо, такъ какъ, принимая во вниманіе двѣ стороны характера (форму и содержаніе), она оказывается болѣе полной.

Вторымъ недостаткомъ классификаціи Рибо надо признать то, что онъ съ самаго начала исключаетъ изъ числа характеровъ двѣ большія группы индивидуумовъ. Аморфные и неустойчивые люди очень распространены въ жизни, и нѣтъ никакого основанія утверждать, что они лишены всякихъ характерныхъ свойствъ. Наоборотъ, самая ихъ неустойчивость и аморфность, являясь ихъ постоянными свойствами и отличая ихъ отъ другихъ людей, вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ ихъ характерные признаки.

Позднѣйшія классификаціи этого рода [а именно, Рибери (18) и Малапера (19)] представляютъ собой повтореніе и дальнѣйшее развитіе только-что разобранныхъ дедуктивныхъ классификацій. Рибери, повторяя Фулье, не даетъ, въ сущности, ни-

чего новаго. Работа Малапера представляется, на нашъ взглядъ, болѣе интересной. Портреты, которые онъ даетъ въ своей книгѣ, не такъ живы, какъ описанія Перэ и Лесгафта, но отличаются болѣе тонкимъ психологическимъ анализомъ. Кромѣ того, у Малапера мы находимъ подробный и систематическій разборъ отдѣльныхъ сторонъ личности, а также много интересныхъ замѣчаній по вопросу о научномъ изученіи и анализѣ отдѣльныхъ характеровъ.

Среднее мѣсто между индуктивными и дедуктивными классификаціями занимаетъ классификація Виреніуса (3). Особенностью воззрѣній этого автора является то, что онъ темпераментъ и характеръ сопоставляетъ съ преобладаніемъ тѣхъ или другихъ тканей въ организмѣ. Въ своей классификаціи онъ принимаетъ во вниманіе тѣлесную конституцію (тѣлосложеніе), темпераментъ, характеръ и умственныя способности, которыя онъ выдѣляетъ въ особую группу, ставя ихъ въ параллель со строго опредѣленными свойствами характера. Каждая изъ этихъ группъ въ свою очередь распадается на четыре подраздѣленія и каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ опредѣленное подраздѣленіе другихъ группъ. Въ результатѣ получается такимъ образомъ слѣдующая схема:

Тѣлосложеніе.	Темпераментъ.	Характеръ.	Умственныя способности.
Клѣтчатковое.	Флегматическій.	Индифферентный.	Память.
Эпителіальное.	Сангвинической.	Эмоціональный.	Интересъ.
Мышечное.	Холерическій.	Активный.	Вниманіе.
Нервное.	Меланхолическій.	Интеллектуальный.	Пониманіе.

Помимо классификаціи, книга д-ра Виреніуса содержитъ въ себѣ много интереснаго матеріала, въ особенности — по вопросу о тѣлосложеніи организма и о преобладаніи въ немъ той или иной ткани. Нельзя отрицать того, что тѣлосложеніе можетъ до извѣстной степени отражаться на психическомъ складѣ человѣка. Однако, тотъ строгій параллелизмъ, который авторъ пытается установить между родомъ тѣлосложенія съ одной стороны, и психическими особенностями (напр., умственными) съ другой, представляется намъ мало вѣроятнымъ. Вообще классификація страдаетъ, на нашъ взглядъ, значительной искусственностью, завися-

щей главнымъ образомъ отъ того, что авторъ всюду старается сохранить свое четырехъ-членное дѣленіе.

ГЛАВА IV.

Понятіе наклонности или душевнаго качества.

Приступая къ изложенію собственныхъ взглядовъ на характеръ и его изученіе, мы начнемъ съ точнаго опредѣленія науки о характерахъ, какъ она намъ представляется. Подробному же обоснованію и развитію отдѣльныхъ частей этого опредѣленія будетъ посвящена вся первая часть нашей книги.

Индивидуальная психологія или характерологія есть наука, изучающая душевныя особенности (наклонности), которыми отличаются люди другъ отъ друга, а также взаимныя отношенія между этими наклонностями; конечною ея цѣлью является составленіе возможно полной естественной классификаціи характеровъ.

До самаго послѣдняго времени характерологи придерживались обратнаго порядка, начиная съ древнихъ и кончая многими современными авторами; они создавали прежде всего классификаціи темпераментовъ или характеровъ, а затѣмъ уже разсматривали особенности каждой группы. Возникающее въ наши дни противоположное направленіе начинаетъ съ изученія отдѣльныхъ единицъ, человѣческихъ личностей, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ уже соединить ихъ въ группы. Но опытъ показываетъ, что необходимо повести расчлененіе еще дальше и заняться анализомъ и разсмотрѣніемъ элементовъ, составляющихъ каждую отдѣльную единицу, — „характерологическихъ элементовъ“, по выраженію одного изъ изслѣдователей (К. П. Занцевичъ). Такими элементами являются такъ наз. качества или душевныя особенности, которыми отличаются другъ отъ друга различные люди. Нѣкоторые авторы (напр., В. Штернъ, см. выше) заходятъ такъ далеко, что въ изученіи этихъ „личныхъ особенностей“ видятъ единственную возможную и плодотворную задачу для современной индивидуальной психологіи. Такъ и по нашему мнѣнію изученіе и группировка этихъ „характерологическихъ элементовъ“ или, какъ мы ихъ будемъ называть въ дальнѣйшемъ изложеніи, основныхъ наклонностей, является однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ

для индивидуальной психологіи, то мы и займемся ими прежде всего остального. Считаемъ необходимымъ тутъ же оговориться, что наши мнѣнія по данному вопросу далеко не во всѣхъ чертахъ совпадаютъ со взглядами другихъ авторовъ, тоже, впрочемъ, весьма разнорѣчивыми; въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, разногласіе это доходитъ до полной противоположности во взглядахъ. Иначе это и не можетъ быть, такъ какъ вопросъ о „характерологическихъ элементахъ“ тѣсно связанъ съ вопросомъ о значеніи и задачахъ всей индивидуальной психологіи, а между тѣмъ и здѣсь мнѣнія разныхъ авторовъ расходятся иногда самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Положимъ, что, занимаясь психометрическими изслѣдованіями, мы установили различную скорость воспріятія для разныхъ лицъ: мы говоримъ, что одни изслѣдуемые обнаруживаютъ наклонность быстрѣе воспринимать, чѣмъ другіе, или, иначе говоря, наклонность къ быстротѣ воспріятія у однихъ лицъ развита сильнѣе, чѣмъ у другихъ. Изслѣдуя память у разныхъ людей, мы убѣждаемся, что одни изъ нихъ въ теченіе долгаго времени удерживаютъ все то, что было ими однажды усвоено, тогда какъ у другихъ всякія знанія чрезвычайно быстро улетучиваются изъ головы: способность удерживанія въ памяти развита у первыхъ значительно сильнѣе, чѣмъ у вторыхъ. Одни люди обнаруживаютъ сильно развитую наклонность къ гнѣву, приходя въ неистовство по самому ничтожному поводу, у другихъ эта наклонность почти отсутствуетъ.

Уже изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что содержаніе наклонностей или душевныхъ качествъ (въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ употреблять термины наклонность, способность и качество въ совершенно одинаковомъ смыслѣ) можетъ быть самымъ разнообразнымъ: быстрота того или иного умственнаго процесса, различныя особенности памяти, воспріятія, мышленія и воображенія, преобладаніе извѣстныхъ аффектовъ, бо́льшая или меньшая сила чувствованій, болѣе или менѣе интенсивное волевое усиліе — все это можно разсматривать, какъ проявленія отдѣльныхъ наклонностей. Для этого нужно только, чтобы та или иная особенность была замѣчена нами у даннаго лица не одинъ только разъ, а повторялась бы у него неоднократно. Надѣляя человѣка той или иной наклонностью, мы, въ сущности, только высказываемъ предположеніе, что всякій разъ, какъ только обстоятельства будутъ благопріятствовать возникновенію того душевнаго процесса, о которомъ идетъ рѣчь, мы съ большой вѣроятностью можемъ ожидать, что данный процессъ возникнетъ; лица, отли-

чавшіяся быстротой воспріятія или прочностью памяти въ прежнихъ опытахъ, по всей вѣроятности обнаружатъ ту же способность и въ опытахъ послѣдующихъ; видя, какъ раздражаютъ наклоннаго къ гнѣву человѣка, мы почти навѣрное ожидаемъ, что онъ разсердится и т. д.

Кромѣ того, приведенные выше примѣры позволяютъ намъ выяснить понятіе наклонности еще и съ другой, не менѣе важной стороны: подъ этимъ именемъ слѣдуетъ понимать не весь душевный процессъ въ его цѣломъ, а лишь ту или иную его сторону. Говоря о томъ, что у извѣстнаго лица повторно наблюдались быстрота воспріятія, или прочное сохраненіе въ памяти, или сильное чувство гнѣва, мы всякій разъ имѣемъ въ виду только извѣстную, опредѣленную сторону сложнаго душевнаго процесса или состоянія. Какъ содержаніе воспріятія, такъ и сопровождавшія его чувства и дѣйствія всякій разъ могли измѣняться, оставалась неизмѣнной лишь значительная быстрота въ теченіи воспріятія. Матеріалъ, взятый для запоминанія, цѣль и условія заучиванія, пріемы его и проч. безконечно измѣнялись въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ что весь процессъ памяти, взятый въ его цѣломъ, бывалъ иной разъ необычайно сложенъ и разнообразенъ; но изъ всего этого сложнаго процесса насъ, въ данномъ случаѣ, интересовала только одна сторона, неизмѣнно повторявшаяся у даннаго лица, а именно —продолжительное сохраненіе усвоеннаго матеріала въ памяти. То же самое можно сказать и относительно гнѣва: чувство гнѣва повторялось всякій разъ, несмотря на то, что мѣнялся объектъ гнѣва, мѣнялось теченіе и напряженность самого аффекта. Такимъ образомъ, говоря о той или иной наклонности, мы имѣемъ въ виду не весь душевный процессъ въ его цѣломъ, а лишь отдѣльную, опредѣленную сторону его. Наклонность или качество не наблюдается нами, какъ обособленное явленіе душевной жизни, а является лишь продуктомъ нашего отвлеченія.

Когда начинаешь говорить о душевныхъ качествахъ или наклонностяхъ, то часто приходится слышать упрекъ въ томъ, будто всѣ эти разсужденія являются возвратомъ къ прежнему ученію о способностяхъ, уже давно отвергнутому научной психологіей. Ученіе это, господствовавшее въ психологіи XVIII столѣтія и носившее чисто метафизическій характеръ, предполагало, какъ извѣстно, что душа человѣческая, будучи сама единой недѣлимой сущностью, въ то же время обладаетъ извѣстнымъ, ограниченнымъ числомъ способностей, которыя и лежатъ въ основѣ всѣхъ нашихъ душевныхъ процессовъ. Отличительными

признаками этихъ способностей признавались ихъ простота, неизмѣнность и независимость другъ отъ друга. Онѣ могли дѣйствовать вмѣстѣ или порознь, но не могли воздѣйствовать другъ на друга. Каждая изъ нихъ представлялась самостоятельнымъ, неизмѣннымъ качествомъ души, производившимъ изъ себя самого всѣ тѣ проявленія, которыя ему приписывались.

Очевидно, современная психологія, усвоившая себѣ методы естествознанія и испытавшая на себѣ вліяніе эволюціонной теоріи, не можетъ снова становиться на подобную точку зрѣнія. Неизмѣнность душевныхъ способностей, ихъ абсолютная простота и независимость, ихъ принадлежность одной недѣлимой субстанціи —все это такія понятія, которыя совершенно не согласуются со всѣмъ направленіемъ современной научной психологіи. И если ученію о психическихъ способностяхъ суждено будетъ когда-нибудь снова возродиться, то, конечно, въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ это было у Христіана Вольфа и его послѣдователей.

Подъ наклонностью (resp. способностью, душевнымъ качествомъ) мы будемъ понимать возможность неоднократнаго повторенія у наблюдаемаго лица извѣстной стороны того или иного душевнаго процесса. Въ болѣе же узкомъ смыслѣ, терминъ этотъ можетъ означать тѣ неизвѣстныя намъ и недоступныя современному анализу субъективныя причины и условія, которыя своимъ продолжительнымъ и непрерывнымъ дѣйствіемъ обусловливаютъ подобную возможность.

Наблюдая различныхъ людей, мы замѣчаемъ, что одинъ изъ нихъ обладаетъ, напр., черезвычайно развитой способностью къ энергическому волевому усилію, другой—хорошей способностью запоминанія, третій—продолжительностью чувствованій и т. д. Много разъ приходилось намъ встрѣчаться съ этими людьми, и всякій разъ, если только обстоятельства хоть сколько-нибудь благопріятствовали этому, каждый изъ нихъ проявлялъ свои отличительныя особенности. Чѣмъ объяснить подобную стойкость, подобное постоянство проявленій? Въ отвѣтъ на это психологи предлагаютъ цѣлый рядъ различныхъ теорій, въ зависимости отъ того, о какомъ родѣ психическихъ процессовъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ. Иногда объясненіе заключается въ томъ, что одинъ родъ психическихъ процессовъ всецѣло сводится къ другому, напр., альтруистическія чувства сводятся къ эгоистическимъ, волевое вниманіе сводится къ задержкѣ движеній и т. д. Но если мы будемъ постоянно объяснять однѣ способности другими, эти въ

свою очередь еще другими и т. д., то у насъ, въ концѣ концовъ, получится кругъ, отсутствіе всякаго объясненія. Поэтому обыкновенно сводятъ все разнообразіе душевныхъ проявленій къ немногимъ основнымъ элементамъ, напр., ощущеніямъ и простѣйшимъ чувствованіямъ, активности нашего сознанія и т. д. Въ этомъ сведеніи всей нашей сложной и разнообразной душевной жизни къ одному или нѣсколькимъ элементарнымъ принципамъ справедливо видятъ конечную задачу общей, объяснительной психологіи. И какъ ни мало сдѣлано до сихъ поръ въ этомъ направленіи, но общая психологія все же никогда не покинетъ и не можетъ покинуть этой дороги.

Другое дѣло—психологія индивидуальная. Основываясь на общей психологіи, она пользуется всѣми тѣми фактическими данными, которыя доставляетъ ей эта послѣдняя. Точный и детальный психологическій анализъ при изученіи характеровъ такъ же обязателенъ, какъ и при всякихъ другихъ обще-психологическихъ изслѣдованіяхъ. Однако, анализируя какое бы то ни было душевное явленіе, мы доходимъ въ концѣ концовъ до такого момента, когда современныя средства психологическаго анализа оказываются недостаточными, когда, вмѣсто точно обоснованнаго объясненія, намъ предлагается цѣлый рядъ противорѣчивыхъ гипотезъ. Почему продолжительность и возбудимость чувствъ въ однихъ случаяхъ бываетъ больше, чѣмъ въ другихъ? Въ чемъ заключается истинная природа волевого усилія? Что лежитъ въ основѣ процесса памяти, процесса сужденія и т. д.?—На всѣ эти и многіе другіе, подобные имъ, вопросы современная психологія не можетъ дать вполнѣ опредѣленнаго, достаточно обоснованнаго и общепризнаннаго отвѣта. Тѣмъ не менѣе, многократныя наблюденія убѣждаютъ насъ въ томъ, что, при наличности извѣстныхъ условій, та или иная сторона характера даннаго лица всегда проявляется приблизительно въ одномъ и томъ же видѣ. Вотъ эти-то неизвѣстные намъ и недоступные современному психологическому анализу субъективные факторы, благодаря которымъ у наблюдаемаго лица является *предрасположеніе* къ тѣмъ или инымъ психическимъ проявленіямъ, мы и будемъ называть наклонностями или душевными качествами.

Тѣ основныя наклонности, которыя возможно установить въ настоящее время, конечно, не представляютъ изъ себя чего-то окончательнаго и абсолютно неизмѣннаго. Со временемъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго усовершенствованія средствъ и пріемовъ психологическаго анализа, многія изъ тѣхъ условныхъ единицъ, которыя мы въ настоящее время считаемъ неразложимыми и обо-

значаемъ названіемъ простѣйшихъ, основныхъ душевныхъ качествъ, будутъ несомѣнно разложены и распадутся на нѣсколько другихъ, еще болѣе простыхъ наклонностей. Но даже и въ то воображаемое, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно отдаленное время, когда будетъ анализировано все, что теперь считается въ психологіи неразложимымъ, и когда всѣ безконечно разнообразныя проявленія душевной жизни будутъ сведены къ дѣйствію немногихъ производящихъ причинъ,—даже и въ это отдаленное время полнаго торжества объяснительной психологіи не потеряетъ, какъ намъ кажется, своего значенія понятіе наклонности или душевнаго качества. Вѣдь сведеніе всего разнообразія жизненныхъ явленій къ немногимъ основнымъ принципамъ составляетъ уже задачу философіи, которая должна объединить законы, и гипотезы доставляемые ей отдѣльными науками. Рядомъ же съ философіей существуютъ и всегда будутъ существовать отдѣльныя научныя дисциплины, и каждая изъ нихъ, для разработки входящихъ въ ея область сравнительно сложныхъ фактовъ, нуждается въ нѣкоторыхъ понятіяхъ, болѣе или менѣе условныхъ, но безъ которыхъ она шагу не можетъ двинуться впередъ. Такими понятіями для химіи являются атомы и ихъ свойства, для физіологіи—живая клѣтка съ происходящими въ ней процессами, для психологіи—ощущеніе и простѣйшее чувство. Подобную же вспомогательную роль должны играть понятія простѣйшей наклонности и различныхъ степеней ея развитія для науки, занимающейся изученіемъ и классификаціей человѣческихъ характеровъ [1]).

Наклонности бываютъ *простыя* и *сложныя*. Когда мы говоримъ, напр., о томъ, что разныя лица обладаютъ различной быстротой воспріятія, то имѣемъ въ виду одну, сравнительно очень несложную, сторону даннаго душевнаго процесса (быстрое теченіе во времени) и совершенно отвлекаемся отъ всѣхъ остальныхъ его сторонъ: содержанія воспринятыхъ впечатлѣній, порядка и послѣдовательности ихъ, сопутствующаго чувственнаго тона и т. д. Такою же сравнительно простою наклонностью представляется намъ бо́льшая или меньшая возбудимость чувствованій, если разсматривать это качество независимо отъ содержанія каждаго отдѣльнаго чувства, его продолжительности, вліянія его на умственную и волевую сферу,—однимъ словомъ, независимо отъ всѣхъ остальныхъ сторонъ того сложнаго душевнаго процесса который мы называемъ чувствомъ или эмоціей. Совершенно иное

[1]) Очень много интересныхъ соображеній, и понынѣ не утратившихъ своего значенія, высказываетъ по этому поводу Бенеке въ своихъ „Psychologische Skizzen“ (20).

впечатлѣніе получается, когда мы будемъ говорить о такихъ качествахъ, какъ, положимъ, лицемѣріе или страсть къ театру. Анализируя лицемѣріе, мы можемъ, правда, игнорировать нѣкоторыя стороны этого сложнаго проявленія, какъ менѣе существенныя. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, все же останутся нѣсколько такихъ элементовъ, которые, будучи различны другъ отъ друга, въ то же время неизбѣжно входятъ въ составъ того сложнаго комплекса, который мы называемъ лицемѣріемъ: наличность въ сознаніи нѣкоторыхъ предосудительныхъ мыслей и желаній, которыя надо скрыть, побужденія, заставляющія скрывать ихъ, различные пріемы и уловки, употребляемые для того, чтобы замаскировать тайныя мысли,—все это такія составныя части, изъ которыхъ ни одной нельзя выбросить или измѣнить безъ того, чтобы не распалось все сложное цѣлое. Еще большее количество элементовъ входитъ въ составъ такой сложной наклонности, какъ, напр., любовь къ театру, въ подробный анализъ которой мы здѣсь, однако, не будемъ вдаваться.

Надо сказать, впрочемъ, что невозможно провести рѣзкую границу между простыми и сложными наклонностями. Съ одной стороны, существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней, такъ что невозможно сказать, гдѣ кончается простота и гдѣ начинается сложность. Съ другой стороны, общая психологія подвигается все дальше и дальше въ анализѣ душевной жизни, при чемъ расчлененію подвергаются и такія душевныя переживанія, которыя прежде считались простѣйшими, неразложимыми. А такъ какъ характерологія, какъ мы увидимъ ниже, при установленіи простѣйшихъ наклонностей пользуется въ широкихъ размѣрахъ матеріаломъ, доставляемымъ общей психологіей, то вполнѣ естественно ожидать, что многія наклонности, которыя мы считаемъ простѣйшими, элементарными, подвергнутся разложенію въ будущемъ.

Говоря о простыхъ (или элементарныхъ) и сложныхъ наклонностяхъ, слѣдуетъ помнить, однако, что термины „простой„ и „элементарный“ употребляются здѣсь въ нѣсколько иномъ смыслѣ, чѣмъ это дѣлается обычно въ общей психологіи. Словамъ этимъ обыкновенно придаютъ двоякое значеніе. Во первыхъ—когда сравниваютъ два душевныхъ процесса, однородныхъ по содержанію, но рѣзко различающихся по своей сложности, т. е., по обилію и разнообразію входящихъ въ составъ ихъ психическихъ образованій. Такъ, напр., разсматривая процессъ воспріятія или религіозное чувство у дикарей и дѣтей и сравнивая ихъ съ анологичными переживаніями у взрослыхъ, высоко развитыхъ людей, говорятъ, что въ первомъ случаѣ душевные процессы несравненно

проще, элементарнѣе, чѣмъ во второмъ. Если мы хотимъ изучать такого рода простѣйшіе процессы, то неминуемо должны отказаться отъ наблюденій надъ взрослыми, образованными людьми и обратиться исключительно къ изученію психологіи дикарей, дѣтей и близко стоящихъ къ человѣку животныхъ. Именно благодаря этого рода наблюденіямъ и возникли столь широко разросшіяся за послѣднее время психологія дѣтскаго возраста, психологія низшихъ расъ и сравнительная психологія.

Совсѣмъ иное дѣло простѣйшая наклонность, какъ мы ее понимаемъ. Всякій, даже самый несложный психическій процессъ —у дикаря, у ребенка, у амебы (если только есть они у амебы) —имѣетъ уже нѣсколько сторонъ: быстроту, интенсивность, болѣе или менѣе легкую возбудимость, то или иное содержаніе. А такъ какъ, согласно нашему словоупотребленію, простѣйшая наклонность есть возможность возникновенія какой-нибудь одной, неразложимой далѣе стороны душевнаго процесса, то слѣдовательно даже такой, казалось бы простѣйшій душевный процессъ долженъ быть сведенъ къ одновременному дѣйствію нѣсколькихъ наклонностей. Съ другой стороны, душевныя переживанія взрослаго человѣка, иногда съ точки зрѣнія общепсихологическаго анализа чрезвычайно сложныя, могутъ тѣмъ не менѣе представлять собою проявленія какихъ-либо сравнительно простыхъ наклонностей. Особенно слѣдуетъ сказать это относительно такъ называемыхъ „высшихъ“ душевныхъ качествъ. Напряженіе волевого усилія, чувство состраданія, процессъ сужденія,—всѣ эти процессы представляются намъ обыкновенно въ видѣ весьма сложныхъ психическихъ образованій, разнообразныхъ и измѣнчивыхъ по своему составу. Тѣмъ не менѣе, въ основѣ каждаго изъ этихъ сложныхъ процессовъ лежитъ какое-нибудь одно, сравнительно простое переживаніе (чувство усилія, чувство симпатіи, актъ сравненія), дальнѣйшій анализъ котораго оказывается не по силамъ современной психологіи и относительно происхожденія котораго можно въ настоящее время только строить болѣе или менѣе противорѣчивыя гипотезы. Болѣе подробный разборъ вопроса о „высшихъ“ наклонностяхъ будетъ произведенъ нами далѣе, въ главѣ X.

Другое значеніе придается словамъ „простѣйшій, элементарный“ тѣми авторами, которые стремятся разложить всю душевную жизнь на однородные, неразложимые далѣе элементы, изъ которыхъ можно было бы затѣмъ снова строить сложныя душевныя явленія, подобно тому, какъ химикъ разлагаетъ сложныя тѣла на атомы и затѣмъ снова возстановляетъ ихъ изъ этихъ атомовъ. Такими „психическими атомами“ одни авторы считаютъ ощущенія, тогда

какъ другіе различаютъ два рода психическихъ элементовъ: ощущенія и простѣйшія чувствованія, или, какъ часто выражаются, „чувственный тонъ, сопровождающій ощущенія“. И тѣ, и другіе считаютъ анализъ какого бы то ни было сложнаго душевнаго переживанія только тогда доведеннымъ до конца, когда удастся вполна разложить это переживаніе на ощущенія, сопровождаемыя или не сопровождаемыя чувственнымъ тономъ, смотря по воззрѣнію автора. Какъ ощущенія, такъ и элементарныя чувства никогда не встрѣчаются въ дѣйствительности въ изолированномъ видѣ, а представляютъ собою лишь результатъ анализа, отвлеченія; въ этомъ отношеніи они аналогичны нашимъ простѣйшимъ наклонностямъ, которыя также, какъ мы видѣли, являются продуктомъ абстракціи. Но только этимъ однимъ и ограничивается сходство между „психологическими атомами“ и „характерологическими элементами“, такъ какъ по своему содержанію и объему понятія эти значительно отличаются другъ отъ друга. Стараясь разложить какой-нибудь сложный процессъ на ощущенія и элементарныя чувства, мы все время имѣемъ въ виду только подробнѣе анализировать, что именно переживаетъ субъектъ въ данный моментъ, а не то, почему онъ переживаетъ это. Насъ интересуетъ только содержаніе сознанія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, между тѣмъ какъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ и почему возникло это содержаніе именно въ данный моментъ и именно у даннаго лица,—этотъ вопросъ отходитъ уже на второй планъ. Психическій процессъ данъ и мы его анализируемъ. Между тѣмъ индивидуальная психологія изучаетъ возможность появленія той или иной стороны даннаго душевнаго процесса. Поэтому ея изученію подлежатъ не самыя ощущенія и чувства, какъ таковыя, а тѣ условія, внѣшнія и внутреннія, то взаимодѣйствіе постоянныхъ задатковъ, предрасположеній, даннаго человѣка и внѣшнихъ обстоятельствъ-возбудителей, благодаря которому у этого лица появляются въ извѣстный моментъ данныя ощущенія, чувства и ихъ комбинаціи. Всѣ тѣ разнообразные психическіе процессы, анализъ которыхъ составляетъ главную задачу общей психологіи, интересуютъ характерологію лишь постольку, поскольку они могутъ служить проявленіями различныхъ „характеріологическихъ элементовъ“ или основныхъ наклонностей.

Другое различіе между понятіями „психическаго атома“ и простѣйшей наклонности состоитъ въ томъ, что послѣднее понятіе шире по своему объему. Существуютъ наклонности не только къ появленію тѣхъ или иныхъ ощущеній или элементарныхъ чувствованій, но также къ большей или меньшей интенсивности ихъ,

къ болѣе или менѣе быстрому теченію, къ такимъ, а не инымъ комбинаціямъ ихъ и проч. Другими словами, наклонности относятся не только къ содержанію психическихъ процессовъ, но обнимаютъ также и формальныя стороны ихъ, какъ-то интенсивность, теченіе, способы сочетанія и т. п. Все ученіе о темпераментахъ представляетъ собою не что иное, какъ попытку выдѣлить наклонности, относящіяся къ формальнымъ сторонамъ душевныхъ процессовъ (быстрота и медленность, сила и слабость) и установить извѣстныя соотношенія между этими наклонностями, въ результатѣ чего является классификація темпераментовъ. Однако, какъ показали многочисленныя классификаціи темпераментовъ и нѣкоторыя примыкающія къ нимъ классификаціи характеровъ см. выше, гл. I и II), невозможно отдѣлить формальную сторону душевныхъ процессовъ отъ ихъ содержанія. Извѣстныя особенности въ теченіи душевныхъ процессовъ тѣсно связаны съ тѣмъ, а не инымъ содержаніемъ. Кромѣ того, существуютъ нѣкоторыя качества, относительно которыхъ невозможно рѣшить съ увѣренностью, идетъ ли здѣсь дѣло о содержаніи или о формѣ душевныхъ процессовъ, и которыя, такимъ образомъ являются переходною ступенью между наклонностями, относящимися къ содержанію, и наклонностями, относящимися къ формѣ; таковы, напр., способность психической и психомоторной задержки (съ сопровождающимъ ее чувствомъ усилія), способность узнаванія (чувство знакомости), внушаемость и пр. Въ виду всего этого, намъ кажется невозможнымъ противополагать другъ другу эти два рода наклонностей, разсматривая ихъ совершенно отдѣльно. Вмѣстѣ съ этимъ, разумѣется, значительно расширяется и объемъ понятія „наклонность“, обозначая возможность появленія рѣшительно всякой стороны какого бы то ни было душевнаго процесса, независимо отъ того, идетъ ли рѣчь о содержаніи, или о теченіи (формѣ) этого процесса.

ГЛАВА V.

Степени развитія наклонностей.

Когда мы обсуждаемъ характеры двухъ хорошо знакомыхъ намъ людей, сравнивая ихъ другъ съ другомъ, то намъ часто приходится говорить, что одинъ изъ нихъ сообразительнѣе другого, или лѣнивѣе его, или добрѣе или подвижнѣе,—словомъ, превосходитъ другого по степени развитія какого-либо качества. Точно также у одного и того же человѣка одна и та же сторона

характера можетъ проявляться въ разное время съ различной силой: такъ, напр., когда человѣкъ утомленъ, онъ дѣлается менѣе способнымъ къ усиленному сосредоточенію вниманія на какомъ-нибудь предметѣ. Такое различеніе наклонностей по степени сохраняетъ свою полную силу и въ научной характерологіи и играетъ, какъ мы увидимъ ниже, очень важную роль при выборѣ и разработкѣ отдѣльныхъ наклонностей, а также при составленіи классификаціи характеровъ. Поэтому необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться на томъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ степенью развитія отдѣльныхъ качествъ и какимъ образомъ возможно опредѣленіе этой степени.

Какъ уже сказано, наклонность есть возможность неоднократнаго повторенія у даннаго лица извѣстной стороны того или иного душевнаго процесса. Основу этой возможности составляютъ какіе-то субъективные факторы, недоступные современному психологическому анализу, при чемъ дѣйствіе этихъ факторовъ проявляется обыкновенно подъ вліяніемъ различныхъ условій, преимущественно, такъ наз., внутреннихъ и внѣшнихъ возбудителей (см. ниже, гл. VIII). И вотъ, когда мы говоримъ, что у одного лица та или иная наклонность развита сильнѣе, чѣмъ у другого, то это означаетъ, что при прочихъ равныхъ условіяхъ (т. е., при равенствѣ возбудителей, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ) возможность возникновенія извѣстной стороны душевнаго процесса у перваго лица является большей, чѣмъ у второго. Такъ, напр., называя одного человѣка болѣе добрымъ или болѣе раздражительнымъ, чѣмъ другого, мы этимъ самымъ выражаемъ ожиданіе, что одно и то же происшествіе въ первомъ навѣрное вызоветъ чувство состраданія или вспышку гнѣва, тогда какъ второй, вѣроятно, отнесется къ событію довольно равнодушно. Говоря о томъ, что одно лицо тоньше воспринимаетъ слуховыя впечатлѣнія, чѣмъ другое, мы констатируемъ лишь тотъ фактъ, что въ одной и той же обстановкѣ извѣстный минимальный раздражитель у перваго уже вызываетъ слуховое ощущеніе, тогда какъ у второго такого ощущенія не появляется.

Здѣсь можетъ возникнуть такого рода вопросъ: если „большая или меньшая возможность появленія извѣстной стороны душевнаго процесса“ зависитъ въ своей основѣ отъ какихъ-то неизвѣстныхъ намъ субъективныхъ факторовъ, то можемъ ли мы говорить въ данномъ случаѣ о степени развитія наклонностей, т. е., предполагать непремѣнно количественную разницу въ дѣйствіи упомянутыхъ факторовъ? Можетъ быть, всѣ тѣ различія по

степени, которымъ мы въ индивидуальной психологіи придаемъ такую важность и которыя считаемъ даже возможнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подвергать болѣе или менѣе точному измѣренію,—зависятъ, въ концѣ концовъ, отъ какихъ-то еще неизвѣстныхъ намъ качественныхъ разницъ? А если это такъ, то развѣ нельзя предположить, что со временемъ всѣ эти качественныя разницы сдѣлаются намъ извѣстны, передъ нами обнаружится вся цѣпь причинъ и слѣдствій, обусловливающая „возможность появленія той или иной стороны душевнаго процесса“ и то, что мы теперь называемъ большею или меньшею степенью какой-нибудь наклонности, сведется всецѣло къ различнымъ по составу комбинаціямъ причинъ, вызывающихъ возникновеніе этой наклонности?

Конечно, болѣе простымъ является въ данномъ случаѣ наше объясненіе, согласно которому проявленія, однородныя по содержанію, но различныя по степени, зависятъ отъ болѣе или менѣе сильнаго дѣйствія однихъ и тѣхъ же факторовъ. Однако, нельзя исключить также и возможности противоположнаго, такъ какъ не всегда самыя простыя объясненія оказываются самыми правильными. Но даже и въ томъ случаѣ, если бы это оказалось дѣйствительно такъ, если бы дальнѣйшій психологическій анализъ дѣйствительно свелъ нѣкоторыя изъ нашихъ „степеней“ одной и той же наклонности къ различнымъ по качеству комбинаціямъ первичныхъ факторовъ, то всетаки это нисколько не измѣнило бы сути дѣла: вмѣсто одной прежней наклонности, оказавшейся сложной и производной, возникло бы двѣ-три новыхъ, болѣе элементарныхъ, и каждая изъ этихъ новыхъ наклонностей опять таки обладала бы проявленіями, различающимися по своей интенсивности. Вообще, степень развитія отдѣльныхъ наклонностей, это такое понятіе, безъ котораго индивидуальная психологія, по нашему мнѣнію, совершенно не можетъ обойтись и котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя считать ненужнымъ и излишнимъ.

Для того, чтобы опредѣлить степень развитія какого-нибудь душевнаго качества въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, можно пользоваться различными пріемами, которые въ общемъ сводятся къ слѣдующему [1]).

Во первыхъ, смотрятъ, какова должна быть интенсивность возбудителя для того, чтобы вызвать у испытуемаго проявленія данной наклонности, хотя бы въ очень слабой степени. На этомъ принципѣ основано въ психофизикѣ опредѣленіе такъ наз. низшаго порога для различныхъ родовъ ощущеній. Въ индивидуаль-

[1]) Болѣе подробный разборъ этого вопроса читатель найдетъ въ нашей статьѣ въ „Вопр. филос. и психол.“ (21).

ной психологіи принципъ этотъ можно примѣнять для сравнительной оцѣнки наклонностей въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ душевной жизни. Человѣкъ съ очень тонкимъ зрѣніемъ, слухомъ и т. д. способенъ улавливать такія разницы въ зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣніяхъ, которыя совершенно недоступны другимъ людямъ. Субъекты, одаренные легко возбудимой эмоціональной сферой, способны иногда придти въ состояніе восторга или неистовства изъ за такихъ пустяковъ, которые заставятъ только пожать плечами другихъ болѣе хладнокровныхъ индивидуумовъ.

Во вторыхъ, важнымъ признакомъ для опредѣленія степени развитія наклонностей является интенсивность проявленій, какъ внутреннихъ (см. ниже, гл. XIII), такъ и внѣшнихъ. Если одинаковая опасность угрожаетъ жизни двухъ людей, то (при отсутствіи различныхъ побочныхъ, усложняющихъ дѣло обстоятельствъ) мы назовемъ болѣе трусливымъ того изъ нихъ, кто обнаружитъ болѣе сильные признаки страха. Количество и качество работы, совершенной при условіяхъ, равныхъ для всѣхъ испытуемыхъ, болѣе или менѣе полная неподвижность при сосредоточеніи вниманія на одномъ какомъ-нибудь объектѣ, бо́льшая или меньшая радость при свиданіи съ друзьями и близкими лицами,— все это такого рода признаки, которыми съ успѣхомъ можно пользоваться для опредѣленія интенсивности соотвѣтствующихъ наклонностей.

Въ третьихъ, наконецъ, чрезвычайно полезнымъ для нашихъ цѣлей можетъ оказаться наблюденіе надъ взаимными столкновеніями различныхъ наклонностей, въ особенности чувствъ и влеченій. Молодой человѣкъ голодаетъ по нѣскольку дней для того, чтобы накупить себѣ книгъ или рисунковъ: значитъ, интересъ къ чтенію и живописи превышаетъ у него даже чувство голода; робкая и боязливая женщина совершаетъ чудеса храбрости для того, чтобы спасти своего ребенка: значитъ, любовь къ ребенку въ ней сильнѣе чувства страха. Если первые два способа могутъ служить для сравнительной оцѣнки того, насколько развита одна и та же наклонность у разныхъ людей, то третій способъ пригоденъ въ особенности для опредѣленія того, какова сравнительная интенсивность различныхъ чувствъ и влеченій, присущихъ одному и тому же человѣку.

По поводу второго изъ этихъ способовъ можетъ быть сдѣлано одно принципіальное возраженіе. Дѣло въ томъ, что возможность точнаго измѣренія какихъ бы то ни было душевныхъ переживаній представляется, какъ извѣстно, съ точки зрѣнія об-

щей психологіи вопросомъ чрезвычайно спорнымъ. Существуетъ мнѣніе, согласно которому мы вообще не имѣемъ права говорить о различной интенсивности ощущеній: нельзя измѣрять сильныя ощущенія слабыми, какъ мы измѣряемъ длину предметовъ аршинами или вѣсъ ихъ фунтами; сильное, интенсивное ощущеніе есть нѣчто качественно отличающееся отъ слабаго, и различіе между ними такъ же мало подлежитъ измѣренію, какъ различіе между двумя разнородными ощущеніями,—напр., краснаго и зеленаго цвѣта. Это возраженіе являлось наиболѣе существеннымъ пунктомъ въ числѣ тѣхъ доводовъ, которые были выставлены противъ психофизическаго толкованія извѣстной Фехнеровской формулы, —и надо признать, что возраженіе это такъ и осталось неопровергнутымъ. А вѣдь ощущенія—это та область, въ которой психическія измѣренія достигли наибольшаго совершенства. Если даже и въ этой области мы не имѣемъ права говорить, что, напр., одно осязательное ощущеніе въ 2 или 3 раза сильнѣе другого, что одинъ человѣкъ обладаетъ вдвое болѣе тонкимъ слухомъ, чѣмъ другой,—то что-же придется сказать относительно сложныхъ умственныхъ процессовъ, относительно чувствованій и волевыхъ актовъ? Очевидно, здѣсь точное количественное измѣреніе въ смыслѣ Фехнера представляется не только теоретически, но и фактически совершенно неосуществимымъ.

На это мы можемъ отвѣтить, что такого рода измѣреніе для индивидуальной психологіи вовсе не представляетъ необходимости. Для того, чтобы сравнивать и классифицировать человѣческіе характеры, вовсе не нужно непремѣнно знать, „во сколько разъ„ или „на сколько именно“ одно душевное проявленіе интенсивнѣе другого. Достаточно указать только, что между ними существуетъ разница въ интенсивности, что одно изъ нихъ сильнѣе другого. А такое различіе по силѣ или интенсивности представляетъ собою несомнѣнный фактъ, прямо и непосредственно даваемый намъ внутреннимъ опытомъ. Каждое ощущеніе или чувство, испытываемое человѣкомъ, можетъ быть одинъ разъ слабымъ, другой разъ болѣе сильнымъ, еще болѣе сильнымъ и т. д. При помощи тщательныхъ и продолжительныхъ наблюденій индивидуальная психологія устанавливаетъ сначала на одномъ и томъ же лицѣ цѣлый рядъ подобныхъ различій, цѣлый рядъ градацій въ проявленіяхъ одной и той же, свойственной данному лицу наклонности. Мы не можемъ сказать, во сколько разъ или на сколько одна изъ этихъ ступеней превосходитъ другую; но мы имѣемъ право на основаніи внутренняго опыта утверждать, что каждая послѣдующая ступень по своей интенсивности

превосходитъ предыдущую. Затѣмъ, пользуясь сходствомъ внѣшнихъ проявленій, мы распространяемъ эти градаціи, этотъ рядъ степеней на всѣхъ другихъ наблюдаемыхъ нами лицъ. При этомъ часто намъ удается найти человѣка съ болѣе тонкимъ и богатымъ развитіемъ той же наклонности, и тогда наша скáла дѣлается шире и детальнѣе, обогащается новыми степенями, новыми, болѣе тонкими различеніями. Такимъ образомъ, при помощи продолжительныхъ наблюденій на многихъ лицахъ, для каждой основной наклонности устанавливается цѣлый рядъ различій по степени ея развитія и, соотвѣтственно этому, цѣлый рядъ болѣе или менѣе интенсивныхъ проявленій. И когда мы говоримъ о необходимости измѣрить у какого-нибудь человѣка степень развитія той или иной наклонности, то это значитъ только, что нужно при помощи различныхъ внѣшнихъ проявленій опредѣлить, которой изъ установленныхъ нами ступеней соотвѣтствуютъ проявленія этой наклонности у наблюдаемаго человѣка.

Итакъ, для каждаго душевнаго качества необходимо установить болѣе или менѣе подробную скáлу интенсивности, съ внутренними и внѣшними проявленіями, соотвѣтствующими каждой отдѣльной ступени этой скáлы. Что касается того, какимъ образомъ мы будемъ обозначать различныя ступени, то это уже вопросъ второстепенный, чисто, такъ сказать, техническій. Можно дѣлать это путемъ подробнаго описанія проявленій: результаты умственной работы, произведенной различными испытуемыми при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, или подробное описаніе проявленій страха у группы людей, находящихся передъ лицомъ опасности, дадутъ намъ возможность непосредственно распредѣлить этихъ людей по различнымъ ступенямъ установленной нами скáлы. Для большей наглядности можно пользоваться также системой балловъ, какъ это дѣлалъ, напр., Бинэ въ своихъ недавнихъ изслѣдованіяхъ надъ яркостью воображенія у дѣтей (22). Надо только помнить что подобныя цыфровыя обозначенія не могутъ имѣть никакой математической цѣнности. Формулъ изъ нихъ составлять нельзя. Такіе баллы являются только условными знаками, которые замѣняютъ собою подробное описаніе проявленій и вводятся нами исключительно ради простоты и удобства.

Когда для опредѣленія степеней развитія какой-нибудь наклонности пользуются различными по своей интенсивности возбудителями, то при этомъ обыкновенно заранѣе уже предполагается, что проявленія наклонности должны усиливаться параллельно съ усиленіемъ возбудителя. Такъ оно и бываетъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ. Если легкій уколъ булавкой

вызываетъ въ насъ сравнительно слабую боль, то при разрѣзываніи кожи (напр., во время операціи) боль можетъ сдѣлаться почти невыносимой. Человѣкъ, плохо различающій слабые звуки, будетъ менѣе другихъ чувствителенъ также и по отношенію къ другимъ интенсивнымъ слуховымъ раздраженіямъ. Однако, такой параллелизмъ нельзя считать безусловно постояннымъ. Бываютъ случаи, когда раздраженіе, остававшееся въ теченіе нѣкотораго времени совершенно безрезультатнымъ, въ концѣ концовъ вдругъ вызываетъ очень сильную реакцію. Какой-нидудь субъектъ долго остается равнодушнымъ къ происшествіямъ, хотя не особенно важнымъ, но все же возбуждающимъ въ другихъ извѣстныя чувства; когда же произойдетъ какое-нибудь очень важное событіе, т. е., когда дѣйствіе возбудителя достигнетъ значительной степени, у него вдругъ появляется такое сильное чувство, къ какому совершенно неспособны окружающіе. Здѣсь „чувствительность“, наклонность испытывать чувства при всякомъ незначительномъ поводѣ сравнительно очень невелика, а между тѣмъ, разъ возникши, чувства могутъ достигнуть огромной интенсивности. Обыкновенно здѣсь примѣшиваются разныя побочныя вліянія, такъ или иначе задерживающія на время развитіе даннаго чувства: мысль о томъ, что не слѣдуетъ волноваться по пустякамъ, преобладаніе въ данный моментъ какихъ-нибудь другихъ интересовъ и невозможность вслѣдствіе этого обратить должное вниманіе на то событіе, которое волнуетъ окружающихъ и проч. Тщательный анализъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поможетъ выдѣлить такія побочныя вліянія, если только они имѣются въ наличности. Однако въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, далеко не частыхъ, случаяхъ подобное неравномѣрное наростаніе чувствованій встрѣчается и помимо всякихъ побочныхъ вліяній, въ чистомъ, такъ сказать, видѣ, составляя особенность характера даннаго индивидуума.

ГЛАВА VI.

Измѣняемость наклонностей.

Часто приходится встрѣчаться съ возраженіемъ такого рода, какъ можно систематически изучать и классифицировать характеры людей, когда характеръ вовсе не есть что нибудь опредѣленное, постоянное, а измѣняется ежедневно чуть ли не ежеминутно? Всякій знаетъ, какъ удивительно мѣняетъ человѣка возрастъ, какъ рѣзко могутъ отличаться темпераментъ, привычки,

взгляды, стремленія взрослаго или пожилого человѣка отъ того, чѣмъ былъ этотъ человѣкъ 20—30 лѣтъ тому назадъ. Мало того: каждый день, каждый часъ приноситъ съ собой часто перемѣны настроенія, способностей, а иногда и всего духовнаго облика; утромъ, послѣ сна настроеніе совсѣмъ иное, чѣмъ къ вечеру, послѣ цѣлаго дня утомительной работы или послѣ сытнаго обѣда. Ничтожное обстоятельство, перемѣна обстановки иногда сразу мѣняетъ все поведеніе человѣка: иной застѣнчивый субъектъ, будучи живымъ веселымъ и интереснымъ собесѣдникомъ въ кругу своихъ близкихъ друзей, дѣлается угрюмымъ, рѣзкимъ и нелюдимымъ въ незнакомомъ или несимпатичномъ ему обществѣ; иногда достаточно одного неосторожнаго намека, чтобы вызвать въ немъ эту перемѣну.

Съ другой стороны, нѣкоторые авторы, желая защитить характерологію отъ подобныхъ возраженій, впадаютъ въ противоположную крайность: повторяя мнѣніе Шопенгауера (23), они утверждаютъ, что каждый человѣкъ обладаетъ своимъ особеннымъ характеромъ, полученнымъ при рожденіи, что характеръ этотъ въ теченіе жизни не измѣняется, а только развивается, что подъ кажущимся разнообразіемъ проявленій скрывается неподвижное постоянство немногихъ основныхъ чертъ характера. Итакъ, намъ необходимо подробнѣе разобраться въ вопросѣ о томъ, возможны ли измѣненія характера и какъ велики границы этихъ измѣненій.

Прежде всего, мы считаемъ несомнѣнно возможными измѣненія характера, хотя бы даже самыхъ основныхъ чертъ его. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстный періодъ времени, характеръ человѣка можетъ иногда кореннымъ образомъ перемѣниться; это—фактъ, существованіе котораго не можетъ отрицать, какъ намъ кажется, ни одинъ добросовѣстный наблюдатель, относящійся къ дѣлу безъ всякой предвзятой точки зрѣнія. Всѣ недоразумѣнія происходятъ только отъ того, что смѣшиваются между собою двоякого рода измѣненія: длительныя или *дѣйствительныя* и временныя или *кажущіяся*.

Длительныя или дѣйствительныя измѣненія характера констатируются нами тогда, когда извѣстная совокупность возбудителей — внѣшнихъ или внутреннихъ — всякій разъ вызываетъ у человѣка возникновеніе иныхъ сторонъ душевной дѣятельности, чѣмъ это наблюдалось при тѣхъ же возбудителяхъ у того же человѣка раньше. Очень рѣзкіе примѣры подобной перемѣны самыхъ коренныхъ чертъ характера можно наблюдать у душевнобольныхъ; такъ напр., когда человѣкъ заболѣваетъ меланхоліей,

то его нельзя никакими средствами привести въ хорошее настроеніе; все то, что прежде доставляло ему удовольствіе, теперь не только не радуетъ его, но, наоборотъ, лишь усиливаетъ его страданія. У нормальныхъ людей также можно иногда наблюдать подобныя перемѣны характера, хотя и не въ такой рѣзкой степени. Какое-нибудь тяжелое несчастіе можетъ изъ веселаго, беззаботнаго юноши сдѣлать угрюмаго, вѣчно озабоченнаго человѣка; лѣнивый, изнѣженный богачъ, потерявши вдругъ все свое состояніе, иногда дѣлается энергичнымъ и трудолюбивымъ работникомъ; внезапно испытанный чрезмѣрный ужасъ дѣлаетъ человѣка иногда на всю жизнь робкимъ. Однако, у взрослыхъ людей такая быстрая ломка характера бываетъ чрезвычайно рѣдко: нужны какія-нибудь необычайныя событія, внезапная вынужденная перемѣна въ образѣ жизни, обстановкѣ, окружающемъ обществѣ для того, чтобы вызвать подобный внутренній переворотъ на протяженіи какихъ-нибудь нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ; и то задатки такой перемѣны обыкновенно были въ немъ уже и раньше. Другое дѣло — постепенныя измѣненія характера: въ теченіи 10 — 20 лѣтъ, подъ постояннымъ, неуклоннымъ воздѣйствіемъ какихъ-нибудь условій душевный складъ даже взрослаго человѣка можетъ сильно перемѣниться. Но наиболѣе рѣзкія измѣненія характера приходится наблюдать, разумѣется, въ дѣтскомъ возрастѣ; здѣсь уже систематическое воспитаніе можетъ сильно вліять на ходъ развитія различныхъ наклонностей ребенка, тогда какъ болѣе сильные дѣйствующіе моменты, какъ, напр., полная перемѣна условій жизни, среды и т. д., иногда дѣлаютъ ребенка совершенно неузнаваемымъ. Такая значительная подчиняемость внѣшнимъ воздѣйствіямъ продолжается — все уменьшаясь — до 25 — 30 лѣтъ, когда, по выраженію Джемса (24), характеръ отвердѣваетъ, какъ гипсъ, чтобы затѣмъ уже остаться почти неизмѣннымъ до самаго конца жизни. Эта устойчивость душевнаго склада взрослыхъ людей устраняетъ, какъ намъ кажется, всякія сомнѣнія относительно возможности наблюдать, описывать и классифицировать отдѣльные характеры.

Гораздо большій интересъ для индивидуальной психологіи представляютъ временныя или кажущіяся измѣненія характера. Этимъ терминомъ мы будемъ обозначать тѣ случаи, когда какая-нибудь наклонность не проявляется только потому, что отсутствуютъ условія — внутреннія или внѣшнія, — необходимыя для ея проявленія; съ появленіемъ же этихъ условій данная наклонность тотчасъ снова начинаетъ дѣйствовать. Хорошимъ примѣромъ такихъ кажущихся измѣненій могутъ служить колебанія настроенія.

Самый энергичный и живой человѣкъ послѣ нѣсколькихъ сутокъ напряженной работы, сопровождаемой къ тому же какими-либо непріятностями, можетъ прійти въ отвратительное настроеніе: полная апатія овладѣваетъ имъ, все кажется ему въ черномъ свѣтѣ, онъ дѣлается раздражительнымъ и нетерпѣливымъ; но дайте этому человѣку какъ слѣдуетъ отдохнуть, устраните непріятности, — и къ нему вернется опять его прежнее бодрое настроеніе. Въ этомъ отношеніи характеръ человѣка можно сравнить со скрипкой; изъ ея четырехъ струнъ, всегда одинаковымъ образомъ настроенныхъ, опытный музыкантъ извлекаетъ безконечно разнообразныя сочетанія звуковъ; но окончился концертъ — и передъ вами все та же скрипка съ тѣми же четырьмя струнами. Вотъ эти-то кажущіяся измѣненія характера и влекутъ за собою то безконечное разнообразіе въ проявленіяхъ душевной жизни человѣка, которое, на первый взглядъ, совершенно невозможно привести въ какую бы то ни было систему. Тѣмъ не менѣе, если вглядѣться въ причины, обусловливающія эти кажущіяся измѣненія, то можно раздѣлить ихъ на нѣсколько важнѣйшихъ группъ, разсмотрѣніемъ которыхъ мы сейчасъ и займемся.

Первой изъ причинъ, вызывающихъ временное бездѣйствіе той или иной наклонности, является истощеніе ея вслѣдствіе продолжительной или же, хотя бы кратковременной, но необычайно напряженной дѣятельности. Здѣсь тотчасъ же возникаетъ вопросъ: имѣемъ ли мы право прилагать понятіе истощенія къ области душевныхъ явленій вообще, и въ частности — къ тому, что мы назвали проявленіями простѣйшихъ наклонностей, т. е., къ различнымъ сторонамъ психическихъ процессовъ? Когда въ физіологіи или патологіи говорятъ, что дѣятельность какого-либо органа истощилась или временно прекратилась вслѣдствіе утомленія, то имѣютъ въ виду нѣчто вполнѣ опредѣленное. Утомленіе органа, напр., мышцы или нервнаго центра послѣ энергической работы можетъ наступить или вслѣдствіе значительнаго накопленія продуктовъ распада, или-же вслѣдствіе отсутствія необходимаго для работы матеріала, главнымъ образомъ кислорода. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ въ психологіи, какъ въ общей, такъ и въ индивидуальной. Какъ уже неоднократно повторялось, намъ неизвѣстна конечная, основная причина дѣйствія каждой отдѣльной наклонности. Если исключить дѣйствіе внѣшнихъ возбудителей, а также вліяніе родственныхъ наклонностей, то и послѣ этого все-таки останется еще нѣчто, обусловливающее возможность повторнаго проявленія даннаго качества; болѣе же близкое опредѣленіе этого неизвѣстнаго фактора при современномъ состояніи науки намъ

недоступно. А разъ это такъ, то и въ вопросѣ о временномъ истощеніи простѣйшихъ наклонностей приходится воздержаться отъ всякихъ объясненій, ограничившись однимъ только констатированіемъ факта: послѣ продолжительнаго, болѣе или менѣе интенсивнаго дѣйствія какой бы то ни было наклонности, ея напряженность обыкновенно значительно ослабѣваетъ, и прежніе возбудители уже недостаточны для того, чтобы вызвать ея проявленія такое пониженіе интенсивности продолжается нѣкоторое время, послѣ чего наклонность мало по малу начинаетъ проявляться съ прежней своей силой. Это постепенное возстановленіе истощенной наклонности можно было бы сравнить съ накопленіемъ потенціальной энергіи, которая затѣмъ при содѣйствіи соотвѣтствующаго возбудителя, переходитъ въ энергію кинетическую. Но намъ кажется, что подобныя сравненія лишь очень мало могутъ способствовать уясненію того, что на самомъ дѣлѣ происходитъ въ этихъ случаяхъ.

Необходимо, такимъ образомъ, различать степень развитія душевныхъ качествъ (см. предыдущую главу) отъ ихъ напряженности. Степень развитія есть нѣчто длительное, болѣе или менѣе постоянное или, по крайней мѣрѣ, измѣняющееся очень медленно и постепенно. Напряженность же наклонностей можетъ измѣняться очень быстро, въ зависимости отъ болѣе или менѣе интенсивныхъ проявленій, вызвавшихъ временное истощеніе даннаго качества. Эти колебанія напряженности чрезвычайно неравномѣрны, какъ по своей силѣ, такъ и по своей продолжительности. При составленіи характеристикъ намъ всякій разъ неизбѣжно приходится считаться съ тѣмъ, какова напряженность качества, проявленіе котораго мы наблюдаемъ въ данный моментъ. Однако, конечная наша цѣль всегда заключается въ опредѣленіи величины болѣе постоянной и болѣе характеризующей наблюдаемаго человѣка, а именно степени развитія у него данной наклонности.

Когда говорятъ о психическомъ утомленіи, то обыкновенно имѣютъ въ виду только умственные процессы: вниманіе, воспріятіе, память, воображеніе,—вотъ тѣ сложные процессы, на которыхъ обыкновенно изучаютъ вліяніе истощенія различныхъ простѣйшихъ наклонностей. Намъ кажется, однако, что явленіе временнаго истощенія въ такомъ видѣ, какъ мы его только что опредѣлили,—можно наблюдать если не на всѣхъ, то по крайней мѣрѣ на значительномъ большинствѣ простѣйшихъ душевныхъ качествъ. Способность къ напряженію волевого усилія, сопротивляемость внѣшнимъ воздѣйствіямъ, координированность сложныхъ движеній и сложныхъ дѣйствій, склонность къ предварительному обсуж-

денію поступковъ, болѣе или менѣе легкая возбудимость чувствованій, сила и обиліе ихъ проявленій, содержаніе испытываемыхъ чувствованій и стремленій и т. д., всѣ эти и многія другія проявленія простѣйшихъ наклонностей подчиняются одному общему положенію: дѣятельность ихъ всякій разъ длится нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное время, затѣмъ начинаетъ ослабѣвать и постепенно достигаетъ minimum'а, а иногда и совсѣмъ прекращается на нѣкоторое время съ тѣмъ, чтобы потомъ возобновиться съ прежней силой. Есть основаніе думать, что явленія контраста въ нѣкоторыхъ случаяхъ также могутъ быть сведены всецѣло къ вліянію истощенія и возстановленія; благодаря временному истощенію какой-нибудь наклонности имѣетъ возможность проявиться противоположное качество, которое за время дѣйствія первой наклонности успѣло достигнуть значительнаго напряженія.

Итакъ, всякая наклонность послѣ періода болѣе или менѣе энергическихъ проявленій обыкновенно затѣмъ какъ бы замираетъ на нѣкоторое время; во время этого кажущагося бездѣйствія происходитъ возстановленіе наклонности, напряженность ея, значительно понизившаяся въ періодъ усиленныхъ проявленій, постепенно снова возрастаетъ до прежней степени, пока, наконецъ, при первомъ удобномъ случаѣ, а иногда даже и безъ всякаго повода, данное качество проявляется съ прежней своей силой. Но иногда случается такъ, что почему-нибудь данная наклонность слишкомъ долго не можетъ проявиться: или обстоятельства (внѣшніе возбудители) складываются слишкомъ неблагопріятно для ея проявленія, или же другія наклонности вліяютъ на нее задерживающимъ образомъ, не позволяя ей проявляться. Такое продолжительное бездѣйствіе какой бы то ни было душевной способности влечетъ за собой двоякаго рода послѣдствія. Вначалѣ напряженность даннаго качества все больше и больше возрастаетъ, такъ что проявленія его тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ дольше былъ промежутокъ кажущагося бездѣйствія. Такъ, сильное чувство иногда въ теченіе довольно долгаго времени какъ бы замираетъ, благодаря извѣстному стеченію обстоятельствъ, направляющихъ всю душевную дѣятельность человѣка въ совершенно другую сторону; но съ тѣмъ большей силой овладѣваетъ это чувство человѣкомъ, когда обстоятельства перемѣнятся, и ничто уже больше не мѣшаетъ его дѣйствію. Однако, если промежутокъ бездѣйствія слишкомъ великъ, продолжается мѣсяцы, годы, то вліяніе его уже будетъ иное: напряженность наклонности, сначала возросшая до своего предѣла, начинаетъ затѣмъ понижаться, ослабѣвать,—и если по прошествіи долгаго времени обстоятель-

ства опять сложатся благопріятно для ея проявленія, то она проявится уже не съ прежней силой, а значительно слабѣе. Произошло дѣйствительное, а не только кажущееся измѣненіе характера: степень развитія даннаго качества понизилась. Здѣсь мы имѣемъ отношенія, обратныя тѣмъ, какія наблюдаются при зарожденіи и укрѣпленіи какой бы то ни было наклонности; всякое повтореніе ея дѣйствія, всякое лишнее ея проявленіе временно истощаетъ эту наклонность, но за то усиливаетъ возможность подобнаго же проявленія въ будущемъ, т.-е., укрѣпляетъ существованіе даннаго качества у его обладателя. Всякое же бездѣйствіе какой бы то ни было наклонности усиливаетъ на время ея напряженность, но, продолжаясь долго, начинаетъ оказывать противоположное дѣйствіе, такъ какъ, благодаря отсутствію упражненія, степень развитія качества начинаетъ понижаться.

Второй причиной, производящей временную задержку въ проявленіяхъ какой-либо наклонности и вызывающей, такимъ образомъ, кажущіяся измѣненія характера, является часто вліяніе на данную наклонность со стороны другихъ душевныхъ качествъ, такъ или иначе связанныхъ съ нею. Вліяніе это можетъ быть какъ задерживающимъ, такъ и способствующимъ; въ первомъ случаѣ, оно мѣшаетъ проявленію даннаго качества, въ послѣднемъ,—наоборотъ, способствуетъ ему. Такъ какъ взаимное вліяніе различныхъ наклонностей другъ на друга можетъ носить самый разнообразный характеръ и такъ какъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ душевныхъ свойствъ имѣетъ огромную важность для индивидуальной психологіи, то ниже мы займемся спеціально подробнымъ разсмотрѣніемъ этого вопроса (см. гл. X). Теперь же ограничимся лишь указаніемъ на то, что къ этому разряду явленій слѣдуетъ отнести, по нашему мнѣнію, и тѣ случаи, когда человѣкъ произвольно старается подавить въ себѣ на болѣе или менѣе продолжительное время проявленіе той или иной наклонности. Вѣдь причиною такой произвольной задержки, оказываемой по отношенію къ извѣстнымъ сторонамъ душевной жизни, является обыкновенно желаніе удовлетворить другія потребности, проявить другія наклонности, которыя оказываются могущественнѣе первыхъ. Такимъ образомъ, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ задержкой, оказываемой одними наклонностями по отношенію къ другимъ, но только здѣсь процессъ задержки гораздо сложнѣе: взаимная борьба между двумя противоположными стремленіями доходитъ до нашего сознанія, и напряженіе, сопровождающее задержку, получаетъ характеръ активнаго волевого усилія.

Третью группу причинъ, обусловливающихъ кажущіяся измѣненія характера, образуютъ разнообразныя вліянія со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ, окружающей среды, вообще всѣхъ тѣхъ факторовъ, которые будутъ нами разсмотрѣны въ дальнѣйшемъ изложеніи (гл. VIII) подъ названіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ возбудителей душевныхъ качествъ.

Къ этимъ тремъ категоріямъ можно свести огромное большинство случаевъ, когда та или иная наклонность временно перестаетъ проявляться и характеръ, такимъ образомъ, претерпѣваетъ кажущееся измѣненіе. Спрашивается теперь, какимъ образомъ при такихъ безпрестанныхъ (хотя бы только временныхъ и кажущихся) перемѣнахъ характера возможно все-таки его изученіе? Вѣдь интенсивность дѣйствія каждой наклонности, какъ мы видѣли, подвержена постояннымъ колебаніямъ: всякая наклонность то временно истощается послѣ энергической дѣятельности, то снова достигаетъ высокой степени напряженія; проявленія ея или обнаруживаются во всей полнотѣ, или, наоборотъ, бываютъ подавлены и задержаны въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени, благодаря вліянію неблагопріятныхъ обстоятельствъ и дѣйствію противоположныхъ наклонностей. Какую же степень развитія того или иного душевнаго качества считать свойственной данному лицу, когда мы можемъ наблюдать у него въ зависимости отъ разнообразныхъ условій самыя различныя степени этого качества? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно точнѣе выяснить, что собственно имѣемъ мы въ виду, когда говоримъ о наблюденіи и изученіи характера какого-нибудь человѣка, другими словами—необходимо дать болѣе или менѣе точное опредѣленіе характера.

ГЛАВА VII.

Опредѣленіе характера.

Подъ характеромъ мы будемъ подразумѣвать совокупность свойственныхъ данному лицу наклонностей, преимущественно основныхъ; каждую изъ этихъ наклонностей слѣдуетъ брать въ наибольшей интенсивности, какая только возможна для даннаго человѣка.

Характеръ есть совокупность наклонностей. А мы видѣли, что наклонность не есть какой-нибудь конкретный душевный процессъ: это лишь возможность проявленія той или иной стороны

душевнаго процесса, т. е., результатъ отвлеченія, вспомогательное понятіе, которымъ индивидуальная психологія, подобно многимъ другимъ наукамъ, пользуется для болѣе удобной группировки изучаемаго матеріала. Въ дѣйствительности мы наблюдаемъ лишь разнообразныя проявленія наклонностей, т. е. различные душевные процессы и ихъ внѣшнія физіологическія выраженія. Совершенно то же мы должны сказать и о характерѣ, который представляетъ изъ себя лишь совокупность наклонностей. Это—схема, указывающая намъ на то, что при извѣстныхъ условіяхъ мы можемъ ожидать у даннаго лица возникновенія тѣхъ или иныхъ душевныхъ процессовъ. Когда, напр., подробно описываютъ, каково было поведеніе наблюдаемаго лица во время извѣстнаго событія, или какіе душевные процессы происходили въ это время въ его сознаніи, то это описаніе еще не представляетъ изъ себя характеристики: это только рядъ болѣе или менѣе сложныхъ проявленій, матеріалъ, изъ котораго только путемъ дальнѣйшей обработки можно вывести заключеніе о существованіи у наблюдаемаго человѣка нѣкоторыхъ наклонностей. При обработкѣ же часто оказывается, какъ мы увидимъ ниже, что одна и та же наклонность можетъ проявляться чрезвычайно различно, — и все огромное разнообразіе обнаруженныхъ человѣкомъ проявленій можно свести иной разъ къ сравнительно небольшому числу имѣющихся у него основныхъ наклонностей.

Согласно довольно распространенному мнѣнію, въ жизни людей бываютъ такіе моменты, когда, благодаря чрезвычайному стеченію обстоятельствъ, весь характеръ человѣка обнаруживается съ полною ясностью и въ полномъ своемъ объемѣ; всѣ тѣ черты, которыя раньше почему-либо ускользали отъ нашего наблюденія, проявляются въ этотъ моментъ съ необычайною силою. Въ подобныхъ случаяхъ мы можемъ, значитъ, наблюдать, какъ вслѣдствіе чрезвычайно благопріятнаго дѣйствія внутреннихъ и внѣшнихъ возбудителей всѣ наклонности, составляющія характеръ человѣка, проявляются одновременно, и притомъ съ наибольшей интенсивностью, какая только имъ свойственна. Но такіе моменты въ жизни человѣческой чрезвычайно рѣдки. Чаще всего, при изученіи характера какого-нибудь человѣка намъ приходится наблюдать его въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, отмѣчая проявленія то однихъ, то другихъ сторонъ его душевной личности. Изъ этого разнообразнаго, пестраго, измѣнчиваго и колеблющагося матеріала мы уже затѣмъ, путемъ обработки и отвле-

ченія, вырабатываемъ ту схему наклонностей, которую и называемъ характеромъ этого человѣка.

Итакъ, слѣдуетъ строго отличать отдѣльныя проявленія характера, постоянно мѣняющіяся вмѣстѣ съ перемѣной окружающихъ условій, отъ той схемы характера даннаго человѣка, которая является результатомъ болѣе или менѣе продолжительнаго наблюденія и переработки собраннаго матеріала. Проявленія безконечно разнообразны и лишь рѣдко повторяются совершенно въ томъ же видѣ, какъ и раньше; схема же характера, если только она составлена правильно, должна оставаться неизмѣнной въ теченіе сравнительно очень долгаго времени, пока, наконецъ, въ характерѣ произойдутъ какія-нибудь дѣйствительныя, а не кажущіяся измѣненія; между тѣмъ, такія дѣйствительныя измѣненія характера у взрослыхъ людей происходятъ, какъ мы уже видѣли, далеко не часто.

Вопросъ о томъ, что такое основныя наклонности и какъ возможно отличить ихъ отъ наклонностей второстепенныхъ, будетъ подробно обсуждаться нами ниже (въ главѣ XVII). Что же касается того, что при составленіи схемы характера нужно всегда отмѣчать наивысшую интенсивность, съ какой можетъ проявиться та или иная наклонность у даннаго лица, то здѣсь могутъ сдѣлать намъ слѣдующее возраженіе. Сами мы сейчасъ только говорили, что такіе моменты, когда всѣ наклонности человѣческаго характера проявляются въ полной своей силѣ, бываютъ лишь чрезвычайно рѣдко. Къ этому надо прибавить, что и отдѣльныя наклонности далеко не часто проявляются съ той наибольшей интенсивностью, какой онѣ могутъ достигнуть у даннаго человѣка. Обыкновенно всякій человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ, такъ сказать, въ половину, далеко не давая того, что онъ можетъ дать въ случаѣ крайности. Не даромъ распространено вполнѣ справедливое на нашъ взглядъ мнѣніе, что многіе люди въ критическій моментъ совершаютъ такія чудеса, къ которымъ ни окружающіе, ни они сами не считали себя способными. Но такіе критическіе моменты въ жизни человѣка бываютъ лишь чрезвычайно рѣдко, и разсчитывать на нихъ, изучая характеръ человѣка для цѣлей научной классификаціи, совершенно не представляется возможнымъ; какъ же тогда опредѣлить наивысшую интенсивность, которой можетъ достигнуть та или иная наклонность у наблюдаемаго лица? Отвѣтъ заключается въ слѣдующемъ. Правда, при обыкновенныхъ, повседневныхъ обтоятельствахъ мы не можемъ наблюдать наивысшихъ проявленій очень многихъ наклонностей (хотя, напр., при изученіи умственной сферы намъ

удается иной разъ путемъ эксперимента вызвать такое крайнее напряженіе извѣстной наклонности, къ какому только способенъ изслѣдуемый). Но за то мы можемъ съ очень большой вѣроятностью заключать о томъ, какой силы можетъ достигнуть дѣйствіе той или иной наклонности у наблюдаемаго лица подъ вліяніемъ необычайно сильныхъ возбудителей. Если, напр., самый ничтожный поводъ уже способенъ вызвать у человѣка неудовольствіе, то мы заключаемъ, что подъ вліяніемъ очень сильныхъ раздражителей такой человѣкъ способенъ испытывать приступы сильнѣйшей ярости; если малѣйшее чувство уже проявляется у наблюдаемаго лица какими-либо внѣшними признаками—мимикой, жестами и т. д.,—то подъ вліяніемъ очень сильныхъ чувствованій эти проявленія, навѣрное, достигнутъ необычайнаго обилія и интенсивности. Однимъ словомъ, мы имѣемъ возможность, не наблюдавши непосредственно наивысшаго дѣйствія той или иной наклонности, съ большою вѣроятностью заключить о томъ, до какихъ предѣловъ она можетъ достигнуть.

Нельзя, впрочемъ, утаить, что въ иныхъ—правда, довольно рѣдкихъ—случаяхъ тутъ можетъ представиться извѣстное затрудненіе. Выше мы указывали, что бываютъ случаи, когда усиленіе возбудителя наклонности и усиленіе ея проявленій не идутъ параллельно: проявленія почти отсутствуютъ, пока возбудитель не достигнетъ извѣстной, очень значительной интенсивности, послѣ чего наклонность вдругъ проявляется съ необыкновенной силой. Относительно такихъ наклонностей наши заключенія должны производиться лишь съ большой осторожностью; если и здѣсь на основаніи наблюденій, произведенныхъ въ обыденной обстановкѣ, мы будемъ судить о томъ, какой интенсивности можетъ достигнуть дѣйствіе наклонности при исключительныхъ, чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, то рискуемъ впасть въ ошибку.

ГЛАВА VIII.

Внѣшніе и внутренніе возбудители наклонностей.

Въ предыдущемъ изложеніи намъ часто приходилось упоминать о внутреннихъ и внѣшнихъ возбудителяхъ наклонностей. Этимъ именемъ мы называли обыкновенно совокупность условій, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, способствовавшихъ проявленію данной наклонности. Понятіе „возбудителя“ имѣетъ чрез-

вычайную важность для индивидуальной психологіи: часто какое-нибудь качество, сильно развитое у наблюдаемаго лица и достигшее въ данную минуту значительной степени напряженія, тѣмъ не менѣе не проявляется (или проявляется очень слабо) только вслѣдствіе того, что отсутствуетъ соотвѣтствующій возбудитель. Далѣе, когда мы опредѣляемъ у какого-нибудь лица степень развитія той или иной наклонности по ея проявленіемъ, то при этомъ необходимо принять во вниманіе также и то, съ какой интенсивностью дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ возбудитель этой наклонности. Наконецъ, самыя проявленія какого бы то ни было качества могутъ значительно варіироваться въ зависимости отъ того, какіе именно возбудители имѣлись на лицо въ данномъ случаѣ. Въ виду такой важности этого понятія намъ необходимо разсмотрѣть его подробнѣе.

Положимъ, что мы находимся въ совешенно темной комнатѣ; несмотря на то, что наши глаза открыты и весь нашъ органъ зрѣнія находится въ нормальномъ состояніи, мы все же ничего не видимъ. Но вотъ мы замѣчаемъ въ одномъ углу комнаты свѣтящуюся точку, напримѣръ, раскаленный уголекъ; мы говоримъ, что свѣтъ отъ уголька путемъ воздѣйствія на нашу сѣтчатку возбудилъ въ насъ способность воспринимать свѣтовыя ощущенія и дѣйствіе этой способности (или наклонности) проявилось въ видѣ воспріятія свѣтящейся точки. Въ это описаніе необходимо внести, однако, небольшую поправку. Оказывается, что днемъ, при яркомъ освѣщеніи тотъ же раскаленный уголекъ можетъ быть совершенно не замѣченъ нами, и, во всякомъ случаѣ, не даетъ такого яркаго ощущенія, какъ ночью. Слѣдовательно, важна не только наличность колебаній свѣтового эфира, важно также и то, что колебанія эти исходятъ изъ одного ограниченнаго мѣста, тогда какъ все окружающее остается темнымъ. Однимъ словомъ, возбудителемъ нашей способности зрительнаго воспріятія послужилъ въ данномъ случаѣ не одинъ какой-нибудь объектъ внѣшняго міра, а скорѣе извѣстное отношеніе между нѣсколькими объектами, состоящее въ томъ, что одинъ изъ нихъ свѣтитъ, а другіе нѣтъ.

Другой примѣръ. Мы изслѣдуемъ при помощи Вундтовскаго тахистоскопа быстроту воспріятія у наблюдаемаго лица. Такъ какъ, несмотря на быстроту паденія пластинки и узость щели, мы всетаки просимъ испытуемаго насколько возможно лучше прочесть предъявляемое слово, то ему приходится необычайно напрягать свою способность быстро воспринимать объекты („наклонность къ быстротѣ умственныхъ процессовъ“, въ частности—

къ быстротѣ воспріятія). Въ данномъ случаѣ возбудителемъ является сложное сочетаніе различныхъ сторонъ явленій внѣшняго и внутренняго міра: предъявляемое слово, быстрота его предъявленія, мысль о необходимости прочесть это слово, желаніе возможно лучше прочесть его и т. д. При этомъ для возбужденія быстроты воспріятія необходимо, чтобы всѣ эти явленія были даны именно въ такомъ, а не иномъ сочетаніи; можно, конечно, предъявляемое слово замѣнить рисункомъ, вмѣсто вертикально падающей пластинки употребить пластинку, скользящую горизонтально (какъ это сдѣлано въ аппаратѣ Финци-Крепелина), но всегда должно остаться опредѣленное соотношеніе между этими явленіями: быстро мелькающій передъ глазами объектъ и необходимость воспринять его. То же самое мы имѣемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда возбудителемъ какой-либо наклонности служатъ извѣстные процессы душевнаго міра. Такъ, напр., иногда человѣкъ уже готовъ разсердиться, но мысль о томъ, что гнѣвъ этотъ можетъ повредить ему самому или близкимъ людямъ, заставляетъ его подавить въ себѣ начинающееся чувство. Въ данномъ случаѣ способность психической задержки была возбуждена слѣдующимъ сочетаніемъ душевныхъ явленій: начинающееся чувство гнѣва, мысль о неизбѣжныхъ его послѣдствіяхъ, желаніе не подвергаться этимъ послѣдствіямъ. Содержаніе каждой изъ этихъ составныхъ частей можетъ мѣняться: объектъ гнѣва, послѣдствія его, способъ размышленія объ этихъ послѣдствіяхъ,— все это можетъ безконечно варіироваться; но разъ только сохранены извѣстныя отношенія между этими процессами, извѣстный способъ ихъ сочетанія,—мы всегда можемъ съ большой вѣроятностью ожидать, что проявится и способность психической задержки,—если только, конечно, она существуетъ у наблюдаемаго человѣка.

Эти примѣры достаточно выясняютъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ внѣшними и внутренними возбудителями наклонностей: возбудителемъ той или иной наклонности мы будемъ называть опредѣленный способъ сочетанія извѣстныхъ физическихъ или психическихъ явленій (вѣрнѣе, различныхъ сторонъ этихъ явленій), всякій разъ способствующій проявленію данной наклонности. Для краткости, впрочемъ, мы будемъ употреблять терминъ „возбудитель“ какъ въ узкомъ, такъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ, обозначая имъ не только извѣстный способъ сочетанія составныхъ элементовъ, но и всю ихъ сумму, все сложное явленіе физическаго или психическаго міра, спо-

собствующее проявленію той или иной наклонности. Такъ, въ приведенныхъ выше примѣрахъ, возбудителями въ широкомъ смыслѣ слова можно считать появленіе раскаленнаго угля въ темной комнатѣ въ присутствіи испытуемаго лица, опытъ съ тахистоскопомъ, взятый во всемъ его цѣломъ, и т. д.

Возбудителей душевныхъ качествъ можно раздѣлить на двѣ группы: внутреннихъ и внѣшнихъ, хотя, какъ мы увидимъ ниже, рѣзкой границы между этими двумя группами и нельзя провести. Мы займемся сначала внѣшними возбудителями, которые по своему составу и по способу дѣйствія также не всѣ между собою однородны.

Типическимъ случаемъ дѣйствія внѣшняго возбудителя можно считать приведенный примѣръ съ свѣтящимся въ темнотѣ раскаленнымъ угольком. Подобнаго же рода внѣшніе возбудители весьма многочисленны для всѣхъ наклонностей, относящихся къ простѣйшимъ воспріятіямъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о раздражителѣ, который путемъ непосредственнаго дѣйствія на тотъ или иной органъ чувствъ, вызываетъ появленіе въ сознаніи соотвѣтствующихъ ощущеній или представленій [1]). Но дѣйствіе внѣшяго возбудителя, вызывающее проявленіе той или иной наклонности, далеко не всегда достигаетъ яснаго сознанія. Положимъ, напр., что среди оживленнаго разговора мы смахнули комара, укусившаго насъ въ щеку, и въ пылу бесѣды совершенно не замѣтили ни укуса, ни вызваннаго имъ рефлекторнаго движенія; раздражитель здѣсь оказалъ свое дѣйствіе, возбудивши нашу болевую чувствительность и вызвавши болевое ощущеніе; только ощущеніе это, какъ и движеніе, вызванное имъ, не были ясно сознаны нами, хотя, можетъ быть, и оказали нѣкоторое вліяніе на ходъ разговора. Другой, подобный же примѣръ. Положимъ, человѣкъ идетъ медленно, задумавшись о чемъ-нибудь; внезапно издали доносятся звуки быстрой музыки,—и онъ ускоряетъ въ тактъ этой музыки свои шаги; между тѣмъ, занятый своими мыслями, онъ не обращаетъ вниманія на музыку и на свою походку, такъ что потомъ самъ удивится, когда мы ему разскажемъ обо всемъ происшедшемъ. Въ этомъ случаѣ быстрый

---

[1]) Само собою разумѣется, что здѣсь мы совершенно не будемъ касаться вопроса о томъ, существуетъ ли внѣшній міръ, какъ нѣчто отличное отъ нашихъ ощущеній и представленій, а также — какимъ образомъ объекты этого внѣшняго міра могутъ воздѣйствовать на нашу психическую сферу. Индивидуальная психологія въ качествѣ эмпирической науки не должна задаваться тѣми вопросами, рѣшеніе которыхъ всецѣло принадлежитъ теоріи познанія и метафизикѣ.

ритмъ музыки, не достигши яснаго сознанія, все же повліялъ у у него на быстроту движеній, ускоривши ихъ. Такіе случаи, когда вызванныя возбудителемъ проявленія той или иной наклонности не достигаютъ яснаго сознанія, а протекаютъ на периферіи его, не замѣчаемыя самимъ наблюдаемымъ лицомъ, и обнаруживаются только при помощи извѣстныхъ внѣшнихъ проявленій,— бываютъ довольно часто. Дѣйствіе возбудителей при этомъ обыкновенно ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ случаевъ, когда вызванныя ими проявленія бываютъ ясно сознаны наблюдаемымъ: ускоряющее вліяніе музыкальнаго ритма на походку сказалось бы съ неменьшей силой и въ томъ случаѣ, если бы наблюдаемый человѣкъ слышалъ музыку и слѣдилъ за своей походкой; конечно, онъ могъ бы путемъ усилія, вопреки музыкѣ, снова замедлить шаги, но это было бы уже осложненіемъ, причиной котораго явился бы не быстрый ритмъ музыки, а какія-нибудь постороннія соображенія. Въ виду такого близкаго сходства между дѣйствіемъ ясно сознаваемыхъ и полусознаваемыхъ возбудителей, индивидуальная психологія не можетъ игнорировать вторыхъ и должна изучать ихъ съ такою же тщательностью, какъ и первые. Къ этому надо прибавить, что часто подобные возбудители, хотя и очень смутно сознаваемые, оказываютъ, тѣмъ не менѣе, очень сильное вліяніе на весь ходъ душевной жизни; вызываемыя ими полусознательныя проявленія такъ тѣсно переплетаются съ процессами, протекающими въ сознаніи, что нѣтъ возможности отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Поэтому, повторяемъ, индивидуальная психологія не можетъ игнорировать тѣхъ или иныхъ возбудителей только потому, что вызываемыя ими проявленія не подымаются выше порога сознанія.

Нѣсколько иной характеръ носятъ чисто физіологическіе возбудители, дѣйствующіе непосредственно на нервную систему и въ частности на сѣрое вещество головного мозга. Таковы всѣ фармакологическія вещества, вызывающія возбужденіе или угнетеніе мозговыхъ центровъ и соотвѣтственно этому вліяющія различнымъ образомъ на теченіе душевныхъ процессовъ. Достаточно вспомнить сложное, частью возбуждающее, частью парализующее вліяніе алкоголя, а также родственныхъ веществъ — хлоралъ-гидрата, хлороформа, сульфонала, тріонала и др., далѣе, дѣйствіе бромидовъ опіума и его препаратовъ индійской конопли и многихъ другихъ. Болѣе косвенное, но иногда не менѣе сильное вліяніе на дѣятельность мозговыхъ центровъ оказываютъ общіе моменты: питаніе, составъ воздуха, обмѣнъ веществъ въ организмѣ и проч. Спрашивается, должна ли индивидуальная психологія заниматься разсмо-

трѣніемъ такихъ чисто физіологическихъ возбудителей? Въ слѣдующей главѣ нами будетъ подробно разобранъ вопросъ о томъ, какое именно значеніе для характерологіи можетъ имѣть обстоятельное знакомство съ анатомо-физіологическимъ коррелатомъ тѣхъ или иныхъ наклонностей. Здѣсь же ограничимся лишь простымъ утвержденіемъ, что знакомство это по многимъ причинамъ является неизбѣжною необходимостью; а разъ это такъ, то, конечно, нельзя обойти молчаніемъ и тѣхъ чисто физіологическихъ возбудителей, о которыхъ сейчасъ только шла рѣчь и которые способны непосредственно вліять на состояніе и дѣятельность мозговыхъ центровъ.

Изъ всего сказаннаго выше о внѣшнихъ возбудителяхъ можно видѣть, что дѣйствіе ихъ всегда является болѣе или мѣнѣе непосредственнымъ. Внѣшній міръ воздѣйствуетъ на нашу центральную нервную систему или на периферическіе воспринимающіе аппараты (органы чувствъ), и непосредственнымъ послѣдствіемъ этого воздѣйствія является проявленіе соотвѣтствующей наклонности: раздраженіе сѣтчатки свѣтовыми лучами передается зрительному центру мозговой коры—и возникаетъ ощущеніе свѣта; бромистыя соли дѣйствуютъ на клѣтки коры—и теченіе умственныхъ процессовъ замедляется [1]).

Иначе обстоитъ дѣло съ внутренними возбудителями. Этимъ именемъ мы будемъ называть тѣ случаи, когда проявленіе наклонности вызывается не непосредственнымъ дѣйствіемъ какого-либо внѣшняго раздражителя, а благодаря извѣстной комбинаціи чисто психическихъ явленій, т. е., главнымъ образомъ, благодаря воспроизведеннымъ ощущеніямъ, представленіямъ и сопровождающимъ ихъ чувствамъ. Возьмемъ примѣръ, приведенный уже нами выше: напряженіе волевого усилія возникаетъ вслѣдствіе того, что нѣкоторыя соображенія убѣждаютъ человѣка въ необходимости подавить начинающееся чувство гнѣва. Здѣсь непосредственнымъ возбудителемъ является сочетаніе чисто психическихъ, внутреннихъ явленій: чувство гнѣва, воспоминаніе о событіи, вызвавшемъ гнѣвъ, представленіе о послѣдствіяхъ гнѣва, дѣятельность мышленія и т. д. Необходимо, однако, помнить, что о чисто

---

[1]) Говоря это, мы, разумѣется, отнюдь не намѣрены утверждать, что существуетъ причинная зависимость между физико-химическими измѣненіями въ мозговой корѣ и возникающими при этомъ психическими процессами. Рѣшеніе этого вопроса не подлежитъ вѣдѣнію индивидуальной психологіи; для ея цѣлей вполнѣ достаточно придерживаться гипотетическаго правила: всякій психическій процессъ сопровождается опредѣленными физико-химическими измѣненіями въ мозгу, и наоборотъ.

внутреннихъ возбудителяхъ можетъ идти рѣчь только до тѣхъ поръ, пока ограничиваются непосредственной причиной, вызвавшей проявленіе той или иной наклонности. Если же продолжать причинную цѣпь событій все дальше и дальше, то, конечно, для всякаго процесса, происходящаго въ сознаніи, можно найти какой-нибудь поводъ въ событіяхъ внѣшняго міра или, другими словами, всякій внутренній возбудитель можно, въ концѣ концовъ, свести къ дѣйствію тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Такъ, въ приведенномъ нами примѣрѣ первоначальнымъ раздражителемъ могли быть удары, полученные даннымъ лицомъ отъ обидчика или какая-нибудь фраза, произнесенная этимъ послѣднимъ и истолкованная нашимъ субъектомъ въ оскорбительномъ для него смыслѣ.

Отъ возбудителей той или иной наклонности слѣдуетъ отличать случайные поводы, вызвавшіе этихъ возбудителей къ дѣйствію. Обиженный человѣкъ можетъ въ данный моментъ совсѣмъ не думать о происшедшей съ нимъ непріятной исторіи, какъ вдругъ какое-нибудь совершенно постороннее обстоятельство (напр., встрѣча съ человѣкомъ, по наружности напоминающимъ обидчика), благодаря случайной ассоціаціи идей, наведетъ его на мысль о понесенномъ оскорбленіи и вызоветъ весь тотъ сложный процессъ, о которомъ говорилось выше и въ результатѣ котораго явилось напряженіе волевого усилія. Можно сказать, значитъ, что это случайное обстоятельство явилось возбудителемъ способности къ волевому усилію. Такъ мы и дѣлаемъ часто въ обиходной рѣчи, опуская сложныя промежуточныя звенья и отмѣчая только видимую, внѣшнюю причину, и проявившійся такъ или иначе конечный результатъ: подавленіе чувства гнѣва. Но научная характерологія должна, какъ намъ кажется, поступать иначе. Подъ возбудителями наклонностей въ строгомъ смыслѣ слова она должна понимать исключительно непосредственныхъ возбудителей, всякій разъ способствующихъ проявленію соотвѣтствующей наклонности. Правда, когда рѣчь идетъ о внутреннихъ возбудителяхъ, то иной разъ бываетъ полезно, кромѣ этихъ непосредственныхъ внутреннихъ возбудителей, отмѣтить также и внѣшнія обстоятельства, вызывающія обыкновенно ихъ дѣйствіе и этимъ самымъ способствующія проявленію соотвѣтствующей наклонности; но надо всегда помнить, что эти внѣшнія, случайныя обстоятельства изучаются только для удобства наблюденія, для того, чтобы при помощи ихъ вѣрнѣе и легче констатировать, въ каждомъ данномъ случаѣ, наличность извѣстнаго внутренняго возбудителя, на которомъ и

должно быть сосредоточено наше главное вниманіе. Въ случаяхъ внѣшнихъ возбудителей событія окружающаго міра непосредственно вызываютъ проявленіе той или иной наклонности; когда же дѣло идетъ о внутреннихъ возбудителяхъ, то подобныя внѣшнія событія играютъ второстепенную роль, являясь лишь способствующимъ моментомъ, который только окольнымъ путемъ и притомъ далеко не всегда одинаково вліяетъ на проявленіе данной наклонности.

Въ приведенномъ нами опредѣленіи того, что слѣдуетъ понимать подъ словами „возбудитель наклонности", сказано, между прочимъ, что возбудитель, какъ внутренній, такъ и внѣшній всякій разъ способствуетъ проявленію данной наклонности. Дѣйствительно ли это такъ? Не противорѣчитъ ли этому положенію тотъ распространенный и въ основѣ своей справедливый взглядъ, что одни и тѣ же обстоятельства часто вызываютъ совершенно противоположныя чувства, мысли и дѣйствія не только у двухъ различныхъ людей, но даже у одного и того же человѣка? Достаточно вспомнить, какъ измѣняются вкусы, потребности и привычки человѣка въ разные возрасты его жизни: тѣ идеи и событія, цѣли и стремленія, которыя такъ привлекали его фантазію и волновали его чувства въ юности, совершенно перестаютъ интересовать его черезъ какія-нибудь двадцать лѣтъ; на мѣсто ихъ явились новыя идеи, новыя потребности. И эта перемѣна интересовъ въ большинствѣ случаевъ обусловливается вовсе не кореннымъ измѣненіемъ характера даннаго лица. Характеръ въ основныхъ чертахъ можетъ остаться неизмѣннымъ: можетъ сохраниться и живость интересовъ, и яркость фантазіи, и сила чувствъ, и легкая ихъ возбудимость — а между тѣмъ направленіе этихъ чувствъ и интересовъ рѣзко перемѣнилось и чтобы возбудить ихъ, требуются уже совсѣмъ иныя условія, чѣмъ въ ранней молодости. Какъ же можно, скажутъ намъ, въ виду подобныхъ примѣровъ, говорить о томъ, что каждый возбудитель неизмѣнно, при всякихъ условіяхъ, способствуетъ возникновенію соотвѣтствующей наклонности?

Намъ кажется, что всѣ такія возраженія основаны на нѣкоторомъ недоразумѣніи, зависящемъ прежде всего отъ неточнаго пониманія словъ „возбудитель наклонности". Подъ возбудителемъ обычно понимаютъ не способъ сочетанія тѣхъ или иныхъ явленій, а самыя эти явленія, взятыя въ ихъ цѣломъ, — не какія-либо стороны окружающей жизни, способныя возбудить въ человѣкѣ соотвѣтствующую наклонность, а цѣлыя сложныя событія и происшествія, вызывающія къ дѣйствію обыкновенно цѣ-

лый рядъ различныхъ наклонностей. Другими словами, слово „возбудитель“ понимаютъ не въ настоящемъ, узкомъ, а въ болѣе широкомъ смыслѣ слова. При этомъ особенное вниманіе склонны обращать обыкновенно на внѣшнюю, конкретную сторону явленій, а не на ихъ внутренній смыслъ, не на ихъ взаимное отношеніе. И часто, изъ за кажущейся рѣзкой, бросающейся въ глаза разницы не замѣчаютъ внутренняго, болѣе глубокаго сходства между двумя явленіями внѣшней дѣйствительности. Пока рѣчъ идетъ о внѣшнихъ возбудителяхъ, то въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды: дѣйствіе ихъ настолько непосредственно, что внѣшнее, видимое сходство обусловливаетъ въ большинствѣ случаевъ и однородность дѣйствія, т. е., одинаковое вліяніе на одну и ту же наклонность. Свѣтящаяся точка въ темнотѣ всегда возбуждаетъ нашу способность зрѣнія, будетъ ли свѣтъ исходить отъ тлѣющаго уголька или отъ горящей спички; двѣ порціи алкоголя, сходныя по вкусу и запаху, окажутъ приблизительно одинаковое дѣйствіе и на теченіе нашихъ умственныхъ процессовъ. Но дѣло значительно усложняется, когда мы переходимъ къ внутреннимъ возбудителямъ. Какъ мы уже видѣли, внѣшнія обстоятельства играютъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ лишь роль случайнаго повода, который самъ по себѣ для насъ безразличенъ и все значеніе котораго заключается лишь въ томъ, что онъ повелъ къ появленію въ сознаніи внутренняго возбудителя данной наклонности, т. е., извѣстнаго, болѣе или менѣе опредѣленнаго комплекса представленій и чувствованій, способствующихъ возникновенію этой наклонности. Ребенокъ играетъ въ солдатики, плачетъ надъ несчастіями сказочной принцессы и ужасно радъ, когда ему удастся пустить самодѣльный парусный корабликъ на грязной дождевой лужѣ. Взрослый равнодушенъ ко всему этому; онъ интересуется дипломатическими переговорами и столкновеніемъ между двумя великими державами, глубоко сожалѣетъ о несчастіи, постигшемъ человѣка, котораго онъ любилъ и уважалъ, и десятки лѣтъ работаетъ надъ какимъ-нибудь научнымъ открытіемъ. Внѣшнія условія въ обоихъ случаяхъ чрезвычайно различны; и однако эти различныя внѣшнія условія, при помощи цѣлой цѣпи посредствующихъ звеньевъ, благодаря цѣлому ряду ассоціацій, вызываютъ, въ концѣ концовъ, въ сознаніи ребенка и взрослаго появленіе почти одинаковыхъ мыслей, почти одинаковаго комплекса представленій и чувствованій съ извѣстными, одинаковыми отношеніями между ними: сказочная принцесса ребенка обладаетъ для него такими же достоинствами и такъ же незаслуженно страдаетъ, какъ и другъ взрослаго человѣка, по-

этому и состраданіе, возникающее у обоихъ, очень сходно; изобрѣтеніе игрушечной лодки для ребенка такъ же сложно, трудно и важно по своимъ послѣдствіямъ, какъ научное открытіе для взрослаго, — поэтому оно и вызываетъ у ребенка такое же упорное напряженіе и сосредоточеніе умственной дѣятельности, какъ и научное открытіе у взрослаго. Несмотря на рѣзкую разницу видимыхъ, внѣшнихъ поводовъ, содержаніе внутренняго возбудителя остается то же самое, и неудивительно, что послѣдствіемъ этого является проявленіе одной и той же наклонности. Такимъ образомъ недоразумѣніе, высказанное нами выше, оказывается разрѣшеннымъ и ничто не мѣшаетъ признать, что дѣйствіе какого-бы то ни было возбудителя всякій разъ способствуетъ проявленію соотвѣтствующей наклонности.

Изучая различные возбудители простѣйшихъ душевныхъ качествъ, не трудно замѣтить, что возбудители эти могутъ обладать различной степенью интенсивности, сообразно чему измѣняется и сила ихъ воздѣйствія на соотвѣтствующую наклонность. Эти измѣненія по степени легче всего прослѣдить на внѣшнихъ возбудителяхъ, которые иногда бываютъ доступны весьма точному цифровому измѣренію. Мы можемъ съ чрезвычайною равномѣрностью повышать силу свѣта или звука, переходя постепенно отъ ничтожныхъ по силѣ раздраженій, дающихъ едва замѣтное ощущеніе, къ ослѣпительному свѣту и оглушительному стуку. На этой возможности точно измѣрять интенсивность раздражителя основана вся психофизика. Съ такой же точностью градуируемъ мы часто фармакологическія вещества, дѣйствующія на центральную нервную систему, разсчитывая, что съ повышеніемъ дозы будетъ усиливаться также и дѣйствіе лѣкарства на организмъ больного. При этомъ, конечно, приходится принимать во вниманіе различные побочные моменты: индивидуальную воспріимчивость, состояніе организма въ данный моментъ, способъ, которымъ вводится лѣкарственное вещество въ организмъ; но если всѣ эти условія остаются тождественными, то у одного и того же больного параллельно съ увеличеніемъ дозы возрастаетъ также и сила дѣйствія лѣкарства.

Что касается до внутреннихъ возбудителей, то измѣреніе силы дѣйствія возможно здѣсь далеко не съ такой точностью, какъ на внѣшнихъ. Такъ какъ всякій внутренній возбудитель есть не что иное, какъ извѣстное сочетаніе воспроизведенныхъ представленій и чувствованій, то измѣреніе его степени должно состоять въ опредѣленіи интенсивности этихъ представленій и чувствованій. Такъ, въ приведенномъ выше примѣрѣ, возбуди-

телемъ способности къ волевому усилію является чувство гнѣва и вызванное различными соображеніями желаніе во что бы то ни стало подавить въ себѣ этотъ гнѣвъ; чѣмъ сильнѣе чувство гнѣва и чѣмъ ярче, интенсивнѣе тѣ представленія и чувства, которыя заставляютъ человѣка, несмотря на всю силу гнѣва, стремиться къ его подавленію,—тѣмъ съ большею силою весь сложный внутренній процессъ способствуетъ возникновенію волевого усилія. Само собою разумѣется, что здѣсь уже невозможно градуировать интенсивность возбудителя съ такою же точностью, какъ это мы дѣлали по отношенію къ внѣшнимъ возбудителямъ. Даже не подымая вопроса о томъ, возможно ли вообще измѣрять яркость представленій и интенсивность чувствованій, необходимо сознаться, что у человѣка со сложной душевной жизнью опредѣлить, хотя бы только приблизительно, силу дѣйствія внутренняго возбудителя часто бываетъ очень трудно. Тѣмъ не менѣе, измѣреніе силы дѣйствія возбудителей, хотя бы, повторяемъ, приблизительное, играетъ очень важную роль въ индивидуальной психологіи; безъ него часто невозможно бываетъ опредѣлить степень развитія той или иной наклонности у наблюдаемаго человѣка, а безъ опредѣленія степени развитія наклонностей невозможна сама индивидуальная психологія, какъ наука. Намъ кажется, однако, что путемъ тщательнаго наблюденія и анализа можно въ этомъ направленіи достигнуть многаго. Здѣсь нѣтъ принципіальной невозможности, а есть только трудность, зависящая отъ сложности изучаемаго матеріала, а такого рода препятствія нельзя считать совершенно непреодолимыми. Не надо забывать, что изученіе различныхъ условій, вліяющихъ на проявленія той или иной наклонности, находится пока еще въ совершенно зачаточномъ состояніи. Дальнѣйшія, чисто фактическія изслѣдованія въ этой области должны доставить намъ много новаго и интереснаго матеріала.

Чѣмъ сильнѣе возбудитель, тѣмъ интенсивнѣе проявленія соотвѣтствующей наклонности. Надо, однако, помнить, что сила проявленій зависитъ не только отъ силы возбудителя, но также и отъ нѣкоторыхъ другихъ условій: степени напряженности даннаго душевнаго качества въ моментъ дѣйствія возбудителя, способствующаго или задерживающаго вліянія со стороны другихъ наклонностей, болѣе или менѣе быстраго истощенія данной наклонности и т. д. Такъ, если какая нибудь наклонность истощена очень продолжительнымъ или необычайно энергичнымъ дѣйствіемъ, то даже сильный возбудитель едва будетъ въ состояніи вызвать ничтожное по силѣ проявленіе; если же, наоборотъ, сильно раз-

витая у даннаго человѣка наклонность достигла къ тому же значительнаго напряженія вслѣдствіе продолжительнаго (только не черезчуръ продолжительнаго!—см. выше) бездѣйствія, то она иногда проявляется даже при отсутствіи возбудителя. Далѣе, какое нибудь интересное зрѣлище, обыкновенно привлекающее все наше вниманіе, рискуетъ пройти совершенно незамѣченнымъ, если съ нами недавно случилось большое несчастіе, на которомъ и до сихъ поръ еще сосредоточиваются наши мысли. Всѣ такія побочныя вліянія необходимо принимать въ разсчетъ, когда приходится пользоваться интенсивностью возбудителя для опредѣленія степени развитія у наблюдаемаго человѣка той или иной наклонности.

Сила дѣйствія возбудителя зависитъ иногда не только отъ его интенсивности, но и отъ нѣкоторыхъ другихъ условій: продолжительности дѣйствія, частоты повтореній и т. д. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе этихъ факторовъ, мы упомянемъ только о томъ, часто встрѣчающемся явленіи, которое Джемсъ называетъ сложеніемъ стимуловъ: „стимулъ, который самъ по себѣ не способенъ вызвать въ нервномъ центрѣ разрядъ, можетъ вызвать послѣдній, дѣйствуя одновременно съ другими стимулами, въ отдѣльности столь же безсильными, какъ и онъ“. Примѣръ: „Припоминая позабытое имя или фактъ, мы стараемся вызвать въ памяти какъ можно болѣе связанныхъ съ ними обстоятельствъ, такъ, чтобы всѣ они въ совокупности напоминали то, чего каждое въ отдѣльности не въ силахъ напомнить“ (24). Пользуясь нашими терминами, мы можемъ выразить этотъ случай такъ: наклонность къ воспроизведенію даннаго образа проявилась съ достаточной силой лишь подъ вліяніемъ цѣлаго ряда однородныхъ внутреннихъ возбудителей, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ былъ слишкомъ слабъ, чтобы вызвать ея проявленіе. Къ этому можно добавить, что нѣчто аналогичное приходится иногда наблюдать при повторномъ воздѣйствіи одного и того же возбудителя. Если я сижу за письменнымъ столомъ, углубленный въ чтеніе, то однократный слабый стукъ въ дверь можетъ пройти для меня совершенно незамѣченнымъ; но будучи повторенъ 3—4 раза, тотъ же стукъ обращаетъ на себя, наконецъ, мое вниманіе. Явленіе это, давно уже извѣстное въ физіологіи подъ именемъ суммированія раздраженій, можетъ быть распространено, какъ намъ кажется, не только на область внѣшнихъ, но также и на область внутреннихъ возбудителей душевныхъ качествъ. Такъ, напр., мысль о необходимости совершить какой-нибудь поступокъ, появившись въ нашемъ сознаніи, можетъ ока-

заться слишкомъ слабой и исчезнуть безъ всякаго результата; но если какія-нибудь случайныя стеченія обстоятельствъ нѣсколько разъ подрядъ вызываютъ въ насъ ту же самую мысль, то, хотя бы и не прибавилось въ пользу ея выполненія никакихъ новыхъ доводовъ, мы все же часто кончаемъ тѣмъ, что совершаемъ требуемый поступокъ, т. е. выполняемъ рядъ необходимыхъ для этого дѣйствій. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что подобнаго рода соображенія играютъ не послѣднюю роль въ томъ систематическомъ помѣщеніи изо дня въ день одной и той же рекламы, которое иной разъ такъ надоѣдаетъ намъ и которое, тѣмъ не менѣе, по наблюденіямъ заинтересованныхъ лицъ, во многихъ случаяхъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли.

ГЛАВА IX.

Анатомо-физіологическій коррелатъ основныхъ наклонностей.

Быть можетъ нѣкоторые изъ нашихъ читателей будутъ удивлены, если мы скажемъ, что для индивидуальной психологіи представляется необходимымъ также и изученіе анатомо-физіологическаго коррелата душевныхъ качествъ. Вѣдь цѣль индивидуальной психологіи—скажутъ они—состоитъ въ томъ, чтобы проникнуть во внутренній міръ другого человѣка, чтобы узнать его мысли, чувства, желанія, а вовсе не въ томъ, чтобы угадать физико-химическіе процессы, происходящіе въ его мозгу. Для этого есть физіологія, которой и слѣдуетъ всецѣло предоставить всѣ такого рода вопросы. И безъ того уже въ предыдущемъ изложеніи слишкомъ много такого, что напоминаетъ скорѣе физіологію, чѣмъ психологію: бо́льшая или меньшая напряженность наклонностей, временное истощеніе ихъ послѣ ряда сильныхъ проявленій, измѣреніе степени ихъ развитія, внутренніе и внѣшніе возбудители наклонностей, суммированіе раздраженій,—все это понятія, заимствованныя изъ физіологіи, а не возникшія исключительно на почвѣ изученія душевныхъ явленій. Если же мы пустимся еще въ изученіе физико-химическихъ процессовъ, сопровождающихъ проявленіе той или иной наклонности, то рискуемъ совсѣмъ удалиться отъ первоначальной цѣли и наша научная характерологія превратится тогда, пожалуй, въ изученіе личныхъ особенностей устройства нервной системы у отдѣльныхъ индивидуумовъ.

На это мы отвѣтимъ слѣдующее. Индивидуальная психологія должна оставаться, безъ сомнѣнія, прежде всего психологіей; главной задачей ея должно быть изученіе внутренней, душевной жизни каждаго отдѣльнаго индивидуума съ тѣмъ, чтобы основываясь именно на этихъ душевныхъ особенностяхъ, построить затѣмъ классификацію людскихъ характеровъ. И если мы пытаемся примѣнить къ изученію и группировкѣ душевныхъ явленій нѣкоторыя понятія и методы, уже ранѣе того извѣстные въ физіологіи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы желали свести характерологію къ физіологіи отдѣльныхъ индивидуумовъ. Мы просто пытаемся нѣкоторые методы и понятія, заимствованные изъ науки болѣе разработанной, приложить къ другой, менѣе разработанной наукѣ. А что различные физіологическіе методы оказываются полезными для психологіи, примѣромъ тому можетъ служить экспериментальный методъ: хотя онъ и не произвелъ того переворота въ психологіи, на который разсчитывали нѣкоторые изъ его защитниковъ, но все же никто, какъ намъ кажется, не станетъ отрицать того значенія, которое онъ пріобрѣлъ для анализа и изученія явленій душевной жизни, преимущественно въ интеллектуальной и волевой ея сферахъ. И однако, никто не станетъ теперь утверждать, что со введеніемъ экспериментальнаго метода психологія превратилась въ физіологію, чего прежде такъ боялись одни и на что прежде такъ надѣялись другіе. Мало того: по мѣрѣ того, какъ расширяется примѣненіе эксперимента къ изученію душевныхъ явленій, самое понятіе эксперимента начинаетъ измѣняться, получая уже нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ раньше. Если мы сравнимъ, напр., многочисленныя изслѣдованія надъ памятью по методу Эббинггауза или опыты нѣкоторыхъ французскихъ авторовъ относительно зрительнаго воображенія съ тѣми опытами Вебера и Фехнера, которые положили начало психофизикѣ, то разница между ними бросается въ глаза (25). Понятіе эксперимента постепенно видоизмѣнилось и приспособилось въ зависимости отъ перемѣны матеріала, подлежащаго изученію. Подобныя измѣненія должны претерпѣть, вѣроятно, и нѣкоторыя изъ тѣхъ перечисленныхъ выше понятій, которыя являются необходимыми для созданія научной характерологіи. Такъ, выше мы уже говорили о томъ, что напряженіе наклонности и степень ея развитія должны имѣть въ индивидуальной психологіи нѣсколько иное значеніе, чѣмъ въ физіологіи. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, введеніе этихъ понятій вовсе еще не обозначаетъ, по нашему мнѣнію, превращенія характерологіи въ отдѣлъ физіологіи.

Что же касается до анатомо-физіологическаго коррелата наклон-

ностей, то изученіе его является необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ для изученія душевнаго міра другихъ людей. Въ пользу этого говорятъ слѣдующія соображенія. Прежде всего, очень важное значеніе для индивидуальной психологіи имѣютъ такъ называемыя физіологическія проявленія аффектовъ и эмоцій: блѣдность или краснота кожи вслѣдствіе измѣненной дѣятельности вазомоторовъ, измѣненія пульса и дыханія, мышечныя сокращенія и т. д. Благодаря своей доступности для всякаго посторонняго наблюдателя, эти органическія измѣненія занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди тѣхъ признаковъ, которыми намъ приходится руководиться при опредѣленіи характера того или иного человѣка. Но вѣдь всѣ эти внѣшнія перемѣны, происходящія на поверхности организма, являются лишь слѣдствіемъ тѣхъ скрытыхъ процессовъ, которые данное чувство вызвало въ центральныхъ частяхъ организма, другими словами—слѣдствіемъ измѣненной иннервації со стороны спинного или головного мозга. Правда, эти центральныя измѣненія составляютъ для насъ въ большинствѣ случаевъ настоящую terra incognita; тутъ много гипотезъ и почти нѣтъ достовѣрныхъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе, есть основаніе думать что единственнымъ ключомъ къ той путаницѣ, которую представляютъ намъ физіологическія проявленія различныхъ аффектовъ, является болѣе или менѣе достовѣрное знаніе иннервацiонныхъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ этихъ проявленій. Поэтому и индивидуальная психологія, для которой всѣ эти внѣшнія измѣненія представляютъ, какъ сказано, огромную важность, не можетъ не относиться съ интересомъ также и ко всѣмъ попыткамъ установить тѣ физіологическіе процессы въ центральной нервной системѣ, которые являются коррелатами чувствованій. При этомъ данный интересъ нисколько не измѣнится въ зависимости отъ того, какъ мы будемъ смотрѣть на отношеніе между внутренней, субъективной стороной чувствованій и внѣшнимъ, физіологическимъ ихъ выраженіемъ: будемъ ли мы считать первичными тѣ состоянія сознанія, которыя мы испытываемъ во время какого-нибудь аффекта, а на возникающія при этомъ физіологическія измѣненія смотрѣть только какъ на проявленія душевныхъ состояній, или же, наоборотъ, будемъ согласно гипотезѣ Джемса-Ланге, именно въ этихъ физіологическихъ измѣненіяхъ видѣть всю основу чувства, а на субъективную сторону его смотрѣть только какъ на слѣдствіе, отраженіе органическихъ процессовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ отношеніе между внѣшними выраженіями чувствъ и центральными иннервацiонными процессами останется одно и то же: первыя всегда останутся слѣд-

ствіемъ вторыхъ, такъ что невозможно обстоятельно изучать внѣшнія проявленія, не будучи хотя бы нѣсколько знакомымъ съ тѣмъ, что въ это время происходитъ въ центрахъ.

Другимъ соображеніемъ, говорящимъ въ пользу необходимости для индивидуальной психологіи изучать анатомо-физіологическій коррелатъ отдѣльныхъ наклонностей, является слѣдующее. Существуетъ тѣсная взаимная связь мемду нѣкоторыми душевными качествами съ одной стороны, и иными чисто физіологическими наклонностями съ другой. Такъ, обиліе движеній (двигательныхъ импульсовъ) обыкновенно идетъ рука объ руку съ неспособностью къ продолжительному сосредоточенію вниманія, быстрота движеній связана обыкновенно также и съ быстротой умственныхъ процессовъ и т. д. Особенно ясно сказывается существованіе такихъ связей въ ученіи о темпераментахъ (см. выше, гл. I). Извѣстно, какую важную роль играютъ во всѣхъ классификаціяхъ темпераментовъ чисто физіологическіе особенности и признаки. Въ древности такими физіологическими признаками являлись тѣ или иныя свойства крови („легкокровный“ и „тяжелокровный“ темпераменты), преобладаніе тѣхъ или иныхъ соковъ въ тѣлѣ; въ новѣйшее время—бо́льшая или меньшая быстрота и сила иннерваціи, особенности въ устройствѣ мышцъ и сосудистыхъ стѣнокъ и т. д. Въ сравнительно недавней классификаціи темпераментовъ Фулье главнымъ основаніемъ дѣленія является преобладаніе intégration или désintégration,—распаденія или возстановленія тканей въ организмѣ (4). А между тѣмъ, рѣдкая изъ этихъ классификацій ограничивается узкой сферой чисто физіологическихъ особенностей организма; большинство авторовъ, напротивъ, при описаніи того или иного темперамента перечисляютъ обыкновенно также и цѣлый рядъ свойственныхъ ему чисто психическихъ признаковъ, предполагая этимъ самымъ, что перечисленныя душевныя качества находятся въ тѣсной связи съ тѣми физіологическими особенностями, которыя лежатъ въ основѣ классификаціи. Мы видимъ далѣе, что такой добросовѣстный наблюдатель, какъ Б. Перэ, счелъ возможнымъ все разнообразіе характеровъ, со всѣми самыми сложными душевными проявленіями, подраздѣлить въ зависимости отъ чисто физіологическихъ признаковъ: быстроты, медленности и энергіи движеній (13). Очевидно, что индивидуальная психологія не можетъ игнорировать подобныхъ соотношеній между нѣкоторыми чисто физическими и другими, чисто психическими наклонностями. А между тѣмъ, причина и характеръ этихъ соотношеній могутъ вполнѣ выясниться лишь въ томъ случаѣ, если намъ будутъ извѣстны, хотя бы приблизительно, физіологическіе процессы, ко-

торыми сопровождаются различныя проявленія нашей душевной дѣятельности; другими словами—когда будетъ хоть сколько-нибудь изученъ анатомо-физіологическій коррелатъ простѣйшихъ наклонностей.

Наконецъ, еще одно замѣчаніе. Какъ уже объ этомъ упоминалось выше, индивидуальная психологія не должна оставлять безъ вниманія также и тѣхъ наклонностей, проявленія которыхъ въ большинствѣ случаевъ не доходятъ до яснаго сознанія наблюдаемаго лица. Другими словами, наклонности ко всякаго рода сложнымъ автоматическимъ актамъ (движеніямъ, умственнымъ операціямъ и т. д.) также подлежатъ обстоятельному анализу и изученію со стороны характеролога. А такъ какъ обычный спутникъ психолога—самонаблюденіе и внутренній анализъ—въ данномъ случаѣ оказывается почти безполезнымъ, то и приходится поневолѣ прибѣгать къ анатомо-физіологическимъ отношеніямъ, которыя въ нѣкоторыхъ подобныхъ вопросахъ (напр., въ вопросѣ объ автоматическихъ координированныхъ движеніяхъ) могутъ значительно способствовать выясненію дѣла.

Итакъ, изученіе анатомо-физіологическаго коррелата наклонностей можетъ оказаться полезнымъ для индивидуальной психологіи. Спрашивается теперь, что же именно нужно изучать? Очевидно, что не всѣ процессы, совершающіеся въ организмѣ, представляютъ одинаковый интересъ съ нашей точки зрѣнія: нашему разсмотрѣнію должны подлежать лишь такія стороны въ дѣятельности организма, которыя тѣснѣе, чѣмъ всѣ остальныя, связаны съ различными душевными процессами, а слѣдовательно и съ наклонностями, обусловливающими возникновеніе этихъ послѣднихъ. При этомъ считаемъ нелишнимъ еще разъ предупредить, что, говоря о связи или зависимости, существующей между какими бы то ни было психическими процессами съ одной стороны, и соотвѣтствующими имъ физіологическими съ другой, мы всегда будемъ придерживаться гипотезы психо-физическаго параллелизма. Другими словами мы примемъ разъ навсегда за правило: всякому психическому процессу непремѣнно должны соотвѣтствовать извѣстныя, опредѣленныя физіологическія измѣненія въ организмѣ. Гипотеза эта въ настоящее время безмолвно принимается, можно сказать, огромнымъ большинствомъ авторовъ, занимающихся разработкой отдѣльныхъ психологическихъ вопросовъ, и намъ кажется, что индивидуальная психологія при разработкѣ отдѣльныхъ наклонностей можетъ пользоваться ею съ неменьшимъ успѣхомъ.

Изо всѣхъ сторонъ дѣятельности организма психолога больше

всего интересуютъ, несомнѣнно, процессы, происходящіе въ центральной нервной системѣ. То же приходится сказать и по отношенію къ индивидуальной психологіи. Физіологическимъ коррелатомъ огромнаго большинства нашихъ основныхъ наклонностей являются, вѣроятно, различныя стороны процессовъ, совершающихся въ сѣромъ веществѣ головного мозга. Правда, внѣшнія проявленія, какъ уже сказано, сами по себѣ также имѣютъ большую важность для характерологіи, особенно въ діагностическомъ отношеніи. Но кромѣ того, они важны для насъ еще какъ признаки тѣхъ или иныхъ иннерваціонныхъ импульсовъ, исходящихъ отъ спинного и головного мозга, а также какъ источникъ новыхъ ощущеній (мышечныхъ и иныхъ), возникающихъ благодаря тому, что сокращающіяся мышцы или расширенные сосуды давятъ на нервныя окончанія и вызываютъ этимъ центростремительные импульсы, передающіеся спинному и головному мозгу. Такимъ образомъ, изучая всякаго рода внѣшнія проявленія, мы должны не довольствоваться однимъ лишь ихъ описаніемъ, но также стараться по возможности приводить ихъ въ связь съ процессами, происходящими одновременно въ центральной нервной системѣ.

Иногда приходится слышать опасеніе, что если мы будемъ стараться найти особый анатомо-физіологическій коррелатъ для каждой отдѣльной наклонности, то это поведетъ, пожалуй, къ воскрешенію въ томъ или иномъ видѣ Галлевской френологіи со всѣми ея заблужденіями и ошибками. Опасенія эти, по нашему мнѣнію, совершенно неосновательны. Главная ошибка Галля заключалась въ томъ, что различные душевные процессы, иногда очень сложные (напр., любовь къ потомству, дружба, религіозность, склонность къ метафизикѣ и т. п.), онъ локализировалъ въ отдѣльныхъ, совершенно обособленныхъ участкахъ мозга. Нечего и говорить, что, отыскивая для каждой наклонности соотвѣтствующій анатомо-физіологическій коррелатъ, мы будемъ придерживаться совсѣмъ иной точки зрѣнія; намъ придется обращать главное вниманіе не на различные участки мозговой коры, а на различныя с т о р о н ы д ѣ я т е л ь н о с т и тѣхъ или иныхъ нервныхъ центровъ: бо́льшая или меньшая быстрота и интенсивность процессовъ распаденія и возстановленія въ клѣткахъ мозга, постоянная наклонность къ соединенному дѣйствію именно такихъ, а не иныхъ элементовъ мозговой коры (напр., предпочтительная наклонность къ извѣстнаго рода сложнымъ движеніямъ или извѣстнаго рода ассоціаціямъ), большее или меньшее развитіе соотношеній между разными центрами (напр., способность или неспособность къ задержкѣ движеній) и т. д. Такого рода „физіо-

логическія наклонности“ не могутъ, конечно, находиться въ противорѣчіи ни съ психологіей, ни съ современной физіологіей, которой, въ концѣ концовъ, должно принадлежать рѣшающее слово въ данномъ вопросѣ.

ГЛАВА X.

Взаимныя отношенія основныхъ наклонностей.

Изучая и сопоставляя между собой отдѣльныя основныя наклонности, можно убѣдиться, что между нѣкоторыми изъ нихъ существуетъ извѣстнаго рода соотношеніе, взаимная зависимость, благодаря которой такія наклонности стоятъ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ остальнымъ основнымъ душевнымъ качествамъ. Существованіе такого рода зависимости сказывается чаще всего тѣмъ, что развитіе и упроченіе одной изъ подобныхъ наклонностей, а также ея дѣйствіе или бездѣйствіе отражается такъ или иначе на дѣйствіе другихъ, связанныхъ съ нею, способствуя ихъ проявленіямъ или, наоборотъ, задерживая эти послѣднія. Поэтому, найдя у наблюдаемаго лица одну изъ такихъ наклонностей, мы можемъ обыкновенно съ большой вѣроятностью предположить также и наличность другихъ, связанныхъ съ нею,—если, конечно, этому не помѣшаютъ различныя постороннія вліянія.

Не слѣдуетъ думать, что такого рода соотношенія представляютъ изъ себя что-нибудь всегда однородное, постоянное, строго опредѣленное; напротивъ, мы встрѣчаемъ здѣсь довольно значительное разнообразіе какъ въ характерѣ зависимостей, такъ и въ тѣснотѣ связей. Тѣмъ не менѣе, внимательное узученіе вопроса позволяетъ намъ разбить всѣ подобныя соотношенія на двѣ большія группы, довольно рѣзко отличающіяся одна отъ другой: во первыхъ—взаимное родство между отдѣльными наклонностями, во вторыхъ—взаимодѣйствіе между ними или вліяніе, оказываемое одной наклонностью на другую.

Родственными мы будемъ называть такія душевныя качества, которыя въ основѣ своей очень сходны между собою и различаются, главнымъ образомъ, второстепенными чертами, способами своего проявленія. Таковы, напр., быстрота сосредоточенія вниманія и быстрота въ принятіи рѣшенія. По своимъ проявленіямъ эти двѣ наклонности значительно отличаются одна отъ другой: въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о вхожденіи какого-нибудь пред-

ставленія въ фиксаціонную точку сознанія, во второмъ—о замѣнѣ группы борющихся между собою представленій и чувствованій однимъ какимъ-нибудь опредѣленнымъ стремленіемъ и объ исчезновеніи чувства сомнѣнія, неувѣренности, сопровождающаго всякое колебаніе. Но главная основа обѣихъ разсматриваемыхъ наклонностей одна и та же, именно—быстрота совершающагося процесса, тѣ неизвѣстныя намъ психофизіологическія особенности организма, которыя обусловливаютъ какъ болѣе или менѣе быстрое сосредоточеніе вниманія, такъ и болѣе или менѣе быстрое принятіе рѣшенія.

Другой примѣръ: способность по произволу задерживать различныя рефлекторныя движенія (психомоторная задержка) и способность произвольно подавлять и устранять изъ сознанія извѣстныя мысли, чувства и желанія (внутренняя, психическая задержка). Обѣ эти наклонности нельзя назвать совершенно тождественными. Наши внутреннія переживанія въ томъ и въ другомъ случаѣ нѣсколько отличаются другъ отъ друга; то чувство напряженія, которое мы испытываемъ при психомоторной задержкѣ, носитъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ усиліе, сопровождающее попытку произвольно подавить въ себѣ какія-либо мысли или чувствованія. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать чрезвычайно близкаго сходства между этими двумя явленіями, да и постоянный опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что качества эти обыкновенно встрѣчаются вмѣстѣ, такъ что значительное развитіе одного изъ нихъ почти безошибочно позволяетъ заключить также и о наличности другого. Очевидно, тѣ субъективные, недостаточно еще нами изученные факторы, которые лежатъ въ основѣ обѣихъ этихъ наклонностей, имѣютъ между собой очень много общаго и даже, весьма вѣроятно, просходятъ изъ одного общаго корня. При дальнѣйшемъ, болѣе точномъ анализѣ окажется, быть можетъ, что родственныя наклонности представляютъ собой лишь результатъ позднѣйшаго расчлененія (дифференціаціи) одной какой-нибудь элементарной функціи первобытнаго, простѣйшаго психофизическаго организма. Съ другой стороны, каждая изъ нашихъ простѣйшихъ наклонностей можетъ со временемъ, благодаря дѣйствію какихъ-нибудь постоянныхъ условій, также дифференцироваться, образовавши одно или нѣсколько новыхъ, родственныхъ другъ другу качествъ. Такіе зачатки дальнѣйшей дифференціаціи можно замѣтить нерѣдко среди проявленій различныхъ наклонностей.

Не слѣдуетъ смѣшивать случаевъ родства между отдѣльными простѣйшими наклонностями съ тѣми случаями, когда про-

явленія двухъ весьма сложныхъ душевныхъ качествъ заключаютъ въ себѣ одинъ—два сходныхъ элемента, которыя, однако, не представляютъ особеннаго значенія и не являются характерными, основными элементами для данныхъ душевныхъ качествъ. Такіе случаи общности нѣкоторыхъ второстепенныхъ признаковъ встрѣчаются довольно часто, но для индивидуальной психологіи они не представляютъ почти никакого интереса. Отдѣленіе пота можетъ явиться какъ слѣдствіемъ продолжительной и энергичной мышечной работы, такъ и благодаря внезапному приступу смертельнаго ужаса, парализующаго всякую мышечную дѣятельность,— и однако, мы не придаемъ никакого значенія этому случайному совпаденію второстепеннаго признака, такъ какъ основныя черты обоихъ сложныхъ процессовъ слишкомъ рѣзко разнятся другъ отъ друга. Иногда, впрочемъ, характерологу приходится обращать вниманіе также и на какую-либо побочную черту въ проявленіи извѣстной наклонности. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эта побочная, второстепенная сторона настолько тѣсно связана съ основнымъ элементомъ, составляющимъ главное содержаніе данной наклонности, что ихъ трудно, даже невозможно отдѣлить другъ отъ друга. Возьмемъ, напр., печаль и страхъ. Какъ интеллектуальное, такъ и эмоціональное содержаніе обоихъ этихъ сложныхъ проявленій довольно значительно разнятся другъ отъ друга. Но у нихъ есть одна общая черта, наличность которой почти всякій разъ можно констатировать въ каждомъ изъ двухъ названныхъ аффектовъ, именно—угнетающее дѣйствіе на сферу произвольныхъ движеній, свойственное (за рѣдкими исключеніями) какъ печали, такъ и страху. Это угнетеніе движеній хотя и не составляетъ основного содержанія обоихъ аффектовъ, но тѣмъ не менѣе настолько тѣсно съ нимъ связано, что благодаря ему страхъ и печаль можно считать наклонностями, до извѣстной степени родственными другъ другу. Все же о чистомъ родствѣ, какъ мы его описали выше, и здѣсь не можетъ быть рѣчи, такъ какъ сходною является не та сторона душевнаго процесса, которая составляетъ основное содержаніе обѣихъ данныхъ наклонностей, а другая, побочная, хотя бы и тѣсно связанная съ первой.

Второй родъ соотношеній, существующихъ между основными душевными качествами, составляютъ тѣ случаи, когда одна наклонность воздѣйствуетъ на другую, оказываетъ на нее извѣстнаго рода вліяніе. Здѣсь можно наблюдать нѣсколько отдѣльныхъ разновидностей. Прежде всего, возможно непосредственное вліяніе одной наклонности на другую, сказывающееся въ

томъ, что энергическое дѣйствіе первой изъ нихъ прямо, безъ всякихъ посредствующихъ звеньевъ влечетъ за собой усиленное проявленіе второй. Такъ, напр., сильное, чувство, связанное съ какимъ-нибудь представленіемъ, благопріятствуетъ обыкновенно тому, что представленіе это выдвигается на первый планъ въ нашемъ сознаніи, т. е., сосредоточиваетъ на себѣ наше вниманіе. Благодаря этому люди, способные испытывать глубокія, интенсивная чувствованія, обладаютъ обыкновенно также и способностью къ усиленному сосредоточенію вниманія на представленіяхъ, такъ или иначе относящихся къ этимъ чувствамъ. Въ переводѣ на термины индивидуальной психологіи это будетъ означать, что наклонность къ силѣ чувствованій непосредственно способствуетъ возникновенію (или проявленію) наклонности сосредоточивать вниманіе на извѣстныхъ представленіяхъ. Первичныя, коренныя причины, лежащія въ основѣ обоихъ этихъ душевныхъ качествъ, намъ въ настоящее время еще мало извѣстны и общая психологія можетъ строить относительно ихъ лишь различныя гипотезы, болѣе или менѣе правдоподобныя и болѣе или менѣе противорѣчащія одна другой. И тѣмъ не менѣе, несомнѣннымъ представляется тотъ фактъ, что проявленіе одного изъ этихъ душевныхъ качествъ оказываетъ всякій разъ непосредственное усиливающее дѣйствіе на возникновеніе другого.

Иногда эта связь между двумя наклонностями бываетъ настолько тѣсной, способствующее вліяніе одной изъ нихъ по отношенію къ другой оказывается настолько значительнымъ и постояннымъ, что приходится видѣть въ первомъ изъ этихъ душевныхъ качествъ причину второго. Такъ, уже въ приведенномъ нами выше примѣрѣ нѣкоторые авторы склонны видѣть причинную зависимость: по мнѣнію Рибо (26), причиной пассивнаго сосредоточенія вниманія на какомъ-либо представленіи всегда является чувственный тонъ, связанный съ этимъ представленіемъ. Намъ кажется, однако, что это крайность: яркое, отчетливое представленіе, не сопровождаемое никакимъ чувственнымъ тономъ (насколько, по крайней мѣрѣ, можетъ намъ объ этомъ свидѣтельствовать внутренній опытъ), тѣмъ не менѣе, способно иной разъ сосредоточить на себѣ наше вниманіе. Такимъ образомъ, здѣсь слѣдуетъ говорить скорѣе о способствующемъ вліяніи, а не о причинной зависимости между двумя упомянутыми простѣйшими наклонностями.

Не менѣе важное значеніе для характерологіи имѣетъ также другая зависимость, съ которой часто приходится считаться. Это—

доставленіе со стороны одной или нѣсколькихъ низшихъ наклонностей матеріала, необходимаго для проявленія какого-нибудь другого, высшаго (хотя также простого, а не сложнаго) душевнаго качества. Такъ, напр., способность выбирать между нѣсколькими средствами, ведущими къ достиженію какой-нибудь цѣли, можетъ проявиться, очевидно, лишь въ томъ случаѣ, если въ сознаніи (или въ подсознательной сферѣ) уже имѣется цѣлый рядъ различныхъ представленій и чувствованій: представленіе о цѣли и о средствахъ, ведущихъ къ ея достиженію, чувство, связанное съ достиженіемъ этой цѣли, и т. д. Только при наличности въ сознаніи всѣхъ этихъ—въ общемъ довольно сложныхъ и многочисленныхъ—психическихъ образованій можетъ проявиться также и способность выбора. Проявленіе этой способности будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ томъ, что представленіе о какомъ-нибудь средствѣ вмѣстѣ съ сопровождающимъ его чувствомъ постепенно или сразу вытѣсняетъ всѣ остальныя и сосредоточиваетъ на себѣ все наше вниманіе (болѣе подробный анализъ даннаго проявленія, напр., о чувствахъ колебанія, нерѣшительности, напряженія, возбужденія и т. д. см. во второй части). Другой, болѣе простой примѣръ: для того, чтобы проявилась способность соредоточенія вниманія, т. е., чтобы извѣстное ощущеніе или представленіе могло войти въ фиксаціонную точку сознанія, должна быть, очевидно, предварительно дана возможность образованія этого ощущенія или представленія. Вотъ эти-то предварительныя содержанія сознанія, эти группы ощущеній, представленій и чувствованій, на которыхъ и при помощи которыхъ проявляется та или иная высшая наклонность, мы и будемъ называть матеріаломъ, необходимымъ для проявленія этой наклонности,—названіе, можетъ быть, и не совсѣмъ удачное, но все же пригодное за неимѣніемъ лучшаго.

Что же такое представляетъ изъ себя этотъ матеріалъ? Различнаго рода психическіе процессы. А между тѣмъ ниже, когда рѣчь будетъ идти о проявленіяхъ наклонностей, мы увидимъ, что всякій, даже элементарный душевный процессъ можно разсматривать, какъ проявленіе одной или нѣсколькихъ наклонностей. Такимъ образомъ, чтобы получить то, что мы называемъ матеріаломъ, служащимъ для проявленій какого-либо высшаго душевнаго качества, нужна предварительная наличность и дѣятельность другого опредѣленнаго душевнаго качества или цѣлой группы ихъ. И вотъ всякій разъ, встрѣчаясь съ подобнаго рода соотношеніями, мы будемъ называть тѣ душевныя качества, которыя своими проявленіями доставляютъ матеріалъ для дру-

гихъ — низшими, тѣ же, которыя изъ этого матеріала образуютъ свои собственныя проявленія — высшими. Такъ, въ приведенномъ нами примѣрѣ, наклонности къ образованію ощущеній, представленій, чувствованій являются низшими, а наклонность производить выборъ — высшею. Разумѣется, оба названныя понятія имѣютъ не абсолютное; а лишь относительное значеніе: почти всякое высшее душевное качество можетъ оказаться низшимъ по отношенію къ другимъ, еще болѣе высокимъ, для которыхъ его проявленія являются лишь матеріаломъ, — и наоборотъ. Далѣе, не слѣдуетъ думать, что проявленіе высшей наклонности состоитъ исключительно изъ даннаго матеріала, т.-е., представляетъ собой простую сумму проявленій низшихъ наклонностей; наоборотъ, оно всегда прибавляетъ къ имѣющимся уже въ сознаніи проявленіямъ низшихъ душевныхъ качествъ нѣчто особенное, специфическое, свойственное только данной высшей наклонности. Такъ, въ примѣрахъ, приведенныхъ выше, когда мысль о какомъ-нибудь одномъ средствѣ вытѣснила всѣ остальныя (проявленіе способности выбора) или когда какое-нибудь представленіе вошло въ фиксаціонную точку сознанія (проявленіе способности сосредоточивать вниманіе), то этимъ самымъ процессъ, происходящій въ сознаніи, пріобрѣлъ нѣчто новое, обогатился новой стороной, которой у него не было ранѣе. И это вполнѣ понятно, такъ какъ вѣдь всякая наклонность есть ни что иное, какъ возможность проявленія какой-нибудь опредѣленной стороны душевнаго процесса. Поэтому, хотя матеріалъ, служащій для проявленія высшей наклонности, можетъ варіироваться самымъ различнымъ образомъ (такъ какъ иная высшая наклонность имѣетъ нѣсколько низшихъ, относящихся къ ней и могущихъ замѣнить другъ друга), но проявленія этой высшей наклонности всегда будутъ сходны между собой: всѣмъ имъ свойственна опредѣленная сторона душевнаго процесса, лежащая въ ихъ основѣ и составляющая ихъ специфическую особенность.

Надо замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ вовсе не о синтезѣ активнаго сознанія, такъ часто выдвигаемомъ за послѣднее время; этотъ вопросъ сюда не относится. Говоря о томъ, что проявленіе высшей наклонности не является простой суммой даннаго низшими наклонностями матеріала, а образуетъ всегда нѣчто новое, мы этимъ вовсе не хотѣли сказать, будто вся его новизна и своеобразность заключаются только въ сліяніи, спаиваніи отдѣльныхъ частей даннаго матеріала въ одно цѣлое. Нѣтъ, высшая наклонность при своемъ проявленіи даетъ картину возникновенія совершенно особой стороны душевнаго процесса, которая

остается одной и той же, какъ бы не измѣнялся матеріалъ, при помощи котораго она обнаруживается.

Существуетъ, наконецъ, еще одинъ родъ соотношеній между основными душевными качествами, который можно было бы назвать посредственной связью. Зависимость между двумя наклонностями устанавливается здѣсь не непосредственно, а лишь при помощи извѣстныхъ внѣшнихъ условій, всегда остающихся болѣе или менѣе постоянными. Примѣромъ такой посредственной связи можетъ служить тотъ фактъ, подмѣченный уже давно, что люди съ сильными и продолжительными чувствами бываютъ обыкновенно серьезны и часто даже печальны (меланхолическій темпераментъ), между тѣмъ какъ люди, у которыхъ чувства не отличаются особенною силою и быстро смѣняютъ другъ друга (сангвинический темпераментъ), наоборотъ, склонны къ оптимизму и веселью. Фактъ этотъ объясняютъ обыкновенно тѣмъ, что жизнь въ ея цѣломъ даетъ гораздо больше поводовъ къ возникновенію непріятныхъ чувствованій, чѣмъ пріятныхъ; поэтому тѣ люди, которые глубже другихъ чувствуютъ, въ общемъ должны испытывать больше тяжелыхъ минутъ, чѣмъ такія лица, у которыхъ всѣ чувства лишь скользятъ по поверхности, не проникая глубоко. Такимъ образомъ, связь между силой и продолжительностью чувствъ съ одной стороны, и наклонностью испытывать печаль съ другой, устанавливается здѣсь не непосредственно, а лишь благодаря постоянству извѣстныхъ внѣшнихъ условій, независимыхъ отъ данныхъ двухъ наклонностей. Надо сказать, впрочемъ, что подобныя посредственныя связи составляютъ уже переходную ступень къ „случайнымъ“ связямъ и сочетаніямъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, въ главѣ о привычкахъ.

Пересчитанные нами виды зависимостей далеко не исчерпываютъ всѣхъ соотношеній, существующихъ между отдѣльными простѣйшими душевными качествами. Надѣемся, что намъ удалось отмѣтить, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія изъ нихъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь открывается широкое и благодарное поле для новыхъ изслѣдованій.

ГЛАВА XI.

Взаимныя отношенія основныхъ наклонностей (окончаніе).

Существованіе зависимости между различными простѣйшими наклонностями является, какъ уже сказано, причиной того, что присутствіе одной изъ нихъ всякій разъ способствуетъ возникновенію другой, такъ или иначе связанной съ нею. Спрашивается, всегда ли эта зависимость бываетъ взаимной въ полномъ смыслѣ слова? другими словами — если присутствіе наклонности *a* всегда способствуетъ возникновенію (или проявленію) наклонности *b*, то можно ли сказать, что и *b* всякій разъ будетъ точно такимъ же образомъ вліять на *a*? Наблюденія убѣждаютъ насъ, повидимому, въ томъ, что такая, въ настоящемъ смыслѣ слова взаимная зависимость между отдѣльными наклонностями встрѣчается сравнительно довольно рѣдко. Чаще всего ее можно найти между родственными душевными качествами, какъ, напр., между быстротой сосредоточенія вниманія и быстротой въ принятіи рѣшенія; здѣсь *a* относится къ *b* совершенно также, какъ и *b* къ *a*. Причиной этого является, вѣроятно, близкое сходство и общность происхожденія родственныхъ наклонностей, о чемъ уже говорилось выше. Когда же рѣчь идетъ о способствующемъ вліяніи, оказываемомъ одной наклонностью на другую, а тѣмъ болѣе о причинной зависимости, существующей между какими бы то ни было двумя душевными качествами, то здѣсь очевидно, уже не можетъ быть подобнаго равенства отношеній; если *a* является причиной *b*, то *b* не можетъ быть въ свою очередь причиной *a*. Такъ, напр., сила чувствованій значительно способствуетъ развитію пассивнаго вниманія, но едва ли будетъ правъ тотъ, кто скажетъ, что развивая у себя пассивное вниманіе въ ущербъ активному, можно этимъ самымъ углубить и усилить свои чувствованія. Надо, впрочемъ, оговориться, что въ подобныхъ случаяхъ, когда *a* является причиной *b*, это послѣднее все-таки можетъ оказывать нѣкоторое воздѣйствіе на *a*, только не прямо, а косвеннымъ образомъ, при помощи другихъ наклонностей, такъ или иначе связанныхъ съ *a*. Таково, напр., мнѣніе Вундта насчетъ отношеній, существующихъ между аффектами и ихъ физіологическими проявленіями. Первичнымъ является здѣсь, по мнѣнію Вундта, внутреннее переживаніе, психическая эмоція, всякаго же рода внѣшнія выраженія, какъ-то, вазомоторныя измѣненія, сокращенія мышцъ и т. д. представляютъ со-

бою уже явленія вторичныя, сопутствующія. Тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ мышечнымъ сокращеніямъ и суженію или расширенію сосудовъ, возникаетъ масса периферическихъ ощущеній, которыя оказываютъ усиливающее вліяніе на первоначальную эмоцію (27). Такимъ образомъ, обиліе и интенсивность внѣшнихъ физіологическихъ проявленій, являющихся лишь результатомъ способности испытывать сильныя чувства, могутъ въ то же время косвеннымъ образомъ усиливать ту самую наклонность, которая явилась причиной ихъ возникновенія.

Что касается, наконецъ, отношеній между высшими и низшими наклонностями, а также тѣхъ случаевъ, которые мы выше назвали посредственной связью, то здѣсь, повидимому, также едва ли можетъ встрѣчаться взаимодѣйствіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Съ другой стороны, впрочемъ, нѣтъ ничего заранѣе невозможнаго и въ томъ, если изъ двухъ, не родственныхъ и не связанныхъ между собою причинно наклонностей *a* и *b* проявленія *b* служатъ необходимымъ матеріаломъ для *a*, въ то время какъ проявленія *a* доставляютъ необходимый матеріалъ для дѣйствія *b*. Точно также нельзя заранѣе отрицать и возможность существованія вполнѣ взаимной посредственной связи между отдѣльными простѣйшими душевными качествами. Окончательное рѣшеніе въ обоихъ этихъ случаяхъ должно принадлежать опыту и наблюденію.

Если читатель не забылъ того, что говорилось выше о внутреннихъ возбудителяхъ наклонностей, то у него можетъ возникнуть вопросъ: чѣмъ же отличается дѣйствіе внутреннихъ возбудителей отъ вліянія различныхъ связей и соотношеній, существующихъ между отдѣльными душевными качествами? Припомнимъ уже приведенный нами выше примѣръ внутренняго возбудителя: воспоминаніе о какой нибудь перенесенной обидѣ готово уже вызвать въ насъ сильный гнѣвъ, но въ это время появляется мысль о томъ, что послѣдствія гнѣва могутъ быть вредны для насъ самихъ или для близкихъ намъ лицъ, и что поэтому лучше подавить въ себѣ чувство гнѣва; весь этотъ сложный процессъ является возбудителемъ наклонности къ энергическому волевому усилію, посредствомъ котораго мы и подавляемъ начинающійся гнѣвъ. Можно, пожалуй, сказать такъ: вѣдь весь процессъ, названный нами сейчасъ внутреннимъ возбудителемъ способности волевого усилія, есть не что иное, какъ проявленіе ряда наклонностей: наклонности къ гнѣву, способности имѣть и воспроизводить представленія, связанныя съ этимъ гнѣвомъ, способности обсуждать и сопоставлять послѣдствія гнѣва, наконецъ,

способности стремиться къ устраненію этихъ послѣдствій. Такимъ образомъ, проявленія нѣсколькихъ душевныхъ качествъ способствовали, въ концѣ концовъ, возникновенію (или проявленію) наклонности къ психической задержкѣ, т. е., получился совершенно тотъ же результатъ, какой всегда наблюдается при дѣйствіи связанныхъ другъ съ другомъ наклонностей: дѣйствіе одной или нѣсколькихъ наклонностей всегда способствуетъ проявленію другихъ, связанныхъ съ ними. Поэтому не проще ли будетъ, если мы не будемъ различать внутреннихъ возбудителей, какъ чего-то самостоятельнаго, а сведемъ ихъ просто къ взаимодѣйствію связанныхъ между собою наклонностей, такъ что выраженіе: внутренній возбудитель какого-либо простѣйшаго душевнаго качества, придется замѣнить выраженіемъ: вліяніе одной или нѣсколькихъ простѣйшихъ наклонностей на проявленіе другой наклонности, такъ или иначе съ ними связанной?

Намъ кажется, однако, что этого сдѣлать никакъ нельзя, и что понятіе внутренняго возбудителя наклонностей имѣетъ свое самостоятельное значеніе. Дѣло въ томъ, что только извѣстное, строго опредѣленное сочетаніе явленій душевнаго міра можетъ служить внутреннимъ возбудителемъ той или иной наклонности. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ для возникновенія способности психической задержки нужно было непремѣнно, чтобы чувство гнѣва вызвало представленіе о его послѣдствіяхъ, и чтобы послѣдствія эти оказались нежелательными. Такое сочетаніе вовсе не обязательно въ психологическомъ смыслѣ, а явилось просто результатомъ извѣстнаго стеченія чисто внѣшнихъ обстоятельствъ. Можно себѣ представить множество такихъ случаевъ, когда дѣйствуютъ одновременно всѣ наклонности, участвующія въ проявленіи упомянутаго выше внутренняго возбудителя: наклонность къ гнѣву, способность имѣть представленія, способность обсуждать послѣдствія поступковъ, способность имѣть стремленія,—и тѣмъ не менѣе, онѣ вовсе не будутъ оказывать возбуждающаго дѣйствія на наклонность къ психической задержкѣ: для этого достаточно только, чтобы послѣдствія гнѣва оказались выгодными для даннаго лица; тогда все желаніе направится на достиженіе этихъ выгодныхъ послѣдствій, и гнѣвъ не только не будетъ подавленъ, а еще усилится. Это и понятно, такъ какъ ни одна изъ перечисленныхъ выше наклонностей, участвующихъ въ построеніи внутренняго возбудителя, не находится въ прямой связи съ способностью къ психической задержкѣ; только благодаря извѣстному сочетанію внѣшнихъ обстоятельствъ получается такое сочетаніе, которое благопріятствуетъ возникновенію способ-

ности задержки. Итакъ, мы можемъ теперь сдѣлать болѣе полное опредѣленіе внутренняго возбудителя: подъ внутреннимъ возбудителемъ какого-нибудь душевнаго качества нужно понимать тѣ случаи, когда комбинированное извѣстнымъ образомъ проявленіе нѣсколькихъ наклонностей, иногда совершенно не связанныхъ ни другъ съ другомъ, ни съ даннымъ душевнымъ качествомъ, тѣмъ не менѣе, благодаря извѣстнымъ внѣшнимъ условіямъ, всякій разъ способствуетъ проявленію этого послѣдняго.

Кромѣ наклонностей родственныхъ и взаимно-связанныхъ, существуютъ также наклонности взаимно-противоположныя. Въ строгомъ смыслѣ слова, прямую противоположность какому-бы то ни было душевному качеству составляетъ полное отсутствіе этого качества у даннаго лица. Такъ, напр., человѣка, испытывающаго сильный страхъ при всякомъ малѣйшемъ поводѣ, мы противопоставляемъ такому человѣку, который вовсе не знакомъ съ этимъ чувствомъ; или у одного и того же лица состояніе страстнаго стремленія, неудержимаго влеченія къ чему-либо мы противополагаемъ полной апатіи, т. е., такому состоянію, когда въ сознаніи отсутствуетъ всякій признакъ какого-бы то ни было, хотя бы самаго слабаго желанія. Однако, термину „противоположное качество“ придаютъ нерѣдко также другой, болѣе широкій смыслъ: этимъ именемъ называютъ не только отсутствіе у наблюдаемаго лица данной наклонности, но также наличность у него другихъ наклонностей, тѣсно связанныхъ съ отсутствіемъ первой. Такъ, напр., трусости, т. е., сильно развитой наклонности къ чувству страха противопоставляютъ обыкновенно не простую неспособность испытывать это чувство, а нѣчто болѣе сложное, а именно, мужество или храбрость. Причина заключается въ томъ, что сложное сочетаніе наклонностей, называемое нами мужествомъ (сюда могутъ входить, между прочимъ, повышеніе нервно-мышечнаго тонуса, сопротивляемость внѣшнимъ вліяніямъ, устойчивость принятыхъ рѣшеній, повышеніе способности къ волевому усилію и т. д.) можетъ съ особенной силой возникнуть только при условіи отсутствія чувства страха, тогда какъ сильное развитіе этого послѣдняго, наоборотъ, мѣшаетъ ихъ дѣйствію и задерживаетъ ихъ проявленія. Такой именно терминологіи будемъ держаться и мы въ послѣдующемъ изложеніи, противополагая, слѣдовательно, проявленіямъ каждой данной наклонности не только признаки полнаго ея отсутствія, но также и проявленія другихъ наклонностей, тѣсно связанныхъ съ отсутствіемъ первой.

Противополагать другъ другу возможно не только наклонности, относящіяся къ содержанію чувствованій и представле-

ній, но также и такія наклонности, которыя относятся къ чисто формальнымъ особенностямъ въ теченіи душевныхъ процессовъ: быстроту или медленность умственныхъ процессовъ, силу или слабость чувствованій, устойчивость или неустойчивость ихъ, координированность или безпорядочность сложныхъ движеній и т. д. Нѣчто аналогичное этому мы можемъ найти также въ физіологіи, которая изучаетъ не только содержаніе различныхъ процессовъ, происходящихъ въ организмѣ, но и „формальныя" особенности этихъ процессовъ: быстроту, интенсивность, способъ чередованія ихъ и т. д. Такъ, напр., при изученіи кровообращенія изслѣдованію подвергается не только строеніе и функціи кровеносной системы, не только химическіе процессы, происходящіе въ крови, но также общее количество крови въ организмѣ, скорость теченія крови, высота и форма пульсовой волны и проч. Однако, не слѣдуетъ заходить слишкомъ далеко съ этими аналогіями, которыя иной разъ могутъ не объяснить, а только запутать дѣло. Такъ напр., на первый взглядъ представляется очень заманчивымъ сравнить отношеніе двухъ взаимно-противоположныхъ наклонностей съ отношеніемъ, существующимъ между мышцами-антагонистами одной и той же конечности. Тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ разсмотрѣніи подобная аналогія оказывается весьма поверхностной. Въ самомъ дѣлѣ, противополагать какой-бы то ни было наклонности мы можемъ, согласно вышесказанному, или полное отсутствіе этой наклонности, или же такія душевныя качества, которыя тѣсно связаны съ ея отсутствіемъ и, во всякомъ случаѣ, рѣзко отличаются отъ нея по своему содержанію. Мѣжду тѣмъ, мышцы-антагонисты по своему строенію совершенно тождественны; противоположность же ихъ дѣйствія зависитъ только отъ того, что мѣста прикрѣпленія мышцъ находятся на различныхъ сторонахъ одной и той же кости. И если бы можно было перенести мѣсто прикрѣпленія одной изъ этихъ мышцъ на противоположную сторону кости, то прежніе антагонисты стали бы дѣйствовать въ одинаковомъ направленіи. Что же касается противоположныхъ наклонностей, то онѣ всегда останутся противоположными и по отношенію къ самымъ различнымъ возбудителямъ всегда будутъ реагировать одинаково. Такимъ образомъ, приведенная аналогія, на первый взглядъ очень привлекательная, на дѣлѣ оказывается весьма поверхностной и вмѣсто разъясненія вопроса можетъ только вызвать различныя недоразумѣнія.

Наклонности родственныя или взаимно-связанныя, какъ мы уже видѣли, способствуютъ возникновенію другъ друга. Соот-

вѣтственно этому, слѣдовало бы думать, что наклонности взаимно-противоположныя будутъ всякій разъ вліять другъ на друга задерживающимъ образомъ. Въ большинствѣ случаевъ это, правда, такъ и бываетъ, но только далеко не всегда; достаточно вспомнить, напр., что такія противоположныя чувства, какъ любовь и ненависть, могутъ испытываться въ сильнѣйшей степени одновременно и даже по отношенію къ одному и тому же человѣку. Какъ бы мы ни пытались объяснить подобные случаи, все же несомнѣнно, что отношенія между взаимно-противоположными наклонностями еще болѣе сложны и разнообразны, чѣмъ между родственными или взаимно-связанными. Поэтому мы и не будемъ далѣе заниматься этимъ вопросомъ, отсылая читателя къ спеціальной части, гдѣ при разборѣ каждой отдѣльной наклонности будутъ излагаться также и ея отношенія къ другимъ основнымъ душевнымъ качествамъ[1]). Здѣсь же укажемъ лишь на то, что съ такимъ одновременнымъ дѣйствіемъ двухъ противоположныхъ наклонностей приходится считаться не только въ тѣхъ случаяхъ, когда проявленія обѣихъ наклонностей сознаются самимъ наблюдаемымъ лицомъ или могутъ быть констатированы у него при помощи внѣшняго наблюденія. Бываютъ также случаи, когда все дѣйствіе какой-нибудь наклонности сказывается въ теченіе нѣкотораго времени исключительно той задержкой, которую она оказываетъ на проявленія другой наклонности, ей противоположной. Въ подобныхъ случаяхъ мы заключаемъ объ одновременномъ дѣйствіи двухъ противоположныхъ душевныхъ качествъ только потому, что проявленія одного изъ нихъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, начинаютъ ослабѣвать, причемъ на основаніи различныхъ побочныхъ данныхъ (преимущественно прежняго опыта) мы уже знаемъ, что данное лицо способно также и къ проявленіямъ другого противоположнаго душевнаго качества. И только спустя нѣкоторое время дѣйствіе этого второго, противоположнаго качества начинаетъ также выступать съ большей или меньшей ясностью. Примѣромъ могутъ служить тѣ отношенія, которыя наблюдаются при всякой сколько-нибудь продолжительной умственной работѣ между упражненіемъ и утомленіемъ. Первый изъ этихъ двухъ факторовъ повышаетъ работоспособность, второй — понижаетъ ее, такъ что вліяніе ихъ на кривую работы оказывается прямо противоположнымъ. Въ началѣ всякой работы у большинства людей вліяніе упражненія

[1]) Интересныя данныя и разсужденія относительно способовъ сочетанія и взаимодѣйствія различныхъ душевныхъ качествъ см. у Полана, въ его книгѣ о характерахъ (15).

сказывается съ особенной силой, и кривая постепенно повышается. Однако, повышеніе это не у всѣхъ испытуемыхъ бываетъ одинаково рѣзко выражено. У нѣкоторыхъ утомленіе наступаетъ очень быстро, и хотя вліяніе упражненія въ первый періодъ работы все же преобладаетъ, однако противоположное качество все время сильно ослабляетъ его дѣйствіе. Благодаря этому, кривая у такихъ субъектовъ въ теченіе всего перваго періода работы имѣетъ почти горизонтальное направленіе. Къ концу же работы, подъ вліяніемъ все возрастающаго утомленія, кривая начинаетъ болѣе или менѣе быстро опускаться, — какъ это, впрочемъ, свойственно и всѣмъ вообще испытуемымъ.

Изъ того положенія, что родственныя и взаимно-связанныя наклонности способствуютъ, а взаимно-противоположныя — препятствуютъ возникновенію другъ друга, прямо вытекаетъ слѣдующій пріемъ для установленія соотношеній между различными простѣйшими душевными качествами: если двѣ простѣйшія наклонности всегда встрѣчаются вмѣстѣ, или же съ отсутствіемъ одной изъ нихъ всегда отсутствуетъ и другая, то мы съ большимъ вѣроятіемъ можемъ считать ихъ родственными или взаимно-связанными; если же, наоборотъ, одна изъ этихъ наклонностей сильно развита у нѣсколькихъ лицъ, тогда какъ другая у этихъ же лицъ совершенно отсутствуетъ, то есть значительныя основанія предполагать, что данныя двѣ наклонности взаимно-противоположны или, по крайней мѣрѣ, взаимно-индифферентны, т. е., независимы другъ отъ друга. Не слѣдуетъ только никогда упускать изъ виду, что пріемъ этотъ примѣнимъ только къ простѣйшимъ душевнымъ качествамъ (въ томъ именно смыслѣ, какъ мы употребляли этотъ терминъ), и только относительно ихъ можетъ дать болѣе или менѣе достовѣрныя указанія. Если же мы начнемъ примѣнять его къ сложнымъ явленіямъ душевной жизни, не постаравшись предварительно ихъ проанализировать, то рискуемъ впасть въ грубыя ошибки и принять различныя случайныя сочетанія за постоянныя и закономѣрныя связи. Строго говоря, даже по отношенію къ простѣйшимъ душевнымъ качествамъ, прямыя и несомнѣнныя данныя можно получить лишь при пользованіи второй половиной приведеннаго выше правила: отрицаніе родства и взаимной связи въ томъ случаѣ, если при сильномъ развитіи у человѣка одной какой-либо наклонности наблюдается въ то же время полное отсутствіе другой. Такъ напр., существованіе идіотовъ съ феноме-

нально развитой памятью на слова и числа является несомнѣннымъ доказательствомъ того, что такого рода „механическая“ память не находится въ непосредственной связи съ болѣе или менѣе развитымъ мышленіемъ [1]).

Что же касается первой половины приведеннаго правила, то необходимо помнить, что фактъ постояннаго сосуществованія двухъ простѣйшихъ наклонностей самъ по себѣ еще не даетъ намъ права заключать о ихъ родствѣ или взаимной связи: сосуществованіе это можетъ быть случайнымъ и обусловливаться постояннымъ совпаденіемъ внѣшнихъ или внутреннихъ возбудителей двухъ данныхъ душевныхъ качествъ. Для полнаго удостовѣренія въ томъ, что эти душевныя качества взаимно связаны, необходимо было бы дать психологическое объясненіе ихъ взаимной зависимости, т. е., объяснить ее на основаніи законовъ, взятыхъ изъ общей психологіи. Къ сожалѣнію, требованіе это далеко не всегда можетъ быть удовлетворено. Какъ мы уже видѣли, для индивидуальной психологіи наибольшую важность представляютъ отношенія, существующія между простѣйшими душевными качествами, т. е., между такими, которыя не могутъ быть разложены далѣе при современномъ состояніи общей психологіи. Сущность этихъ простѣйшихъ наклонностей, основныя причины, вызвавшія зарожденіе и дѣйствіе каждой изъ нихъ, представляются для насъ въ настоящее время неизвѣстными, и мы можемъ строить относительно ихъ только болѣе или менѣе правдоподобныя гипотезы. Естественно, что и относительно связей и зависимостей, существующихъ между этими простѣйшими душевными качествами, общая психологія также не можетъ дать намъ какихъ-либо вполнѣ достовѣрныхъ указаній, а должна ограничиваться лишь предположеніями и гипотезами. Поэтому на практикѣ мы вынуждены бываемъ нерѣдко устанавливать взаимную связь двухъ простѣйшихъ наклонностей, руководствуясь исключительно фактомъ ихъ постояннаго совмѣстнаго нахожденія.

Въ виду того, что сосуществованіе (или, что то же, совмѣстное нахожденіе) двухъ какихъ-либо душевныхъ качествъ имѣетъ такую важность для установленія между ними взаимной связи, слѣдуетъ замѣтить, что тутъ возможны два случая: или двѣ различныя наклонности одновременно проявляются у одного и того же

---

[1]) Разумѣется, характерологія не можетъ ограничиться этимъ общимъ утвержденіемъ, а должна идти дальше и изслѣдовать отдѣльно, какъ относятся различныя стороны памяти: способность запоминанія, удерживанія, воспроизведенія и т. д. къ различнымъ сторонамъ тѣхъ сложныхъ умственныхъ процессовъ, которые мы объединяемъ подъ общимъ названіемъ мышленія.

лица, или же, хотя обѣ эти наклонности и свойственны данному лицу, но дѣйствуютъ и проявляются у него въ различное время. Общая психологія имѣетъ дѣло почти исключительно съ первымъ случаемъ. Она тщательно анализируетъ процессы, происходящіе въ сознаніи наблюдателя за тотъ, сравнительно короткій, промежутокъ времени, когда онъ занимается самонаблюденіемъ (или когда онъ при помощи эксперимента или внѣшняго наблюденія изучаетъ процессъ, происходящій въ сознаніи другого лица), — и этимъ все дѣло и ограничивается. Если изслѣдователь, занятый общепсихологическими вопросами, обыкновенно не довольствуется единичнымъ наблюденіемъ, а неоднократно повторяетъ и модифицируетъ его, то это дѣлается лишь для того, чтобы яснѣе выдѣлить и обособить одни и тѣ же элементы, составляющіе отличительную особенность даннаго явленія. Одно какое-нибудь удачное наблюденіе можетъ иной разъ дать ему больше, чѣмъ всѣ остальныя, вмѣстѣ взятыя. Между тѣмъ, индивидуальная психологія, пользуясь въ широкихъ размѣрахъ тѣми методами и данными, которые она получаетъ отъ общей, имѣетъ въ то же время, какъ мы увидимъ ниже, еще и свой особенный методъ. Онъ состоитъ въ томъ, что всевозможныя наклонности даннаго лица наблюдаются и отмѣчаются въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени (недѣлями, мѣсяцами, даже годами, —какъ это дѣлалъ, напр., Бинэ въ своихъ наблюденіяхъ надъ двумя дѣвочками-подростками (22), въ результатѣ чего получается перечень наклонностей, присущихъ наблюдаемому лицу, хотя бы и проявлявшихся у него въ различное время. Такимъ образомъ, говоря о сосуществованіи у наблюдаемаго человѣка двухъ простѣйшихъ наклонностей, можно понимать подъ этимъ не только одновременное ихъ обнаруженіе, отмѣченное при помощи наблюденія общепсихологическаго, но также и совмѣстную наличность этихъ наклонностей въ характеристикѣ даннаго лица, хотя бы характеристика эта была составлена въ теченіе сравнительно продолжительнаго времени.

Этотъ послѣдній пріемъ для установленія связи между отдѣльными наклонностями имѣетъ какъ свои достоинства, такъ и свои недостатки. Важнѣйшимъ недостаткомъ является, повидимому, тотъ фактъ (требующій, впрочемъ, болѣе тщательной провѣрки, чѣмъ это обыкновенно дѣлается), что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ совмѣщать въ себѣ и проявлять въ различное время наклонности, до извѣстной степени противоположныя. Поэтому въ большинствѣ случаевъ нельзя бываетъ при установленіи сосуществованія двухъ наклонностей ограничиться исключительно однимъ

только этимъ „характерологическимъ“ методомъ. За то онъ имѣетъ и нѣкоторыя преимущества. Такъ, иногда проявленія какой-нибудь наклонности бываютъ очень неясны или мало изучены, благодаря чему легко можно совсѣмъ пропустить ихъ или не обратить на нихъ должнаго вниманія. А такая ошибка легко можетъ повести къ невѣрнымъ заключеніямъ относительно зависимости, существующей между наблюдаемыми душевными качествами. Если же мы, благодаря прежнимъ наблюденіямъ надъ тѣмъ же самымъ лицомъ, убѣдились въ сильномъ развитіи у него наклонности, соотвѣтствующей этимъ неяснымъ проявленіямъ, то мы можемъ избѣжать подобной ошибки, обративши на проявленія этой наклонности наше особенное вниманіе. Такимъ образомъ, при установленіи связей между отдѣльными душевными качествами методъ, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ явиться полезнымъ дополненіемъ къ обычнымъ пріемамъ общепсихологическаго анализа.

ГЛАВА XII.

Простыя и сложныя привычки.

Благодаря описаннымъ только что зависимостямъ, существующимъ между различными основными наклонностями, эти послѣднія вступаютъ другъ съ другомъ въ разнообразныя сочетанія, въ результатѣ чего и получается сложное соединеніе, называемое нами характеромъ или личностью. Однако, соединеніе нѣсколькихъ основныхъ наклонностей въ одно сложное цѣлое можетъ обусловливаться не только тѣмъ, что между этими наклонностями существуетъ та или иная зависимость. Здѣсь часто съ особенной силой выступаетъ также вліяніе другого причиннаго момента, а именно — постояннаго, привычнаго воздѣйствія какого-нибудь внѣшняго возбудителя, какой-нибудь группы внѣшнихъ обстоятельствъ, въ теченіе долгаго времени остающихся неизмѣнными. Но для подробнаго выясненія этого важнаго пункта намъ придется здѣсь вкратцѣ коснуться вопроса о привычкахъ и объ отношеніи ихъ къ наклонностямъ.

Каждая изъ основныхъ наклонностей имѣетъ опредѣленный, соотвѣтствующій ей возбудитель, дѣйствіе котораго всякій разъ способствуетъ проявленію этой наклонности. Какъ уже выше было сказано, возбудителемъ въ строгомъ смыслѣ слова можно назвать только опредѣленный способъ сочетанія внѣшнихъ обстоятельствъ (или внутреннихъ переживаній), т. е., въ сущности,

результатъ нашего логическаго отвлеченія. Въ этомъ ограниченномъ смыслѣ слова каждой изъ основныхъ наклонностей обыкновенно соотвѣтствуетъ только одинъ опредѣленный возбудитель. Но если взять дѣйствительность, какъ она есть, то мы увидимъ, что подъ каждую такую отвлеченную формулу подойдетъ цѣлый рядъ сложныхъ обстоятельствъ, въ основѣ своей сходныхъ, но въ то же время сильно отличающихся другъ отъ друга по своимъ деталямъ. Другими словами, каждой основной наклонности соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности цѣлый рядъ условій (внутреннихъ или внѣшнихъ), могущихъ служить для нея возбудителями. И вотъ, наблюдая вліяніе этихъ разнообразныхъ возбудителей на данную наклонность, мы замѣчаемъ, что не всѣ они дѣйствуютъ съ одинаковой силой. Наиболѣе дѣйствительными оказываются тѣ изъ нихъ, которые болѣе или менѣе привычны для даннаго человѣка, съ которыми ему уже и ранѣе приходилось имѣть дѣло. Гуляя по парку и чувствуя усталось, мы невольно ищемъ глазами знакомую скамейку, хотя бы она была нисколько не удобнѣе другихъ. Сблизившись случайно съ какимъ-нибудь человѣкомъ, мы нерѣдко продолжаемъ затѣмъ короткія отношенія съ нимъ не потому, чтобы онъ былъ лучше и интереснѣе другихъ, а просто такъ, по инерціи. Джемсъ называетъ это явленіе „задерживающимъ вліяніемъ привычекъ“ и формулируетъ его слѣдующимъ образомъ: „Когда объектъ, принадлежащій къ извѣстному классу, вызываетъ въ животномъ извѣстнаго рода реакцію, то нерѣдко случается, что животное начинаетъ оказывать предпочтеніе первому экземпляру изъ даннаго класса, на который оно реагировало, и впослѣдствіи перестаетъ реагировать на другіе экземпляры даннаго класса. Между животными, даже низшими видами животныхъ, широко распространено стремленіе оказывать предпочтеніе опредѣленному углу для житья, опредѣленной самкѣ, опредѣленному пастбищу, опредѣленному виду пищи, вообще опредѣленнымъ объектамъ среди множества другихъ имъ подобныхъ. „Блюдечко“ имѣетъ обыкновеніе прикрѣпляться постоянно къ одной и той же части скалы, а морской ракъ постоянно возвращается въ тотъ же облюбованный имъ уголокъ на днѣ моря. Зайцы испражняются всегда въ одномъ и томъ же углу, птица норовитъ свить гнѣздо каждый годъ на томъ же сукѣ дерева“ (24).

Такимъ образомъ, характернымъ слѣдствіемъ привыканія является *одностороннее развитіе наклонностей*: дѣйствіе того или иного душевнаго качества можетъ быть вызвано не всѣми возможными возбудителями, соотвѣтствующими по своей

структурѣ данному душевному качеству, а лишь тѣми изъ нихъ, которые представляются привычными для даннаго лица.

Если стоять на точкѣ зрѣнія эволюціи, то въ этомъ одностороннемъ развитіи наклонностей вслѣдствіе привыканія можно видѣть начало дифференціаціи данной наклонности, начало дѣленія ея на нѣсколько другихъ, родственныхъ другъ другу душевныхъ качествъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всѣ наши способности, какъ физіологическія, такъ и психическія, возникли согласно этой теоріи путемъ постепеннаго приспособленія къ явленіямъ окружающей среды, т. е., къ дѣйствію тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Первоначальный элементарный психофизическій организмъ привыкаетъ мало-по-малу реагировать съ особенной силой на воздѣйствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, наиболѣе интенсивныхъ и дѣйствующихъ съ наибольшимъ постоянствомъ. Вначалѣ онъ реагируетъ одинаковымъ образомъ на всѣ эти обстоятельства; затѣмъ, путемъ постепеннаго приспособленія къ каждому изъ нихъ, организмъ дифференцируется, т. е. дѣлится на нѣсколько наклонностей, хотя и различныхъ, но все-же близкихъ другъ къ другу, родственныхъ, такъ какъ всѣ онѣ имѣли одно общее начало. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ новыхъ дѣленій, и въ результатѣ получается большое количество наклонностей, изъ которыхъ нѣкоторыя родственны другъ другу, другія же индифферентны и даже взаимно-противоположны. Такимъ образомъ, для эволюціониста всѣ наклонности суть не что иное, какъ привычки, возникшія у предковъ и переданныя по наслѣдству потомкамъ. Всякія же родственныя качества именно потому такъ близки между собой, что произошли изъ одного общаго источника, путемъ односторонняго развитія первоначальнаго душевнаго качества, на которое въ теченіе долгаго времени воздѣйствовали нѣсколько внѣшнихъ возбудителей, сходныхъ въ своихъ главныхъ чертахъ, но различающихся другъ отъ друга деталями. Мало того, съ точки зрѣнія теоріи эволюціи, какъ мы это сейчасъ увидимъ, даже самыя взаимоотношенія между наклонностями являются ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ привычнаго ихъ сочетанія, такъ что все содержаніе индивидуальной психологіи должно, слѣдовательно, свестись къ изученію привыканія и привычекъ. Надо не забывать, однако, что все это лишь теоріи, съ которыми научная характерологія должна, конечно, считаться, но на которыхъ она не должна основываться. Ея конечная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы классифицировать характеры современныхъ намъ людей, обладающихъ уже цѣлымъ множествомъ вполнѣ развитыхъ и упрочившихся наклонностей, и изученіе этихъ установившихся наклонностей составляетъ въ

настоящее время ея главную задачу. Съ привычками же и ихъ образованіемъ индивидуальной психологіи приходится въ особенности считаться не при изученіи отдѣльныхъ основныхъ наклонностей, а тамъ, гдѣ эти основныя наклонности начинаютъ вступать другъ съ другомъ въ соединеніе, образуя болѣе или менѣе сложныя сочетанія.

Всѣ такія сложныя сочетанія основныхъ наклонностей можно раздѣлить на двѣ большія группы: необходимыя и случайныя. Подъ первыми нужно разумѣть такія сочетанія, которыя являются слѣдствіемъ родства или взаимной зависимости между двумя или нѣсколькими душевными качествами. Таково, напримѣръ, сочетаніе легкой возбудимости чувствованій и ихъ неустойчивости. Въ этихъ случаяхъ наличность одного изъ подобныхъ качествъ заставляетъ насъ съ необходимостью заключить также и о присутствіи другого, такъ или иначе связаннаго съ нимъ. Различныя побочныя вліянія, особенности индивидуальнаго склада могутъ ослабить такое необходимое сочетаніе, но не могутъ совершенно уничтожить его. Если даже одинъ изъ членовъ необходимаго сочетанія будетъ, благодаря дѣйствію особенно неблагопріятныхъ обстоятельствъ, временно подавленъ и задержанъ въ своихъ проявленіяхъ, то стоитъ только исчезнуть этимъ неблагопріятнымъ условіямъ и задержанная наклонность опять проявится. Эта стойкость, стремленіе сохраниться и выступить во всей своей полнотѣ, если только обстоятельства хоть сколько-нибудь благопріятствуютъ этому, характеризуетъ всѣ необходимыя сочетанія основныхъ наклонностей. Совершенно обратное приходится сказать о случайныхъ соединеніяхъ, типичнымъ примѣромъ которыхъ являются привычныя соединенія или сложныя привычки.

Выше было сказано, что одной изъ характерныхъ особенностей привыканія является одностороннее развитіе каждой данной наклонности, выражающееся въ томъ, что она приходитъ въ дѣйствіе только подъ вліяніемъ опредѣленнаго, привычнаго возбудителя и не реагируетъ на другихъ возбудителей, хотя и аналогичныхъ первому, но непривычныхъ для даннаго лица. Другимъ слѣдствіемъ привыканія является образованіе сложныхъ привычекъ, т. е., такихъ соединеній, въ составъ которыхъ входятъ не столько родственныя или взаимно-связанныя, сколько взаимно-индифферентныя наклонности. Такъ, напр., иной почтенный отецъ семейства послѣ обѣда чувствуетъ всякій разъ непреодолимую потребность провести полчаса въ своемъ креслѣ за чтеніемъ любимой газеты. Если газеты почему-нибудь нѣтъ

или кресло сломалось, ему становится не по себѣ, чего-то не достаетъ. А, между тѣмъ, разобравшись въ этой сложной привычкѣ, мы видимъ, что отдѣльныя ея части вовсе не соединены другъ съ другомъ какой-нибудь необходимой связью; газету можно было прочесть утромъ, а не послѣ обѣда, отдыхать можно лежа на диванѣ, а не сидя въ креслѣ и т. д. Но такова сила привычки: путемъ долговременнаго повторенія она такъ прочно соединила между собой, спаяла въ одно цѣлое нѣсколько совершенно разнородныхъ элементовъ, что при отсутствіи хоть одного изъ нихъ все цѣлое уже не можетъ въ достаточной мѣрѣ играть роль возбудителя или, другими словами, уже не удовлетворяетъ потребностямъ даннаго человѣка.

Совершенно тѣ же характерныя особенности: односторонность въ выборѣ возбудителей и случайность въ ихъ сочетаніи обнаруживаются также и въ тѣхъ сложныхъ привычныхъ автоматическихъ дѣйствіяхъ, которыя особенно часто и охотно приводятся авторами для доказательства всемогущества привычекъ. „Кому не случалось, говоритъ Джемсъ, снявъ жилетъ днемъ, начать заводить часы, по привычкѣ заводить ихъ каждый вечеръ, раздѣваясь передъ сномъ, или, прійдя ко входнымъ дверямъ въ квартирѣ знакомаго, вынуть изъ кармана свой passe-partout? Случалось, что лица, уходившія въ спальню переодѣться передъ обѣдомъ, согласно англійскому обычаю, по разсѣянности раздѣвались и ложились въ постель только потому, что къ такому результату приводили первыя движенія при раздѣваніи въ болѣе поздній часъ (24). Начальное движеніе, произведенное въ привычной обстановкѣ, всякій разъ вызываетъ цѣлый рядъ послѣдующихъ сложныхъ движеній, не стоящихъ съ нимъ ни въ какой необходимой физіологической зависимости, а связанныхъ съ нимъ исключительно путемъ долговременной привычки.

Когда такое случайное сочетаніе прочно установилось, то въ немъ начинаетъ обнаруживаться одна черта, приближающая его уже до нѣкоторой степени къ необходимымъ сочетаніямъ: отдѣльные члены его оказываются такъ прочно спаянными между собой, что наличность одного изъ нихъ, даже при отсутствіи благопріятныхъ условій, стремится вызвать дѣйствіе всѣхъ остальныхъ, т. е., способствуетъ воспроизведенію привычнаго акта во всемъ его цѣломъ. Съ особенной рельефностью выступаетъ эта устойчивость привычныхъ актовъ въ сложныхъ автоматическихъ дѣйствіяхъ, какъ это можно видѣть изъ тѣхъ, приведенныхъ выше примѣровъ, которые мы заимствовали у Джемса. Намъ кажется, однако, что подобныя привычныя сочетанія, если только

они не передаются по наслѣдству, никогда не могутъ достигнуть той прочности и постоянства, какія свойственны необходимымъ сочетаніямъ. Стоитъ только обстоятельствамъ кореннымъ образомъ измѣниться, такъ чтобы исчезли условія, благопріятствующія проявленію данной привычки,—и самая эта привычка мало-по-малу исчезнетъ, иногда въ теченіе очень скораго времени; новыя условія поведутъ къ образованію новыхъ привычекъ, и если даже со временемъ человѣкъ попадетъ въ обстановку, близкую къ прежней, то прежнія привычки, тѣмъ не менѣе, могутъ и не возвратиться. Между тѣмъ, необходимыя сочетанія характеризуются именно своимъ стремленіемъ осуществиться даже въ тѣхъ случаяхъ, если внѣшнія условія не особенно благопріятствуютъ такому соединенію. И это вполнѣ понятно. Привычка обязана своимъ образованіемъ и своимъ существованіемъ исключительно вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ-возбудителей, случайно сложившихся именно такъ, а не иначе. Обиліе привычекъ и легкость образованія ихъ у какого-нибудь человѣка указываютъ на то, что человѣкъ этотъ всецѣло находится во власти окружающей среды и въ своихъ желаніяхъ, поступкахъ и сужденіяхъ едва ли сможетъ когда-либо пойти наперекоръ внѣшнимъ обстоятельствамъ ради того, чтобы удовлетворить свои собственныя стремленія и потребности. Если онъ неожиданно попадетъ въ совершенно новую среду, то прежнія привычки будутъ, конечно, въ теченіе нѣкотораго времени заставлять его противиться новымъ вліяніямъ, но это продлится недолго, и скоро онъ въ своемъ поведеніи совершенно подчинится новой обстановкѣ, какъ въ свое время подчинился старой.

Различіе, проведенное нами между необходимыми и случайными сочетаніями основныхъ наклонностей, значительно сглаживается, конечно, въ томъ случаѣ, если мы, ставши на точку зрѣнія теоріи развитія, будемъ разсматривать современнаго намъ человѣка, какъ результатъ многовѣковой эволюціи первоначальныхъ простѣйшихъ организмовъ, а причину этой эволюціи будемъ видѣть въ стараніяхъ организма наиболѣе совершенно приспособиться къ условіямъ воздѣйствующей на него окружающей среды. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, всѣ описанныя нами соотношенія между основными наклонностями, ихъ взаимодѣйствіе и взаимное родство являются результатомъ весьма долговременнаго совмѣстнаго дѣйствія этихъ наклонностей подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, оставшихся неизмѣнными въ теченіе тысячелѣтій и вліявшихъ одинаковымъ образомъ на многія и многія поколѣнія людей. А если это такъ, то и необходимыя сочетанія отличаются отъ случайныхъ лишь тѣмъ, что передаваясь

по наслѣдству въ теченіе многихъ поколѣній, они успѣли уже болѣе упрочиться, нежели случайныя привычки, возникшія и возникающія на нашихъ глазахъ. Повторяемъ, однако, что то или иное рѣшеніе даннаго вопроса не имѣетъ первостепеннаго, рѣшающаго значенія для индивидуальной психологіи. Цѣлью ея является составленіе естественной классификаціи современныхъ намъ людскихъ характеровъ, и если при описаніи душевнаго склада какого-нибудь лица намъ иногда приходится касаться наслѣдственности этого лица, то обыкновенно не далѣе, какъ на одно-два поколѣнія. А при этихъ условіяхъ различіе между основными наклонностями и пріобрѣтенными привычками, между необходимыми и случайными сочетаніями душевныхъ качествъ является фактомъ, который едва-ли можно оспаривать.

Въ составъ соединеній, какъ необходимыхъ, такъ и случайныхъ, могутъ входить не только наклонности, касающіяся такъ или иначе содержанія душевной жизни, но также и тѣ наклонности, которыя относятся исключительно къ формальной сторонѣ душевныхъ процессовъ: особенности въ ихъ теченіи, интенсивности и проч. Возьмемъ, напр. извѣстный анекдотъ о томъ, какъ солдатъ, несшій горшокъ со своимъ обѣдомъ, уронилъ его въ канаву, благодаря тому, что какой-то шутникъ крикнулъ ему внезапно: „руки по швамъ!“ и солдатъ поторопился выполнить приказаніе (24). Строгая дисциплина и систематическая выучка привели солдата къ тому, что слова команды вызываютъ у него всякій разъ не только рядъ соотвѣтствующихъ движеній, но еще и такую быстроту этихъ движеній, которая не даетъ ему времени подумать о своемъ злосчастномъ обѣдѣ. Существованіе подобныхъ сочетаній еще разъ, какъ намъ кажется, подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе о томъ, что научная характерологія ни въ какомъ случаѣ не можетъ ограничиться наклонностями, относящимися къ содержанію душевныхъ процессовъ, а съ неменьшимъ вниманіемъ должна изучать также и такъ называемыя формальныя ихъ особенности.

Сочетанія основныхъ наклонностей, какъ необходимыя, такъ и случайныя, могутъ быть болѣе или менѣе сложными. Иногда нѣсколько такихъ сочетаній, сравнительно простыхъ, т. е., состоящихъ изъ небольшого числа основныхъ наклонностей, сливаются вмѣстѣ, образуя одну сложную группу. То, что мы называемъ характеромъ или личностью, есть съ точки зрѣнія индивидуальной психологіи, не что иное, какъ такая чрезвычайно сложная группа, состоящая изъ цѣлаго ряда необходимыхъ и случайныхъ сочетаній. Одни изъ нихъ болѣе тѣсно и неразрывно связаны другъ съ

другомъ, другія, наоборотъ, имѣютъ между собою очень мало общаго и соединились въ одномъ лицѣ только благодаря наслѣдственности и вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ. Соотвѣтственно этому и характеръ можетъ обладать бо́льшимъ или меньшимъ единствомъ, представляя изъ себя или одно неразрывное цѣлое, или же нѣсколько сравнительно независимыхъ сочетаній, связанныхъ между собою только принадлежностью одному и тому же лицу [1]). Надо при этомъ сказать, что полное единство характера встрѣчается очень рѣдко, гораздо рѣже чѣмъ это принято обыкновенно думать. Не даромъ Бинэ (22), послѣ продолжительнаго (больше года) и всесторонняго изслѣдованія умственной сферы двухъ хорошо знакомыхъ ему дѣвочекъ, былъ поставленъ, тѣмъ не менѣе, въ большое затрудненіе, когда сталъ отыскивать у каждой изъ нихъ такую главную, первенствующую черту характера, къ которой сводились бы всѣ остальныя. Затрудненіе оказалось такъ велико, что Бинэ готовъ совершенно отрицать существованіе у каждаго человѣка такой одной основной черты, будто-бы опредѣляющей всю его личность, и полемизируетъ съ авторами, которые, изучая характеръ какого-нибудь человѣка, заботятся прежде всего о томъ, чтобы отыскать главную, центральную особенность его характера. Въ этомъ отношеніи мы готовы всецѣло примкнуть къ мнѣнію французскаго психолога. Болѣе или менѣе полное единство личности—вещь чрезвычайно рѣдкая. Только у очень немногихъ людей всѣ основныя наклонности, составляющія ихъ характеръ, тѣсно связаны между собою отношеніями родства или взаимной зависимости, т. е., весь характеръ представляетъ одно „необходимое сочетаніе“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляли этотъ терминъ выше. У огромнаго же большинства людей характеръ можно разложить обыкновенно на нѣсколько болѣе или менѣе сложныхъ сочетаній, довольно независимыхъ другъ отъ друга. Такая сравнительная пестрота въ характерѣ каждаго человѣка еще болѣе увеличивается въ томъ случаѣ, если мы подъ наклонностями будемъ понимать возможность возникновенія не только различныхъ чувствъ, желаній и стремленій (какъ это дѣлаетъ Поланъ), но также и различныхъ особенностей, относящихся къ формальной сторонѣ душевныхъ процес-

[1]) Подробнѣе обо всемъ этомъ см. у Полана (15). Недостатокъ автора, на нашъ взглядъ, состоитъ только въ томъ, что всѣ разнообразныя взаимоотношенія между наклонностями, а также всѣ формальныя особенности въ теченіи душевныхъ процессовъ онъ пытается свести къ своимъ законамъ „систематической ассоціаціи“ и „систематической задержки“, благодаря чему получается много смѣшеній и спорныхъ аналогій, особенно въ первой части книги.

совъ,—какъ объ этомъ говорилось выше. Если же, тѣмъ не менѣе, часто приходится слышать разсужденія о единствѣ характера, о необходимости найти въ каждомъ данномъ случаѣ „основу личности“, ту скрытую пружину, дѣйствіемъ которой опредѣляются будто бы всѣ особенности въ характерѣ даннаго человѣка, то причиной этому является, какъ намъ кажется, двойное недоразумѣніе.

Во-первыхъ, смѣшиваются между собой двѣ совершенно различныя вещи: съ одной стороны—тѣ необходимыя и случайныя сочетанія основныхъ наклонностей, о которыхъ только что говорилось, съ другой—активный синтезъ нашего сознанія, присущій всякому человѣку. Описанныя нами сочетанія основаны всецѣло на взаимоотношеніи между собой различныхъ наклонностей. Здѣсь нѣтъ и не можетъ быть ничего произвольнаго. Благодаря существованію родства и взаимодѣйствія между отдѣльными душевными качествами, они образуютъ соединенія, прямо и непосредственно вытекающія изъ ихъ психологической природы. Характеръ человѣка, такимъ образомъ, всецѣло опредѣляется тѣмъ составомъ душевныхъ качествъ, которымъ онъ обладаетъ. А такъ какъ составъ этотъ у всякаго человѣка довольно разнообразенъ, то мы и должны класть въ основу каждаго характера не одинъ, а цѣлый рядъ признаковъ. Совсѣмъ другое дѣло—вопросъ объ активномъ синтезѣ нашего сознанія, о томъ дѣятельномъ и чувствующемъ „я“, которое свойственно каждому человѣку, какъ бы ни были противорѣчивы его стремленія и привычки, и какъ бы мало цѣльности ни представлялъ его характеръ. Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ отрицать этого единства сознанія, такъ какъ оно составляетъ несомнѣнный фактъ, доставляемый намъ внутреннимъ опытомъ. Однако, единство сознанія нисколько не противорѣчитъ тѣмъ разнообразнымъ и многочисленнымъ связямъ и сочетаніямъ, о которыхъ говорилось выше. Эта активность нашего сознанія, это чувство своего „я“ можетъ, конечно, въ извѣстныхъ случаяхъ способствовать объединенію характера, но съ одинаковой силой можетъ также способствовать и разрушенію этого единства, если, при отсутствіи постоянныхъ, устойчивыхъ руководящихъ цѣлей, дѣятельность его будетъ направляться на противорѣчивые и постоянно мѣняющіеся объекты. Такимъ образомъ, едва ли справедливо будетъ искать основу личности въ томъ, что вовсе не опредѣляетъ собой склада личности, и, исходя изъ этого, утверждать, будто всѣ безъ исключенія люди должны обладать единствомъ характера.

Вторая ошибка, которой не вполнѣ избѣгнулъ, по нашему

мнѣнію, и Поланъ въ цитированномъ выше сочиненіи, состоитъ въ томъ, что не различаютъ дѣйствительной цѣльности характера отъ кажущейся. О дѣйствительной цѣльности или единствѣ характера слѣдуетъ говорить только въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ наклонности человѣка тѣсно связаны между собой, такъ что проявленіе какой бы то ни было изъ нихъ всякій разъ не только не мѣшаетъ, а, наоборотъ, способствуетъ проявленію всѣхъ остальныхъ, другими словами, когда весь характеръ даннаго лица представляетъ изъ себя одно необходимое сочетаніе, хотя бы и достигшее значительной степени сложности. Про такихъ людей можно дѣйствительно сказать, что они обладаютъ цѣльною личностью, такъ какъ въ каждый моментъ, при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ они могутъ проявлять только однѣ и тѣ же, свойственныя имъ наклонности. Такіе случаи очень рѣдки. Значительно чаще можно встрѣтить кажущееся единство личности, которое состоитъ въ томъ, что одна какая-нибудь наклонность или группа взаимно связанныхъ наклонностей господствуетъ надъ всѣми остальными, заглушая и подавляя ихъ проявленія. Здѣсь, такъ же, какъ и въ предущемъ случаѣ, каждый поступокъ человѣка, каждое его слово обнаруживаетъ наличность извѣстной, господствующей группы душевныхъ качествъ, и тѣмъ не менѣе, при болѣе тщательномъ наблюденіи, не трудно замѣтить, что наряду съ этой преобладающей группой имѣются также и другія, совершенно не связанныя съ первой, а часто даже и противоположныя ей. Стоитъ только обстоятельствамъ рѣзко перемѣниться, такъ чтобы господствующія душевныя качества утратили свою силу,—и кажущаяся цѣльность характера постепенно начинаетъ исчезать, обнаруживая скрытую въ теченіе долгаго времени пестроту данной личности. Люди, склонные къ самоотреченію и аскетизму, нерѣдко доставляютъ намъ примѣры подобнаго рода кажущагося единства.

Итакъ, всякій характеръ есть сложное цѣлое, въ составъ котораго входитъ большее или меньшее количество сочетаній, необходимыхъ или случайныхъ, составленныхъ каждое изъ нѣсколькихъ основныхъ наклонностей. Всѣ эти сочетанія могутъ быть въ свою очередь или связаны между собою болѣе или менѣе тѣсно, или же независимы другъ отъ друга и даже взаимнопротивоположны. Обиліе сочетаній, входящихъ въ составъ даннаго характера, а также количество основныхъ наклонностей, образующихъ каждое отдѣльное сочетаніе, обусловливаютъ собой богатство или бѣдность, широту или узость личности. Возможность же совмѣщать въ одномъ и томъ же характерѣ прямо про-

тивоположныя наклонности или группы наклонностей составляетъ то, что называютъ гибкостью характера. Чѣмъ больше гибкость характера, тѣмъ болѣе возможны его обогащеніе и усложненіе, тѣмъ большей широты онъ можетъ достигнуть. Кромѣ того, гибкость характера въ значительной степени благопріятствуетъ возникновенію тѣхъ его измѣненій, которыя мы выше назвали „кажущимися". Измѣненія эти, если читатель помнитъ, состоятъ въ томъ, что проявленія нѣкоторыхъ наклонностей бываютъ временно задержаны различными неблагопріятными условіями, между тѣмъ какъ сами эти наклонности остаются въ полной силѣ и тотчасъ же проявляются, какъ только обстоятельства станутъ сколько-нибудь болѣе благопріятными. Очевидно, гибкій характеръ, вмѣщающій въ себѣ и могущій безъ нарушенія своего состава проявлять поперемѣнно самыя разнообразныя, иногда даже прямо противоположныя, наклонности, значительно легче можетъ приспособиться къ подобнымъ измѣнчивымъ условіямъ, не теряя въ то же время ни одной изъ своихъ основныхъ наклонностей, т. е., не претерпѣвая никакихъ дѣйствительныхъ измѣненій.

Такъ какъ въ составъ всякаго характера входятъ двоякаго рода сочетанія: необходимыя и случайныя, то и усложненіе или обогащеніе характера можетъ происходить въ двухъ направленіяхъ. Первое изъ нихъ, болѣе частое, состоитъ въ томъ, что характеръ развивается сообразно уже имѣющимся въ немъ задаткамъ, т. е., что къ прежнимъ основнымъ наклонностямъ присоединяются новыя, болѣе или менѣе родственныя имъ или такъ или иначе съ ними связанныя. Такія „необходимыя пріобрѣтенія личности" отличаются прочностью и легкостью своего возникновенія, такъ какъ они бываютъ, въ сущности, уже заранѣе предопредѣлены тѣмъ фактомъ, что между различными основными наклонностями существуютъ болѣе или менѣе тѣсныя взаимоотношенія. Другого рода обогащеніе личности наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда какая-нибудь новая наклонность, совершенно чуждая общему складу характера даннаго человѣка, тѣмъ не менѣе возникаетъ въ немъ, благодаря интенсивному и продолжительному вліянію внѣшнихъ условій. Такого рода „случайныя пріобрѣтенія" по способу своего возникновенія, очевидно, совершенно аналогичны описаннымъ нами выше привычнымъ соединеніямъ и, подобно этимъ послѣднимъ, отличаются своею непрочностью и неустойчивостью: будучи, такъ сказать, навязаны данному лицу внѣшними обстоятельствами, они постепенно ослабѣваютъ и могутъ совершенно утратиться въ томъ случаѣ, если эти же внѣшнія обстоятельства не будутъ ихъ постоянно поддер-

живать. Подробная разработка всѣхъ путей и способовъ, которыми происходитъ развитіе и обогащеніе различныхъ по своему складу характеровъ, можетъ имѣть важное значеніе для педагогики.

Этими краткими замѣчаніями относительно способовъ сочетанія основныхъ наклонностей, образующихъ каждый отдѣльный характеръ, мы здѣсь и ограничимся. Много интересныхъ подробностей на этотъ счетъ читатель найдетъ въ цитированной уже неоднократно книгѣ Полана. Намъ кажется, однако, что полная, систематическая и всесторонная разработка этой обширной области, этого безконечно важнаго во всѣхъ отношеніяхъ вопроса о составѣ и строеніи различныхъ человѣческихъ характеровъ можетъ начаться лишь тогда, когда, не довольствуясь повседневнымъ опытомъ и случайно выхваченными тамъ и сямъ примѣрами и наблюденіями, наберутъ сначала большое количество возможно полныхъ и составленныхъ по одному общему плану характеристикъ и затѣмъ уже начнутъ сравнивать и классифицировать ихъ.

ГЛАВА XIII.

Внѣшнія и внутреннія проявленія основныхъ наклонностей.

Для того, чтобы составить обстоятельную характеристику того или иного лица, изслѣдователь долженъ не только имѣть въ рукахъ списокъ всѣхъ основныхъ наклонностей человѣческаго характера, но также и знать проявленія каждой изъ этихъ основныхъ наклонностей, чтобы имѣть возможность отмѣтить наличность или отсутствіе ея у наблюдаемаго индивидуума. Выше мы уже имѣли случай подробно говорить о томъ, что понятіе „наклонности“ представляетъ собой, въ сущности, результатъ логическаго отвлеченія. Въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло лишь съ болѣе или менѣе сложными душевными процессами, причемъ каждый изъ этихъ процессовъ, даже самый элементарный, уже предполагаетъ наличность и дѣйствіе нѣсколькихъ основныхъ душевныхъ качествъ. Такимъ образомъ, для того, чтобы имѣть возможность констатировать наличность или отсутствіе у наблюдаемаго лица какой бы то ни было основной наклонности, необходимо заранѣе подробно изучить ея проявленія, т.-е., тѣ болѣе или менѣе сложные душевные процессы, возникновеніе которыхъ всякій разъ съ несомнѣнностью указываетъ намъ, что въ

числѣ другихъ дѣйствуетъ въ данный моментъ также и искомое нами душевное качество. Отсюда ясно, какую первостепенную важность представляетъ вопросъ о проявленіяхъ душевныхъ качествъ для научной характерологіи. Уже изъ только что сказаннаго можно видѣть, что мы нѣсколько расширяемъ понятіе „проявленія душевныхъ качествъ“ по сравненію съ обычнымъ словоупотребленіемъ. Чаще всего этотъ терминъ употребляютъ для обозначенія „физіологическихъ проявленій“, т.-е., такихъ измѣненій въ организмѣ, по которымъ посторонній наблюдатель можетъ судить о томъ, что происходитъ въ сознаніи наблюдаемаго человѣка. Сюда относятся, напр., измѣненія пульса, дыханія и вазомоторной дѣятельности при различныхъ аффектахъ и эмоціяхъ, всевозможныя мимическія движенія, бо́льшая или меньшая задержка движеній при сосредоточеніи вниманія и т. д. Иногда сюда включаютъ также и то, что можно было бы назвать „соціальными проявленіями“ основныхъ наклонностей, а именно: болѣе или менѣе сложные поступки наблюдаемаго лица, его отношеніе къ другимъ людямъ, всевозможныя его рѣчи и заявленія, поведеніе его при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, словомъ— всѣ тѣ безконечно разнообразныя и сложныя дѣйствія и поступки, посредствомъ которыхъ человѣкъ входитъ въ общеніе съ окружающей его средой, какъ одушевленной, такъ и неодушевленной. Наконецъ, въ широкомъ смыслѣ слова къ физіологическимъ проявленіямъ душевныхъ процессовъ можно отнести также и тѣ анатомо-физіологическія измѣненія въ мозгу, которыми сопровождается каждое явленіе душевной жизни. Если мы въ настоящее время и не можемъ наблюдать этихъ физіологическихъ процессовъ на живомъ мозгу (хотя кое-что уже и теперь представляется возможнымъ, напр., измѣненія температуры, колебанія электрическаго тока и т. д.), то только потому, что самые процессы намъ вообще еще очень мало извѣстны и непосредственное наблюденіе ихъ сопряжено съ огромными затрудненіями чисто техническаго характера. Принципіальныхъ же возраженій противъ возможности наблюдать непосредственно на живомъ мозгу анатомо-физіологическій коррелатъ душевныхъ процессовъ, по нашему мнѣнію, нельзя привести.

Когда говорятъ о тѣхъ или иныхъ проявленіяхъ душевныхъ качествъ, то обыкновенно имѣютъ въ виду какой-нибудь одинъ изъ только что перечисленныхъ нами трехъ родовъ проявленій: физіологическія измѣненія на периферіи организма, анатомо-физіологическіе процессы въ головномъ мозгу или, наконецъ, то, что мы выше назвали соціальными проявленіями. Всѣ эти три

группы признаковъ мы будемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи называть внѣшними проявленіями наклонностей, въ отличіе отъ внутреннихъ проявленій, подробнымъ разсмотрѣніемъ и анализомъ которыхъ мы теперь и займемся.

Припомнимъ данное нами выше опредѣленіе того, что такое наклонность: это—возможность неоднократнаго возникновенія у даннаго лица той или иной стороны какого-нибудь душевнаго процесса. Возможность эта обусловливается какими-то факторами, прямое изученіе которыхъ при современномъ состояніи психологіи намъ недоступно и о которыхъ мы узнаемъ только по результатамъ ихъ дѣятельности. А такими ближайшими, результатами, доступными нашему наблюденію, являются душевные процессы, совершающіеся въ сознаніи даннаго лица. Такимъ образомъ, всякая наклонность, простая или сложная, основная или второстепенная, обнаруживается прежде всего внутренними проявленіями, т. е., извѣстными душевными процессами, возникающими въ сознаніи наблюдаемаго человѣка [1]). Ни одна наклонность не можетъ быть нами описана и изучена помимо ея проявленій; только благодаря этимъ проявленіямъ мы узнаемъ о существованіи тѣхъ или иныхъ душевныхъ качествъ, о большемъ или меньшемъ ихъ постоянствѣ, о способахъ и условіяхъ ихъ дѣйствія. Внѣ проявленій наклонности намъ недоступны.

Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы можно было отождествить наклонности съ ихъ проявленіями, или, другими словами, совершенно устранить изъ индивидуальной психологіи понятіе наклонности. Дѣло въ томъ, что дѣятельность неизвѣстныхъ факторовъ, обозначаемыхъ нами терминами „наклонность“ и „душевное качество“, отличается значительнымъ постоянствомъ, въ то время какъ результаты этой дѣятельности безпрестанно мѣняются въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій. Однимъ изъ такихъ условій является, напр., то обстоятельство, сколько времени прошло съ момента послѣдняго проявленія данной наклонности и насколько интенсивно было это проявленіе, далѣе, наличность или отсутствіе соотвѣтствующаго возбудителя, совмѣстное дѣйствіе другихъ наклонностей, связанныхъ съ данной или противоположныхъ ей; всѣ эти и многія другія условія являются причиной того, что проявленія одной и той же наклонности у одного и того же лица

---

[1]) Исключеніе составляютъ лишь наклонности, относящіяся къ области безсознательныхъ психическихъ процессовъ; здѣсь внутреннія проявленія большею частью отсутствуютъ, и наблюдателю приходится руководиться лишь тѣми внѣшними признаками, о которыхъ рѣчь шла выше.

постоянно мѣняются какъ по своему составу, такъ и въ особенности по своей интенсивности. И въ то же время наклонности, лежащія въ основѣ этихъ проявленій, могутъ въ теченіе продолжительнаго времени оставаться совершенно или почти совершенно неизмѣнными. Не трудно замѣтить, что мы здѣсь снова подходимъ близко къ тому вопросу, о которомъ уже подробно говорилось выше, именно, къ вопросу о дѣйствительныхъ и кажущихся измѣненіяхъ характера: дѣйствительныя измѣненія приходится констатировать въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣняются самыя наклонности даннаго лица, тогда какъ кажущіяся измѣненія являются, въ сущности, лишь различными проявленіями одной и той же группы наклонностей.

Итакъ, внутреннія проявленія душевныхъ качествъ, если только понимать терминъ этотъ въ широкомъ его значеніи, обнимаютъ собою ни болѣе, ни менѣе, какъ всю душевную жизнь даннаго лица, всѣ рѣшительно процессы, совершающіеся въ его сознаніи. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ внутреннія проявленія наклонностей имѣли одинаковую важность для научной характерологіи. Напротивъ, здѣсь возможенъ и необходимъ строгій выборъ, въ зависимости отъ той конечной цѣли, которую мы никогда не должны упускать изъ виду, когда говоримъ о задачахъ научной характерологіи. Такой конечной цѣлью является для насъ составленіе естественной классификаціи характеровъ. Проявленія же наклонностей, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, должны лишь помочь намъ при собираніи матеріала для такой классификаціи, т. е., при составленіи характеристики отдѣльныхъ наблюдаемыхъ лицъ, при установленіи у нихъ наличности и степени развитія основныхъ наклонностей. Отсюда прямо вытекаетъ, чѣмъ именно мы должны руководиться при выборѣ и изученіи проявленій душевныхъ качествъ.

Прежде всего, главный нашъ интересъ долженъ сосредоточиваться на изученіи внутреннихъ проявленій, внѣшнія же слѣдуетъ изучать лишь постольку, поскольку они способны намъ дать представленіе о внутренней жизни наблюдаемаго лица. Когда мы видимъ, что наблюдаемый нами человѣкъ подаетъ милостыню нищему на улицѣ, то насъ интересуетъ не самъ по себѣ фактъ подачи милостыни, а тѣ чувства и побужденія, которыя заставили этого человѣка подать милостыню. Индивидуальная психологія должна быть прежде всего психологіей. Если же она, тѣмъ не менѣе, довольно часто бываетъ вынуждена заниматься чисто физіологическими особенностями различныхъ людей, то лишь потому, что эти физіологическія особенности тѣсно связаны со всѣмъ

психическимъ ихъ складомъ, такъ что изученіе послѣдняго было бы неполнымъ безъ предварительнаго ознакомленія съ первыми. Только при изученіи безсознательныхъ душевныхъ процессовъ внѣшнія проявленія по необходимости должны играть первенствующую роль, такъ какъ здѣсь внутреннія проявленія иной разъ совершенно отсутствуютъ. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ внѣшнія проявленія имѣютъ лишь подчиненное значеніе, давая намъ возможность проникнуть въ душевную жизнь другого лица и познакомиться съ его мыслями, чувствами, желаніями, словомъ—со всѣмъ разнообразіемъ его внутренняго міра.

Но такое ознакомленіе—хотя бы и самое подробное—съ внутреннимъ міромъ наблюдаемаго человѣка является для насъ въ свою очередь не конечною цѣлью, а лишь средствомъ для того, чтобы, исходя изъ фактовъ душевной жизни, установить у даннаго человѣка наличность тѣхъ или иныхъ основныхъ наклонностей и опредѣлить, хотя бы приблизительно, степень ихъ развитія. Поэтому мы должны изучать далеко не всѣ внутреннія проявленія, а только тѣ изъ нихъ, которыя съ несомнѣнностью могутъ указывать на существованіе у даннаго лица той или иной основной наклонности. Всѣ же проявленія второстепенныхъ наклонностей, а также всѣ черезчуръ сложныя, неясныя, загадочныя явленія душевной жизни индивидуальная психологія должна или совершенно оставить въ сторонѣ, или постараться анализировать и разработать настолько, чтобы ими можно было пользоваться для отысканія тѣхъ или иныхъ основныхъ наклонностей. Еще одно требованіе: слѣдуетъ изучать не тѣ проявленія, которыя хотя и характерны для какой-нибудь основной наклонности, но встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, такъ что ими почти не придется пользоваться, а, наоборотъ, такія, которыя встрѣчаются часто и удобны для распознаванія. Только въ случаѣ недостатка подобныхъ, легко находимыхъ, признаковъ приходится пользоваться проявленіями болѣе рѣдкими и сравнительно неясными.

Удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ не легко. Для этого необходимо путемъ продолжительныхъ и систематическихъ наблюденій установить: часто ли встрѣчается данное проявленіе, повторяется ли оно въ болѣе или менѣе однообразной формѣ, или же рѣзко видоизмѣняется въ зависимости отъ обстоятельствъ, и наконецъ—самое главное,—какимъ именно основнымъ наклонностямъ оно соотвѣтствуетъ. Намъ кажется, что здѣсь открывается обширное поле для цѣлаго ряда частныхъ работъ, посвященныхъ изученію каждаго отдѣльнаго сколько-нибудь важнаго проявленія. Хотя за послѣднее время въ этомъ направленіи

довольно много работаютъ (главнымъ образомъ по части изобрѣтенія и провѣрки такъ наз. mental tests или экспериментальныхъ пріемовъ, употребляющихся для изслѣдованія разныхъ сторонъ личности), но область, подлежащая изученію, настолько велика, что работы хватитъ надолго. Во второй части этой книги, при разборѣ отдѣльныхъ основныхъ наклонностей, мы будемъ подробно излагать важнѣйшія внутреннія и внѣшнія проявленія каждой изъ нихъ, поскольку они представляются уже изученными въ настоящее время. Здѣсь же ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями общаго характера относительно анализа проявленій и установленій той основной наклонности (одной или нѣсколькихъ), которой соотвѣтствуетъ каждое данное проявленіе.

Изученіе какого бы то ни было внутренняго проявленія (о внѣшнихъ мы не говоримъ, такъ какъ они являются только средствомъ для того, чтобы ознакомиться съ внутреннимъ міромъ наблюдаемого лица) можно считать законченнымъ только въ томъ случаѣ, если выполнены три задачи: 1) произведенъ подробный и по возможности всесторонній анализъ даннаго проявленія; 2) опредѣлены тѣ стороны, которыя наиболѣе характерны для изучаемаго проявленія; 3) найдены тѣ основныя наклонности, наличность которыхъ представляется необходимой для возникновенія даннаго проявленія.

Что касается первой задачи, т. е., анализа проявленій, то при выполненіи ея мы должны стараться ограничить свою дѣятельность исключительно даннымъ проявленіемъ, даннымъ душевнымъ процессомъ, не касаясь еще покуда всего состава наблюдаемой личности. Условія возникновенія изучаемаго процесса, связь его съ другими явленіями душевной жизни, наклонности, необходимыя для его возникновенія,—все это должно быть пока оставлено въ сторонѣ. Единственно, на чемъ нужно сосредоточить все свое вниманіе, это—возможно полное описаніе и возможно тонкій и всесторонній анализъ того душевнаго процесса, о которомъ идетъ рѣчь. Только при соблюденіи этой предосторожности можно получить дѣйствительно точное, объективное описаніе того или иного внутренняго проявленія.

Въ настоящее время мы обладаемъ уже довольно большимъ количествомъ такихъ описаній. Благодаря тому, что задачи общей и индивидуальной психологіи въ этомъ пунктѣ соприкасаются, первая можетъ дать много готоваго матеріала для послѣдней. Какого бы рода внутреннія проявленія мы ни взяли,—изъ области ли волевыхъ процессовъ, аффектовъ, воспріятія, вниманія, памяти, сужденія и т. д.,—всюду общая психологія можетъ дать

намъ богатый матеріалъ въ видѣ цѣлаго ряда типичныхъ, неоднократно повторяющихся душевныхъ процессовъ, подробно и точно описанныхъ и анализированныхъ. Чтобы воспользоваться ими для цѣлей индивидуальной психологіи, нужно только пересмотрѣть ихъ и выбрать наиболѣе подходящіе, руководясь при этомъ тѣми требованіями, которыя указаны нами выше и которыя опредѣляютъ сравнительную важность того или иного внутренняго проявленія для индивидуальной психологіи.

Остается еще одно возраженіе: какимъ образомъ можно говорить о точномъ описаніи и анализѣ какого бы то ни было отдѣльнаго внутренняго проявленія, когда общая психологія показываетъ намъ, что содержаніе сознанія въ каждый данный моментъ представляетъ собой нѣчто цѣльное, недѣлимое, единое, да кромѣ того, еще не остается неподвижнымъ, а, наоборотъ, подвержено постояннымъ измѣненіямъ? Въ отвѣтъ на это мы можемъ сослаться на ту же самую общую психологію. Ученіе о единствѣ сознанія нисколько не мѣшаетъ ей производить детальнѣйшій анализъ душевныхъ процессовъ и нерѣдко тѣ самые психологи (напр., Вундтъ), которые особенно подчеркиваютъ синтезирующую дѣятельность сознанія, считаютъ возможнымъ въ то же время разложить всю безконечно разнообразную душевную жизнь на сравнительно небольшое число простѣйшихъ элементовъ (ощущеній и простѣйшихъ чувствованій). Что же касается постоянной измѣнчивости проявленій, то намъ достаточно будетъ лишь напомнить то, что говорилось выше о дѣйствительныхъ и кажущихся измѣненіяхъ характера: конечно, при перемѣнѣ обстоятельствъ-возбудителей мѣняются и проявленія личности, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія. Но достаточно поставить наблюдаемое лицо въ прежнія (или приблизительно прежнія) условія—и мы снова получимъ возможность наблюдать прежнія проявленія,—если только, разумѣется, характеръ даннаго лица не потерпѣлъ дѣйствительнаго измѣненія.

Вторая задача индивидуальной психологіи при изученіи проявленій состоитъ въ томъ, чтобы отмѣтить выдающіяся, наиболѣе характерныя черты каждаго даннаго проявленія. Во всякомъ душевномъ процессѣ, болѣе или менѣе типичномъ, т. е., часто повторяющемся въ одной и той же формѣ, есть одна или нѣсколько сторонъ, характерныхъ именно для этого процесса, придающихъ ему особенный, своеобразный отпечатокъ, дѣлающихъ его непохожимъ на всѣ другія проявленія душевной жизни. Этими характерными чертами мы руководствуемся, отличая

данный процессъ отъ всѣхъ остальныхъ и выдѣляя его въ качествѣ особаго, самостоятельнаго проявленія.

Возьмемъ для примѣра одно проявленіе, которое у людей, обладающихъ имъ, отличается большимъ постоянствомъ и въ то же время представляется весьма характернымъ: плавная, свободно и безъ задержки льющаяся рѣчь, то что, называютъ обыкновенно даромъ слова. Въ основѣ этого проявленія лежитъ обиліе словесныхъ образовъ и способность къ быстрому и свободному ихъ ассоціированію. Но эти основныя наклонности недоступны нашему наблюденію. Точно также скрытъ отъ глазъ посторонняго наблюдателя и тотъ процессъ возникновенія каждой фразы, когда отдѣльныя слова, образы, обрывки фразъ, безпорядочно толпящіеся у порога сознанія оратора, вступаютъ другъ съ другомъ въ разнообразныя сочетанія, образуя, въ концѣ концовъ, стройные, законченные періоды. Самъ говорящій въ большинствѣ случаевъ лишь очень смутно отдаетъ себѣ отчетъ во всемъ этомъ процессѣ словеснаго творчества. Но за то конечный результатъ ярко и отчетливо сознается какъ самимъ ораторомъ, такъ и его слушателями и составляетъ отличительную, характерную черту всего даннаго проявленія: правильное построеніе и взимная согласованность отдѣльныхъ фразъ и предложеній, стройность и законченность періодовъ, отсутствіе ненужныхъ паузъ, задержекъ и заиканія,—вотъ тѣ признаки, которые можно считать характерными для даннаго проявленія. Съ другой стороны, такія особенности, какъ бóльшая или меньшая длина періодовъ, простота или изысканность рѣчи и пр., являются для насъ въ данномъ случаѣ уже менѣе существенными, играя лишь побочную, второстепенную роль.

Когда, такимъ образомъ, выдѣлены важнѣйшія и побочныя стороны даннаго проявленія, то нужно еще установить тѣ пріемы, при помощи которыхъ мы могли бы констатировать въ каждомъ данномъ случаѣ наличность или отсутствіе этого проявленія. Знаніе подобныхъ пріемовъ представляетъ большой интересъ въ діагностическомъ, если можно такъ выразиться, отношеніи. Для ясности я позволю себѣ привести здѣсь поучительную аналогію изъ области патологической анатоміи. Одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ патолого-анатомической картины туберкулеза является присутствіе такъ называемыхъ миліарныхъ бугорковъ; нахожденіе нѣсколькихъ такихъ бугорковъ въ какомъ-нибудь органѣ во время вскрытія сразу и съ несомнѣнностью устанавливаетъ для насъ наличность въ этомъ органѣ туберкулезнаго процесса. Между тѣмъ, бугорки эти настолько малы, что иногда

ихъ приходится отыскивать, и неопытный наблюдатель легко можетъ просмотрѣть ихъ. Поэтому, при ознакомленіи съ паталогической анатоміей туберкулеза необходимо ознакомиться не только съ тою ролью, которую играютъ миліарные бугорки въ общей картинѣ туберкулеза, но также и съ тѣми пріемами, которыми надо пользоваться при ихъ отыскиваніи. Приступная къ вскрытію, изслѣдователь уже заранѣе долженъ знать, въ какихъ именно частяхъ того или иного органа эти бугорки появляются раньше всего и какъ нужно вскрывать каждый органъ для того, чтобы тотчасъ же ихъ обнаружить.

Совершенно то же можно сказать и о проявленіяхъ различныхъ наклонностей. Здѣсь также наблюдатель уже долженъ знать заранѣе, въ какихъ именно обстоятельствахъ и при какой обстановкѣ данная наклонность чаще всего проявляется, а также—какіе именно пріемы долженъ онъ въ случаѣ надобности употребить для того, чтобы вызвать ея проявленія. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы изслѣдовать, насколько развита у наблюдаемаго нами воспитанника точность воспріятія или точность памяти, можно пользоваться такого рода пріемовъ: отправиться съ нимъ на прогулку въ совершенно новое незнакомое мѣсто или повести его въ музей, гдѣ онъ увидитъ множество незнакомыхъ и интересныхъ для него объектовъ, а затѣмъ, по возвращеніи, потребовать отъ него точнаго и по возможности подробнаго описанія всего того, что онъ видѣлъ. Другой пріемъ, чисто экспериментальный: держать передъ испытуемымъ въ теченіе нѣкотораго времени какой-нибудь довольно сложный объектъ (или рисунокъ), а затѣмъ, удаливши объектъ, заставить испытуемаго описывать его на память какъ можно подробнѣе.

ГЛАВА XIV.

Характерологическій анализъ проявленій.

Третья и послѣдняя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая важная задача при изученіи и анализѣ внутреннихъ проявленій состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, какимъ наклонностямъ соотвѣтствуетъ данное проявленіе, или, другими словами: какія основныя наклонности должны дѣйствовать съ особенной силой, чтобы могъ возникнуть данный психическій процессъ? Выше мы уже говорили о томъ, что изученіе и анализъ проявленій является для насъ только средствомъ,

конечная же цѣль состоитъ въ томъ, чтобы имѣть возможность въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлить наличность и степень развитія тѣхъ или иныхъ душевныхъ качествъ. Поэтому предварительное знакомство съ проявленіями различныхъ наклонностей можетъ оказаться для насъ полезнымъ во время производства наблюденій лишь въ томъ случаѣ, если мы уже заранѣе будемъ знать вполнѣ опредѣленно, какія именно душевныя качества лежатъ въ основѣ каждаго изъ этихъ проявленій.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ задача эта не представляетъ особенныхъ трудностей: достаточно проанализировать данное проявленіе и выдѣлить его характерныя особенности, чтобы затѣмъ безъ особаго труда установить также и тѣ скрытыя психическія предрасположенія, благодаря которымъ осуществленіе этого проявленія сдѣлалось возможнымъ. Такъ, въ приведенномъ нами выше примѣрѣ (даръ слова) очевидно, что быстрое, свободное и правильное построеніе фразъ и періодовъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если въ сознаніи оратора въ каждый данный моментъ возникаетъ большое количество словесныхъ образовъ, уже ассоціированныхъ другъ съ другомъ или же немедленно вступающихъ въ подобнаго рода ассоціаціи. Однако, далеко не всегда дѣло обстоитъ такъ просто. Такъ, напр., А. Бинэ въ своей книгѣ, на которую намъ уже приходилось ссылаться (22), подвергаетъ подробному обсужденію одинъ экспериментальный пріемъ (test), неоднократно примѣнявшійся различными авторами для изслѣдованія душевныхъ способностей какъ у дѣтей, такъ и у взрослыхъ. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, что испытуемому предлагаютъ одинъ за другимъ ряды словъ или цифръ и просятъ воспроизвести ихъ по возможности правильнѣе. На первый взглядъ кажется очевиднымъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ изслѣдованіи памяти, т. е., способности запоминать извѣстное количество впечатлѣній (словъ или цифръ), сохранять ихъ въ теченіе нѣкотораго времени и затѣмъ воспроизводить съ большей или меньшей точностью; всѣ остальныя наклонности, участвующія въ сложныхъ процессахъ запоминанія и воспроизведенія, играютъ здѣсь, повидимому, лишь второстепенную роль. Между тѣмъ, опытъ показалъ, что мнѣніе это не вполнѣ справедливо. Какъ ни сходны по внѣшности процессы запоминанія словъ и цифръ, но тѣ психическія особенности, которыя лежатъ въ основѣ ихъ, не совсѣмъ одинаковы. Для запоминанія словъ требуется, дѣйствительно, главнымъ образомъ память, какъ чисто пластическая способность запечатлѣнія и удерживанія. При запоминаніи же цифръ на первый планъ выступаетъ уже совсѣмъ другой факторъ, именно—способность произ-

вольнаго сосредоточенія вниманія. Когда испытуемый выслушиваетъ ряды, состоящіе изъ цифръ, то ему приходится напрягать свое вниманіе въ гораздо большей степени, чѣмъ при запоминаніи словъ. Поэтому большинство авторовъ разсматриваетъ запоминаніе цифръ какъ такой пріемъ, который пригоденъ одновременно для изслѣдованія какъ памяти, такъ и вниманія. Бинэ, основываясь на цѣломъ рядѣ разнообразныхъ, продолжительныхъ и тщательно поставленныхъ опытовъ и наблюденій, идетъ еще дальше, утверждая, что память играетъ здѣсь сравнительно маловажную роль, и что въ основѣ всего проявленія лежитъ, главнымъ образомъ, способность къ произвольному сосредоточенію вниманія. Человѣкъ, обладающій хорошею памятью, но лишенный активнаго вниманія, будетъ хорошо запоминать ряды словъ и плохо — ряды цифръ. Такимъ образомъ, два проявленія, на первый взглядъ совершенно аналогичныя, имѣютъ въ своей основѣ различныя душевныя качества.

Намъ кажется, что не трудно уяснить причины, отъ которыхъ зависитъ такое несоотвѣтствіе между отличительными, бросающимися въ глаза, чертами того или иного проявленія и тѣми душевными качествами, которыя лежатъ въ его основѣ. Несоотвѣтствіе это неизбѣжно вытекаетъ изъ того различія, которое существуетъ между наклонностями и ихъ проявленіями. Всякое проявленіе (внутреннее или внѣшнее—все равно) всегда представляетъ собою явленіе сложное, составъ котораго въ значительной степени опредѣляется какъ общимъ состояніемъ сознанія въ данный моментъ, такъ и въ особенности тѣми возбудителями, при содѣйствіи которыхъ данное проявленіе возникаетъ. Такимъ возбудителемъ является въ приведенномъ нами примѣрѣ рядъ цифръ или словъ, которыя надо воспроизвести. И вотъ, воспроизведеніе этого рода, представляющее по преимуществу функцію памяти, составляетъ самую отличительную черту разбираемаго процесса, наиболѣе рѣзко бросается намъ въ глаза при его разсмотрѣніи. И только подробное описаніе всѣхъ процессовъ, совершающихся въ сознаніи во время запоминанія и воспроизведенія чиселъ, указываетъ намъ на то, что вниманіе также играетъ здѣсь извѣстную роль. Но это описаніе не можетъ дать намъ почти никакихъ указаній насчетъ того, насколько значительно участіе вниманія во всемъ этомъ процессѣ или, другими словами, насколько сильно должно быть развито вниманіе у наблюдаемаго лица для того, чтобы данное проявленіе могло осуществиться. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно употребить особый, своеобразный пріемъ анализа, свойственный, какъ

намъ кажется, по преимуществу индивидуальной психологіи и лишь изрѣдка примѣняющійся для рѣшенія обще-психологическихъ вопросовъ.

Исходной точкой для этого пріема является слѣдующее положеніе: всякое внутреннее проявленіе, какъ бы сложно оно ни было, можетъ возникнуть только у такихъ людей, у которыхъ развиты въ достаточной степени всѣ наклонности, участвующія въ составѣ этого проявленія. Конечно, и въ томъ случаѣ, если всѣ нужныя наклонности есть на лицо, возникновеніе даннаго проявленія будетъ только возможно, а не обязательно: вѣдь не надо забывать, что огромную роль въ этомъ дѣлѣ играетъ также наличность соотвѣтствующихъ возбудителей и благопріятное вліяніе другихъ, родственныхъ наклонностей. Но если у наблюдаемаго лица отсутствуютъ соотвѣтствующія наклонности, тогда возникновеніе даннаго проявленія дѣлается безусловно невозможнымъ.

Исходя изъ этого положенія, мы заключаемъ, что если въ основѣ анализируемаго нами проявленія дѣйствительно лежитъ такая-то наклонность, то она, значитъ, вообще достигаетъ у даннаго человѣка значительной интенсивности, а слѣдовательно, должна сказываться у него также и при разныхъ другихъ обстоятельствахъ (такъ какъ каждая основная наклонность имѣетъ не одно, а цѣлый рядъ различныхъ проявленій). Поэтому, наблюдая за человѣкомъ въ теченіе долгаго времени, мы стараемся установить, дѣйствительно ли наклонность эта развита у него въ значительной степени. И если это окажется справедливымъ, то мы имѣемъ право предполагать, что и въ анализируемомъ нами проявленіи наклонность эта играетъ немаловажную роль. Если же продолжительное наблюденіе покажетъ намъ, что у даннаго субъекта не только отсутствуетъ искомая наклонность, но къ тому же еще развиты въ значительной степени другія душевныя качества, прямо ей противоположныя, то почти навѣрное можно сказать, что анализъ былъ произведенъ неправильно: въ основѣ разбираемаго проявленія лежала какая-нибудь другая наклонность.

Насколько полезенъ можетъ быть подобный „характерологическій“ пріемъ анализа, показываетъ намъ слѣдующій примѣръ, заимствованный нами у того же Бинэ (22) [1]). Авторъ этотъ, изслѣдуя въ теченіе долгаго времени умственную сферу двухъ дѣвочекъ-

[1]) Справедливость фактовъ, приводимыхъ авторомъ, я могу отчасти подтвердить на основаніи собственныхъ наблюденій.

подростковъ, поставилъ, между прочимъ, рядъ опытовъ также и надъ ихъ памятью. Для этого онъ вначалѣ пользовался заучиваніемъ стихотворныхъ и прозаическихъ отрывковъ. Оказалось, что одна испытуемая М. заучивала въ данный промежутокъ времени значительно (почти вдвое) больше строкъ, чѣмъ другая А., и самое воспроизведеніе было у нея болѣе точнымъ. Различіе это сохранялось во всѣхъ безъ исключенія опытахъ съ заучиваніемъ. Бинэ заключилъ отсюда, что память у М. значительно лучше, чѣмъ у А. Каково же было его удивленіе, когда опыты съ воспроизведеніемъ рядовъ словъ показали ему, что здѣсь разница между обѣими испытуемыми совершенно исчезаетъ: обѣ воспроизводили одинаковое число словъ. Предполагая, что причиной такого несоотвѣтствія является тотъ фактъ, что заучиваніе отрывковъ требуетъ гораздо большаго развитія произвольнаго вниманія, Бинэ именно въ эту сторону и направилъ свои дальнѣйшія изслѣдованія. И дѣйствительно, опыты показали, что пока запоминаемые объекты были интересны и не требовали особеннаго напряженія произвольнаго вниманія (напр., при запоминаніи словъ или различныхъ предметовъ, укрѣпленныхъ на картонѣ), до тѣхъ поръ обѣ испытуемыя давали одинаковые результаты. Когда же требовалось усиленно сосредоточивать вниманіе (заучиваніе отрывковъ, запоминаніе рядовъ цифръ), М. давала лучшіе результаты, чѣмъ А. Кромѣ того, прямыя изслѣдованія надъ развитіемъ произвольнаго вниманія у обѣихъ дѣвочекъ (опыты съ выбираніемъ буквъ, со скоростью реакціи и проч.) показали, что М. болѣе способна къ напряженію активнаго вниманія, чѣмъ А. На основаніи всего этого Бинэ справедливо заключаетъ, что успѣшное воспроизведеніе рядовъ словъ требуетъ, главнымъ образомъ, хорошей памяти, успѣшное же заучиваніе отрывковъ — не только памяти, но также и активнаго вниманія.

Для того, чтобы установить у наблюдаемаго человѣка наличность тѣхъ или иныхъ основныхъ наклонностей, требуется всегда довольно продолжительное время, цѣлый рядъ наблюденій, произведенныхъ болѣе или менѣе систематически, по опредѣленному, заранѣе начертанному плану. Все это, какъ мы сейчасъ видѣли, необходимо произвести, если мы желаемъ опредѣлить, какія именно основныя наклонности играютъ особенно важную роль въ составѣ и возникновеніи разсматриваемаго проявленія. Но въ нѣкоторыхъ, правда, не особенно частыхъ случаяхъ возможно бываетъ подойти къ рѣшенію того же вопроса еще и другимъ путемъ, болѣе короткимъ. Путь этотъ состоитъ въ томъ, чтобы, наряду съ даннымъ проявленіемъ, разсмотрѣть подробно

также и нѣкоторыя другія проявленія, возникающія, и протекающія въ сознаніи одновременно съ первымъ. Возьмемъ, напримѣръ, явленіе, извѣстное въ психіатріи подъ названіемъ „вихря идей“ и представляющее собою одинъ изъ главныхъ симптомовъ маніакальнаго возбужденія. Явленіе это состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что у больного является цѣлый потокъ мыслей, такъ что онъ не успѣваетъ слѣдить за ними, не успѣваетъ пересказывать ихъ; иногда потокъ этотъ такъ быстръ, что вся рѣчь больного состоитъ изъ отрывочныхъ фразъ и словъ, почти не связанныхъ между собою. Спрашивается, дѣйствительно ли въ основѣ этого проявленія лежитъ чрезвычайно ускоренное теченіе умственныхъ процессовъ, — какъ это принято было думать ранѣе? Для провѣрки такого предположенія поставленъ былъ различными изслѣдователями рядъ опытовъ, заключавшихся въ томъ, что у больныхъ съ рѣзко выраженнымъ „вихремъ идей“, изслѣдовалась при помощи Гипповскаго хроноскопа скорость различныхъ умственныхъ процессовъ: простой реакціи, выбора, ассоціаціи и т. п. Другими словами, изслѣдователь отыскивалъ, не найдется ли въ сознаніи маніака одновременно съ „вихремъ идей“ также и другое проявленіе, которое уже съ несомнѣнностью указывало бы на существованіе у больного чрезвычайнаго ускоренія въ теченіи представленій. Основываясь на подобныхъ, опытахъ, нѣкоторые изслѣдователи (Крепелинъ) утверждаютъ, что скорость различныхъ умственныхъ процессовъ при маніи является не только не повышенной, а скорѣе даже пониженной. Вопреки прежнему, еще распространенному мнѣнію, они думаютъ, что въ основѣ „вихря идей“ лежитъ не ускореніе умственныхъ процессовъ, а нѣчто совершенно иное, именно, выпаденіе психической задержки, неспособность больного управлять теченіемъ своихъ мыслей. Все, что возникаетъ въ сознаніи, тотчасъ же высказывается наружу, хотя бы оно и не шло къ дѣлу. Отсюда кажущееся обиліе идей тамъ, гдѣ его нѣтъ на самомъ дѣлѣ (28). Такимъ образомъ, анализъ данной наклонности былъ произведенъ нѣсколько инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, который мы описали выше; составленіе характеристики наблюдаемыхъ лицъ здѣсь не играло особенно существенной роли. Подобные случаи, хотя и не очень часто, могутъ всетаки встрѣтиться и при изученіи нормальныхъ проявленій человѣческой психики, такъ что индивидуальной психологіи также приходится съ ними считаться.

Когда, при помощи того или иного пріема, удалось опредѣлить одну или двѣ основныя наклонности, играющія особенно важную роль въ образованіи разсматриваемаго нами проявленія,

то является вопросъ: слѣдуетъ ли ограничиться этимъ, или же нужно продолжать анализъ далѣе, пока не будетъ опредѣлена сравнительная важность всѣхъ наклонностей, входящихъ въ составъ даннаго проявленія. Такъ, напр., для успѣшнаго заучиванія стихотворныхъ и прозаическихъ отрывковъ необходима, какъ мы уже видѣли, наличность памяти и активнаго вниманія. Но кромѣ того, въ составъ этого проявленія входитъ, очевидно, также еще цѣлый рядъ другихъ наклонностей: способность воспріятія, способность сужденія (пониманіе смысла отрывка), большая или меньшая яркость зрительныхъ образовъ, преобладаніе того или иного типа памяти и т. д. Слѣдуетъ ли стараться опредѣлить, насколько каждая изъ этихъ наклонностей необходима для того, чтобы все сложное проявленіе могло осуществиться?

Намъ кажется, что индивидуальная психологія должна отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, т. е., ограничиться нахожденіемъ одного—двухъ важнѣйшихъ элементовъ изучаемаго душевнаго процесса. Пока мы выполняемъ первую и вторую задачу анализа проявленій, т. е., подробно описываемъ данный душевный процессъ и выдѣляемъ его отличительныя, наиболѣе характерныя стороны, до тѣхъ поръ намъ приходится съ одинаковымъ вниманіемъ относиться ко всѣмъ, даже самымъ незначительнымъ чертамъ разбираемаго проявленія. Но когда мы перешли къ опредѣленію наклонностей, лежащихъ въ основѣ анализируемаго нами процесса, и когда намъ удалось найти одну—двѣ важнѣйшія, то на этомъ можно уже остановиться. Для насъ необходимо только знать, что найденныя нами наклонности имѣютъ для даннаго проявленія болѣе важное значеніе, чѣмъ всѣ остальныя; разсматривать же подробно сравнительную важность различныхъ второстепенныхъ (для даннаго душевнаго процесса) наклонностей намъ нѣтъ никакой надобности. Не надо забывать, что изученіе и анализъ проявленій, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, является для индивидуальной психологіи не цѣлью, а только средствомъ. Мы пользуемся изученными проявленіями только для того, чтобы при помощи ихъ опредѣлить наличность или отсутствіе у наблюдаемаго лица тѣхъ или иныхъ основныхъ наклонностей и, такимъ образомъ, получить подробную характеристику этого лица. Поэтому каждое отдѣльное проявленіе интересно для насъ не само по себѣ, а лишь въ качествѣ симптома, указывающаго на сильное развитіе у наблюдаемаго лица той или иной наклонности; а при изученіи всякаго симптома насъ интересуетъ не столько полный и всесторонній его анализъ, сколько изслѣдова-

ніе той его стороны, ради которой мы этимъ симптомомъ пользуемся.

Говоря о необходимости опредѣлить важнѣйшія наклонности, лежащія въ основѣ каждаго разбираемаго проявленія, мы до сихъ поръ не касались еще одной стороны вопроса, именно—степени участія различныхъ основныхъ наклонностей въ образованіи того или иного сложнаго душевнаго процесса. Какая степень развитія данной основной наклонности необходима для того, чтобы могло возникнуть разбираемое нами сложное проявленіе? До тѣхъ поръ пока этотъ вопросъ не будетъ рѣшенъ (по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одной—двумъ важнѣйшимъ наклонностямъ, составляющимъ основу анализируемаго процесса), мы, въ сущности, не можемъ считать нашъ анализъ вполнѣ законченнымъ. Недостаточно просто сказать, что такое-то душевное качество должно быть значительно развито у наблюдаемаго лица для того, чтобы данный душевный процессъ могъ осуществиться; нужно точнѣе опредѣлить тотъ minimum интенсивности этого качества, при которомъ возникновеніе процесса еще представляется возможнымъ. Необходимо найти, при какой минимальной силѣ памяти и произвольнаго вниманія еще возможно успѣшное заучиваніе стихотворныхъ и прозаическихъ отрывковъ извѣстной трудности. Затѣмъ мы должны сравнить эту минимальную для даннаго случая интенсивность съ заранѣе установленной скалой, выведенной нами изъ наблюденій надъ значительнымъ количествомъ лицъ,—какъ объ этомъ было уже подробно сказано выше, въ главѣ V. Для большей наглядности можно, пожалуй, и здѣсь примѣнить цифровыя обозначенія (систему балловъ),—не забывая, однако, что они будутъ имѣть въ данномъ случаѣ лишь весьма и весьма приблизительное значеніе.

Такое полное, доведенное до конца опредѣленіе „степени участія“ различныхъ основныхъ наклонностей въ образованіи какого бы то ни было сложнаго душевнаго процесса не производилось, сколько намъ извѣстно, еще ни разу. Тѣмъ не менѣе, намъ оно не представляется невозможнымъ,—по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ стойкихъ, поддающихся точному анализу проявленій. А между тѣмъ, если бы его удалось осуществить, то точность нашихъ наблюденій и характеристикъ много бы отъ этого выиграла.

Необходимо, однако, во избѣжаніе недоразумѣній, сдѣлать здѣсь одну важную оговорку. Положимъ, что при помощи описанныхъ выше пріемовъ мы нашли возможнымъ степень участія вниманія въ образованіи даннаго процесса обозначить балломъ 4, а степень участія памяти—балломъ 8. Вправѣ ли мы сказать на

этомъ основаніи, что для образованія даннаго проявленія память представляется вдвое болѣе важной, чѣмъ вниманіе? Конечно, нѣтъ. Наши цифры 4 и 8 обозначаютъ только слѣдующее: для возникновенія даннаго процесса необходимо, чтобы степень развитія памяти не была у наблюдаемаго лица ниже той ступени въ имѣющейся у насъ скалѣ памяти, которую мы, болѣе или менѣе произвольно, обозначали цифрой 8; степень же развитія вниманія должна соотвѣтствовать 4-й ступени той скалы вниманія, которая опять таки уже заранѣе была составлена нами на основаніи прежнихъ наблюденій. Такимъ образомъ, рѣчь идетъ вовсе не о томъ, какая изъ данныхъ двухъ наклонностей играетъ болѣе важную роль въ образованіи анализируемаго проявленія и насколько роль памяти важнѣе, чѣмъ роль вниманія. Мы только беремъ по очереди ту или иную изъ основныхъ наклонностей, входящихъ въ составъ даннаго проявленія, и сравниваемъ степень ея развитія въ данномъ случаѣ со степенью развитія этой же наклонности въ другихъ случаяхъ, уже наблюдавшихся нами ранѣе. Сравненію по интенсивности или по степени развитія могутъ подвергаться только различныя проявленія одного и того же душевнаго качества или, въ крайнемъ случаѣ, проявленія родственныхъ, близко стоящихъ другъ къ другу душевныхъ качествъ. Сравнивать же другъ съ другомъ разнородныя наклонности, входящія въ составъ одного сложнаго проявленія, мы не имѣемъ никакого права.

ГЛАВА XV.

Личность какъ сложное функціональное единство [1]).

Въ предыдущихъ главахъ мы старались ограничиваться по возможности только тѣми чисто фактическими данными, которыя доставляетъ намъ изученіе различныхъ сторонъ душевной дѣятельности. Наклонность мы опредѣляли только какъ возможность возникновенія (при извѣстныхъ условіяхъ) той или иной стороны какого-либо психическаго процесса. Такое опредѣленіе представляется вполнѣ достаточнымъ для цѣлей индивидуальной психологіи или характерологіи. Предоставляя общей психологіи рѣ-

[1]) Подробнѣе по этому вопросу см. въ моихъ статьяхъ („Вопросы философіи и психологіи“, 1909—10 г.): „Теорія способностей въ современной психологіи“, „Душевныя способности какъ основныя біологическія функціи“ и „Значеніе гипотезы способностей для эмпирической психологіи“.

шеніе вопроса о природѣ наклонностей, она пользуется ими лишь какъ элементами, для того чтобы изъ нихъ строить тѣ сложные комплексы, которые мы называемъ отдѣльными личностями.

Однако, въ психологіи факты и теоріи пока еще такъ тѣсно переплетены между собою, что нерѣдко трудно бываетъ опредѣлить, гдѣ кончается одно и начинается другое. Въ частности, широкое примѣненіе, которое находитъ у насъ понятіе психической склонности, можетъ вызвать упрекъ въ томъ, что мы идемъ къ воскрешенію старой теоріи способностей со всѣми ея ошибками и недостатками. Поэтому въ настоящей главѣ мы постараемся выяснить нѣсколько подробнѣе свой взглядъ на природу психическихъ склонностей и ихъ взаимоотношеній. При этомъ мы укажемъ на то, какія различія (и притомъ весьма существенныя) отличаютъ чисто эмпирическую гипотезу психическихъ склонностей отъ прежней, метафизической теоріи способностей.

Въ предыдущей главѣ уже указывалось на существованіе между отдѣльными элементарными наклонностями различныхъ связей и взаимоотношеній, сводящихся, въ концѣ концовъ, къ нѣсколькимъ опредѣленнымъ типамъ. Эти связи обусловливаются не случайнымъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а, наоборотъ, природой самихъ наклонностей. Благодаря ихъ существованію, наши основныя наклонности нельзя разсматривать какъ какія-то обособленныя сущности или субстанціи, не имѣющія между собой ничего общаго. Въ противоположность этому предположенію, близко напоминающему старую теорію способностей, мы должны принять, что всѣ наклонности составляютъ части одной и той-же сложной системы, члены одного и того же организованнаго единства. Это единство мы будемъ называть въ дальнѣйшемъ нервно-психической или біологической организаціей. При этомъ слѣдуетъ, однако, помнить, что насъ здѣсь интересуетъ не анатомическая, а исключительно функціональная сторона этой организаціи. Наша нервно-психическая организація не есть нѣчто неподвижное, лежащее позади процессовъ и производящее ихъ изъ себя самой; она сама есть также длительный, очень устойчивый и непрерывный процессъ, чрезвычайно сложный и развѣтвленный, отдѣльныя части котораго, при воздѣйствіи на нихъ внѣшнихъ возбудителей, даютъ начало другимъ, измѣнчивымъ и неустойчивымъ процессамъ, называемымъ нами проявленіями.

Теперь мы можемъ дать окончательное опредѣленіе понятію психической (точнѣе—нервно-психической) склонности или

способности. Способностями мы будемъ называть различныя стороны одного и того же сложнаго, непрерывно дѣйствующаго нервно-психическаго процесса, составляющаго субъективную основу всякой человѣческой личности. Отдѣльныя части этой сложной и развѣтвленной функціональной организаціи могутъ быть въ своей дѣятельности довольно независимы другъ отъ друга; точнѣе говоря, каждая изъ нихъ обыкновенно тѣсно связана съ нѣсколькими другими, въ какомъ-нибудь отношеніи ей близкими, между тѣмъ какъ дѣятельность остальныхъ частей нервно-психической организаціи отражается на ней сравнительно слабо. Благодаря такой относительной независимости отдѣльныхъ способностей (resp. отдѣльныхъ функцій), степень развитія каждой изъ нихъ можетъ сильно колебаться у разныхъ людей и въ разное время, составляя основу такъ называемыхъ индивидуальныхъ особенностей личности. Всѣ безконечно разнообразныя формы и разновидности человѣческихъ характеровъ зависятъ прежде всего отъ того, что различныя стороны одной и той же основной функціональной организаціи у разныхъ людей неодинаково сильно развиты.

Вопросъ о томъ, какимъ образомъ различные внѣшніе или внутренніе возбудители могутъ дѣйствовать на тѣ или иныя стороны нервно-психической организаціи, подлежитъ уже рѣшенію теоріи знанія и поэтому выходитъ за границы нашего психологическаго изслѣдованія. То же самое слѣдуетъ сказать о понятіи психической силы или психической энергіи. Наблюденія показываютъ намъ, что отдѣльныя способности, составляющія въ своей совокупности человѣческую личность, постоянно колеблются въ своей напряженности (временныя или кажущіяся измѣненія личности), причемъ эти колебанія могутъ зависѣть не только отъ наличности или отсутствія возбудителей, но также и отъ субъективно-обусловленнаго усиленія или ослабленія въ дѣятельности данной наклонности (вліяніе утомленія, отдыха и т. д.). При этомъ отдѣльныя наклонности могутъ конкурировать между собой въ борьбѣ за обладаніе психической силой (Lipps). Наконецъ, общая сумма дѣятельности всей нервно-психической организаціи можетъ при разныхъ условіяхъ повышаться или понижаться. Все это заставляетъ насъ пользоваться понятіемъ психической (resp. нервно-психической) силы или энергіи,—оставляя, однако, совершенно вопросъ о сущности этой энергіи, какъ не имѣющій для нашихъ цѣлей никакого существеннаго значенія.

Въ качествѣ нагляднаго образа мы можемъ, пожалуй, срав-

нить отдѣльныя способности съ силами, а возбудителей—съ точками приложенія этихъ силъ. Однако, не слѣдуетъ забывать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ простымъ сравненіемъ, нисколько не предрѣшающимъ вопроса о сущности психическихъ склонностей. Очень возможно, что большинство, а можетъ быть и всѣ наши основныя функціи или способности представляются на самомъ дѣлѣ сложными механизмами, не поддающимися въ настоящее время нашему анализу. Тѣмъ не менѣе, пока этотъ анализъ не произведенъ, мы должны считать ихъ простыми, такъ какъ онѣ обнаруживаются въ сознаніи всегда какой-нибудь одной, характерной для нихъ стороной извѣстнаго психическаго процесса.

Каждая основная способность или функція можетъ проявляться различнымъ образомъ въ зависимости отъ содержанія и конфигураціи внѣшнихъ или внутреннихъ возбудителей, которые дѣйствуютъ на нее въ данный моментъ (см. предыдущія главы). Интересно, что и въ физіологіи мы имѣемъ нѣчто аналогичное. Одна и та же біологическая функція можетъ быть разнообразной въ своихъ проявленіяхъ, принимая въ различныхъ случаяхъ совершенно различныя формы. Достаточно напомнить хотя-бы, напр., тотъ фактъ, что центральная нервная система у муравья или пчелы устроена совершенно иначе, чѣмъ у позвоночныхъ животныхъ,—что не мѣшаетъ, однако, тѣмъ и другимъ проявлять нерѣдко сходные инстинкты и способности. Органы пищеваренія дыханія, кровообращенія, передвиженія устроены у разныхъ животныхъ различнымъ образомъ и тѣмъ не менѣе всѣ они удовлетворяютъ однимъ и тѣмъ же потребностямъ питанія, снабженія кислородомъ и т. п.,—причемъ, однако, способъ этого удовлетворенія всякій разъ видоизмѣняется въ зависимости отъ своеобразныхъ особенностей соотвѣтствующаго внѣшняго возбудителя.

Въ случаѣ, если на одну и ту же наклонность дѣйствуютъ попеременно въ теченіи очень продолжительнаго времени два различныхъ возбудителя, то, благодаря многократному ихъ повторенію (а нерѣдко, быть можетъ, и наслѣдственной передачѣ) данная наклонность, въ концѣ концовъ, какъ бы расщепляется образуя два качества, родственныхъ другъ другу, но все же отличающихся одно отъ другого и не всегда совпадающихъ у одного и того же человѣка. Такъ, напр., встрѣчаются нерѣдко случаи, когда человѣкъ, быстрый въ однихъ своихъ проявленіяхъ, отличается въ то же время значительной медленностью въ другихъ. Примѣръ: быстрота рѣчи сопровождается нерѣдко мед-

ленностью въ движеніяхъ туловища и конечностей. Даже такія, казалось бы, близкія проявленія, какъ быстрота простой реакціи и быстрота реакціи выбора у разныхъ людей далеко не всегда идутъ между собой параллельно.

Если стать на точку зрѣнія эволюціонной теоріи, то придется допустить, что и всѣ вообще наши основныя наклонности произошли именно такимъ путемъ. Въ особенности тѣ наклонности, которыя мы назвали выше родственными, представляютъ съ этой точки зрѣнія лишь результаты позднѣйшаго расчлененія (дифференціаціи) одной какой-нибудь элементарной функціи первобытнаго, простѣйшаго психофизическаго организма. Съ другой стороны, каждая изъ нашихъ простѣйшихъ наклонностей можетъ со временемъ, благодаря дѣйствію какихъ-нибудь постоянныхъ условій, также дифференцироваться, образовавши одно или нѣсколько новыхъ, родственныхъ другъ другу качествъ. Такіе зачатки дальнѣйшей дифференціаціи можно замѣтить нерѣдко среди проявленій различныхъ наклонностей. Не слѣдуетъ только забывать, что такое гипотетическое обобщеніе, представляясь весьма правдоподобнымъ, вовсе не является, однако, необходимымъ для построенія индивидуальной психологіи, какъ эмпирической науки

Уже изъ всего сказаннаго въ предшествовавшихъ главахъ можно было видѣть, насколько наша точка зрѣнія отличается отъ старой метафизической теоріи способностей. Для того, чтобы яснѣе представить отношеніе другъ къ другу этихъ двухъ точекъ зрѣнія, резюмируемъ вкратцѣ важнѣйшія различія между ними.

Прежде всего, способности, даже самыя основныя, отнюдь не представляются для насъ какими то отдѣльными, совершенно обособленными другъ отъ друга силами или сущностями, не имѣющими между собой ничего общаго. Съ нашей точки зрѣнія совершенно немыслимой представляется персонификація отдѣльныхъ способностей или то превращеніе психологіи въ миѳологію, которое такъ рѣзко и такъ справедливо осуждалъ еще Гербартъ. Отдѣльныя основныя способности представляются для насъ ничѣмъ инымъ, какъ только сторонами или частями одной общей нервно-психической организаціи даннаго человѣка. Правда, эти части или стороны могутъ проявлять въ своей дѣятельности и въ своемъ развитіи извѣстную независимость другъ отъ друга, чѣмъ и обусловливаются индивидуальныя различія между отдѣльными людьми и временныя или кажущіяся измѣненія личности у одного и того же человѣка. Но эта независимость въ дѣйствіи, какъ бы значительна она ни была, всегда остается все-таки относительной, а не абсолютной. Существуютъ многочислен-

ныя и разнообразныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ закономѣрныя связи и взаимоотношенія, которыя, будучи одинаковыми у всѣхъ безъ исключенія людскихъ индивидуумовъ, связываютъ присущія каждой личности индивидуальныя склонности въ одно общее цѣлое.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отличіе отъ прежней теоріи, наши способности, даже наиболѣе общія и отвлеченныя, вовсе не приходится разсматривать непремѣнно какъ нѣчто абсолютно элементарное и неизмѣнное. Напротивъ, мы нисколько не исключаемъ ни возможности эволюціоннаго происхожденія даже самыхъ высшихъ способностей, ни того, что каждая изъ нихъ можетъ оказаться сложнымъ механизмомъ, не поддающимся въ настоящее время психологическому анализу. Наша точка зрѣнія подчеркиваетъ только то обстоятельство, что въ настоящее время, у современнаго человѣка нѣкоторыя предрасположенія или способности, наиболѣе элементарныя и основныя, настолько постоянны въ своей дѣятельности и въ своихъ взаимоотношеніяхъ, что проявляются въ нашемъ сознаніи всегда одинаковымъ образомъ, измѣняясь только количественно (по интенсивности), но не качественно.

Вопросъ объ отношеніи душевныхъ способностей къ дѣятельности соотвѣтствующаго физическаго субстрата, т. е., центральной нервной системы, также получаетъ у насъ совершенно иное освѣщеніе, чѣмъ это было раньше. Въ противоположность прежней теоріи, всѣ безъ исключенія наши способности, какъ низшія, такъ и самыя высшія, находятся въ тѣснѣйшей связи съ дѣятельностью центральной нервной системы. Не входя въ обсужденіе вопроса о природѣ этой связи (такъ какъ вопросъ этотъ уже выходитъ за предѣлы нашего психологическаго изслѣдованія), мы ограничимся лишь указаніемъ на то, что точка зрѣнія эмпирическаго параллелизма, проведеннаго какъ можно болѣе послѣдовательно, является въ данномъ случаѣ наиболѣе плодотворной какъ для психологіи, такъ и для физіологіи нервныхъ центровъ.

Наиболѣе же важнымъ отличіемъ нашей точки зрѣнія отъ прежней теоріи способностей является, на нашъ взглядъ, то, что мы разсматриваемъ способности не какъ одаренныя произволомъ сущности, дѣйствующія или бездѣйствующія каждая по своему собственному усмотрѣнію, а наоборотъ, какъ систему взаимносвязанныхъ силъ, дѣятельность которыхъ строго закономѣрна и обусловливается всякій разъ вполнѣ опредѣленными моментами: наличностью или отсутствіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ возбудителей, общимъ состояніемъ нервно-психической организаціи и

взаимоотношеніями, существующими между отдѣльными способностями.

Намъ кажется, что такой путь представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ для построенія той механики духа, къ которой стремился еще Гербартъ и элементами которой онъ не вполнѣ удачно выбралъ представленія. Такая психологія, если бы созданіе ея когда-либо осуществилось, могла бы быть названа скорѣе всего функціональной или энергетической психологіей, съ одной только оговоркой: главное вниманіе ея должно быть сосредоточено не столько на вопросѣ о сущности психической энергіи и объ отношеніи ея къ физической (такъ какъ проблема эта по существу вовсе не психологическая), сколько на детальномъ изученіи дѣятельности и проявленій различныхъ психическихъ силъ или способностей съ цѣлью связать ихъ затѣмъ въ одно общее, закономѣрно дѣйствующее, цѣлое.

ГЛАВА XVI.

Общее направленіе науки о характерахъ.

Теперь, когда мы подвергли подробному размотрѣнію различные частные вопросы, такъ или иначе относящіеся къ ученію о характерахъ, — можно перейти къ болѣе общему и въ то же время самому основному вопросу: какого должно быть общее направленіе и конечная цѣль индивидуальной психологіи? Въ самомъ началѣ первой главы мы привели, пока еще безъ всякихъ поясненій и доказательствъ, тотъ отвѣтъ, который намъ представляется наиболѣе правильнымъ: индивидуальная психологія или характерологія есть наука, изучающая душевныя особенности (наклонности), которыми отличаются люди другъ отъ друга, а также взаимныя отношенія между этими наклонностями; конечною ея цѣлью является составленіе возможно полной естественной классификаціи характеровъ. Теперь намъ предстоитъ подробно разобрать эту формулу и привести какъ тѣ соображенія, на которыхъ она основывается, такъ и тѣ слѣдствія, которыя изъ нея вытекаютъ. При этомъ неизбѣжно придется также затронуть и большинство частныхъ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ уже нами выше: о простыхъ и сложныхъ наклонностяхъ, о взаимной ихъ связи, о проявленіяхъ наклонно-

стей и ихъ анализѣ, о различныхъ степеняхъ развитія каждой отдѣльной наклонности и т. д. Только теперь всѣ эти вопросы будутъ интересовать насъ съ нѣсколько иной стороны, чѣмъ раньше: до сихъ поръ мы разсматривали каждый изъ нихъ въ отдѣльности, почти совершенно игнорируя ихъ отношеніе другъ къ другу и къ общимъ задачамъ индивидуальной психологіи. Въ этой же главѣ на первый планъ будутъ выдвинуты именно эти общія задачи науки о характерахъ; поэтому и каждый частный вопросъ будетъ разсматриваться и оцѣниваться такъ или иначе въ зависимости отъ того отношенія, въ какомъ онъ находится къ отдѣльнымъ пунктамъ приведенной нами только что основной формулы.

Слѣдуетъ ли считать индивидуальную психологію (характерологію) наукой или искусствомъ? Должна ли она преслѣдовать чисто теоретическія или какія-либо практическія цѣли? Вопросы эти хотя и не вполнѣ тождественны, но все же настолько тѣсно связаны другъ съ другомъ, что мы будемъ разсматривать ихъ вмѣстѣ. Очень многіе изъ авторовъ, писавшихъ по этому поводу, а также и изъ людей, просто интересующихся даннымъ предметомъ, держатся того мнѣнія, что характерологія должна преслѣдовать по преимуществу практическія задачи. Главныя усилія ея должны быть направлены на то, чтобы достигнуть возможности въ любой моментъ угадать психическіе процессы, протекающіе въ сознаніи того или иного человѣка. Согласно такому взгляду, центральную часть характерологіи составляетъ „psychognosis“ (29), т. е., опредѣленіе тѣхъ душевныхъ качествъ наблюдаемаго лица, которыя почему-либо интересуютъ насъ въ данную минуту. Вниманіе изслѣдователя, посвятившаго себя изученію людскихъ характеровъ, должно быть сосредоточено преимущественно на тѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ, которыя раскрываютъ передъ нимъ душевный міръ другого человѣка; главной задачей его должно явиться отыскиваніе и усвоеніе различныхъ пріемовъ, позволяющихъ быстро и точно ознакомиться съ тѣми душевными переживаніями наблюдаемаго лица, которыя въ данный моментъ являются для наблюдателя особенно интересными. При этомъ цѣль наблюденія состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы возможно полнѣе ознакомиться съ личностью наблюдаемаго человѣка, составить детальную и обстоятельную его характеристику; если такого рода полное ознакомленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ и достигается, то лишь побочно, мимоходомъ, благодаря какимъ-нибудь особенно благопріятнымъ условіямъ. Главною же цѣлью psychognosis'a всегда является какая-нибудь побочная задача, выходящая изъ

рамокъ собственно характерологическаго наблюденія и классифицированія. Такихъ побочныхъ задачъ можно себѣ представить безчисленное множество. Окружающая жизнь на каждомъ шагу доказываетъ намъ, какъ полезно бываетъ ознакомиться съ важнѣйшими чертами характера того человѣка, съ которымъ намъ приходится имѣть дѣло. Педагогъ, юристъ, практическій дѣлецъ, администраторъ, врачъ, писатель, художественный критикъ, — всѣ они въ извѣстныя минуты своей дѣятельности поневолѣ бываютъ вынуждены дѣлаться серцевѣдами, какъ бы мало они ни были къ этому склонны и какъ бы ни была недостаточна ихъ подготовка.

Въ общемъ, всѣ эти безконечно разнообразныя цѣли для достиженія которыхъ требуется созданіе практической, прикладной характерологіи, можно раздѣлить на три группы. Къ первой относятся тѣ случаи, когда знакомство съ душевнымъ складомъ наблюдаемаго человѣка помогаетъ намъ предсказать его поведеніе и образъ дѣйствій въ будущемъ. Администраторъ, выбирающій себѣ умѣлыхъ и энергичныхъ помощниковъ, какое-нибудь крупное предпріятіе, ведущееся небольшимъ кружкомъ лицъ и основанное исключительно на взаимномъ довѣріи ихъ по отношенію другъ къ другу, — примѣры эти достаточно доказываютъ всю практическую важность такого рода предсказаній.

Еще бо́льшую важность представляетъ вторая область приложенія psychognosis'a, именно тѣ случаи, когда знаніе душевной жизни наблюдаемаго человѣка помогаетъ намъ оказывать на него то или иное воздѣйствіе. Мы имѣемъ въ виду здѣсь прежде всего, конечно, педагогику. Необходимо узнать ребенка, прежде чѣмъ начать обучать, а тѣмъ болѣе воспитывать его; и чѣмъ короче будетъ это ознакомленіе, чѣмъ яснѣе обрисуется передъ нами душевный складъ даннаго ребенка, тѣмъ бо́льшаго успѣха мы можемъ достигнуть въ дѣлѣ его воспитанія. И здѣсь, слѣдовательно, составленіе болѣе или менѣе подробной характеристики ребенка является только средствомъ, а никакъ не цѣлью. Конечно, если воспитатель привязанъ къ своему воспитаннику, то характеръ этого послѣдняго можетъ заинтересовать его также и самъ по себѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было педагогическихъ задачъ и соображеній; такой педагогъ внимательно и съ любовью слѣдитъ за всѣми проявленіями душевнаго склада ребенка, обсуждаетъ и оцѣниваетъ его поступки, съ интересомъ отмѣчаетъ каждую новую черточку въ его характерѣ. Но и въ этихъ случаяхъ, всетаки, главное вниманіе со-

средоточено на тѣхъ сторонахъ душевной дѣятельности, которыя играютъ наибольшую роль въ дѣлѣ воспитанія. И здѣсь главный вопросъ заключается не въ томъ, каковъ данный ребенокъ, а въ томъ, какъ нужно на него воздѣйствовать, и здѣсь, слѣдовательно, характерологія играетъ лишь подчиненную, а не главную роль, являясь только средствомъ, а отнюдь не цѣлью.

Не менѣе подчиненнымъ является положеніе характерологіи также и въ третьей группѣ относящихся сюда случаевъ, именно — въ рукахъ эстетиковъ и художественныхъ критиковъ. На первый взглядъ, правда, здѣсь дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Тутъ не приходится, исходя изъ тѣхъ или иныхъ свѣдѣній о характерѣ наблюдаемаго лица, предсказывать дальнѣйшее его поведеніе; нѣтъ надобности также заботиться о педагогическихъ пріемахъ воздѣйствія по той простой причинѣ, что передъ нами имѣется не живой человѣкъ, а литературный типъ, художественный вымыселъ. Разбирая психологію того или иного изъ лицъ, выведенныхъ авторомъ, художественный критикъ преслѣдуетъ, повидимому, чисто теоретическія задачи: подробно выяснить себѣ душевный складъ героя и выдѣлить тѣ качества, которыя являются для него наиболѣе характерными; провѣрить, насколько поступки героя согласуются съ его характеромъ и съ условіями дѣйствія, насколько вообще жизненнымъ и естественнымъ можно признать типъ, нарисованный авторомъ; установить связи между отдѣльными чертами даннаго лица и посмотрѣть, не представляетъ ли душевный складъ его какихъ-нибудь внутреннихъ противорѣчій, какихъ-нибудь неестественныхъ и невозможныхъ сочетаній и т. д. Однако, если вглядѣться пристальнѣе, не трудно убѣдиться, что и здѣсь характерологія, т. е., описаніе и классифицированіе отдѣльныхъ характеровъ, стоитъ на второмъ планѣ, являясь лишь однимъ изъ средствъ, а вовсе не конечною цѣлью. Задача эстетика и художественнаго критика должна состоять прежде всего въ томъ, чтобы о ц ѣ н и т ь данное литературное произведеніе, опредѣлить степень его художественнаго достоинства. Только благодаря тому, что правдивость изображенныхъ типовъ составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ художественныхъ требованій, критикъ является также по необходимости психологомъ и характерологомъ. Главная же его задача состоитъ не въ томъ, чтобы точно и подробно анализировать характеры, а въ томъ, чтобы оцѣнить, насколько сильно впечатлѣніе, получающееся отъ даннаго произведенія. Дальнѣйшія цѣли заключаются въ установленіи большей или меньшей новизны, оригинальности типовъ, выведенныхъ авторомъ, ихъ значенія для литературы вообще и

для даннаго произведенія въ частности и т. д. Все это — вопросы, выходящіе уже изъ области научной характерологіи, которая, такимъ образомъ, и здѣсь играетъ лишь прикладную, подчиненную роль, является средствомъ, а не цѣлью.

Всѣ подобные взгляды, ставящіе изученіе характеровъ въ зависимость отъ какихъ бы то ни было прикладныхъ цѣлей, являются, въ сущности, прямымъ отрицаніемъ характерологіи. Для того, чтобы возможна была какая-нибудь отдѣльная, самостоятельная научная дисциплина, необходимо прежде всего точно опредѣлить ея задачи и методы. Между тѣмъ, въ приведенныхъ нами выше примѣрахъ, задачи характеролога отнюдь не остаются постоянными, а мѣняются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Знанія, необходимыя для того, чтобы успѣшно предсказывать поступки наблюдаемаго человѣка, не всегда будутъ тождественны съ тѣми знаніями, которыя помогаютъ успѣшно воздѣйствовать на поведеніе этого человѣка; для того же, чтобы оцѣнить правдивость выведеннаго въ романѣ литературнаго типа, свѣдѣнія должны быть опять иныя, чѣмъ въ первыхъ двухъ случаяхъ. Тѣ факты и наблюденія, которые относятся собственно къ характеристикѣ даннаго лица, такъ тѣсно переплетаются съ конечными, не относящимися къ характерологіи задачами и вопросами (административными, педагогическими, художественными), что отдѣлить ихъ другъ отъ друга нѣтъ никакой возможности. Поэтому въ изслѣдованіе всегда привносится масса матеріала, совершенно ненужнаго съ точки зрѣнія характерологіи и только затемняющаго результаты изслѣдованія.

Кромѣ того, — и это самое важное — всѣ такого рода изслѣдованія неизбѣжно страдаютъ чрезвычайной односторонностью. Каждаго наблюдателя интересуютъ въ характерѣ изслѣдуемаго лица только тѣ черты, которыя прямо относятся къ преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ и задачамъ. Для педагога важнѣе всего опредѣлить въ воспитанникѣ степень послушанія, вниманія, памяти, настойчивости, — вообще, всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя особенно требуются въ дѣлѣ воспитанія; перечень этихъ качествъ также не остается постояннымъ, а безпрестанно мѣняется въ зависимости отъ личности самаго воспитателя, отъ его взглядовъ и направленія, которое онъ хочетъ сообщить способностямъ и характеру своего ученика. Администраторъ, вибирая себѣ помощниковъ, прежде всего обращаетъ вниманіе на ихъ честность и энергію (или только на энергію и способности — опять таки въ зависимости отъ его личныхъ взглядовъ) и съ этой именно точки зрѣнія классифицируетъ всѣхъ наблю-

даемыхъ имъ лицъ. Художественный критикъ отмѣчаетъ у каждаго дѣйствующаго лица, главнымъ образомъ, тѣ его черты, которыя особенно важны въ общемъ ходѣ дѣйствія, хотя бы для даннаго лица онѣ и не были особенно характерны; въ худшемъ же случаѣ онъ классифицируетъ дѣйствующихъ лицъ съ своей собственной, болѣе или менѣе внѣшней точки зрѣнія (напр., въ такъ называемой публицистической критикѣ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ получаются, такимъ образомъ, чрезвычайно односторонніе описанія и классификаціи, такъ что обыкновенно бываетъ совершенно невозможно даже сравнивать ихъ другъ съ другомъ, а тѣмъ болѣе дѣлать изъ нихъ какія-нибудь общія заключенія и выводы.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что сторонники прикладной характерологіи приходятъ, въ концѣ концовъ, къ полному отрицанію, возможности составить сколько-нибудь детальную классификацію характеровъ. Всякаго рода подраздѣленія въ этой области будутъ по ихъ мнѣнію, всегда отличаться извѣстной неопредѣленностью расплывчатостью, отсутствіемъ рѣзкихъ границъ между отдѣльными группами. Относительно установленія отдѣльныхъ группъ, также никогда нельзя будетъ достигнуть сколько-нибудь полнаго соглашенія, потому что каждый изслѣдователь (какъ мы это уже видѣли выше) руководствуется при наблюденіи своими собственными точками зрѣнія и кладетъ въ основу классификаціи тѣ душевныя качества, которыя въ силу какихъ-либо побочныхъ соображеній, представляются для него наиболѣе важными. Всѣ такія частныя классификаціи, благодаря именно ихъ односторонности, могутъ быть очень полезны для тѣхъ или иныхъ практическихъ цѣлей, но научнаго значенія онѣ никогда не будутъ имѣть. Стоя на подобной точкѣ зрѣнія, придется неизбѣжно придти къ выводу, будто научная характерологія никогда не пойдетъ дальше самыхъ общихъ, примитивныхъ подраздѣленій, составленныхъ большею частью путемъ дедукціи и совершенно неспособныхъ охватить дѣйствительность во всей ея полнотѣ и разнообразіи. Придется признать невозможнымъ составленіе когда бы то ни было общепринятой, детально разработанной классификаціи характеровъ; а благодаря этому, утрачивается та единственная цѣль, которая даетъ намъ право выдѣлять характерологію въ качествѣ самостоятельной научной дисциплины.

Отрицая, такимъ образомъ, существованіе особыхъ, самостоятельныхъ задачъ для индивидуальной психологіи, сторонники разсматриваемаго нами воззрѣнія неизбѣжно должны придти

также и къ отрицанію какихъ бы то ни было методовъ, свойственныхъ по преимуществу этой наукѣ, — составляющихъ ея неотъемлемую принадлежность и отличающихъ ее отъ другихъ, связанныхъ съ нею научныхъ дисциплинъ. Въ самомъ дѣлѣ, если каждый отдѣльный изслѣдователь во время производства наблюденій исходитъ изъ своихъ собственныхъ точекъ зрѣнія, болѣе или менѣе отличающихся отъ точекъ зрѣнія другихъ наблюдателей, если конечныя цѣли, руководящія каждымъ отдѣльнымъ наблюденіемъ, не лежатъ въ самомъ изслѣдованіи, а опредѣляются различными побочными соображеніями чисто практическаго характера, — то здѣсь, очевидно, не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было единствѣ метода. Всякій будетъ употреблять тѣ пріемы, которые для него лично наиболѣе удобны, которые больше всего приспособлены къ практической задачѣ, составляющей конечную цѣль его наблюденій, и которые, слѣдовательно, скорѣе всего приведутъ его къ этой цѣли. Другими словами, практическій житейскій опытъ каждаго, его свѣдѣнія, почерпнутыя изъ повседневнаго жизненнаго обихода, окажутся не только наиболѣе пригоднымъ, но даже и единственно возможнымъ руководителемъ въ дѣлѣ наблюденія и изученія людскихъ характеровъ. И мы видимъ, что таково въ дѣйствительности мнѣніе многихъ защитниковъ практической характерологіи (напр., М. Дессуара (29) и др.). По ихъ мнѣнію, никакая систематическая наука не въ состояніи дать намъ такихъ точныхъ и полныхъ свѣдѣній о чужой душевной жизни и чужомъ душевномъ складѣ, какъ обыденный, повседневный опытъ, соединенный съ тонкою наблюдательностью и живымъ интересомъ къ людскимъ радостямъ и людскимъ страданіямъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводятся обыкновенно различныя литературныя произведенія, авторы которыхъ, несмотря на полное отсутствіе какихъ бы то ни было научныхъ пріемовъ, сумѣли дать такія тонкія и обстоятельныя характеристики, которыя не по плечу не только современной, но, по всей вѣроятности, и будущей характерологіи.

Такая оцѣнка роли, которую играетъ и долженъ играть повседневный опытъ въ дѣлѣ изученія людскихъ характеровъ, страдаетъ, несомнѣнно, сильнымъ преувеличеніемъ. Ниже, когда рѣчь будетъ идти спеціально о методахъ индивидуальной психологіи, мы еще разъ займемся этимъ вопросомъ и увидимъ, въ чемъ состоитъ ошибка тѣхъ лицъ, которыя переоцѣниваютъ значеніе повседневнаго опыта и считаютъ его единственнымъ доступнымъ для характерологіи методомъ. Теперь же ограничимся

заключеніемъ, прямо вытекающимъ изъ всего вышесказаннаго: взглядъ на характерологію, какъ на чисто прикладную, практическую научную дисциплину, сводится, въ концѣ концовъ, къ полному отрицанію возможности планомѣрнаго и систематическаго изученія людскихъ характеровъ; при этихъ условіяхъ существованіе характерологіи, какъ самостоятельной науки, имѣющей свои опредѣленныя задачи и свои опредѣленные методы, представляется совершенно немыслимымъ. Итакъ, дальнѣйшій прогрессъ на этомъ пути оказывается невозможнымъ. Остается другой путь,—путь теоретической науки, свободной отъ всякихъ прикладныхъ цѣлей и соображеній. На этотъ путь уже начинаетъ вступать индивидуальная психологія въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей (В. Штернъ (14), Малаперъ (19) и др.). Недалекое будущее должно показать намъ, насколько путь этотъ окажется плодотворнымъ.

ГЛАВА XVII.

Предметъ и границы научной характерологіи.

Согласно нашему первоначальному опредѣленію, предметомъ индивидуальной психологіи является изученіе тѣхъ душевныхъ особенностей (наклонностей), которыми отличаются люди другъ отъ друга, а также взаимнаго отношенія между этими наклонностями. Это значитъ, что индивидуальная психологія отличается отъ общей не только своими конечными задачами, но также и самымъ предметомъ своего изученія. На первый взглядъ можетъ показаться, что обѣ науки занимаются изслѣдованіемъ одного и того же объекта, душевнаго міра отдѣльной человѣческой личности. На это какъ будто бы указываетъ даже самый терминъ „индивидуальная психологія“, первоначально употреблявшійся,—да и теперь еще иногда употребляющійся—въ совершенно иномъ значеніи, чѣмъ то, которое придали ему Крепелинъ (30) и Бинэ-Анри (31) и котораго мы придерживались въ нашемъ изложеніи. Извѣстно, что, напр., Вундтъ понимаетъ подъ индивидуальной психологіей какъ разъ то самое, что мы называемъ общей психологіей, т. е., ученіе о душевныхъ процессахъ въ ихъ наиболѣе всеобщей, типической формѣ, противополагая науку эту съ одной стороны практической характерологіи, а съ другой—психологіи

народовъ (Völkerpsychologie). Такая терминологія, конечно, вполнѣ оправдывается съ точки зрѣнія Вундта, который признаетъ за характерологіей преимущественно практическія задачи и, слѣдовательно, долженъ неизбѣжно придти,—какъ мы это уже видѣли выше,—къ полному отрицанію ея самостоятельности. Для тѣхъ же, кто видитъ въ характерологіи (resp. индивидуальной психологіи) самостоятельную теоретическую науку, отличающуюся отъ общей психологіи по своимъ задачамъ и методамъ, необходимо имѣть въ виду, что и объектъ изслѣдованія у нихъ также различенъ. Общая психологія изучаетъ душевные процессы въ ихъ наиболѣе всеобщей формѣ, обращая при этомъ вниманіе преимущественно на тѣ ихъ стороны, которыя всегда и у всѣхъ людей остаются неизмѣнными, и игнорируя личныя особенности, придающія своеобразный отпечатокъ душевному складу и психическимъ процессамъ каждаго отдѣльнаго человѣка. Между тѣмъ, именно эти личныя особенности или наклонности составляютъ главный предметъ изученія индивидуальной психологіи, которая пользуется этимъ матеріаломъ для достиженія своей главной цѣли,—подробнаго описанія и классификаціи людскихъ характеровъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такого взгляда придерживаются всѣ авторы, считающіе возможнымъ сознаніе самостоятельной науки о характерахъ.

Итакъ, индивидуальная и общая психологія различаются не только по своимъ цѣлямъ, но также и по объекту изслѣдованія. Если мы согласимся съ этимъ, то намъ не трудно будетъ отвѣтить на одно возраженіе, нерѣдко приводимое противъ созданія научной характерологіи. Какимъ образомъ возможно изученіе индивидуальныхъ особенностей, личныхъ уклоненій психической жизни, когда даже самые типичные, всеобщіе, наиболѣе простые душевные процессы далеко еще нельзя считать вполнѣ изученными и выясненными? Вѣдь прежде, чѣмъ изучать варіаціи, разновидности какого-нибудь явленія, нужно ознакомиться сколько-нибудь основательно съ главными, типичными и неизмѣнными чертами этого явленія. Между тѣмъ, современное состояніе общей психологіи чрезвычайно несовершенно. Не говоря уже о психологіи объяснительной, самая возможность существованія которой многими оспаривается, — даже и при описаніи почти всѣхъ важнѣйшихъ психическихъ процессовъ можно встрѣтить цѣлый рядъ самыхъ непримиримыхъ разногласій и противорѣчій. Достаточно напомнить вопросы о феноменологіи воли, вниманія, чувствованія, сужденія и т. д. Какимъ же образомъ можно установить сколько-нибудь однообразныя и однородныя наклонности среди этого

хаоса противорѣчивыхъ мнѣній и несогласимыхъ другъ съ другомъ описаній?

Въ отвѣтъ на это возраженіе мы можемъ сказать слѣдующее. Общая психологія по самому существу своему должна стремиться все глубже и глубже анализировать душевные процессы. Современныя намъ психологическія описанія и теоріи по своей точности, обстоятельности и глубинѣ анализа, безъ всякаго сомнѣнія значительно превосходятъ тѣ, которыя были даны старинными авторами; тѣмъ не менѣе, смѣло можно сказать, что число вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію, не только не уменьшилось, а скорѣе даже значительно увеличилось, да и самые вопросы выросли вширь и вглубь. Таковъ прогрессъ всякой науки, сколько-нибудь соприкасающейся съ тѣми основными вопросами жизни и бытія, которые всегда будутъ привлекать къ себѣ человѣческій умъ, и попытки рѣшенія которыхъ объединяются подъ общимъ именемъ философіи. А общая психологія (въ особенности ея объяснительная часть) стоитъ, несомнѣнно, въ тѣснѣйшей связи съ этими вопросами. Поэтому, если бы для созданія научной характерологіи необходимо было предварительное рѣшеніе основныхъ обще-психологическихъ вопросовъ, то намъ дѣйствительно пришлось бы отложить разработку этой науки на безконечно долгое время или, вѣрнѣе, совсѣмъ поставить надъ нею крестъ. Но дѣло въ томъ, что подобное окончательное рѣшеніе всѣхъ основныхъ вопросовъ общей психологіи вовсе не является необходимостью для психологіи индивидуальной. Для этой послѣдней вполнѣ достаточно, если будетъ установленъ рядъ болѣе или менѣе постоянныхъ наклонностей, рядъ неизмѣнно повторяющихся въ одномъ и томъ же видѣ сторонъ душевной дѣятельности, а также болѣе или менѣе постоянныя соотношенія между этими сторонами. Дальнѣйшія же гипотезы относительно конечныхъ причинъ, обусловливающихъ какъ возникновеніе отдѣльныхъ наклонностей, такъ и ихъ сочетанія, выходятъ уже изъ области индивидуальной психологіи.

Изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, будто индивидуальная психологія, въ противоположность общей, является чисто описательной наукой. Напротивъ, она не только описываетъ, но и объясняетъ; только объясненія ея направлены въ другую сторону, чѣмъ у общей психологіи. Предметомъ объясненій здѣсь является не сущность каждой отдѣльной наклонности, а тѣ беконечно разнообразныя сочетанія этихъ наклонностей, которыя мы называемъ отдѣльными человѣческими личностями. Мы должны, исходя изъ общепризнанныхъ въ настоя-

щее время психологическихъ фактовъ, объяснить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, почему, напр., одно соединеніе душевныхъ качествъ встрѣчается чаще, нежели другое, почему изъ двухъ извѣстныхъ намъ проявленій наличность одного исключаетъ возможность возникновенія другого, какими внутренними и внѣшними причинами обусловливается богатство или бѣдность, развитіе или упадокъ характеровъ, принадлежащихъ къ извѣстной группѣ, и т. д. Всѣ эти и подобные вопросы представляютъ обширное поле для построенія и провѣрки различныхъ гипотезъ и теорій, такъ что говорить о томъ, будто, индивидуальная психологія можетъ быть только описательной, а отнюдь не объяснительной наукой, по нашему мнѣнію, рѣшительно не приходится.

Конечной цѣлью научной характерологіи является, согласно нашему опредѣленію, составленіе возможно полной естественной классификаціи характеровъ. Цѣль эта издавна привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей; достаточно вспомнить ученіе о темпераментахъ, возникшее еще въ сѣдой древности и сразу же отлившееся въ форму классификаціи темпераментовъ. Такая же склонность классифицировать замѣчается и у новѣйшихъ характерологовъ (см. выше, гл. II). И если многочисленныя попытки, предпринятыя въ этомъ направленіи, нельзя признать вполнѣ удавшимися, если мы до сихъ поръ еще не имѣемъ такой классификаціи характеровъ, которая могла бы считаться общепринятой и вмѣстѣ съ тѣмъ служила бы основой для дальнѣйшей, болѣе детальной разработки предмета,—то причина этого лежитъ, какъ намъ кажется, не въ самой цѣли, а въ тѣхъ средствахъ, которыми пользовались для ея достиженія. Большинство цитированныхъ нами классификацій представляютъ собой болѣе или менѣе искусственныя дедукціи изъ современныхъ психологическихъ теорій (напр., изъ традиціоннаго дѣленія явленій душевной жизни на умъ, чувство и волю). Онѣ хотятъ дать намъ съ самаго начала то, что должно явиться конечнымъ выводомъ, отдаленною цѣлью; между тѣмъ, для достиженія этой цѣли необходима продолжительная, упорная работа, необходимо созданіе цѣлой обширной науки, съ своими собственными методами, которые едва только начинаютъ намѣчаться, съ новыми, своеобразными пріемами изслѣдованія, которые въ большинствѣ случаевъ еще предстоитъ разработать. И намъ кажется несомнѣннымъ, что такая наука должна образоваться и что она представляетъ собою единственный путь для достиженія полной и естественной классификаціи характеровъ.

Какъ широкъ долженъ быть кругъ явленій, подлежащихъ вѣдѣнію индивидуальной психологіи? Другими словами: кого именно долженъ изучать и надъ кѣмъ долженъ производить свои наблюденія характерологъ? Очень часто высказывается мнѣніе, будто въ кругъ задачъ индивидуальной психологіи должны входить не только изученіе характеровъ отдѣльныхъ людей, но также сравнительная психологія половъ, расъ, возрастовъ и изслѣдованіе душевной жизни высшихъ животныхъ; нѣкоторые склонны включить сюда даже и такіе подотдѣлы, какъ, напр., психологія слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. Подобный взглядъ кажется намъ не совсѣмъ правильнымъ. Прежде всего, онъ чрезмѣрно расширяетъ область индивидуальной психологіи, до того, что наука эта начинаетъ терять, въ концѣ концовъ, всякія ясныя границы. Единство цѣли и метода утрачивается и планомѣрная, систематическая обработка полученнаго матеріала становится невозможной. Немалое значеніе имѣютъ при этомъ также и различныя затрудненія чисто техническаго характера. Такъ, изученіе психологіи животныхъ требуетъ обширныхъ свѣдѣній по зоологіи и сравнительной анатоміи, изученіе душевнаго міра слѣпыхъ и глухонѣмыхъ предполагаетъ основательную подготовку въ области психо-физіологіи органовъ чувствъ, для занятія психологіей расъ требуются большія познанія по этнографіи, антропологіи, физической географіи, политической экономіи и т. д. Такимъ образомъ, человѣкъ, посвятившій себя изученію характерологіи, какъ самостоятельной науки, взятой во всемъ ея цѣломъ, долженъ былъ бы явиться въ буквальномъ смыслѣ слова энциклопедистомъ, что, конечно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ совершенно невозможно.

Другое возраженіе противъ такого непомѣрнаго расширенія границъ индивидуальной психологіи заключается, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ. При составленіи классификаціи основами дѣленія должны служить, какъ мы увидимъ ниже, преимущественно такія наклонности, которыя связаны болѣе или менѣе тѣсно съ значительнымъ количествомъ другихъ душевныхъ качествъ. Констатированіе одной или нѣсколькихъ такихъ наклонностей у наблюдаемаго лица сразу опредѣляетъ всѣ остальныя черты его характера, такъ или иначе связанныя съ первыми. При этомъ связи, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, не должны являться чѣмъ-то внѣшнимъ, постороннимъ, а должны необходимо вытекать изъ основныхъ свойствъ характера даннаго человѣка. Такимъ образомъ, основы классификаціи должны лежать не внѣ людей, а внутри ихъ. Между тѣмъ, во многихъ изъ перечисленныхъ

выше случаевъ (напр., въ психологіи слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, въ психологіи расъ и національностей) мы имѣемъ дѣло съ извѣстнаго рода внѣшними, посторонними воздѣйствіями, которыя только благодаря своему постоянству наложили извѣстный отпечатокъ на даннаго человѣка или на данную группу людей. Этотъ отпечатокъ отличается, правда, нерѣдко большою отчетливостью и постоянствомъ, но все же онъ выражается только въ опредѣленной, болѣе или менѣе ограниченной сферѣ, не распространяясь на всѣ основныя наклонности даннаго лица. Поэтому въ каждомъ человѣкѣ, наряду со спеціальными его привычками и особенностями, какъ матери, негра, глухонѣмого и т. д., мы обыкновенно находимъ также ту или иную психологическую разновидность, тотъ или иной характеръ. И сплошь и рядомъ бываютъ случаи, когда, группируя людей по ихъ характерамъ, мы вынуждены бываемъ въ одну и ту же группу отнести индивидуумовъ, принадлежащихъ къ различнымъ поламъ, возрастамъ и національностямъ. Съ другой стороны между взрослыми мужчинами (resp. женщинами), принадлежащими къ одной и той же національности, мы можемъ найти почти все разнообразіе человѣческихъ характеровъ.

Мы назвали внѣшними, случайными всѣ тѣ условія и воздѣйствія, благодаря которымъ возникаютъ болѣзненныя, расовыя и половыя особенности въ складѣ характера. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что въ число этихъ внѣшнихъ воздѣйствій включена нами принадлежность даннаго лица къ тому или иному полу, а также слѣпота и глухонѣмота. А между тѣмъ, это вполнѣ естественно. То или иное устройство половыхъ органовъ представляетъ собою внѣшній факторъ по отношенію къ центральной нервной системѣ, которая служитъ главнымъ коррелатомъ психическихъ наклонностей и ихъ проявленій; такимъ же внѣшнимъ факторомъ является разрушеніе проводящихъ средъ глаза и уха, вызывающее слѣпоту и глухоту. Воздѣйствіе этихъ факторовъ на мозгъ, а слѣдовательно и на психическій складъ человѣка, возможно или прямымъ путемъ, при помощи физіологическихъ связей организма, или — что гораздо важнѣе — непрямымъ путемъ, благодаря тѣмъ условіямъ жизни и дѣятельности, въ которыя неизбѣжно ставитъ человѣка слѣпота, глухота или принадлежность къ опредѣленному полу. Подобно всѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ-возбудителямъ, подобно воспитанію, національности, условіямъ профессіональной дѣятельности, вліяніе болѣзни или пола отражается также не на одной какой-нибудь наклонности, а обыкновенно на цѣломъ рядѣ душевныхъ качествъ.

При этомъ сплошь и рядомъ затрогиваются не только близкія другъ къ другу качества, но также и такія, которыя не имѣютъ другъ съ другомъ ничего общаго и даже взаимно-противоположны. Условія жизни и дѣятельности солдата, матери, глухонѣмого въ современномъ намъ обществѣ требуютъ отъ нихъ извѣстной совокупности душевныхъ качествъ, — и вотъ, путемъ болѣе или менѣе искусственнаго навыка, создаются у цѣлаго ряда лицъ извѣстныя сложныя привычки, „случайныя сочетанія“, дающія имъ возможность удовлетворять этимъ требованіямъ. Главныя же отличительныя черты характера этихъ лицъ остаются въ огромномъ большинствѣ случаевъ или совершенно незатронутыми, или же только слегка измѣненными въ своихъ проявленіяхъ. А между тѣмъ, именно этими основными, общечеловѣческими чертами характера, а также ихъ сочетаніями и взаимоотношеніями и должна, по нашему мнѣнію, заниматься научная характерологія.

ГЛАВА XVIII.

Выборъ основныхъ наклонностей.

Если держаться того взгляда на сущность и задачи индивидуальной психологіи, который мы старались проводить во всемъ предшествовавшемъ изложеніи, то не трудно видѣть, что весь огромный кругъ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію этой науки, естественнымъ образомъ распадается на слѣдующіе четыре отдѣла:

1) Описаніе и анализъ отдѣльныхъ психическихъ процессовъ; выдѣленіе наклонностей, входящихъ въ составъ этихъ процессовъ.

2) Выборъ тѣхъ наклонностей, которыя имѣютъ особенно важное значеніе для научной характерологіи; внутреннія и внѣшнія проявленія подобныхъ „основныхъ“ наклонностей и характерологическій анализъ этихъ проявленій.

3) Производство наблюденій надъ отдѣльными лицами и составленіе характеристикъ; выработка пріемовъ, необходимыхъ для болѣе точнаго и полнаго наблюденія.

4) Сравненіе и группировка полученныхъ характеристикъ; выясненіе внутренней конструкціи характеровъ, принадлежащихъ къ каждой группѣ; составленіе естественной классификаціи характеровъ.

Каждый изъ этихъ четырехъ отдѣловъ имѣетъ, такимъ образомъ, свои особенныя, самостоятельныя задачи, входя въ то же время въ качествѣ необходимой составной части въ одно общее цѣлое. А такъ какъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ задачъ мѣняются обыкновенно также и самые способы ихъ разрѣшенія, то почти каждому изъ перечисленныхъ только что отдѣловъ индивидуальной психологіи свойственны свои особенные методы, свои, болѣе или менѣе самостоятельные пріемы изслѣдованія. Намъ необходимо поэтому разсмотрѣть нѣсколко подробнѣе какъ содержаніе каждаго изъ упомянутыхъ отдѣловъ, такъ и характеризующіе ихъ пріемы и методы изслѣдованія.

Индивидуальная психологія, какъ это намъ уже не разъ приходилось повторять, должна основываться на общей. Исходнымъ пунктомъ для характеролога должно служить подробное ознакомленіе съ явленіями душевной жизни, т. е., тѣми самыми явленіями, описаніе и анализъ которыхъ составляютъ главную задачу общей психологіи. Соприкосновеніе между двумя науками представляется здѣсь еще настолько тѣснымъ, что очень трудно разграничить ихъ другъ отъ друга сколько-нибудь опредѣленнымъ образомъ.

Поэтому первый отдѣлъ индивидуальной психологіи, въ сущности, только на половину принадлежитъ этой наукѣ, являясь для нея скорѣе своего рода подготовительной стадіей. Содержаніе его, равно какъ и преслѣдуемыя имъ задачи почти всецѣло заимствованы изъ общей психологіи. Нѣкоторымъ намекомъ на дальнѣйшее обособленіе служитъ здѣсь тотъ фактъ, что при описаніи и анализѣ каждаго отдѣльнаго душевнаго процесса не всѣ его части привлекаютъ на себя одинаковое вниманіе наблюдателя-характеролога; особенно подробному описанію и анализу подвергаются только тѣ стороны душевныхъ процессовъ, которыя повторяются съ извѣстнымъ постоянствомъ и которыя, такимъ образомъ, больше, чѣмъ другія, подходятъ подъ наше опредѣленіе наклонностей и ихъ проявленій. Однако, и это различіе едва ли можетъ считаться существеннымъ. Общая психологія тоже вѣдь далеко не одинаково оцѣниваетъ важность различныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ того или иного душевнаго процесса; все дѣло заключается въ критеріяхъ оцѣнки, въ тѣхъ точкахъ зрѣнія, которыми руководствуется каждая изъ этихъ двухъ наукъ, производя выборъ между различными элементами анализируемаго душевнаго явленія. А между тѣмъ, производство выбора относится, какъ мы сейчасъ увидимъ, уже ко второму отдѣлу индивидуальной психологіи. Для того, чтобы выбрать,

нужно предварительно имѣть большое количество матеріала, собраннаго по возможности объективно, безъ всякой предвзятой точки зрѣнія и состоящаго въ точномъ и всестороннемъ описаніи цѣлаго ряда болѣе или менѣе сложныхъ душевныхъ процессовъ. Въ этомъ именно и состоитъ начальная задача индивидуальной психологіи, вполнѣ совпадающая съ начальными задачами психологіи общей. А такъ какъ единство цѣлей и содержанія влечетъ за собой также и единство метода, то методы научной характерологіи на первой ея ступени ничѣмъ не отличаются отъ методовъ обще-психологическихъ. Самонаблюденіе, экспериментъ, наблюденія надъ дѣтьми и душевно-больными—вотъ тѣ главные способы, которыми мы пользуемся при описаніи и анализѣ явленій душевной жизни, и которые представляютъ одинаковую цѣнность какъ для общей психологіи, такъ и для характерологіи, по крайней мѣрѣ, въ первой, начальной стадіи разработки этой науки.

Значительно болѣе своеобразнымъ является второй отдѣлъ индивидуальной психологіи, посвященный выбору основныхъ наклонностей и характерологическому анализу ихъ проявленій. Согласно нашему первоначальному опредѣленію, подъ наклонностью слѣдуетъ понимать возможность неоднократнаго возникновенія у одного и того-же лица одной какой-либо стороны извѣстнаго душевнаго процесса. Такъ какъ составъ и теченіе душевныхъ процессовъ у разныхъ людей отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ и такъ какъ каждый изъ этихъ процессовъ мы можемъ разсматривать съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, обращая свое вниманіе по произволу то на ту, то на другую его сторону, то становится очевиднымъ, что число наклонностей, устанавливаемыхъ научной характерологіей на первой, начальной ступени ея дѣятельности, будетъ безконечно большимъ и безконечно разнообразнымъ. Ближайшая слѣдующая за этимъ задача нашей науки должна состоять въ установленіи извѣстныхъ критеріевъ, которыми мы могли-бы руководствоваться для того, чтобы изъ всего безконечнаго разнообразія наклонностей выбрать тѣ, которыя мы условились называть основными, и которыя представляются особенно важными для достиженія конечной цѣли научной характерологіи, т. е., для составленія естественной классификаціи характеровъ.

Такихъ критеріевъ можно—какъ намъ кажется—установить четыре:

a) Сравнительная простота, несложность наклонности.

b) Существованіе значительныхъ индивидуальныхъ колебаній

данной наклонности, т. е., различное развитіе ея (по степени) у разныхъ лицъ.

c) Значительная распространенность этой наклонности.

d) Существованіе большого количества связей, соединяющихъ данное душевное качество съ другими основными наклонностями.

Установленіе и примѣненіе этихъ четырехъ критеріевъ составляетъ тотъ поворотный пунктъ, начиная съ котораго индивидуальная психологія отдѣляется отъ общей съ тѣмъ, чтобы идти дальше уже своимъ собственнымъ путемъ, преслѣдуя свои, самостоятельныя задачи.

Относительно перваго критерія мнѣнія въ настоящее время расходятся. Нѣкоторые авторы полагаютъ, что характерологa должны интересовать по преимуществу сложныя явленія душевной жизни, и что въ этомъ заключается даже одно изъ главныхъ различій между общей и индивидуальной психологіей: общая психологія занимается, по ихъ мнѣнію, анализомъ душевныхъ явленій и изученіемъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ складывается всякая вообще душевная жизнь, тогда какъ индивидуальная должна заняться тѣми разнообразными комбинаціями и сложными проявленіями, посредствомъ которыхъ обнаруживаются эти элементы у каждаго отдѣльнаго человѣка. Такимъ образомъ, пришлось-бы заключить, что наши простѣйшія наклонности, являясь въ значительной степени результатомъ анализа и отвлеченія, совсѣмъ не подлежатъ вѣдѣнію индивидуальной психологіи, роль которой состоитъ, главнымъ образомъ, въ описаніи живыхъ, конкретныхъ образовъ сложной дѣйствительности. Характерологія оказалась-бы наукой по преимуществу описательной. Къ такому взгляду особенно склонны тѣ авторы, которые больше всего цѣнятъ въ характерологіи ея прикладную, практическую сторону (см. выше, гл. XV). Для всякаго рода практическихъ цѣлей изученіе сложныхъ наклонностей и ихъ проявленій представляетъ, дѣйствительно, извѣстныя удобства. Такъ, напримѣръ, по какимъ-нибудь чисто внѣшнимъ, случайнымъ признакамъ мы заключаемъ, что человѣкъ, съ которымъ намъ приходится имѣть дѣло — страстный охотникъ, или театралъ, или лицемѣръ и ханжа. Этого часто бываетъ уже достаточно для нашихъ цѣлей, на основаніи прежняго опыта мы уже знаемъ, какихъ именно поступковъ можно ожидать отъ такого рода людей, и сообразно съ этимъ дѣйствуемъ такъ или иначе. Вопросъ о томъ, изъ какихъ элементовъ составлена данная сложная наклонность, уже мало интересуетъ насъ, а детальное

изученіе всѣхъ сколько-нибудь значительно развитыхъ качествъ наблюдаемаго лица является прямо-таки излишнимъ.

Однако, всѣ неудобства подобнаго пріема тотчасъ-же обнаруживаются, какъ только мы захотимъ сколько-нибудь подробнѣе ознакомиться съ характерами наблюдаемыхъ нами людей. Прежде всего, всякое подробное, обстоятельное описаніе необходимо уже ведетъ съ собой и расчлененіе. Положимъ, что мы хотимъ заняться обстоятельнымъ наблюденіемъ надъ лицами, обладающими рѣзко выраженнымъ музыкальнымъ дарованіемъ или страстью къ театру. И то, и другое — качества сложныя, въ составъ которыхъ входитъ цѣлый рядъ болѣе простыхъ наклонностей. Такъ, музыкальное дарованіе включаетъ въ себя: способность тонкаго различенія звуковъ, какъ по ихъ качеству, такъ и по силѣ, способность испытывать чувство удовольствія и неудовольствія подъ вліяніемъ различныхъ (гармоничныхъ и негармоничныхъ) сочетаній звуковъ, чувство ритма, способность комбинировать музыкальные образы, создавая изъ нихъ аккорды и мелодіи, способность къ быстрымъ и координированнымъ движеніямъ, необходимымъ для игры на музыкальныхъ инструментахъ, и такъ далѣе. Страсть къ театру является еще гораздо болѣе сложнымъ образованіемъ. Далѣе, оба эти сложныя качества далеко не представляютъ собой чего-нибудь строго опредѣленнаго, всегда и у всѣхъ лицъ повторяющагося въ одинаковомъ видѣ. Какъ субъективная сторона ихъ, такъ и внѣшнія проявленія рѣзко варіируются въ зависимости отъ окружающихъ условій и обстоятельствъ, а также въ зависимости отъ остальныхъ чертъ характера изслѣдуемаго лица. Описать эти индивидуальныя особенности и различія необходимо, такъ какъ въ этомъ вѣдь и состоитъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ индивидуальной психологіи. А начиная описывать ихъ, мы убѣждаемся, что всякая сложная наклонность представляетъ собою сочетаніе нѣсколькихъ болѣе простыхъ, и что качественныя различія въ проявленіяхъ какой-нибудь сложной наклонности сводятся къ количественнымъ различіямъ входящихъ въ ея составъ элементовъ. Если намъ говорятъ, что изъ двухъ даровитыхъ музыкантовъ одинъ является выдающимся виртуозомъ-исполнителемъ, а другой—талантливымъ композиторомъ, то это означаетъ, что нѣкоторые изъ элементовъ, входящихъ въ составъ того, что мы называемъ музыкальнымъ дарованіемъ, развиты у нихъ не въ одинаковой степени; тонкій слухъ, чувство ритма, художественная впечатлительность свойственны, быть можетъ, имъ обоимъ въ одинаковой степени; но за то у перваго лучше развита техника (быстрота и координація движеній), тогда какъ другой

отличается большимъ развитіемъ творческаго воображенія, способности комбинировать звуковые образы.

Такимъ образомъ, начавши съ описанія и сравненія индивидуальныхъ различій въ проявленіяхъ одной и той-же сложной наклонности, мы силою вещей были приведены къ необходимости анализировать этотъ сложный комплексъ и разсмотрѣть входящіе въ составъ его болѣе простые элементы. Изученіе сложныхъ наклонностей невозможно безъ изученія простѣйшихъ. Не разлагая сложнаго качества на его составные элементы, невозможно бываетъ опредѣлить ясно и точно, чѣмъ именно отличаются другъ отъ друга его проявленія у двухъ различныхъ людей.

Кромѣ того, если мы не будемъ анализировать сложныхъ проявленій, то намъ трудно будетъ объяснить тотъ несомнѣнный фактъ, что одна и та-же сложная наклонность можетъ попадаться въ сочетаніяхъ съ самыми разнообразными, иногда совершенно противоположными душевными свойствами. Это обстоятельство часто приводятъ въ доказательство того, что въ сочетаніяхъ различныхъ качествъ, составляющихъ характеры людей, нельзя усмотрѣть никакой закономѣрности, что самыя противоположныя качества могутъ уживаться наряду другъ съ другомъ и что научная характерологія вообще невозможна. На дѣлѣ-же, какъ намъ кажется, всѣ эти упреки являются неосновательными. Существуетъ строгая закономѣрность въ сочетаніяхъ и взаимоотношеніяхъ различныхъ наклонностей. Кажущіяся-же противорѣчія возникаютъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдователь, замѣтивши у двухъ людей съ противоположнымъ складомъ характера одно и то-же сложное качество, ограничится этимъ и не дастъ себѣ труда глубже проанализировать это качество; между тѣмъ, дальнѣйшій анализъ показалъ-бы ему, быть можетъ, что качество это въ обоихъ случаяхъ далеко не одинаково по своему составу, и что у каждаго изъ наблюдаемыхъ лицъ оно находится въ самой тѣсной связи со всѣмъ остальнымъ складомъ его характера.

Есть еще одно соображеніе, говорящее въ пользу того, что для индивидуальной психологіи необходимо изученіе простѣйшихъ наклонностей. Конечная цѣль индивидуальной психологіи, какъ науки, состоитъ въ составленіи естественной классификаціи характеровъ. Для составленія такой классификаціи необходимо, чтобы въ основу дѣленія были положены признаки, болѣе или менѣе постоянные, такъ чтобы извѣстный признакъ, характеризующій какую-нибудь группу, неизмѣнно повторялся у каждаго индивидуума, причисленнаго нами къ этой группѣ. Сложныя наклонности совершенно не могутъ служить такими „основаніями

дѣленія", благодаря чрезвычайному непостоянству своего состава: дѣленіе людей на лицемѣровъ и прямодушныхъ, на театраловъ и нетеатраловъ не можетъ считаться научнымъ уже по одному тому, что подъ понятія „лицемѣрія" и „страсти къ театру" подводятъ часто цѣлый рядъ разнородныхъ душевныхъ проявленій, имѣющихъ между собой очень мало общаго. Гораздо больше могутъ удовлетворить цѣлямъ классификаціи простѣйшія наклонности: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ элементами, если и не абсолютно постоянными и неизмѣнными, то все-же значительно болѣе близкими къ такому постоянству. Чѣмъ проще наклонность, чѣмъ она менѣе сложна, тѣмъ менѣе варіируется она у разныхъ лицъ: или она вовсе отсутствуетъ у наблюдаемаго человѣка, или-же повторяется у него приблизительно въ томъ-же видѣ (хотя, можетъ быть, и не въ той степени), какъ и у другихъ людей.

Вопросъ о сравнительномъ значеніи для индивидуальной психологіи простыхъ и сложныхъ наклонностей сильно затемняется благодаря тому, что въ большинствѣ случаевъ смѣшиваютъ между собой понятія „простой" и „сложной" наклонности съ одной стороны, и понятія „низшей" и „высшей" наклонности—съ другой. Такъ, Бинэ и Анри (31), а вслѣдъ за ними и Штернъ (14) указываютъ на то, что индивидуальная психологія, въ противоположность общей, не должна слишкомъ много заниматься такими элементарными сторонами душевной жизни, какъ, напр., ощущенія. Ея разработкѣ подлежатъ, главнымъ образомъ, сложные душевные процессы: память, вниманіе, мышленіе, воображеніе, сложные волевые акты и такъ далѣе. Только въ этихъ сложныхъ образованіяхъ, по мнѣнію названныхъ авторовъ, ясно обнаруживаются основныя черты характера каждаго человѣка, и личность его выступаетъ передъ нами во всей своей полнотѣ. Мы, съ своей стороны, всецѣло готовы присоединиться къ этому мнѣнію. Дѣйствительно, наблюденія, повидимому, убѣждаютъ насъ въ томъ, что низшія наклонности и ихъ проявленія не имѣютъ существеннаго значенія для индивидуальной психологіи, такъ какъ индивидуальныя колебанія въ области низшихъ душевныхъ качествъ являются менѣе значительными, чѣмъ въ области высшихъ. Кажущееся разногласіе возникаетъ только потому, что названные авторы не различаютъ простѣйшихъ наклонностей отъ низшихъ, а сложныхъ наклонностей отъ высшихъ. Понятіе „простѣйшей наклонности" въ томъ смыслѣ, какъ мы его употребляли, у нихъ если не вовсе отсутствуетъ, то, во всякомъ случаѣ, не представляется еще выдѣленнымъ, обособленнымъ. Между тѣмъ, сами же они, приступая къ изученію индивидуальныхъ различій,

относящихся къ высшимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе сложнымъ проявленіямъ душевной дѣятельности, считаютъ необходимымъ подробно и внимательно анализировать ихъ. Въ результатѣ этого анализа получается установленіе въ области каждаго такого сложнаго душевнаго проявленія нѣсколькихъ тенденцій, нѣсколькихъ индивидуальныхъ склонностей, по своему содержанію близко подходящихъ къ тому, что мы назвали бы высшими простѣйшими наклонностями (см. въ особенности у Штерна). Такимъ образомъ кажущееся противорѣчіе падаетъ само собой.

Другой критерій для выбора основныхъ наклонностей, именно, существованіе значительныхъ индивидуальныхъ колебаній, признается, повидимому, всѣми изслѣдователями, касавшимися сколько-нибудь этого вопроса. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Штернъ, въ точномъ установленіи возможно большаго количества „индивидуальныхъ различій“ видятъ даже единственную осуществимую въ настоящее время задачу индивидуальной психологіи. Важность даннаго критерія, о которой свидѣтельствуетъ самое названіе индивидуальной психологіи, прямо вытекаетъ изъ всего назначенія этой науки: классифицировать по группамъ можно, очевидно, только тѣ объекты, которые какимъ-нибудь признакомъ отличаются другъ отъ друга, причемъ наше дѣленіе будетъ тѣмъ болѣе законнымъ, чѣмъ болѣе рѣзкими представляются эти отличія. Значитъ, особенно важными для классификаціи являются именно тѣ признаки, которые у однихъ людей чрезвычайно рѣзко выражены, въ то время какъ у другихъ они совершенно или почти совершенно отсутствуютъ. Съ этой точки зрѣнія такія наклонности, какъ наклонность родиться или умереть, очевидно, не могутъ играть никакой роли для индивидуальной психологіи, такъ какъ всѣ люди безъ исключенія обладаютъ ими въ совершенно одинаковой степени.

Можно спросить себя: какого рода индивидуальныя различія должны играть болѣе важную роль при выборѣ основныхъ наклонностей, качественныя или количественныя? Другими словами: слѣдуетъ-ли отдавать предпочтеніе той наклонности, которая, будучи выражена у различныхъ людей почти въ одинаковой степени, чрезвычайно разнообразна въ своихъ качественныхъ проявленіяхъ, или, наоборотъ, той, которая въ качественномъ отношеніи проявляется болѣе или менѣе однообразно, но за то сила ея проявленій бываетъ весьма различна? Многіе авторы держатся перваго взгляда. По ихъ мнѣнію, задача характеролога состоитъ именно въ томъ, чтобы изучать, какъ проявленія одной и той же наклонности мѣняются у разныхъ людей, „преломляясь,

такъ сказать, сквозь призму ихъ индивидуальнаго характера и темперамента". Общая психологія изучаетъ основу каждаго душевнаго процесса, его необходимые и постоянные элементы; индивидуальная же—различныя разновидности этого процесса и способы его проявленія у различныхъ индивидуумовъ. Такой взглядъ вполнѣ согласуется съ тѣмъ мнѣніемъ, будто бы главную задачу индивидуальной психологіи должно составлять изученіе сложныхъ душевныхъ процессовъ, такъ какъ именно въ нихъ личныя особенности каждаго человѣка проявляются съ наибольшимъ разнообразіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь чѣмъ сложнѣе душевное явленіе, тѣмъ меньше шансовъ имѣемъ мы ожидать, что оно будетъ неоднократно повторяться въ одномъ и томъ же видѣ; при всякомъ новомъ наблюденіи то та, то другая составная часть даннаго явленія успѣетъ измѣниться и эти чисто качественныя перемѣны будутъ всякій разъ прежде всего привлекать наше вниманіе. Разница же въ силѣ проявленій отступитъ при этомъ на второй планъ, такъ какъ сравненію по степени (или по силѣ проявленій) могутъ подвергаться только тѣ наклонности, которыя въ качественномъ отношеніи очень близко походятъ другъ на друга. Такимъ образомъ, если бы центръ тяжести лежалъ въ сложныхъ проявленіяхъ и въ сложныхъ наклонностяхъ, то качественная сторона должна была бы получить рѣшительное преобладаніе надъ количественной.

Мы видѣли, однако, что научная характерологія должна идти прямо противоположнымъ путемъ. Первымъ критеріемъ при выборѣ основныхъ наклонностей является именно сравнительная ихъ простота, невозможность разложить ихъ при современномъ состояніи психологическихъ знаній. Всѣ эти простѣйшія наклонности (которыя, какъ мы уже указывали, не слѣдуетъ смѣшивать съ низшими, элементарными психическими процессами, подобно тому, какъ сложныя наклонности и сложныя проявленія нельзя смѣшивать съ высшими наклонностями и ихъ проявленіями) повторяются всякій разъ и у всѣхъ индивидуумовъ въ одномъ и томъ же видѣ, не претерпѣвая съ своей качественной стороны никакихъ сколько-нибудь существенныхъ измѣненій. Если бы какая-нибудь простѣйшая наклонность качественно измѣнялась въ разное время и у различныхъ субъектовъ, то эти измѣненія указывали бы намъ на то, что неизвѣстныя причины, обусловливающія существованіе данной наклонности, не остаются постоянными, а измѣняются въ своемъ дѣйствіи и въ своихъ сочетаніяхъ. Это обстоятельство давало бы намъ ключъ къ дальнѣйшему разложенію данной наклонности, которая уже перестала

бы въ такомъ случаѣ быть простѣйшей и этимъ самымъ перестала бы уже удовлетворять одному изъ первыхъ требованій, которыя мы предъявляемъ ко всѣмъ основнымъ наклонностямъ. Конечно, тѣ душевные процессы, которыми проявляется всякая простѣйшая наклонность, могутъ быть по своему составу болѣе или менѣе сложными; но та сторона этихъ процессовъ, которая представляется наиболѣе характерной для данной наклонности, которая, въ сущности говоря, и служитъ главнымъ проявленіемъ этой наклонности, остается въ качественномъ отношеніи неизмѣнной. За то количественныя колебанія могутъ быть во всѣхъ подобныхъ случаяхъ чрезвычайно рѣзкими. Сила, интенсивность той или иной стороны душевнаго процесса могутъ измѣняться въ самой различной степени, въ зависимости отъ степени развитія соотвѣтствующей простѣйшей наклонности, отъ дѣйствія возбудителей, отъ вліянія родственныхъ душевныхъ качествъ и т. д. Вотъ это-то обиліе степеней, эта возможность чрезвычайно разнообразныхъ колебаній въ отношеніи интенсивности и является вторымъ критеріемъ при выборѣ основныхъ наклонностей.

Третій критерій выбора душевныхъ качествъ состоитъ въ большей или меньшей ихъ распространенности. Конечная задача научной характерологіи заключается вовсе не въ томъ, чтобы изучить характеръ какого-нибудь отдѣльнаго человѣка во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ. Главною цѣлью нашей науки является составленіе классификаціи характеровъ и каждый отдѣльный индивидуумъ интересуетъ насъ лишь постольку, поскольку онъ является болѣе или менѣе типичнымъ представителемъ той или другой группы. Въ этомъ отношеніи терминъ „индивидуальная психологія“ слѣдуетъ признать не совсѣмъ точнымъ и не вполнѣ соотвѣтствующимъ конечнымъ, чисто теоретическимъ задачамъ науки. Другое дѣло, если бы нами руководили исключительно практическія соображенія, если бы главная и единственная цѣль наша состояла въ томъ чтобы имѣть возможность въ сравнительно короткое время какъ можно ближе ознакомиться съ характеромъ любого человѣка. Въ такомъ случаѣ центръ тяжести индивидуальной психологіи пришлось бы, дѣйствительно, перенести не на характеристику группъ, а на характеристику отдѣльныхъ личностей. Каждаго человѣка пришлось бы тогда изучать во всѣхъ рѣшительно подробностяхъ, хотя бы онъ былъ unicum въ своемъ родѣ, хотя бы онъ обладалъ такими особенностями характера, которыя ни у кого больше не встрѣчаются. Кто знаетъ, можетъ быть именно эти особенности окажутся казъ разъ очень важными и подходящими для достиженія

тѣхъ практическихъ цѣлей, которыя мы преслѣдуемъ въ каждомъ данномъ случаѣ? Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, если мы признаемъ, что индивидуальная психологія въ качествѣ чисто теоретической науки, имѣетъ своею цѣлью составленіе классификаціи характеровъ. Тогда придется, изслѣдуя характеръ каждаго отдѣльнаго человѣка, обращать вниманіе, главнымъ образомъ, на тѣ его качества, которыя являются типичными для той или иной группы и позволяютъ отнести къ этой группѣ также и наблюдаемое лицо. На первый планъ выдвинутся тѣ наклонности, которыя характеризуютъ цѣлую группу людей и, слѣдовательно, отличаются значительнымъ распространеніемъ. Поэтому бо́льшая или меньшая распространенность должна быть признана однимъ изъ необходимыхъ критеріевъ при выборѣ основныхъ наклонностей.

Четвертымъ, также чрезвычайно важнымъ критеріемъ является значительное число болѣе или менѣе тѣсныхъ связей, соединяющихъ данную наклонность съ другими основными душевными качествами. При составленіи какой бы то ни было классификаціи слѣдуетъ выбирать въ качествѣ основаній дѣленія тѣ признаки, которые находятся въ тѣсной связи съ возможно большимъ количествомъ другихъ признаковъ. Соблюденіе этого правила даетъ намъ то преимущество, что объекты, отнесенные на основаніи руководящаго признака къ одной и той же группѣ, будутъ сходны другъ съ другомъ во многихъ отношеніяхъ, такъ какъ наличность руководящаго признака необходимо предполагаетъ также и наличность всѣхъ другихъ признаковъ, съ нимъ связанныхъ. А такое возможно болѣе полное сходство объектовъ, отнесенныхъ къ одной и той же группѣ, является, какъ извѣстно, однимъ изъ наиболѣе важныхъ требованій при составленіи естественной классификаціи. Значительную пользу приноситъ соблюденіе упомянутаго правила также и во время производства наблюденій. Найдя у наблюдаемаго лица какую-нибудь основную наклонность, мы сразу же имѣемъ возможность предполагать у него наличность всѣхъ другихъ наклонностей, связанныхъ съ первой, благодаря чему заранѣе уже намѣчается путь изслѣдованія и значительно облегчается самый процессъ наблюденія.

Въ одной изъ предшествовавшихъ главъ (XII) мы уже имѣли случай подробно говорить о томъ, что существуютъ два рода соединеній основныхъ наклонностей: необходимыя и случайныя. Необходимыя сочетанія являются слѣдствіемъ взаимнаго родства или связей, существующихъ между данными наклонностями, и благодаря этому, отличаются своею прочностью; случайныя же

сочетанія обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствію внѣшнихъ, болѣе или менѣе преходящихъ условій и поэтому могутъ измѣняться и разрушаться въ сравнительно короткое время, при сколько-нибудь неблагопріятныхъ условіяхъ. Спрашивается: какого рода связи и соединенія слѣдуетъ имѣть въ виду въ качествѣ критерія при выборѣ основныхъ наклонностей? Намъ кажется, что относительно отвѣта на подобный вопросъ не можетъ быть никакихъ колебаній: очевидно, только необходимыя соединенія, какъ болѣе устойчивыя и неоднократно повторяющіяся, могутъ оказать намъ тѣ услуги при классифицированіи характеровъ, которыя мы имѣли въ виду, говоря о важности четвертаго критерія. Положимъ, что, наблюдая какого-нибудь индивидуума, мы установили у него существованіе связи между какимъ-нибудь главнымъ, руководящимъ признакомъ, и нѣсколькими другими, болѣе второстепенными. Если мы не увѣрены въ постоянствѣ этой связи, въ томъ, что она свойственна, кромѣ даннаго индивидуума, также и многимъ другимъ, тогда самая связь эта теряетъ для насъ всякое значеніе. Мы не можемъ быть увѣрены въ томъ что индивидуумы, выдѣленныя нами на основаніи руководящаго, признака въ одну общую группу, будутъ походить другъ на друга также и остальными признаками. Такимъ образомъ, четвертый критерій выбора наклонностей можетъ оказаться для насъ важнымъ и полезнымъ только въ томъ случаѣ, если при выборѣ основныхъ наклонностей мы будемъ руководствоваться не случайными отношеніями, замѣченными нами у одного какого-нибудь индивидуума и въ одинъ какой-нибудь моментъ, а тѣми необходимыми связями и соединеніями, которыя отличаются устойчивостью, повторяются у многихъ лицъ и основываются не на случайно сложившихся внѣшнихъ обстоятельствахъ, а на внутреннемъ родствѣ или зависимости, существующей между данными основными наклонностями.

Что касается до метода, которымъ мы должны пользоваться при установленіи необходимыхъ связей между отдѣльными наклонностями, то едва ли индивидуальная психологія можетъ внести здѣсь много новаго. Точное описаніе отношеній, существующихъ между отдѣльными элементами каждаго психическаго процесса, а также опредѣленіе того, какимъ образомъ каждый изъ этихъ элементовъ вліяетъ на другіе, составляетъ одну изъ главныхъ задачъ общей психологіи, и индувидуальная психологія должна, прежде всего, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользоваться въ этомъ отношеніи тѣмъ матеріаломъ, который она можетъ получить изъ общей. Однако, нельзя заранѣе исключить возможности

также и того, что примѣненіе спеціальнаго метода научной характерологіи (составленіе характеристикъ) можетъ дать и въ этомъ направленіи кое-что новое. Когда мы имѣемъ передъ глазами полную характеристику какого-нибудь лица, перечень всѣхъ его основныхъ наклонностей, тогда и обще-психологическій анализъ каждаго отдѣльнаго процесса, совершающагося въ сознаніи наблюдаемаго лица, станетъ для насъ гораздо легче и понятнѣе. Связи и отношенія, существующія между отдѣльными элементами анализируемаго процесса, выступятъ передъ нами въ этомъ случаѣ съ гораздо большей рѣзкостью и отчетливостью, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда основныя черты наблюдаемой личности намъ неизвѣстны, и въ глубинѣ этой неизвѣстности скрыты, слѣдовательно, всѣ главные корни наблюдаемаго нами одиночнаго душевнаго процесса. Поэтому намъ кажется ни въ какомъ случаѣ не лишнимъ, попытаться приложить характерологическій методъ (одновременное наблюденіе цѣлаго ряда основныхъ наклонностей у одного и того же лица) также и къ рѣшенію нѣкоторыхъ обще-психологическихъ вопросовъ, въ особенности вопросовъ, касающихся отношеній и связей между отдѣльными душевными качествами.

Кромѣ выбора основныхъ наклонностей и установленія между ними необходимыхъ связей, второй отдѣлъ индивидуальной психологіи заключаетъ въ себѣ также характерологическій анализъ важнѣйшихъ проявленій каждой отдѣльной наклонности. Здѣсь рѣчь идетъ не о томъ предварительномъ анализѣ всѣхъ вообще душевныхъ процессовъ, который составлялъ главное содержаніе перваго, подготовительнаго отдѣла индивидуальной психологіи и который можно было бы назвать обще-психологическимъ. Второй отдѣлъ нашей науки долженъ заняться тѣмъ, спеціально характерологическимъ анализомъ важнѣйшихъ проявленій, который уже описанъ нами подробно въ главѣ о проявленіяхъ наклонностей. Анализъ этотъ, если читатель помнитъ, включаетъ въ себя три главныя задачи: точное, всестороннее и по возможности объективное описаніе даннаго проявленія; установленіе отличительныхъ признаковъ этого проявленія и тѣхъ пріемовъ, которые необходимы для полученія возможности наблюдать его; наконецъ, опредѣленіе тѣхъ основныхъ наклонностей, которыя должны быть въ значительной степени развиты у наблюдаемаго лица для того, чтобы данное проявленіе могло у него осуществиться. Цѣль такого анализа чисто характерологическая. Она заключается въ томъ, чтобы, наблюдая у какого-нибудь лица изученныя нами такимъ образомъ проявленія, имѣть возможность

заключить, что лицо это обладаетъ такими-то и такими-то основными наклонностями; а это необходимо для составленія его характеристики. Самые пріемы, которыми приходится пользоваться при опредѣленіи наклонности, лежащей въ основѣ анализируемаго проявленія, также въ значительной степени составляютъ специфическую принадлежность индивидуальной психологіи. Всѣ эти соображенія даютъ намъ право назвать подобный анализъ проявленій характерологическимъ анализомъ и отнести его не къ первому, подготовительному отдѣлу индивидуальной психологіи, а ко второму, всецѣло уже входящему въ область вѣдѣнія нашей науки.

Итакъ, второй отдѣлъ научной характерологіи включаетъ въ себя выборъ основныхъ наклонностей и характерологическій анализъ ихъ проявленій. Къ этому же отдѣлу относится и разработка различныхъ критеріевъ выбора: установленіе различныхъ степеней развитія каждаго основного душевнаго качества, описаніе его связей и родства по отношенію къ другимъ наклонностямъ, опредѣленіе его распространенности и т. д.

ГЛАВА XIX.

Составленіе характеристикъ и ихъ группировка.

Третій отдѣлъ индивидуальной психологіи долженъ быть всецѣло посвященъ собиранію матеріала для классификаціи, то есть наблюденіямъ надъ отдѣльными лицами и составленію ихъ характеристикъ. Это едва ли не единственный пунктъ, въ признаніи важности котораго сходятся почти всѣ характерологи. Нѣкоторые, правда, держатся того мнѣнія, что при современномъ состояніи науки намъ еще нечего и думать браться за составленіе характеристикъ отдѣльныхъ личностей; вся роль характеролога должна, будто бы, ограничиваться пока изученіемъ отдѣльныхъ индивидуальныхъ особенностей (Штернъ). Однако, и эти скептики, въ сущности, не думаютъ принципіально отрицать того огромнаго значенія, которое имѣетъ для индивидуальной психологіи всестороннее изученіе отдѣльныхъ характеровъ, а считаютъ только необходимымъ продѣлать предварительно цѣлый рядъ подготовительныхъ изслѣдованій, касающихся отдѣльныхъ наклонностей и ихъ проявленій. Большинство же характерологовъ, какъ уже говорилось выше, склонны даже непомѣрно преувеличивать

значеніе „psychognosis'a", видя въ усовершенствованіи его главную и единственную задачу характерологіи.

Но когда мы перейдемъ далѣе къ вопросу о томъ, какого метода слѣдуетъ держаться во время производства наблюденій то встрѣтимся тотчасъ же съ двумя различными, если не совершенно противоположными теченіями. Здѣсь отражается во всей своей полнотѣ то различіе между научной характерологіей и характерологіей-искусствомъ, о которомъ говорилось выше (въ гл. XV). Каждое изъ этихъ двухъ направленій имѣетъ свои собственныя, самостоятельныя цѣли и задачи; а такъ какъ пріемы изслѣдованія въ значительной степени опредѣляются его конечными задачами, то каждое направленіе обладаетъ также и своими самостоятельными методами.

Если мы признаемъ характерологію искусствомъ, или, вѣрнѣе сказать, прикладной наукой, предназначенной для служенія различнымъ побочнымъ цѣлямъ, то отсюда неизбѣжно вытекаетъ слѣдующее. Прежде всего, далеко не всѣ основныя наклонности наблюдаемаго лица (въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ этотъ терминъ) будутъ въ одинаковой степени привлекать наше вниманіе. Изслѣдованіе всецѣло сосредоточится на одной какой-нибудь, иногда очень узкой сторонѣ личности, которая особенно интересуетъ насъ въ силу какихъ-нибудь побочныхъ соображеній. Такой именно характеръ носитъ большинство педагогическихъ наблюденій и литературныхъ характеристикъ. Подробное, всестороннее описаніе личности явилось бы здѣсь ненужнымъ и даже мѣшало бы дѣлу, отвлекая наше вниманіе отъ того главнаго, что насъ интересуетъ.

Въ связи съ этимъ стоитъ и другая, очень важная особенность „практическаго psychognosis'a". Дѣло въ томъ, что отдѣльныя основныя наклонности, совокупность которыхъ составляетъ характеръ того или другого индивидуума, обыкновенно переплетаются между собою настолько тѣсно, что очень трудно бываетъ разсматривать одну какую-нибудь группу ихъ, не затрогивая всей личности. Благодаря естественнымъ связямъ, существующимъ между отдѣльными наклонностями, а также благодаря привычкамъ, пріобрѣтеннымъ въ теченіе всей жизни, всякій человѣкъ склоненъ на каждое раздраженіе извнѣ реагировать одновременно цѣлымъ рядомъ своихъ наклонностей. Поэтому, если мы желаемъ сколько-нибудь точно объяснить поведеніе наблюдаемаго лица въ какомъ-нибудь поступкѣ, совершенномъ имъ, или же хотимъ отдать себѣ болѣе или менѣе полный отчетъ въ томъ, чего мы можемъ ожидать отъ этого человѣка въ будущемъ, то сама жизнь заста-

вляетъ насъ расширить рамки нашего наблюденія. Передъ нами неизбѣжно встаетъ дилема: или совершенно отказаться отъ сколько-нибудь подробнаго изученія поступковъ и проявленій даннаго человѣка, ограничившись только общими, болѣе или менѣе неопредѣленными указаніями на тѣ изъ основныхъ его наклонностей, которыя почему-либо въ особенности насъ интересуютъ; или же заняться систематическимъ изслѣдованіемъ всѣхъ основныхъ наклонностей, входящихъ въ составъ характера даннаго человѣка, то-есть, пойти по тому пути, который мы считаемъ единственно правильнымъ и плодотворнымъ.

Возможенъ, однако, еще одинъ выходъ изъ этого положенія. Мы имѣемъ въ виду здѣсь теорію безсознательнаго, интуитивнаго познаванія чужихъ характеровъ,—теорію, которой склонны придерживаться многія лица, занимающіяся и интересующіяся характерологіей. Согласно этой теоріи, самый подробный и обстоятельный анализъ не можетъ дать намъ сколько-нибудь вѣрнаго представленія о личности другого человѣка, о тѣхъ глубокихъ и всегда своеобразныхъ влеченіяхъ, въ которыхъ часто самъ наблюдаемый человѣкъ не можетъ дать себѣ отчета, и которыя, тѣмъ не менѣе, составляютъ скрытую основу его характера и неизбѣжно отражаются на всѣхъ его поступкахъ. Подобная скрытая основа личности является, будто бы, совершенно недоступной для сознательнаго, научнаго изученія, и поэтому никогда мы не будемъ въ состояніи такъ же точно ознакомиться съ душевнымъ складомъ другого человѣка, какъ, напримѣръ, со строеніемъ сложнаго химическаго тѣла или съ анатомическимъ устройствомъ животнаго организма. Но то, что навсегда скрыто, такимъ образомъ, отъ самой точной науки, доступно, будто бы, въ то же время въ очень значительной мѣрѣ обыденному житейскому опыту. Путемъ особаго, безсознательнаго или полусознательнаго „чутья“ мы угадываемъ основныя черты духовной личности другого человѣка, причемъ въ большинствѣ случаевъ и сами не можемъ указать, какимъ именно образомъ и на основаніи какихъ именно данныхъ мы пришли къ такому, а не иному заключенію. Согласно распространенному мнѣнію, женщины въ особенности обладаютъ способностью къ такой характерологической интуиціи, такъ какъ безсознательная или полусознательная душевная дѣятельность играетъ у нихъ болѣе важную роль, чѣмъ у мужчинъ.

Если придерживаться такого взгляда, тогда затрудненіе, о которомъ мы говорили выше, дѣйствительно разрѣшается. Мы не нуждаемся тогда въ полномъ, систематическомъ описаніи всѣхъ основныхъ наклонностей наблюдаемаго лица и въ подробномъ

анализѣ его проявленій. Безсознательная интуиція въ соединеніи съ обыденнымъ житейскимъ опытомъ даютъ намъ возможность постигнуть сразу всего человѣка и дѣлаютъ ненужнымъ весь этотъ сложный, тугоподвижный и кропотливый научный механизмъ, къ тому же еще въ настоящее время очень мало разработанный. Все дѣло, такимъ образомъ, значительно упрощается.

Намъ кажется, однако, что едва ли слѣдуетъ увлекаться этой простотой. Не нужно забывать, что то пониманіе чужихъ характеровъ, котораго мы достигаемъ путемъ безсознательной интуиціи, отличается крайней субъективностью. Здѣсь обыкновенно большую роль играютъ чувства (симпатія и антипатія, страхъ, уваженіе, состраданіе и т. д.), которыя возбуждаютъ въ насъ наблюдаемый человѣкъ, а также много другихъ разнообразныхъ факторовъ, совершенно не поддающихся сколько-нибудь точному учету. Къ тому же, самъ наблюдатель очень часто не въ состояніи бываетъ объяснить, на какомъ основаніи онъ пришелъ къ тому или иному заключенію, такъ что провѣрка его выводовъ оказывается въ большинствѣ случаевъ рѣшительно невозможной. Неудивительно поэтому, что часто приходится встрѣчать, какъ два разныхъ наблюдателя, руководствующіеся „обыденнымъ житейскимъ опытомъ“, приходятъ къ совершенно различнымъ заключеніямъ относительно характера одного и того же лица. Этой крайней субъективности данныхъ, полученныхъ при помощи „безсознательной интуиціи“, не отрицаютъ и сами сторонники вышеприведенной теоріи.

А между тѣмъ, даже изъ чисто практическихъ соображеній,— не говоря уже о требованіяхъ, предъявляемыхъ точной наукой,— нужна бываетъ часто общеобязательность, объективная обоснованность полученныхъ выводовъ и заключеній. Для педагога, изучающаго своихъ учениковъ, и для администратора, выбирающаго себѣ помощника, вовсе не желательно, чтобы представленіе, составленное ими о характерѣ наблюдаемыхъ лицъ, было чисто субъективнымъ. Какою бы ясностью и цѣльностью ни отличалось это представленіе, но если оно не отвѣчаетъ дѣйствительности, не оправдывается дальнѣйшимъ ходомъ вещей и не подтверждается другими наблюдателями, то неизбѣжно будетъ, въ концѣ концовъ, отброшено, какъ совершенно непригодное. Таковы же требованія, предъявляемыя и къ художественной критикѣ. Задача критика, оцѣнивающаго правдивость и реальность того или иного художественнаго типа, состоитъ не только въ томъ, чтобы высказать свое личное мнѣніе, но также и въ томъ, чтобы подтвердить его, указавши тѣ данныя, на основаніи каторыхъ сдѣланы

его выводы. Такимъ образомъ, субъективныя показанія, доставляемыя намъ житейскимъ опытомъ и бозсознательной интуиціей, оказываются недостаточными даже при рѣшеніиразличныхъ вопросовъ чисто прикладного характера и намъ, слѣдовательно, неизбѣжно приходится перейти на путь научнаго, систематическаго, всесторонняго описанія и изученія характеракаждаго наблюдаемаго намилица.

Разъ мы пришли къ этому выв ду, разъ мы признали, что характерологія должна быть наукой, а не искусствомъ, то отсюда вытекаютъ слѣдующія заключенія относительно методовъ характерологическаго наблюденія. Прежде всего, изслѣдователь, желающій получить сколько нибудь точное представленіе о душевномъ складѣ того или иного человѣка, долженъ непремѣнно отмѣтить всѣ основныя наклонности, входящія въ составъ характера этого человѣка, а не ограничиваться лишь тѣми чертами, которыя ему почему-либо интересны. На первый взглядъ такое требованіе кажется или совершенно невыполнимымъ, или, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе затруднительнымъ, чѣмъ частичное, одностороннее знакомство съ людскими характерами, практикующееся обычно въ настоящее время. На самомъ дѣлѣ, однако, это не совсѣмъ такъ. Положимъ, что мы намѣрены ознакомиться съ душевнымъ складомъ какого-либо человѣка на основаніи только одного особенно яркаго и полнаго проявленія, или же на основаніи ряда проявленій, связанныхъ между собою принадлежностью къ одному общему событію. Такъ, напримѣръ, мы хотимъ ознакомиться съ характеромъ преступника, пользуясь для этого исключительно только данными, рисующими его поведеніе во время совершенія преступленія, а также непосредственно до и послѣ этого событія. Здѣсь сразу встрѣчается много затрудненій чисто техническаго, если можно такъ выразиться, характера. Преступникъ можетъ отрицать самый фактъ преступленія, и намъ придется устанавливать этотъ фактъ на основаніи различныхъ побочныхъ уликъ и соображеній, совершенно уже выходящихъ изъ сферы вѣдѣнія характеролога. Заинтересованныя въ дѣлѣ стороны будутъ передавать и освѣщать различныя подробности дѣла самымъ противорѣчивымъ образомъ. Даже при оцѣнкѣ достовѣрныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ придется считаться съ вліяніемъ такихъ факторовъ, какъ возбужденное состояніе преступника, необычайность условій, въ которыхъ онъ находился во время совершенія преступленія и т. д. А между тѣмъ, всѣ эти затрудненія необходимо преодолѣть во что бы то ни стало, такъ какъ иначе мы теряемъ тѣ единственныя данныя, которыми на-

мѣрены руководствоваться при оцѣнкѣ характера наблюдаемаго лица.

Гораздо болѣе выгоднымъ будетъ наше положеніе въ томъ случаѣ, если мы не задаемся цѣлью изслѣдовать во что бы то ни стало, и притомъ непремѣнно во всѣхъ подробностяхъ, именно данное сложное проявленіе, а желаемъ какимъ бы то ни было путемъ ознакомиться съ основными наклонностями наблюдаемаго человѣка. Если данное проявленіе оказывается слишкомъ сложнымъ и слишкомъ труднымъ для анализа и оцѣнки, мы оставляемъ его и ищемъ другихъ проявленій, которыя были бы для насъ болѣе доступны. А недостатка въ этомъ отношеніи не можетъ быть, такъ какъ всякая основная наклонность имѣетъ обыкновенно цѣлый рядъ проявленій. Не нужно только гнаться во что бы то ни стало за тѣми проявленіями, которыя обращаютъ на себя всеобщее вниманіе окружающихъ; слѣдуетъ, наоборотъ, помнить, что иногда самый незначительный, незамѣтный поступокъ человѣка оказывается болѣе цѣннымъ для характеристики, чѣмъ громкое, сенсаціонное происшествіе, героемъ котораго онъ является.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ научнаго пониманія задачъ характерологіи является необходимость сознательнаго и систематическаго анализа каждаго отдѣльнаго проявленія. Наблюдая какого-нибудь человѣка, мы всякій разъ должны стараться отдавать себѣ возможно болѣе полный отчетъ въ томъ, какія именно наклонности могли обусловить каждое отмѣченное нами проявленіе, какое вліяніе могли оказывать въ каждомъ данномъ случаѣ различныя внѣшнія обстоятельства, а также другія наклонности, уже ранѣе найденныя у того же лица. Только при этихъ условіяхъ можно получить полную характеристику, составленную вполнѣ сознательно по извѣстному плану, достаточно обоснованную и доступную всестороннему обсужденію.

Надо, впрочемъ, оговориться. Сознательное планомѣрное наблюденіе вовсе еще не исключаетъ полусознательнаго „чутья“, которое можетъ явиться весьма полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ при изученіи характеровъ отдѣльныхъ лицъ. Для поясненія приведемъ одну аналогію, очень близко подходящую къ данному вопросу. Медицинская діагностика при опредѣленіи болѣзни въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ старается пользоваться всѣми научными средствами и пріемами, какіе только доступны ей въ настоящее время. Физическіе пріемы изслѣдованія (выстукиваніе и выслушиваніе), химическій и бактеріологическій анализъ, микроскопическое изслѣдованіе, графическая запись пульса и ды-

ханія, наконецъ, рентгенизація,—всѣ эти пріемы анализа являются въ настоящее время обязательными, въ случаѣ надобности, для всякаго клиническаго изслѣдованія, сколько-нибудь претендующаго на полноту. Конечно, практическому врачу обыкновенно некогда бываетъ примѣнять на каждомъ отдѣльномъ больномъ всѣ тѣ средства, которыя имѣются въ наукѣ для изслѣдованія данной болѣзни; ему иногда не особенно нуженъ даже точный діагнозъ заболѣванія, такъ какъ и чисто симптоматическое лѣченіе является во многихъ случаяхъ вполнѣ достаточнымъ. Но клиницистъ, обязанный нарисовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ полную и всестороннюю картину болѣзни, долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ средства научнаго анализа и примѣнять ихъ вездѣ, гдѣ это понадобится. Средства эти у всѣхъ клиницистовъ одной и той же спеціальности одинаковы и, однако, далеко не всѣ умѣютъ одинаково хорошо владѣть ими. Существуетъ особый діагностическій талантъ, блестящимъ представителемъ котораго являлся, напримѣръ С. П. Боткинъ. Талантъ этотъ сказывается, во-первыхъ, въ тонкой наблюдательности, дающей возможность подмѣчать такія детали и отношенія, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ, менѣе наблюдательныхъ врачей. Такой клиницистъ иногда уже съ перваго взгляда на больного, по двумъ-тремъ, совершенно незамѣтнымъ для другихъ, признакамъ, намѣчаетъ свой діагнозъ и этимъ даетъ поводъ совершенно справедливо говорить объ особомъ „діагностическомъ чутьѣ“, которымъ онъ обладаетъ. Другая особенность талантливаго діагноста заключается въ способности комбинировать полученныя при изслѣдованіи данныя и устанавливать зависимость между отдѣльными признаками, не имѣющими между собою на первый взглядъ ничего общаго. Иногда, особенно если данныя, полученныя при изслѣдованіи, скудны и недостаточны, это комбинированіе заходитъ слишкомъ далеко, принимая характеръ болѣе или менѣе смѣлой гипотезы; и тѣ случаи, когда эти гипотезы оправдываются, мы привѣтствуемъ, какъ блестящія проявленія діагностическаго дарованія. Тѣмъ не менѣе, самая талантливая комбинація всегда направляется на то, чтобы восполнить данныя клиническаго наблюденія, а не на то, чтобы уничтожить и замѣнить ихъ. Геній не отвергаетъ фактовъ, а пользуется ими для того, чтобы искать новыхъ фактовъ. И тотъ же самый С. П. Боткинъ больше, чѣмъ кто-либо другой, содѣйствовалъ введенію у насъ въ Россіи точныхъ методовъ клиническаго изслѣдованія.

Совершенно въ такомъ же положеніи находится, по нашему мнѣнію, индивидуальная психологія при составленіи отдѣльныхъ

характеристикъ. Характерологическое „чутье“ и всесторонній, сознательный анализъ проявленій не только не исключаетъ, но наоборотъ, взаимно дополняютъ другъ друга. Для составленія полной и вѣрной характеристики необходимо какъ то, такъ и другое. И въ будущемъ никакой талантъ, никакой самый многолѣтній житейскій опытъ не дастъ намъ права игнорировать научныя данныя, накопленныя трудами цѣлаго ряда изслѣдователей, — если только характерологія дѣйствительно пойдетъ по тому пути, на который она начинаетъ вступать въ настоящее время.

Мы упоминали уже о томъ, что сознательный и всесторонній анализъ личности можетъ дать намъ болѣе или менѣе объективныя характеристики, доступныя обсужденію и провѣркѣ со стороны другихъ наблюдателей. Здѣсь можетъ, пожалуй, возбудить недоумѣніе слово „объективный“, въ виду того, что всякое душевное переживаніе, испытываемое какимъ бы то ни было человѣкомъ, доступно непосредственному наблюденію только этого человѣка и, слѣдовательно, является всегда субъективнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Но мы нисколько не хотимъ оспаривать этого положенія. Человѣкъ знаетъ только свой собственный душевный міръ и о психическихъ состояніяхъ другихъ людей заключаетъ лишь по аналогіи, на основаніи того сходства, которое онъ замѣчаетъ между внѣшними проявленіями этихъ людей и своими собственными. Когда же мы говоримъ объ объективности и общеобязательности данныхъ характерологическаго наблюденія, то имѣемъ въ виду не самый способъ проникновенія въ душевный міръ другого человѣка, а нѣчто совершенно иное. Мы возстаемъ здѣсь противъ произвольности въ выборѣ и оцѣнкѣ тѣхъ данныхъ, которыя уже такъ или иначе получены нами. Положимъ, что, наблюдая по опредѣленному плану какого-нибудь человѣка, я отмѣтилъ у него цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ проявленій. Иногда эти проявленія бываютъ настолько различны и даже противорѣчивы, что кажется совершенно невозможнымъ согласовать ихъ другъ съ другомъ. И тѣмъ не менѣе, приступая къ дальнѣйшей обработкѣ полученнаго матеріала, я не имѣю права игнорировать ни одной мелочи, ни одного, самаго незначительнаго проявленія, не справившись предварительно съ тѣми неизмѣнными и для всѣхъ обязательными критеріями выбора, о которыхъ уже подробно говорилось выше. Далѣе, я истолковываю собранныя мною проявленія другого человѣка на основаніи своего собственнаго внутренняго опыта. Самый этотъ способъ истолкованія будетъ, конечно, субъективенъ. Но вотъ процессъ истолкованія законченъ, и я имѣю достаточныя

данныя для того, чтобы съ очень большою вѣроятностью допустить въ сознаніи наблюдаемаго лица неоднократное возникновеніе цѣлаго ряда душевныхъ переживаній. Послѣ этого я уже не вправѣ произвольно игнорировать ни одного изъ этихъ переживаній, какъ бы незначительно оно ни казалось, какъ бы оно ни противорѣчило, на мой взглядъ, всѣмъ остальнымъ наклонностямъ даннаго лица. Критеріи выбора должны быть строго опредѣленными, неизмѣнными и для всѣхъ обязательными. Въ этомъ именно и заключается та объективность въ обработкѣ полученнаго матеріала, которую мы считаемъ необходимымъ условіемъ каждаго отдѣльнаго характерологическаго изслѣдованія. Только при соблюденіи этихъ требованій данныя, полученныя какимъ-нибудь однимъ наблюдателемъ, станутъ доступными провѣркѣ и подтвержденію со стороны другихъ авторовъ, только на этомъ пути становится возможной совмѣстная работа многихъ лицъ надъ однимъ и тѣмъ же вопросомъ и получаются въ концѣ концовъ тѣ общепризнанные факты и твердо обоснованныя теоріи, которыя составляютъ содержаніе всякой науки.

Четвертый и послѣдній отдѣлъ индивидуальной психологіи долженъ быть посвященъ группировкѣ полученныхъ характеристикъ и составленію естественной классификаціи характеровъ. Подробный критическій обзоръ современныхъ классификацій сдѣланъ былъ уже нами выше (гл. III). Здѣсь же мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями по поводу тѣхъ условій, которыя, на нашъ взглядъ, необходимо соблюдать для выработки въ будущемъ классификаціи, вполнѣ соотвѣтствующей требованіямъ современной научной психологіи.

1) Классификація должна быть близко къ жизни. Въ этомъ отношеніи подраздѣленія Перэ и Лесгафта болѣе соотвѣтствуютъ понятію естественной классификаціи, чѣмъ, напр., дѣленіе Фулье. Для того, чтобы удовлетворить этому требованію, недостаточно строить однѣ только теоретическія схемы, хотя бы и основанныя на правильныхъ психологическихъ предпосылкахъ. Необходимо предварительно собрать цѣлый рядъ характеристикъ, списанныхъ съ настоящихъ, живыхъ людей и могущихъ служить вполнѣ достовѣрнымъ матеріаломъ для дальнѣйшей группировки. Всякаго рода предположенія и дедукціи могутъ быть очень полезны во время работы, въ качествѣ направляющихъ идей. Но послѣднее слово должно принадлежать, въ концѣ концовъ, фактамъ и индукціи.

2) При собираніи и обработкѣ матеріала необходимо руководствоваться заранѣе выработанной подробной программой,

включающей въ себя всѣ сколько-нибудь важныя особенности психической жизни. Особенное вниманіе должно быть обращаемо на такъ называемыя индивидуальныя особенности, т. е., на такія качества, которыя неодинаково развиты у разныхъ людей. Только при наличности такой программы возможно вполнѣ сознательное и притомъ детальное сравненіе между собою собранныхъ характеристикъ. Именно благодаря отсутствію опредѣленной программы, описанія Перэ и Лесгафта, столь яркія и жизненныя, производятъ, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе сырого матеріала, съ трудомъ поддающагося сравненію и систематизаціи.

3) При составленіи характеристикъ необходимо заботиться о томъ, чтобы онѣ были какъ можно болѣе полными. Нельзя заранѣе, на основаніи какихъ бы то ни было теоретическихъ предположеній, отдавать предпочтеніе однимъ сторонамъ душевной жизни передъ другими, какъ это дѣлаетъ, напр., Рибо, придающій умственной дѣятельности сравнительно маловажное значеніе въ дѣлѣ образованія характера. При несоблюденіи этого условія у насъ получится не столько матеріалъ для группировки, сколько иллюстраціи къ уже готовой, заранѣе составленной классификаціи характеровъ. А въ такомъ случаѣ, разумѣется, и самое собираніе матеріала утратитъ для насъ всякій смыслъ и значеніе.

ГЛАВА XX.

Составленіе характеристикъ.

(Окончаніе).

Для того, чтобы дать наглядное представленіе о самомъ способѣ веденія наблюденій и составленія характеристикъ, мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ, которыя покажутъ, какимъ образомъ производится собираніе матеріала для цѣлей индивидуальной психологіи. Считаемъ необходимымъ оговориться, что такіе подробные дневники и характеристики требуютъ слишкомъ много труда и времени для того, чтобы примѣняться въ повседневной, напр., педагогической практикѣ. Назначеніе ихъ или чисто теоретическое, — служить подготовительнымъ матеріаломъ для составленія и провѣрки классификаціи характеровъ, или же состоитъ въ томъ, чтобы помочь воспитателю разобраться въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ особенно трудныхъ и запутанныхъ случаяхъ.

Приводимые нами образцы относятся почти исключительно къ методу внѣшняго наблюденія. Что касается экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія личности (въ настоящее время уже значительно разработанныхъ), то подробное ихъ описаніе заняло бы слишкомъ много мѣста, бѣглое же перечисленіе не имѣло бы никакого смысла. Интересующихся отсылаемъ къ брошюрѣ Н. Е. Румянцева (32), заключающей въ себѣ обзоръ важнѣйшихъ экспериментальныхъ пріемовъ, употребляющихся для изслѣдованія разныхъ сторонъ личности.

Внѣшнее наблюденіе можно примѣнять двоякимъ образомъ. Во-первыхъ—въ формѣ дневника, ведущагося изо дня въ день въ теченіе 4—6 недѣль. Это — основной пріемъ, доставляющій данныя, наиболѣе пригодныя для сознательнаго, систематическаго анализа личности. Во-вторыхъ—въ формѣ сплошной записи, которую можно вести не болѣе 1—2 дней подрядъ и которая даетъ намъ яркую и конкретную, но за то и менѣе поддающуюся анализу картину жизни наблюдаемаго лица въ окружающей его обстановкѣ. Сплошная запись можетъ служить хорошимъ дополненіемъ, какъ бы иллюстраціей къ дневнику, но сама по себѣ имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Не малую важность могутъ представлять также и дополнительныя свѣдѣнія, образецъ которыхъ будетъ приведенъ ниже.

При веденіи наблюденій необходимо имѣть въ виду тѣ требованія объективности и сознательнаго анализа, о которыхъ говорилось въ предыдущей (XVIII) главѣ. Не только дневникъ и сплошная запись, но и дополнительныя свѣдѣнія должны заключать въ себѣ по возможности однѣ только фактическія данныя; въ то же время изъ всего безконечнаго разнообразія проявленій слѣдуетъ выбирать лишь такія, которыя прямо и непосредственно указываютъ на существованіе у наблюдаемаго лица извѣстныхъ, опредѣленныхъ наклонностей или группъ наклонностей. Конечно, это требованіе возможно выполнить лишь въ томъ случаѣ, если наблюдатель руководится заранѣе составленной программой изслѣдованія, въ которой отвлеченныя психологическія рубрики все время иллюстрируются соотвѣтствующими внѣшними проявленіями, конкретными и доступными непосредственному внѣшнему наблюденію.

Для болѣе успѣшнаго составленія характеристикъ наблюдатель долженъ на время отрѣшиться отъ всякихъ побочныхъ, чисто практическихъ соображеній (пригодность или непригодность испытуемаго къ какому-нибудь занятію, выборъ тѣхъ или иныхъ педагогическихъ пріемовъ) и стать исключительно на психологи-

ческую точку зрѣнія. Въ то же время онъ долженъ стоять сравнительно близко къ испытуемому и имѣть возможность наблюдать его въ различное время и при различной обстановкѣ, такъ какъ иначе результаты наблюденія могутъ получиться слишкомъ односторонніе.

Приводимые нами здѣсь образцы дневника и дополнительныхъ свѣдѣній заимствованы изъ статьи А. И. Неклюдовой (33), содержащей въ себѣ характеристики двухъ небольшихъ мальчиковъ, родныхъ братьевъ.

Разница въ возрастѣ очень незначительна: старшему В.—7 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, младшему Л.—6 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Семья—интеллигентная, съ матеріальной стороны достаточно обезпеченная. Семейная обстановка, въ смыслѣ различныхъ обязательствъ и требованій, распредѣленія занятій и т. д. для обоихъ мальчиковъ является совершенно одинаковой, точно также нельзя найти большой разницы во вліяніи окружающихъ близкихъ людей. Единственно, что ставитъ старшаго мальчика въ исключительныя условія— это его положеніе въ семьѣ, какъ старшаго ребенка, положеніе, которое отражается въ большемъ довѣріи къ нему родителей и въ тѣхъ мелкихъ порученіяхъ и обязанностяхъ, которыя изрѣдка на него возлагаются, какъ на самаго старшаго.

Что касается наружности, то она рѣзко различается; бросается прямо въ глаза отсутствіе близкаго сходства между двумя братьями. Старшій высокій, широкоплечій, съ тонкими правильными чертами лица. Серьезное выраженіе глазъ дѣлаетъ его немного старше своихъ лѣтъ. Младшій мальчикъ маленькаго роста Вся его небольшая фигурка поражаетъ своей подвижностью и эластичностью. Закругленныя черты лица, легкій румянецъ щекъ и въ особенности открытый взглядъ довольно большихъ свѣтлыхъ глазъ выражаютъ беззаботное, жизнерадостное настроеніе.

Дневникъ.

20-го декабря 1905 года. (В). Позвалъ смотрѣть, какъ онъ поднимается на мускулахъ по веревкѣ. Сильно покраснѣвъ и запыхавшись, видимо съ усиліемъ, добрался до верха трапеціи и оттуда съ довольнымъ лицомъ заявилъ: „Видишь— поднялся до самаго верха! я вѣдь тебѣ говорилъ, что умѣю подниматься!“.

(Л). Живо, ловко и молча сталъ подниматься по веревкѣ, вслѣдъ за братомъ. Взобравшись на самый верхъ, закричалъ: „здравствуйте, господа!“ Затѣмъ продѣлавъ ту же самую махинацію еще разъ, онъ быстро спустился внизъ. Во все время лазанья выраженіе лица было довольное, даже сіяющее.

(В). Около часу, почти не отрываясь, просидѣлъ за приклеиваньемъ къ папкѣ листовъ съ различными животными. Занимаясь этой работой, онъ все время старался выполнить ее, какъ можно лучше. Замѣчалъ недостатки, высказывалъ сожалѣніе, что не удалось хорошо сдѣлать, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ торжествомъ заявлялъ: „Вотъ эта картина ужъ совсѣмъ хорошо вышла“.

(Л). Занимаясь тѣмъ же самымъ дѣломъ, онъ, видимо, главнымъ образомъ интересовался процессомъ приклеиванья. „Вотъ здорово намазалъ! Надо непремѣнно все въ одну сторону растирать“, заявлялъ онъ не одинъ разъ, водя тряпкою по наклеенному листу. Въ промежуткахъ занятія Л. нѣсколько разъ подбѣ-

галъ къ своимъ младшимъ братьямъ, ласкалъ и цѣловалъ одного, заговаривалъ съ другимъ или перевертывался на висѣвшей въ комнатѣ трапеціи и затѣмъ снова, съ прежнимъ увлеченіемъ, принимался за клейку.

(В). Позвалъ смотрѣть мать, какъ онъ будетъ кувыркаться на трапеціи. Послѣ первой неудавшейся попытки перевернуться, В. попытался перевернуться второй разъ и, когда ничего не вышло, быстро исчезъ изъ комнаты, забился въ одинъ изъ темныхъ угловъ и втихомолку сталъ плакать.

(В). Внимательно слѣдилъ за братомъ, который, сидя передъ зажженной свѣчей, нѣсколько разъ зажигалъ спичку на разстоянін отъ огня, затѣмъ тушилъ ее и снова зажигалъ: „Смотри, Л. не дотрагивается спичкой до огня, а она горитъ! Отчего это?“. Послѣ сдѣланнаго объясненія замѣтилъ: „и двѣ деревяшки безъ огня могутъ загорѣться? Вотъ интересно! Нельзя ли это въ комнатѣ устроить?“.

22-го декабря. (В). Довольно долго просидѣлъ надъ уборкою своихъ вещей. Выбросилъ изъ стола кой-какія бумажки, нѣкоторыя вещи аккуратно разложилъ на столѣ; картинки, рисунки (въ томъ числѣ и свои произведенія) развѣсилъ на стѣнкѣ, все же остальное убралъ по ящикамъ въ столъ. Въ столѣ у него сохраняются полученныя открытки, марки, вырѣзанныя изъ различныхъ каталоговъ картинки, всевозможныя бездѣлушки, даже въ одной изъ коробокъ сохраняются три собственныхъ молочныхъ зуба.

(Л). На просьбу показать свои вещи, сейчасъ же побѣжалъ къ шкапу и открылъ его. Тамъ, на одной изъ полокъ, лежала игрушка, съ которою онъ почти никогда не играетъ, другая полка была пустая, а на послѣдней лежалъ кусокъ помятой цвѣтной бумаги, коробка и три бумажныхъ солдата, причемъ одинъ безъ головы. На вопросъ: что-жъ такъ мало вещей? Л. отвѣчалъ: Ужъ я и самъ не знаю, куда-то всѣ онѣ порастерялись; вотъ еще въ столѣ есть вещи“. Въ ящикѣ пюпитра въ большомъ безпорядкѣ лежали: двѣ игрушки, книга, коробки, рваная тетрадь, щепки, куски папки, гвозди.

(В). Былъ занятъ приклеиваньемъ подставокъ къ звѣрямъ. На просьбу брата помочь ему склеить для елки цѣпь изъ цвѣтной бумаги, В. отвѣчалъ: „хорошо, но только подожди, вотъ окончу свою работу, тогда и приду“. Напиливъ подставокъ и приклеивъ ихъ, В. принялъ участіе въ занятіи брата.

(Л). Бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ всякій разъ умышленно задѣвалъ ногою кубики, которыми играли его младшіе братья. На настойчивое требованіе няни не мѣшать играть, Л. быстро еще разъ пробѣжался по комнатѣ, въѣхалъ ногами въ середину постройки и затѣмъ скрылся изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ онъ появился снова, взобрался на трапецію и оттуда молча, но съ сіяющимъ лицомъ, началъ бомбардировать постройку изъ кубиковъ смятыми въ комокъ бумажками. Наконецъ, раздразнивъ до слезъ младшихъ братьевъ, Л. притихъ и успокоился.

(Л.) Сообщилъ, что его тетя, съ которой онъ учится, обѣщалась давать ему по копѣйкѣ всякій разъ, когда онъ будетъ за урокомъ хорошо читать и писать. (Впослѣдствіи оказалось, что такого обѣщанія ему никто не давалъ).

23-го декабря. (В.) Никакъ не могъ вставить желѣзной пилки въ ручную пилу, раза два, три клещи выскакивали изъ его рукъ и ломали пилку. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, В. покраснѣлъ, сдвинулъ брови; на глазахъ показались слезы, но онъ удержался, не заплакалъ и, взявши новую пилку, принялся ее пристраивать. На совѣтъ—прислонить пилу къ столу и тогда уже завинчивать винтъ клещами, В. ничего не отвѣтилъ, но продолжалъ дѣлать по своему. Черезъ нѣсколько времени, совершенно справившись съ пилою, В. замѣтилъ:

„что жъ, ты думаешь, что я въ первый разъ вставляю, что даже не знаю, какъ и пилу держать?

(В.) Игралъ въ карты. Порадовался, что окончилъ первымъ. Во время игры имѣлъ серьезный видъ, откладывалъ карты, чтобы ходить тройками. При послѣднемъ ходѣ, отдавая свою карту, замѣтилъ: „Л. приходится плохо, потому что тузъ и король козырей вышли, и теперь ему нечѣмъ крыть".

(Л.) Въ теченіе игры постоянно ерзалъ на стулѣ, подпрыгивалъ пожималъ плечами, гримасничалъ. Оставшись дуракомъ, обидѣлся, бросилъ карты и заявилъ, что слово дуракъ—глупое, а потому и игра эта глупая.

(В. Л.) На предложеніе прослушать сказку про дѣда-казака, который съ вѣдьмами въ карты игралъ, оба мальчика радостно выразили согласіе, но затѣмъ В. спросилъ: не будетъ-ли въ сказкѣ чего нибудь очень страшнаго?—„Если будетъ, то при Л. нельзя читать, онъ сейчасъ плакать начнетъ". (Замѣчаніе было справедливо: нѣсколько разъ случалось, что, слушая разсказъ или сказку съ печальнымъ содержаніемъ, Л. принимался плакать). Въ теченіе чтенія Л. раза два—три заливался смѣхомъ, В. только улыбался и потиралъ руки. Прослушавъ все содержаніе „Пропавшей грамоты" Гоголя, Л. началъ повторять съ интонаціей и жестикулируя нѣкоторыя схваченныя имъ мѣста; припомнивъ какую-нибудь фразу, онъ принимался хохотать. В. послѣ окончанія разсказа только высказалъ свое мнѣніе: „интересная сказка, но въ ней рѣшительно все неправда".

26-го декабря. (Л.) Возясь съ какой-то игрушкой, ушибъ себѣ палецъ и принялся горько плакать. Отказался пойти къ умывальнику опустить руку въ воду, но на предложеніе—пойти топить воскъ, сейчасъ же отвѣчалъ согласіемъ, вытеръ слезы и побѣжалъ доставать огарки отъ свѣчъ. Черезъ нѣсколько минутъ громко смѣялся и радовался на слѣпки, которые у него получились изъ воска.

(Л.) Просилъ поиграть съ нимъ въ дураки. Передъ окончаніемъ игры, сообразивъ, что онъ сейчасъ выиграетъ, попросилъ показать ему карты, а потомъ сказалъ: „Знаешь, что? Ходи ко мнѣ два раза сряду, я все покрою". Затѣмъ прибавилъ: „ну, видишь, какъ хорошо вышло—изъ насъ теперь никто дуракомъ и не остался".

2-го января. (В. Л.) Было обѣщано показать внутренность самоѣдской чумы. Оба мальчика просили взять съ собой ихъ товарища Т. Впослѣдствіи оказалось, что въ назначенный день Т. не могъ идти. Узнавъ, что осмотръ чумы откладывается на другой день, В. огорчился и недовольнымъ голосомъ замѣтилъ: „Если Т. не можетъ идти, то пусть и не ходитъ, мы и безъ него пойдемъ". Но послѣ небольшого разговора, онъ довольно скоро согласился, что разъ дано обѣщаніе Т. взять его съ собою, то́ и слѣдуетъ сдержать слово. Было рѣшено пойти гулять въ паркъ. Въ паркѣ, проходя мимо чумы, Л. сейчасъ же снова началъ просить войти въ чуму, но В. на просьбу брата категорически заявилъ, что разъ рѣшили идти съ Т., то и слѣдуетъ идти вмѣстѣ: „я сегодня не пойду, а ты какъ, хочешь", прибавилъ онъ, обращаясь къ брату.

4-го января. (В. Л.) Играли въ лото. Во время игры В. нѣсколько разъ сердился на брата, что послѣдній не слѣдитъ за игрою и ходитъ не въ очередь. На картѣ лото, среди другихъ картинокъ, была представлена мечеть, изъ которой двое магометанъ, при помощи своихъ кулаковъ, изгоняютъ европейца. Замѣтивъ эту картину, Л. воскликнулъ: „Смотрите, смотрите, какъ этого господина выгоняютъ, вотъ здорово, даже кулаками..." и принялся хохотать. В. сейчасъ же взглянулъ на картинку: „Отчего это его выгоняютъ?" спросилъ онъ. „И всѣ, рѣши-

тельно всѣ турки входятъ въ мечеть безъ башмаковъ? И татары тоже! Вотъ странно". И т. д.

Послѣ того, какъ дневникъ законченъ, приступаютъ къ составленію дополнительныхъ свѣдѣній. Наблюдатель, руководясь упомянутой выше программой изслѣдованія личности, пытается припомнить, не замѣчалъ ли онъ у испытуемаго въ недавнемъ сравнительно прошломъ такихъ проявленій, которыя бы свидѣтельствовали о значительномъ развитіи у него той или иной стороны характера. Въ то время, какъ дневникъ ведется въ хронологическомъ порядкѣ, дополнительныя свѣдѣнія располагаются въ порядкѣ, указанномъ программой (въ данномъ случаѣ—нашей программой, приложенной въ концѣ этой книги), со ссылками на отдѣльныя ея рубрики.

Дополнительныя свѣдѣнія.

Старшій мальчикъ (В).

I. Воспріятія. Наблюдателенъ: разсматривая новый для него предметъ или находясь въ новой обстановкѣ, замѣчаетъ мелкія подробности. Напр., войдя въ незнакомую ему комнату, сейчасъ же обратилъ вниманіе на двѣ гравюры, висѣвшія на стѣнѣ, удивился—отчего въ печкѣ нѣтъ отверстія для дровъ и на этажеркѣ вмѣстѣ съ книгами лежатъ носовые платки; затѣмъ заявилъ, что обои въ комнатѣ ему совсѣмъ не нравятся. (Обиліе воспріятій I, 2).

Большинство его наблюденій вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Вернувшись изъ цирка, передалъ точно и довольно подробно все, что тамъ видѣлъ на сценѣ. Во время разсказа перебилъ младшаго брата, когда послѣдній принялся также разсказывать о видѣнномъ. „Ты говоришь совсѣмъ не по порядку и не такъ, какъ было". (Точность воспріятій I, 3).

II. Память. Безъ малѣйшаго труда припоминаетъ содержаніе разсказовъ, ему прочитанныхъ, легко вспоминаетъ пережитыя имъ событія. Напр., довольно подробно и правильно описалъ мѣстность, болѣе двухъ лѣтъ имъ невидѣнную. (Сохраненіе въ памяти и точность воспроизведенія II, 5, 8).

III. Ассоціаціи. При разговорѣ всегда удерживаетъ внутреннюю связь, причемъ постоянно задаетъ вопросы: почему? отчего? Такъ, напр., рѣчь коснулась кита — размѣра его частей тѣла. „Ты знаешь, во рту у кита пять человѣкъ могутъ помѣститься, а проглотить онъ и одного не можетъ, вѣдь это очень странно! А то у всѣхъ рыбъ ротъ, какъ слѣдуетъ, а у акулы же онъ совсѣмъ внизу, отчего это такъ?" (Развитіе внутреннихъ ассоціацій III, 14).

IV. Вниманіе. Можетъ легко и на довольно продолжительное время заинтересоваться новымъ и неизвѣстнымъ ему явленіемъ, знаніемъ или занятіемъ. Около получаса, напр., разсматривалъ книжку, содержащую рисунки съ описаніемъ различныхъ производствъ (напр., стекла, бумаги). Минутъ 20 — 30 просидѣлъ около попугая; наблюдалъ, какъ послѣдній ѣстъ, лазаетъ по клѣткѣ и стулу, взъерошиваетъ свои перья и т. д. (Устойчивость пассивнаго вниманія IV, 18).

Можетъ нѣкоторое время просидѣть за занятіемъ, мало его интересующимъ. Напр., отказался принять участіе въ игрѣ, говоря, что игра скучная, и

онъ ее не любитъ, но послѣ увѣщанія — уступить товарищу-гостю, принялся играть. (Активное вниманіе IV, 17).

V. Мышленіе. Стремленіе сравнивать, сопоставлять между собою факты и дѣлать выводы проявляется въ немъ очень часто. „Почему ты знаешь, что Норка умная собака, ну что она такого умнаго сдѣлала? Да на что ей умъ, вѣдь она пудель, а на что пуделю умъ? Вотъ водолазу надо имѣть умъ, потому что онъ можетъ спасать людей — таскать ихъ изъ воды“ (Наклонность къ составленію сужденій V, 20). И т. д.

Младшій мальчикъ (Л.).

I. Воспріятія. Наблюдателенъ: подмѣчаетъ все, что происходитъ кругомъ него. Такъ напр., послѣ осмотра самоѣдской юрты, подробно разсказалъ все, что тамъ видѣлъ. Между прочимъ сообщилъ, что наканунѣ, проходя мимо юрты, видѣлъ другихъ оленей (замѣчаніе оказалось справедливымъ) и что въ то время, какъ самоѣдъ показывалъ свою одежду, небольшая его собачка вылакала весь супъ изъ котелка. (Обиліе воспріятій I, 2).

II. Память. Довольно легко и быстро запоминаетъ небольшія стихотворенія, басни, содержаніе прочитанныхъ ему сказокъ, очертанія рисунковъ. (Легкость запоминанія II, 4).

III. Ассоціаціи. Почти каждое впечатлѣніе, вызывая въ немъ цѣлый рядъ представленій, является темою для разговора. Напр., рисовалъ церковь и одновременно велъ бесѣду на ту же тему. Замѣтивъ на стеклѣ окна грязный подтекъ, тотчасъ началъ говорить о прислугѣ, — о томъ, какъ она плохо моетъ. Голосъ няни, раздавшійся въ сосѣдней комнатѣ, заставилъ его припомнить недавно бывшее съ ней столкновеніе. (Обиліе внѣшнихъ ассоціацій III, 12, 13).

IV. Вниманіе. Малѣйшая перемѣна въ окружающей обстановкѣ затрогиваетъ быстро его интересъ. Л. моментально бросаетъ занятіе, перенося вниманіе на новый объектъ. Напр., писалъ письмо, звонокъ въ прихожей заставилъ его бросить работу, чтобы пойти посмотрѣть, кто пришелъ. Аналогичныя явленія повторяются у него постоянно. (Легкость привлеченія вниманія и отвлекаемость IV, 15, 16).

V. Крайне неусидчивъ, даже и въ любимомъ занятіи. Напр., очень охотно рисуетъ, но, сидя за рисованіемъ, постоянно прерываетъ свою работу: то начинаетъ свистать, гримасничать, подскакивать на стулѣ или поднимаетъ совершенно посторонній разговоръ. (Неустойчивость пассивнаго вниманія IV, 17, 18).

VI. Мышленіе. Эта сторона психической жизни Л. въ немъ развита слишкомъ слабо. Замѣчанія, которыя онъ дѣлаетъ по поводу окружающихъ его предметовъ, лицъ и событій, имѣютъ характеръ скорѣе личныхъ впечатлѣній или переживаемыхъ имъ чувствъ, чѣмъ сужденій. Напр., заинтересовавшись какой-нибудь игрой, Л. замѣчаетъ, что игра „очень хорошая и умная“ и обратно, послѣ неудачъ, та же самая игра становится „скверной и глупой“. (Отсутствіе развитія сужденій V, 20).

VII. Воображеніе. Отличительною чертою воображенія является его яркость, живость. Подъ вліяніемъ живости воображенія Л. часто путаетъ вымыселъ съ дѣйствительностью, напр., повелъ показывать, какъ онъ убралъ свои вещи. При видѣ безпорядка въ столѣ, пришелъ въ смущеніе. Оказалось

что наканунѣ убиралъ вещи его старшій братъ, самъ же Л. только высказывалъ желаніе и соображеніе по поводу предполагаемой уборки. (Яркость, живость воображенія, VII, 34). И т. д.

Приведемъ теперь образецъ сплошной записи, взятый нами изъ статьи Н. Е. Румянцева (34).

„Мальчикъ П., школьный день котораго описанъ подробно ниже, извѣстенъ мнѣ уже около 3-хъ лѣтъ. Ему теперь 11 лѣтъ. Онъ сынъ рабочаго на электрической станціи въ Царскомъ Селѣ. Отецъ у него крайне болѣзненный съ склонностью къ припадкамъ. Мать вѣчно занята. Дѣти безъ присмотра. У насъ въ школѣ онъ учится плохо, оставаясь въ каждомъ классѣ на другой годъ. Поступилъ безъ всякой подготовки и сразу зарекомендовалъ себя, какъ большой шалунъ и озорникъ, не поддающійся никакому педагогическому воздѣйствію. Физически онъ здоровъ, и хотя малъ ростомъ для своихъ лѣтъ, но за то силенъ.

Сплошная запись.

Среда, 2 марта. Утромъ, какъ только пробилъ звонокъ, П. вскочилъ и въ то время, какъ товарищи нѣжились въ своихъ кроватяхъ и потягивались, онъ быстро одѣлся и пошелъ умываться, при чемъ на ходу прыгалъ нѣкоторое время на одной ногѣ. Умывался не болѣе $^1/_2$ минуты и, когда вышелъ изъ умывальни, то руки у него оказались грязными, со слѣдами чернилъ. На мой вопросъ: чистилъ ли онъ зубы, мылъ ли шею и уши, сказалъ: „позабылъ“. Велѣлъ снова идти мыться. Противъ обыкновенія не упрямился, а только спросилъ: а снимете меня сегодня? вы обѣщались. Я велѣлъ ему послѣ умыванья зашить свою куртку, о чемъ говорилъ ему уже дня два. Черезъ минуту онъ снова вышелъ изъ умывальни, снесъ полотенце, но не положилъ на мѣсто, а скомкавъ, бросилъ подъ подушку. Затѣмъ подкрался къ спавшему еще товарищу и собрался сбросить съ него одѣяло, но предварительно оглянулся кругомъ и, замѣтивъ меня, закрылся руками и побѣжалъ по корридору во 2 этажъ. По дорогѣ онъ мимоходомъ ударилъ слегка одного товарища, утиравшаго лицо у окна и, когда тотъ обернулся, то съ самымъ невиннымъ видомъ сталъ смотрѣть въ окно, какъ будто чего-то искалъ глазами. Проходя мимо кровати другого товарища, онъ незамѣтно для него отшвырнулъ ногою у него сапогъ и потомъ долго оборачивался назадъ, слѣдя за тѣмъ, что будетъ дѣлать онъ, когда обнаружитъ исчезновеніе сапога. Въ это время онъ замѣтилъ меня, наблюдавшаго за нимъ, и тотчасъ побѣжалъ внизъ. Проходя мимо портного, чинившаго дѣтямъ платье, онъ не остановился и не отдалъ ему чинить свой костюмъ. Когда я слѣдомъ за нимъ спустился внизъ, то нашелъ его въ классѣ. Онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, копаясь въ партѣ. Увидѣвъ меня, онъ быстро закрылъ парту, стараясь что-то спрятать, и положилъ книгу. На вопросъ: что онъ прячетъ? отвѣчалъ: ничего. Что же онъ дѣлалъ? Читалъ. Я попросилъ вынуть все, что у него есть въ партѣ, и открылъ ее. Въ партѣ, какъ всегда, оказался страшный безпорядокъ. Между книгами и тетрадями, лежавшими въ полномъ безпорядкѣ, лежали старыя перья, коробка изъ подъ спичекъ, двѣ коробки изъ подъ конфектъ, двѣ палки, небольшой гвоздь, нѣсколько сдѣланныхъ изъ бумаги птичекъ и корабликовъ, отдѣльные листы съ нарисованными на нихъ солдатами, броненосцами, каррикатурою японца въ видѣ

маленькаго ослика и т. п., листы, вырванные изъ тетради, съ причудливыми чернильными пятнами, полученными отъ сложенія бумаги пополамъ послѣ того, какъ на нее капнули чернилами, сверху же масса бѣлой бумаги, нарѣзанной небольшими квадратиками. На вопросъ: зачѣмъ это? — Сказалъ: дѣлаю календарь, какъ у васъ виситъ на стѣнѣ (отрывной). А откуда ты взялъ бумагу? Мнѣ далъ С., онъ принесъ изъ дома. — А покажи свои тетради. Тетради не оказывается. Онъ сознается, что разорвалъ ее. Почему же ты не сказалъ сразу или не попросилъ у меня бумаги для календаря? Молчитъ угрюмо и настойчиво. Между тѣмъ куртка у него была по прежнему не зашита, и я снова послалъ его вверхъ чинить ее. Побѣжалъ наверхъ, не говоря ни слова. Когда черезъ нѣсколько минутъ я снова поднялся въ спальню, то засталъ П. бѣгающимъ по кроватямъ, причемъ интересовало его, повидимому, больше всего перепрыгиваніе черезъ рѣшетку одной кровати на другую. Замѣтивъ меня издали, онъ быстро спрятался подъ кровать, спустивъ внизъ одѣяло, но въ то время, какъ я проходилъ мимо колонны, онъ выбѣжалъ изъ подъ кровати и подошелъ къ портному. Красный, возбужденный, испачканный, онъ, стоя около портного, старался казаться равнодушнымъ и даже проговорилъ: вотъ какъ долго приходится ждать, еще, пожалуй, на молитву опоздаешь. На замѣчаніе же дядьки: „а ты бы возился поменьше: сладу нѣтъ никакого“, быстро возразилъ: а тебѣ что за дѣло, тоже лѣзетъ съ замѣчаніями, ишь ты какой! И, желая отвлечь отъ себя вниманіе, тотчасъ же закричалъ: „смотрите-ка, какіе голуби“. Когда черезъ нѣсколько минутъ всѣ ученики собрались на молитву, я замѣтилъ, что у П. куртка все-таки не была зашита. На молитвѣ, которая продолжалась минутъ 5, онъ сначала стоялъ хорошо, нѣсколько разъ машинально перекрестился, а затѣмъ занялся разсматриваніемъ своихъ рукъ; когда всѣ стали на колѣни, онъ толкнулъ за сапогъ стоявшаго въ переднемъ ряду товарища, нога котораго, можетъ быть, мѣшала ему, а можетъ быть, потому, что онъ выдвинулся изъ ряда, но тотъ не обратилъ на это никакого вниманія; тогда П. оставилъ свою руку на сапогѣ товарища и въ то время, когда тотъ поднимался, хотѣлъ удержать его за ногу. Но, оглянувшись предусмотрительно назадъ и замѣтивъ, что онъ на виду, бросилъ и сталъ смотрѣть въ сторону, а потомъ, словно спохватившись, быстро и усиленно началъ креститься, махая рукою около носа. Во время чая въ столовой П. сидѣлъ спокойно, чай пилъ медленно, ломая булку на мелкіе кусочки. Замѣтивъ, что сосѣдъ не выпилъ всей своей кружки чаю, попросилъ у него и поставилъ рядомъ со своею; повидимому, очень обрадовался и торжествующе смотрѣлъ на сосѣдей, которые должны были ограничиться одною кружкою, но черезъ нѣсколько времени, не допивъ и своей кружки, отодвинулъ отъ себя обѣ и занялся ломаніемъ хлѣба, который складывалъ кучками. Замѣтивъ, что сосѣдъ зазѣвался, онъ бросилъ ему въ чай горсть крошекъ. Сидѣвшій напротивъ показалъ глазами на П., какъ на виновника, пострадавшему, и тогда П. сталъ бросать въ него крошками хлѣба. Послѣ чая во время молитвы, выйдя изъ-за скамейки, онъ старался незамѣтно продвинуться впередъ, тихонько обходя товарищей, но когда всѣ пошли изъ столовой, онъ, бросившись сначала впередъ, тотчасъ же остановился у окна, гдѣ сталъ смотрѣть на бѣгающихъ по двору дѣтей.

Послѣ чая ученики разошлись по классамъ и занялись большею частью повтореніемъ уроковъ. П. весь погрузился снова въ составленіе своего календаря. При этомъ, когда я подходилъ къ классу, онъ каждый разъ пряталъ календарь, а раскрывалъ заранѣе приготовленную книгу, хотя его никто не заставлялъ заниматься. Я вошелъ въ классъ и спросилъ: выучилъ ли онъ уроки? Отвѣчалъ: „еще вчера“. — А ну-ка разскажи по закону Божію. — „Что задано“? обратился онъ съ вопросомъ къ товарищамъ, повидимо, для того, чтобы разсмѣшить ихъ, хотя и

самъ, какъ оказалось, зналъ, что задано, но урока не готовилъ. Я велѣлъ ему учить урокъ, вымывъ предварительно руки, которыя онъ уже успѣлъ испачкать чернилами. Проходя черезъ нѣсколько минутъ по корридору мимо класса, я видѣлъ, что П. по прежнему занимается календаремъ, а раскрытая книга по закону Божію лежитъ около него на партѣ. Во время 1 урока я занимался въ другомъ классѣ и не могъ наблюдать за П., но послѣ урока спросилъ у законоучителя, бывшаго въ этомъ классѣ, какъ велъ себя П. Оказалось, что, когда законоучитель спросилъ П. — знаетъ ли онъ урокъ, П. увѣренно отвѣтилъ: „знаю", и сталъ кое-какъ разсказывать прежній урокъ. Когда же преподаватель сказалъ ему, что это не то, что нужно, онъ очень удивился. Я, говоритъ, думалъ, что задано только повторить прежній урокъ. Затѣмъ, сѣвши на мѣсто, онъ сталъ чѣмъ то заниматься подъ партой. Оказалось, когда преподаватель подошелъ къ нему, что онъ продолжалъ мастерить календарь, выставляя на немъ цифры. Преподаватель взялъ календарь и сталъ объяснять урокъ. Скоро онъ замѣтилъ, что П. сталъ время отъ времени стучать ногой по партѣ, дѣлая видъ, что очень внимательно слушаетъ. Тогда преподаватель велѣлъ ему стоять около себя. П. протестовалъ и говорилъ, что ничего не дѣлалъ. Скоро преподаватель замѣтилъ, что ученики начинаютъ улыбаться. Онъ сталъ наблюдать за П. и увидалъ, что тотъ, оборачиваясь къ классу, дѣлалъ гримасы и сейчасъ же придавалъ своему лицу совершенно невинное выраженіе. Кончилось дѣло тѣмъ, что законоучитель удалилъ его изъ класса. Во время перемѣны послѣ урока П. шумно бѣгалъ и возился въ рекреаціонномъ залѣ,—и т. д.

Въ заключеніе приведемъ характеристику одного мальчика-кадета, составленную на основаніи наблюденій, организованныхъ въ 1904—5 году при петроградскихъ педагогическихъ курсахъ [1]). При собираніи матеріала (дневники и дополнительныя свѣдѣнія) наблюдатели руководились программой, приложенной въ концѣ этой книги; поэтому въ самой характеристикѣ, наряду съ конкретными фактами и проявленіями, приводятся также и тѣ основныя рубрики программы, къ которымъ относятся эти проявленія. Для большаго удобства при чтеніи характеристики названія этихъ основныхъ рубрикъ напечатаны курсивомъ. Въ концѣ характеристики приложено короткое резюмэ, заключающее въ себѣ перечень наиболѣе важныхъ особенностей характера даннаго мальчика.

Характеристика.

Р., мальчикъ 13 лѣтъ, небольшого роста (ниже своихъ сверстниковъ), довольно хорошаго питанія. Брюнетъ, краснощекій.

Уроженецъ г. Петрограда, изъ мало-состоятельной, интеллигентной семьи. Семья большая, на воспитаніе особеннаго вниманія не обращается, за поведеніемъ его не слѣдятъ.

Первое, что бросается въ глаза при наблюденіи надъ этимъ мальчикомъ, это—необычайная подвижность. Движенія его чрезвычайно обильны и раз-

---

[1]) Предварительное сообщеніе объ этой работѣ было напечатано въ Вѣстн. Психол. (35); подробный же отчетъ появится въ печати въ ближайшемъ будущемъ.

нообразны. Онъ ни одной минуты не можетъ спокойно усидѣть на мѣстѣ: то подожметъ ноги подъ себя, то согнетъ ихъ въ колѣняхъ и упретъ въ столъ, а то и на столъ влѣзетъ. Во время приготовленія уроковъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вскочить съ мѣста и подойти то къ одному, то къ другому изъ товарищей. Только будучи занятъ интереснымъ для него предметомъ (рисованіе, чтеніе), можетъ нѣкоторое время просидѣть на мѣстѣ сравнительно спокойно. Передъ сномъ долго не можетъ улечься: шалитъ, бѣгаетъ по столамъ и кроватямъ. Чрезвычайно любитъ различныя физическія упражненія. Тотчасъ послѣ урока принимается бѣгать за кѣмъ-нибудь или составляетъ подвижную игру (охотники, цѣпь, лисичку и т. д.). Отличается большою способностью къ гимнастикѣ, танцамъ, подвижнымъ играмъ (координація движеній). Въ игрѣ, несмотря на малый ростъ, выбранъ отъ партіи первымъ, какъ наиболѣе сильный въ бѣгѣ (быстрота движеній). Отлично танцуетъ въ присядку, выдѣлывая такія па, которыя не всякій сверстникъ сдѣлаетъ. Необыкновенно быстро выучиваетъ всякіе новые танцы (двигательная упражняемость). Во время гимнастики чувствуетъ себя въ своей сферѣ: несмотря на малый ростъ, перепрыгиваетъ черезъ кобылу, что требуетъ большой ловкости и смѣлости.

Экспериментальныя данныя также указываютъ на значительную быстроту движеній. Въ постановкѣ точекъ онъ оказывается однимъ изъ самыхъ скорыхъ. Въ теченіи $^1/_4$ мин. онъ успѣваетъ привычнымъ темпомъ (не торопясь) поставить 51,6 точки (среднее изъ 51, 55, 54, 39 и 59), а въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется максимальная скорость — 82,7 точки (среднее изъ 85, 88, 76 и 82). Этихъ цифръ достигали лишь немногіе изъ испытуемыхъ. Счетъ вслухъ у него не отличается такой быстротой: 4 человѣка (изъ 18) считаютъ скорѣе его, есть и равные съ нимъ. Но все таки большинство испытуемыхъ считаетъ медленнѣе, чѣмъ Р., который въ $^1/_2$ мин. сосчитываетъ до 75,5 (среднее изъ 79, 75, 75, 77, 73, 71, 75 и $75^1/_2$).

Въ тѣсной связи съ обиліемъ и быстротой движеній находятся нѣкоторыя особенности вниманія и эмоціональной сферы, развитыя у Р. также весьма значительно. Чувства его отличаются крайней возбудимостью и обиліемъ внѣшнихъ физіологическихъ проявленій. Всякіе, даже незначительные поводы возбуждаютъ въ немъ чувство радости: разрѣшеніе идти на плацъ, объявленіе, что воспитатель будетъ читать классу, что вмѣсто ручного труда будетъ гимнастика и т. д. При разговорѣ съ ротнымъ командиромъ, хотя и держитъ себя относительно сдержанно, но отвѣчаетъ съ присущей ему горячностью. Во время игръ и гимнастики всякая удача (прыжокъ черезъ кобылу, поимка мяча) вызываетъ громкіе крики, особое оживленіе, сильное покраснѣніе, обильное вылѣленіе пота. Вообще, радость выражается крикомъ, быстрыми, порывистыми движеніями и смѣхомъ. Лишеніе свободы вызываетъ слезы. Вслѣдъ за наложеннымъ взысканіемъ усиленно проситъ прощенія, кожа надъ бровями наливается кровью, на глазахъ появляются слезы. Но все это не надолго: скоро забываетъ и опять веселъ (неустойчивость чувствованій). Благодаря повышенной возбудимости чувствъ, вліяніе ихъ на умственные и волевые процессы у Р. очень велико. Игрою онъ способенъ увлечься до самозабвенія. Во время воспитательскаго чтенія, увлекшись слушаніемъ, влѣзаетъ на кафедру; слушаетъ очень внимательно, весь отдается разсказу, отъ удовольствія громко выкрикиваетъ „молодецъ“! „Такъ ему и надо“! Вліяніе чувствъ отражается также и на сужденіяхъ, которыя отличаются у него крайней субъективностью: то, что сегодня похвально и справедливо, завтра дурно, — смотря по тому, что ему выгоднѣе.

Подобно чувствованіямъ, вниманіе у Р. также отличается крайней возбудимостью. Онъ чрезвычайно любопытенъ, всюду суется, безъ него ничто не обходится. Все новое, приносимое товарищами или преподавателями (игры, книги, письма, картинки), тотчасъ же привлекаетъ его вниманіе. Къ воспитательскому чтенію всегда относится внимательно. Игрою въ перышки увлекся до того, что на зовъ не сразу отвѣчалъ. Погруженный въ шахматную игру, ничего не слышитъ, что вокругъ него дѣлается (сосредоточенность пассивнаго вниманія). Если предметъ его интересуетъ, то можетъ внимательно слѣдить за нимъ въ теченіе довольно долгаго времени; такъ, интересную книгу, длиною въ 500 страницъ, слушалъ до самаго конца, въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ, съ выдающимся вниманіемъ (устойчивость пассивнаго вниманія). Но это бываетъ лишь тогда, когда занятіе для него интересно; заставить же себя сосредоточиться на скучныхъ предметахъ онъ совершенно не въ состояніи. Во время классныхъ занятій онъ каждую минуту чѣмъ-нибудь отвлекается: ломовой проѣхалъ, солдаты прошли,—онъ тотчасъ бросаетъ занятія и бѣжитъ къ окну. Вообще, во время уроковъ бываетъ часто крайне разсѣянъ. Эксперименты съ выбираніемъ буквы „о“ въ печатномъ текстѣ показали, что по числу сдѣланныхъ ошибокъ онъ занимаетъ приблизительно среднее мѣсто: изъ общаго числа сдѣланныхъ строкъ (64 въ 1-мъ опытѣ и 71 во 2-мъ) у него оказывается неправильнымъ 27 и 26; но за то по числу пропущенныхъ строчекъ Р. занимаетъ первое мѣсто: 4 въ первомъ опытѣ и цѣлыхъ 15 во второмъ!

Что касается особенностей волевой сферы, то въ этомъ отношеніи Р. не представляетъ собой чего-нибудь цѣльнаго и законченнаго. Основныя черты его характера, только что нами описанныя, отражаются и на этой сторонѣ его душевной жизни, сообщая ей отпечатокъ нѣкоторой неопредѣленности, противорѣчивости. Желанія его обильны и разнообразны; не можетъ быть и пяти минутъ совершенно покоенъ, постоянно ему чего-нибудь надо. Все, что ему придетъ въ голову, тотчасъ же выполняетъ, не думая о послѣдствіяхъ (импульсивность поступковъ). Чѣмъ больше рискъ, тѣмъ скорѣе принимается рѣшеніе. Это сказывается во всѣхъ его многочисленныхъ шалостяхъ, а также въ игрѣ, гдѣ онъ, нисколько не задумываясь, иногда серьезно рискуетъ. Сознательнаго постоянства, какихъ-либо устойчивыхъ, руководящихъ идей и стремленій въ его поведеніи нельзя замѣтить. Однако тамъ, гдѣ его поведеніе опредѣляется непосредственными интересами или влеченіями, Р. бываетъ иногда довольно постояненъ. Къ товарищамъ онъ всегда относится съ одинаковымъ доброжелательствомъ. Принявши участіе въ интересномъ для него занятіи (плетеніе сѣти), онъ продолжаетъ это дѣло въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, т. е., гораздо дольше, чѣмъ другіе товарищи, и доводитъ таки его до конца.

Онъ не легковѣренъ и вообще самостоятеленъ въ своихъ поступкахъ и сужденіяхъ. Иногда бываетъ чрезвычайно трудно уговорить или убѣдить его въ чемъ-нибудь. Такъ, напр., цѣлый часъ доказывали ему, что его поступокъ съ дядькой (бросалъ въ него грязнымъ бѣльемъ) неприличенъ, — и все же Р. не согласился и остался при своемъ, что дядька фискалъ и такъ ему и надо. То же самое повторилось при обсужденіи случая съ однимъ воспитанникомъ, которому преподаватель поставилъ дурной баллъ.

Р. выносливъ по отношенію къ физической боли; даже будучи сильно ушибленъ, онъ никогда не станетъ жаловаться и, вообще, не проявитъ своихъ страданій открыто (способность къ физической задержкѣ). Ударъ литымъ мячемъ въ ухо вызвалъ посинѣніе уха, — и все же не перемѣнилъ его

настроенія. За то способность психической задержки у него развита гораздо меньше. Разсматривая съ увлеченіемъ книжку „Задушевнаго Слова“, онъ, несмотря на замѣчаніе воспитателя, не стѣснялся въ выраженіи своихъ восторговъ и употреблялъ не совсѣмъ приличныя выраженія (другой примѣръ см. выше). Скрытности у него не наблюдалось: напротивъ, скорѣе замѣчается потребность высказаться. Такъ, получивъ письмо отъ брата изъ Манджуріи, тотчасъ пришелъ показать воспитателю. Уличенный въ какой-нибудь шалости, въ первый моментъ всегда придумаетъ удачную отговорку, но потомъ легко сознается, повидимому, въ силу откровенности.

Чувства Р. по своему содержанію довольно богаты и разнообразны. Общій фонъ его эмоціональной сферы составляетъ бодрое, веселое настроеніе. Онъ всегда веселъ и жизнерадостенъ. Только лишеніе свободы дѣлаетъ его на время слезливымъ (горько плачетъ); когда же отпустятъ, моментально все забываетъ и сразу же дѣлается необычайно веселъ. Но и наказанный безъ отпуска не долго тужитъ: скоро успокаивается и весело проводитъ время съ товарищами. Стоя на штрафу, веселъ, — увѣряетъ, что у стѣны его постоянное мѣсто.

Въ тѣсной связи съ этимъ жизнерадостнымъ настроеніемъ находится его незаурядная смѣлость, почти полное отсутствіе у него чувства страха. Проявленій страха у него никогда не удавалось замѣтить. Ради шалости не побоялся больно ударить линейкой товарища, который былъ сильнѣе его. Во время гимнастики очень смѣло прыгаетъ черезъ кобылу, что представляетъ извѣстный рискъ, особенно при его небольшомъ ростѣ. При игрѣ въ футъ-болъ не щадитъ себя, подставляя подъ частые толчки и удары. Часто съ размаха падаетъ на землю, перевертывается, летитъ кувыркомъ — и все же продолжаетъ игру дальше. Чувства самосохраненія — никакого. Вообще, эгоистическія чувства у него развиты очень мало. Безпеченъ, никогда не заботится о своихъ интересахъ. Хотя и выдѣляется иногда среди товарищей въ играхъ и гимнастикѣ, но не замѣтно, чтобы гордился этимъ (не самолюбивъ). Только по отношенію къ одному, болѣе слабому товарищу проявляетъ авторитетный тонъ, повторяя ему отъ себя приказанія воспитателя, а иногда и силой заставляя его слушаться.

Низшія органическія чувства развиты довольно значительно. Къ ѣдѣ относится съ жадностью. Во время завтрака и обѣда иной разъ положительно набрасывается на подаваемыя блюда; ѣсть много и поспѣшно. Вернувшись изъ отпуска, съ видимымъ удовольствіемъ разсказываетъ о томъ, что дома получилъ на обѣдъ и завтракъ. Въ пищѣ очень разборчивъ, ѣстъ лишь то, что нравится; мяса не любитъ, поэтому часто довольствуется сладкимъ, хлѣбомъ и квасомъ. Подмѣченъ интересъ къ непристойнымъ рисункамъ.

Отношенія къ другимъ людямъ (товарищамъ, воспитателямъ) у него въ большинствѣ случаевъ доброжелательныя. Со всѣми товарищами онъ друженъ, всѣми любимъ (чувство симпатіи, общественныя чувства). На ласковое къ нему слово со стороны воспитателя очень отзывчивъ. Когда другой болѣе сильный товарищъ обидѣлъ до слезъ слабаго, Р. заступился и сообщилъ объ этомъ дежурному офицеру. Въ другой разъ очень усердно защищалъ передъ воспитателемъ товарища, котораго онъ считалъ правымъ. Никогда не раздражается, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда къ нему несправедливы; только въ пылу игры, находясь въ сильномъ возбужденіи, горячится, сердится и кричитъ если замѣтитъ какія-либо неправильности.

Надо, впрочемъ, сказать, что въ своихъ многочисленныхъ шалостяхъ

далеко не всегда считается съ интересами и состояніемъ тѣхъ лицъ, противъ которыхъ эти шалости направлены. Такъ, напр., во время занятій, приготовивши уроки раньше другихъ (онъ второгодникъ), все время мѣшаетъ то одному, то другому товарищу. Въ строю постоянно задѣваетъ болѣе слабаго сосѣда и довелъ его до слезъ, наступая ему на ноги. Въ другой разъ насыпалъ болѣе слабому товарищу въ брюки опилокъ; когда тотъ одѣвался. Въ банѣ смѣялся надъ товарищами, задѣвая ихъ и брызгая на нихъ холодной водой. Одному преподавателю, который его почти каждый день наказывалъ, устроилъ слѣдующее: стрѣлки съ хлѣбомъ бросалъ на потолокъ, чтобы онѣ отлѣпились и упали преподавателю на голову. Дневальному, несшему посуду въ кухню, подставилъ ногу и очень былъ радъ, что тотъ споткнулся, — и т. д. Однако во всѣхъ этихъ шалостяхъ не видно злости, желанія причинить другому вредъ и огорченіе. Повидимому, онъ лишь недостаточно входитъ въ положеніе другихъ. Это происходитъ отчасти вслѣдствіе молодости и неопытности, а отчасти (и это главное) потому, что въ силу своего легкомыслія и отсутствія твердыхъ принциповъ, руководящихъ его поведеніемъ (см. ниже), Р. слишкомъ увлекается каждой новой шалостью и не думаетъ о ея послѣдствіяхъ. Если же ему удастся выяснить вредъ задуманной имъ шалости, (что, впрочемъ, вслѣдствіе его упрямства, представляется дѣломъ далеко не легкимъ), то онъ ея не дѣлаетъ. Такъ, однажды вечеромъ ставилъ гусарики спящимъ товарищамъ. На доводы воспитателя, что это не порядочно, возражалъ, и согласился лишь съ тѣмъ, что это вредно для здоровья.

Что касается нравственнаго чувства, то здѣсь у Р. замѣчается опять нѣкоторое противорѣчіе. Съ одной стороны, онъ относится крайне небрежно къ обязанностямъ, налагаемымъ на него его положеніемъ воспитанника учебнаго заведенія. Штрафной журналъ весь испещренъ его проступками; не проходитъ дня, чтобы онъ не былъ наказанъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Одобряя шалости товарищей, онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ. Беззастѣнчиво ругается дурными словами. Не стѣсняется присутствіемъ преподавателей и воспитателей, позволяя себѣ по отношенію къ нимъ разныя фамильярности. Въ строю шалитъ больше всѣхъ: чуть отвернешься — задѣнетъ товарища или какъ нибудь напроказитъ. Во время урока вставляетъ неумѣстныя замѣчанія съ цѣлью потѣшить товарищей. На урокѣ французскаго языка передразниваетъ отвѣчающихъ; на замѣчаніе же о неумѣстности этого — смѣется. Послѣ утренняго чая самовольно сталъ читать молитву; читалъ невозможно дурно, — очевидно, чтобы потѣшить товарищей. При выговорѣ смѣется. Сбавка балла за поведеніе не произвела почти никакого впечатлѣнія. Уличенный въ томъ, что мѣломъ бросилъ въ товарища, нисколько не смутился этимъ. Во время письменной работы списываетъ диктовку, пытается обмануть преподавателя. На свою внѣшность не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія: всегда грязенъ. Къ казеннымъ вещамъ относится крайне небрежно: вырѣзалъ фамилію на столѣ, бросалъ грязной губкой и замаралъ стѣну; платье чиститъ рѣдко, а сапоги лишь по приказанію, — и т. д.

Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, что у него совершенно отсутствуютъ чувство долга и нравственныя побужденія. Такъ, когда за сдѣланную имъ серьезную шалость хотѣли наказать другого товарища, сознался самъ, безъ всякаго давленія со стороны товарищей, зная, что понесетъ серьезное взысканіе. Несмотря на неряшливое содержаніе платья, классный столикъ держитъ всегда въ порядкѣ и даже сосѣду помогаетъ убирать его столъ. Мы уже видѣли выше, что по поводу важнѣйшихъ событій кадетской жизни у него есть свои взгляды,

которые онъ упорно отстаиваетъ. Но только, въ силу основныхъ свойствъ его эмоціональной и умственной сферы, взгляды эти отличаются крайней субъективностью, необоснованностью, недостаточной согласованностью и поэтому ни въ какомъ случаѣ не могутъ явиться правильнымъ руководящимъ началомъ его жизни и дѣятельности.

Трудно сказать, насколько развито у Р. религіозное чувство. Въ трудныя минуты (передъ уроками) онъ, правда, усердно молится; но такъ какъ то же самое дѣлаетъ и большинство его товарищей, то можетъ быть, онъ поступаетъ только по примѣру другихъ, заражаясь общимъ настроеніемъ (чему можетъ способствовать возбудимость его чувствованій). На молитвѣ часто шалитъ, въ церкви стоитъ дурно, разговариваетъ, оборачивается. Эстетическое чувство также, повидимому, не достигаетъ сколько-нибудь значительной степени развитія. Въ началѣ года онъ охотно занимался музыкой; аккуратно, безъ напоминаній ходилъ на уроки. Но затѣмъ, несмотря на свои незаурядныя музыкальныя способности, началъ относиться къ музыкѣ небрежно, придумывая для этого разные предлоги. Внѣ области музыки никакихъ проявленій эстетическаго чувства у него не удавалось замѣтить.

Болѣе значительно развито интеллектуальное чувство (въ частности — интересъ къ чтенію). Только получивши книгу для чтенія, онъ на время успокаивается и перестаетъ шалить. Особенно усилился интересъ къ чтенію въ теченіе послѣдняго года. Очень любитъ Ж. Верна, Купера, вообще — жизнь индѣйцевъ и всякія приключенія. Урокъ естественной исторіи слушаетъ съ такимъ вниманіемъ и интересомъ, какъ какую-нибудь занимательную книгу. Въ послѣднее время увлекается игрой въ шахматы, которую очень полюбилъ.

Умственная сфера Р. характеризуется, въ общемъ, преобладаніемъ внѣшнихъ воспріятій надъ внутренними. Онъ постоянно ищетъ новыхъ впечатлѣній, мало заботясь объ ихъ сохраненіи и переработкѣ. Его почти нельзя видѣть одного: всегда среди товарищей, въ шумной толпѣ, на плацу, въ залѣ. Благодаря тому, что онъ слишкомъ живетъ внѣшней жизнью, слишкомъ отдается минутнымъ впечатлѣніямъ, у него замѣчается въ умственной сферѣ та же особенность, которая нами уже была отмѣчена въ области волевыхъ процессовъ: отсутствіе направляющихъ идей, слабое развитіе тѣхъ руководящихъ нормъ, безъ которыхъ невозможно правильное теченіе умственной и волевой дѣятельности. Онъ совершенно неспособенъ къ систематическому наблюденію; въ играхъ и на урокахъ схватываетъ отрывками то, что для него болѣе важно и интересно. Слушая разсказъ, не всегда разбирается въ сути его, а останавливается на отдѣльныхъ, особенно интересныхъ моментахъ. Въ то же время теченіе умственныхъ процессовъ отличается у него такой же быстротой, какъ и всѣ вообще его поступки и движенія. Въ опытахъ съ выбираніемъ буквы онъ по скорости работы занимаетъ мѣсто выше средняго: изъ 16 человѣкъ только 6 работали быстрѣе его. Что же касается составленія фразъ, то въ этомъ отношеніи Р. является первымъ (по быстротѣ работы). Въ первомъ опытѣ онъ употребилъ на составленіе 24-хъ фразъ (8 группъ по 3 фразы въ каждой) всего 3 мин. 22 сек. (25 сек. + 19 + 26 + 17 + 30 + 27 + 26 + 32); во второмъ, на составленіе 15 фразъ (5 группъ по двѣ фразы) 2 мин. $16\frac{1}{2}$ сек. (23 сек. + 16 + $37\frac{1}{2}$ + 33 + 27). Такой скорости не достигалъ никто изъ всѣхъ 16 человѣкъ испытуемыхъ. Экспериментальнымъ даннымъ соотвѣтствуютъ также и наблюденія воспитателя, указы-

вающаго на то, что съ письменными работами Р. справляется быстрѣе, чѣмъ его товарищи. Отличіе отъ двигательной сферы заключается здѣсь лишь въ томъ, что движенія у него также быстры, какъ и координированы, между тѣмъ какъ въ области умственныхъ процессовъ продуктивность работы далеко несоотвѣтствуетъ быстротѣ ея (см. ниже).

Мы уже указывали на то, что Р. постоянно ищетъ новыхъ впечатлѣній и тотчасъ же реагируетъ на нихъ, мало заботясь объ ихъ сохраненіи и переработкѣ. Соотвѣтственно этому, восприятія у него обильны и довольно точны. Онъ очень наблюдателенъ: часто и удачно копируетъ взрослыхъ и товарищей, подмѣчая и подражая ихъ жестамъ, движеніямъ, говору и внѣшнимъ особенностямъ. Музыкальный слухъ у него сильно развитъ: легко схватываетъ мотивъ и точно передаетъ на рояли (слышанный маршъ подобралъ безъ труда). Ассоціаціи обильны и разнообразны. Разговоръ способенъ поддерживать безъ труда, хотя бы въ теченіе цѣлаго часа, не чувствуя недостатка въ подходящихъ темахъ: случаи изъ кадетской жизни, жизнь брата на войнѣ, воспоминанія о братѣ, о семьѣ, времяпрепровожденіе дома и т. д. Говоритъ свободно, не подыскивая словъ и выраженій; часто употребляетъ пословицы и поговорки. Вліянія чувства сказывается и здѣсь въ значительной степени: если разговоръ его интересуетъ, то онъ говоритъ много и свободно: въ противномъ случаѣ говоритъ отрывисто и немногосложно.

Комбинирующее воображеніе развито у Р. довольно значительно, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ окружающей его жизни и дѣятельности. Въ затруднительныхъ положеніяхъ онъ очень находчивъ: уличенный въ какой-нибудь шалости, всегда сейчасъ же удачно подыщетъ подходящій мотивъ для того, чтобы оправдать себя и товарищей: пошелъ на чердакъ для того, чтобы достать мячъ, лапту и т. д. Въ шалостяхъ очень изобрѣтателенъ и разнообразенъ. Данныя имъ товарищамъ прозвища часто становятся ходячими. Однако, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣятельность воображенія должна носить болѣе систематическій, планомѣрный характеръ, Р. оказывается позади многихъ изъ своихъ товарищей. Въ письменныхъ работахъ онъ, по замѣчанію воспитателя, не выдѣляется въ смыслѣ полноты изложенія (бѣдность воображенія). Въ опытахъ съ составленіемъ фразъ онъ справлялся со своей работой быстрѣе другихъ; но зато составленныя имъ фразы были очень несовершенны. Повтореніе однихъ и тѣхъ же образовъ и комбинацій встрѣчается у него чаще, чѣмъ у большинства другихъ испытуемыхъ. На каждомъ шагу попадаются наивныя, наскоро составленныя и недостаточно связанныя фразы, вродѣ слѣдующихъ: „около стѣны стояла собака и выходило это крыльцо на дворъ, а на дворѣ была стѣна“, „на берегу ночью происходитъ всегда опасность и страхъ, а днемъ радость“, „въ добротѣ бываетъ терпѣніе и спокойная душа“ и т. д. По количеству подобныхъ безсвязныхъ фразъ и неправильныхъ оборотовъ рѣчи онъ является однимъ изъ первыхъ.

Что касается мышленія (способностъ сужденія, умозаключенія, образованія понятій и т. д.), то, повидимому, оно находится у Р. въ зачаточномъ состояніи. Мы уже видѣли, насколько субъективны и необоснованы его сужденія относительно случаевъ окружающей жизни. Въ опытахъ съ составленіемъ фразъ онъ по числу нелѣпостей и логическихъ несогласованностей (напр., „страхъ наноситъ большой вредъ, опасность—средній, а радость—хорошій“), является опять-таки однимъ изъ первыхъ. Правда, въ разговорѣ съ ротнымъ командиромъ онъ даетъ толковые отвѣты; ариѳметическія задачи рѣшаетъ легче

другихъ товарищей (онъ второгодникъ); во время игры въ шахматы, которой выучился недавно, обнаруживаетъ значительное умѣнье. Но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ успѣшность дѣйствій можетъ обусловливаться не только самостоятельной, сознательной переработкой впечатлѣній, но также и простымъ механическимъ примѣненіемъ замѣченныхъ ранѣе правилъ и пріемовъ. Нужно только во время сумѣть припомнить ихъ и воспользоваться ими,—а Р., какъ мы уже видѣли, отличается наблюдательностью и находчивостью. Такъ что о мышленіи въ собственномъ смыслѣ слова здѣсь едва ли можетъ идти рѣчь.

Память у Р., какъ показываютъ наблюденія, развита, въ общемъ, довольно хорошо. Онъ легко усваиваетъ уроки со словъ преподавателя (способность запоминанія). Въ самомъ началѣ занятій онъ уже оканчиваетъ приготовленіе уроковъ, такъ что на занятіяхъ не знаетъ, что дѣлать; приготовленные уроки отвѣчаетъ хорошо. Безъ труда выучиваетъ слова иностранныхъ языковъ. Слова выученныя въ началѣ года, безъ повтореній отвѣтилъ почти безошибочно въ апрѣлѣ (способность удерживанія въ памяти). Особенно хорошо развита у Р. музыкальная память. Много вещицъ знаетъ наизусть. По словамъ учителя музыки, выдѣляется памятью среди всѣхъ сверстниковъ, занимающихся музыкой.

Въ нѣкоторомъ противорѣчіи со всѣмъ, только что сказаннымъ, стоятъ опыты съ заучиваніемъ стихотвореній. Оказалось, что по числу заученныхъ стиховъ Р. является однимъ изъ самыхъ слабыхъ. Въ теченіе 10 м. онъ заучилъ въ 1-мъ опытѣ 7 стиховъ, а во 2-мъ всего 4 стиха. Только 2-ое изъ 17 испытуемыхъ заучили приблизительно столько же, остальные—больше. Число стиховъ, воспроизведенныхъ ошибочно, у него также очень велико. Трудно сказать, чѣмъ именно слѣдуетъ объяснить это противорѣчіе. Возможно, что, какъ мы ни старались изъ всей поэмы Байрона выбрать мѣста, наиболѣе доступныя по своему содержанію, отрывки эти оказались все же слишкомъ трудными для Р., и этой трудностью слѣдуетъ объяснить какъ малое число заученныхъ стиховъ, такъ и обиліе ошибокъ.

Резюмэ. Крайняя подвижность и изобиліе жизненной энергіи. Повышенная возбудимость и неустойчивость эмоціональной и волевой сферы. Средней силы умственныя способности, направленныя, главнымъ образомъ, на внѣшнія, конкретныя стороны жизни. Отсутствіе эгоистическихъ чертъ характера, но въ то же время и отсутствіе ясныхъ, опредѣленныхъ принциповъ, руководящихъ его поведеніемъ.

Часть II.

Обзоръ наклонностей, относящихся къ области внимания, чувствованій, движеній и волевыхъ процессовъ.

I.

Предварительныя замѣчанія.

Вторая часть нашей книги будетъ посвящена подробному разбору отдѣльныхъ основныхъ наклонностей и ихъ проявленій, т. е., по своему содержанію можетъ быть отнесена къ первому и второму отдѣламъ индивидуальной психологіи. Цѣль ея заключается въ томъ, чтобы сдѣлать сводку матеріалу, уже имѣющемуся по данному вопросу въ настоящее время. Такъ какъ первые два отдѣла нашей науки тѣсно примыкаютъ къ общей психологіи, то въ составъ ихъ могутъ войти результаты многихъ работъ, произведенныхъ въ цѣляхъ обще-психологическихъ. Задача наша и будетъ состоять въ томъ, чтобы изъ массы фактическихъ данныхъ, разбросанныхъ повсюду въ психологической литературѣ и добытыхъ большею частью совершенно для другихъ цѣлей, извлечь то, что относится, такъ или иначе, къ индивидуальной психологіи, и указать, въ чемъ состоитъ это отношеніе. Другими словами, намъ приходится на основаніи уже имѣющагося въ психологической литературѣ матеріала установить перечень основныхъ наклонностей и дать подробное описаніе каждой изъ нихъ. При выборѣ этихъ наклонностей мы будемъ руководствоваться тѣми критеріями, которые уже были подробно изложены въ первой части (гл. XVII).

Для большаго удобства и систематичности изложенія разборъ каждаго отдѣльнаго качества будетъ производиться въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Опредѣленіе наклонности, т. е., точное указаніе того, какая именно сторона того или иного душевнаго процесса соотвѣтствуетъ данной наклонности.

2) Проявленія ея, внутреннія и внѣшнія, и ихъ анализъ.

3) Степени развитія даннаго душевнаго качества и способы ихъ опредѣленія.

4) Возбудители этого качества, внутренніе и внѣшніе, непосредственные и посредственные.

5) Измѣняемость его, какъ дѣйствительная, такъ и кажущаяся.

6) Анатомо-физіологическій коррелатъ данной наклонности.

7) Связи и отношенія, существующія между даннымъ душевнымъ качествомъ и другими основными наклонностями.

Нерѣдко намъ придется убѣдиться въ томъ, что данныя, имѣющіяся въ литературѣ по вопросу о той или иной основной наклонности, представляются въ настоящее время еще крайне скудными, такъ что далеко не на всѣ поставленные вопросы можно будетъ дать сколько-нибудь полный и фактически обоснованный отвѣтъ. Мы будемъ пользоваться этими случаями для того, чтобы указать, въ какомъ направленіи необходимо вести дальнѣйшія изслѣдованія и на какія стороны вопроса нужно обратить особенное вниманіе.

Для того, чтобы дать сколько-нибудь подробное обозрѣніе всѣхъ основныхъ наклонностей, относящихся ко всѣмъ сферамъ душевной дѣятельности, потребовалось бы уже и при настоящемъ состояніи знаній слишкомъ много труда, времени и мѣста. Поэтому мы рѣшили ограничить свою задачу, взявши для начала только наклонности, относящіяся къ области вниманія, чувствованій, движеній и волевыхъ процессовъ. Какъ чувствованія, такъ и волевыя процессы (а вмѣстѣ съ ними и движенія) имѣютъ чрезвычайную важность для индивидуальной психологіи. Доказательствомъ этой важности служитъ хотя бы уже тотъ фактъ, что все ученіе о темпераментахъ построено на такихъ признакахъ, какъ сила или слабость чувствованій и ихъ проявленій, быстрота или медленность въ теченіи ихъ, сравнительная быстрота и энергія мышечныхъ движеній и различныхъ проявленій волевой энергіи и т. д. Не менѣе важное значеніе придается всѣмъ этимъ признакамъ также и въ новѣйшихъ классификаціяхъ характеровъ. Между тѣмъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ еще сколько-нибудь полнаго обзора отдѣльныхъ основныхъ наклонностей, относящихся къ указаннымъ нами областямъ душевной жизни. „Индивидуальныя различія“, касающіяся умственной дѣятельности, довольно подробно изложены въ книгѣ Штерна (14), которая, несмотря на свою краткость, представляетъ для

насъ большой интересъ, такъ какъ является едва ли не первымъ шагомъ къ систематической разработкѣ отдѣльныхъ душевныхъ качествъ. Что же касается чувствованій и волевыхъ процессовъ, то эта область, какъ недоступная (или почти недоступная) эксперименту, до сихъ поръ еще не подвергалась систематической обработкѣ въ указанномъ направленіи. Между тѣмъ, и по этимъ вопросамъ накопилось за послѣднее время столько разнообразныхъ фактовъ и наблюденій, удостовѣренныхъ и подтвержденныхъ многими авторами, что намъ кажется далеко не лишнимъ попытаться использовать весь этотъ матеріалъ въ цѣляхъ индивидуальной психологіи.

Такъ какъ явленія вниманія (произвольнаго и непроизвольнаго) находятся въ самой тѣсной связи съ областью волевыхъ процессовъ и, кромѣ того, имѣютъ очень важное значеніе для составленія характеристикъ, то мы рѣшили также и ихъ подвергнуть нашему разбору. За то въ области чувствованій мы ограничимся только разсмотрѣніемъ формальной ихъ стороны (легкость возникновенія, сила, продолжительность и т. п.), не касаясь вовсе содержанія отдѣльныхъ аффектовъ и эмоцій. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ общая психологія сдѣлала уже очень многое. Достаточно указать хотя бы на тонкія, чрезвычайно подробныя описанія отдѣльныхъ эмоцій, оставленныя намъ А. Бэномъ (36) и представляющія большой интересъ съ точки зрѣнія индивидуальной психологіи. Довольно подробную классификацію и описаніе отдѣльныхъ родовъ эмоцій (а также вытекающихъ отсюда различій между отдѣльными характерами) находимъ мы также у Полана (15). Такъ какъ мы, съ своей стороны, едва ли могли бы внести въ этотъ вопросъ что-либо новое, то и рѣшили совсѣмъ оставить его въ сторонѣ, ограничившись обзоромъ однихъ только формальныхъ особенностей въ сферѣ чувствованій. Такое ограниченіе казалось намъ тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, что эти формальныя особенности, будучи сравнительно мало изученными, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, для индивидуальной психологіи не только не меньшее, а пожалуй даже и большее значеніе, чѣмъ такъ часто подвергавшееся описанію содержаніе различныхъ эмоцій.

II.

Наклонности, относящіяся къ вниманію.

Если мы обратимся къ психологамъ съ вопросомъ: что такое вниманіе?—то получимъ различные отвѣты, въ зависимости

отъ той точки зрѣнія, которой придерживается каждый отдѣльный авторъ. По мнѣнію однихъ, вниманіе является самостоятельнымъ психическимъ актомъ, тогда какъ другіе видятъ въ немъ лишь извѣстную сторону нашей душевной жизни, необходимое условіе, безъ котораго ни одинъ психическій процессъ не можетъ осуществиться. Еще болѣе расходятся взгляды относительно того, въ чемъ заключается сущность вниманія, какой именно изъ разнообразныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ этого сложнаго проявленія душевной жизни, слѣдуетъ считать наиболѣе важнымъ и характернымъ. Одни склонны отождествлять вниманіе съ сознаніемъ; они полагаютъ, что единственной постоянной и въ то же время наиболѣе характерной стороной процесса является „вхожденіе представленія въ фиксаціонную точку сознанія", т. е., пріобрѣтеніе имъ возможно большей ясности и отчетливости; всѣ остальные элементы представляются, по ихъ мнѣнію, добавочными, несущественными. Другіе отождествляютъ вниманіе съ волей, разсматривая его, какъ одну изъ разновидностей волевого акта; въ зависимости отъ того, будетъ ли волевой актъ простымъ или сложнымъ, сопровождается ли онъ актомъ выбора и т. д., слѣдуетъ различать отдѣльные виды вниманія. По мнѣнію третьихъ, центръ тяжести лежитъ въ ассоціаціи представленій, причемъ особенно важную роль играютъ тѣ представленія которыя находились въ сознаніи въ моментъ, предшествовавшій воспріятію; только благодаря той или иной „констелляціи сознанія" дѣлается возможнымъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя, даже незначительныя раздраженія тотчасъ же и вполнѣ отчетливо воспринимаются нами (сосредоточиваютъ на себѣ наше вниманіе), тогда какъ другія, гораздо болѣе сильныя, проходятъ совершенно незамѣченными. Четвертые склонны придавать особенно важное значеніе различнымъ чисто физіологическимъ моментамъ, какъ то: усиленному раздраженію и кровенаполненію извѣстныхъ участковъ мозговой коры, подготовкѣ соотвѣтствующихъ органовъ чувствъ, усиленному сокращенію или, наоборотъ, задержкѣ движеній въ нѣкоторыхъ мышечныхъ группахъ и т. д.; по мнѣнію этихъ авторовъ, напряженіе, испытываемое нами въ случаяхъ произвольнаго вниманія, зависитъ исключительно отъ того, что для болѣе успѣшнаго сосредоточиванія вниманія намъ приходится усиленно сокращать нѣкоторыя изъ мышцъ нашего тѣла, подавляя въ то же время, насколько это возможно, всѣ остальныя движенія. Наконецъ, нѣкоторые авторы особенно подчеркиваютъ значеніе чувства, считая, что оно играетъ первенствующую роль во всѣхъ случаяхъ такъ называемаго пассивнаго вниманія.

Едва ли мы, однако, ошибемся, если скажемъ, что всѣ эти разногласія относятся исключительно къ о б ъ я с н е н і ю того сложнаго явленія, которое мы называемъ процессомъ вниманія, а никакъ не къ его описанію. Что же касается собственно описательной стороны, то здѣсь мы почти не встрѣчаемъ противорѣчій. Во всякомъ болѣе или менѣе полномъ описаніи мы находимъ всякій разъ одни и тѣ же элементы; разногласіе появляется лишь тогда, когда возникаетъ вопросъ, какіе изъ этихъ элементовъ надо считать главными и какіе—побочными. Если мы оставимъ на время этотъ вопросъ въ сторонѣ и попытаемся представить по возможности полную (хотя, конечно, схематичную) характеристику тѣхъ сложныхъ проявленій душевной жизни, которыя описываются обыкновенно подъ рубрикой „вниманіе“, то получимъ приблизительно слѣдующее:

Въ каждый данный моментъ человѣкъ можетъ сознавать только очень небольшую часть тѣхъ раздраженій, которыя получаются имъ извнѣ и возникаютъ въ немъ самомъ. Кромѣ того, и это небольшое количество воспринятыхъ раздраженій сознается имъ далеко не съ одинаковой ясностью: нѣкоторыя изъ нихъ выступаютъ черезвычайно отчетливо, тогда какъ другія воспринимаются довольно смутно или даже проходятъ едва замѣченными. Иногда, въ минуты такъ называемой разсѣянности, все содержаніе сознанія представляется одинаково тусклымъ и неяснымъ, такъ какъ ни одна изъ представленій не въ состояніи подняться надъ остальными и занять господствующее мѣсто. Затѣмъ, благодаря ли какимъ-нибудь внутреннимъ перемѣнамъ, или появленію интенсивнаго внѣшняго раздражителя, вниманіе пробуждается, т. е., нѣкоторыя представленія начинаютъ занимать фиксаціонную точку сознанія.

Число воспріятій или представленій, сознаваемыхъ вполнѣ ясно и отчетливо, можетъ быть въ различные моменты и у разныхъ людей различно. Кромѣ того, вниманіе не можетъ сосредоточиваться черезчуръ долго на одной и той же группѣ представленій; послѣ нѣкотораго, болѣе или менѣе длиннаго промежутка времени господствующія представленія начинаютъ сознаваться менѣе отчетливо и, наконецъ, исчезаютъ на время или окончательно; „фиксаціонная точка сознанія“ замѣщается другими представленіями или же остается незамѣщенной, т. е., человѣкъ снова впадаетъ въ состояніе разсѣянія. Всякій разъ, когда вниманіе сосредоточивается на какомъ-нибудь внѣшнемъ воспріятіи, мы замѣчаемъ въ сознаніи или же косвеннымъ путемъ убѣждаемся въ существованіи группы другихъ представленій, по своему

содержанію родственныхъ тому, которое становится объектомъ вниманія. Существованіе такой группы представленій значительно благопріятствуетъ сосредоточенію нашего вниманія на данномъ объектѣ. Иногда нѣкоторыя изъ этихъ родственныхъ представленій заранѣе выдвигаются въ сознаніи, подготовляя его къ предстоящему воспріятію (такъ называемое выжидательное вниманіе или преперцепція).

Какъ сосредоточеніе вниманія, такъ и поддержаніе его сопровождается обыкновенно чувствомъ усилія, активнаго напряженія, которое нѣкоторыми лицами почти не ощущается, у другихъ же, наоборотъ, можетъ достигать чрезвычайной интенсивности. Очень часто (однако, повидимому, далеко не всегда) представленіе, становящееся объектомъ вниманія, отличается болѣе или менѣе значительной эмоціональной окраской. Наконецъ, всякое сколько-нибудь значительное сосредоточеніе вниманія сопровождается сокращеніемъ извѣстныхъ мышечныхъ группъ, а также задержкой движеній въ другихъ мышечныхъ группахъ. Когда же вниманіе направлено на внѣшнія воспріятія, то, кромѣ этого, требуется также извѣстное приспособленіе соотвѣтствующихъ органовъ чувствъ.

Вотъ та схема процесса вниманія, которой мы будемъ придерживаться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Легкость привлеченія (возбудимость) вниманія.

Опредѣленіе качества. Большая или меньшая наклонность ко вхожденію какого бы то ни было представленія въ фиксаціонную точку сознанія,—вотъ какъ можно было бы опредѣлить данное качество. У нѣкоторыхъ людей всякое интенсивное внѣшнее раздраженіе, всякая новая и интересная мысль тотчасъ же овладѣваетъ на нѣкоторое время сознаніемъ, оттѣсняя на задній планъ всѣ остальныя мысли и чувства. У другихъ же наоборотъ, требуются особенно благопріятныя обстоятельства или чрезвычайно сильные раздражители для того, чтобы какой бы то ни было объектъ привлекъ, наконецъ, на себя ихъ вниманіе. Долго ли продлится такое сосредоточеніе на одномъ и томъ же объектѣ, для насъ пока безразлично, такъ какъ условія, отъ которыхъ зависитъ устойчивость вниманія, будутъ разобраны нами ниже. Здѣсь же мы имѣемъ въ виду только первую часть процесса, именно—моментъ привлеченія вниманія, болѣе или менѣе легкую его возбудимость.

Проявленія возбудимости вниманія могутъ быть довольно

разнообразны, но сущность ихъ всегда сводится къ тому, что человѣкъ обнаруживаетъ признаки усиленнаго вниманія при дѣйствіи всякаго, даже самаго незначительнаго раздражителя. Все происходящее вокругъ него онъ разсматриваетъ съ видимымъ интересомъ, ко всякому разговору прислушивается, всякую перемѣну тотчасъ же замѣчаетъ. Однимъ изъ наиболѣе частыхъ и очевидныхъ признаковъ того, что вниманіе человѣка привлечено какимъ-либо внѣшнимъ объектомъ, является обращеніе глазъ въ сторону даннаго объекта. Движеніе это, соединенное часто съ подобнымъ же движеніемъ головы, является почти непроизвольнымъ и чрезвычайно характерно для людей съ живымъ и легко возбудимымъ вниманіемъ. Если у человѣка не утомленнаго и хорошо выспавшагося „вѣки остаются вяло опущенными въ то время, какъ на него дѣйствуютъ интенсивные физическіе или душевные раздражители, то глаза его пріобрѣтаютъ выраженіе индифферентности; по этому выраженію можно судить о безучастіи и равнодушіи даннаго человѣка, о томъ, что воспринятыя имъ впечатлѣнія не въ состояніи были пробудить и привлечь его вниманіе“ (Пидеритъ) (37). Идіоты, отличающіеся иногда полнымъ отсутствіемъ вниманія, не въ состояніи бываютъ фиксировать глазами какой бы то ни было предметъ, а безцѣльно и безпорядочно водятъ ими вокругъ себя.

Вялость вниманія и трудную его возбудимость не слѣдуетъ, однако, смѣшивать съ разсѣянностью человѣка, углубленнаго въ свои мысли. Тотъ фактъ, что Архимедъ, погруженный въ свои чертежи, не замѣтилъ, какъ непріятель занялъ Сиракузы, не говоритъ намъ еще ничего о слабой возбудимости его вниманія. Степень развитія этой послѣдней мы можемъ оцѣнивать только въ тѣхъ случаяхъ, когда сознаніе человѣка болѣе или менѣе свободно, когда вниманіе его не приковано всецѣло къ извѣстной, ограниченной группѣ идей, дѣлающихъ его на время недоступнымъ для всякаго рода внѣшнихъ раздраженій.

Всѣхъ возбудителей вниманія можно раздѣлить по ихъ происхожденію на внѣшніе и внутренніе; первые составляются изъ ощущеній (resp., воспріятій), вторые—изъ воспроизведенныхъ представленій. По способу же дѣйствія слѣдуетъ различать непосредственныхъ возбудителей, которые сами по себѣ обладаютъ свойствомъ привлекать наше вниманіе, и посредственныхъ, которые сами для насъ безразличны, но за то тѣсно связаны при помощи ассоціаціи съ другими представленіями, близко насъ интересующими. Хорошій примѣръ дѣйствія посредственнаго возбудителя приводитъ Генле въ своихъ Antropologische Vorträge

(1): мать, спящая у колыбели своего ребенка, въ состояніи иногда проспать пожарную тревогу, и въ то же время пробуждается отъ малѣйшаго шороха ребенка въ колыбели. Очевидно, что звукъ шороха пробуждаетъ ее не самъ по себѣ, а лишь благодаря тѣмъ полубезсознательнымъ мыслямъ, которыя онъ въ ней вызываетъ.

Непосредственными внѣшними возбудителями вниманія, какъ это показали недавніе опыты К. И. Поварнина (38), являются слѣдующіе: a) извѣстныя свойства полученныхъ воспріятій, напр., интенсивность, качество, протяженность (черезчуръ большая или слишкомъ маленькая величина объекта по сравненію съ другими объектами, находящимися въ томъ же полѣ зрѣнія); b) способъ появленія ощущеній, напр., быстрота, внезапность; c) отношенія даннаго ощущенія къ предыдущему, напр., контрастъ (по содержанію, формѣ и цвѣту). Извѣстно, что вниманіе ребенка скорѣе всего возбуждается блестящей игрушкой, звонкомъ, погремушками.—Другой родъ внѣшнихъ возбудителей, приводимый Джемсомъ, стоитъ, по нашему мнѣнію, на границѣ между непосредственными и посредственными. Это именно тѣ объекты, которые воздѣйствуютъ на какое-нибудь природное наше стремленіе: странные предметы, движущіяся вещи, дикія животныя, блестящія, красивыя металлическія вещи, слова, удары, кровь и проч. Наконецъ, чрезвычайно важную роль въ дѣлѣ привлеченія вниманія играетъ качество и интенсивность того чувства, которое связано съ дѣйствующимъ на насъ впечатлѣніемъ.

Измѣняемость наклонности. Вниманіе развивается у дѣтей довольно поздно. Только на 7-й недѣлѣ Прейеръ (39) впервые замѣтилъ у своего ребенка признаки вниманія, именно, фиксацію глазъ при интенсивныхъ зрительныхъ и слуховыхъ раздраженіяхъ. По мѣрѣ роста человѣка измѣняется не только степень возбудимости его вниманія, но также и тѣ условія, при которыхъ оно проявляется. У дѣтей, какъ и у идіотовъ, преобладаютъ внѣшніе возбудители, а изъ внутреннихъ тѣ, которые находятся въ непосредственной связи съ ощущеніями: неудовлетвореніе различныхъ чисто физіологическихъ потребностей, чувство боли и т. д. Вниманіе взрослыхъ привлекается, наоборотъ, чаще всего внутренними возбудителями; внѣшнія событія интересуютъ взрослыхъ людей обыкновенно лишь въ томъ случаѣ, когда они бываютъ связаны съ чувствами и представленіями, имѣющими для даннаго человѣка важное значеніе. Недаромъ поэтому способность сосредоточиваться на собственныхъ мысляхъ и внутреннихъ пере-

живаніяхъ считается вообще признакомъ значительнаго духовнаго роста.

Анатомо-физіологическій коррелатъ возбудимости вниманія Генле видитъ въ безсознательномъ тонусѣ чувствительныхъ нервовъ и всего вообще воспринимающаго нервнаго аппарата. Подобно мышцамъ, чувствительные нервы нашего тѣла никогда не бываютъ совершенно бездѣятельны, а всегда находятся въ состояніи нѣкотораго напряженія, такъ называемаго тонуса. Тонусъ этотъ поддерживается безчисленными мелкими, неуловимыми раздраженіями, исходящими какъ изъ окружающей среды, такъ и изъ нашего собственнаго организма; чѣмъ онъ значительнѣе, тѣмъ меньшая прибавка требуется къ нему для того, чтобы возбужденіе воспринимающаго аппарата достигло извѣстной границы и выдвинуло въ нашемъ сознаніи тѣ или иныя представленія.

Связи и отношенія. Для того, чтобы какое-нибудь представленіе заняло на время фиксаціонную точку сознанія, нужно, чтобы данное живое существо (напр., ребенокъ) уже было способно жить сознательной жизнью. Необходима наличность хотя бы нѣкоторыхъ ощущеній, какъ воспринятыхъ, такъ и воспроизведенныхъ, а также способность комбинировать эти ощущенія, образуя изъ нихъ болѣе или менѣе отчетливыя воспріятія. Необходимы также координированныя движенія, придающія органамъ чувствъ положеніе, наиболѣе удобное для воспріятія. Такимъ образомъ, возбудимость вниманія является высшей по отношенію къ цѣлому ряду другихъ наклонностей, предполагая ихъ уже заранѣе существующими. Далѣе, значительное развитіе чувствованій и ихъ повышенная возбудимость, въ высшей степени облегчаютъ привлеченіе вниманія. Самое содержаніе чувства не имѣетъ въ этомъ случаѣ особеннаго значенія. Болѣе другихъ способствуютъ привлеченію вниманія: любопытство, удивленіе, страхъ, боль и т. п.; однако, и всякое другое чувство, если только оно въ человѣкѣ сильно развито, неизбѣжно поведетъ къ тому, что вниманіе будетъ усиленно привлекаться объектами, такъ или иначе связанными съ этимъ чувствомъ. У идіотовъ, слабое развитіе чувствованій является какъ разъ одной изъ главныхъ причинъ ихъ полной неспособности фиксировать свое вниманіе на какомъ бы то ни было опредѣленномъ объектѣ.

Гораздо менѣе тѣсная зависимость существуетъ между возбудимостью вниманія и силой сосредоточенія его (см. ниже). На первый взглядъ казалось-бы, что чѣмъ сильнѣе вни-

маніе, тѣмъ легче оно возбуждается, и наоборотъ. Однако, опытъ далеко не подтверждаетъ такого предположенія. Особенно поучительны въ этомъ отношеніи наблюденія надъ больными, страдающими маніакальнымъ возбужденіемъ. Интересъ ихъ ко всему окружающему чрезвычайно повышенъ. Каждое новое лицо, новый предметъ, всякая самая незначительная перемѣна въ окружающей ихъ обстановкѣ, тотчасъ-же привлекаютъ ихъ вниманіе. Это дало поводъ прежнимъ авторамъ говорить о „hyperprosexi'и“ маніакальныхъ больныхъ, т. е., объ усиленіи у нихъ вниманія. На самомъ-же дѣлѣ, какъ это справедливо замѣчаетъ Крепелинъ (28), вниманіе у нихъ является скорѣе пониженнымъ, такъ какъ всѣ впечатлѣнія воспринимаются такими больными съ гораздо меньшей ясностью, отчетливостью и подробностью, чѣмъ здоровыми людьми. Повышенная привлекаемость вниманія въ данномъ случаѣ прямотаки вредитъ его концентраціи, такъ какъ обиліе воспріятій и быстрая ихъ смѣна не даютъ сосредоточиться, какъ слѣдуетъ, ни на одномъ изъ нихъ. Подобное-же явленіе—только, конечно, въ гораздо менѣе рѣзкой степени—приходится очень часто встрѣчать также и у людей совершенно здоровыхъ. Что касается активности вниманія, то значительное развитіе этого качества можетъ какъ благопріятствовать вхожденію какого-нибудь представленія въ фиксаціонную точку сознанія, такъ и, наоборотъ, мѣшать ему,—смотря по тому, насколько это соотвѣтствуетъ конечнымъ цѣлямъ даннаго человѣка. Такимъ образомъ, здѣсь существуетъ посредственная зависимость, обусловленная въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не только прямымъ отношеніемъ, существующимъ между обѣими наклонностями, но также тѣмъ или инымъ стеченіемъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ на человѣка въ данную минуту.

Наряду съ только что разобраннымъ нами качествомъ, можно различать также бо́льшую или меньшую быстроту сосредоточенія вниманія. Опыты съ измѣреніемъ скорости умственныхъ процессовъ (такъ называемые опыты съ реакціями) показали слѣдующее. Продолжительность реакціи, представляющая обыкновенно довольно значительныя колебанія даже въ теченіе одного и того-же сеанса, дѣлается гораздо равномѣрнѣе въ томъ случаѣ, если раздраженію всякій разъ предшествуетъ извѣстный, условленный заранѣе сигналъ; это происходитъ отъ того, что испытуемый, услышавши сигналъ, успѣваетъ сосредоточить все свое вниманіе на слѣдующемъ за

нимъ раздраженіи, и, благодаря этому, никогда не бываетъ захваченъ, такъ сказать, врасплохъ. И вотъ, опытъ показываетъ, что у каждаго лица можно установить опредѣленный, наиболѣе выгодный и удобный для него промежутокъ времени, между сигналомъ и раздраженіемъ. Другими словами, быстрота сосредоточенія вниманія у разныхъ лицъ бываетъ различна, и описанный методъ позволяетъ до нѣкоторой степени изслѣдовать ея индивидуальныя колебанія (40).

Спрашивается теперь: можно-ли считать качество это основнымъ, имѣющимъ важное, первостепенное значеніе для индивидуальной психологіи? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Правда, быстрота сосредоточенія вниманія находится, вѣроятно, въ тѣсной связи со многими изъ основныхъ наклонностей, напр., съ возбудимостью вниманія, скоростью умственныхъ процессовъ, быстротой выбора, возбудимостью чувствованій и т. д. Однако, она не удовлетворяетъ другимъ требованіямъ, предъявляемымъ нами ко всякой основной наклонности. Индивидуальныя колебанія ея, какъ кажется, не особенно велики. Кромѣ того, качество это не играетъ въ нашей душевной жизни такой важной роли, какъ другія основныя наклонности. Оно не обладаетъ значительнымъ количествомъ проявленій, съ большимъ трудомъ констатируется даже при внимательномъ наблюденіи. Составляя слишкомъ ничтожную по своему значенію часть акта вниманія, качество это обыкновенно стушевывается за другими, болѣе важными. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отказаться отъ мысли занести его въ число основныхъ наклонностей человѣческаго характера.

Сила сосредоточенія вниманія.

Опредѣленіе наклонности. Одна изъ наиболѣе характерныхъ сторонъ акта вниманія состоитъ въ томъ, что одно какое-нибудь представленіе или группа представленій занимаетъ господствующее мѣсто въ сознаніи, подавляя или даже совершенно вытѣсняя изъ него на время всѣ остальныя душевныя переживанія. Это именно неравенство элементовъ, находящихся въ сознаніи человѣка въ каждый данный моментъ, это господство однихъ изъ нихъ надъ другими и составляетъ какъ разъ то, что называютъ сосредоточеніемъ вниманія. Сила этого сосредоточенія бываетъ весьма различна какъ у разныхъ людей, такъ и одного и того-же человѣка въ различное время. Иногда, въ такъ называемыя, минуты разсѣянности, ни одно изъ представленій не выдѣ-

ляется сколько-нибудь замѣтно передъ другими: всѣ они одинаково тусклы и неясны. „Огромное большинство людей—говоритъ Джемсъ—по всей вѣроятности, нѣсколько разъ въ день впадаютъ въ психическое состояніе, примѣрно, слѣдующаго рода: глаза безцѣльно устремлены въ пространство, окружающіе звуки и шумы смѣшиваются въ одно цѣлое, вниманіе до того разсѣянно, что все тѣло воспринимается сразу, какъ-бы одно цѣлое, и „передній планъ сознанія" занятъ какимъ-то торжественнымъ чувствомъ необходимости заполнить чѣмъ-нибудь пустоту времени... Такова крайняя степень того, что мы называемъ разсѣяніемъ вниманія. Существуютъ промежуточныя степени между этимъ состояніемъ и противоположнымъ ему явленіемъ сосредоточеннаго вниманія, при которомъ поглощеніе человѣка интересомъ минуты такъ велико, что нанесеніе физическаго страданія является для испытуемаго индивида нечувствительнымъ (24). Въ моментъ сильнаго сосредоточенія вниманія никакое, даже самое сильное, раздраженіе не можетъ отвлечь человѣка отъ созерцанія объекта, приковавшаго къ себѣ его вниманіе. Наоборотъ, при слабой концентраціи достаточно бываетъ малѣйшаго неблагопріятнаго условія для того, чтобы представленіе, на которомъ сосредоточивалось наше вниманіе, перестало выдѣляться, и сдѣлалось такимъ-же тусклымъ и неяснымъ, какъ и всѣ остальныя.

Проявленія. Значительное сосредоточеніе вниманія на какомъ-бы то ни было объектѣ отражается прежде всего на двигательной сферѣ. Человѣкъ дѣлается неподвижнымъ, „застываетъ на мѣстѣ". Всѣ побочныя движенія, не относящіяся непосредственно къ акту вниманія, совершенно прекращаются или, по крайней мѣрѣ, сводятся до minimum'а. Гальтонъ однажды, во время скучной лекціи, наблюдалъ за слушателями, сосчитывая у нихъ общее количество движеній, какія только ему удавалось подмѣтить. Въ моменты, когда лекція становилась интереснѣе и слушатели дѣлались внимательнѣе, общее количество движеній уменьшалось приблизительно на половину, и самыя движенія дѣлались быстрыми и менѣе значительными.

Наряду съ уменьшеніемъ общаго количества мышечныхъ сокращеній замѣчается также усиленное напряженіе тѣхъ мышечныхъ группъ, которыя въ данный моментъ способствуютъ акту вниманія. Здѣсь нужно, впрочемъ, различать два рода вниманія: внѣшнее и внутреннее; въ первомъ случаѣ объектомъ вниманія является какое-нибудь внѣшнее воспріятіе (или цѣлый рядъ ихъ), во второмъ — свои собственныя мысли, воспоминанія, образы,

созданные фантазіей и т. д. Физіологическія проявленія этихъ родовъ вниманія нѣсколько отличаются другъ отъ друга. При сосредоточеніи вниманія на какомъ-нибудь внѣшнемъ объектѣ человѣкъ поворачиваетъ къ этому объекту голову или оборачивается къ нему всѣмъ тѣломъ и неподвижно фиксируетъ его своимъ взоромъ. Глаза широко раскрыты, даже въ томъ случаѣ, если воспринимать приходится не зрительныя, а какія-либо иныя впечатлѣнія (слуховыя, осязательныя и друг.). Брови нѣсколько приподняты, на лбу появляются поперечныя складки. У нѣкоторыхъ лицъ ноздри слегка раздуваются. Въ болѣе рѣзкихъ случаяхъ сосредоточенія вниманія, особенно пассивнаго, замѣчается также легкое раскрытіе рта: нижняя челюсть нѣсколько отвисаетъ, такъ что нижняя губа отходитъ назадъ по сравненію съ верхней. Это раскрытіе рта нѣкоторые (напр., Генле) объясняютъ тѣмъ, что когда наше вниманіе поглощено внѣшними впечатлѣніями, то всѣ мышцы тѣла, въ томъ числѣ и жевательная, разслабляются, и нижняя челюсть отвисаетъ, благодаря собственной тяжести. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ, повидимому, тотъ фактъ, что при активномъ вниманіи губы, наоборотъ, плотно сжаты. Другіе (Пидеритъ) объясняютъ раскрытіе рта тѣмъ, что при этомъ слабые звуки могутъ проникать въ полость уха не только черезъ барабанную перепонку, но также черезъ Евстахіеву трубу, и поэтому легче могутъ быть восприняты; согласно такому мнѣнію, раскрытіе рта въ моменты усиленнаго вниманія особенно часто наблюдается у людей съ ослабленнымъ слухомъ. Повидимому, слѣдуетъ предположить, что причины описаннаго явленія въ разныхъ случаяхъ бываютъ различны, такъ что каждое изъ двухъ вышеприведенныхъ объясненій имѣетъ свои основанія.

Мимика внутренняго вниманія нѣсколько отличается отъ внѣшняго. „Когда человѣкъ погруженъ въ свои мысли... или, какъ говорятъ, находится въ задумчивости, то онъ не хмурится, но глаза его представляютъ полную неопредѣленность выраженія. Нижнія вѣки обыкновенно приподняты и сморщены, такимъ самымъ образомъ, какъ въ случаѣ, когда близорукій человѣкъ старается различить отдаленный предметъ, а верхніе круговые мускулы въ то же время слегка сокращены“. „Глаза въ это время не фиксируются на какомъ-либо предметѣ, а стало быть и не всматриваются, какъ я воображалъ раньше, въ нѣкоторый отдаленный предметъ. Зрительныя линіи обоихъ глазъ часто даже становятся слегка расходящимися между собою“ (Ч. Дарвинъ) (41). Мышцы тѣла представляются болѣе или менѣе

разслабленными, голова свѣшена на грудь или опирается на руку, общая поза — неподвижная, спокойная или слегка напряженная.

Есть одно психическое состояніе, которое какъ по своимъ возбудителямъ, такъ и въ особенности по физіологическимъ проявленіямъ стоитъ чрезвычайно близко къ сильному сосредоточенію вниманія (внѣшняго). Это—состояніе удивленія или изумленія. Въ психологическомъ отношеніи оно значительно способствуетъ развитію вниманія, заставляя съ силою фиксировать его на томъ или иномъ внѣшнемъ объектѣ. Что же касается внѣшнихъ проявленій того и другого состоянія, то такіе изслѣдователи, какъ Дарвинъ и Пидеритъ, прямо отождествляютъ ихъ, разсматривая мимику вниманія, какъ болѣе слабую степень тѣхъ физіологическихъ проявленій, которыя наблюдаются въ состояніи изумленія. „Вниманіе, говоритъ Дарвинъ, если оно внезапно и пристально, переходитъ въ удивленіе, а это послѣднее—въ остолбенѣніе... Вниманіе обнаруживается слабымъ приподнятіемъ бровей, а когда это состояніе переходитъ въ удивленіе, то брови подымаются до гораздо большей степени, причемъ глаза и ротъ широко „раскрыты“ (41). Сюда присоединяются фиксація взоромъ объекта, вызвавшаго изумленіе, поперечныя складки на лбу, общая неподвижность, словомъ, — всѣ тѣ симптомы, которые мы уже разсмотрѣли выше, когда рѣчь шла о признакахъ вниманія. Намъ кажется, однако, что, несмотря на значительное сходство внѣшнихъ признаковъ, необходимо все же различать эти два состоянія, такъ какъ они далеко не всегда встрѣчаются вмѣстѣ. Правда, удивленіе, какъ и всякая другая эмоція, въ значительной степени способствуетъ развитію пассивнаго вниманія, но за то вниманіе, со всѣми его внѣшними проявленіями, можетъ возникнуть и поддерживаться при полномъ отсутствіи удивленія, если только имѣются на лицо какія-нибудь другія эмоціи или же соотвѣтствующіе внѣшніе возбудители (см. выше).

Кромѣ мимическихъ признаковъ, о способности человѣка къ большему или меньшему сосредоточенію вниманія можно судить по нѣкоторымъ другимъ, болѣе сложнымъ проявленіямъ. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что человѣка, сильно углубившагося въ какую-нибудь работу или созерцаніе какого-нибудь объекта (внѣшняго или внутренняго), трудно бываетъ оторвать, отвлечь отъ предмета его созерцанія: приходится нѣсколько разъ окликнуть его по имени, тронуть за плечо и т. д. Штернъ предлагаетъ въ подобныхъ случаяхъ пользоваться однимъ экспериментальнымъ пріемомъ, пригодность котораго, впрочемъ, до сихъ

поръ еще не была никѣмъ провѣрена. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, что испытуемому даютъ какую-нибудь трудную работу и просятъ выполнить ее съ возможно большимъ напряженіемъ вниманія. Когда же онъ углубится въ работу, начинаютъ примѣнять—безъ его вѣдома—какое-нибудь чувственное раздраженіе (шумъ, свѣтъ, тактильное или температурное ощущеніе), сначала очень слабое, затѣмъ постепенно все усиливающееся. Чѣмъ больше сосредоточенность испытуемаго, тѣмъ позже замѣтитъ онъ это раздраженіе (14). Не вдаваясь въ подробную оцѣнку этого метода, скажемъ только, что провѣрка его представляется очень желательной. Что касается другихъ методовъ, примѣняющихся для изслѣдованія „отвлекаемости", то о нихъ мы скажемъ ниже, когда рѣчь будетъ идти о неустойчивости вниманія.

Другой косвенный признакъ, которымъ часто пользуются при оцѣнкѣ разбираемаго нами качества, состоитъ въ томъ, что смотрятъ, насколько отчетливо было воспринято то или иное впечатлѣніе. Чѣмъ внимательнѣе былъ человѣкъ, тѣмъ точнѣе и подробнѣе замѣтилъ онъ все то, на чемъ было сосредоточено его вниманіе; наоборотъ, разсѣянный человѣкъ воспринимаетъ окружающую его дѣйствительность очень неточно и съ большими пробѣлами. Разумѣется, тутъ всегда необходимо считаться съ различными дефектами воспріятія, зависящими не столько отъ слабой сосредоточенности вниманія, сколько отъ несовершенства органовъ чувствъ (близорукость, глухота или отъ разныхъ неблагопріятныхъ условій, при которыхъ происходитъ актъ воспріятія (нахожденіе объекта на периферіи поля зрѣнія, слишкомъ большая его отдаленность и т. д.)

Степень развитія разбираемаго качества можетъ колебаться въ самыхъ широкихъ предѣлахъ, причемъ крайнія степени этихъ колебаній какъ въ максимальномъ, такъ и въ минимальномъ направленіи переступаютъ уже границы нормы. Полное почти отсутствіе способности сосредоточивать вниманіе наблюдается у нѣкоторыхъ идіотовъ, имбецилликовъ и слабоумныхъ, рѣзко сказываясь какъ на ихъ мимикѣ, такъ и на всемъ ихъ поведеніи. Наиболѣе же яркимъ примѣромъ максимальнаго сосредоточенія вниманія Рибо считаетъ навязчивыя идеи и состоянія экстаза. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ какой-нибудь образъ или отвлеченная идея до такой степени овладѣваютъ сознаніемъ, что вытѣсняютъ изъ него на нѣкоторое время все остальное, и человѣкъ дѣлается совершенно неспособнымъ двигаться или ощущать какія-нибудь внѣшнія раздраженія. Въ такомъ состояніи находились христіанскіе мученики, не чувствовавшіе боли во время пытокъ. Нѣчто

подобное, только въ болѣе слабой степени, представляютъ изъ себя попытки лицъ, подвергающихся операціи или тѣлесному наказанію, сосредоточить свое вниманіе на чемъ-нибудь постороннемъ, чтобы хоть отчасти заглушить мучительную боль.

Что касается возбудителей, то въ этомъ отношеніи едва ли можно провести рѣзкую границу между данной наклонностью и той, которая была разобрана въ предыдущемъ параграфѣ (бо́льшая или меньшая легкость привлеченія вниманія). То же дѣленіе возбудителей на внѣшніе и внутренніе, на непосредственные и посредственные; тѣ же особенности внѣшнихъ возбудителей (цвѣтъ, величина, быстрота проявленія), усиливающія ихъ дѣйствіе; то же вліяніе эмоцій, значительно способствующихъ сосредоточенію нашего вниманія на данномъ впечатлѣніи. Если же необходимо указать особеннаго, специфическаго возбудителя, вызывающаго усиленную концентрацію вниманія, то такимъ является, быть можетъ, значительное несоотвѣтствіе въ степени отдѣльныхъ раздраженій, дѣйствующихъ одновременно на наше сознаніе: въ то время, какъ большинство изъ нихъ слишкомъ слабы и мало дѣйствительны, одно или нѣсколько сильныхъ раздраженій рѣзко выдѣляются на этомъ блѣдномъ фонѣ и приковываютъ къ себѣ наше вниманіе (сильный шумъ или крикъ среди полной тишины, яркій блескъ въ темнотѣ, появленіе новаго человѣка въ скучной, однообразной, давно надоѣвшей средѣ и т. д.). Если же всѣ впечатлѣнія, дѣйствующія на человѣка въ извѣстный моментъ, одинаково способны привлечь къ себѣ его вниманіе, то хотя общее напряженіе вниманія можетъ быть очень велико, но о сосредоточенности его на одномъ или нѣсколькихъ впечатлѣніяхъ не можетъ быть и рѣчи. — Точныхъ свѣдѣній относительно анатомо-физіологическаго коррелата сосредоточенности вниманія мы въ настоящее время еще совершенно не имѣемъ, такъ что здѣсь приходится ограничиться только самыми общими данными. Такъ, извѣстно, что всякіе моменты, истощающіе нервную систему (хроническія болѣзни, анемія, недостаточное питаніе, сильная усталость и проч.), значительно понижаютъ умственную работоспособность, дѣлая почти невозможной усиленную концентрацію вниманія на какомъ бы то ни было объектѣ. Подобнымъ же образомъ вліяютъ алкоголь, гашишъ и другіе яды, парализующіе высшіе корковые центры; дѣятельность низшихъ центровъ можетъ при этомъ сохраниться въ полной своей силѣ, благодаря чему возникаетъ обильное количество яркихъ образовъ, быстро смѣняющихъ другъ друга,—но концентрація вниманія дѣлается совершенно

невозможной. Нѣчто подобное наблюдается также въ бреду и въ состояніи маніакальнаго возбужденія.

Связи и отношенія. Возможно ли значительное сосредоточеніе вниманія на низкомъ уровнѣ душевнаго развитія? Разсуждая теоретически, трудно допустить подобную возможность. Не говоря уже объ активномъ вниманіи, доступномъ только существамъ, сравнительно высоко стоящимъ въ отношеніи психическаго развитія,—пассивное вниманіе также требуетъ для своего сосредоточенія многихъ условій: необходимы ясныя, болѣе или менѣе отчетливыя воспріятія, сильно развитое чувство, выдвигающее одни воспріятія передъ другими, наконецъ, извѣстное постоянство, устойчивость этихъ чувствованій для того, чтобы поддерживать сосредоточеніе вниманія въ теченіе извѣстнаго времени. Въ виду этого намъ кажется не совсѣмъ правильнымъ мнѣніе Штерринга (42), который утверждаетъ, будто вниманіе можетъ встрѣчаться даже на низшихъ ступеняхъ психическаго развитія,—у идіотовъ, слабоумныхъ, отсталыхъ и т. д. По его мнѣнію, для того, чтобы сосредоточеніе вниманія было возможно, требуется не столько абсолютная сила того или иного впечатлѣнія, сколько разница въ силѣ между отдѣльными впечатлѣніями,—а такая разница есть и у слабоумныхъ. Но вѣдь если эта разница не велика (а у слабоумныхъ она едва ли можетъ быть особенно велика), то и концентрація вниманія не можетъ достигнуть сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ. Всякая апатичная, непродолжительная остановка идіота или слабоумнаго на какомъ-нибудь впечатлѣніи, плохо имъ воспринимаемомъ, не есть еще сосредоточеніе вниманія. Главныя особенности разбираемаго качества, именно — сила концентраціи, рѣзкое различіе въ интенсивности между впечатлѣніемъ преобладающимъ и другими, оттѣсненными имъ на задній планъ, — всѣ эти условія едва ли можно встрѣтить на низшихъ ступеняхъ душевной жизни.—Кромѣ слабаго развитія умственной и эмоціональной сферы, сосредоточенію вниманія могутъ препятствовать также обильныя движенія и быстрая смѣна представленій. Какъ тѣ, такъ и другія „развлекаютъ“ вниманіе. Правда, нерѣдко человѣкъ, напряженно думающій о чемъ-нибудь, начинаетъ ходить по комнатѣ, потирать себѣ лобъ, вертѣть въ рукахъ какой-нибудь предметъ и т. п.; но всѣ эти движенія служатъ не для того, чтобы лучше сосредоточить вниманіе, а для того, чтобы усилить умственную дѣятельность, чтобы увеличить количество возникающихъ представленій и ихъ комбинацій. О связи разбираемаго нами качества съ нѣкоторыми другими

особенностями вниманія будетъ сказано ниже, при разборѣ этихъ послѣднихъ.

Произвольность вниманія (вниманіе активное и пассивное).

Опредѣленіе наклонности. Значительное большинство людей обладаютъ способностью по своему желанію сосредоточивать вниманіе на томъ или иномъ объектѣ. Если человѣкъ утомленъ или если окружающія условія не благопріятствуютъ такому сосредоточенію, то для достиженія его приходится употребить извѣстное усиліе, хорошо знакомое каждому изъ его собственнаго опыта. Это именно усиліе и является самымъ характернымъ элементомъ активнаго вниманія. Въ субъективномъ отношеніи оно близко напоминаетъ собою различныя положительныя проявленія волевого усилія (см. ниже), а также то напряженіе, которое испытывается нами въ актахъ физической и психической задержки. Многіе авторы даже прямо отождествляютъ вниманіе съ волей, разсматривая активное вниманіе, какъ одно изъ проявленій сложнаго волевого акта. Какъ бы то ни было, между названными особенностями душевной жизни существуетъ, несомнѣнно, тѣсная зависимость, сводящаяся, по всей вѣроятности, къ тому, что мы выше назвали взаимнымъ родствомъ душевныхъ качествъ.

Активное вниманіе всегда бываетъ апперцептивнымъ, т.-е., вполнѣ сознательнымъ. Человѣкъ всегда сознаетъ болѣе или менѣе отчетливо то усиліе, которое ему пришлось употребить, чтобы, въ силу какихъ-нибудь отдаленныхъ побужденій, сосредоточить вниманіе на скучномъ и неинтересномъ объектѣ. Однако, сознательность вовсе не составляетъ отличительнаго признака активнаго вниманія, такъ какъ она бываетъ свойственна въ неменьшей мѣрѣ также и вниманію пассивному. Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ противоположеніи, которое часто дѣлаютъ между активнымъ и пассивнымъ вниманіемъ. Намъ кажется, что нельзя считать ихъ прямо противоположными другъ другу. Въ первой части этой книги уже говорилось о томъ, что полное отсутствіе какого-нибудь качества необходимо предполагаетъ наличность качества противоположнаго. Между тѣмъ, если человѣкъ совершенно неспособенъ заставить себя сосредоточиться на чемъ бы то ни было, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что у него сильно развито пассивное вниманіе: это послѣднее представляется, въ сущности, сложнымъ качествомъ, основу котораго составляетъ возможность сосредоточивать вниманіе подъ вліяніемъ какого-нибудь сильно дѣйствующаго чувства. Разбираемому нами каче-

ству правильнѣе было бы противополагать не пассивное вниманіе, а болѣе или менѣе полную пассивность вниманія, т. е., неспособность къ активному его сосредоточенію.

Еще одинъ элементъ, присутствующій нерѣдко въ болѣе или менѣе сильной степени въ процессѣ активнаго вниманія: это — наличность извѣстныхъ руководящихъ представленій, а также представленій, соотвѣтствующихъ тому объекту, на которомъ должно быть сосредоточено вниманіе и, слѣдовательно, какъ бы предвосхищающихъ этотъ объектъ въ нашемъ сознаніи (преперцепція). Особенно рѣзко выступаетъ этотъ элементъ въ такъ наз. выжидательномъ вниманіи, когда мы всецѣло сосредоточиваемся на томъ впечатлѣніи, которое будетъ нами воспринято въ ближайшій моментъ. Однако, и процессъ ожиданія, со всѣми его особенностями, также не представляется сколько-нибудь характернымъ для активнаго вниманія. Ожиданіе можетъ быть какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ, можетъ сопровождаться какъ чувствомъ напряженія, такъ и чувствомъ безпокойства, подавленности и т. д. Когда человѣкъ неожиданно встрѣтилъ въ лѣсу медвѣдя и съ ужасомъ ожидаетъ, какъ тотъ на него бросится, то „преперцепція“ очень рѣзко выражена, но объ активномъ вниманіи здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, единственнымъ существеннымъ элементомъ, характеризующимъ разбираемое нами качество, является болѣе или менѣе значительное усиліе, сопровождающее (или вызывающее) сосредоточеніе нашего вниманія на томъ или иномъ объектѣ.

Что касается проявленій даннаго качества и его возбудителей, то эти двѣ стороны вопроса такъ тѣсно между собою связаны, что удобнѣе будетъ разсматривать ихъ вмѣстѣ. Необходимость прибѣгнуть къ произвольному усилію появляется, говоря вообще, въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ въ силу какихъ-либо отдаленныхъ побужденій желаетъ сосредоточиться на одномъ или нѣсколькихъ малозамѣтныхъ и неинтересныхъ впечатлѣніяхъ, отвлекаясь на время отъ того, что его гораздо болѣе интересуетъ. Именно этимъ путемъ вырабатывается активное вниманіе у людей: для того, чтобы понять значеніе заинтересовавшихъ его картинокъ, ребенокъ заставляетъ себя сосредоточиться надъ труднымъ и скучнымъ процессомъ чтенія; для того, чтобы порадовать мать, онъ играетъ на фортепьяно, учитъ нѣмецкій языкъ и т. д. „Въ области нашихъ внѣшнихъ чувствъ,—говоритъ Джемсъ,—мы прибѣгаемъ къ произвольному вниманію, когда намъ нужно уловить какой-нибудь едва уловимый оттѣнокъ въ зрительномъ, слуховомъ, вкусовомъ, обонятельномъ или осязательномъ ощущеніи, а также

когда мы хотимъ выдѣлить какое-нибудь ощущеніе изъ массы подобныхъ другихъ, или когда мы стараемся сосредоточиваться на предметѣ, обыкновенно имѣющемъ для насъ мало привлекательности, и при этомъ противодѣйствуемъ влеченіямъ въ направленіи болѣе сильныхъ стимуловъ. Въ области умственной мы примѣняемъ произвольное вниманіе въ совершенно аналогичныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда мы стараемся выдѣлить и отчетливо представить себѣ идею, которая лишь смутно таится въ нашемъ сознаніи, или когда мы съ величайшими усиліями стараемся различить оттѣнки значенія въ синонимахъ, или когда мы упорно стараемся удержать въ границахъ сознанія мысль, которая настолько рѣзко дисгармонируетъ съ нашими стремленіями въ данную минуту, что, не будь особыхъ усилій съ нашей стороны, она быстро уступила бы мѣсто инымъ образамъ болѣе безразличнаго характера“ (24).

Однимъ изъ самыхъ частыхъ проявленій произвольнаго вниманія является систематическій трудъ, въ физической или умственной сферѣ. Рибо называетъ трудъ наиболѣе конкретной и осязательной формой волевого вниманія, разсматривая происхожденіе этого послѣдняго параллельно съ происхожденіемъ способности къ систематическому труду. У дикарей какъ волевое вниманіе, такъ и способность къ труду развиты въ минимальной степени. Вообще, наблюденія надъ тѣмъ, какъ человѣкъ работаетъ, могутъ доставить намъ много матеріала для сужденія о степени развитія у него способности къ произвольному вниманію: насколько энергично можетъ онъ сосредоточиться надъ скучной работой, въ состояніи ли онъ, если бы это оказалось необходимымъ, тотчасъ оставить интересное занятіе и сосредоточиться на чемъ-либо другомъ и т. д.

Чѣмъ болѣе развита у человѣка способность по произволу сосредоточивать вниманіе на трудной и неинтересной работѣ, тѣмъ равномѣрнѣе будетъ самая работа, тѣмъ меньше будетъ такъ наз. „среднее колебаніе“, т.-е., величина, получающаяся путемъ особаго вычисленія и указывающая на то, какъ велики колебанія работы за извѣстный промежутокъ времени. Нѣкоторые психологи придаютъ въ данномъ случаѣ среднему колебанію такое большое значеніе, что называютъ его „динамометромъ вниманія“ (Буккола). Само собою разумѣется, что чѣмъ труднѣе работа, тѣмъ больше колебанія вниманія у одного и того же субъекта. Такъ, Эрнъ нашелъ, что величина средней варіаціи равняется: при письмѣ подъ диктовку—2,6%, при чтеніи вслухъ—3,4%, при счетѣ буквъ по 1—4,2%, при сложеніи односложныхъ чиселъ—4,6%, при счетѣ

буквъ по 3—5,0%, при заучиваніи наизусть чиселъ—14,7%, при заучиваніи слоговъ—27,4% того времени, которое требуется для выполненія какой-нибудь единицы работы (43).

Мимика произвольнаго вниманія въ общемъ сходна съ мимикой вниманія непроизвольнаго и, подобно этой послѣдней, измѣняется въ зависимости отъ того, направлено ли вниманіе на внѣшніе объекты, или на собственныя внутреннія переживанія. Въ первомъ случаѣ появляются тѣ же признаки, о которыхъ мы уже говорили выше: полная или почти полная неподвижность, широкораскрытые глаза, горизонтальныя складки на лбу, благодаря сокращенію лобной мышцы, легкое раскрытіе рта и т. д. Во второмъ случаѣ (при напряженномъ размышленіи, при всякой серьезной умственной работѣ) вѣки могутъ быть прищурены, глаза устремлены вдаль; но къ этому присоединяются при произвольномъ вниманіи также мимическіе признаки волевого усилія: брови сдвинуты и выпрямлены, между ними появляется вертикальная складка, губы плотно сжаты. Дыханіе замедляется, дѣлается болѣе поверхностнымъ, а иногда на короткое время и совершенно пріостанавливается („затаить дыханіе"); глубокій вздохъ или зѣвота, наступающіе обычно послѣ усиленнаго сосредоточенія вниманія, являются естественнымъ слѣдствіемъ временной дыхательной задержки. У дѣтей, по словамъ Прейера (39), значительное напряженіе вниманія сказывается, между прочимъ, также своеобразнымъ выпячиваніемъ губъ впередъ. Въ раннемъ дѣтствѣ движеніе это является весьма характернымъ; иногда его удается подмѣтить также и у взрослыхъ (напр., при игрѣ на фортепіано), причемъ нерѣдко оно сопровождается также высовываньемъ впередъ кончика языка.

Измѣняемость качества. Какъ у отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и у цѣлыхъ народовъ, волевое вниманіе вырабатывается лишь постепенно, являясь продуктомъ воспитанія, культуры и болѣе или менѣе значительнаго умственнаго развитія. У дикихъ народовъ способность къ активному вниманію ничтожна. У ребенка Прейеръ на 7 недѣлѣ замѣчалъ своеобразное настроеніе при слышаніи или видѣніи сильныхъ внѣшнихъ раздражителей; самостоятельное же обращеніе къ предмету и внимательную остановку на немъ въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній удалось подмѣтить только на 16 и 17 нед., когда ребенокъ разсматривалъ свое изображеніе въ зеркалѣ. Способность къ длительному сосредоточенію вниманія вырабатывается значительно позже, иногда только въ годы юности и даже въ зрѣломъ возрастѣ.

Анатомо-физіологическій коррелатъ активности

вниманія и въ настоящее время не можетъ считаться еще сколько-нибудь установленнымъ. „Мышечная теорія“ вниманія, предложенная Рибо, вызываетъ цѣлый рядъ возраженій и едва ли можетъ считаться соотвѣтствующей дѣйствительности. Нерѣдко приходится наблюдать, какъ люди, обладающіе хорошо развитыми мышцами, прекрасно владѣющіе ими и испытывающіе, слѣдовательно, обильное количество интенсивныхъ мышечныхъ ощущеній, оказываются, однако, совершенно неспособными къ активному вниманію. Не менѣе часты и обратные примѣры, особенно при сосредоточеніи вниманія на внутреннихъ переживаніяхъ. Повидимому, центръ тяжести лежитъ здѣсь не въ одной только задержкѣ мышечныхъ движеній, но также и въ какихъ-то другихъ, еще неизвѣстныхъ намъ процессахъ, происходящихъ въ мозговой корѣ и имѣющихъ тѣсную связь съ физіологическимъ механизмомъ волевого усилія вообще. Несомнѣнно только одно: напряженіе активнаго вниманія есть работа столько же физіологическая, сколько и психологическая, работа, требующая значительной затраты силъ и вызывающая усиленное распаденіе мозговой ткани. Человѣкъ усталый, изнуренный, выздоравливающій отъ тяжелой болѣзни, измученный безсонницей, почти неспособенъ къ сколько-нибудь значительному напряженію произвольнаго вниманія. Продолжительный отдыхъ и хорошее питаніе могутъ въ подобныхъ случаяхъ значительно способствовать возстановленію разбираемой нами наклонности въ ея прежней силѣ.

Связи и отношенія. Для того, чтобы у человѣка могло образоваться произвольное вниманіе, онъ уже долженъ обладать болѣе или менѣе развитымъ вниманіемъ непроизвольнымъ. Только въ томъ случаѣ, если какая-нибудь отдаленная цѣль, значительно интересующая насъ, привлекаетъ къ себѣ все наше вниманіе, мы можемъ ради этой цѣли, имѣя ее постоянно въ виду, заставить себя насильно сосредоточиться надъ труднымъ и скучнымъ занятіемъ. Такимъ образомъ развитіе произвольнаго вниманія предполагаетъ наличность цѣлаго ряда душевныхъ качествъ: существованіе руководящихъ, направляющихъ идей и стремленій, болѣе или менѣе сильныя чувства, соединенныя съ этими идеями и выдвигающія ихъ въ нашемъ сознаніи, значительное развитіе сознательной жизни и т. д. По отношенію ко всѣмъ этимъ качествамъ разбираемая нами наклонность является высшей. Далѣе, способность къ произвольному сосредоточенію вниманія представляется, несомнѣнно, очень близкой (родственной) по отношенію къ волевому усилію вообще, а также къ различнымъ видамъ задержки, какъ

физической, такъ и психической. Можно не считать явленія физіологической задержки единственной и исключительной основой произвольнаго вниманія, но, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать тѣсной связи, существующей между этими двумя процессами. Обиліе ненужныхъ движеній точно такъ же, какъ и обиліе ненужныхъ мыслей и впечатлѣній, чрезвычайно затрудняютъ произвольное сосредоточеніе вниманія. Не даромъ дѣти и люди сангвиническаго темперамента совершенно къ нему неспособны.—Способность координировать движенія необходима для того, чтобы наилучшимъ образомъ приспособить органы чувствъ въ нужномъ направленіи. Наконецъ, обдуманность поступковъ, систематичность сложныхъ дѣйствій и нѣкоторыя другія качества также находятся, повидимому, въ тѣсной связи съ произвольностью вниманія, но только подробнымъ выясненіемъ этой связи до сихъ поръ еще сравнительно мало занимались.

Устойчивость или неустойчивость вниманія.

Опредѣленіе качества. Фиксаціонная точка нашего сознанія не можетъ быть въ теченіе долгаго времени занята одними и тѣми же объектами. Въ ней происходитъ постоянная смѣна впечатлѣній или, другими словами, вниманіе наше постоянно колеблется, сосредоточиваясь то на одномъ, то на другомъ изъ безчисленнаго множества впечатлѣній, воспринимаемыхъ нами въ каждый данный моментъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ углубляется въ продолжительное разсмотрѣніе одного какого-нибудь небольшого объекта (портретъ, монета и т. д.), онъ, въ сущности, разглядываетъ поперемѣнно различныя части и стороны этого объекта и, такимъ образомъ, непрерывно подновляетъ, такъ сказать, свой интересъ и оживляетъ свое вниманіе. Необычайная способность нѣкоторыхъ великихъ умовъ (Ньютонъ, Дарвинъ) сосредоточиваться въ теченіе очень долгаго времени на одной какой-нибудь идѣе объясняется, по мнѣнію нѣкоторыхъ, вовсе не тѣмъ, будто вниманіе у нихъ сильнѣе развито, чѣмъ у другихъ людей: причина лежитъ скорѣе въ томъ, что обладая обширнымъ кругозоромъ и наблюдательностью, геніальные люди въ каждомъ объектѣ, въ каждой идеѣ находятъ гораздо больше содержанія и пищи для своего ума, чѣмъ простые смертные. Опыты Урбанчича, Н. Ланге и др. показали, что если заставить себя въ теченіе долгаго времени прислушиваться къ едва уловимымъ непрерывнымъ или ритмически повторяющимся звукамъ

(тиканье часовъ среди ночной тишины, шумъ отдаленнаго водопада), то можно замѣтить, что звуки эти періодически то ослабѣваютъ, то выступаютъ съ новой силой. Объясняется это, по мнѣнію Ланге, не какими-либо периферическими процессами въ воспринимающемъ органѣ, а постоянно происходящими въ насъ колебаніями вниманія, періодическимъ ослабленіемъ и усиленіемъ тѣхъ направляющихъ представленій, которыя составляютъ необходимое условіе яснаго и отчетливаго воспріятія (6).

Итакъ, полной устойчивости вниманія, въ сущности говоря, не существуетъ. Даже въ случаяхъ наиболѣе сильной и продолжительной концентраціи существуютъ мелкія и частыя колебанія, которыя можно обнаружить путемъ точнаго наблюденія. Однако, не эти малозамѣтныя колебанія, присущія вниманію всѣхъ безъ исключенія людей, интересуютъ насъ въ данномъ случаѣ; для индивидуальной психологіи, какъ уже сказано, представляютъ интересъ только тѣ психическія особенности, которыя значительно варіируются у разныхъ людей по степени своего развитія. А такимъ именно качествомъ является тотъ видъ колебаній вниманія, который недавно стали называть „отвлекаемостью“ вниманія (Ablenkbarkeit der Aufmerksamkeit). Нѣкоторые люди совершенно неспособны сосредоточиться въ теченіе сколько-нибудь продолжительнаго времени надъ однимъ какимъ-нибудь объектомъ. Спустя короткое время они уже начинаютъ дѣлаться менѣе внимательными, и достаточно малѣйшаго воздѣйствія извнѣ для того, чтобы все ихъ вниманіе направилось въ совершенно другую сторону. Здѣсь дѣло идетъ уже не о колебаніяхъ въ области одного и того же объекта, не о періодическомъ усиленіи и ослабленіи одного и того же ощущенія, а постоянныхъ скачкахъ, болѣе или менѣе значительныхъ, о частой и быстрой смѣнѣ того общаго направленія, въ которомъ текутъ наши мысли.

Не слѣдуетъ смѣшивать разбираемаго качества съ той апатичной слабостью вниманія, которая наблюдается, папр., у идіотовъ: подъ вліяніемъ какого-нибудь интенсивнаго раздраженія, напр., при сильномъ и внезапномъ шумѣ идіотъ ограничивается тѣмъ, что оборачивается или поворачиваетъ глаза въ сторону раздраженія, и затѣмъ тотчасъ же опять впадаетъ въ свое обычное апатичное состояніе. Тутъ непродолжительность вниманія зависитъ не отъ неустойчивости его, а просто отъ слабой его напряженности: тѣ незначительные проблески сознанія, которые доступны идіоту, могутъ вызываться и поддерживаться только сильными возбудителями, и притомъ преимущественно въ первые моменты послѣ ихъ наступленія, когда возбуждающее дѣйствіе ихъ наибо-

лѣе велико; въ послѣдующій моментъ дѣйствіе раздражителя становится уже менѣе сильнымъ и, слѣдовательно, недостаточнымъ.

Проявленія. Неустойчивость вниманія принадлежитъ къ числу такихъ качествъ, которыя обыкновенно не трудно бываетъ обнаружить даже при поверхностномъ наблюденіи. Она сказывается тѣмъ, что человѣкъ, даже при сильномъ желаніи или въ случаѣ необходимости, не въ состояніи бываетъ сосредоточиться сколько-нибудь долгое время надъ однимъ и тѣмъ же объектомъ. Имбециллики, отличающіеся, по словамъ Солье (44), крайне неустойчивымъ вниманіемъ, съ необычайной легкостью переходятъ отъ одного предмета къ другому и между всѣмъ тѣмъ, что они говорятъ, нѣтъ никакой связующей нити. Они отвѣчаютъ на вашъ вопросъ лишь послѣ того, какъ вопросъ повторенъ нѣсколько разъ; отвѣтивши на него нѣсколькими словами, тотчасъ же снова начинаютъ болтать или пѣть. Изъ вашей рѣчи они уловятъ начало и дальше уже не слушаютъ; безпрерывно перебиваютъ. Во время прогулки забрасываютъ вопросами по поводу всего окружающаго, не дослушивая объясненій.

То же непостоянство обнаруживаютъ подобныя лица и во время занятій какимъ бы то ни было дѣломъ, хотя бы даже дѣло это было для нихъ интересно. Послѣ нѣсколькихъ минутъ сосредоченной работы они уже дѣлаются разсѣянными и при малѣйшемъ отвлеченіи готовы тотчасъ отложить свое занятіе въ сторону, чтобы взяться за что-нибудь другое. Если же въ силу необходимости, они продолжаютъ работать, то работа ихъ дѣлается крайне неравномѣрной и плохой въ качественномъ отношеніи. Этимъ воспользовались нѣкоторые психологи для того, чтобы изслѣдовать экспериментальнымъ путемъ степень отвлекаемости вниманія у разныхъ лицъ. Испытуемому дается какая-нибудь работа, болѣе или менѣе равномѣрная и продолжительная, напр., сложеніе однозначныхъ чиселъ, выбираніе буквы въ печатномъ текстѣ, заучиваніе чиселъ или слоговъ, рядъ опытовъ съ измѣреніемъ скорости простыхъ и сложныхъ реакцій и т. д. Результаты работы все время регистрируются. Въ однихъ опытахъ работа производится при полномъ сосредоточеніи вниманія, въ другихъ — вводится какой-нибудь факторъ, постоянно отвлекающій испытуемаго отъ занятій и мѣшающій ему сосредоточивать на нихъ свое вниманіе: отдѣльныя раздраженія, слуховыя, зрительныя или осязательныя, свѣтъ, падающій прямо въ глаза, непрерывный звонъ электрическаго звонка надъ ухомъ,

чтеніе экспериментаторомъ вслухъ какого-нибудь связнаго отрывка и т. д. При такой постоянной помѣхѣ работа дѣлается, конечно, менѣе продуктивной какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Сравненіе результатовъ, полученныхъ при отвлеченіи вниманія и безъ него, указываетъ на степень отвлекаемости вниманія у испытуемаго субъекта.

При этомъ надо, однако, считаться съ тѣмъ фактомъ, что испытуемый мало по малу привыкаетъ къ постороннему раздраженію и начинаетъ работать, если и не такъ хорошо, какъ при полномъ вниманіи, то все же значительно лучше, чѣмъ въ началѣ отвлеченія. Эта способность привыканія ко внѣшнему раздраженію (Gewöhnungsfähigkeit) также представляетъ, по словамъ Крепелина (30), значительныя индивидуальныя колебанія и является для нѣкоторыхъ лицъ весьма характерной. Такимъ образомъ, мѣриломъ отвлекаемости вниманія служитъ пониженіе работоспособности въ первые моменты дѣйствія посторонняго раздражителя, тогда какъ постепенное улучшеніе работы къ концу дѣйствія этого раздражителя указываетъ на степень развитія привыкаемости.

Способность быстраго привыканія ко внѣшнимъ раздраженіямъ лежитъ, повидимому, въ основѣ того, что Штернъ (14) называетъ „эластичностью“ вниманія. Представьте себѣ натуралиста, съ которымъ вы, прогуливаясь по саду, ведете разговоръ, сильно интересующій васъ обоихъ. Какъ ни средоточено вниманіе вашего собесѣдника, однако онъ отъ времени до времени отрывается отъ разговора, чтобы посмотрѣть на любопытное насѣкомое или сорвать какое-нибудь растеніе для своей коллекціи. Тѣмъ не менѣе, вы не назовете его вниманіе неустойчивымъ, такъ какъ послѣ минутнаго отвлеченія онъ тотчасъ же съ прежнимъ вниманіемъ возобновляетъ прерванный разговоръ. Неустойчивость вниманія есть недостатокъ, слабость, тогда какъ эластичность его является во многихъ случаяхъ качествомъ положительнымъ и очень полезнымъ.

Наиболѣе значительной с т е п е н и неустойчивость вниманія достигаетъ въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ (психозы отъ истощенія, маніакальное возбужденіе, прогрессивный параличъ, dementia praecox). Здѣсь дѣло доходитъ иной разъ до полной невозможности не только разговаривать съ больнымъ, но даже получить отъ него хотя бы короткій отвѣтъ на заданный ему вопросъ; болтая безъ умолку, поминутно перескакивая съ одной темы на другую, больной не можетъ сосредоточиться даже настолько, чтобы понять самый несложный вопросъ, предложен-

ный ему собесѣдникомъ. Возбудителями даннаго качества или, по крайней мѣрѣ, обстоятельствами, способствующими его проявленію, являются разнообразіе и измѣнчивость окружающей обстановки, обиліе впечатлѣній, шумное и непостоянное общество, въ которомъ приходится вращаться человѣку и т. п. Наоборотъ, однообразная и мало измѣняющаяся среда способствуетъ, повидимому, болѣе положительному сосредоточенію вниманія на немногихъ объектахъ. Вниманіе дѣтей именно потому, быть можетъ, и отличается значительной неустойчивостью, что они еще мало живутъ внутренней жизнью и гораздо болѣе, чѣмъ взрослые, подчиняются вліянію внѣшнихъ раздражителей; между тѣмъ, внѣшняя среда представляется всегда гораздо болѣе измѣнчивой и непостоянной, чѣмъ наши внутреннія привычки и переживанія.

Анатомо-физіологическій коррелатъ. Связи и отношенія. Существуетъ несомнѣнная связь между неустойчивостью вниманія и истощеніемъ центральной нервной системы. Всякіе истощающіе моменты: безсонница, переутомленіе, продолжительная болѣзнь, голоданіе дѣлаютъ насъ на время неспособными внимательно слѣдить за длиннымъ рядомъ впечатлѣній, воспринимая каждое изъ нихъ съ одинаковой отчетливостью. Послѣ непродолжительной попытки мозгъ нашъ въ такихъ случаяхъ отказывается работать и мы дѣлаемся разсѣянными. Однако, мнѣ кажется, что анатомо-физіологическій коррелатъ неустойчивости вниманія не исчерпывается всецѣло быстрой истощаемостью центральной нервной системы. Истощенный человѣкъ уже неспособенъ—по крайней мѣрѣ временно—ни къ какой работѣ, ни къ какимъ новымъ впечатлѣніямъ. Между тѣмъ, неустойчивость вниманія характеризуется именно тѣмъ, что всякое новое впечатлѣніе воспринимается въ первый моментъ съ такою же яркостью, какъ и предыдущее, и если вниманіе случайно будетъ перенесено на объектъ, оставленный незадолго передъ тѣмъ, то онъ будетъ воспринятъ вторично съ такою же живостью и отчетливостью, какъ и въ первый разъ. Очевидно, причина лежитъ здѣсь не въ быстрой истощаемости нервной системы, а въ какихъ-то другихъ, еще неизвѣстныхъ намъ особенностяхъ мозговой дѣятельности.

Устойчивость (resp. неустойчивость) вниманія тѣсно связана съ цѣлымъ рядомъ качествъ, относящихся къ волевой сферѣ: активностью вниманія, наличностью или отсутствіемъ руководящихъ идей и стремленій, устойчивостью рѣшеній, сопротивляемостью внѣшнимъ

вліяніямъ и др. Активное вниманіе всегда будетъ болѣе устойчивымъ, такъ какъ даетъ возможность путемъ волевого усилія удерживаться дольше на какомъ-нибудь объектѣ. Впрочемъ, подобную же роль въ случаяхъ пассивнаго вниманія могутъ играть сильно развитыя чувствованія, если только сами они отличаются значительной продолжительностью. Поэтому и пассивное вниманіе также можетъ быть очень устойчивымъ, но только по отношенію къ тѣмъ объектамъ, которые непосредственно и притомъ надолго способны заинтересовать даннаго человѣка. Связь съ остальными перечисленными качествами понятна сама собой, и было бы важно путемъ систематическихъ наблюденій провѣрить, насколько часто всѣ эти особенности характера встрѣчаются вмѣстѣ. Интересно было бы также установить, въ какомъ отношеніи находится разбираемое нами качество къ быстротѣ воспріятія и обилію движеній, въ виду того, что названныя особенности издавна объединяются съ неустойчивостью вниманія въ типѣ такъ наз. сангвиника.

Объемъ вниманія (широта или узость его).

Опредѣленіе качества и его проявленія. Въ сознаніи каждаго человѣка въ любой данный моментъ можетъ находиться лишь ограниченное, сравнительно небольшое количество представленій (resp. воспріятій, чувствованій, стремленій и т. д.). Кромѣ того, не всѣ эти представленія сознаются съ одинаковою ясностью и отчетливостью; нѣкоторыя изъ нихъ особенно сосредоточиваютъ на себѣ наше вниманіе или, какъ говорится, занимаютъ фиксаціонную точку сознанія, тогда какъ другія сознаются лишь смутно и неясно, оставаясь внѣ сферы сосредоточенія вниманія. Вопросъ о томъ, какое максимальное количество представленій можетъ одновременно вмѣститься въ сознаніи человѣка, подвергся, какъ извѣстно, въ послѣднее время экспериментальной разработкѣ. Одни авторы изучали объемъ вниманія при одновременномъ воспріятіи цѣлой группы зрительныхъ впечатлѣній, напр., точекъ или буквъ, правильно или неправильно расположенныхъ на бѣлой бумагѣ; другіе измѣряли объемъ сознанія при воспроизведеніи двухъ рядовъ ударовъ метронома или двухъ рядовъ точекъ, послѣдовательно, одна за другой воспринятыхъ испытуемымъ и затѣмъ воспроизведенныхъ имъ одновременно въ своемъ сознаніи. Оказалось, что максимальное количество простѣйшихъ зрительныхъ или слуховыхъ представленій,

могущихъ вмѣститься въ сознаніи человѣка, колеблется въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій: отъ формы и величины объектовъ, отъ ихъ расположенія и группировки, отъ той быстроты, съ которой отдѣльныя впечатлѣнія слѣдуютъ одно за другимъ и т. д. Подробное изложеніе результатовъ этихъ опытовъ можно найти въ „Основахъ физіологической психологіи“ В. Вундта (6)[1]). Насъ же здѣсь интересуетъ не абсолютная величина объема сознанія, найденная различными авторами, и не вліяніе, оказываемое на нее разными, чисто внѣшними условіями, вродѣ перечисленныхъ выше, а тѣ индивидуальныя колебанія, которыя, несомнѣнно, сказываются въ этомъ отношеніи у различныхъ испытуемыхъ. Къ сожалѣнію, лица, работавшія надъ объемомъ сознанія, оставили почти безъ вниманія эту сторону вопроса; а между тѣмъ было бы очень интересно провѣрить, насколько данныя относительно широты или узости сознанія отдѣльныхъ лицъ, полученныя въ подобныхъ опытахъ, согласуются съ данными, касающимися болѣе сложныхъ проявленій широты вниманія у тѣхъ же самыхъ лицъ.

Эти болѣе сложныя проявленія намъ приходится наблюдать въ жизни постоянно. Одинъ человѣкъ схватываетъ одновременно цѣлый рядъ происходящихъ вокругъ него разнородныхъ явленій и соотвѣтствующимъ образомъ реагируетъ на нихъ, тогда какъ другой въ каждый данный моментъ способенъ сосредоточиться только на одномъ какомъ-нибудь объектѣ, иначе его воспріятія будутъ ошибочными и неполными. Во время разговора Сергѣя Кознышева съ университетскимъ профессоромъ, Кознышевъ, обладавшій широкимъ кругозоромъ и значительнымъ объемомъ вниманія, могъ, не теряя нити разговора, становиться одновременно на точку зрѣнія Левина и понимать его своеобразныя реплики, тогда какъ болѣе „узкому“ профессору это представлялось всегда гораздо болѣе затруднительнымъ („Анна Каренина“). Очень многіе люди неспособны дѣлать больше одного какого-нибудь дѣла заразъ, между тѣмъ какъ Наполеонъ, говорятъ, могъ одновременно диктовать нѣсколько писемъ, выслушивать различныя донесенія, отдавать приказанія и т. д. Необходимо имѣть въ виду, конечно, что только правильное и отчетливое выполненіе двухъ (или болѣе) дѣлъ одновременно можетъ свидѣтельствовать о широтѣ вниманія; въ противномъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло просто съ неустойчивостью вниманія, неспособнаго сосредоточиться сколько-

[1]) Объ одновременномъ воспроизведеніи послѣдовательно воспринятыхъ зрительныхъ впечатлѣній см. работу Лазурскаго и Шипова (45).

нибудь времени на одномъ и томъ же объектѣ. Дѣти и легкомысленные люди очень склонны хвататься за нѣсколько дѣлъ одновременно, но ни одного изъ нихъ не дѣлаютъ какъ слѣдуетъ.

Существуютъ экспериментальные методы, позволяющіе опредѣлять сравнительную степень широты вниманія у отдѣльныхъ лицъ. Методы эти основаны въ общемъ на томъ, что испытуемаго заставляютъ слѣдить одновременно за двумя рядами явленій или совершать одновременно двѣ разныхъ работы, причемъ результаты его наблюденій или его работы должны точно регистрироваться. Такъ, напр., пускаютъ въ ходъ два метронома, скорости которыхъ нѣсколько отличаются другъ отъ друга; испытуемый долженъ сосчитывать общее число ударовъ обоихъ метрономовъ, что представляется дѣломъ не легкимъ и требуетъ одновременнаго и при томъ значительнаго сосредоточенія вниманія на обѣихъ серіяхъ звуковъ. Обыкновенно испытуемые, по словамъ Бинэ и Анри (31), сильно затрудняются уже въ томъ случаѣ, когда метрономы установлены одинъ на 50, другой на 60 ударовъ въ минуту; между тѣмъ, знаменитый счетчикъ Иноди могъ правильно считать даже въ томъ случаѣ, когда метрономы были установлены на 100 и на 110 ударовъ. Другой способъ заключается въ томъ, что испытуемаго заставляютъ читать вслухъ печатный текстъ и въ то же время безпрерывно писать карандашомъ на бумагѣ одну какую-нибудь букву, напр., букву а, или 2—3 буквы (abc), что уже гораздо труднѣе. Затѣмъ сравниваютъ количество прочитанныхъ за извѣстный промежутокъ времени строкъ съ тѣмъ количествомъ, которое испытуемый могъ прочесть, если его не заставляли одновременно писать буквы.

Сюда, наконецъ, принадлежатъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторые изъ тѣхъ методовъ, которые были предложены для отвлеченія вниманія и въ которыхъ рѣчь идетъ, собственно говоря, не объ отвлеченіи, а о раздвоеніи вниманія между двумя, сознательно и произвольно совершаемыми умственными актами. Можно, напр., заставить испытуемаго производить на бумагѣ ариѳметическія дѣйствія надъ данными ему однозначными числами, причемъ въ однихъ опытахъ онъ будетъ занятъ исключительно этой работой, а въ другихъ—онъ долженъ будетъ одновременно съ этимъ считать также вслухъ удары метронома. Мы не будемъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ, такъ какъ очевидно, что, исходя изъ указаннаго выше принципа — заставить испытуемаго исполнять одновременно двѣ различныхъ работы,—можно придумать цѣлый рядъ методовъ, одинаково пригодныхъ для изслѣдованія объема вниманія.

Связи и отношенія. Объемъ вниманія находится, несомнѣнно, въ самой тѣсной связи съ тѣмъ, что называютъ обыкновенно „кругозоромъ“ даннаго человѣка, т.-е., запасомъ его свѣдѣній, широтой понятій, обиліемъ доступныхъ ему точекъ зрѣнія и т. п. Чѣмъ шире кругозоръ даннаго человѣка, тѣмъ большій кругъ явленій можетъ привлечь на себя его вниманіе и тѣмъ большее количество отдѣльныхъ фактовъ способенъ онъ уловить и оцѣнить одновременно. Приведенный выше примѣръ изъ „Анны Карениной“ подтверждаетъ это предположеніе. Значительное сосредоточеніе вниманія на одномъ какомъ-нибудь актѣ или явленіи можетъ до извѣстной степени сузить общій объемъ сознанія. Опыты Жанэ надъ истеричными показали, что это суженіе можетъ достигать у нихъ очень большой степени. Жанэ изслѣдовалъ у своихъ больныхъ поле зрѣнія. Затѣмъ онъ вторично производилъ то же самое изслѣдованіе, но предварительно помѣщалъ въ фиксаціонной точкѣ нѣсколько мелко написанныхъ строкъ или цифръ и просилъ испытуемую во время изслѣдованія поля зрѣнія внимательно читать эти строки или производить ариѳметическія дѣйствія надъ числами. Оказалось, что сосредоточеніе вниманія на умственной работѣ значительно (на 15^0—35^0, даже на 60^0) суживало поле зрѣнія, что Штеррингъ справедливо объясняетъ суженіемъ поля яснаго сознанія (42). Надо сказать, впрочемъ, что у здоровыхъ это явленіе наблюдалось въ гораздо меньшей степени: у нѣкоторыхъ поле зрѣнія при умственной работѣ совершенно не измѣнялось, у другихъ оно суживалось всего на 5^0—10^0. Что касается активности вниманія и сильно развитыхъ чувствованій, то онѣ могутъ, повидимому, способствовать какъ расширенію, такъ и суженію объема вниманія, смотря по тому, насколько велико количество впечатлѣній, имѣющихся въ нашемъ сознаніи въ данный моментъ и способныхъ заинтересовать насъ и пробудить въ насъ болѣе или менѣе сильное чувство.

III.

Наклонности, относящіяся къ формальной сторонѣ чувствованій.

По причинамъ, изложеннымъ выше, мы здѣсь совершенно оставимъ въ сторонѣ все, что касается содержанія различныхъ чувствованій, и займемся исключительно формальными особенностями эмоціональной сферы, т.-е., возбудимостью чувствъ, ихъ силой, продолжительностью, внѣшними физіологическими проявъ-

леніями, вліяніемъ чувствъ на другія стороны жизни и т. д. Такимъ образомъ, намъ не придется здѣсь считаться съ тѣми трудностями, которыя неизбѣжно встрѣчаетъ всякая попытка классифицировать чувства по ихъ содержанію. Тѣмъ не менѣе, даже при такомъ ограниченіи взятой на себя задачи, возникаютъ нѣкоторые вопросы, въ которыхъ необходимо разобраться подробнѣе.

Прежде всего, должна ли индивидуальная психологія считаться съ разногласіями, существующими въ психологіи общей по вопросу о томъ, что такое чувство? Одни психологи, какъ извѣстно, считаютъ чувствованія самостоятельной стороной душевной жизни, противополагая ихъ сторонѣ интеллектуальной, т.-е., ощущеніямъ и представленіямъ. Ощущенія и простѣйшія чувствованія—вотъ тѣ двоякаго рода элементы, изъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, складывается вся наша душевная жизнь. Правда, эти два рода элементовъ никогда не встрѣчаются отдѣльно, независимо другъ отъ друга; эмоціональные элементы (напр., чувство удовольствія или неудовольствія) всегда бываютъ связаны въ нашемъ сознаніи съ какими-либо ощущеніями или представленіями, составляя ихъ „чувственный тонъ“. Но все же этотъ чувственный тонъ можетъ измѣняться какъ качественно, такъ и количественно въ то время, какъ сопровождающее его ощущеніе или представленіе остается неизмѣннымъ: одно и то же воспоминаніе въ разное время и при разныхъ условіяхъ можетъ возбудить въ насъ совершенно различныя чувства; объектъ, нравящійся вначалѣ, постепенно надоѣдаетъ и возбуждаетъ въ насъ чувство скуки и т. д. Однимъ словомъ, — чувство есть нѣчто отличное и до нѣкоторой степени независимое отъ ощущеній и представленій.

Согласно другому взгляду, чувства не могутъ считаться первичнымъ элементомъ душевной жизни, а являются лишь слѣдствіемъ того взаимодѣйствія между отдѣльными представленіями, которое постоянно наблюдается въ нашемъ сознаніи. Столкновеніе и борьба между двумя группами представленій, облегченное или ускоренное ихъ теченіе, согласованіе или несогласованіе вновь возникающаго представленія съ другими, уже ранѣе находившимися въ сознаніи,—вотъ тѣ моменты, которые составляютъ главную основу и содержаніе чувствованій. Ясно, что при такомъ взглядѣ чувство является лишь спутникомъ интеллектуальной жизни, вѣрнымъ и неизбѣжнымъ выразителемъ тѣхъ разнообразныхъ комбинацій, въ которыя вступаютъ между собой интеллектуальные элементы.

Наконецъ, теорія Ланге-Джемса, нашедшая себѣ въ послѣднее время довольно много сторонниковъ, выдвигаетъ, какъ из-

вѣстно, на первый планъ физіологическую сторону вопроса, а именно—такъ наз. внѣшнія проявленія чувствованій: мимику, пантомимическія движенія, сокращенія непроизвольныхъ мышцъ, измѣненія въ области дыханія и кровеобращенія и т. д. Эти периферическія измѣненія наступаютъ, будто бы, непосредственно вслѣдъ за дѣйствіемъ какого-либо раздражителя, внѣшняго или внутренняго; въ результатѣ получается масса разнородныхъ ощущеній,—мышечныхъ, осязательныхъ и др.,—которыя, достигнувши сознанія, воспринимаются нами, какъ чувство радости, горя, испуга, гнѣва и проч. Чувство есть только сумма периферическихъ ощущеній. Смѣхъ и слезы являются не слѣдствіемъ радости или горя, а причиной ихъ: мы опечалены—потому что плачемъ, испытываемъ радость—потому что смѣемся.

Мы привели здѣсь только важнѣйшія теоріи, не упоминая о другихъ, менѣе распространенныхъ. Вѣзможно, что каждая изъ этихъ теорій заключаетъ въ себѣ долю истины, и, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время трудно сказать, которая изъ нихъ одержитъ верхъ надъ другими. Спрашивается теперь, каково должно быть отношеніе къ нимъ индивидуальной психологіи? Долженъ ли характерологъ, прежде чѣмъ приняться за свою спеціальную работу, рѣшить для себя непремѣнно въ томъ или иномъ смыслѣ вопросъ о природѣ чувствованій, или же это рѣшеніе не является для него обязательнымъ?

Послѣднее мнѣніе намъ представляется болѣе правильнымъ. Обще-психологическія теоріи важны для изученія характеровъ лишь въ одномъ отношеніи: каждая изъ нихъ подробно описываетъ и анализируетъ такіе элементарные факты душевной жизни, которые упускаются изъ виду или замалчиваются другими теоріями. Дальнѣйшая же обработка и группировка этихъ фактовъ производится въ индивидуальной психологіи нерѣдко совершенно иначе и съ иными цѣлями, чѣмъ въ психологіи общей. Связывать свою судьбу съ той или иной обще-психологической теоріей наука о характерахъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

Мало того. Не предрѣшая заранѣе вопроса о происхожденіи чувствованій, характерологъ можетъ, какъ намъ кажется, способствовать до нѣкоторой степени его разрѣшенію, если онъ тщательно займется своимъ спеціальнымъ дѣломъ, именно—составленіемъ и группировкой характеристикъ. Наблюдая и сравнивая между собою отдѣльныхъ людей, мы можемъ обращать вниманіе, напр., на то, дѣйствительно ли извѣстная особенность въ теченіи представленій, замѣченная нами у какого-нибудь изъ наблюдаемыхъ лицъ, способствуетъ возникновенію у него извѣстныхъ чув-

ствованій (примѣръ—больные, страдающіе маніакальнымъ возбужденіемъ, у которыхъ наряду съ облегченнымъ, ускореннымъ теченіемъ представленій наблюдается всегда также и веселое, жизнерадостное настроеніе). Далѣе, замѣтивши, что у нѣкоторыхъ людей физіологическія проявленія чувствованій отличаются особеннымъ обиліемъ и интенсивностью и что, кромѣ того, благодаря тонкой осязательной чувствительности, вся масса возникающихъ при этомъ периферическихъ ощущеній доходитъ до ихъ сознанія,—мы будемъ стараться путемъ наблюденій убѣдиться, дѣйствительно ли эти люди способны испытывать сильныя и глубокія чувства (какъ этого слѣдовало бы ожидать согласно теоріи Ланге-Джемса). Въ силѣ же и глубинѣ возникающаго при этомъ чувства можно косвенно убѣдиться, благодаря вліянію этого чувства на весь организмъ даннаго человѣка, на его поступки, воображеніе, память, сужденія, вообще—на всю его умственную и волевую сферу. Путемъ такихъ и подобныхъ пріемовъ можно, какъ намъ кажется, способствовать до извѣстной степени рѣшенію труднаго вопроса о природѣ чувствованій. Но для этого необходимо, чтобы индивидуальная психологія разъ навсегда усвоила себѣ правило: во всѣхъ подобныхъ случаяхъ придерживаться чисто описательнаго метода, тщательно избѣгая всякихъ гипотетическихъ предпосылокъ и стараясь, насколько это возможно, не становиться заранѣе на ту или иную точку зрѣнія. Только придерживаясь этого правила, наука о характерахъ можетъ, съ одной стороны, преслѣдовать свои собственныя задачи, изучая наклонности, относящіяся къ сферѣ чувствованій, а съ другой—способствовать до извѣстной степени провѣркѣ и выясненію тѣхъ обще-психологическихъ теорій, о которыхъ только что упоминалось.

Другой вопросъ, относительно котораго мнѣнія въ настоящее время также расходятся самымъ рѣшительнымъ образомъ, это—вопросъ о происхожденіи физіологическихъ проявленій различныхъ эмоцій. Эволюціонисты, съ Дарвиномъ во главѣ, думаютъ, какъ извѣстно, что всѣ тѣ разнообразные жесты и движенія, всѣ тѣ пульсовыя, вазомоторныя и дыхательныя измѣненія, которыми сопровождается большинство чувствованій и аффектовъ, представляютъ собой лишь остатки различныхъ цѣлесообразныхъ приспособленій, выработанныхъ когда-то организмомъ въ борьбѣ за существованіе. Разгнѣванный человѣкъ краснѣетъ, тяжело дышетъ и сжимаетъ кулаки потому, что въ прежнее время всякій гнѣвъ велъ къ дракѣ, а драка требовала энергичныхъ мышечныхъ сокращеній и, слѣдовательно, усиленнаго дыханія и кровообращенія. Прищуриваніе глазъ при смѣхѣ и плачѣ представляетъ

собой, будто бы, также цѣлесообразное приспособленіе, цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы воспрепятствовать чрезмѣрному приливу крови къ глазамъ и могущему отъ этого послѣдовать вреду для глазъ.

Въ противоположность такому взгляду, нѣкоторые авторы (Пидеритъ, Вундтъ) выдвигаютъ совершенно иную, „ассоціаціонную“ точку зрѣнія. Теорія эта, очень удачно объясняющая значительное большинство мимическихъ и пантомимическихъ движеній, состоитъ въ томъ, что всѣ наши мимическія движенія возникли первоначально въ связи съ элементарными ощущеніями и воспріятіями (зрительными, слуховыми, вкусовыми, обонятельными и т. д.); высшія же, болѣе сложныя чувства и представленія развились впослѣдствіи. И вотъ, когда въ сознаніи у насъ возникаетъ какое-нибудь высшее чувство, то оно всякій разъ вызываетъ по ассоціаціи соотвѣтствующее ему, близкое по содержанію, низшее чувство или ощущеніе; а вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, появляются и тѣ мимическія движенія, которыя ему свойственны. Такъ, мимика презрѣнія (выдвиганіе нижней губы впередъ) очень сходна съ тѣмъ движеніемъ, которое мы дѣлаемъ, когда выбрасываемъ изо рта попавшее въ него отвратительное вещество; усиленное расширеніе глазной щели наблюдается не только при внимательномъ разсматриваніи какого-нибудь внѣшняго объекта, но также и въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ напряженно вдумывается въ какую-нибудь отвлеченную проблему, какъ бы стараясь представить ее себѣ какъ можно ярче и нагляднѣе.

Что касается значенія этихъ теорій для индивидуальной психологіи, то намъ кажется, что въ данномъ случаѣ она болѣе, чѣмъ когда-либо имѣетъ возможность оставаться совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ разногласій. Каково бы ни было происхожденіе различныхъ физіологическихъ проявленій чувства, все равно, въ настоящее время они представляются настолько сформированными и стойкими, что, напр., нѣкоторыя описанія, сдѣланныя Дарвиномъ, являются и понынѣ классическими по своей полнотѣ и точности. Различные авторы расходятся между собой не въ описаніи, а лишь въ объясненіи этихъ проявленій. Если въ вопросѣ о томъ, какова основная природа чувствованій, трудно бываетъ иной разъ описывать явленія совершенно объективно, не поддаваясь вліянію той или иной теоріи, то здѣсь, наоборотъ, можно съ гораздо большей строгостью держаться чисто описательной точки зрѣнія. А для индивидуальной психологіи ничего больше и не требуется, такъ какъ всевозможныя физіологическія проявленія интересуютъ ее не сами по себѣ, а лишь въ качествѣ симптомовъ

или признаковъ, указывающихъ на тѣ душевныя переживанія, которыя испытываетъ наблюдаемый человѣкъ въ данную минуту.

Есть еще одинъ вопросъ, съ которымъ приходится считаться при изученіи такихъ наклонностей, какъ возбудимость чувствъ, ихъ сила, продолжительность и т. д. Вопросъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: можно ли говорить в о о б щ е о силѣ, возбудимости и продолжительности чувствъ у даннаго человѣка? Не правильнѣе ли будетъ сказать, что такія-то чувства у него отличаются значительной силой и возбудимостью, тогда какъ другія, наоборотъ, очень слабы и трудно возбудимы? Вѣдь сплошь и рядомъ приходится видѣть, какъ человѣкъ, остающійся равнодушнымъ при видѣ самыхъ возмутительныхъ несправедливостей и насилій въ общественной жизни, тотчасъ же приходитъ въ сильнѣйшее возбужденіе, какъ только дѣло коснется его собственной выгоды; или, напр., видя какъ легко разсердить человѣка раздражительнаго, мы напрасно стали бы заключать отсюда, что чувство радости можно вызвать у него съ такою же легкостью.

Намъ кажется, однако, что возраженіе это основано на недоразумѣніи. Самъ по себѣ тотъ фактъ, что различныя чувства свойственны разнымъ людямъ въ неодинаковой степени, не подлежитъ, разумѣется, никакому сомнѣнію. Дѣйствительно, многіе люди болѣе склонны испытывать чувство гнѣва, чѣмъ чувство радости; у многихъ эгоистическія чувства развиты гораздо сильнѣе чѣмъ альтруистическія. Очевидно также, что тѣ чувства, которыя наиболѣе свойственны данному индивидууму, возбуждаются у него гораздо легче и могутъ достигнуть гораздо большей интенсивности, чѣмъ всѣ остальныя. Однако, всѣ эти несомнѣнные факты нисколько не противорѣчатъ возможности изслѣдовать у каждаго человѣка формальныя особенности чувствованій (возбудимость, силу, продолжительность) независимо отъ ихъ содержанія. Не нужно только забывать, что эти формальныя особенности могутъ обнаруживаться лишь на такихъ чувствахъ, которыя доступны наблюдаемому лицу. Если бы кто-нибудь захотѣлъ изслѣдовать эстетическое чувство у слѣпорожденныхъ, то, конечно, не сталъ бы пользоваться для этой цѣли картинами и цвѣтными орнаментами, а сосредоточилъ бы свое вниманіе, главнымъ образомъ, на музыкѣ и литературѣ. Совершенно то же и въ нашемъ случаѣ. Когда человѣкъ остается равнодушнымъ при видѣ страданій другого, то это можетъ зависѣть отъ двухъ причинъ: или чувства у него вообще трудно возбудимы, или же чувство состраданія у него очень мало развито, такъ что тѣ неизвѣстные намъ психо-физіологическіе факторы, которыми обусловливается возбудимость чув-

ствованій, просто не могутъ въ данномъ случаѣ проявиться. И дѣйствительно, дальнѣйшія наблюденія показываютъ нерѣдко, что тотъ же человѣкъ, становится необычайно чуткимъ и впечатлительнымъ, какъ только дѣло коснется его собственныхъ интересовъ или самолюбія. Отсюда вытекаетъ общее правило: для того, чтобы судить о формальныхъ особенностяхъ эмоціональной сферы у того или иного человѣка, нужно брать именно тѣ чувства, которыя болѣе всѣхъ другихъ доступны этому человѣку. Если мы всякій разъ будемъ соблюдать эту предосторожность, то вопросъ, поставленный выше, разрѣшается самъ собой.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, перейдемъ къ разбору отдѣльныхъ наклонностей.

Возбудимость чувствованій.

Опредѣленіе наклонности. Всякое чувство требуетъ для своего проявленія цѣлой совокупности благопріятныхъ условій: наличности соотвѣтствующаго возбудителя (представленія, вызывающаго эмоцію), благопріятнаго дѣйствія различныхъ побочныхъ обстоятельствъ, отсутствія противоположныхъ вліяній и т. д. Наблюдая различныхъ людей, мы видимъ, что у однихъ чувства, свойственныя имъ, начинаютъ проявляться лишь въ томъ случаѣ, когда вліяніе всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій достигаетъ значительной интенсивности; только какія-нибудь необычайныя событія способны нарушить ихъ обычное равнодушіе и привести ихъ въ состояніе нѣкотораго возбужденія. Другіе, наоборотъ, при всякомъ ничтожномъ поводѣ „вспыхиваютъ, какъ порохъ“, волнуются, кипятятся, приходятъ въ состояніе восторга или изумленія и т. д. Какого бы взгляда на происхожденіе чувствованій мы ни придерживались, все равно, фактъ остается несомнѣннымъ, и индивидуальной психологіи необходимо съ нимъ считаться: тотъ неизвѣстный механизмъ, который лежитъ въ основѣ всякаго чувствованія, приводится въ дѣйствіе у различныхъ людей съ неодинаковой легкостью. Въ этомъ именно и состоитъ сущность разбираемаго нами качества.

Строго говоря, о значительной возбудимости чувствованій можно говорить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ чувства, доступныя данному человѣку, возникаютъ у него съ одинаковой легкостью. Однако, нерѣдко сюда относятъ также и другого рода явленіе, по существу своему отличающееся отъ разбираемой нами наклонности, хотя и имѣющее съ ней много общаго. Мы имѣемъ въ виду одностороннее повышеніе возбудимости, благодаря по-

стоянному преобладанію въ сознаніи одного какого-нибудь чувства. Такъ, больные меланхоліей все время находятся въ состояніи чрезвычайной подавленности. Мрачное настроеніе, возникающее на почвѣ болѣзненныхъ измѣненій мозга, ни на минуту не покидаетъ ихъ, и благодаря этому они дѣлаются крайне возбудимыми по отношенію ко всякому непріятному раздраженію: малѣйшій пустякъ уже заставляетъ ихъ плакать и повергаетъ въ состояніе глубокой тоски и угнетенія. Въ то же время они совершенно теряютъ чувствительность ко всѣмъ впечатлѣніямъ противоположнаго свойства: все, что раньше доставляло имъ удовольствіе, теперь или совсѣмъ не трогаетъ ихъ, или даже усиливаетъ ихъ страданія. Нѣчто подобное можно наблюдать у людей, которые недавно испытали сильное горе и все время находятся еще подъ вліяніемъ тяжелыхъ воспоминаній: одной лишней капли бываетъ здѣсь иногда достаточно, для того, чтобы сосудъ переполнился и горе ихъ вылилось въ слезахъ и жалобахъ. Всѣ подобные случаи односторонней возбудимости чувствъ, повторяемъ, имѣютъ близкое отношеніе къ разбираемой нами наклонности, хотя и не вполнѣ съ нею тождественны.

Проявленія. Какъ и всѣ формальныя особенности въ области чувствованій, разбираемая нами наклонность проявляется у каждаго человѣка въ связи съ тѣми чувствами, которыя ему наиболѣе свойственны. Благодаря этому, образуются сложныя проявленія, довольно стойкія по своему составу и характерныя для тѣхъ людей, у которыхъ они встрѣчаются. Сюда можно отнести, напр., вспыльчивость, раздражительность, „болѣзненно“ развитое самолюбіе, нравственную чуткость и отзывчивость, сантиментальность и т. п. Всѣ эти сложныя соединенія указываютъ на то, что у даннаго человѣка значительно развита возбудимость чувствованій въ связи съ преобладаніемъ какого-нибудь одного рода эмоцій надъ всѣми остальными. Существуютъ также физіологическіе признаки, указывающіе на значительное развитіе разбираемаго нами качества. Такъ, по словамъ Пидерита (37), „влажные, блестящіе глаза встрѣчаются преимущественно у энтузіастовъ, у всѣхъ легко возбудимыхъ, страстныхъ натуръ, у такъ наз. людей чувства, въ то время какъ холодныя натуры, так. наз. люди разсудка отличаются болѣе сухимъ блескомъ глазъ. Такъ какъ у женщинъ чувство играетъ въ жизни преобладающую роль, то женщины обычно имѣютъ болѣе влажные глаза, чѣмъ мужчины“. Причина этого, по мнѣнію названнаго автора, заключается въ близости глазъ къ мозгу. Извѣстно, что у зародыша глаза образуются изъ передняго мозгового пузыря, путемъ выпячиванія такъ

наз. глазныхъ пузырьковъ. Эта тѣсная связь между мозгомъ и глазами сохраняется въ значительной степени и у взрослаго, благодаря чему малѣйшія измѣненія въ кровенаполненіи мозга отражаются также и на органѣ зрѣнія. А такъ какъ чувства въ большинствѣ случаевъ сильно вліяютъ на мозговое кровеобращеніе (вызывая приливъ крови къ мозгу), то вліяніе ихъ не можетъ не отразиться также и на состояніи глазныхъ яблоковъ. Надо сказать, впрочемъ, что существуютъ и другіе моменты, вызывающіе усиленный притокъ крови къ мозгу: повышенная температура, вліяніе алкоголя, усиленная умственная работа, быстрое и энергичное напряженіе мышцъ и т. д. Всѣ эти побочныя вліянія необходимо имѣть въ виду во время наблюденій для того, чтобы избѣжать ошибочныхъ выводовъ.

Что касается возбудителей данной наклонности или обстоятельствъ, способствующихъ ея проявленію, то ихъ можно указать нѣсколько. Прежде всего, внезапность всякаго впечатлѣнія и контрастъ его со всѣмъ окружающимъ усиливаетъ дѣйствіе его на нашу эмоціональную сферу. Удачная шутка во время скуки дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ то время, когда мы заняты интереснымъ разговоромъ. Даже небольшое, но внезапное волненіе потрясаетъ насъ иногда глубже, чѣмъ важное событіе, къ которому мы были, однако, подготовлены, или которое наступило постепенно. Здѣсь наблюдается, слѣдовательно, нѣчто аналогичное тому, что установлено физіологіей относительно возбудимости двигательныхъ нервовъ: внезапно пущенный токъ средней интенсивности тотчасъ же вызываетъ сокращеніе соотвѣтствующихъ мышцъ, между тѣмъ какъ, усиливая токъ постепенно, можно довести его до значительной силы и все таки не получить сокращенія.

Другимъ обстоятельствомъ, способствующимъ возбудимости чувствъ, является отчетливость, яркость и конкретность тѣхъ представленій, которыя связаны съ возникающимъ чувствомъ. Смутныя, неясныя и отдаленныя представленія, а также всякаго рода отвлеченныя соображенія и выводы менѣе способны возбудить въ человѣкѣ сильное чувство, чѣмъ яркіе, наглядные образы. Нѣкоторые психологи (напр., Леманъ) (46) утверждаютъ, что всякое ощущеніе или представленіе (напр., ощущеніе какого-нибудь цвѣта, звука), если оно слишкомъ слабо, является нейтральнымъ, т. е., не вызываетъ въ насъ никакого чувства; только достигнувъ извѣстной интенсивности, извѣстнаго „порога“ (intensive Schwelle), оно начинаетъ сопровождаться чувственнымъ тономъ. Надо сказать, впрочемъ, что этотъ порогъ чрезвычайно

колеблется для различныхъ ощущеній и представленій въ зависимости отъ ихъ содержанія. Такъ, напр., идя по улицѣ, мы можемъ оставаться совершенно равнодушными по отношенію къ различнымъ сценамъ, происходящимъ тутъ-же передъ нашими глазами,—и въ то же время чувствуемъ, что какое-нибудь смутное воспоминаніе о совершенной нами безтактности все время не даетъ намъ покоя.

Согласно распространенному мнѣнію, возбудимость чувствованій значительно *измѣняется* съ возрастомъ: юношеская пылкость уступаетъ мѣсто мало по малу хладнокровной сдержанности взрослыхъ, а затѣмъ, съ наступленіемъ старости, обнаруживается постепенный и общій упадокъ аффективной дѣятельности. Трудно сказать, насколько мнѣніе это дѣйствительно является правильнымъ. Точное сравненіе затрудняется здѣсь тѣмъ обстоятельствомъ, что вмѣстѣ съ возрастомъ измѣняются обыкновенно также и интересы человѣка, его привычки, взгляды, занятія, окружающая обстановка и т. д. Умѣнье сдерживать себя и управлять своими чувствами въ различныхъ возрастахъ также бываетъ различно. Какъ-бы то ни было, но приведенный выше взглядъ все-же заключаетъ въ себѣ, повидимому, извѣстную долю истины.

Анатомо-физіологическій коррелатъ возбудимости чувствъ состоитъ, очевидно, въ большей или меньшей легкости возникновенія тѣхъ совершающихся въ нервномъ веществѣ процессовъ, которыми сопровождается появленіе каждой эмоціи въ нашемъ сознаніи. Фулье, который все различіе темпераментовъ сводитъ къ силѣ и быстротѣ обмѣна веществъ, совершающагося въ нервной ткани, пользуется тѣмъ-же принципомъ и для объясненія различной возбудимости чувствованій: въ основѣ этого качества лежитъ, по его мнѣнію, наклонность къ быстрому возстановленію нервнаго вещества въ соотвѣтствующихъ центрахъ (4). Однако, не говоря уже о крайней неопредѣленности этой гипотезы, представляется совершенно непонятнымъ, почему появленіе чувствъ должно сопровождаться возстановленіемъ нервнаго вещества, въ то время какъ мы знаемъ, что всѣ рѣшительно психическіе процессы (въ томъ числѣ и аффективные) ведутъ за собой затрату нервной энергіи и, слѣдовательно, распаденіе нервной ткани. Поэтому намъ кажется болѣе правильнымъ оставить вопросъ открытымъ, впредь до болѣе точнаго выясненія того физіологическаго механизма, дѣйствіемъ котораго сопровождается возникновеніе каждаго чувства.

Связи и отношенія. Многочисленные факты и наблюденія, собранные главнымъ образомъ авторами, писавшими о

темпераментахъ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что существуетъ, повидимому, тѣсная связь между значительной возбудимостью чувствованій съ одной стороны, и измѣнчивостью, неустойчивостью ихъ—съ другой. Сангвиники, которые изъ всѣхъ темпераментовъ обладаютъ наиболѣе легко возбудимыми чувствами, отличаются въ то-же время и крайнимъ непостоянствомъ; легко вспыхивая, они такъ-же легко и остываютъ. Крайняя измѣнчивость настроенія у истеричныхъ больныхъ составляетъ такую же характерную ихъ особенность, какъ и необычайно повышенная возбудимость ихъ эмоціональной сферы. Нельзя установить такого-же параллелизма между разбираемымъ нами качествомъ и силой или интенсивностью чувствованій. Какъ у холериковъ, такъ и у сангвиниковъ чувства отличаются значительной возбудимостью; но у сангвиниковъ они всегда бываютъ крайне поверхностны, въ то время какъ у холериковъ они могутъ достигать необычайной силы и яркости.—Что касается отношенія разбираемаго качества къ другимъ областямъ душевной жизни, то несомнѣнно, что всякое внезапно наступающее чувство гораздо сильнѣе вліяетъ на теченіе умственныхъ и волевыхъ процессовъ, чѣмъ то, которое постепенно зарождалось и вырабатывалось. Внезапный страхъ совершенно парализуетъ какъ умственную, такъ и волевую дѣятельность. Человѣкъ съ легко возбудимой эмоціональной сферой склоненъ бываетъ обыкновенно къ импульсивнымъ поступкамъ, къ необдуманнымъ рѣшеніямъ и къ недостаточно обоснованнымъ сужденіямъ. Подъ вліяніемъ внезапно наступившаго сильнаго аффекта, онъ иной разъ, какъ говорится, совершенно „теряетъ голову“. Въ то же время внезапно возникающее чувство гораздо труднѣе бываетъ подавить путемъ напряженія волевого усилія, и поэтому люди „горячіе“, вспыльчивые обыкновенно совершенно неспособны къ самообладанію, т.-е., къ произвольной задержкѣ, какъ психической, такъ и физической. Наоборотъ, сильно развитая и систематически упражняемая способность психофизической задержки можетъ повлечь за собой двоякаго рода послѣдствія: или вмѣстѣ съ внѣшними проявленіями будутъ всякій разъ задерживаться и внутреннія переживанія, соотвѣтствующія данной эмоціи—тогда область чувствованій подвергнется дѣйствительной атрофіи, и возбудимость ихъ понизится; или же задержка будетъ касаться только внѣшнихъ проявленій чувства, и тогда возбужденіе, всякій разъ вызываемое внезапно возникающей эмоціей и не находящее себѣ выхода во внѣшнихъ проявленіяхъ, будетъ все болѣе и болѣе накопляться въ организмѣ

и отъ времени до времени прорываться неожиданными взрывами гнѣва, радости, восторга, страсти и т. д.

* *
*

Отъ возбудимости чувствъ слѣдуетъ отличать бо́льшую или меньшую **быстроту возникновенія** каждаго отдѣльнаго чувствованія. Опыты Скрипчюра (впрочемъ, оспариваемые нѣкоторыми другими изслѣдователями) показали, что даже простой „чувственный тонъ", сопровождающій отдѣльныя ощущенія, требуетъ извѣстнаго времени для своего развитія; названный авторъ неоднократно наблюдалъ случаи, когда чувственный тонъ наступалъ лишь спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ было испытано ощущеніе, его вызвавшее. Что касается болѣе сложныхъ чувствованій и аффектовъ, то относительно ихъ фактъ этотъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Всякое представленіе должно пробыть въ нашемъ сознаніи извѣстный промежутокъ времени для того, чтобы сопровождающее его чувство развилось въ полной силѣ. Леманъ (46) называетъ этотъ промежутокъ времени „экстенсивнымъ порогомъ" (extensive Schwelle), въ противопо. ложность „интенсивному порогу", о которомъ говорилось выше. Многіе аффекты потому именно и наступаютъ постепенно, что не всѣ входящія въ ихъ составъ чувства развиваются одновременно.

Спрашивается, однако, имѣетъ-ли быстрота возникновенія чувствованій такую важность для индивидуальной психологіи, чтобы ее можно было причислить къ основнымъ наклонностямъ? Намъ кажется, что для этого нѣтъ достаточныхъ основаній. Индивидуальныя колебанія, свойственныя данному качеству, повидимому, далеко не велики. Иного флегматика, правда, приходится долго дразнить прежде, чѣмъ онъ соберется, наконецъ, разсердиться; но здѣсь рѣчь идетъ не столько о медленности возникновенія чувства, сколько о слабости раздражителя, недостаточнаго для того, чтобы преодолѣть равнодушіе даннаго субъекта. Отдѣльныя эмоціи и аффекты у одного и того-же человѣка могутъ развиваться болѣе или менѣе быстро, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ степени своей сложности. Различія же между отдѣльными людьми въ этомъ отношеніи, повидимому, не такъ ужъ велики, чтобы обращать на себя особенное вниманіе. Кромѣ того, проявленія данной наклонности настолько сложны, неясны и скоропреходящи, что ее гораздо труднѣе установить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чѣмъ, напр., родственныя ей скорость умственныхъ процессовъ или скорость движеній. Во

всякомъ случаѣ, для того, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе даннаго качества для индивидуальной психологіи, нужно изучить его гораздо подробнѣе, чѣмъ это сдѣлано въ настоящее время.

Сила или слабость чувствованій.

Опредѣленіе качества и его проявленія. Въ первой части этой книги (гл. V) мы указали на то, что проявленія каждаго даннаго чувства могутъ быть сравниваемы по своей силѣ (интенсивности) какъ у различныхъ людей, такъ и у одного и того-же человѣка въ разное время. Наблюдая въ теченіе продолжительнаго времени нѣсколькихъ индивидуумовъ, мы убѣждаемся, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ чувства могутъ достигать, при извѣстныхъ условіяхъ, такой интенсивности, къ которой другіе оказываются совершенно неспособными. Вотъ эту именно способность испытывать при нѣкоторыхъ наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ такія интенсивныя чувства, которыя доступны сравнительно лишь немногимъ, мы и будемъ называть силой чувствованій. Само собою разумѣется, что изслѣдуя это качество у какого-нибудь человѣка, необходимо наблюдать за проявленіями тѣхъ именно аффектовъ и эмоцій, которыя ему въ особенности свойственны, такъ какъ именно на нихъ сила его чувствованій можетъ обнаружиться съ наибольшей яркостью (см. выше). Кромѣ того, обстоятельства-возбудители должны достигать при этомъ наибольшей интенсивности, какая только возможна въ данномъ случаѣ.

Въ этомъ отношеніи сила чувствованій рѣзко отличается отъ ихъ возбудимости. При изученіи возбудимости чувствъ нужно брать тотъ минимальный возбудитель, который все еще въ состояніи вызвать у наблюдаемаго индивидуума ясно замѣтныя проявленія той или иной эмоціи. Здѣсь же, наоборотъ, мы стараемся получить maximum эффекта и потому должны выбирать наиболѣе сильныя чувства и наиболѣе интенсивныхъ возбудителей. Если человѣкъ обладаетъ легко возбудимой эмоціональной сферой, но въ то же время лишенъ разбираемаго нами качества, то дѣйствіе на него самыхъ сильныхъ возбудителей почти не будетъ отличаться отъ дѣйствія возбудителей слабыхъ. Люди чувствительные, но не глубокіе („сантиментальные“) при видѣ какого-нибудь серьезнаго несчастія ахаютъ, вздыхаютъ и истекаютъ слезами совершенно такъ же, какъ они это привыкли дѣлать при всякомъ удобномъ случаѣ, иногда изъ за совершеннѣйшихъ пустяковъ. По мѣрѣ усиленія раздражителя, чувство у нихъ, какъ

и у другихъ людей, также возрастаетъ, но ростъ этотъ не идетъ дальше извѣстнаго (сравнительно очень невысокаго) предѣла, послѣ котораго интенсивность эмоціи остается приблизительно одинаковой, какъ-бы не усиливался возбудитель.

О томъ, насколько значительны чувства, испытываемыя человѣкомъ въ каждый данный моментъ, мы судимъ прежде всего по тѣмъ внѣшнимъ, физіологическимъ проявленіямъ, которыя наиболѣе доступны постороннему наблюдателю и о которыхъ уже много разъ упоминалось. Чѣмъ сильнѣе аффектъ или эмоція, тѣмъ рѣзче вазомоторныя измѣненія, тѣмъ обильнѣе и энергичнѣе мимическія и пантомимическія движенія. Если легкое чувство удовольствія приводитъ въ дѣйствіе наиболѣе легко сокращающіяся мелкія мышцы (Спенсеръ) (47), вызывая на лицѣ человѣка улыбку, то при болѣе сильной радости человѣкъ начинаетъ смѣяться, затѣмъ хохотать, прыгать, размахивать руками и т. д. Такой же параллелизмъ между ростомъ чувства и усиленіемъ его физіологическихъ проявленій существуетъ и для всѣхъ угнетающихъ, астеническихъ аффектовъ, какъ страхъ, горе, отчаяніе. Однако, далеко не всѣ люди обладаютъ хорошо развитыми физіологическими проявленіями чувствованій, и поэтому оцѣнка силы чувствъ по ихъ физіологическимъ проявленіямъ далеко не во всѣхъ случаяхъ можетъ считаться вполнѣ достаточной. Нерѣдко приходится прибѣгать для этой цѣли къ различнымъ косвеннымъ признакамъ, изъ которыхъ самымъ важнымъ является, пожалуй, вліяніе чувствъ на поступки и дѣятельность человѣка. Чѣмъ сильнѣе желаемъ мы чего-нибудь, тѣмъ энергичнѣе добиваемся. А такъ какъ желанія тѣсно связаны съ чувствами, то по той энергіи, съ которой человѣкъ дѣйствуетъ, мы можемъ судить до извѣстной степени также и о силѣ его чувствованій.

Наконецъ, нѣкоторое представленіе о силѣ чувствъ, испытываемыхъ человѣкомъ, мы можемъ составить по его собственнымъ разсказамъ и описаніямъ, въ особенности, если человѣкъ этотъ обладаетъ способностью къ самонаблюденію и умѣетъ точно и подробно описывать и анализировать свои душевныя переживанія. Такъ, напр., въ доказательство того, какія сильныя эмоціи могутъ испытывать нѣкоторыя художественныя натуры, приводятъ нерѣдко Берліоза, который въ необычайно сильныхъ и страстныхъ выраженіяхъ описываетъ свое душевное состояніе во время перваго исполненія его произведеній (15). Надо имѣть въ виду, однако, что художественность разсказа можетъ въ этихъ случаяхъ значительно усилить производимое имъ впечатлѣніе, тогда какъ неумѣлая, хотя бы и правдивая передача является нерѣдко только

слабымъ отголоскомъ, не дающимъ никакого представленія о силѣ пережитаго чувства. Вообще, способъ этотъ, являющійся наиболѣе непосредственнымъ (такъ какъ о силѣ своихъ чувствъ сулитъ самъ человѣкъ, ихъ испытывающій), обладаетъ въ то же время всѣми недостатками чисто субъективнаго метода.

Говоря о возбудителяхъ разбираемой наклонности, приходится прежде всего повторить то, что было сказано о нихъ по поводу возбудимости чувствованій: внезапность наступленія, рѣзкій контрастъ со всѣмъ окружающимъ, яркость и отчетливость представленій, сопровождающихъ данное чувство,—всѣ эти моменты играютъ здѣсь такую же важную роль, какъ и въ предшествовавшемъ качествѣ. Разница только въ томъ, что здѣсь каждый изъ этихъ дѣйствующихъ моментовъ долженъ быть доведенъ до крайней степени своей интенсивности,—какъ объ этомъ уже говорилось выше, при опредѣленіи наклонности. Въ частности—усиливающее дѣйствіе контраста возможно только въ томъ случаѣ, если контрастирующія чувства болѣе или менѣе однородны по своему содержанію: радостное извѣстіе особенно сильно дѣйствуетъ на человѣка, который уже близокъ къ отчаянію, веселая шутка оцѣнивается лучше всего среди монотонной и скучной обстановки; но, по остроумному замѣчанію Лемана, „хорошая картина не будетъ казаться лучше послѣ скверной музыки, шахматный выигрышъ—послѣ зубной боли“. Точно такъ же, какъ и въ предшествовавшемъ качествѣ, яркость и отчетливость представленій, сопровождающихъ чувство, хотя и способствуютъ въ значительной степени усиленію чувства, но все же не являются элементами, безусловно необходимыми. Бываютъ случаи, когда огромная радость внезапно наполняетъ все сознаніе человѣка, а онъ еще не успѣлъ разобраться въ ея причинахъ и лишь очень смутно сознаетъ самый предметъ этой радости. Нѣчто подобное долженъ былъ испытывать Алеша Карамазовъ, когда, выбѣжавъ ночью изъ кельи, гдѣ лежалъ покойный старецъ Зосима, онъ въ изступленіи, полный восторга, цѣловалъ землю и рыдая клялся „любить ее, любить во вѣки вѣковъ“.

Относительно измѣняемости даннаго качества по возрастамъ считаютъ обыкновенно, что у дѣтей сила чувствованій (какихъ бы то ни было) далеко не можетъ достигать той интенсивности, какъ у взрослыхъ. Согласно мнѣнію Спенсера, „при прочихъ равныхъ условіяхъ сила чувствованій строго пропорціональна количеству заключающихся въ немъ ощущеній“; поэтому, чѣмъ выше подымается развитіе, тѣмъ сильнѣе становятся чувства, такъ какъ постепенно развивающіяся сложныя эмоціи вмѣщаютъ

въ себя все большее и большее количество ощущеній (47). Если придерживаться этой теоріи, то придется, конечно, заключить, что взрослые люди, кругозоръ которыхъ несравненно шире, чѣмъ у дѣтей, обладаютъ также и гораздо болѣе глубокими и интенсивными чувствованіями. Однако, несомнѣнное, фактическое рѣшеніе этого вопроса едва-ли можетъ быть когда-нибудь получено, такъ какъ вмѣстѣ съ возрастомъ измѣняется не только сила чувствованій, но также и всѣ тѣ внѣшнія проявленія, при помощи которыхъ ее можно обнаружить: мышцы тѣла, какъ гладкія, такъ и поперечно-полосатыя, все болѣе и болѣе начинаютъ подчинятся произвольной задержкѣ, поступки и сужденія дѣлаются болѣе обдуманными и менѣе импульсивными, отношеніе къ своимъ собственнымъ душевнымъ переживаніямъ и оцѣнка ихъ значительно измѣняются. Всѣ эти и многія другія перемѣны сильно затрудняютъ прямое и непосредственное сравненіе силы чувствованій у дѣтей и у взрослыхъ.

Анатомо-физіологическимъ коррелатомъ силы чувствъ является, очевидно, бо́льшая или меньшая интенсивность периферическихъ измѣненій (мышечныхъ и вазомоторныхъ), а также тѣхъ, еще не достаточно изученныхъ процессовъ въ головномъ мозгу, которыми сопровождается начало и развитіе каждаго чувствованія. Нѣкоторые авторы (Фулье) полагаютъ, кромѣ того, что сильныя, неоднократно повторяющіяся чувства, помимо своихъ внѣшнихъ проявленій, глубоко затрогиваютъ также и дѣятельность внутреннихъ органовъ, ощущенія которыхъ играютъ такую важную роль въ происхожденіи эмоцій; послѣ сильнаго истощенія органы эти (въ противоположность органамъ чувствъ) долго не могутъ оправиться, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что люди впечатлительные вообще не отличаются крѣпкимъ здоровьемъ.

Связи и отношенія. Обильныя физіологическія проявленія, неизмѣнно сопровождающія у многихъ людей всѣ сколько нибудь значительные аффекты и эмоціи, играютъ по отношенію къ этимъ послѣднимъ двоякую роль: съ одной стороны, они увеличиваютъ силу чувствованія, благодаря массѣ периферическихъ ощущеній, получающихся отъ мышцъ и внутреннихъ органовъ, а съ другой—способствуютъ разрѣшенію аффекта, давая выходъ накопившемуся возбужденію. Извѣстно, что однимъ изъ лучшихъ средствъ подавить въ себѣ начинающуюся вспышку гнѣва является систематическая задержка всѣхъ проявленій этого гнѣва (человѣкъ заставляетъ себя сидѣть на мѣстѣ, удерживается отъ всякихъ рѣзкихъ движеній, сохраняетъ спокойный тонъ и

т. д.); но въ то же время не менѣе извѣстно, что, напр., тяжелое горе облегчается слезами и жалобами. Такая же, довольно неопредѣленная зависимость существуетъ между силой чувствъ и ихъ продолжительностью. Съ одной стороны, продолжительность чувствованій благопріятствуетъ тому, чтобы каждое изъ нихъ развилось, укрѣпилось и достигло значительной интенсивности; однако, съ другой стороны, зависимость эту ни въ какомъ случаѣ нельзя считать взаимной, такъ какъ нерѣдко самыя сильныя страсти и аффекты потухаютъ такъ же быстро, какъ и вспыхиваютъ. Объ отношеніи силы чувствъ къ ихъ возбудимости говорилось въ предыдущей главѣ. Вообще же говоря, разбираемое нами качество связано, повидимому, болѣе тѣсно съ нѣкоторыми особенностями умственной и волевой, чѣмъ эмоціональной сферы. Такъ, сила чувствъ способствуетъ развитію желаній, а сильныя желанія порождаютъ энергичную дѣятельность. Люди, наклонные къ сильнымъ и глубокимъ чувствованіямъ, болѣе другихъ способны бороться за свои убѣжденія или для достиженія своихъ цѣлей. Наоборотъ, ослабленіе чувствованій и желаній, наблюдающееся нерѣдко въ состояніяхъ такъ наз. психо-неврастеніи, влечетъ за собою обыкновенно совершенное безволіе, „абулію“, обрекающую больного, въ концѣ концовъ, на полную бездѣятельность.

Что касается, наконецъ, умственной сферы, то сильно развитыя чувства могутъ, конечно, совмѣщаться съ обширнымъ и разностороннимъ интеллектомъ, но въ то же время они, повидимому, налагаютъ особый отпечатокъ на всю умственную дѣятельность даннаго человѣка. Яркіе конкретные образы преобладаютъ въ подобныхъ случаяхъ надъ сухими, отвлеченными схемами; полусознательное художественное творчество беретъ верхъ надъ послѣдовательнымъ, систематическимъ научнымъ мышленіемъ [1]). Наоборотъ, болѣе или менѣе значительное ослабленіе эмоціональной сферы можетъ въ теченіе долгаго времени не оказывать почти никакого вліянія на умственныя способности человѣка. Особенно рѣзко бросается въ глаза это при нѣкоторыхъ психозахъ, какъ, напр., при такъ наз. раннемъ слабоуміи (dementia praecox). Способность воспринимать и комбинировать внѣшнія впечатлѣнія представляется у такихъ больныхъ незатронутой, ихъ сужденія и отвѣты не заключаютъ въ себѣ ничего нелѣпаго и противорѣчиваго,—и въ то же время бросается въ глаза ихъ полное равнодушіе и безуча-

[1]) О значеніи эмоціональнаго фактора въ творчествѣ см. у Рибо (48).

стіе ко всему, что прежде ихъ интересовало и волновало, ко всѣмъ явленіямъ окружающей жизни и дѣйствительности,—за исключеніемъ развѣ только самыхъ элементарныхъ органическихъ потребностей (28). Нѣчто подобное наблюдается также въ случаяхъ нравственнаго помѣшательства, когда, наряду съ глубокимъ упадкомъ высшихъ чувствованій, умственныя способности представляются во многихъ случаяхъ почти совершенно незатронутыми.

Продолжительность (устойчивость) чувствованій.

Опредѣленіе качества и его проявленія. Говоря о продолжительности чувствъ, мы будемъ имѣть въ виду тотъ наибольшій для даннаго субъекта промежутокъ времени, въ теченіи котораго чувство, разъ возбужденное, продолжаетъ еще обнаруживаться, несмотря на то, что обстоятельства уже перемѣнились и возбудитель пересталъ дѣйствовать. „Если мы, говоритъ Массо, спокойно гуляя, вдругъ видимъ особу, которую мы хотѣли бы избѣжать, наша кровь начинаетъ усиленно циркулировать. Но вотъ, сейчасъ же мы замѣтили съ облегченіемъ, что это не она, тѣмъ не менѣе наше сердце продолжаетъ усиленно биться, смущеніе и безпокойство не исчезаютъ сразу; они остаются еще, какъ „колебаніе веревки послѣ того, какъ по ней ударили“ (49). Здѣсь чувство не отличалось особенной силой и поэтому оно всетаки успокаивается довольно скоро. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда возбудитель сильнѣе и чувство, вызванное имъ, болѣе глубоко затрогиваетъ весь душевный складъ человѣка, послѣдовательное дѣйствіе этого чувства можетъ оказаться гораздо болѣе продолжительнымъ, такъ что слѣды его можно обнаружить спустя недѣли, мѣсяцы, даже годы. Самолюбивый человѣкъ, получившій первый призъ на конкурсѣ, нѣсколько дней послѣ того ходитъ, гордо поднявши голову и самодовольно улыбаясь; мать, потерявшая любимаго ребенка, годами не можетъ иногда забыть свое горе. Нерѣдко въ этихъ случаяхъ чувство, вначалѣ не особенно сильное, съ теченіемъ времени не только не утихаетъ, но даже усиливается, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ, въ первыя минуты растерявшійся, мало по малу приходитъ въ себя и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на воспоминаніяхъ о постигшемъ его несчастіи.

Надо сказать, впрочемъ, что здѣсь рѣчь идетъ вовсе не о постоянномъ, непрерывномъ пребываніи даннаго чувства въ сознаніи. Даже глубоко разстроенный человѣкъ на моментъ отвле-

кается отъ своего горя для того, чтобы утолить голодъ и жажду. Въ эти моменты чувство, хотя и не исчезаетъ вполнѣ изъ сознанія, но все же отходитъ на второй планъ, чтобы въ слѣдующій моментъ опять обнаружиться съ полной силой. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ дѣйствіе чувства ослабѣваетъ, такія, повторныя обнаруженія его дѣлаются все болѣе и болѣе рѣдкими, интенсивность ихъ также постепенно понижается, пока, наконецъ, данное чувство совсѣмъ не перестанетъ повторяться. Эти повторные возвраты разъ испытаннаго чувства, при полномъ отсутствіи соотвѣтствующаго возбудителя, указываютъ на то, что чувство это все время продолжаетъ дѣйствовать, хотя бы самъ человѣкъ, отвлеченный на время чѣмъ-нибудь постороннимъ, и не сознавалъ этого дѣйствія. Въ данномъ случаѣ къ эмоціональной сферѣ всецѣло можно примѣнить соображенія, высказанныя однимъ авторомъ (50) относительно представленій и ихъ взаимодѣйствія. „Поразительнымъ представляется тотъ фактъ, говоритъ онъ,... что постоянство, устойчивость представленій и ихъ наклонность къ частому появленію въ сознаніи всегда сопровождаютъ другъ друга. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда о тѣсной связи обѣихъ этихъ наклонностей“? Далѣе авторъ указываетъ на то, что чѣмъ больше стремленіе представленія осуществиться (Actualisirbarkeit der Vorstellungsdisposition), тѣмъ больше и сопротивляемость представленія по отношенію ко всему остальному содержанію сознанія. Такимъ образомъ, оказывается, что „устойчивость представленія и наклонность его къ частому возникновенію въ сознаніи вовсе не представляютъ изъ себя двухъ самостоятельныхъ наклонностей. Первая изъ нихъ сама собой появляется вмѣстѣ со второй, составляя лишь ея, такъ сказать, обратную сторону“. Въ нашемъ случаѣ мы имѣемъ то же отношеніе, только взятое въ обратномъ видѣ: постоянство, устойчивость чувствованій является причиной неоднократнаго появленія одного и того же чувства въ сознаніи. Наконецъ, доказательствомъ того, что долго длящееся чувство продолжаетъ дѣйствовать даже и во время кажущихся перерывовъ, можетъ служить вліяніе его на ходъ мыслей, на мимику и поведеніе даннаго индивидуума: человѣку кажется, что онъ развлекся и позабылъ о своемъ горѣ, а между тѣмъ самъ онъ чувствуетъ, что не въ состояніи заняться никакимъ постороннимъ дѣломъ: углы губъ у него по прежнему все время остаются опущенными, движенія его все такъ же медленны и подавлены, словомъ—вліяніе даннаго чувства, хотя и вышедшаго временно изъ поля его сознанія, продолжаетъ, тѣмъ не менѣе, сказываться на всемъ его поведеніи.

Противоположное качество — непродолжительность или неустойчивость чувствъ — состоитъ въ томъ, что всякое чувство, хотя бы даже вначалѣ и очень интенсивное, быстро ослабѣваетъ и, наконецъ, прекращается, не оставляя послѣ себя никакого слѣда. Если человѣкъ не отличается обиліемъ чувствованій, то послѣ прекращенія данной эмоціи онъ впадаетъ въ свое обычное состояніе апатіи или спокойнаго равнодушія. Если же чувства у него обильны и легко возбудимы, то прежняя эмоція очень быстро смѣняется у него какой-нибудь другой, эта въ свою очередь опять новой и такъ далѣе, безъ конца. Получается быстрая и рѣзкая смѣна чувствованій и настроеній, составляющая одну изъ отличительныхъ чертъ такъ наз. истерическаго характера. Качество это, будучи очень рѣзко выражено, дѣлаетъ обыкновенно человѣка совершенно неспособнымъ выработать себѣ сколько-нибудь опредѣленные взгляды и убѣжденія, симпатіи и антипатіи, пріобрѣсти сколько-нибудь прочныя, постоянныя привязанности. Благодаря этому, оно играетъ нерѣдко очень важную роль въ жизни человѣка, опредѣляя собой не только его личныя отношенія къ окружающимъ его людямъ, но даже иногда родъ его занятій, соціальное положеніе и т. д. Въ случаяхъ, менѣе рѣзко выраженныхъ, ослабленіе господствующаго чувства и замѣна его другимъ происходятъ съ извѣстной постепенностью. Ослабѣвающее чувство мало по малу видоизмѣняется, входя въ различныя комбинаціи съ другими, вновь возникающими эмоціями. Острое, тяжелое горе принимаетъ постепенно характеръ тихой, задумчивой грусти, пока, наконецъ, не исчезнетъ совершенно, уступивши мѣсто новымъ надеждамъ и новымъ радостямъ. Переходъ въ этихъ случаяхъ бываетъ иногда до того постепеннымъ, что подъ конецъ трудно бываетъ уловить, гдѣ кончается прежнее чувство и гдѣ начинаются новыя, заступившія его мѣсто.

Возбудителемъ разбираемой наклонности является, прежде всего, постоянство окружающихъ условій и обстоятельствъ, сохраненіе ихъ приблизительно въ томъ же видѣ, въ какомъ они были въ моментъ возникновенія данной эмоціи. Чѣмъ однороднѣе окружающая среда, чѣмъ меньше содержитъ она возбудителей противоположнаго характера, способныхъ ослабить и раньше времени прекратить проявленія разъ возникшей эмоціи, тѣмъ продолжительнѣе будетъ дѣйствіе этой эмоціи. Не даромъ человѣку, угнетенному случившейся съ нимъ крупной неудачей, совѣтуютъ „разсѣяться“, отправиться въ путешествіе, перемѣнить мѣсто жительства, родъ занятій, однимъ словомъ — поставить себя въ совершенно другія условія, чѣмъ тѣ, среди ко-

торыхъ произошло огорчившее его событіе. Кромѣ постоянства окружающей обстановки и отсутствія противоположныхъ вліяній важна также бо̀льшая или меньшая продолжительность въ дѣйствіи самаго возбудителя. Красивый ландшафтъ, которымъ мы любовались въ теченіе долгаго времени, оставитъ въ насъ, конечно, гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ въ томъ въ случаѣ, если бы мы взглянули на него разъ-другой изъ окна желѣзнодорожнаго вагона. Чѣмъ дольше дѣйствовалъ возбудитель, тѣмъ болѣе „упрочилось“ въ насъ соотвѣтствующее чувство и тѣмъ значительнѣе будетъ потомъ его продолжительность. Надо сказать, впрочемъ, что здѣсь извѣстное значеніе имѣетъ также сложность самаго объекта—возбудителя эмоціи. Чѣмъ проще объектъ, тѣмъ скорѣе дѣйствіе его достигаетъ своего maximum'а, чтобы затѣмъ такъ же быстро ослабѣть и прекратиться. Простое ощущеніе краснаго цвѣта или сладкаго вкуса тотчасъ же вызываетъ въ насъ соотвѣтствующее удовольствіе въ максимальной степени, но затѣмъ очень быстро „надоѣдаетъ“ намъ, и удовольствіе совершенно теряется. Наоборотъ, хорошую картину или живописный ландшафтъ мы можемъ разсматривать очень долго съ неослабѣвающимъ интересомъ. Подобная же разница въ дѣйствіи простыхъ и сложныхъ возбудителей замѣчается также и въ томъ случаѣ, когда самого объекта-возбудителя уже нѣтъ на лицо и вызванное имъ чувство поддерживается въ насъ только воспоминаніями: чѣмъ большее количество образовъ и воспоминаній напоминаютъ намъ объ испытанной когда-то эмоціи, тѣмъ дольше сохраняется дѣйствіе этой эмоціи.

Нѣкоторые авторы указываютъ, далѣе, на то, что чувствованія, по своему содержанію непріятныя, отличаются по сравненію съ пріятными не только бо̀льшимъ распространеніемъ, но также и бо̀льшей продолжительностью. Сосредоточивая непрерывно въ теченіе нѣкотораго времени свое вниманіе на какомъ-нибудь ощущеніи или представленіи, доставляющемъ намъ удовольствіе (ощущеніе сладкаго вкуса, красивое сочетаніе цвѣтовъ, пріятное воспоминаніе), мы замѣчаемъ мало по малу, какъ удовольствіе начинаетъ ослабѣвать, затѣмъ совершенно исчезаетъ и, наконецъ, если мы будемъ насильно продолжать фиксацію вниманія на томъ же объектѣ, переходитъ въ противоположное чувство неудовольствія. Особенно замѣтенъ бываетъ этотъ переходъ на тѣхъ объектахъ, которые не отличаются особенной сложностью, — какъ объ этомъ уже говорилось выше. Въ противоположность этому, чувства, по своему содержанію непріятныя,

какъ, напр., физическая боль, горе, страхъ, мучительныя колебанія, могутъ продолжаться очень долгое время, не только не утрачивая своей напряженности, но даже дѣлаясь постепенно все болѣе и болѣе невыносимыми. Перехода въ противоположное чувство въ этихъ случаяхъ никогда не наблюдается (Леманъ) (46). Возможно, что именно большей устойчивостью непріятныхъ эмоцій объясняется тотъ фактъ, что люди, испытавшіе въ своей жизни много горя, способны къ болѣе глубокимъ чувствамъ, чѣмъ тѣ, которые всю жизнь срывали цвѣты удовольствія.

Вопросъ объ анатомо-физіолочическомъ корреватѣ разбираемой нами наклонности въ настоящее время нельзя считать разрѣшеннымъ сколько-нибудь удовлетворительно. Несомнѣнно, что здѣсь рѣчь должна идти объ устойчивости и постоянствѣ тѣхъ, еще недостаточно выясненныхъ процессовъ, которые составляютъ основу всякаго чувствованія. Нѣкоторые (напр., Штеррингъ) придаютъ въ данномъ случаѣ особенное значеніе различнымъ органическимъ ощущеніямъ (мышечнымъ, вазомоторнымъ и др.), сопровождающимъ значительное большинство нашихъ чувствованій. Эти ощущенія вступаютъ въ ассоціативныя связи съ другими, подобными имъ группами ощущеній и вмѣстѣ съ ними взаимно поддерживаютъ и выдвигаютъ другъ друга въ сознаніи. А такъ какъ всякая группа органическихъ ощущеній неизбѣжно влечетъ за собой также и появленіе соотвѣтствующаго чувства, то благодаря этому образуется цѣлая цѣпь чувствованій, однородныхъ или близкихъ по своему содержанію и взаимно поддерживающихъ другъ друга.

Связи и отношенія разбираемаго качества, повидимому, чрезвычайно обширны, такъ что при составленіи характеристики каждаго отдѣльнаго индивидуума вопросъ о большей или меньшей устойчивости его чувствованій долженъ имѣть очень важное значеніе. Укажемъ на нѣкоторыя, важнѣйшія изъ этихъ связей. Прежде всего, въ сферѣ эмоціональной, повышенная возбудимость чувствованій въ высшей степени способствуетъ ихъ неустойчивости, какъ объ этомъ уже говорилось выше. Чѣмъ легче возбуждаются новыя чувства, тѣмъ скорѣе они вытѣсняютъ старыя, ранѣе ихъ господствовавшія въ сознаніи. Какъ легкая возбудимость чувствованій, такъ и ихъ непостоянство свойственны въ одинаковой степени дѣтскому (а по мнѣнію многихъ — и женскому) характеру. Въ первой стадіи опьяненія, а также въ состояніи маніакальнаго возбужденія усиленіе обоихъ этихъ качествъ опять таки идетъ параллельно, причемъ въ нѣ-

которыхъ случаяхъ они могутъ достигать очень значительной степени развитія. Далѣе, въ тѣсной связи съ продолжительностью чувствованій стоитъ бо̀льшая или меньшая ассоціированность, взаимная согласованность ихъ дѣйствія, благодаря которой отдѣльныя эмоціи взаимно поддерживаютъ другъ друга О томъ, что продолжительность чувствованій способствуетъ также ихъ интенсивности, уже говорилось выше.

Чрезвычайно важное значеніе имѣетъ разбираемое нами качество для волевой сферы. Устойчивость рѣшеній, продолжительность волевого усилія, словомъ—всѣ тѣ качества, которыми обусловливается настойчивость въ поступкахъ, постоянный и опредѣленный образъ дѣйствій,—предс тавляются совершенно невозможными въ томъ случаѣ, если чувства и желанія смѣняются, какъ въ калейдоскопѣ, быстро возникая и такъ же быстро уступая мѣсто другимъ. Мало того, безъ продолжительности чувствованій невозможно вообще всякое сколько-нибудь энергическое волевое усиліе, невозможно даже принятіе какого бы то ни было опредѣленнаго рѣшенія. Вѣдь дѣлая надъ собой энергическое усиліе, напр., жертвуя удовольствіемъ ради выполненія долга, человѣкъ всегда руководится при этомъ какими-нибудь отдаленными мотивами, которые оказываютъ на него большее вліяніе, чѣмъ всѣ окружающія его въ данный моментъ воздѣйствія. Но вѣдь вся сила этихъ отдаленныхъ мотивовъ заключается именно въ томъ продолжительномъ, стойкомъ и неизмѣнномъ чувствѣ, которое съ ними связано и благодаря которому они являются не простыми, индифферентными воспоминаніями, а стимулами, направляющими дѣятельность и поступки человѣка. То же самое и въ процессѣ принятія рѣшенія. Разъ мы выбрали одно какое-нибудь рѣшеніе, предпочитая его всѣмъ остальнымъ, значитъ, чувство, связанное съ этимъ рѣшеніемъ, взяло верхъ надъ всѣми другими и заняло въ сознаніи преобладающее мѣсто. Если это чувство устойчиво, то наше рѣшеніе будетъ окончательнымъ и безповоротнымъ. Наоборотъ, имбециллики, а также вообще люди, отличающіеся измѣнчивостью и непостоянствомъ своихъ чувствованій, никакъ не могутъ остановиться на одномъ какомъ-нибудь опредѣленномъ рѣшеніи. Если имбециллику, говоритъ Солье, дать два объекта на выборъ, то онъ тотчасъ же, безъ колебаній беретъ одинъ изъ нихъ; потомъ тотчасъ же оставляетъ его и беретъ второй. Взявши что-нибудь, онъ почти всегда жалѣетъ о томъ, что взялъ это, а не другое (44). Такимъ образомъ, даже простой выборъ, принятіе рѣшенія требуетъ уже извѣстной устойчивости чувствованій.

Не менѣе значительной оказывается также связь разбираемаго нами качества съ нѣкоторыми особенностями умственной сферы. Если какое-нибудь чувство надолго овладѣло человѣкомъ, то соотвѣтствующія ему представленія чаще всѣхъ другихъ появляются въ его сознаніи и настойчиво останавливаютъ на себѣ его вниманіе. Благодаря существованію такихъ направляющихъ идей, мышленіе человѣка, а нерѣдко также и его поступки пріобрѣтаютъ характеръ единства, зависящій не столько отъ логической согласованности его мыслей, сколько отъ постоянства руководящихъ чувствованій. Примѣры такой „логики чувствъ" нерѣдки среди выдающихся общественныхъ дѣятелей, горячо преданныхъ какой-нибудь идеѣ и всю жизнь за нее боровшихся. Съ другой стороны, способность къ воспроизведенію представленій, въ особенности яркихъ и живыхъ образовъ фантазіи (а также органическихъ ощущеній—см. выше), значительно благопріятствуетъ продолжительности чувствованій. Извѣстенъ случай, описанный Шарко, когда больной, обладавшій ранѣе чрезвычайно развитымъ зрительнымъ воображеніемъ, внезапно потерялъ эту способность. И вотъ, одновременно съ этимъ, онъ сталъ замѣчать, что чувства его какъ бы притупились. „Прежде я былъ впечатлительнымъ, энтузіастомъ, говоритъ онъ, и обладалъ богатымъ воображеніемъ; теперь же я сталъ холоденъ и спокоенъ, образы, созданные фантазіей, уже не могутъ увлекать меня". „Я сдѣлался менѣе доступнымъ горю и нравственному страданію. Такъ, напр., потерявши недавно одного родственника, съ которымъ мы были связаны тѣсной дружбой, я испыталъ гораздо меньшую скорбь, чѣмъ это было бы прежде, когда я могъ представить себѣ его лицо, теченіе его болѣзни и въ особенности внѣшнія проявленія того горя, которое его преждевременная смерть вызвала у всѣхъ членовъ нашей семьи" (51). Что касается, наконецъ, той связи, которая существуетъ между продолжительностью чувствъ и устойчивостью пассивнаго вниманія, то объ этомъ уже говорилось выше.

* * *

Въ послѣднее время Рибо, наряду, съ памятью интеллектуальной, выдвигаетъ также **аффективную память,** которая, по его словамъ, у нѣкоторыхъ людей представлается очень сильно развитой. Способность эта состоитъ въ томъ, что, вспоминая о какомъ-нибудь событіи, сильно взволновавшемъ его въ свое время, человѣкъ живо воспроизводитъ не только ощущенія и представленія, связанныя съ этимъ событіемъ, но также и самую

эмоцію, тотъ „чувственный тонъ", которымъ сопровождались эти ощущенія и представленія. Индивидуальныя колебанія въ этомъ отношеніи, повидимому, очень велики. Въ то время, какъ нѣкоторые люди совершенно спокойно разсказываютъ объ испытанномъ ими когда-то смертельномъ ужасѣ, или состояніи восторга, или мучительной боли, — другіе всякій разъ снова переживаютъ тѣ же чувства, только въ болѣе слабой степени. Качество это, повидимому, представляется родственнымъ только что разобранной нами продолжительности чувствованій. Въ то же время большее или меньшее его развитіе сильно должно отразиться какъ на поступкахъ человѣка, такъ и на его умственной дѣятельности; на это отчасти указываетъ и самъ Рибо въ статьѣ, посвященной данному вопросу (52). Вообще, аффективная память, если бы ее изучить подробнѣе, могла бы, пожалуй, имѣть для индивидуальной психологіи не менѣе важное значеніе, чѣмъ многія другія основныя наклонности. Теперь же она еще слишкомъ мало изслѣдована для того, чтобы высказываться окончательно по этому вопросу.

Взаимная согласованность (ассоціированность) чувствованій.

Опредѣленіе качества и его проявленія. Въ первой части этой книги, при разборѣ взаимныхъ отношеній между различными наклонностями, мы уже подробно говорили о томъ, что родственныя и взаимно-связанныя наклонности стремятся выдвинуть другъ друга въ сознаніи. Кромѣ того, указывалось и на то, что возможность односторонняго развитія душевныхъ качествъ дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи, разъединяя между собой не только родственныя наклонности, но даже нерѣдко различныя проявленія одного и того же душевнаго качества. Особенно сильно сказывается возможность подобнаго односторонняго развитія въ тѣхъ наклонностяхъ, которыя относятся къ содержанію различныхъ эмоцій. Такъ, напр., материнская любовь отличается нерѣдко крайней исключительностью: сосредоточивши всѣ свои заботы и помыслы на своемъ ребенкѣ, иная мать относится съ полнымъ безучастіемъ къ нуждамъ и страданіямъ всѣхъ другихъ дѣтей, хотя бы они тутъ же рядомъ умирали съ голоду. Однако, далеко не всѣ матери такъ исключительны въ своихъ чувствахъ. Бываютъ случаи, когда женщина становится сострадательной ко всѣмъ маленькимъ, заброшеннымъ дѣтямъ именно потому, что они напоминаютъ ей собственнаго ребенка, такого же слабаго и безпомощнаго; чувство, пробужденное въ ней этимъ воспоминаніемъ, распространяется также и на того чужого ребенка, благодаря которому это воспоминаніе возникло, и мѣшаетъ

ей остаться по отношенію къ нему черствой и равнодушной. Любовь и жестокость не уживаются рядомъ въ ея сознаніи, какъ это было въ первомъ случаѣ. Чувства ея стремятся придти къ согласованію, создавши одно настроеніе, болѣе или менѣе однородное. Большую роль въ подобныхъ случаяхъ могутъ играть, конечно, различныя ассоціаціи представленій, входящихъ въ составъ каждаго отдѣльнаго чувства. Но и помимо представленій, существуетъ также непосредственная, хотя иногда и плохо сознаваемая связь между отдѣльными эмоціями, та „логика чувствъ", которая заставляетъ однородныя чувства и эмоціи группироваться вмѣстѣ, не допуская въ сознаніе (по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ) никакихъ чуждыхъ, противорѣчивыхъ элементовъ. Эта именно взаимная согласованность различныхъ, но близкихъ по своему содержанію чувствъ, наполняющихъ сознаніе въ каждый данный моментъ, и составляетъ основу разбираемаго нами качества.

Взаимная согласованность чувствованій вовсе еще не влечетъ за собой непремѣнно единства характера, полной гармоніи всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ данной личности. Такое полное единство характера, какъ мы уже говорили, встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Здѣсь же рѣчь идетъ только о томъ, чтобы, благодаря извѣстному подбору однородныхъ чувствованій, въ сознаніи человѣка въ каждый данный моментъ не было противорѣчивыхъ элементовъ. Человѣкъ, у котораго дѣйствіе отдѣльныхъ чувствъ достаточно между собой согласовано, всецѣло бываетъ охваченъ извѣстнымъ настроеніемъ или эмоціей. Будучи сильно огорченъ, онъ уже не разсмѣется внезапной шуткѣ, находясь въ приподнятомъ, торжественномъ настроеніи, онъ не захочетъ слушать пошлостей. Изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ совершенно неспособенъ забавляться веселыми анекдотами; но только способность эта проявится въ другую, веселую минуту, когда въ сознаніи его будетъ другой, противоположный подборъ чувствованій. Настроенія его мѣняются періодами, полосами, и содержаніе чувствъ внутри каждаго отдѣльнаго періода отличается большимъ единствомъ и однородностью.

Въ противоположность этому, люди, отличающіеся слабымъ развитіемъ разбираемаго нами качества, способны въ одно и то же время испытывать самыя разнородныя, иногда даже прямо противоположныя чуствованія. Въ ихъ отношеніяхъ къ одному и тому же лицу могутъ проявляться одновременно любовь и ненависть, нѣжность, и отвращеніе. Будучи совершенно искренно растроганы чтеніемъ нравоучительнаго романа, они въ ту же

самую минуту не задумаются совершить какой-нибудь подленькій поступокъ. Они способны одновременно чувствовать симпатію къ двумъ людямъ, прямо противоположнымъ по своему характеру, увлекаться въ одно и то же время предметами, не имѣющими между собой ничего общаго. Каждое чувство появляется и исчезаетъ безъ всякой связи со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ сознанія, не будучи поддерживаемо со стороны сходныхъ чувствъ и не вступая въ борьбу съ противоположными. Въ результатѣ получается полная безсвязность и разрозненность чувствъ и желаній, смѣняющихъ другъ друга безъ всякаго порядка и послѣдовательности. Яркіе и многочисленные примѣры такой безсвязности чувствъ можно найти среди лицъ, обладающихъ такъ наз. истерическимъ складомъ характера.

Связи и отношенія. Уже a priori можно сказать, что взаимное согласованіе чувствъ должно способствовать ихъ силѣ и устойчивости. Если цѣлый рядъ однородныхъ эмоцій поддерживаютъ другъ друга, то каждая изъ нихъ имѣетъ гораздо больше шансовъ упрочиться и достигнуть значительной интенсивности, чѣмъ въ противоположномъ случаѣ. Въ главѣ, посвященной продолжительности чувствованій, мы уже указывали на то, что качество это въ значительной степени обусловливается тѣми ассоціативными связями, которыя образуются обыкновенно между органическими ощущеніями, свойственными различнымъ аффектамъ и эмоціямъ. Тѣмъ болѣе велика должна быть взаимная поддержка чувствованій въ томъ случаѣ, если связь устанавливается не только между сопровождающими ихъ органическими ощущеніями, но также и между тѣми ихъ сторонами, которыя составляютъ сущность и содержаніе каждаго отдѣльнаго чувства. Съ другой стороны, если въ сознаніи имѣется одна или нѣсколько сильныхъ и глубокихъ эмоцій, то онѣ, въ свою очередь, способствуютъ взаимной согласованности всѣхъ остальныхъ чувствованій, производя между ними своего рода подборъ, усиливая всѣ сходныя и подавляя всѣ противоположныя. Подобный подборъ можно наблюдать у больныхъ меланхоліей, у которыхъ, благодаря постоянно господствующему мрачному настроенію, всякая горестная мысль или впечатлѣніе тотчасъ-же вызываютъ усиленную реакцію, тогда какъ всѣ пріятныя впечатлѣнія не производятъ никакого эффекта.

Въ волевой сферѣ согласованность чувствъ способствуетъ обдуманности поступковъ, постоянству въ образѣ дѣйствій, устойчивости принятыхъ рѣшеній и т. д. Безсвязность чувствъ сопровождается обыкновенно отсутствіемъ упомянутыхъ качествъ, а также повышенной внушаемостью, неспособ-

ностью сопротивляться чужимъ вліяніямъ и воздѣйствіямъ. Впрочемъ, какъ справедливо замѣчаетъ Поланъ, на почвѣ безсвязности чувствъ можетъ развиться также и безсмысленное упорство, такъ какъ человѣка, не умѣющаго согласовать свои собственныя чувства, нельзя бываетъ обыкновенно убѣдить никакими серьезными доводами.

Что касается умственной сферы, то взаимныя ассоціаціи представленій, входящихъ въ составъ различныхъ эмоцій, сильно способствуютъ также и большой согласованности между собой самихъ эмоцій. Поэтому человѣкъ, обладающій широкимъ кругозоромъ и развитымъ мышленіемъ, человѣкъ, приведшій свои свѣдѣнія и взгляды въ извѣстную систему, всегда будетъ отличаться также и большей послѣдовательностью въ развитіи и теченіи своихъ чувствованій. Его настроеніе въ каждый данный моментъ будетъ вполнѣ опредѣленнымъ, его симпатіи и антипатіи строго между собою согласованы и, вслѣдствіе этого, его поступки будутъ свободны отъ всякаго рода неожиданностей, скачковъ и противорѣчій. Въ этомъ именно и лежитъ причина того регулирующаго вліянія, которое оказываетъ образованіе на нашу эмоціональную сферу.

* * *

Чрезвычайно интереснымъ съ точки зрѣнія обще-психологической представляется другой способъ соединенія чувствованій, именно — преобладаніе между ними **ассоціацій контраста.** „Существуютъ люди, у которыхъ всякое желаніе, всякая мысль немедленно вызываютъ противоположную мысль или противоположное желаніе и задерживаются ими въ своемъ развитіи“ (15). Здѣсь рѣчь идетъ не о безсвязности или неустойчивости отдѣльныхъ эмоцій, въ полномъ безпорядкѣ смѣняющихъ другъ друга, какъ объ этомъ говорилось выше. Преобладаніе ассоціацій по контрасту выражается, наоборотъ, тѣмъ, что каждая эмоція, возникающая въ сознаніи, непремѣнно влечетъ за собою появленіе другой, вполнѣ опредѣленной, а именно—прямо противоположной ей по своему содержанію. При этомъ для насъ совершенно безразлично, возникло-ли извѣстное чувство (resp. желаніе) само собой, или подъ вліяніемъ чужого совѣта, внушенія и т. д.; результатъ въ обоихъ случаяхъ будетъ одинаковъ,—появленіе противоположнаго чувства. Такъ какъ всякій характеръ, въ силу борьбы за существованіе, неизбѣжно долженъ стремиться къ сохраненію хотя-бы нѣкотораго единства, то среди здоровыхъ людей настоящіе, рѣзко выраженные случаи ассоціаціи чувствъ

по контрасту встрѣчаются чрезвычайно рѣдко; обыкновенно они уже переступаютъ границу нормы, составляя достояніе патологіи. Поэтому для индивидуальной психологіи качество это не имѣетъ особеннаго значенія, и мы лишь вкратцѣ упомянемъ здѣсь о его проявленіяхъ.

Однимъ изъ наиболѣе слабыхъ проявленій даннаго качества является нерѣшительность, постоянныя колебанія, возникающія благодаря тому, что всякое желаніе и намѣреніе тотчасъ-же вызываетъ другое, прямо противоположное ему по своему содержанію. Сами по себѣ чувства бываютъ здѣсь достаточно сильны для того, чтобы привести человѣка къ дѣйствію, но они обезсиливаются постоянными столкновеніями и противорѣчіями. Другое проявленіе ассоціаціи чувствъ по контрасту составляетъ наклонность во что бы то ни стало противорѣчить другимъ,—ихъ мнѣніямъ, поступкамъ, совѣтамъ, просьбамъ и т. д. „Я однажды видѣлъ—говоритъ Поланъ—какъ человѣкъ поспѣшилъ положить обратно на тарелку взятыя имъ уже конфекты, когда ему предложили ихъ отвѣдать“. И это дѣлается не изъ упрямства, такъ какъ обыкновенно еще за минуту передъ этимъ человѣкъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія сказать или сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ; причиной является здѣсь просто „духъ противорѣчія“, т. е. преобладаніе ассоціацій контраста.

Дальнѣйшія проявленія разбираемаго качества встрѣчаются уже почти исключительно у душевно-больныхъ и дегенерантовъ. Сюда относится, напр., стремленіе наносить вредъ или причинять непріятности тѣмъ существамъ, которыя мы особенно любимъ, и именно въ ту минуту, когда они намъ больше всего дороги. У человѣка, искренно религіознаго, во время богослуженія является непреодолимое влеченіе произнести кощунственное ругательство или какой-нибудь дикой выходкой нарушить торжественную церемонію. Сюда можно отнести, пожалуй, также то своеобразное наслажденіе отъ сильной зубной боли или отъ сознанія крайняго позора и униженія, которое описываетъ Достоевскій въ „Запискахъ изъ подполья“. Если наряду съ сильно развитыми ассоціаціями контраста у больного имѣется также облегченный переходъ идей въ движеніе (повышеніе идео-моторной способности), то возникаютъ явленія такъ наз. негативизма: больной дѣлаетъ какъ разъ обратное тому, о чемъ его просятъ: онъ плотно стискиваетъ зубы, когда его просятъ показать языкъ, зажмуриваетъ глаза, когда хотятъ посмотрѣть его зрачки, сидитъ, когда его просятъ встать, встаетъ, когда его просятъ сидѣть и т. д. Одновременно съ этимъ можно наблюдать, какъ, начавши

какое-нибудь сложное движеніе, онъ не доканчиваетъ его, обрывая на половинѣ и переводя въ противоположное движеніе; такъ, напр., взявши чашку съ чаемъ и поднеся ее къ своему рту, онъ вдругъ выплескиваетъ чай и ставитъ чашку обратно на столъ; протянувши руку, чтобы поздороваться, онъ вдругъ на полдорогѣ отдергиваетъ руку назадъ и прячетъ ее въ карманъ. Тщательныя наблюденія показали, что всѣ эти странныя дѣйствія и движенія не имѣютъ никакихъ разумныхъ мотивовъ и что въ основѣ всего этого разстройства лежитъ, повидимому, крайне повышенная тенденція къ ассоціаціи представленій по контрасту (Крепелинъ) (28) [1]).

Всѣ эти чисто патологическія явленія, повторяемъ, не представляютъ особенной важности для индивидуальной психологіи, и если мы позволили себѣ распространиться о нихъ нѣсколько подробнѣе, то лишь въ виду того интереса, который они представляютъ сами по себѣ.

Обиліе или бѣдность внѣшнихъ физіологическихъ проявленій чувства.

Опредѣленіе качества. Внѣшнія проявленія всякаго чувства можно раздѣлить на двѣ большія группы: непосредственныя или физіологическія и болѣе посредственныя, сложныя, которыя мы назвали выше „соціальными“. Здѣсь рѣчь будетъ идти только о первой группѣ. Соціальныя проявленія (къ которымъ можно отнести почти все поведеніе человѣка, его поступки, совершенные подъ вліяніемъ того или иного чувства, его рѣчи и заявленія, свидѣтельствующія о преобладаніи той или иной эмоціи и т. д.) слишкомъ разнообразны и измѣнчивы. Они представляютъ собой, въ сущности, сложные сознательные волевые акты, на которыхъ только косвенно отражается вліяніе одного или нѣсколькихъ чувствованій. Гораздо болѣе однородными и взаимносвязанными представляются непосредственныя физіологическія проявленія, какъ-то: измѣненіе дыханія и сердцебіенія, сжатіе или расширеніе кровеносныхъ сосудовъ, сокращеніе различныхъ мышечныхъ группъ, какъ гладкихъ, такъ и поперечно-полосатыхъ, мимическія и пантомимическія движенія и проч. Почти всѣ они

[1]) Надо сказать, впрочемъ, что въ недавнее время д-ръ Аствацатуровъ, основываясь преимущественно на данныхъ психологическаго эксперимента, высказывается противъ возможности объяснять явленія негативизма преобладаніемъ ассоціаціи представленій по контрасту. См. его статью: „О проявленіи негативизма въ рѣчи“, въ Обозр. Психіатр. за 1907 г.

въ большей или меньшей степени непроизвольны, а многія изъ нихъ и безсознательны. Собственно говоря, рѣзкой границы между первой и второй группой проявленій нельзя провести. Сжатіе кулаковъ и отрывистые возгласы могутъ перейти, по мѣрѣ усиленія гнѣва, въ драку и ругательства; инстинктивныя оборонительныя движенія могутъ развиться, въ случаѣ надобности, въ цѣлую, болѣе или менѣе сложную систему самообороны. Вообще, мимическія движенія и въ особенности разнообразныя сокращенія мышцъ конечностей (сжатіе кулаковъ, топанье ногами, размахиваніе руками) составляютъ какъ-бы переходную ступень между физіологическими и соціальными проявленіями. Тѣмъ не менѣе, и эти переходныя формы отличаются у каждаго отдѣльнаго человѣка значительнымъ постоянствомъ, повторяясь у него всякій разъ въ одной и той-же, почти стереотипной формѣ. Поэтому, говоря объ обиліи или бѣдности физіологическихъ проявленій чувства, мы будемъ причислять сюда также и обѣ только что упомянутыя переходныя группы, т. е. мимику и движенія конечностей.

Разсматривая и анализируя внѣшнія физіологическія проявленія чувствованій, мы можемъ установить цѣлый рядъ сторонъ, свойственныхъ каждому изъ нихъ: общее количество проявленій въ теченіе извѣстнаго промежутка времени (обиліе или бѣдность проявленій), распространенность ихъ или наоборотъ, сосредоточенность въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ организма, бо́льшая или меньшая ихъ интенсивность, быстрота наступленія, продолжительность и т. д. Все это необходимо было бы изслѣдовать въ томъ случаѣ, если бы мы занялись спеціальнымъ изученіемъ того, какъ видоизмѣняются физіологическія проявленія чувствованій у разныхъ индивидуумовъ. Однако, такого рода изслѣдованіе едва ли можетъ составить задачу науки о характерахъ. Внѣшнія проявленія эмоцій и аффектовъ интересуютъ ее не сами по себѣ, а лишь въ качествѣ признаковъ, симптомовъ, позволяющихъ судить о содержаніи теченіи чувствованій у наблюдаемаго человѣка. Поэтому вдаваться въ различныя детали по этому вопросу намъ нѣтъ никакой надобности; достаточно только знать въ каждомъ данномъ случаѣ, есть ли внѣшнія проявленія чувствъ и насколько они интенсивны. А такъ какъ интенсивность физіологическихъ проявленій чувствъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ обильнѣе эти проявленія, то мы и можемъ ограничиться только одной стороной вопроса, именно — обиліемъ или бѣдностью проявленій.

Само собою разумѣется, что, говоря о физіологическихъ проявленіяхъ чувства, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, центральную, такъ сказать, часть процесса, т.-е., распространеніе нервнаго тока отъ клѣтокъ коры (или подкорковыхъ центровъ) къ различнымъ периферическимъ нервно-мышечнымъ аппаратамъ. Чѣмъ обильнѣе будетъ этотъ токъ, тѣмъ большее количество низшихъ моторныхъ (и вазомоторныхъ) центровъ будутъ приходить въ дѣйствіе подъ вліяніемъ каждаго отдѣльнаго чувства, тѣмъ обильнѣе будутъ и проявленія этого чувства. Не надо забывать, однако, что обиліе или бѣдность, сила или слабость физіологическихъ проявленій зависитъ въ значительной степени также и отъ состоянія того периферическаго органа, на который дѣйствуютъ нервные импульсы, исходящіе изъ центровъ. Тонкая, нѣжная кожа гораздо легче краснѣетъ, чѣмъ толстая, огрубѣлая; значительная мягкость и эластичность кожи препятствуетъ образованію морщинъ и складокъ. Перерожденная сердечная мышца сильнѣе реагируетъ на всякаго рода раздраженія, чѣмъ нормальная, тонкія и податливыя сосудистыя стѣнки скорѣе сокращаются и расширяются, чѣмъ плотныя. Взрослые и старики именно потому мало краснѣютъ, что стѣнки сосудовъ сдѣлались у нихъ плотны и неподатливы. Это надо имѣть въ виду для того, чтобы не приписать центральному нервному возбужденію тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, которые на самомъ дѣлѣ были обусловлены исключительно периферическими причинами. Съ этой точки зрѣнія мимическія сокращенія мышцъ имѣютъ для индивидуальной психологіи гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ такъ наз. физіогномическіе, постоянные признаки: форма носа, лба, ушей, строеніе черепа, морщины на лицѣ и т. д. Генле, подробно обсуждающій этотъ вопросъ (1), указываетъ на то, что, напр., глубокія борозды на лицѣ могутъ зависѣть, съ одной стороны, отъ сильныхъ страстей и волненій, а съ другой — отъ частаго и долголѣтняго пребыванія на скверной погодѣ (какъ это бываетъ у рыбаковъ). Полуоткрытый ротъ, придающій лицу такое апатичное выраженіе, можетъ зависѣть или отъ умственной тупости и неспособности сосредоточивать вниманіе, или же просто отъ легкой степени глухоты, заставляющей прислушиваться съ полуоткрытымъ ртомъ. Всѣ такіе признаки, имѣющіе чисто периферическое происхожденіе, необходимо выдѣлить, какъ неимѣющіе никакого отношенія къ разбираемой нами наклонности.

Еще одинъ вопросъ. Можно ли говорить объ обиліи физіологическихъ проявленій вообще, не описывая каждаго изъ нихъ въ отдѣльности? Вѣдь можетъ случиться, что одинъ какой-ни-

будь родъ проявленій (напр., вазомоторныя — покраснѣніе или поблѣднѣніе лица) у даннаго человѣка сильно развитъ, тогда какъ другой (напр., мышечныя сокращенія конечностей) почти отсутствуетъ. Извѣстно, кромѣ того, что нѣкоторые роды чувствованій отличаются обиліемъ, а другіе, наоборотъ, бѣдностью внѣшнихъ проявленій. Такъ, напр., нерѣдко указываютъ на обиліе физіологическихъ проявленій, какъ на характерную черту всѣхъ вообще аффектовъ (гнѣва, страха, радости, горя и т. д.); въ противоположность этому, внѣшнія проявленія высшихъ, идейныхъ чувствованій (интеллектуальнаго, эстетическаго, нравственнаго) бываютъ иногда до крайности незначительны. Поэтому не правильнѣе ли было бы, производя наблюденія надъ какимъ-нибудь человѣкомъ, отмѣчать у него степень развитія разбираемаго нами качества каждый разъ отдѣльно какъ для различныхъ чувствованій, такъ и для различныхъ родовъ проявленій? Вопросъ этотъ долженъ быть выясненъ, какъ намъ кажется, дальнѣйшими изслѣдованіями. Тотъ несомнѣнный фактъ, что высшія чувствованія не сопровождаются такими обильными и интенсивными проявленіями, какъ аффекты, не играетъ для насъ особенной роли въ данномъ случаѣ. Руководствуясь общимъ правиломъ: наблюдать наклонность тамъ, гдѣ она наиболѣе ясно обнаруживается, — мы будемъ всякій разъ для опредѣленія бо́льшаго или меньшаго обилія физіологическихъ проявленій у наблюдаемаго человѣка выбирать именно тѣ моменты, когда имъ овладѣлъ какой-нибудь сильный аффектъ и когда, слѣдовательно физіологическія проявленія у него должны быть въ особенности обильны. За то вопросъ о томъ, насколько тѣсно связаны другъ съ другомъ отдѣльные роды проявленій (напр., двигательныя и вазомоторныя) и могутъ ли они встрѣчаться порознь, заслуживаетъ гораздо болѣе глубокаго и внимательнаго изученія, чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ.

Проявленія наклонности и степень ея развитія. Чѣмъ сильнѣе развита у человѣка разбираемая нами наклонность, тѣмъ легче возникаютъ у него внѣшнія физіологическія проявленія при всякомъ, даже самомъ незначительномъ чувствѣ. Поэтому, сравнивая обиліе проявленій у двухъ разныхъ людей, необходимо непремѣнно обращать вниманіе также и на сравнительную интенсивность того чувства, которое оба они испытываютъ. О силѣ этого чувства можно судить на основаніи различныхъ косвенныхъ признаковъ: собственныхъ заявленій человѣка, его поступковъ и проч. Если эти косвенные признаки убѣдятъ насъ въ томъ, что чувство, переживаемое человѣкомъ, не отличается осо-

бенной силой, а между тѣмъ физіологическія проявленія его чрезвычайно обильны и интенсивны, значитъ—разбираемое нами качество выражено у него въ рѣзкой степени.

Такъ какъ мелкія мышцы ранѣе приходятъ въ движеніе, чѣмъ крупныя (Спенсеръ), то невнимательный наблюдатель можетъ просмотрѣть первые, незначительные признаки начинающагося чувства. Различныя мелкія движенія: постукиваніе пальцами по столу или носкомъ сапога по полу, пощипываніе перчатки или передника, легкое нахмуриваніе бровей, ускоренное или задержанное дыханіе, незначительное покраснѣніе лица,—все это такіе признаки, которые для опытнаго наблюдателя могутъ имѣть большое значеніе. Надо при этомъ, однако, считаться также и съ возможностью различныхъ постороннихъ вліяній, нарушающихъ обычный ходъ физіологическихъ проявленій чувства. Такъ, у слѣпорожденныхъ, благодаря невозможности подражанія, почти совершенно отсутствуетъ игра мимическихъ мышцъ. „Выраженіе лица у нихъ измѣняется очень мало, ихъ физіогномія кажется неподвижной и безстрастной, какъ у мраморной статуи, ихъ лицевыя мышцы почти не двигаются, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они ѣдятъ или говорятъ; смѣхъ или улыбка кажутся у нихъ натянутыми; такъ какъ глаза при этомъ не участвуютъ; нѣкоторые изъ нихъ разучиваются даже наморщивать лобъ“ (39). Естественно, что въ подобныхъ случаяхъ для сужденія о степени развитія разбираемаго нами качества приходится обращать вниманіе не на мимику, а на другія, имѣющіяся на лицо проявленія чувствованій.

Анатомо-физіологическая основа разбираемой нами наклонности заключается, повидимому, въ болѣе или менѣе легкой возбудимости тѣхъ нервныхъ центровъ, которые управляютъ физіологическими проявленіями чувствованій. Центры эти заложены, главнымъ образомъ, въ продолговатомъ мозгу и подкорковыхъ областяхъ. Продолговатый мозгъ заключаетъ въ себѣ дыхательный и сосудодвигательный центры, а также центръ блуждающаго нерва, регулирующаго работу сердца. Среди подкорковыхъ узловъ главное мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ зрительный бугоръ, который, по наблюденіямъ акад. В. М. Бехтерева (53), является главнымъ центромъ мимическихъ движеній и вообще играетъ выдающуюся роль въ дѣлѣ выраженія чувствъ и душевныхъ волненій. Возбудимость этихъ центровъ можетъ быть повышена прежде всего въ случаѣ ослабленія задерживающей дѣятельности высшихъ, корковыхъ центровъ, какъ это бываетъ, напр., подъ вліяніемъ алкоголя и нѣкоторыхъ другихъ,

родственныхъ ему, ядовъ. Всѣ такіе моменты, ослабляющіе регулирующую дѣятельность мозговой коры, вліяютъ тѣмъ самымъ на усиленіе физіологическихъ проявленій чувства и, слѣдовательно, могутъ считаться возбудителями разбираемой наклонности. Къ такому же результату ведетъ и ослабленіе организма подъ вліяніемъ истощающихъ болѣзней или переутомленія (состоянія такъ наз. „раздражительной слабости“).

Что касается вопроса объ анатомо-физіологической зависимости, существующей между двигательными и вазомоторными проявленіями одного и того же чувства, то вопросъ этотъ, какъ мы уже замѣтили выше, нельзя считать еще достаточно выясненнымъ. Повидимому, дѣло обстоитъ здѣсь неодинаково для разныхъ аффектовъ. Такъ, Леманъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. „Въ страхѣ повышеніе иннервації вазомоторовъ и произвольныхъ мышцъ является соподчиненнымъ, возникая вслѣдствіе одной общей причины, одного общаго первоначальнаго раздраженія. Въ радости и горѣ разствойство дѣятельности вазомоторовъ и вытекающее отсюда разстройство мозгового кровеобращенія (А. Л.) служитъ, повидимому, причиной всѣхъ другихъ двигательныхъ проявленій. Въ гнѣвѣ.... усиленіе мышечныхъ движеній является произвольнымъ; нарушеніе же координаціи этихъ движеній возникаетъ благодаря тому, что одновременно съ этимъ суживаются сосуды (мозга), а это влечетъ за собой задержку въ теченіи представленій, главнымъ образомъ, двигательныхъ“ (46). Такимъ образомъ, отношенія здѣсь, повидимому, очень разнообразны.

Связи и отношенія разбираемой наклонности представляются довольно многочисленными. Мы упомянемъ здѣсь только о важнѣйшихъ. Прежде всего, какъ уже говорилось выше, обиліе физіологическихъ проявленій прямо противоположно способности къ физической и психической задержкѣ; чѣмъ меньше человѣкъ способенъ себя сдерживать, тѣмъ обильнѣе проявляются его чувства. Далѣе, существуетъ тѣсная связь (повидимому, родство) между обиліемъ физіологическихъ проявленій чувства и обиліемъ движеній, въ особенности непроизвольныхъ. Анатомо-физіологическая основа обоихъ наклонностей, въ сущности, почти одна и та же; достаточно вспомнить, какое важное мѣсто занимаютъ сокращенія лицевыхъ мышцъ и движенія конечностей среди проявленій различныхъ чувствованій и аффектовъ. Иногда трудно бываетъ различить какое-нибудь рефлекторное движеніе или возгласъ отъ проявленій чувства. Крики и движенія новорожденныхъ, а также ихъ всхлипыванія, вздохи и

проч., будучи чисто рефлекторными, не имѣютъ никакого психическаго значенія и ни въ какомъ случаѣ не являются выразительными движеніями, а между тѣмъ по внѣшности они чрезвычайно напоминаютъ проявленія различныхъ аффектовъ. Въ то же время оба названныя выше качества (обиліе движеній и обиліе проявленій чувства) въ большинствѣ случаевъ встрѣчаются вмѣстѣ. Человѣкъ подвижной можетъ, правда, болѣе или менѣе удачно маскировать проявленія своихъ чувствованій, стараясь усиленной болтовней или суетливыми движеніями отвлечь вниманіе присутствующихъ,—но совершенно задержать и подавить въ себѣ эти проявленія ему никогда не удается.

Объ отношеніи разбираемой наклонности къ силѣ чувствованій мы уже говорили при описаніи этой послѣдней: обильныя проявленія какого бы то ни было аффекта, съ одной стороны, уменьшаютъ его, давая выходъ накопившемуся возбужденію, а съ другой— усиливаютъ, благодаря возникновенію массы периферическихъ ощущеній, проникающихъ въ сознаніе. Иногда, впрочемъ, эти ощущенія могутъ, наоборотъ, какъ бы отвлекать вниманіе отъ переживаемаго чувства и тѣмъ уменьшать до извѣстной степени его напряженность. Разсказываютъ, что одинъ солдатъ во время операціи жевалъ пулю, и это умѣряло его боль. У нѣкоторыхъ людей проявленія бываютъ тѣмъ обильнѣе, чѣмъ сильнѣе чувство, испытываемое ими; другіе, наоборотъ, по мѣрѣ усиленія чувства, дѣлаются все болѣе и болѣе сдержанными, серьезными и молчаливыми. Вообще, здѣсь, повидимому, приходится имѣть дѣло со сложными и довольно таки запутанными отношеніями.

Вліяніе чувствованій на умственные процессы.

Опредѣленіе качества. Въ общей психологіи давно уже извѣстенъ и неоднократно описывался тотъ фактъ, что чувствованія человѣка могутъ оказывать извѣстное вліяніе на теченіе его умственныхъ процессовъ. Самые разнообразные умственные процессы: воспріятіе, память, сужденіе и др. протекаютъ иначе въ томъ случаѣ, если въ сознаніи господствуетъ какой-нибудь сильный аффектъ или эмоція. Представленія, такъ или иначе связанныя съ этой эмоціей, выступаютъ при этомъ на первый планъ, всѣ же остальныя задерживаются или даже совершенно вытѣсняются изъ сознанія. Происходитъ своеобразный подборъ представленій, ассоціація ихъ не по содержанію, а по тому чувству, съ которымъ каждое изъ нихъ связано. Вслѣдствіе этого общее теченіе умственнаго процесса нарушается иногда въ очень значи-

тельной степени. Для того, чтобы объяснить такое вліяніе чувствъ на теченіе представленій, выдвигались, какъ извѣстно, различныя теоріи. Одни авторы (Кантъ) полагали, что чувство непосредственно дѣйствуетъ здѣсь на представленія. Другіе (Гербартъ), наоборотъ, считали разстройство въ теченіи представленій первичнымъ факторомъ, обусловливающимъ собою появленіе всѣхъ остальныхъ симптомовъ аффекта. Третьи, наконецъ, придавали особенное значеніе разнымъ физіологическимъ измѣненіямъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Какого бы объясненія мы ни придерживались, но самый фактъ остается несомнѣннымъ и признается всѣми одинаково: сильныя чувства сопровождаются въ большинствѣ случаевъ значительнымъ измѣненіемъ въ теченіи представленій, причемъ всякое чувство способствуетъ появленію въ сознаніи именно тѣхъ представленій (или группъ представленій), которыя съ нимъ такъ или иначе связаны.

Спрашивается теперь, какое значеніе все это можетъ имѣть для индивидуальной психологіи? Если бы описанное вліяніе чувствъ на умственные процессы сказывалось съ одинаковой силой у всѣхъ людей или, по крайней мѣрѣ, вездѣ, гдѣ чувства развиты сколько-нибудь значительно, то для насъ здѣсь оно не представляло бы никакого интереса. Опытъ показываетъ, однако, что въ этомъ отношеніи наблюдаются значительныя индивидуальныя колебанія. Нѣкоторые люди совершенно не въ состояніи быть безпристрастными въ своихъ сужденіяхъ, если дѣло хоть сколько-нибудь затрогиваетъ ихъ интересы; они ни за что не могутъ точно и подробно описать происшествіе, которое ихъ сильно испугало или обрадовало. Другіе, наоборотъ, въ самыя тяжелыя минуты, находясь въ состояніи сильнѣйшаго возбужденія, умѣютъ быть, тѣмъ не менѣе, наблюдательными и объективными въ своихъ сужденіяхъ. Очевидно, у первыхъ чувство гораздо больше вліяетъ на сужденія, чѣмъ у вторыхъ. Кромѣ того, будучи тѣсно связано со многими другими сторонами душевной жизни и обладая значительнымъ количествомъ проявленій, разбираемое нами качество является чрезвычайно характернымъ, "типичнымъ„ для тѣхъ лицъ, которыя имъ обладаютъ. Въ виду всего этого оно должно, какъ намъ кажется, имѣть важное значеніе для науки о характерахъ, почему мы и видѣлили его въ качествѣ отдѣльной основной наклонности.

Проявленія этой наклонности чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Въ общемъ, всѣ ихъ можно свести къ тому, что, пока чувство не затронуто, различныя умственныя операціи совершаются точно и безъ затрудненій; съ возникновеніемъ, же чув-

ства, хотя бы даже незначительнаго, происходитъ нарушеніе умственной дѣятельности, сначала въ качественномъ, а затѣмъ и въ количественномъ отношеніи. Воспріятія и воспоминанія дѣлаются подъ вліяніемъ чувства односторонними и неточными, въ нихъ замѣчаются извращенія и пробѣлы, которыхъ раньше не было; тѣ стороны объекта, которыя наиболѣе ярко были отмѣчены чувствомъ или которыя почему-либо соотвѣтствуютъ содержанію этого чувства, удерживаются въ памяти и преувеличиваются; противоположныя же черты стушевываются, забываются или же полусознательно, помимо собственной воли скрываются и замалчиваются. Недаромъ говорятъ, что страсть дѣлаетъ человѣка слѣпымъ. Сужденія становятся болѣе субъективными, пристрастными, окрашиваются въ тонъ господствующей эмоціи. Бываетъ иногда, что въ рѣшительную минуту, наканунѣ какого-нибудь важнаго событія, къ которому человѣкъ готовился въ теченіе долгаго времени, онъ вдругъ теряетъ увѣренность въ себѣ; все, что имъ сдѣлано, представляется ему крайне несовершеннымъ, собственныя силы кажутся ничтожными, препятствія—огромными и непреодолимыми. Но вотъ проходитъ минута сомнѣнія, увѣренность въ себѣ снова возвращается, и положеніе дѣлъ опять начинаетъ представляться въ настоящемъ свѣтѣ. Большую роль въ данномъ случаѣ играютъ тѣ смутныя, неясныя, но тѣмъ не менѣе, очень сильныя чувства, которыя возникаютъ благодаря ощущеніямъ, исходящимъ отъ внутреннихъ органомъ и, достигая сознанія, образуютъ то, что называется „настроеніемъ“ или „расположеніемъ духа“. Всѣмъ извѣстно, до какой степени нѣкоторые люди способны мѣнять свои взгляды и мнѣнія въ зависимости отъ того настроенія, которое владѣетъ ими въ данный моментъ. На этой же почвѣ возникаютъ и развиваются тѣ неопредѣленные и ни на чемъ не основанные страхи и опасенія, которые такъ свойственны нѣкоторымъ людямъ, въ особенности обладающимъ слабымъ здоровьемъ и невропатической конституціей.

Если хорошее или дурное настроеніе свановится господствующимъ, постояннымъ, то возникаетъ типъ оптимиста или пессимиста, который на весь міръ смотритъ сквозь свои розовые или темные очки. Вообще, при составленіи міросозерцанія вліяніе чувства на умственные процессы сказывается у нѣкоторыхъ людей съ особенной силой. Вѣра въ этихъ случаяхъ преобладаетъ обыкновенно надъ знаніемъ, телеологическія объясненія принимаются охотнѣе, нежели строго послѣдовательная, замкнутая цѣпь причинъ и слѣдствій. Человѣкъ во что бы то ни стало, самыми рискованными доводами старается оправдать и доказать

тѣ выводы и заключенія, къ которымъ привело его чувство. Мнѣнія такихъ людей отличаются обыкновенно стойкостью и рѣдко измѣняются даже подъ давленіемъ самыхъ очевидныхъ фактовъ. Причина понятна: руководящую роль при образованіи и выработкѣ этихъ мнѣній играли чувства, поэтому разрушить и опровергнуть ихъ могутъ также лишь чувства, а никакъ не опытъ; а намъ извѣстно, что всякаго рода измѣненія въ эмоціональной сферѣ происходятъ съ гораздо большей медленностью и постепенностью, чѣмъ въ сферѣ умственной [1]).

Крайней степени своего развитія достигаетъ разбираемая нами наклонность въ нѣкоторыхъ патологическихъ состояніяхъ, именно, при образованіи бредовыхъ идей и въ состояніяхъ такъ наз. патологическаго аффекта. Почти никогда не бываетъ, чтобы больной относился равнодушно къ своему бреду. Въ большинствѣ случаевъ бредовыя идеи связаны съ наиболѣе интимными сторонами его личности, возбуждая въ немъ всякій разъ живѣйшее чувство. Именно этой тѣсной связью съ эмоціональной сферой объясняется стойкость бредовыхъ идей, ихъ замѣчательная сопротивляемость по отношенію ко всякимъ логическимъ доводамъ. Больной начинаетъ самъ сознавать нелѣпость своего бреда обыкновенно лишь въ періодѣ своего выздоровленія, когда чувство, вызванное болѣзненнымъ состояніемъ мозга, успѣло уже исчезнуть, и бредовыя идеи являются простыми воспоминаніями, лишенными чувственнаго тона, живой эмоціональной окраски (Крепелинъ) (28). Бредъ величія у прогрессивныхъ паралитиковъ, бредъ самообвиненія у меланхоликовъ всецѣло обязаны своимъ происхожденіемъ особенностямъ ихъ эмоціональной сферы. Основу бреда преслѣдованія у параноиковъ составляетъ, по мнѣнію Штерринга, возникающее у нихъ на почвѣ мозгового разстройства чувство недовѣрія. Интересно, что у параноиковъ способность сужденія въ общемъ сохраняется въ теченіе очень долгаго времени; слабоуміе наступаетъ у нихъ несравненно позже и никогда не достигаетъ такой степени, какъ, напр., при прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ. А между тѣмъ, когда рѣчь коснется бредовыхъ идей, то интеллигентный параноикъ способенъ высказывать иной разъ такія нелѣпости, надъ которыми смѣются даже слабоумные больные (42). Вліяніе чувства выступаетъ въ данномъ случаѣ съ необычайной силой.

Что касается аффектовъ, то здѣсь большею частью приходится считаться съ задержкой, затрудненіемъ умственныхъ про-

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. у Гефдинга (8).

цессовъ (какъ это бываетъ, напр., при сильномъ гнѣвѣ), а иногда и съ полной пріостановкой ихъ въ теченіе нѣкотораго времени. Очень яркимъ примѣромъ задерживающаго дѣйствія, оказываемаго сильными аффектами на теченіе представленій, могутъ служить припадки страха у эпилептиковъ. Во время такого припадка сознаніе больного бываетъ всецѣло и исключительно занято чувствомъ страха и сопровождающими его мыслями: стѣсненіемъ въ груди и стремленіемъ бѣжать. При этомъ яснѣе всего воспринимается самое чувство страха, тогда какъ сопровождающія его мысли занимаютъ периферію сознанія. Если страхъ еще болѣе усиливается, то даже и эти мысли, наконецъ, исчезаютъ и чувство, достигшее крайней степени интенсивности, заполняетъ собою сознаніе (Штеррингъ). Нѣчто подобное бываетъ также и въ состояніяхъ экстаза. Далѣе, при нѣкоторыхъ, особенно сильно выраженныхъ аффектахъ дѣло доходитъ иногда до того, что движенія больного теряютъ характеръ произвольныхъ дѣйствій и сознаніе собственныхъ поступковъ совершенно утрачивается. Такіе „патологическіе аффекты“ не относятся уже, конечно, къ области индивидуальной психологіи.

Полное выясненіе анатомо-физіологическаго коррелата данной наклонности возможно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы мы знали тѣ физіологическіе процессы, которыми сопровождается всякій разъ возникновеніе какъ чувствованій, такъ и представленій. Только въ такомъ случаѣ мы могли бы сказать, почему у однихъ людей обѣ эти дѣятельности такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что малѣйшія измѣненія эмоціональнаго характера тотчасъ же отражаются на ходѣ представленій, —тогда какъ у другихъ лицъ каждая изъ этихъ дѣятельностей мозга можетъ возникать и прекращаться особо, не затрогивая другой. Въ настоящее время мы можемъ высказываться по этому поводу только гадательно. Обыкновенно выдвигаютъ здѣсь два момента: измѣненіе мозгового кровеобращенія и появленіе болѣе или менѣе обильныхъ органическихъ ощущеній. Каждый сколько-нибудь сильный аффектъ сопровождается суженіемъ или расширеніемъ мозговыхъ сосудовъ, а также усиленіемъ (resp. ослабленіемъ) сердечной дѣятельности. Благодаря этому, измѣняется внутричерепное кровеобращеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и возбудимость мозговыхъ центровъ. Кромѣ того, обильныя физіологическія проявленія, сопровождающія всякій сильный аффектъ, способствуютъ возникновенію массы органическихъ ощущеній, которыя, заполняя сознаніе, мѣшаютъ правильному теченію умственныхъ процессовъ и сосредоточиваютъ вниманіе на извѣстныхъ, связан-

ныхъ съ ними представленіяхъ. Который изъ этихъ двухъ моментовъ является особенно важнымъ—покажетъ будущее.

Связи и отношенія. Чѣмъ сильнѣе чувства и чѣмъ легче они возбуждаются, тѣмъ больше вліяютъ они на умственные процессы. Возбудимость чувствъ имѣетъ здѣсь пожалуй, даже большее значеніе, чѣмъ ихъ сила. Поразительное вліяніе нѣкоторыхъ аффектовъ на умственную сферу въ значительной степени зависитъ именно отъ того, что чувства здѣсь наступаютъ внезапно и развиваются крайне быстро, достигая въ короткое сравнительно время своего maximum'a. Однако, и сила чувствъ играетъ въ данномъ случаѣ также очень важную роль. Въ прежнее время было распространено (да и теперь еще неоднократно высказывается) мнѣніе, что представленія, сопровождаемыя пріятнымъ чувственнымъ тономъ, всегда стремятся господствовать въ сознаніи, тогда какъ непріятныя представленія при первой же возможности вытѣсняются изъ сознанія. Опытъ показываетъ, однако, что положеніе это оправдывается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда чувства не достигаютъ особенной силы; если же интенсивность чувствъ очень велика, то оно овладѣваетъ сознаніемъ, совершенно независимо отъ своего качества. Достаточно напомнить, что всякая мучительная, непрекращающаяся боль всецѣло приковываетъ къ себѣ вниманіе человѣка, который ее испытываетъ, и нужно необычайное усиліе воли или какой нибудь очень сильный отвлекающій возбудитель для того, чтобы хоть на время заглушить мучительное чувство [1]).

Если чувство принадлежитъ къ разряду пріятныхъ, возбуждающихъ, и притомъ не достигаетъ особенной силы, то оно можетъ оказывать благопріятное дѣйствіе на теченіе представленій. Находясь въ бодромъ, веселомъ настроеніи, мы чувствуемъ, что дѣлаемся находчивѣе, изобрѣтательнѣе, мысли наши текутъ живѣе и продуктивность умственной работы повышается. Однако, въ значительномъ большинствѣ случаевъ чувства вліяютъ на умственную сферу неблагопріятнымъ образомъ: теченіе представленій замедляется или даже вовсе пріостанавливается, воспріятія и воспоминанія искажаются, сужденія дѣлаются пристрастными. Все это совершается, разумѣется, тѣмъ легче, чѣмъ менѣе развита сама по себѣ умственная сфера. Поэтому всякое ослабленіе умственныхъ способностей благопріятствуетъ развитію и проявленію разбираемаго нами качества. Особенно яркимъ примѣромъ такого содѣйствія можетъ служить колос-

[1]) Подробнѣе объ этомъ вопросѣ см. въ статье Саксингера (50).

сально-нелѣпый бредъ величія, развивающійся у слабоумныхъ паралитиковъ подъ вліяніемъ повышеннаго самочувствія.

* * *

Наряду съ вліяніемъ чувствъ на умственные процессы можно было бы, пожалуй, выдѣлить въ качествѣ особой наклонности также и бо̀льшее или меньшее **вліяніе чувствъ на волевые процессы** (напр., на борьбу мотивовъ, процессъ задержки, положительное волевое усиліе и т. д.). Извѣстно, что нѣкоторые люди могутъ дѣйствовать энергично только подъ вліяніемъ овладѣвшей ими страсти или какого-нибудь сильнаго чувства; потухнетъ страсть, успокоится чувство,—и они по прежнему вялы, инертны и бездѣятельны. У другихъ, наоборотъ, дѣятельность гораздо болѣе равномѣрна и не находится въ такой тѣсной связи съ эмоціональной сферой. Въ то же время и общее возбуждающее или угнетающее дѣйствіе чувствованій на всю вообще волевую сферу не у всѣхъ людей сказываетя съ одинаковой силой.

Намъ кажется, однако, что данная особенность душевной жизни не имѣетъ такого важнаго значенія для индивидуальной психологіи, чтобы ее можно было разсматривать въ качествѣ основной наклонности. Дѣло въ томъ, что мы не имѣемъ никакого основанія противопологать чувствованія волевымъ процессамъ и говорить о большемъ или меньшемъ вліяніи первыхъ на вторые. Въ умственной сферѣ вполнѣ возможно и неоднократно наблюдается возникновеніе представленій, имѣющихъ столь ничтожный чувственный тонъ, что онъ не сознается самимъ субъектомъ и нисколько не мѣшаетъ этимъ представленіямъ ассоціироваться по ихъ чисто интеллектуальнымъ связямъ. Въ волевой сферѣ, наоборотъ, чувства и порождаемыя ими желанія такъ тѣсно связаны всякій разъ съ вызываемыми ими дѣйствіями и поступками, что невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Трудно представить себѣ человѣка, у котораго чувства, сколько-нибудь значительно развитыя, не вліяли-бы на его дѣятельность. Поэтому выдѣлять эту особенность душевной жизни въ видѣ самостоятельной основной наклонности едва-ли представляется необходимымъ.

IV.

Наклонности, относящіяся къ области движеній.

Хотя психо-физіологія движеній составляетъ переходную ступень между собственно психологіей и физіологіей, тѣмъ не

менѣе, изученіе ея представляетъ для характеролога чрезвычайную важность. Большинство относящихся сюда наклонностей настолько тѣсно переплетено со всѣмъ остальнымъ складомъ личности, что почти невозможно составить себѣ сколько-нибудь полное представленіе о характерѣ какого-либо человѣка, если совершенно игнорировать его двигательную сферу. Нужно только отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что именно интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что каждый сложный двигательный актъ, если его разсматривать со стороны чисто физіологической, необходимо включаетъ въ себя слѣдующія части: 1) разрядъ нервныхъ элементовъ, двигательный импульсъ, зарождающійся въ клѣткахъ центральной нервной системы; 2) проведеніе этого импульса по нервамъ; 3) сокращеніе соотвѣтствующей группы мышцъ. Изъ всѣхъ этихъ трехъ частей особенную важность для индивидуальной психологіи имѣетъ первая — центральный двигательный импульсъ. Именно эта часть находится въ наиболѣе тѣсной связи съ тѣми сложными физико-химическими процессами въ корѣ головного мозга, которые служатъ коррелатомъ различныхъ душевныхъ процессовъ и душевныхъ качествъ. Поэтому, когда ниже будетъ идти рѣчь о быстротѣ, силѣ, координаціи и т. д. движеній, то всякій разъ слѣдуетъ имѣть въ виду, прежде всего, быстроту, силу, координацію нервныхъ разрядовъ, центральныхъ двигательныхъ импульсовъ. Процессъ проведенія по нерву совершенно не можетъ интересовать насъ, такъ какъ онъ представляетъ лишь весьма незначительныя колебанія въ разное время и у разныхъ индивидовъ. Собственно-же мышечныя сокращенія хотя и подвержены довольно значительнымъ индивидуальнымъ колебаніямъ, но уже настолько далеко стоятъ отъ области душевныхъ явленій, что не представляютъ непосредственнаго интереса для индивидуальной психологіи. Они могутъ интересовать насъ лишь въ качествѣ проявленій, внѣшнихъ признаковъ, дающихъ намъ возможность ознакомиться подробнѣе съ тѣми двигательными импульсами, которые происходятъ въ центральной нервной системѣ наблюдаемаго лица. Кромѣ того, значительное или, наоборотъ, слабое развитіе мышцъ можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлять собою профессію человѣка и такимъ образомъ косвенно вліять на складъ его характера. Сама-же по себѣ мышечная ткань и ея функціи едва-ли могутъ играть особенную роль въ психологической характеристикѣ даннаго индивидуума [1]).

[1]) Подробную оцѣнку вліянія, оказываемаго значительнымъ развитіемъ мышцъ на характеръ человѣка, см. у Бэна (10) и Вирениуса (3).

Что касается психологической стороны движеній, то здѣсь наибольшаго вниманія заслуживаетъ, конечно, представленіе о движеніи, предшествующее обыкновенно всякому сознательному двигательному акту. Важнѣйшія изъ относящихся сюда наклонностей будутъ также подвергнуты обсужденію.

Можетъ, пожалуй, явиться сомнѣніе въ томъ, правильно-ли будетъ разсматривать всю двигательную сферу наблюдаемаго лица, какъ одно цѣлое, игнорируя относительную самостоятельность отдѣльныхъ двигательныхъ органовъ. Бываютъ, напр., случаи, когда человѣкъ малоподвижный оказывается въ то же время очень говорливымъ, или когда лицо, очень чисто выполняющее какую-нибудь привычную ему тонкую ручную работу, отличается въ то же время чрезвычайною неуклюжестью въ остальныхъ движеніяхъ своего тѣла. Не слѣдуетъ-ли поэтому разсматривать отдѣльно наклонности, относящіяся къ движеніямъ различныхъ органовъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ? Не предрѣшая заранѣе этого вопроса, мы будемъ имѣть его въ виду при разработкѣ отдѣльныхъ основныхъ наклонностей двигательной сферы.

Обиліе или бѣдность движеній (подвижность—малоподвижность).

Опредѣленіе наклонности и ея проявленія. Согласно тому, что мы говорили выше, данное качество можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: обиліе или бѣдность двигательныхъ импульсовъ, возникающихъ въ различныхъ мозговыхъ центрахъ и распространяющихся на периферическіе нервно - мышечные аппараты.

При этомъ имѣются въ виду самыя различныя движенія: рефлекторныя и волевыя, координированныя и некоординированныя, простыя и сложныя, автоматическія, подражательныя и т. д. Однако, не всѣ они имѣютъ въ данномъ случаѣ одинаковое значеніе. Большинство сложныхъ произвольныхъ движеній находится подъ слишкомъ значительнымъ вліяніемъ множества побочныхъ условій и воздѣйствій, рѣзко вліяющихъ на ихъ количество въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Болѣе цѣнными для насъ представляются поэтому, въ данномъ случаѣ, такія движенія, которыя не зависятъ или мало зависятъ отъ воли: рефлекторныя, автоматическія, подражательныя, наконецъ—тѣ движенія, которыя Бенъ называетъ „самопроизвольными“ и происхожденіе которыхъ онъ приписываетъ значительному накопленію въ организмѣ „естественной или мимовольной“ энергіи. Сюда относятся тѣ разно-

образныя, болѣе или менѣе сложныя сокращенія мышечныхъ группъ, которыя возникаютъ у молодыхъ здоровыхъ людей и животныхъ послѣ сна, отдыха, продолжительнаго пребыванія въ неподвижномъ положеніи. Движенія эти состоятъ въ потягиваніи, хожденіи изъ угла въ уголъ, бѣготнѣ и прыжкахъ у дѣтей и т. д. Надо сказать, что значительное развитіе у человѣка всякаго рода непроизвольныхъ движеній, повидимому, не всегда идетъ параллельно съ развитіемъ у него способности къ сложнымъ, цѣлесообразнымъ двигательнымъ актамъ. Нерѣдко можно наблюдать, какъ люди, способные къ неутомимой физической дѣятельности, отличаются въ то же время почти полнымъ отсутствіемъ всякихъ лишнихъ, нецѣлесообразныхъ движеній, такъ что въ свободные отъ работы часы ихъ можно счесть малоподвижными. Для объясненія этого противорѣчія мы въ настоящее время еще не обладаемъ достаточнымъ количествомъ фактическихъ данныхъ.

Сосчитывая общее количество разнообразныхъ движеній, сдѣланныхъ наблюдаемымъ лицомъ за извѣстный промежутокъ времени (какъ это дѣлалъ Гальтонъ,—см. выше), мы составляемъ себѣ представленіе о большей или меньшей подвижности этого лица. Съ тою же цѣлью можно употребить и другой пріемъ: наблюдать даннаго человѣка во время совершенія имъ какой-нибудь физической работы, хорошо знакомой и привычной ему; малоподвижный человѣкъ будетъ ограничиваться только самыми необходимыми движеніями, тогда какъ въ противномъ случаѣ намъ удастся подмѣтить значительное количество посторонннихъ движеній, не вызываемыхъ работой и не относящихся къ ней (качаніе изъ стороны въ сторону, ерзаніе на мѣстѣ, притопываніе ногами и проч.). Конечно, всѣ подобныя наблюденія слѣдуетъ производить только тогда, когда человѣкъ совершенно здоровъ, ничѣмъ не взволнованъ, когда онъ не имѣетъ цѣли сдерживать свои движенія, словомъ — когда онъ находится въ обычныхъ условіяхъ своей жизни и дѣятельности.

Колебанія даннаго качества по *степени* какъ у разныхъ людей, такъ и у одного и того же человѣка бываютъ такъ велики и такъ рѣзко бросаются въ глаза при самомъ поверхностномъ наблюденіи, что намъ нечего здѣсь приводить примѣровъ. Чрезвычайное обиліе движеній можно наблюдать при нѣкоторыхъ аффектахъ, а также подъ вліяніемъ алкоголя (въ первой фазѣ его дѣйствія) и другихъ возбуждающихъ средствъ. Но до своей крайней, чрезмѣрной степени доходитъ подвижность при нѣкоторыхъ психозахъ, напр., въ рѣзко выраженныхъ формахъ остраго

маніакальнаго возбужденія (такъ наз. неистовство). Больные мечутся изъ стороны въ сторону, бѣгаютъ, прыгаютъ, кувыркаются, катаются по полу, гримасничаютъ, кричатъ, свищутъ иногда цѣлыми днями почти безъ перерыва. Наоборотъ, у многихъ идіотовъ, по наблюденіямъ Солье (44), потребность двигаться совершенно отсутствуетъ, такъ что они представляютъ собою настоящія „инертныя массы".

Въ качествѣ возбудителей, наряду съ упомянутыми уже возбуждающими напитками, можно указать также на обильное количество внѣшнихъ впечатлѣній, въ особенности, если они достигаютъ значительной силы и дѣйствуютъ ритмически, съ небольшими перерывами. Сюда относятся: щекотаніе, холодная (однако не слишкомъ) температура воздуха, холодные души, ритмическія слуховыя раздраженія (музыка), болѣе или менѣе значительная боль и т. д. Съ другой стороны, усталость, лѣтній зной, отвлеченіе крови отъ головного мозга (напр., послѣ сытнаго обѣда) располагаютъ къ неподвижности.

Что касается анатомо-физіологической основы подвижности и малоподвижности, то нѣкоторые авторы (Бэнъ, Рибо) видятъ ее въ хорошемъ состояніи питанія нервныхъ центровъ. Обиліе движеній (самопроизвольныхъ) является, будто бы, признакомъ бодрости и здоровья. Въ противоположность этому, Фулье (4) справедливо указываетъ на тотъ фактъ, что существуетъ множество лѣнивыхъ, апатичныхъ людей съ превосходнымъ состояніемъ питанія. Съ другой стороны—прибавимъ мы отъ себя—многія истощенныя лица съ легко возбудимой нервной системой нерѣдко бываютъ склонны къ чрезмѣрной подвижности, что, конечно, еще болѣе истощаетъ ихъ. Очевидно, въ основѣ разбираемаго качества лежитъ какая то функціональная особенность нервныхъ центровъ, для сужденія о которой требуется гораздо болѣе тонкое знаніе анатоміи и физіологіи нервной клѣтки, чѣмъ то, какимъ мы обладаемъ въ настоящее время.

Связи и отношенія данной наклонности, повидимому, обильны и разнообразны, хотя еще далеко не вполнѣ выяснены. Поэтому мы упомянемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ. Прежде всего, существуетъ, повидимому, извѣстное отношеніе между подвижностью и веселымъ настроеніемъ. Оба эти качества обыкновенно встрѣчаются вмѣстѣ и имѣютъ тенденцію взаимно усиливать другъ друга. Оба они составляютъ характеристическіе признаки такъ наз. сангвиническаго темперамента, тогда какъ противоположный темпераментъ, меланхолическій характеризуется противоположными качествами. Въ случаяхъ маніакальнаго возбуж-

денія хорошее расположеніе духа является такимъ же постояннымъ симптомомъ, какъ и двигательное возбужденіе, тогда какъ у меланхоликовъ наблюдаютъ обыкновенно симптомы противоположнаго характера (мрачное, подавленное настроеніе, психомоторная задержка). Такую зависимость между веселымъ настроеніемъ и подвижностью нѣкоторые авторы (напр., Дюмонъ) (54) склонны объяснять тѣмъ, что какъ веселость, такъ и обиліе движеній являются лишь побочнымъ признакомъ хорошаго питанія нервныхъ центровъ и обилія накопившейся въ нихъ энергіи. Мы видѣли уже, что теорія эта, въ общемъ весьма правдоподобная, недостаточна, однако, для объясненія всѣхъ случаевъ, такъ какъ признаки двигательнаго возбужденія могутъ наблюдаться также и въ состояніяхъ такъ наз. раздражительной слабости нервной системы. Далѣе, быстрота движеній, очевидно, должна благопріятствовать обилію ихъ, такъ какъ даетъ возможность въ одно и то же время произвести большее количество двигательныхъ актовъ. Наблюденія обыденной жизни, повидимому, подтверждаютъ это предположеніе, болѣе же точныхъ данныхъ по этому вопросу мы въ настоящее время еще не имѣемъ. Объ отношеніи разбираемаго качества къ устойчивости вниманія и обилію физіологическихъ проявленій чувства уже говорилось въ соотвѣтствующихъ главахъ.

Быстрота или медленность движеній.

Опредѣленіе наклонности и ея проявленія. Быстротой движенія мы называемъ время, протекшее отъ начала до конца какого бы то ни было двигательнаго акта. Время это доступно точному и непосредственному измѣренію. Собственно говоря, насъ интересуетъ больше всего первая часть двигательнаго акта—центральный двигательный импульсъ; но такъ какъ скорость его не можетъ быть измѣрена на людяхъ, то мы и вынуждены ограничиться измѣреніемъ всего движенія въ его цѣломъ, отмѣчая при помощи тѣхъ или иныхъ приспособленій начало и конецъ двигательнаго акта. На практикѣ употребляютъ, однако, нѣсколько иной пріемъ, который, очень мало уступая непосредственному измѣренію по точности, въ то же время отличается гораздо большимъ удобствомъ; онъ состоитъ въ томъ, что испытуемаго просятъ какъ можно быстрѣе повторять одно и то же движеніе и сосчитываютъ, сколько такихъ повтореній придется на извѣстный промежутокъ времени.

Быстрота каждаго отдѣльнаго движенія, сколько-нибудь

сложнаго, находится въ очень большой зависимости отъ того, насколько движеніе это привычно для даннаго лица; поэтому опредѣленіе скорости производится на такихъ двигательныхъ актахъ, которые представляются привычными для испытуемаго и въ то же время не отличаются особенной сложностью. Такъ, Скрипчюръ (55) примѣнялъ для этой цѣли обыкновенный телеграфный ключъ, который при помощи электрической цѣпи былъ соединенъ съ отмѣтчикомъ, писавшимъ на закопченномъ барабанѣ. Испытуемый долженъ былъ въ теченіе 5 сек. какъ можно чаще ударять однимъ и тѣмъ же пальцемъ по кнопкѣ ключа, при чемъ каждый ударъ отмѣчался на вращавшемся барабанѣ. Крепелинъ (30) и его ученикъ Эрнъ (43) пользовались для тѣхъ же цѣлей болѣе сложными актами, а именно: счетомъ вслухъ, счетомъ буквъ въ книгѣ, письмомъ подъ диктовку и списываніемъ съ книги. Каждый изъ этихъ сложныхъ актовъ заключаетъ въ себѣ, правда, не только рядъ движеній, но также и рядъ воспріятій, ассоціацій и проч. Однако, названные авторы считаютъ всѣ входящіе сюда чисто психическіе процессы настолько простыми и привычными для взрослаго интеллигентнаго человѣка, что разница въ скорости зависитъ, въ концѣ концовъ, исключительно только отъ большей или меньшей быстроты движеній. Исключеніе составляетъ, пожалуй, только счетъ буквъ, который требуетъ значительно большаго напряженія вниманія, чѣмъ, напр., чтеніе вслухъ.

Непосредственное измѣреніе скорости письма съ точностью до тысячныхъ долей секунды возможно также при помощи особаго аппарата, такъ наз. Schriftwage, предложеннаго Крепелиномъ. Принципъ этого аппарата заключается въ томъ, что испытуемый пишетъ на пружинящей пластинкѣ, причемъ каждое нажатіе большей или меньшей силы передается на закопченный барабанъ, вращающійся съ постоянной, опредѣленной скоростью [1]). Наконецъ, менѣе точныя, не экспериментальныя наблюденія могутъ производиться надъ всякими вообще движеніями (ходьба, бѣганье, вязанье, вращеніе колеса, качаніе насоса и т. д.), если только движенія эти совершаются въ извѣстной, опредѣленной послѣдовательности и притомъ съ быстротой, максимальной для наблюдаемаго лица.

Индивидуальныя колебанія по степени здѣсь опять таки чрезвычайно велики. Нѣкоторое представленіе о нихъ даютъ цифры, полученныя Эрномъ, который нашелъ, что среднее время,

[1]) Подробное описаніе аппарата см. въ статьѣ Gross' а (56).

необходимое для прочтенія одного слога, колеблется у разныхъ лицъ между 116 и 172 δ (тысячными долями секунды), а время, необходимое для написанія одной буквы—между 331 и 603 δ. Для болѣе сложныхъ двигательныхъ актовъ колебанія эти, конечно, представляются еще гораздо болѣе значительными.

Что касается возбудителей даннаго качества, то здѣсь можно указать, пожалуй, на одинъ родъ возбудителей, имѣющій спеціальное отношеніе къ быстротѣ движенія. Это — быстрое перемѣщеніе въ пространствѣ объектовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло наблюдаемому лицу. Для того, чтобы во время игры поймать или отбить мячъ, играющій долженъ обладать не только ловкими (т. е. координированными — см. ниже), но и быстрыми движеніями. Есть такія профессіи (фокусники, акробаты), для которыхъ быстрота движеній является необходимымъ условіемъ и занятіе которыми невозможно для людей медлительныхъ и тугоподвижныхъ. У лицъ, занимающихся долго этими профессіями, степень развитія разбираемаго качества достигаетъ иногда изумительныхъ размѣровъ.

Быстрота (resp. медленность) движеній является, какъ извѣстно, однимъ изъ наиболѣе характерныхъ признаковъ, опредѣляющихъ принадлежность даннаго лица къ тому или иному темпераменту. Поэтому вопросъ объ анатомо-физіологическихъ особенностяхъ организма, лежащихъ въ основѣ этого качества, тѣсно связанъ съ вопросомъ о физіологической основѣ темпераментовъ. Въ прежнее время особенное значеніе въ этомъ отношеніи придавали органамъ кровеобращенія, составу крови, а также болѣе или менѣе обильному просачиванію лимфы и накопленію ея въ тканяхъ тѣла. Отсюда названіе: сангвинической, лимфатической, хладнокровный и т. п. Однако, новѣйшіе характерологи (Перэ, Фулье и др.) придерживаются уже иного взгляда на этотъ вопросъ.

Обиліе лимфы и вялость кровеобращенія не имѣютъ, по мнѣнію Перэ (13), рѣшающаго значенія въ данномъ случаѣ. Достаточно вспомнить, что у такого образца энергіи, какъ Наполеонъ, пульсъ отличался крайней медленностью. Главная причина быстроты или медленности движеній заключается, по всей вѣроятности, въ особенномъ устройствѣ нервныхъ центровъ, благодаря которому процессы распаденія въ нихъ протекаютъ съ большей или меньшей быстротою.

Связи и отношенія. Быстрота движеній, повидимому, не находится въ непосредственной связи съ большей или меньшей ихъ силой — интенсивностью. Еще древніе, по словамъ

Фулье, различали апатичныхъ и дѣятельныхъ флегматиковъ, указывая этимъ ясно, что медленность движеній, составляющая, характерную особенность флегматическаго темперамента, можетъ сочетаться какъ съ энергіей, такъ и со слабостью двигательной сферы. Болѣе тѣсная, хотя и односторонняя зависимость существуетъ между быстротой движеній и ихъ координаціей Чѣмъ болѣе согласованы между собою отдѣльныя мелкія движенія, входящія въ составъ одного сложнаго двигательнаго акта. тѣмъ большей быстротой отличается выполненіе этого акта. Обратнаго отношенія, повидимому, не существуетъ: самыя быстрыя движенія не всегда бываютъ въ то же время самыми ловкими и взаимно согласованными.

Веселое и мрачное настроеніе отражаются на быстротѣ движеній въ большинствѣ случаевъ довольно рѣзко: первое обыкновенно ускоряетъ двигательные акты, второе — замедляетъ ихъ.

Интересно было бы, далѣе, прослѣдить связь между быстротой движеній и нѣкоторыми особенностями въ теченіи чувствованій, напр., устойчивостью или неустойчивостью этихъ послѣднихъ. Судя по тому матеріалу, который даетъ намъ ученіе о темпераментахъ, можно думать, что существуетъ какая-то связь между быстрой смѣной движеній и быстрой смѣной чувствованій, такъ что, напр., сангвиники всегда обладаютъ обоими этими качествами, тогда какъ у флегматиковъ и меланхоликовъ оба они отсутствуютъ. Вопросъ этотъ стóитъ того, чтобы имъ заняться подробнѣе.

Что касается отношенія быстроты движеній къ различнымъ умственнымъ процессамъ, то на этотъ счетъ имѣются пока еще немногія и притомъ противорѣчивыя данныя. Такъ, Эрнъ нашелъ, что скорость „двигательныхъ функцій“ (чтеніе вслухъ и письмо) у разныхъ лицъ идетъ параллельно со скоростью тѣхъ актовъ, въ которыхъ преобладаютъ воспріятія (счетъ буквъ и сложеніе), тогда какъ заучиваніе наизусть стоитъ уже особнякомъ въ этомъ отношеніи и по своимъ индивидуальнымъ колебаніямъ не совпадаетъ съ первыми двумя функціями (43). Между тѣмъ, Экснеръ въ своихъ изслѣдованіяхъ о скорости простой реакціи подчеркиваетъ тотъ фактъ, что лица съ рѣзко выраженнымъ флегматическимъ темпераментомъ (слѣдовательно, съ весьма медленными движеніями) реагируютъ сплошь и рядомъ ничуть не медленнѣе, чѣмъ всѣ остальныя (1). Значитъ, воспріятіе раздраженія или сигнала, даваемаго экспериментаторомъ, происходитъ у нихъ не только не медленнѣе, а, пожалуй, даже быстрѣе,

чѣмъ у другихъ лицъ. Очевидно, здѣсь необходимы еще дальнѣйшія изслѣдованія.

Сила (интенсивность) движеній.

Опредѣленіе качества и его проявленія. Интенсивность мышечныхъ сокращеній можетъ зависѣть какъ отъ хорошаго развитія мышцъ, такъ и отъ большей или меньшей силы двигательныхъ импульсовъ, возникающихъ въ соотвѣтствующемъ центрѣ и влекущихъ за собой мышечныя сокращенія. Изъ этихъ двухъ моментовъ большій интересъ для насъ представляетъ второй, такъ какъ онъ болѣе тѣсно связанъ съ важнѣйшими душевными особенностями каждаго человѣка. Оба момента далеко не всегда идутъ параллельно; бываетъ, что субъекты съ неособенно сильно развитыми мышцами подъ вліяніемъ какого-нибудь возбужденія обнаруживаютъ совершенно неожиданно способность къ такому энергичному мышечному напряженію, которое недоступно лицамъ съ гораздо болѣе развитой мускулатурой, но съ недостаточно сильными нервными импульсами.

Сравнительная оцѣнка силы мышечныхъ движеній у различныхъ субъектовъ возможна при помощи динамометра или эргографа Моссо; послѣдній представляется болѣе сложнымъ, но за то и даетъ гораздо болѣе точные результаты. Однако, оба эти способа почти не позволяютъ намъ обособить дѣйствіе двухъ только что упомянутыхъ моментовъ (интенсивность двигательныхъ импульсовъ и значительное развитіе мышечной ткани), такъ что въ этомъ отношеніи мы пока все еще вынуждены ограничиваться простымъ наблюденіемъ [1]).

Что касается связей и взаимоотношеній даннаго качества, то они, повидимому, далеко не такъ многочисленны, какъ у другихъ основныхъ наклонностей. А если это дѣйствительно такъ, то и значеніе разбираемой наклонности для индивидуальной психологіи не можетъ быть особенно велико. Правда, въ ученіи о темпераментахъ бо́льшая или меньшая энергія двигательныхъ проявленій всегда считалась однимъ изъ наиболѣе важныхъ, основныхъ признаковъ. Однако, необходимо замѣтить, что здѣсь часто смѣшивались двѣ совершенно различныя вещи: двигательное усиліе или мышечное напряженіе, съ одной стороны, и волевое усиліе съ другой. Между тѣмъ, совершенно

[1]) Нѣкоторые авторы, впрочемъ, считаютъ возможнымъ на основаніи эргографической кривой судить о томъ, имѣется ли въ данномъ случаѣ утомленіе мышцъ или нервныхъ центровъ. Подробнѣе объ этомъ вопросѣ см. въ книгѣ Бинэ и Анри (57).

справедливо замѣчаетъ Джемсъ: „Необходимо строго различать волевое усиліе въ собственномъ смыслѣ слова отъ мышечнаго усилія, съ которымъ его обыкновенно смѣшиваютъ. Послѣднее представляетъ собою совокупность всѣхъ периферическихъ ощущеній, вызываемыхъ „примѣненіемъ“ мышцъ... Что волевое усиліе нерѣдко бываетъ связано съ мышечнымъ — это составляетъ простую случайность. Иногда бываетъ такъ, что требуется большое усиліе воли при незначительномъ примѣненіи мышечной силы, напримѣръ, когда намъ нужно утромъ встать съ постели или мыться въ холодной водѣ. Съ другой стороны, солдатъ, стоя неподвижно подъ градомъ пуль, долженъ испытывать непріятное чувство отъ бездѣятельности мышцъ“ (24). Ниже намъ придется еще подробно говорить о томъ, что̀ именно слѣдуетъ понимать подъ волевымъ усиліемъ. Здѣсь же ограничимся указаніемъ на то, что развитіе этого качества далеко не идетъ параллельно съ возрастаніемъ мышечной силы и усиліемъ двигательныхъ импульсовъ въ нервныхъ центрахъ. Недаромъ такъ часто приходится слышать о людяхъ, слабыхъ тѣломъ, но сильныхъ духомъ, а съ другой стороны — встрѣчать силачей, совершенно неспособныхъ къ сколько-нибудь энергичному напряженію воли. И если способность къ волевому усилію дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, имѣетъ чрезвычайную важность для индивидуальной психологіи, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы такое же значеніе слѣдовало придавать также интенсивности двигательныхъ импульсовъ и мышечныхъ сокращеній.

Координація (взаимная согласованность) сложныхъ движеній.

Опредѣленіе качества. Когда человѣкъ совершаетъ какое-нибудь простое движеніе, напр., однократное или повторное сокращеніе одной мышцы или небольшой группы однородно дѣйствующихъ мышцъ, то здѣсь нельзя еще говорить о большей или меньшей координаціи движеній. Наличность или отсутствіе даннаго качества начинаетъ проявляться только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одно и то же время или непосредственно одно за другимъ происходитъ цѣлый рядъ движеній, разнообразныхъ, непохожихъ другъ на друга и въ то же время связанныхъ между собой какою-нибудь одною общею цѣлью. Наблюдая такіе сложные двигательные акты, мы уже ясно замѣчаемъ, что согласованіе отдѣльныхъ движеній, входящихъ въ составъ ихъ, неодинаково у различныхъ людей: у однихъ весь двига-

тельный актъ отъ начала до конца протекаетъ плавно, безъ всякихъ помѣхъ, у другихъ же отдѣльныя движенія не согласуются между собой, мѣшаютъ другъ другу, задерживаются въ своей послѣдовательности и т. д.

Если мы подвергнемъ анализу какое бы то ни было сложное координированное движеніе, то увидимъ, что въ составъ его входитъ цѣлый рядъ различныхъ элементовъ: a) представленіе о цѣли движенія, а также воспоминаніе о тѣхъ мышечныхъ, осязательныхъ, зрительныхъ и проч. ощущеніяхъ, которыя сопровождали подобное же движеніе въ прошедшемъ; b) рядъ одновременныхъ или послѣдовательныхъ двигательныхъ импульсовъ, болѣе или менѣе между собой согласованныхъ; c) рядъ ощущеній (мышечныхъ и осязательныхъ), сопровождающихъ данное движеніе. Въ виду такой сложности процесса, а также въ виду разнообразія условій, необходимыхъ для достиженія правильнаго, согласованнаго движенія, является вопросъ: имѣемъ ли мы право считать координацію движеній простѣйшей, основной наклонностью, и не слѣдуетъ ли ее скорѣе разложить на цѣлый рядъ другихъ, болѣе элементарныхъ качествъ?

Однако, если мы начнемъ разбирать сравнительную важность отдѣльныхъ моментовъ, обусловливающихъ собой бóльшую или меньшую координацію сложнаго движенія, то увидимъ, что центральное мѣсто среди нихъ занимаетъ все же болѣе или менѣе совершенная взаимная согласованность двигательныхъ нервныхъ импульсовъ (см. выше, b). Человѣкъ неловкій или недостаточно усвоившій себѣ какую-нибудь сложную ручную работу (вязанье, игра на музыкальномъ инструментѣ) можетъ имѣть вполнѣ ясное и отчетливое представленіе о томъ, какія именно движенія отъ него требуются; осязательная чувствительность, и, въ частности, мышечное чувство могутъ быть у него хорошо развиты. И тѣмъ не менѣе, въ первое время движенія его будутъ крайне неловки, такъ какъ у него еще не успѣли (или почему-либо совсѣмъ не могутъ) выработаться тѣ сложныя сочетанія двигательныхъ импульсовъ, взаимно между собой согласованныхъ, которыя составляютъ основу всякаго координированнаго движенія.

Проявленія качества и степени его развитія. Координація движеній вырабатывается у человѣка постепенно. По наблюденіямъ Прейера (39) противопоставленіе большого пальца остальнымъ, необходимое для захватыванія предметовъ и развивающееся у новорожденныхъ обезьянъ уже въ первыя недѣли ихъ жизни, появляется у человѣческихъ младенцевъ гораздо позднѣе. Правильныя, согласованныя движенія глазныхъ мышцъ вырабаты-

ваются лишь постепенно въ теченіе первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ. Ходить ребенокъ начинаетъ лишь къ концу перваго года.

У взрослыхъ людей координированность того или иного сложнаго движенія находится, какъ извѣстно, въ огромной зависимости отъ того, насколько привычно это движеніе для даннаго субъекта. Поэтому, наблюдая движенія какого-нибудь лица съ цѣлью опредѣлить степень ихъ взаимной согласованности, мы должны прежде всего освѣдомиться, насколько привычны для него эти движенія, такъ какъ иначе рискуемъ ошибиться въ своей оцѣнкѣ. Лучше всего брать для этихъ цѣлей привычные, не особенно сложные двигательные акты, свойственные притомъ же большому количеству людей, такъ какъ этимъ облегчается сравненіе. Бо́льшая или меньшая согласованность и ловкость движеній сказывается уже на томъ, какъ человѣкъ ходитъ, сидитъ, бѣгаетъ, беретъ и подаетъ предметы. Еще болѣе обнаруживается она въ такихъ сложныхъ актахъ, какъ танцы, подвижныя игры, различнаго рода спортъ, игра на музыкальныхъ инструментахъ; въ этихъ случаяхъ необходимо, однако, уже считаться съ выучкой, бо́льшимъ или меньшимъ привыканіемъ къ данному роду движеній.

Наконецъ, полезно бываетъ примѣнить здѣсь также и экспериментъ, въ виду того, что результаты экспериментальнаго изслѣдованія могутъ быть выражены въ цифрахъ и, такимъ образомъ, представляютъ значительное удобство для сравненія. Опыты состоятъ въ томъ, что испытуемаго заставляютъ нѣсколько разъ подрядъ попадать остріемъ иглы въ маленькое отверстіе, продѣланное въ деревянной дощечкѣ, или бросать въ цѣль небольшой шарикъ, отмѣчая всякій разъ то мѣсто, куда воткнулась игла или попалъ шарикъ; чѣмъ болше ловкость движеній, тѣмъ ближе къ цѣли попадаютъ удары. Такъ какъ значительную роль во всѣхъ этихъ случаяхъ играетъ также глазомѣръ или способность точно опредѣлять разстояніе при помощи одного только зрѣнія, то полезно бываетъ опредѣлить попутно также и точность глазомѣра у испытуемыхъ лицъ. Для этой цѣли заставляютъ изслѣдуемаго дѣлить линію на 2, на 3, на 7 частей, находить $^1/_8$ окружности, сравнивать длину различныхъ линій или разстояній и т. д. (31). Полученные такимъ путемъ результаты, т. е., главнымъ образомъ, средняя величина сдѣланной ошибки, также доступны цифровому выраженію.

Мы не будемъ описывать здѣсь тѣхъ болѣзненныхъ случаевъ, когда разстройство координаціи достигаетъ крайнихъ своихъ предѣловъ и когда больной, несмотря на сохраненіе

мышечной силы, почти не въ состояніи совершать какія бы то ни было цѣлесообразныя движенія. Такіе случаи особенно часты при спинной сухоткѣ, въ зависимости отъ полной потери мышечныхъ и отчасти осязательныхъ ощущеній. Для опредѣленія разстройства движеній здѣсь употребляютъ обыкновенно пріемы, въ общемъ очень несложные, но достаточные для того, чтобы обнаружить рѣзкія разстройства координаціи: больного заставляютъ, закрывши глаза, взять себя пальцами руки за противоположное ухо или коснуться кончика своего носа, лежа на спинѣ описывать кругъ выпрямленной ногой и т. д.

Что касается возбудителей, то ихъ довольно трудно формулировать. Можно назвать нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства, благопріятствующія проявленію ловкости движеній; къ числу ихъ принадлежитъ, напр., обстановка, среди которой человѣкъ вынужденъ двигаться: скользкій ледъ, по которому надо идти, гладкое, толстое дерево, на которое надо взбираться, узость и неустойчивость доски, по которой приходится переходить черезъ ручей и т. д. Въ другихъ случаяхъ трудность координаціи обусловливается скорѣе чисто внутренними цѣлями и задачами, при полномъ почти отсутствіи какихъ-либо внѣшнихъ затрудняющихъ условій. Сюда принадлежатъ танцы, письмо, спортъ, игра на роялѣ и т. д.

Локализація даннаго качества изучена въ настоящее время очень подробно. Мозговая кора не играетъ здѣсь особенно важной роли, такъ какъ даже послѣ удаленія обоихъ полушарій головного мозга у животныхъ сохраняется равновѣсіе тѣла и гармонія привычныхъ, автоматическихъ движеній. Главными-же центрами, завѣдующими координаціей движеній, являются мозжечекъ и четверохолміе. Особенно важное значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ мозжечекъ, который можно считать центральнымъ органомъ координаціи движеній. Будучи соединенъ при помощи центростермительныхъ проводовъ съ каналами лабиринта и съ периферіей почти всего тѣла, онъ получаетъ отовсюду раздраженія, свидѣтельствующія о томъ или иномъ положеніи тѣла въ пространствѣ. Въ то же время, благодаря обилію центробѣжныхъ путей, онъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на низшіе мозговые центры, поддерживая ихъ тонусъ и сливая разрозненные двигательные импульсы въ одинъ координированный двигательный актъ. Удаленіе или значительное поврежденіе мозжечка вызываетъ у животныхъ рѣзкія разстройства координаціи движеній: полную невозможность стоять, ходить и сохранять равновѣсіе тѣла, общее пониженіе мышечнаго тонуса, дрожаніе, шаткость и невѣрность

произвольныхъ движеній и т. д. При одностороннемъ поврежденіи мозжечка и его ножекъ наблюдаются такъ наз. наслѣдственныя движенія, скошеніе глазъ въ одну сторону, паденіе тѣла на сторону поврежденія и т. п. Болѣе подробное описаніе всѣхъ этихъ разстройствъ читатель найдетъ въ руководствахъ по физіологіи.

Связи и отношенія. Координированныя движенія всегда направлены къ какой-нибудь опредѣленной цѣли (наличность руководящей идеи или стремленія), болѣе или менѣе ясно сознаваемой лицомъ, совершающимъ эти движенія. Чѣмъ яснѣе и отчетливѣе сознается цѣль, тѣмъ совершеннѣе—при прочихъ равныхъ условіяхъ—сочетаются между собой отдѣльные двигательные акты. По описанію Солье, у идіотовъ, находящихся въ спокойномъ состояніи, можно бываетъ наблюдать цѣлый рядъ разнообразныхъ, безпорядочныхъ движеній, появляющихся въ различныхъ членахъ тѣла. Но когда такой идіотъ видитъ пищу и старается достать ее, то всѣ эти безпорядочныя, ненужныя движенія прекращаются; опредѣленная цѣль, имѣющаяся передъ нимъ, дѣлаетъ его движенія координированными и цѣлесообразными (44). Однако, не слѣдуетъ думать, что всѣ части сложнаго двигательнаго акта должны быть одинаково ясно сознаваемы. Наибольшая координированность достигается, повидимому, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сознаніи отчетливо представляется только конечная цѣль, послѣднее, заключительное звено всей цѣпи движеній; отдѣльныя-же посредствующія звенья этой цѣпи должны, благодаря предшествующему долговременному упражненію, быть настолько тѣсно связанными другъ съ другомъ, что могутъ быть выполняемы совершенно автоматически, безъ участія или при минимальномъ участіи сознательной сферы. Излишняя сознательность движеній можетъ часто даже вредить ихъ координаціи, такъ какъ замедляетъ двигательный актъ и заставляетъ работающаго тратить слишкомъ много усилій на мелочи, отвлекаясь въ то же время отъ главной, конечной, цѣли движенія.

Еще въ болѣе тѣсной связи съ разбираемымъ нами качествомъ стоитъ тонкость мышечныхъ и осязательныхъ ощущеній. Потеря или значительное ослабленіе этихъ ощущеній неизбѣжно и во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ влечетъ за собою разстройство координаціи. Наиболѣе рѣзкое доказательство этой зависимости можно наблюдать при спинной сухоткѣ, гдѣ вслѣдствіе нарушенія мышечной и осязательной чувствительности всѣ сколько-нибудь сложныя движенія представляются

совершенно разстроенными; между тѣмъ, какъ извѣстно, собственно двигательная сфера, т. е. двигательные центры, нервные проводники и мышцы не представляютъ, по крайней мѣрѣ, въ первой стадіи болѣзни, какихъ-нибудь замѣтныхъ измѣненій.

Большой интересъ для индивидуальной психологіи могло-бы представить отношеніе между координаціей движеній и тѣмъ качествомъ, которое мы разберемъ ниже, подъ названіемъ систематичности, послѣдовательности сложныхъ дѣйствій. Если-бы связь (повидимому, родство) между этими двумя наклонностями оказалась прочной и постоянной, то разсматриваемое нами качество (координація движеній) пріобрѣло-бы значительную важность для науки о характерахъ.

Сознательность движеній (движенія произвольныя, автоматическія, инстинктивныя и рефлекторныя).

Опредѣленіе качества. Рѣдкое изъ нашихъ движеній, сколько-нибудь сложныхъ, бываетъ вполнѣ, отъ начала до конца сознательнымъ. Обыкновенно сознается болѣе или менѣе ясно только начало движенія и его конечная цѣль; остальныя-же части двигательнаго акта или сознаются нами очень смутно, или же остаются совершенно несознаваемыми. Только очень сложныя, трудныя или незнакомыя движенія отъ начала до конца протекаютъ подъ контролемъ сознанія; но стóитъ лишь немного поупражняться, повторить ихъ нѣсколько разъ подрядъ, — и мы начинаемъ замѣчать, какъ детали двигательнаго акта мало по малу ускользаютъ отъ нашего вниманія и весь процессъ дѣлается все болѣе и болѣе „механическимъ“. Сравнивая сознательность движеній у различныхъ людей, можно убѣдиться, что качество это обладаетъ значительными индивидуальными колебаніями. Одинъ человѣкъ постоянно отдаетъ себѣ полный отчетъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, простыхъ и сложныхъ, произвольныхъ и непроизвольныхъ, привычныхъ и непривычныхъ. Другой, наоборотъ, большинство своихъ поступковъ (resp. сложныхъ движеній) совершаетъ, почти не думая о нихъ, а имѣя въ виду только цѣль, которой ему надо достигнуть. Такой человѣкъ, находясь въ обществѣ или приступая къ какой-нибудь трудной работѣ, нисколько не заботится о томъ, что ему дѣлать со своими руками, какъ ему сѣсть или стать, какое положеніе будетъ для него самымъ выгоднымъ, какія именно движенія будутъ ему наиболѣе удобны. Когда наста-

нетъ нужный моментъ, все сдѣлается само собой, и его руки и туловище „сами“ совершатъ тѣ движенія, которыя представляются въ данномъ случаѣ наиболѣе цѣлесообразными.

Въ первой части книги мы уже говорили о томъ, что для индивидуальной психологіи представляютъ важность только тѣ качества, которымъ свойственны значительныя индивидуальныя колебанія. Поэтому огромное большинство рефлексовъ, простыхъ и сложныхъ, а также многія инстинктивныя и автоматическія движенія не могутъ имѣть для насъ въ данномъ случаѣ большого значенія. Такіе двигательные акты, какъ миганіе, глотаніе, кашель, рвота, всхлипываніе, зѣвота, дыхательныя движенія, движенія пищеварительнаго аппарата, отдергиваніе подвижныхъ членовъ тѣла при сильныхъ и непріятныхъ раздраженіяхъ и т. д. свойственны всѣмъ здоровымъ людямъ почти въ одинаковой степени, причемъ степень ихъ сознательности (или, вѣрнѣе, безсознательности) при обычныхъ условіяхъ не представляетъ у разныхъ людей сколько-нибудь значительныхъ колебаній. Главный нашъ интересъ будетъ сосредоточиваться, такимъ образомъ, на тѣхъ сложныхъ координированныхъ движеніяхъ (ходьба, бѣганье, различныя цѣлесообразныя движенія рукъ и туловища), которыя одними людьми выполняются совершенно автоматически, тогда какъ другимъ они удаются только при условіи постояннаго контроля со стороны сознанія.

Проявленія наклонности и степени ея развитія. Какимъ образомъ возможно опредѣлить, насколько сознательны были движенія и поступки наблюдаемаго лица въ извѣстный моментъ или за извѣстный промежутокъ времени? Обычный пріемъ для этого состоитъ въ томъ, что испытуемаго заставляютъ припомнить и описать по возможности подробнѣе все, что произошло съ нимъ за это время, и по точности описанія судятъ о степени сознательности. Такъ, напр., о полной потерѣ сознанія во время судорожныхъ эпилептическихъ приступовъ, а также при такъ наз. эпилептическихъ эквивалентахъ судятъ, главнымъ образомъ, на основаніи того, что по окончаніи припадка больной, придя въ себя, не въ состояніи припомнить что-либо изъ всего происшедшаго. Правда, здѣсь нужно всегда считаться съ состояніемъ памяти, такъ какъ въ противномъ случаѣ могутъ возразить, что испытуемый сознавалъ все происходившее съ нимъ въ данный моментъ и лишь затѣмъ, благодаря слабости памяти, забылъ объ этомъ. Но если память изслѣдуемаго лица не представляетъ рѣзкихъ уклоненій отъ нормы, то пріемъ этотъ представляется очень полезнымъ и достаточно точнымъ. Его можно

видоизмѣнить еще такимъ образомъ, что въ самомъ разгарѣ сложнаго движенія мы вдругъ останавливаемъ испытуемаго и затѣмъ подробно распрашиваемъ его о томъ, какія части двигательнаго акта уже были имъ выполнены и какія ему еще предстояло исполнить. Наконецъ, косвенныя данныя относительно сознательности движеній можно получить также слѣдующимъ образомъ. Когда человѣкъ сосредоточилъ все свое виманіе на одномъ какомъ-нибудь актѣ, то онъ обыкновенно почти не замѣчаетъ окружающаго. Особенно часто наблюдается это у людей съ узкимъ объемомъ сознанія (или склонныхъ къ чрезмѣрной концентраціи вниманія—см. выше). Если такія лица, совершая какое-нибудь сложное движеніе (хожденіе по неровной мѣстности, вязаніе чулковъ, игра на роялѣ и т. д.), въ состояніи въ то же время свободно разговаривать съ окружающими, разсматривать и обсуждать все, что вокругъ нихъ дѣлается, то слѣдуетъ думать, что движенія эти выполняются ими чисто автоматически, при минимальномъ участіи сознанія.

Примѣняя всѣ эти способы для опредѣленія степени сознательности движеній, необходимо, однако, соблюдать одну предосторожность: не слѣдуетъ забывать, что всякое новое, непривычное движеніе у взрослаго человѣка всегда бываетъ сознательнымъ во всѣхъ своихъ деталяхъ и лишь потомъ, по мѣрѣ упражненія, дѣлается постепенно все болѣе и болѣе автоматическимъ. Поэтому для сужденія о степени разбираемаго нами качества необходимо брать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ только такія движенія, которыя представляются болѣе или менѣе привычными для наблюдаемаго нами лица.

Что касается анатомо-физіологическаго коррелата данной наклонности, то необходимымъ условіемъ сознательности движеній (по крайней мѣрѣ, у человѣка и высшихъ позвоночныхъ животныхъ) является цѣлость полушарій головного мозга. Здѣсь заложены центры мышечныхъ ощущеній всего тѣла, а также центры зрительныхъ воспріятій, играющихъ такую важную роль въ образованіи двигательныхъ представленій. Послѣ удаленія обоихъ полушарій животное (собака, голубь, лягушка) сохраняетъ способность реагировать на внѣшнія раздраженія, поддерживать равновѣсіе тѣла, ходить, прыгать, глотать пищу и т. д. Но въ то же время оно является совершеннымъ автоматомъ, лишеннымъ всякой иниціативы и не сознающимъ своихъ собственныхъ поступковъ. Подобно лунатику, оно можетъ совершать въ случаѣ надобности различныя сложныя, цѣлесообразныя движенія, не отдавая себѣ въ нихъ никакого от-

чета и не сохраняя о нихъ никакого воспоминанія. Спустя извѣстное время послѣ операціи нѣкоторыя изъ утраченныхъ функцій могутъ возстановиться, но полная сознательность движеній въ этихъ случаяхъ никогда не возвращается.

Связи и отношенія. Объ отношеніяхъ, существующихъ между сознательностью движеній и ихъ координаціей, мы уже говорили въ предшествовавшемъ параграфѣ. Бо́льшая или меньшая быстрота движеній также, повидимому, не остается безъ вліянія на степень ихъ сознательности. Уже a priori можно предполагать, что слишкомъ быстрыя движенія не успѣваютъ войти въ сознаніе движущагося лица, такъ какъ всякое сознательное воспріятіе требуетъ для своего ссуществленія извѣстнаго промежутка времени. Наблюденія повседневной жизни подтверждаютъ это предположеніе; они показываютъ намъ, что люди, привыкшіе слѣдить за собой и отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ, никогда не двигаются слишкомъ поспѣшно; всѣ движенія такихъ людей отличаются, наоборотъ, извѣстной плавностью, бываютъ всегда размѣрены и неторопливы. Только при такой медленности собственныхъ движеній человѣкъ можетъ постоянно наблюдать за ними.

Большого вниманія заслуживаетъ отношеніе между сознательностью движеній и ихъ произвольностью. На первый взглядъ оба эти качества представляются настолько тѣсно связанными другъ съ другомъ, что является даже вопросъ, слѣдуетъ ли вообще раздѣлять ихъ. Обыкновенно степень произвольности двигательнаго акта возростаетъ параллельно степени его сознательности. Движенія, не подчиненныя нашей волѣ, какъ, напр., сокращенія сердечной мышцы, желудка, кишекъ, пузыря и т. д., сознаются нами несравненно менѣе отчетливо, чѣмъ произвольныя или полупроизвольныя движенія: ходьба, бѣганье, прыжки, бросанье, схватываніе и проч. Чѣмъ лучше слѣдимъ мы за своими движеніями, тѣмъ больше возможности имѣемъ вмѣшиваться по произволу въ ихъ теченіе, измѣняя ихъ, направляя въ ту или другую сторону или, наконецъ, совершенно прекращая ихъ въ любой моментъ. Однако, зависимость эта все же не такъ постоянна, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Патологія нервной системы даетъ намъ факты, доказывающіе, что оба названныя качества могутъ встрѣчаться совершенно независимо одно отъ другого. Таковы, напр., случаи различнаго рода судорогъ, не сопровождающихся потерей сознанія; сюда же относятся всевозможныя насильственныя движенія и навязчивые поступки, когда человѣкъ, отдавая себѣ полный отчетъ

въ своихъ дѣйствіяхъ и сознавая всю ихъ ненужность, все же не можетъ удержаться отъ ихъ выполненія. Рѣзкій примѣръ раздѣленія двухъ названныхъ качествъ представляетъ такъ наз. насильственный смѣхъ, т. е., гримаса смѣха, появляющаяся по временамъ у нѣкоторыхъ больныхъ совершенно независимо отъ ихъ настроенія и противъ ихъ воли. Еще одинъ примѣръ изъ исторіи развитія ребенка. Наблюденія показали, что существуетъ такой періодъ въ развитіи произвольныхъ движеній, когда нѣкоторые акты, напр., схватываніе предметовъ, уже сознаются, но еще непроизвольны. Ребенокъ удерживаетъ объектъ, когда этотъ послѣдній случайно попадетъ ему подъ руку, и вполнѣ сознаетъ это, но не можетъ сдѣлать то же самое по произволу (39) [1]). Не слѣдуетъ, однако, забывать, что всѣ приведенные нами примѣры, указывающіе на возможность раздѣленія двухъ названныхъ качествъ, встрѣчаются далеко не часто. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ сознательность движеній и ихъ произвольность представляются тѣсто, неразрывно связанными другъ съ другомъ.

Степень развитія идео-моторной способности.

Опредѣленіе качества, его проявленія и степени развитія. „Процессъ сознаванія, говоритъ Джемсъ, по самой природѣ своей импульсивенъ". Каждое впечатлѣніе, каждое представленіе сопровождается извѣстнымъ возбужденіемъ нервной системы, стремящимся перейти въ движеніе. Въ особенности слѣдуетъ сказать это о такихъ представленіяхъ, которыя имѣютъ то или иное отношеніе къ двигательнымъ актамъ. Если постараться представить себѣ возможно болѣе отчетливо какой-нибудь очень отдаленный предметъ и тотчасъ вслѣдъ за этимъ перейти къ представленію предмета, гораздо болѣе близкаго, то не трудно подмѣтить при этомъ въ глазахъ особое ощущеніе напряженія, указывающее на то, что произошло нѣкоторое, хотя бы минимальное сокращеніе глазныхъ мышцъ. Наблюденія показали, что невозможно представить себѣ отчетливо какое бы то ни было простѣйшее движеніе (пальцевъ, губъ, языка и т. д.) безъ того, чтобы не сократились, хотя бы въ ничтожной степени, соотвѣтствующія мышцы; это происходитъ даже въ томъ случаѣ, если субъектъ сознательно старается воздержаться отъ всякаго дви-

---

[1]) Подробное описаніе тѣхъ ощущеній, которыя вызываются различными сознательными, но непроизвольными сокращеніями мышцъ, см. у Лосскаго (16).

женія. Не меньшею „диео-двигательной“ способностью обладаютъ также представленія о болѣе сложныхъ двигательныхъ актахъ; достаточно вспомнить обычный примѣръ, приводимый въ этихъ случаяхъ, — невольное влеченіе броситься впередъ, являющееся часто у людей, стоящихъ на краю обрыва и доходящее иной разъ до того, что приходится сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы отодвинуться.

Для того, чтобы выяснить, насколько важнымъ представляется данное качество для индивидуальной психологіи, мы приведемъ здѣсь сначала крайнія степени его развитія, которыя приходится наблюдать при нѣкоторыхъ патологическихъ состояніяхъ. Такъ, при маніакальномъ возбужденіи выполненіе всѣхъ произвольныхъ движеній представляется чрезвычайно облегченнымъ. Благодаря этому, больной становится чрезвычайно дѣятельнымъ, подвижнымъ, говорливымъ, предпріимчивымъ; мимика его дѣлается гораздо живѣе, движенія порывистѣе. Совершенно противоположную картину представляютъ явленія психомотроной задержки, лежащія, по словамъ Крепелина, въ основѣ состояній подавленности при такъ наз. круговомъ помѣшательствѣ. Въ этихъ случаяхъ осуществленіе какихъ бы то ни было движеній представляется чрезвычайно затрудненнымъ; больные „испытываютъ трудность при всякомъ дѣйствіи, даже при разговорѣ, почти всякое движеніе требуетъ съ ихъ стороны особаго напряженія воли. Вслѣдствіе этого, естественно, возникаетъ рѣзко выраженное замедленіе и ослабленіе дѣятельности. Только твердо заученныя дѣйствія свершаются иной разъ сразу, безъ задержки; сильное душевное потрясеніе можетъ также внезапно преодолѣть задержку“ (28).

То, что въ патологическихъ случаяхъ является намъ въ рѣзко выраженномъ, преувеличенномъ видѣ, можно встрѣтить и у здоровыхъ людей, только въ значительно меньшихъ размѣрахъ. Есть не мало людей, которымъ всякій разъ не легко бываетъ приступить къ выполненію какого бы то ни было новаго движенія. Человѣкъ чувствуетъ себя здоровымъ, неутомленнымъ, движеніе для него не особенно трудно и не угрожаетъ никакими непріятностями, необходимость этого движенія онъ прекрасно сознаетъ, остается только приняться за его выполненіе,—но тутъ-то и является задержка: все какъ-то не хочется, что-то мѣшаетъ, несмотря на то, что никакихъ помѣхъ, ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ, на лицо не имѣется. Въ то же время всѣ автоматическія и рефлекторныя движенія совершаются вполнѣ свободно. Подобная особенность характера часто составляетъ главную основу

того, что называютъ лѣностью. Въ противоположность этому, у другихъ людей всякое двигательное представленіе, появившееся въ сознаніи, стремится перейти въ дѣйствіе, хотя бы дѣйствіе это представлялось даже ненужнымъ, преждевременнымъ, недостаточно обдуманнымъ и мало соотвѣтствующимъ желаніямъ и потребностямъ самого субъекта.

Производя опыты съ измѣреніемъ скорости умственныхъ процессовъ при помощи Гипповскаго хроноскопа, можно иногда наблюдать, что испытуемый реагируетъ раньше, чѣмъ произойдетъ то раздраженіе, за которымъ должна была послѣдовать реакція (случаи такъ наз. „преждевременныхъ реакцій"). Идеомоторная способность въ этихъ случаяхъ была, слѣдовательно, настолько повышена, что переходъ двигательнаго представленія въ соотвѣтствующее движеніе произошелъ раньше, чѣмъ это было нужно. Подобныя преждевременныя реакціи дѣлаются особенно обильными какъ разъ въ такихъ состояніяхъ, когда все остальное поведеніе испытуемаго также свидѣтельствуетъ о повышеніи у него идео-двигательной способности (состоянія маніакальнаго возбужденія, вліяніе нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ веществъ и т. д.).

Конечно, не малую роль въ развитіи разбираемаго нами качества могутъ играть также сила или слабость чувствованій, способность или неспособность къ энергическому волевому усилію. Какъ бы ни была слаба идео-двигательная способность, но если человѣкъ обладаетъ сильной волей, если чувства, требующія, выполненія тѣхъ или иныхъ движеній, слишкомъ интенсивны и настойчивы, то препятствіе будетъ, въ концѣ концовъ, сломлено и человѣкъ совершитъ требуемый поступокъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что вопросъ о возможности идео-моторныхъ актовъ въ чистомъ, такъ сказать, видѣ представляется и по настоящее время еще спорнымъ. Существуетъ, какъ мы увидимъ ниже, мнѣніе, согласно которому ни одно сознательное и произвольное дѣйствіе (а слѣдовательно, и движеніе) не можетъ быть выполнено вполнѣ „холодно", безъ всякой (хотя бы минимальной) чувственной окраски, безъ всякаго слѣда волевого усилія. Мы не будемъ входить здѣсь въ осужденіе этого мнѣнія, такъ какъ рѣшеніе даннаго вопроса выходитъ изъ круга задачъ индивидуальной психологіи. Скажемъ только, что болѣе или менѣе облегченное выполненіе извѣстнаго сознательнаго движенія не всегда идетъ параллельно съ интенсивностью чувства или волевого усилія, способствующаго этому движенію. Поэтому намъ все же кажется болѣе правильнымъ выдѣлить идео-двигательную способ-

ность въ особую рубрику, опредѣливши ее, какъ наклонность къ болѣе или менѣе облегченному переходу двигательныхъ представленій въ соотвѣтствующія движенія.

Возбудители, внутренніе и внѣшніе. Нѣкоторыя химическія вещества, будучи такъ или иначе введены въ организмъ, способствуютъ облегченному переходу идей въ движенія. Извѣстно, что дѣйствіе алкоголя въ небольшихъ дозахъ сказывается, между прочимъ, въ устраненіи всякаго рода задержекъ и въ усиленномъ стремленіи къ выполненію всякаго рода движеній, представленія о которыхъ возникли въ сознаніи. Причина этого заключается въ непосредственномъ вліяніи алкоголя на нервно-мозговую ткань, въ томъ числѣ на тѣ ея функціи, которыя составляютъ корреллатъ разбираемаго нами качества.

Наиболѣе важнымъ внутреннимъ возбудителемъ является, повидимому, живость, яркость и отчетливость тѣхъ двигательныхъ представленій, которыя должны повлечь за собой соотвѣтствующія движенія. Чѣмъ живѣе и отчетливѣе стараемся мы представить себѣ произношеніе какого-нибудь слова, тѣмъ яснѣе замѣчаемъ соотвѣтствующія движенія языка и гортани, почти неизбѣжно являющіяся въ этихъ случаяхъ. Чѣмъ живѣе представляетъ себѣ нервный человѣкъ свое паденіе въ пропасть, на краю которой онъ стоитъ, тѣмъ сильнѣе его влечетъ къ этой пропасти. Кромѣ того, большое значеніе въ этихъ случаяхъ имѣютъ близость и доступность тѣхъ внѣшнихъ объектовъ, которые вызываютъ въ насъ соотвѣтствующія движенія, а также степень яркости и конкретности, съ которой объекты эти рисуются въ нашемъ воображеніи. Отвлеченныя соображенія о необходимости какого-бы то ни было поступка, общія, неясныя представленія о предстоящихъ движеніяхъ не могутъ обладать значительной степенью импульсивности. Равнымъ образомъ, предметы и событія, отдѣленные отъ насъ значительнымъ временемъ и пространствомъ, служатъ обыкновенно лишь слабымъ стимуломъ для нашей дѣятельности. Представленіе о какомъ-бы то ни было движеніи можетъ выдвинуться въ сознаніи лишь тогда, если обстановка и условія этого движенія близки къ намъ, если есть много шансовъ за то, что намъ придется совершить это движеніе.

Изъ числа другихъ условій, способствующихъ проявленію идео-двигательной способности, слѣдуетъ отмѣтить въ особенности два:

1) привычку къ движенію и

2) неоднократное возникновеніе въ сознаніи одной и той-же моторной идеи.

новаго движенія встрѣчаетъ почти непреодолимыя затрудненія, старые, привычные двигательные акты имѣютъ больше шансовъ на успѣхъ. Тѣмъ болѣе это относится къ случаямъ, не выходящимъ изъ предѣловъ нормы. Неоднократное возникновеніе моторной идеи, также въ значительной степени способствующее выполненію соотвѣтствующихъ движеній, можетъ быть подведено, въ сущности, подъ общее для всѣхъ возбудителей правило, уже указанное нами въ первой части книги (гл. VIII): повтореніе всякаго рода стимуловъ усиливаетъ ихъ дѣйствіе.

Итакъ, возбудителями идеодвигательной способности являются, главнымъ образомъ: нѣкоторыя химическія вещества (алкоголь), живость соотвѣтствующихъ представленій, близость и конкретность условій дѣйствія, привычка къ движенію и неоднократное возникновеніе моторной идеи въ сознаніи. Что касается анатомо-физіологическаго коррелата данной наклонности, то, говоря вообще, дѣло идетъ здѣсь о болѣе или менѣе облегченной передачѣ возбужденія съ чувственныхъ центровъ мозговой коры на двигательные ея участки. Подробное-же изложеніе самаго механизма этой передачи не можетъ представлять для насъ въ данномъ случаѣ существеннаго значенія.

Связи и отношенія. Для того, чтобы у человѣка могло развиться качество, о которомъ идетъ рѣчь, необходимо, чтобы этотъ человѣкъ уже заранѣе обладалъ двумя другими качествами: способностью производить извѣстныя координированныя движенія и способностью воспроизводить (произвольно или непроизвольно) въ своемъ сознаніи представленія объ этихъ движеніяхъ. При отсутствіи какого-бы то ни было изъ этихъ моментовъ переходъ моторной идеи въ движеніе представляется, очевидно, неосуществимымъ.

Однако, нельзя сказать, чтобы разсматриваемое нами качество складывалось цѣликомъ изъ двухъ названныхъ способностей: эти послѣднія являются скорѣе необходимыми условіями его, но отнюдь не конечными причинами. Человѣкъ со слабо развитой идео-двигательной способностью можетъ очень отчетливо представлять себѣ какое-нибудь, сравнительно простое, движеніе безъ того, чтобы у него явилась потребность произвести это движеніе.

Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ тѣмъ отношеніемъ, которое въ первой части книги было обозначено, какъ отношеніе низшихъ наклонностей къ высшимъ: низшія (возникновеніе двигательнаго представленія въ сознаніи, способность къ координированнымъ движеніямъ) необходимы для того,

чтобы высшее могло проявиться, но не являются единственной его причиной: въ то же время сами они для своего осуществленія не нуждаются непремѣнно въ наличности высшей наклонности.

Какъ-бы то ни было, состояніе двигательной сферы все же, несомнѣнно, отражается на идео-моторной способности; такъ, нервно-мышечная усталость замѣтно понижаетъ ее, тогда какъ обиліе движеній и двигательныхъ импульсовъ, наоборотъ, способствуетъ ея проявленію. Усиленіе отчетливости двигательныхъ образовъ также, повидимому, идетъ параллельно съ усиленіемъ идео-двигательной способности, но лишь до извѣстной степени: слишкомъ яркіе образы (какъ это бываетъ у нѣкоторыхъ мечтательныхъ, но малодѣятельныхъ людей) могутъ до того заполнить все сознаніе человѣка, до того сосредоточить на себѣ всю его активность, что уже не вызываютъ движеній, а скорѣе даже тормозятъ ихъ.

О вліяніи на идео-моторную способность чувства и воли мы уже говорили выше. Остается сказать нѣсколько словъ о зависимости, которая существуетъ между разбираемымъ нами качествомъ и способностью къ большей или меньшей обдуманности и систематичности сложныхъ дѣйствій (см. ниже). И здѣсь патологическія наблюденія также въ значительной степени помогаютъ освѣщенію вопроса. При маніакальномъ возбужденіи облегченное выполненіе движеній всегда сопровождается извѣстной безпорядочностью, непослѣдовательностью, недостаточной обдуманностью всѣхъ дѣйствій и поступковъ больного. Всякое моторное представленіе, едва успѣвшее возникнуть въ умѣ, немедленно переходитъ въ соотвѣтствующее движеніе. При такихъ условіяхъ становится совершенно невозможнымъ какое бы то ни было взаимное согласованіе отдѣльныхъ движеній, подчиненіе ихъ одной общей цѣли. „Больной не въ состояніи болѣе преслѣдовать какой нибудь опредѣленный планъ; онъ хватается за все, но вновь возникающія побужденія тотчасъ оттѣсняютъ первоначальныя намѣренія на задній планъ. Въ концѣ концовъ становится едва возможнымъ различить цѣль каждаго отдѣльнаго дѣйствія; мы видимъ только пестрый рядъ смѣняющихся движеній (Kraftäusserungen)“ (28). Нѣчто подобное можно наблюдать также и у нормальныхъ людей съ чрезмѣрно развитой идео-двигательной способностью.

* * *

Переходъ моторнаго представленія въ соотвѣтствующее движеніе можетъ совершаться не только съ большей или меньшей легкостью, но также болѣе или менѣе быстро. Сообразно съ этимъ, можно было бы выдѣлить въ качествѣ особой наклонности также бо́льшую или меньшую **быстроту перехода идеи въ движеніе.** Намъ кажется, однако, что этого не слѣдуетъ дѣлать. Во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ облегченіе идео-моторной способности влечетъ за собою также и болѣе быстрое осуществленіе каждаго задуманнаго движенія; поэтому раздѣлять эти два качества представляется намъ совершенно излишнимъ.

Двигательная утомляемость.

Опредѣленіе качества. Утомленіе является почти неизбѣжнымъ спутникомъ всякой сколько-нибудь продолжительной работы какого бы то ни было органа. Только очень немногія части нашего организма (напр., нервные проводники) могутъ, повидимому, работать непрерывно въ теченіе довольно продолжительнаго времени, не обнаруживая никакихъ слѣдовъ утомленія. Но такія исключенія, въ общемъ, очень рѣдки и не могутъ имѣть для насъ особаго значенія, тѣмъ болѣе, что и въ нихъ рѣчь идетъ не о полномъ отсутствіи утомленія, а только о чрезвычайно медленномъ наступленіи его. Такъ какъ утомленію могутъ подвергаться различныя функціи нашего организма, то приходится различать нѣсколько видовъ усталости: мышечное утомленіе, утомленіе нервныхъ центровъ (послѣ напряженной умственной работы или послѣ интенсивныхъ чувствованій и аффектовъ), утомленіе органовъ чувствъ и т. д.

Различные виды усталости связаны другъ съ другомъ и взаимно вліяютъ другъ на друга. Такъ, изслѣдованія Моссо показали, что умственное утомленіе способствуетъ болѣе быстрому наступленію мышечной усталости. Это объясняется, повидимому, тѣмъ, что продукты распада, накопляющіеся въ нервныхъ центрахъ во время ихъ работы, вмѣстѣ съ кровеобращеніемъ расходятся по всему организму и, поступая въ мышцы, затрудняютъ ихъ дѣятельность и способствуютъ болѣе быстрому ихъ истощенію (58). Утомленіе ногъ ускоряетъ утомленіе рукъ. Прейеръ наблюдалъ, какъ сильныя слуховыя раздраженія (игра на рояли) вызвали у восьминедѣльнаго ребенка необычайно продолжительный сонъ, т.-е., тотъ же самый способъ возстановленія затраченныхъ силъ, какой наблюдается у дѣтей даннаго возраста и послѣ обильныхъ мышечныхъ движеній (сосаніе, крикъ). Тѣмъ не ме-

нѣе, каждый изъ перечисленныхъ выше видовъ усталости имѣетъ свои особенности, почему намъ и кажется болѣе цѣлесообразнымъ разсматривать не утомляемость даннаго организма вообще, а отдѣльные виды утомляемости, именно тѣ, которые представляютъ особенное значеніе для индивидуальной психологіи.

При разсмотрѣніи двигательнаго утомленія мы будемъ имѣть въ виду, такъ же какъ и ранѣе, главнымъ образомъ, процессы, происходящіе въ мозгу, т.-е., болѣе или менѣе быстрое ослабленіе дѣятельности и истощеніе нервныхъ центровъ, завѣдующихъ движеніями. Правда, иной разъ не легко бываетъ отдѣлить мышечное утомленіе отъ нервнаго, тѣмъ болѣе, что между ними, какъ уже выше сказано, существуетъ извѣстное взаимодѣйствіе. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя данныя говорятъ въ пользу того, что оба эти вида усталости далеко не всегда идутъ параллельно. Такъ, неврастенія, отличительнымъ признакомъ которой является быстрая утомляемость (раздражительная слабость) нервныхъ центровъ, можетъ въ то же время сопровождаться превосходнымъ развитіемъ мышцъ и хорошимъ состояніемъ общаго питанія. Поэтому, говоря о быстрой двигательной утомляемости наблюдаемаго лица, мы будемъ имѣть въ виду быструю истощаемость его двигательныхъ нервныхъ центровъ, дѣлающую его неспособнымъ продолжать рядъ движеній, начатыхъ имъ вполнѣ свободно и безпрепятственно. Утомленіе наступаетъ, въ концѣ концовъ, при всякихъ движеніяхъ, какъ произвольныхъ, такъ и автоматическихъ, какъ координированныхъ, такъ и некоординированныхъ. Но такъ какъ наиболѣе утомляющимъ образомъ дѣйствуютъ сознательныя координированныя движенія, направленныя къ какой нибудь общей цѣли, или такъ называемая физическая работа, то на ней, главнымъ образомъ, и будетъ сосредоточено наше вниманіе.

Необходимо различать дѣйствительное утомленіе (Ermüdung) отъ чисто субъективнаго чувства усталости—Müdigkeit, какъ называетъ его Крепелинъ. Оба эти процесса далеко не всегда сопровождаютъ другъ друга. Утомленіе наступаетъ вслѣдствіе дѣйствительнаго истощенія нервныхъ центровъ и можетъ быть устранено только путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха и хорошаго питанія. Между тѣмъ, субъективное чувство усталости, вялости, неохоты къ работѣ можетъ появиться также и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительныя силы человѣка вовсе еще не истощены и онъ вполнѣ способенъ къ дальнѣйшей работѣ. Такъ, нерѣдко здоровый, крѣпкій человѣкъ испытываетъ подобную вялость тотчасъ послѣ сна или обѣда, хотя стóитъ

ему приняться за работу, и это субъективное ощущеніе быстро исчезаетъ. То же бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, если работа скучна, неинтересна и непривлекательна. Еще болѣе рѣзкія примѣры подобнаго несоотвѣтствія между утомленіемъ и чувствомъ усталости доставляетъ намъ патологія. Въ состояніи такъ называемаго неистовства больные нерѣдко цѣлыми недѣлями находятся въ постоянномъ, непрерывномъ движеніи, безъ сна и отдыха, иногда даже отказываясь отъ пищи. Вѣсъ тѣла страшно падаетъ, истощеніе быстрыми шагами идетъ впередъ, а больные въ то же время чувствуютъ себя необычайно крѣпкими, сильными и не испытываютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ усталости. Обратныя отношенія наблюдаются въ состояніяхъ угнетенія, когда силы больного далеко еще не истощены, а субъективное чувство вялости, общей подавленности и неспособности къ движеніямъ достигаетъ крайнихъ размѣровъ (28).

Проявленія наклонности и степени ея развитія. Ослабленіе двигательной иннервації сказывается, кромѣ общаго пониженія физической работоспособности, также и цѣлымъ рядомъ другихъ, объективныхъ и субъективныхъ признаковъ. Мышечный тонусъ понижается, мышцы дѣлаются вялыми, ненапряженными; при сильномъ утомленіи въ нихъ замѣчается дрожаніе и фибриллярныя подергиванія. Голосъ дѣлается слабымъ беззвучнымъ, походка, а также и всѣ остальныя движенія—вялыми, неуклюжими, недостаточно координированными. Малѣйшее физическое напряженіе уже вызываетъ одышку и потребность въ отдыхѣ. Верхнія вѣки часто бываютъ опущены, такъ что глаза представляются полузакрытыми. Болѣе точныя данныя относительно степени утомленія можно получить путемъ изслѣдованія мышечной работоспособности наблюдаемаго лица. Для этой цѣли Скрипчюръ (55) примѣнялъ способъ, уже описанный нами выше, именно ритмическое, возможно болѣе быстрое постукиваніе пальцемъ по кнопкѣ телеграфнаго ключа. Оказывается, что въ послѣднія минуты, когда испытуемый уставалъ, удары дѣлались гораздо болѣе рѣдкими.

Еще болѣе точное опредѣленіе того, какъ быстро наступаетъ у испытуемаго двигательное утомленіе (правда, только въ одной, искусственно изолированной группѣ мышцъ) возможно при помощи эргографа Массо. Мы не можемъ здѣсь вдаваться въ подробности этого предмета, разработка котораго за послѣднее время все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Укажемъ только на существованіе двухъ главныхъ

типовъ мышечнаго утомленія, установленныхъ впервые благодаря работамъ Массо и его учениковъ. У лицъ, принадлежащихъ къ первому типу, высота отдѣльныхъ сокращеній до самаго конца опыта остается почти безъ измѣненія, а затѣмъ быстро падаетъ, указывая, такимъ образомъ, на внезапное и полное истощеніе ихъ двигательной энергіи. Второй типъ кривыхъ, наоборотъ, въ самомъ же началѣ опыта представляетъ быстрое и довольно значительное пониженіе отдѣльныхъ мышечныхъ сокращеній; но затѣмъ, достигнувъ извѣстнаго уровня, сокращенія эти въ теченіе сравнительно долгаго времени остаются на одной и той же высотѣ. Производя впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ опыты надъ одними и тѣми же лицами, Массо убѣдился, что кривая утомленія представляется типичной для каждаго отдѣльнаго испытуемаго, сохраняя свои характерныя особенности въ цѣломъ рядѣ типовъ [1]).

При опредѣленіи степени утомляемости того или иного лица необходимо соблюдать нѣкоторыя предосторожности. Прежде всего, работа не должна быть слишкомъ тяжела, непосильна для испытуемаго. О быстрой утомляемости человѣка можно говорить только въ томъ случаѣ, если движенія, въ началѣ не особенно трудныя и совершаемыя имъ безъ всякаго особеннаго усилія, тѣмъ не менѣе, очень быстро утомляютъ его. Непосильный же трудъ можетъ сразу изнурить какого угодно сильнаго человѣка. Кромѣ того, работа должна быть привычной для наблюдаемаго лица. Всякія новыя, непривычныя движенія гораздо быстрѣе утомляютъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ человѣкъ уже издавна привыкъ. Это обстоятельство необходимо всегда имѣть въ виду во время производства наблюденій.

Возбудители наклонности и ея анатомо-физіологическая основа. Утомленіе нервныхъ центровъ наступаетъ, съ одной стороны, благодаря истощенію, недостатку матеріала, необходимаго для успѣшной и продуктивной работы, а съ другой — вслѣдствіе накопленія въ нихъ продуктовъ распада, мѣшающихъ дѣятельности нервныхъ элементовъ. Непосредственной причиной утомленія является, конечно, самая работа, въ особенности, если она слишкомъ тяжела и продолжительна, если промежутки отдыха слишкомъ коротки и недостаточны для полнаго возстановленія силъ. Не меньшую, если еще не бо́льшую роль играютъ условія и обстановка, при которыхъ совершается

[1]) Болѣе подробныя данныя объ умственномъ и нервно-мышечномъ утомленіи читатель найдетъ въ сочиненіяхъ Массо (58) и Бинэ-Анри (57).

работа: жаръ, духота, недостаточный притокъ свѣжаго воздуха и пр., а также всѣ такъ называемые предрасполагающіе моменты: плохое питаніе, недостаточный сонъ, различныя излишества, изнурительныя болѣзни, значительная потеря крови, сильныя душевныя потрясенія и т. п. Всѣ противоположные факторы способствуютъ болѣе продолжительной работоспособности.

Что касается измѣняемости даннаго качества, то здѣсь небезинтересно будетъ привести наблюденія Крепелина относительно колебаній умственной работоспособности у разныхъ лицъ въ теченіе дня, съ утра до вечера. Оказывается, что существуетъ два типа людей: у однихъ, принадлежащихъ, по мнѣнію названнаго автора, къ бо́лѣе нормальному, здоровому типу, умственная дѣятельность идетъ наиболѣе успѣшно утромъ; другіе, большею частью неврастеники или вообще люди съ менѣе здоровой и уравновѣшенной нервной системой, чувствуютъ себя утромъ вялыми и неспособными къ напряженной работѣ, и только къ вечеру успѣваютъ настолько подбодрить, "взвинтить„ себя, что могутъ продуктивно работать болѣе или менѣе продолжительное время. Интересно было бы провѣрить эти наблюденія въ приложеніи къ мышечной работѣ: можетъ быть, и здѣсь выяснилось бы что-нибудь подобное.

Связи и отношенія. Выше уже говорилось о томъ что хотя умственная и физическая утомляемость представляютъ собою два качества, отличающіяся одно отъ другого и могущія встрѣчаться порознь, однако между ними все же существуетъ довольно тѣсная зависимость. Сильная физическая усталость дѣлаетъ человѣка временно неспособнымъ къ напряженной умственной работѣ и наоборотъ. Всевозможные моменты, истощающіе организмъ и понижающіе общую энергію и дѣятельность нервной системы, имѣютъ своимъ слѣдствіемъ неспособность даннаго лица какъ къ физической, такъ и къ умственной работѣ. Такое рѣзкое пониженіе обѣихъ названныхъ функцій въ зависимости отъ одной и той же общей причины мы встрѣчаемъ также при нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ, напр., при неврастеніи, анеміи и др. Слѣдующій общеизвѣстный фактъ, на первый взглядъ, какъ бы не согласуется съ нашимъ положеніемъ о взаимной связи умственной и физической утомляемости: извѣстно, что неразвитые въ умственномъ отношеніи люди, какъ бы сильны и выносливы физически они ни были, быстро утомляются подъ вліяніемъ самаго незначительнаго умственнаго напряженія. Полуграмотный крестьянинъ, работающій въ полѣ безъ устали съ утра до вечера, весь покрывается потомъ послѣ того, какъ ему

удалось нацарапать нѣсколько строчекъ. Съ другой стороны, ученые, всю жизнь свою сидящіе за книгами, обыкновенно бываютъ совершенно неспособны къ физическому труду. Однако, все это нисколько не противорѣчитъ нашему положенію. Вѣдь мѣриломъ утомляемости мы должны брать, какъ уже выше сказано такую работу, которая привычна для даннаго лица, вполнѣ соотвѣтствуетъ его развитію (умственному или физическому) и въ первыя минуты совершается имъ безъ всякаго особеннаго напряженія. Такъ, при испытаніи полуграмотнаго человѣка слѣдуетъ брать не письмо, а такія умственныя операціи, которыя отвѣчаютъ его привычкамъ и уровню его развитія. При соблюденіи этихъ условій, мы дѣйствительно найдемъ, что быстрая умственная утомляемость идетъ, въ большинствѣ случаевъ, параллельно съ физической.

Двигательная упражняемость.

Опредѣленіе наклонности и ея проявленія. Важное значеніе упражняемости, какъ умственной, такъ и физической, выдвинуто за послѣднее время нѣкоторыми изслѣдователями, въ особенности Э. Крепелиномъ, который считаетъ данное качество однимъ изъ важнѣйшихъ для характеристики каждаго человѣка. Постепенное улучшеніе и ускореніе работы, по мѣрѣ привыканія къ ней, наблюдается рѣшительно во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Всякая работа прогрессируетъ, благодаря упражненію. Однако, прогрессъ этотъ для одного и того же человѣка въ различныхъ сферахъ его дѣятельности далеко не одинаковъ. Такъ, Крепелинъ, на основаніи экспериментальныхъ данныхъ, указываетъ, что отдѣльные виды привыкаемости не всегда идутъ параллельно. Въ особенности слѣдуетъ это сказать относительно двигательной и чувствительной функцін нашего организма: привыканіе въ области чувственныхъ воспріятій идетъ далеко не такимъ образомъ, какъ въ сферѣ движеній (30). Поэтому мы здѣсь займемся пока не упражняемостью вообще, а спеціально двигательной упражняемостью. Такъ какъ особенное вниманіе будетъ обращаться при этомъ на нервные центры, завѣдующіе движеніями, то данную наклонность можно формулировать слѣдующимъ образомъ: болѣе или менѣе быстрое усвоеніе нервными центрами новыхъ, непривычныхъ для нихъ, сложныхъ двигательныхъ импульсовъ.

Если анализировать подробнѣе процессъ упражненія, то окажется, что мы имѣемъ здѣсь дѣло, въ сущности, съ однимъ

изъ видовъ памяти. Постепенное запоминаніе и усвоеніе все новыхъ и новыхъ элементовъ какого бы то ни было сложнаго движенія даетъ намъ возможность съ каждымъ разомъ выполнить это движеніе все болѣе и болѣе совершенно. Но, будучи только видомъ памяти, упражняемость все же настолько отличается отъ другихъ разновидностей этого процесса и представляетъ такъ много своеобразнаго въ своихъ проявленіяхъ, что намъ кажется вполнѣ законнымъ стремленіе выдѣлить ее въ особую рубрику, въ качествѣ отдѣльной основной наклонности.

Быстрота въ ходѣ упражненія зависитъ въ значительной степени отъ того, насколько прочно удерживаются элементы движенія, заученные въ предыдущій разъ, другими словами, насколько велико сохраненіе навыка, прочность привычки (Uebungsfestigkeit). Если то, что было пріобрѣтено въ прошлый разъ, успѣваетъ совершенно утратиться къ началу всякаго новаго повторенія, то всякій навыкъ, всякій прогрессъ въ движеніяхъ становится невозможнымъ. Нѣкоторая часть пріобрѣтеннаго навыка во время паузы несомнѣнно исчезнетъ, но часть эта сравнительно невелика. Отношенія эти довольно подробно изучены Крепелиномъ и его учениками, которые различаютъ Versuchsübung и dauernde Uebung. Первое выражаетъ собой прогрессъ работы (благодаря привыканію) отъ начала до конца каждаго отдѣльнаго опыта; второе — длительный, остающійся прогрессъ, который постепенно возрастаетъ въ теченіе всего ряда опытовъ и съ особенной силой сказывается въ концѣ ряда. Такъ какъ во время каждой паузы часть пріобрѣтеннаго навыка утрачивается, то длительное упраженіе (dauernde Uebung) возрастаетъ не такъ быстро, какъ упражненіе каждаго отдѣльнаго опыта (Versuchsübung), а нѣсколько медленнѣе. Всѣ эти отношенія нужно имѣть въ виду для того, чтобы не впасть въ ошибки во время производства наблюденій.

По мѣрѣ упражненія, количество работы, совершаемой въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени, постепенно все возрастаетъ. Величина этого прироста (такъ наз. Uebungszuwachs) зависитъ въ значительной степени отъ того, насколько изслѣдуемый уже ранѣе обладалъ навыкомъ въ этой области: чѣмъ менѣе привычны для него данныя движенія, тѣмъ съ большею силой проявляется вліяніе упражненія во время самаго хода опытовъ. Такъ, по даннымъ Эрна (43) вліяніе это въ опытахъ съ письмомъ подъ диктовку обнаруживается далеко не такъ ясно, какъ напр., въ опытахъ съ заучиваніемъ безсмысленныхъ слоговъ; объясняется это обстоятельство именно тѣмъ, что писаніе подъ диктовку яв-

ляется для насъ гораздо болѣе привычнымъ актомъ, чѣмъ заучиваніе наизусть слоговъ. Опыты показали, что „вначалѣ приростъ вслѣдствіе привыканія бываетъ наибольшимъ, пока мы не приблизимся постепенно къ извѣстной границѣ, за которой прогрессъ въ совершеніи даннаго акта уже прекращается. Одни лица достигаютъ этой границы раньше, другіе позже“ (30).

Въ этомъ случаѣ постепенный ходъ привыканія также соотвѣтствуетъ въ значительной степени даннымъ, имѣющимся относительно памяти. Такъ, Эбинггаусъ нашелъ, что если мы будемъ стараться затвердить какъ можно лучше рядъ безсмысленныхъ слоговъ путемъ многократныхъ повтореній, то наибольшее значеніе при этомъ будутъ имѣть первыя повторенія, вѣрнѣе—первые десятки повтореній; чѣмъ дальше будетъ подвигаться заучиваніе, тѣмъ менѣе значительна будетъ роль каждаго отдѣльнаго повторенія (59). Нѣчто подобное имѣемъ мы, очевидно, и въ области движеній: наиболѣе плодотворными и важными въ цѣляхъ достиженія навыка являются первыя движенія, какъ бы неловки и неуклюжи они ни были; по мѣрѣ же того, какъ упражненіе прогрессируетъ, движенія, правда, дѣлаются все болѣе быстрыми и ловкими, но самый приростъ упражненія все болѣе и болѣе замедляется.

Есть еще одинъ моментъ во всякой работѣ, съ которымъ приходится считаться почти всякій разъ, когда мы захотимъ изслѣдовать двигательную упражняемость того или иного лица. Это такъ наз. Anregung или первоначальный импульсъ, рвеніе, съ которымъ человѣкъ принимается за работу. Рвеніе это въ значительной степени обусловливается интересомъ къ данному занятію и всегда вліяетъ на работу благопріятно, т.-е., улучшающимъ и ускоряющимъ образомъ. Оно бываетъ особенно рѣзко выражено въ первыя минуты или, вообще, въ началѣ всякой работы, затѣмъ дѣйствіе его довольно быстро ослабѣваетъ, въ противоположность вліянію упражненія, которое—чѣмъ дальше, тѣмъ становится больше. Благодаря первоначальному импульсу, а также благодаря утомленію, наступающему въ концѣ каждаго опыта, вліяніе упражненія можетъ быть совершенно замаскировано: очень часто работоспособность испытуемаго къ концу опыта не только не увеличивается, а наоборотъ, даже ослабѣваетъ болѣе или менѣе значительно. И только если мы сравнимъ результаты, полученные въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ опытовъ, то значеніе упражненія выступитъ съ полной наглядностью. Поэтому, изъ двухъ названныхъ выше видовъ упражненія —того, которое пріобрѣтается въ теченіе одного опыта, и дли-

тельнаго упражненія, остающагося послѣ ряда опытовъ,—второй видъ имѣетъ для насъ больше значенія. Для того, чтобы констатировать его, требуется, правда, больше времени и большее количество наблюденій, но за то полученные этимъ путемъ результаты выступаютъ съ гораздо большей наглядностью и отчетливостью.

Что касается возбудителей данной наклонности, а также ея связей и взаимоотношеній, то здѣсь намъ придется пока ограничиться сравнительно немногими, и при томъ болѣе или менѣе общими указаніями. Такъ, извѣстно, что чѣмъ большей сложностью отличается движеніе, которое предстоитъ человѣку усвоить, тѣмъ съ большей наглядностью выступитъ вліяніе упражненія; другими словами, чѣмъ сложнѣе работа, чѣмъ болѣе значителенъ будетъ тотъ постепенный приростъ работоспособности, который является слѣдствіемъ привыканія къ данному роду труда. Объ отношеніи, существующемъ между упражняемостью и памятью, уже говорилось выше. Отношеніе это подходитъ подъ тотъ типъ, который мы назвали взаимнымъ родствомъ душевныхъ качествъ и который заключается въ томъ, что два различныхъ качества являются въ основѣ своей сходными. Другой вопросъ,—идетъ ли развитіе двигательной упражняемости и памяти у однихъ и тѣхъ же лицъ всегда параллельно другъ другу. Въ этомъ отношеніи желательны дальнѣйшія, точно обставленныя экспериментальныя изслѣдованія. Они должны состоять въ томъ, чтобы у лицъ съ сильно развитой способностью къ двигательному упражненію изслѣдовать различные виды памяти. При этомъ, можетъ быть, окажется, что двигательная упражняемость обыкновенно бываетъ связана съ хорошо развитой мышечной памятью и памятью осязательныхъ ощущеній, являясь въ то же время довольно независимой по отношенію къ другимъ видамъ памяти. Далѣе, существуетъ, повидимому, извѣстная зависимость между упражняемостью и степенью развитія умственныхъ способностей. Такъ, по словамъ Крепелина, у слабоумныхъ и идіотовъ постепенное привыканіе къ работѣ происходитъ крайне медленно и притомъ въ весьма несовершенныхъ размѣрахъ.

* * *

Отъ только что разобранной нами двигательной упражняемости слѣдуетъ отличать наклонность къ неоднократному повторенію однихъ и тѣхъ же движеній, хотя бы движенія эти не были вызваны необходимостью и не представляли никакой вы-

годы для даннаго лица. Качество это, въ основѣ котораго лежитъ извѣстная **повторяемость двигательныхъ импульсовъ,** имѣетъ нѣкоторое, хотя и очень отдаленное отношеніе къ постоянству и устойчивости разъ принятыхъ рѣшеній. Однако, у людей нормальныхъ оно встрѣчается въ сколько-нибудь рѣзко выраженной формѣ очень рѣдко, и только въ патологическихъ случаяхъ можетъ достигать значительныхъ размѣровъ (явленіе такъ наз. двигательной стереотипіи). Такимъ образомъ, качество это не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которымъ должна удовлетворять всякая основная наклонность, и поэтому не можетъ подлежать нашему разсмотрѣнію.

V.

Наклонности, относящіяся къ области волевыхъ процессовъ.

Приступая къ разбору наклонностей, касающихся волевого процесса, мы снова встрѣчаемся съ вопросомъ, имѣющимъ очень важное значеніе для всей индивидуальной психологіи: возможно ли выдѣленіе простѣйшихъ, основныхъ наклонностей въ такомъ процессѣ, сущность котораго и по настоящее время представляется еще недостаточно выясненной? Сложное волевое дѣйствіе является какъ разъ такимъ психическимъ актомъ, относительно котораго существуетъ цѣлый рядъ теорій подробно разработанныхъ, тщательно обоснованныхъ и, тѣмъ не менѣе, въ корнѣ противорѣчащихъ другъ другу. Поэтому невольно приходится спросить себя, какъ долженъ относиться къ этимъ разногласіямъ характерологъ, желающій воспользоваться данными психологическаго анализа для выдѣленія основныхъ наклонностей? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ придется изложить вкратцѣ тѣ противорѣчивые взгляды, которые существуютъ въ общей психологіи относительно сущности волевого процесса.

Наиболѣе оживленные споры сосредоточиваются, какъ намъ кажется, около трехъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) Имѣетъ ли сознательный, сложный волевой процессъ первичное или вторичное происхожденіе по сравненію съ простымъ рефлексомъ? 2) Является ли чувство необходимымъ составнымъ элементомъ всякаго сознательнаго волевого акта, или же возможны произвольныя дѣйствія безъ участія чувствъ (ученіе объ идео-моторныхъ актахъ)? 3) Въ чемъ состоитъ сущность волевого усилія? —Этими тремя пунктами мы здѣсь и займемся.

На первый вопросъ различными авторами предлагаются два прямо противоположныхъ отвѣта. Если стоять на чисто физіологической точкѣ зрѣнія, то наиболѣе естественной представляется мысль о вторичномъ происхожденіи сознательнаго волевого дѣйствія. Въ самомъ началѣ развитія органическаго міра, на первыхъ ступеняхъ животной лѣстницы мы находимъ лишь рядъ простыхъ рефлексовъ, безъ всякаго намека на то, что мы называемъ сознаніемъ, выборомъ и волей. И только путемъ долгаго развитія, путемъ многовѣковаго совершенствованія и усложненія средней, центральной части рефлекторнаго акта возникъ тотъ сложный процессъ, который носитъ названіе сознательнаго волевого дѣйствія. Существованіе сознательной активности, предшествующей всякому движенію, представляется съ этой точки зрѣнія совершенно непонятнымъ. „Послѣ того, какъ мы произвели извѣстное движеніе случайнымъ, рефлекторнымъ или инстинктивнымъ путемъ и оно оставило по себѣ слѣдъ въ нашей памяти, мы можемъ пожелать вновь произвести это движеніе, и тогда произведемъ его преднамѣренно. Но невозможно понять, какимъ образомъ могли бы мы желать произвести извѣстное движеніе, никогда передъ тѣмъ не дѣлавъ его“ (24).

Совершенно иначе смотрятъ на дѣло другіе авторы. По ихъ мнѣнію, всѣ рефлекторные акты представляютъ собой вторичныя образованія, возникшія изъ сложныхъ волевыхъ дѣйствій путемъ многократнаго повторенія этихъ послѣднихъ, „..., какъ только сложные волевые процессы, въ основѣ которыхъ лежатъ одни и тѣ же мотивы, повторяются большое число разъ, борьба мотивовъ облегчается: мотивы, стоявшіе въ прежнихъ случаяхъ на заднемъ планѣ, выступаютъ при новыхъ повтореніяхъ сначала уже слабѣе, а наконецъ и совсѣмъ исчезаютъ. Сложное дѣйствіе переходитъ въ такомъ случаѣ въ дѣйствіе, вытекающее изъ побужденій; ....если обычное повтореніе дѣйствій будетъ продолжаться, то въ концѣ концовъ и тотъ мотивъ, который опредѣляетъ дѣйствіе, вытекающее изъ побужденія, становится все слабѣе и мимолетнѣе... Такимъ образомъ, движеніе, вытекающее изъ побужденія, переходитъ, наконецъ, въ автоматическое движеніе. Но чѣмъ чаще повторяется этотъ процессъ, тѣмъ легче можетъ совершаться автоматическое движеніе, даже безъ того, чтобы раздраженіе было воспринято въ формѣ ощущенія, какъ напримѣръ, въ глубокомъ снѣ или тогда, когда вниманіе совершенно отклонено въ другую сторону. Въ такихъ случаяхъ движеніе становится чисто физіологическимъ рефлексомъ раздраженія, а самый волевой процессъ— рефлекторнымъ про-

цессомъ... Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что такъ возникли всѣ рефлекторныя движенія животныхъ и человѣка“ (27).

Трудно представить себѣ болѣе полную противоположность между двумя воззрѣніями. Намъ кажется, однако, что разногласіе это (точно такъ же, какъ и разногласіе по вопросу о происхожденіи физіологическихъ проявленій чувства) не можетъ служить препятствіемъ для индивидуальной психологіи. Во всемъ, что касается описанія рефлексовъ, автоматическихъ дѣйствій и сложнаго волевого акта, поскольку они наблюдаются у людей, намъ современныхъ, объ названныя теоріи сходятся. Физіологи нисколько не думаютъ отрицать, что многократное повтореніе въ одной и той же формѣ какого бы то ни было сложнаго волевого акта механизируетъ этотъ актъ, дѣлаетъ его менѣе сознательнымъ; они только не допускаютъ возможности того, чтобы этимъ путемъ возникли всѣ рефлекторныя и автоматическія дѣйствія. Съ другой стороны, психологъ, отрицающій вторичное происхожденіе волевого процесса, нисколько, однако, не затруднится признать бо́льшую его сложность по сравненію съ простымъ рефлексомъ. Весь споръ идетъ лишь о томъ, каковъ былъ постепенный ходъ развитія волевого процесса при самомъ его возникновеніи. Между тѣмъ, именно этотъ вопросъ не имѣетъ особенной важности для науки о характерахъ. Характерологъ беретъ психическіе процессы въ той формѣ, въ какой они существуютъ у людей въ настоящее время, и требуетъ отъ психологіи только точнаго и по возможности подробнаго ихъ описанія. Установленіе же и разработка отдѣльныхъ основныхъ наклонностей, относящихся къ тому или иному сложному процессу, можетъ происходить совершенно независимо отъ того, будетъ ли когда-либо окончательно рѣшенъ вопросъ о происхожденіи этого процесса и каково будетъ это окончательное рѣшеніе.

Нѣсколько иначе представляется намъ дѣло относительно второго пункта: слѣдуетъ-ли элементъ влеченія, чувства признать неизбѣжно присутствующимъ во всякомъ безъ исключенія сознательномъ волевомъ актѣ? Здѣсь мы встрѣчаемся со споромъ, ведущимся между волюнтаристами и интеллектуалистами. По мнѣнію первыхъ, влеченіе, а слѣдовательно и чувство является непремѣннымъ отправнымъ пунктомъ всякаго сознательнаго волевого дѣйствія. Особенно ясно выступаетъ роль чувства въ такъ наз. „ дѣйствіяхъ, вытекающихъ изъ побужденія“, когда влеченіе или чувство, появившееся въ сознаніи и обладающее достаточной силой, немедленно же вызываетъ соотвѣтствующее движеніе (или рядъ движеній), направленное къ его удовлетворе-

нію. Менѣе значительна, повидимому, роль чувства во всѣхъ тѣхъ сложныхъ дѣйствіяхъ, которыя явились результатомъ продолжительнаго обдумыванія и совершаются „хладнокровно“ и съ разсчетомъ; первоначальная сила импульса здѣсь постепенно ослабѣваетъ подъ вліяніемъ борьбы мотивовъ и сложной интеллекатуальной работы, сопровождающей обыкновенно обдумываніе поступковъ. Однако, и здѣсь конечнымъ двигателемъ все же является чувство, которое одно только въ состояніи побудить человѣка къ дѣйствію. Произвольныя движенія возникли, согласно упомянутой теоріи, изъ физіологическихъ проявленій аффектовъ, путемъ дифференціаціи и упорядоченія этихъ проявленій. Поэтому нельзя представить себѣ сознательнаго дѣйствія, совершенно свободнаго отъ всякой, хотя бы самой незначительной, примѣси чувства.

Иначе смотрятъ на дѣло представители интеллектуализма. По ихъ мнѣнію, всякое двигательное представленіе, возникшее въ сознаніи съ достаточной ясностью, стремится уже вызвать соотвѣтствующее движеніе (см. выше, о переходѣ моторной идеи въ движеніе и объ идео-двигательной способности). Наличность влеченія или чувства здѣсь вовсе не необходима и самое чувство является въ данномъ случаѣ элементомъ побочнымъ, имѣющимъ, большею частью, вторичное происхожденіе. Поэтому вполнѣ возможны, будто бы, типичные, ясно выраженные волевые процессы безъ всякаго участія чувства.

Оцѣнивая этотъ споръ съ точки зрѣнія науки о характерахъ, мы видимъ, что здѣсь разногласіе простирается не только на объясненіе фактовъ, но также и на ихъ описаніе. Волюнтаристы видятъ чувство и влеченіе тамъ, гдѣ интеллектуалисты склонны отрицать его. Какое же рѣшеніе долженъ принять въ данномъ случаѣ характерологъ, не желающій связывать окончательно судьбы своей науки съ торжествомъ той или иной теоріи? Намъ кажется, что рѣшеніе этого вопроса само собою опредѣляется однимъ изъ тѣхъ критеріевъ, которые были выше даны нами для выбора основныхъ наклонностей: всякая основная наклонность должна отличаться значительнымъ распространеніемъ; тѣ же душевныя качества, которыя встрѣчаются очень рѣдко и свойственны лишь небольшому кругу лицъ, не могутъ имѣть значенія для индивидуальной психологіи. Допустимъ, что въ дѣйствительности существуютъ и могутъ быть наблюдаемы въ совершенно чистомъ видѣ какъ тѣ случаи, на которые опираются въ своихъ разсужденіяхъ интеллектуалисты, такъ и тѣ, существованіе которыхъ отстаиваютъ волюнтаристы. Положимъ, что у нѣкоторыхъ людей,

при особо благопріятныхъ условіяхъ, возможно появленіе вполнѣ сознательнаго, произвольнаго дѣйствія безъ всякаго участія чувства, въ то время, какъ у другихъ наблюдаются по временамъ состоянія „слѣпого влеченія“, не сопровождающагося никакимъ, хотя бы смутно сознаваемымъ представленіемъ о цѣли. Если даже такія состоянія и наблюдаются въ дѣйствительности, то все же они представляются сравнительно рѣдкими и требуютъ для своего осуществленія особенно благопріятнаго стеченія обстоятельствъ. Поэтому мы думаемъ, что индивидуальная психологія едва ли сдѣлаетъ ошибку, если оставитъ въ сторонѣ эти мало распространенныя особенности душевной жизни, и займется другими, болѣе часто встрѣчающимися, а слѣдовательно, и болѣе пригодными для составленія естественной классификаціи людскихъ характеровъ [1]).

Что касается, наконецъ, третьяго пункта: въ чемъ состоитъ сущность волевого усилія, — то здѣсь мы встрѣчаемся опять съ цѣлымъ рядомъ самыхъ разнорѣчивыхъ теорій. Одни отождествляютъ чувство усилія съ ощущеніемъ мышечнаго напряженія, другіе видятъ въ немъ выраженіе взаимной борьбы представленій, третьи разсматриваютъ его, какъ особый видъ чувства, четвертые—какъ прямое, непосредственно сознаваемое нами проявленіе активности нашего „я“, пятые, наконецъ, считаютъ невозможнымъ обойтись безъ метафизики, принимая, что міровая воля можетъ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, непосредственно вліять на теченіе нашихъ представленій. Чтобы не запутаться въ этомъ лабиринтѣ противорѣчивыхъ гипотезъ, мы должны здѣсь, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, брать по возможности только тѣ данныя, которыя признаются всѣми или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ психологовъ, оставляя въ сторонѣ всѣ спорные и нерѣшительные пункты. Слѣдующее описаніе, какъ намъ кажется, будетъ удовлетворять до нѣкоторой степени этому требованію.

---

[1]) На первый взглядъ можетъ показаться, что мы противорѣчимъ здѣсь самимъ себѣ, такъ какъ идео-моторная способность не только подробно разсматривалась нами выше, но даже была выдѣлена въ качествѣ отдѣльной основной наклонности. Однако, такое заключеніе было бы несправедливо. Описывая бо́льшую или меньшую наклонность различныхъ людей выполнять тѣ движенія, мысль о которыхъ зародилась въ ихъ сознаніи, мы вовсе не имѣли въ виду утверждать, будто чувства (resp. воля) не играютъ въ данномъ случаѣ никакой роли. Наоборотъ, мы даже подчеркивали то важное значеніе, которое можетъ имѣть въ данномъ случаѣ бо́льшая или меньшая сила чувствованій, болѣе или менѣе энергичное напряженіе волевого усилія.

Существуетъ особое, своеобразное чувство активнаго напряженія, знакомое каждому изъ его непосредственнаго опыта. Чувство это, болѣе или менѣе ясно выраженное, сопровождаетъ собой почти всѣ наши сознательныя дѣйствія, внѣшнія и внутреннія, простыя и сложныя. Особенно живо испытывается оно въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно преодолѣть какое-нибудь препятствіе, будетъ ли это препятствіе относиться къ внѣшнему, физическому, или къ внутреннему, психическому міру. Наивысшей силы достигаетъ чувство активности въ сложныхъ волевыхъ актахъ, въ которыхъ оно составляетъ главную, центральную часть всего процесса. Существуютъ различные виды активнаго напряженія, въ зависимости отъ того, будетъ ли оно направлено на движенія или на теченіе представленій, на усиленіе или на задержку различныхъ процессовъ и т. д. Нѣкоторые изъ видовъ активности могутъ значительно отличаться другъ отъ друга, но въ основѣ своей они все же представляются очень сходными. — Вотъ тѣ общія свѣдѣнія относительно волевого напряженія, которыя, какъ намъ кажется, можно принять въ качествѣ фактическихъ данныхъ, не выходящихъ за предѣлы непосредственнаго опыта. Что же касается вопроса о томъ, откуда возникло чувство активности и въ чемъ заключается его сущность, то вопросъ этотъ всецѣло подлежитъ вѣдѣнію общей психологіи и для характеролога не можетъ имѣть особенно существеннаго значенія.

Итакъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ руководствоваться слѣдующей схемой сознательнаго волевого процесса: желаніе или влеченіе, болѣе или менѣе сознательное, которое въ случаѣ отсутствія другихъ, противоположныхъ влеченій можетъ непосредственно вызвать соотвѣтствующее дѣйствіе, появленіе другихъ, противоположныхъ первому желаній (или мотивовъ) и борьба между ними; вытѣсненіе однимъ какимъ-нибудь мотивомъ всѣхъ остальныхъ и принятіе опредѣленнаго рѣшенія; напряженіе волевого усилія, направленное на то, чтобы поддержать разъ принятое рѣшеніе и подавить стремленія, ему противорѣчащія; обсужденіе принятаго рѣшенія, т.-е., выясненіе его деталей и способовъ его осуществленія; наконецъ, рядъ произвольныхъ дѣйствій, внѣшнихъ или внутреннихъ, направленныхъ къ выполненію принятаго рѣшенія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній приступимъ къ изложенію отдѣльныхъ основныхъ наклонностей, такъ или иначе относящихся къ сознательному волевому процессу.

Сила или слабость желаній и влеченій.

Опредѣленіе качества. Говоря о способности человѣка испытывать болѣе или менѣе напряженныя сознательныя желанія (resp. стремленія), мы необходимо должны подразумѣвать подъ этимъ также и сравнительную интенсивность его влеченій (напр., органическихъ), такъ какъ эти послѣднія представляютъ собой, въ сущности, тѣ же желанія, только недостаточно выяснившіяся и опредѣлившіяся. Самый процессъ желанія, взятый въ его цѣломъ, отличается, въ большинствѣ случаевъ, значительной сложностью. Сюда входятъ болѣе или менѣе ясное представленіе о цѣли, къ которой стремятся, чувство неудовольствія, связанное съ неудовлетворенностью тѣхъ или иныхъ потребностей, чувство удовольствія при мысли о возможности достигнуть цѣли, болѣе или менѣе ясно выраженные двигательные или задерживающіе импульсы и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ сторонъ процесса являются, повидимому, особенно тѣсно связанными съ сущностью желаній. Такъ, по словамъ Рибо, всякая „потребность, склонность, желаніе всегда включаютъ въ себя до извѣстной степени двигательную иннервацію“, такъ какъ обязательно влекутъ за собой движенія или задержку движеній. Еще бóльшая близость существуетъ между желаніями и чувствованіями. Почти всѣ сознательныя влеченія и стремленія возникаютъ изъ чувствованій или аффектовъ, достигшихъ извѣстной степени напряженности. Благодаря этому, и самое желаніе нерѣдко разсматриваютъ какъ чувство, получившее извѣстный оттѣнокъ импульсивности и сопровождающееся особымъ ощущеніемъ напряженія.

Какъ бы то ни было, но этотъ „оттѣнокъ импульсивности“ или „ощущеніе напряженія“, составляющіе отличительный, характерный признакъ всякаго желанія, могутъ значительно варіироваться по своей интенсивности у разныхъ лицъ и въ различное время. Кромѣ того, они далеко не всегда идутъ параллельно со степенью развитія чувствованій и двигательныхъ (resp. задерживающихъ) импульсовъ. Бываетъ нерѣдко, что сильные аффекты (ужасъ, горе, изумленіе) не только не вызываютъ желаній, а, наоборотъ, парализуютъ ихъ. Съ другой стороны, самыя глубокія, интенсивныя желанія часто почти не отражаются на двигательной сферѣ, будучи всецѣло сосредоточены на внутреннихъ, душевныхъ переживаніяхъ и имѣя своею цѣлью исключительно „внутреннее дѣйствіе“, т. е., напр., подавленіе извѣстныхъ чувствъ, привычекъ, потребностей и т. д. Такимъ образомъ, несмотря на

тѣсную связь между желаніями и влеченіями съ одной стороны, и чувствованіями или движеніями съ другой, все же невозможно отождествлять первую группу явленій со второй. Желанія представляютъ нѣчто отличное какъ отъ чувствъ, такъ и отъ движеній. Все это заставляетъ насъ разсматривать силу желаній или слабость ихъ (апатію) въ качествѣ отдѣльной основной наклонности.

Проявленія наклонности и степени ея развитія. Будучи по своей природѣ близко къ чувствованіямъ, желаніе имѣетъ также много сходнаго съ ними и въ своихъ проявленіяхъ. Такъ, напр., у ребенка сильныя желанія выражаются преувеличеннымъ блескомъ широко раскрытыхъ глазъ, крикомъ, протягиваніемъ рукъ и т. д. Взрослые люди, говоря о своихъ завѣтныхъ желаніяхъ, обыкновенно также обнаруживаютъ свое волненіе извѣстными внѣшними признаками: глаза ихъ блестятъ, на щекахъ появляется румянецъ, мимика и жесты дѣлаются оживленнѣе, голосъ крѣпнетъ, однимъ словомъ—наблюдаются въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ всѣ тѣ физіологическія проявленія, которыя свойственны такъ называемымъ возбуждающимъ чувствованіямъ. Состояніе апатіи сопровождается противоположными признаками: бѣдностью мимики, вялостью движеній, слабостью голоса и т. п.

Но кромѣ этихъ, чисто физіологическихъ проявленій, есть и другіе признаки, по которымъ можно судить о силѣ желаній у даннаго человѣка. Всякое сильное и опредѣленное желаніе, если только оно не испытываетъ помѣхи со стороны другихъ, противоположныхъ желаній, стремится перейти въ дѣйствіе. Эта тенденція къ осуществленію представляется тѣмъ болѣе сильной, чѣмъ болѣе доступна та цѣль, къ которой человѣкъ стремится, и чѣмъ легче тѣ движенія и поступки, которые нужно совершить для достиженія этой цѣли. Сильное, непреодолимое желаніе заставляетъ человѣка дѣлать чудеса, тогда какъ апатичный субъектъ безсильно опускаетъ руки при встрѣчѣ съ самымъ незначительнымъ препятствіемъ. Такимъ образомъ, по энергіи, съ какой человѣкъ преодолѣваетъ препятствія, можно косвеннымъ образомъ судить о силѣ его желаній.

Особенно значительной степени отсутствіе желаній достигаетъ при нѣкоторыхъ болѣзненныхъ формахъ, въ состояніи такъ наз. абуліи. Умственная сфера больныхъ, а также движенія ихъ не испытываютъ при этомъ никакихъ нарушеній. И тѣмъ не менѣе, благодаря полной апатіи, полному отсутствію сколько-нибудь интенсивныхъ желаній, больной дѣлается совершенно

неспособнымъ продолжать обычную жизнь нормальнаго человѣка: онъ не въ состояніи выйти гулять, отправиться въ путешествіе, подписать свою фамилію, вообще, сдѣлать что бы то ни было,— хотя самъ сознаетъ необходимость этихъ поступковъ и, забывшись (автоматически), легко совершаетъ ихъ (60). Подобное же ослабленіе желаній замѣчается при старческомъ слабоуміи, прогрессивномъ параличѣ и при dementia praecox. Больные перестаютъ интересоваться чѣмъ бы то ни было, по цѣлымъ днямъ сидятъ или шатаются безъ всякой цѣли. Желанія ихъ направлены лишь на ближайшія, легко достижимыя цѣли и исчезаютъ при малѣйшемъ препятствіи. Только непосредственныя органическія потребности, въ особенности ѣда, могутъ еще побудить ихъ къ дѣйствію (28).

Возбудители наклонности. Говоря вообще всякое желаніе, возникаетъ вслѣдствіе неудовлетворенія той или иной потребности, существующей у человѣка въ данный моментъ. Всѣ потребности, начиная съ наиболѣе духовныхъ и возвышенныхъ и кончая самыми низкими и элементарными, вызываютъ стремленіе къ ихъ удовлетворенію. Чѣмъ сильнѣе развита какая-нибудь наклонность, тѣмъ болѣе сильное стремленіе она вызываетъ. Наибольшей силой отличаются въ данномъ случаѣ, повидимому, извѣстныя органическія потребности (голодъ, жажда, половое влеченіе, потребность въ снѣ, отдыхѣ и т. д.), которыя заявляютъ о себѣ громче всѣхъ другихъ и неудовлетвореніе которыхъ вызываетъ, въ концѣ концовъ, стихійное, неудержимое влеченіе, заставляющее человѣка на время забыть все остальное. Еще въ большей степени это относится къ нѣкоторымъ искусственно созданнымъ органическимъ потребностямъ, каковы, напр., влеченіе къ алкоголю, морфію и проч. Менѣе значительную роль при возникновеніи желаній играютъ различныя сложныя привычки, пріобрѣтенныя въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени; однако, у людей пожилыхъ, жившихъ все время въ одной и той же обстановкѣ, несоблюденіе извѣстныхъ, вкоренившихся въ нихъ привычекъ можетъ вызвать довольно интенсивныя желанія.

Что касается внѣшнихъ условій, способствующихъ возникновенію желаній, то въ этомъ отношеніи особенно важными являются, повидимому, близость предмета, составляющаго объектъ нашихъ стремленій, и сравнительная легкость достиженія. Объекты, значительно удаленные отъ насъ по времени и пространству, не могутъ возбудить въ насъ такого сильнаго влеченія, какъ тѣ, которые находятся постоянно передъ нашими гла-

зами и обладаніе которыми кажется столь легкимъ и доступнымъ [1]). Этому противорѣчитъ, на первый взглядъ, тотъ фактъ, что нѣкоторые люди, горячо стремившіеся къ отдаленной, трудно достижимой цѣли, постепенно охладѣваютъ по мѣрѣ того, какъ цѣль эта, благодаря ихъ усиліямъ, дѣлается все болѣе и болѣе близкой и доступной. Однако, здѣсь на самомъ дѣлѣ примѣшиваются совершенно другіе, посторонніе моменты. Подобныхъ людей привлекаетъ обыкновенно не столько самая цѣль, сколько борьба за ея достиженіе; естественно, что желанія ихъ остываютъ по мѣрѣ того, какъ борьба близится къ концу. Кромѣ того, объектъ стремленій обыкновенно идеализируется ими, представляется лучше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; когда это начинаетъ выясняться, его привлекательность значительно падаетъ. Если же мы исключимъ эти побочные моменты, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ значеніи, которое имѣетъ близость и достижимость объекта для возбужденія нашихъ желаній.

Слѣдуетъ упомянуть, наконецъ, еще о томъ, что, благодаря процессу переноса чувствованій, желанія наши могутъ сосредоточиваться не только на конечной цѣли, но также и на средствахъ, ведущихъ къ достиженію этой цѣли. Обычный примѣръ такого переноса чувствованій даетъ намъ скупецъ, который вначалѣ стремился къ пріобрѣтенію денегъ для того, чтобы имѣть возможность удовлетворить своимъ потребностямъ, а затѣмъ, мало по малу, сталъ видѣтъ въ деньгахъ главную, конечную цѣль всѣхъ своихъ стремленій.

Связи и отношенія. Для того, чтобы въ сознаніи возникло какое бы то ни было желаніе, необходимо имѣть болѣе или менѣе ясное представленіе о томъ объектѣ, на который это желаніе направлено. Слѣпыя влеченія, не заключающія въ себѣ никакого, даже самаго смутнаго представленія о ихъ объектѣ, если и существуютъ, то являются, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ. Правило же состоитъ въ томъ, что всякое желаніе, сколько-нибудь сознательное стремленіе необходимо предполагаетъ наличность большаго или меньшаго комплекса ощущеній или представленій, съ которыми оно связано. У новорожденныхъ, говоритъ Прейеръ, нѣтъ еще желаній, а есть только импульсивныя движенія, такъ какъ у нихъ

[1]) Близость и доступность объектовъ является возбудителемъ не только по отношенію къ силѣ желаній, но также и по отношенію къ идео-двигательной способности, о чемъ уже говорилось при разборѣ этой послѣдней. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ оба названныя качества тѣсно между собою связаны (см. ниже).

еще отсутствуютъ представленія, на которыхъ желанія могли бы сосредоточиться (39). Надо помнить, однако, что здѣсь рѣчь идетъ только объ ощущеніяхъ и представленіяхъ, а отнюдь не о такихъ умственныхъ процессахъ, какъ, напр., мышленіе или комбинирующее воображеніе. Эти послѣдніе, повидимому, не стоятъ ни въ какой связи съ силой желаній, такъ какъ встрѣчаются нерѣдко люди, весьма органиченные въ умственномъ отношеніи, и въ то же время обладающіе необычайно развитыми стремленіями. Предположеніе это нуждается, конечно, въ болѣе точной фактической провѣркѣ. Однако, въ пользу его говоритъ также и тотъ общеизвѣстный фактъ, что никакія разсужденія не бываютъ обыкновенно въ состояніи измѣнить сколько-нибудь рѣзко выраженное стремленіе до тѣхъ поръ, пока не появится другой мотивъ, другое стремленіе, болѣе сильное.

Гораздо болѣе тѣсная связь существуетъ между желаніями и дѣйствіями, какъ внѣшними, такъ и внутренними. Мы уже говорили выше, что всякое желаніе стремится перейти въ дѣйствіе, если только этому не помѣшаетъ появленіе противоположнаго мотива. Благодаря такому импульсивному характеру желаній, значительное ихъ развитіе влечетъ за собой обыкновенно ослабленіе задерживающей способности, облегчаетъ переходъ идей въ движенія, препятствуетъ выбору и обдумыванію поступковъ. Дѣйствія дѣлаются быстрыми, мало обдуманными и недостаточно взвѣшенными. Терпѣливое выжиданіе и осторожная предусмотрительность становятся во многихъ случаяхъ совершенно невозможными. Развивается то качество, которое называется импульсивностью поступковъ (см. ниже). Однако, это бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, если желаніе направлено на ближайшія, легко достижимыя цѣли. Въ тѣхъ же (болѣе рѣдкихъ) случаяхъ, когда объектомъ стремленій является какая-нибудь отдаленная цѣль, интенсивность стремленій можетъ, наоборотъ, способствовать развитію задержки и волевого усилія; отдаленная цѣль опредѣляетъ собою всѣ мысли и поступки человѣка, задерживая и подавляя все, что ей противорѣчитъ. Человѣкъ совершенно апатичный неспособенъ, правда, къ импульсивнымъ дѣйствіямъ, но онъ за то неспособенъ и къ сколько-нибудь энергичному волевому усилію. Такимъ образомъ, вліяніе силы и слабости желаній на остальныя наклонности, относящіяся къ волевымъ процессамъ, можетъ быть различно, смотря по тому, на что направлены желанія даннаго человѣка.

Отношеніе къ силѣ чувствованій также не всегда бываетъ одинаково. Въ общемъ, сила чувствованій благопріятству-

етъ развитію интенсивныхъ желаній. Ослабленіе и обѣдненіе эмоціональной сферы при различныхъ психозахъ идетъ всегда рука объ руку съ ослабленіемъ сознательныхъ стремленій и развитіемъ апатичнаго, безразлично вялаго отношенія ко всему окружающему. Однако, здѣсь рѣчь идетъ только о такихъ чувствованіяхъ, которыя имѣютъ возбуждающій, тонизирующій характеръ. Такіе же аффекты, какъ чрезмѣрный ужасъ, тоска, безнадежное отчаяніе и т. д. при всей своей силѣ, разумѣется, не только не способны вызвать какія бы то ни было новыя желанія, но, наоборотъ, угнетаютъ и подавляютъ всѣ тѣ, которыя были у человѣка раньше.

Наклонность къ борьбѣ мотивовъ (процессъ выбора, импульсивность поступковъ).

Опредѣленіе качества. Если какой-нибудь аффектъ заканчивается волевымъ дѣйствіемъ, то отдѣльныя чувства, входящія въ него, „не имѣютъ обыкновенно одинаковаго и равно важнаго значенія, но нѣкоторыя изъ нихъ выдвигаются на первый планъ вмѣстѣ со связанными съ ними представленіями, какъ подготовляющія по преимуществу волевой актъ. Эти соединенія представленій и чувствъ, непосредственно подготовляющія дѣйствіе съ точки зрѣнія нашего субъективнаго пониманія волевого процесса, называются обыкновенно мотивами хотѣнія“ (Вундтъ) (27).

Если въ сознаніи имѣются одновременно нѣсколько такихъ мотивовъ, взаимно противорѣчащихъ другъ другу, то слѣдствіемъ этого является обыкновенно борьба между ними, сопровождающаяся особымъ, характернымъ чувствомъ безпокойства и длящаяся до тѣхъ поръ, пока одно какое-нибудь стремленіе (или группа родственныхъ стремленій) не вытѣснитъ всѣ остальныя и не овладѣетъ сознаніемъ. „Какъ скоро борьба подобныхъ противодѣйствующихъ другъ-другу мотивовъ отчетливо воспринимается, какъ предваряющая дѣйствіе, мы называемъ такое произвольное дѣйствіе спеціальнымъ терминомъ дѣйствія, опредѣляемаго выборомъ, а предшествующій ему процессъ—процессомъ выбора“ (27). Почти всякій, сколько-нибудь сложный волевой актъ заключаетъ въ себѣ, въ большей или меньшей степени, также и борьбу мотивовъ или процессъ выбора.

Однако, далеко не у всѣхъ людей процессъ этотъ бываетъ одинаково рѣзко выраженъ. Въ то время, какъ у нѣкоторыхъ лицъ ни одно сколько-нибудь значительное рѣшеніе не прини-

мается, ни одинъ сколько-нибудь важный поступокъ не совершается безъ предварительнаго выбора, другіе, наоборотъ, почти совершенно не знаютъ борьбы мотивовъ (случаи такъ наз. импульсивности рѣшеній и поступковъ). Первое, появившееся въ данный моментъ стремленіе, сразу же всецѣло овладѣваетъ ихъ сознаніемъ и неудержимо влечетъ ихъ къ тому или иному поступку. Нерѣдко, послѣ совершенія извѣстнаго поступка, такой человѣкъ начинаетъ самъ сожалѣть о немъ, но сожалѣніе это является у него всегда уже post factum; въ самую же нужную минуту противоположные мотивы и соображенія никогда не бываютъ у нихъ достаточно сильны для того, чтобы ослабить силу господствующаго влеченія.

Съ импульсивностью рѣшеній и поступковъ не слѣдуетъ, впрочемъ, смѣшивать тѣхъ, рѣдко встрѣчающихся случаевъ, когда отсутствіе борьбы мотивовъ объясняется гармоническимъ развитіемъ данной личности. Иногда всѣ желанія и стремленія человѣка являются настолько согласованными между собой, что столкновеніе между ними оказывается почти невозможнымъ. Всякое новое рѣшеніе прямо вытекаетъ изъ всей совокупности прежнихъ поступковъ и намѣреній человѣка и нисколько не противорѣчитъ его послѣдующимъ желаніямъ. Въ этихъ случаяхъ совершенно не приходится говорить о наличности или объ отсутствіи борьбы между противоположными мотивами и стремленіями по той, простой причинѣ, что противоположныхъ стремленій вовсе и не имѣется. Однако, такіе случаи чрезвычайно рѣдки.

Проявленія наклонности и степени ея развитія. Въ цитированной уже нами книгѣ В. Штернъ приводитъ, между прочимъ, свои наблюденія относительно „рѣшительности“ сужденій у разныхъ лицъ. Дѣло шло объ опредѣленіи такъ наз. разностнаго порога для ощущеній тяжести. На опредѣленное мѣсто кожи испытуемаго помѣщалась гиря въ 1.000 граммъ. Затѣмъ на нее накладывались одна за другой гирьки въ 5 гр., такъ что давленіе на кожу постепенно возрастало. Испытуемый долженъ былъ опредѣлить, моментъ, когда онъ почувствовалъ, наконецъ, увеличеніе тяжести. При этомъ оказывалось, что одни лица опредѣляли требуемый моментъ сразу и рѣшительно (хотя далеко не во всѣхъ случаяхъ вѣрно), тогда какъ другія долго колебались и давали цѣлый рядъ сомнительныхъ и неопредѣленныхъ отвѣтовъ, прежде чѣмъ придти къ какому-нибудь окончательному рѣшенію. Широта порога въ связи съ количествомъ неопредѣленныхъ отвѣтовъ можетъ служить, по мнѣнію Штерна, мѣриломъ рѣшительности сужденій у испытуемыхъ лицъ (14).

Не трудно замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ самыхъ особенностяхъ волевого процесса, которыя какъ разъ интересуютъ насъ въ данный моментъ, т. е., о большей или меньшей наклонности различныхъ людей къ борьбѣ мотивовъ или процессу выбора. Вѣдь всякое сознательно высказанное сужденіе представляетъ собою не что иное, какъ сложный волевой актъ, въ основѣ котораго лежали извѣстные мотивы, заставившіе человѣка высказаться въ ту или иную сторону. Если испытуемый, благодаря хорошей чувствительности, даетъ точные и вѣрные отвѣты и тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ дать ихъ, очень долго сомнѣвается и колеблется, то мы въ правѣ сказать, что наклонность къ борьбѣ мотивовъ составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей его характера.

Само собою разумѣется, что экспериментъ этотъ можно расширить, распространивъ его на всѣ тѣ случаи, когда отъ наблюдаемаго лица требуется высказать какое-нибудь, сравнительно простое, но вполнѣ опредѣленное сужденіе. Нужно только, чтобы воспріятіе или событіе, о которомъ испытуемый долженъ высказаться, было вполнѣ доступно какъ его органамъ чувствъ, такъ и его умственному кругозору. Сравненію могутъ подлежать какъ различныя объективныя свойства предметовъ, такъ и субъективныя чувства и впечатлѣнія испытуемаго: какая цѣль больше привлекаетъ его? какой предметъ больше ему нравится? какое изъ двухъ, качественно различныхъ ощущеній для него пріятнѣе? Наконецъ, рѣчь можетъ идти не о сужденіи, а о выборѣ между двумя поступками: принятіе одного изъ двухъ плановъ дѣятельности, колебанія по вопросу о томъ, начать ли дѣйствія немедленно или отложить ихъ и т. д.

Наибольшей степени развитія можетъ достигать импульсивность поступковъ при нѣкоторыхъ болѣзненныхъ состояніяхъ. У больного вдругъ, совершенно неожиданно для него самого, появляется неудержимое стремленіе къ совершенію извѣстнаго поступка; стремленіе это моментально овладѣваетъ сознаніемъ больного такъ, что всякая борьба съ нимъ дѣлается невозможной. Свѣтская дама, находящаяся въ изысканномъ обществѣ, внезапно раздражается неприличнѣйшимъ ругательствомъ, глубоко религіозный человѣкъ во время горячей молитвы вдругъ испытываетъ наплывъ самыхъ кощунственныхъ мыслей и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ характерною особенностью яляется одно: полное отсутствіе борьбы мотивовъ, полное отсутствіе сопротивленія со стороны другихъ, противоположныхъ стремленій, несомнѣнно развитыхъ у даннаго лица въ значительной степени.

Возбудителемъ борьбы мотивовъ можно считать такое стеченіе обстоятельствъ, при которомъ у человѣка, наряду съ однимъ какимъ-нибудь желаніемъ или влеченіемъ, отличающимся значительной силой и стремящимся перейти въ дѣйствіе, возникаютъ другія желанія, противоположныя первому и затрудняющія его осуществленіе. Обычные примѣры: столкновеніе между чувствомъ долга и любовью къ близкимъ людямъ, между желаніемъ достигнуть какой-либо цѣли и страхомъ передъ опасностями, стоящими на пути къ достиженію этой цѣли и т. д.

Связи и отношенія. Если изъ двухъ противоположныхъ и потому взаимно-борющихся мотивовъ одинъ присутствовалъ въ сознаніи значительно ранѣе другого и при возникновеніи второго оказывалъ на него задерживающее дѣйствіе, то такого рода борьба мотивовъ уже приближается къ явленіямъ такъ наз. психической задержки (см. ниже). Такимъ образомъ, наклонность къ борьбѣ мотивовъ и способность къ психической задержкѣ должны считаться родственными другъ другу качествами. Сильныя желанія и влеченія могутъ способствовать какъ интенсивной борьбѣ мотивовъ, такъ и, наоборотъ, импульсивности поступковъ. Первое бываетъ въ томъ случаѣ, если въ сознаніи возникаютъ одновременно нѣсколько одинаково сильныхъ желаній, противорѣчащихъ другъ другу. Импульсивныя же дѣйствія часто бываютъ вызваны какимъ-нибудь однимъ влеченіемъ, долго остававшимся безъ удовлетворенія и, наконецъ, прорвавшимся, несмотря на всѣ препятствія. Особенною силой въ этомъ отношеніи обладаютъ различныя органическія влеченія: голодъ, жажда, потребность во снѣ и отдыхѣ, половое влеченіе и пр.

Довольно тѣсная связь существуетъ между импульсивностью поступковъ и неустойчивостью рѣшеній. Импульсивные люди, по словамъ Полана, часто не исполняютъ данныхъ обѣщаній. Однако, ихъ нельзя смѣшивать съ притворщиками и намѣренными лгунами: у этихъ послѣднихъ руководящее и затаенное стремленіе остается все время неизмѣннымъ; у импульсивнаго же тѣ чувства, которыя заставили его дать обѣщаніе, въ минуту нарушенія исчезли и замѣнились другими. — Способность къ образованію значительнаго количества представленій, обширный запасъ свѣдѣній и продолжительный опытъ въ значительной мѣрѣ способствуютъ процессу выбора, сдерживая природную импульсивность первобытныхъ существъ. Взрослые и культурные люди болѣе способны къ борьбѣ мотивовъ, чѣмъ дѣти и дикари, такъ какъ у первыхъ въ большей степени возможно одновременное появленіе въ полѣ сознанія нѣсколькихъ, одинаково интенсив-

ныхъ стремленій, взаимно противоположныхъ по своему содержанію.

Нерѣдко приходится встрѣчаться съ недостаточнымъ различеніемъ между борьбою мотивовъ и обдуманностью поступковъ (см. ниже) или даже съ полнымъ отождествленіемъ этихъ двухъ сторонъ волевого процесса. Дѣйствія и рѣшенія, предшествуемыя выборомъ, иногда прямо называютъ обдуманными дѣйствіями. Такое отождествленіе двухъ названныхъ качествъ нельзя считать вполнѣ правильнымъ. Правда, между ними существуетъ, несомнѣнно, тѣсная зависимость, такъ какъ усиленная борьба мотивовъ можетъ благопріятствовать болѣе полному ихъ обсужденію; но все же бываютъ случаи, когда оба названныя качества не идутъ рука объ руку. Иногда напряженная борьба стремленій до того наполняетъ все сознаніе человѣка, до того сосредоточиваетъ на себѣ всю его психическую энергію, что ему положительно нѣтъ времени обдумывать или соображать что бы то ни было. Съ другой стороны, есть не мало такихъ людей, которые въ высшей степени обстоятельно и благоразумно обсуждаютъ и взвѣшиваютъ всѣ подробности предстоящаго имъ поступка, а когда настанетъ часъ выбирать и дѣйствовать, поступаютъ какъ придется, совершенно забывая при этомъ всѣ свои прежнія соображенія, и бываютъ способны надѣлать большихъ глупостей. Такимъ образомъ, если борьба мотивовъ можетъ во многихъ случаяхъ способствовать болѣе подробному обсужденію поступковъ, то обратное заключеніе далеко не всегда оказывается справедливымъ.

* * *

Такъ какъ количество взаимно-борющихся мотивовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ бываетъ различно и такъ какъ въ этомъ отношеніи наблюдаются весьма значительныя индивидуальныя колебанія, то возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли выдѣлить **обиліе или бѣдность мотивовъ** въ качествѣ отдѣльной основной наклонности. Въ пользу такого выдѣленія говоритъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что существуетъ, повидимому, тѣсная связь между числомъ взаимно-борющихся мотивовъ и богатствомъ или бѣдностью чувствъ и стремленій данной личности. Внутренняя борьба— это такой процессъ, въ которомъ всѣ важнѣйшіе запросы и потребности человѣка выступаютъ нерѣдко съ чрезвычайной яркостью. Чѣмъ богаче душевное содержаніе даннаго лица, чѣмъ полнѣе и разнообразнѣе сфера его представленій и чувствованій, тѣмъ большее количество мотивовъ участвуютъ въ борьбѣ, тѣмъ

сложнѣе и разнообразнѣе содержаніе каждаго изъ этихъ мотивовъ.

Однако, такое обособленіе даннаго качества представляется намъ трудно осуществимымъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Приведенное выше опредѣленіе того, что слѣдуетъ называть мотивами поступка, показываетъ, что нельзя провести рѣзкой границы между мотивами и всѣми остальными, менѣе важными, чувствами и влеченіями, входящими въ составъ каждаго отдѣльнаго волевого акта. Такимъ образомъ, попытка точно сосчитать число мотивовъ, дѣйствующихъ въ каждомъ данномъ случаѣ, заранѣе должна быть признана несостоятельной. Затрудненіе увеличивается еще тѣмъ, что каждый отдѣльный мотивъ не представляетъ изъ себя чего-нибудь простѣйшаго, неразложимаго, а очень часто является сложнымъ комплексомъ, въ составъ котораго входитъ цѣлая группа чувствъ и влеченій, болѣе или менѣе тѣсно между собою связанныхъ. Всѣ эти соображенія говорятъ противъ возможности отнести данную сторону душевной жизни къ числу простѣйшихъ, основныхъ душевныхъ качествъ.

Быстрота выбора (продолжительность колебаній).

Опредѣленіе наклонности и ея проявленія. Всякій сколько-нибудь опредѣленный процессъ выбора требуетъ для своего завершенія большаго или меньшаго промежутка времени. Величина этого промежутка, какъ мы увидимъ ниже, зависитъ въ значительной степени отъ цѣлаго ряда различныхъ побочныхъ условій и вліяній. Однако, даже въ томъ случаѣ, если всѣ эти побочныя условія будутъ одинаковы, продолжительность борьбы мотивовъ можетъ быть все же различна у разныхъ лицъ. Самый процессъ вытѣсненія однимъ, болѣе сильнымъ мотивомъ всѣхъ остальныхъ можетъ происходить болѣе или менѣе быстро, и эта быстрота процесса колеблется у разныхъ лицъ, составляя ихъ индивидуальную особенность.

Изслѣдованіе быстроты выбора, въ его наиболѣе упрощенной формѣ, неоднократно производилось при помощи эксперимента и составляетъ одинъ изъ видовъ такъ наз. опытовъ съ реакціями (Reactionsversuche). Оно состоитъ въ томъ, что испытуемый долженъ какъ можно скорѣе реагировать поднятіемъ пальца или какими-нибудь другими, заранѣе условленными сигналами на различныя раздраженія (слуховыя, зрительныя и пр.), даваемыя ему экспериментаторомъ. Раздраженія могутъ быть двухъ, трехъ и

болѣе родовъ. Примѣръ: стукъ падающаго шарика, стукъ падающей дощечки и звонъ колокольчика. Каждому изъ этихъ трехъ раздраженій соотвѣтствуетъ извѣстный, заранѣе условленный сигналъ, напр., поднятіе большого, указательнаго или средняго пальцевъ. Время, протекшее отъ момента раздраженія до момента реакціи, отмѣчается при помощи точнаго часового механизма (напр., Гипповскаго хроноскопа). Раздраженія слѣдуютъ другъ за другомъ въ безпорядкѣ, такъ что испытуемый не знаетъ заранѣе, какой именно звукъ онъ услышитъ. Услышавши же звукъ, онъ долженъ, очевидно, произвести процессъ выбора, т.-е., воспроизвести и выдвинуть въ своемъ сознаніи представленіе о томъ именно движеніи, которое соотвѣтствуетъ данному звуку, а затѣмъ произвести и самое это движеніе. Конечно, процессъ выбора здѣсь очень элементаренъ, но онъ всетаки есть налицо; на это, помимо самонаблюденія, указываетъ также и тотъ фактъ, что реакція выбора всегда бываетъ продолжительнѣе, чѣмъ реакція простого различенія [1]).

Болѣе сложныя проявленія разбираемаго качества недоступны для эксперимента, и поэтому намъ приходится (по крайней мѣрѣ, въ настоящее время) довольствоваться здѣсь простымъ самонаблюденіемъ. Очень поучительными въ этомъ отношеніи представляются тѣ случаи, когда человѣкъ, благодаря быстрому ходу событій, не можетъ долго колебаться и вынужденъ немедленно, сію же минуту, принять то или иное рѣшеніе, совершить тотъ или иной поступокъ. Такъ бываетъ, въ большинствѣ случаевъ, при всякомъ внезапномъ несчастіи (пожаръ, крушеніе поѣзда, опрокинувшаяся лодка, паденіе съ высоты и т. д.), въ особенности, если оно еще не совершилось, а только грозитъ совершиться и можетъ быть предотвращено быстрыми и рѣшительными мѣрами. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, судьба посылаетъ человѣку удачу, но только подъ тѣмъ условіемъ, если онъ не будетъ долго колебаться между нѣсколькими, одинаково привлекательными и заманчивыми цѣлями, а поскорѣе остановится на какой-нибудь одной изъ нихъ. Всѣ подобныя положенія, встрѣчающіяся неоднократно въ жизни каждаго человѣка, даютъ обыкновенно много матеріала для сужденія о степени развитія разбираемаго нами качества.

Связи и отношенія. Разъ дѣло идетъ о быстротѣ, съ которой одинъ мотивъ вытѣсняетъ изъ сознанія всѣ остальные, то возникаетъ прежде всего мысль: не является ли данная на-

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. у Вундта (6).

клонность родственной по отношенію къ такимъ качествамъ, какъ быстрое теченіе представленій, быстрое возникновеніе чувствованій, болѣе или менѣе быстрое сосредоточеніе вниманія и т. д.? Въ большинствѣ случаевъ это, повидимому, такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ. Однако, встрѣчаются и исключенія. Быстрота въ теченіи представленій или въ возникновеніи чувствованій способствуетъ нерѣдко значительному возрастанію числа мотивовъ, между которыми приходится производить выборъ. Всѣ тѣ разнообразныя послѣдствія, которыя можетъ имѣть данный поступокъ (или данное сужденіе), приходятъ на умъ со всѣми возможными подробностями,—и въ результатѣ процессъ выбора можетъ значительно затянуться. „Вы спрашиваете, напримѣръ, человѣка, какого цвѣта лебедь, и онъ немедленно вамъ отвѣчаетъ—бѣлаго. Другой же человѣкъ призадумается, промедлитъ отвѣтомъ. Но это еще не означаетъ, что его мозгъ работаетъ медленнѣе, напротивъ, онъ можетъ работать быстрѣе, въ немъ одновременно зарождается нѣсколько мыслей, которыя сталкиваются другъ съ другомъ. „Лебеди бѣлы, но есть и не бѣлые, тогда они болѣе темнаго цвѣта; есть лебеди, мнѣ неизвѣстные; однако, вѣроятно, въ данномъ случаѣ имѣются въ виду только бѣлые и смѣшно такъ долго задумываться надъ подобнымъ вопросомъ". Все это замедляетъ отвѣтъ, который можетъ оказаться и менѣе удовлетворительнымъ" (15).

Быстро составленныя и принятыя рѣшенія и сужденія далеко не всегда бываютъ наиболѣе правильными, обоснованными. Скорѣе можно предполагать обратное: медленно протекающая борьба мотивовъ даетъ человѣку возможность спокойно, не торопясь, обдумать и сопоставить всѣ возможныя рѣшенія и ихъ послѣдствія, взвѣсить всѣ доводы, говорящіе въ пользу того или иного образа дѣйствій. Такимъ образомъ, медленность въ данномъ случаѣ гораздо болѣе благопріятствуетъ обдуманности поступковъ и сужденій, чѣмъ чрезмѣрная поспѣшность. Наблюденія Штерна, уже приведенныя нами выше, также убѣдили его въ томъ, что быстрые и рѣшительные отвѣты далеко не всегда бываютъ самыми правильными. Наоборотъ, медленно принятыя рѣшенія оказываются очень часто гораздо болѣе опредѣленными и устойчивыми, чѣмъ тѣ, которыя были приняты слишкомъ поспѣшно.

Способность или неспособность къ принятію рѣшеній (нерѣшительность).

Опредѣленіе качества. Наряду съ большей или меньшей быстротой выбора намъ представляется необходимымъ выдѣлить въ качествѣ особой наклонности также способность (или неспособность) человѣка довести актъ выбора до конца, и придти къ какому бы то ни было опредѣленному рѣшенію, совершенно независимо отъ того, насколько продолжительны были колебанія и насколько самое рѣшеніе окажется правильнымъ. У нѣкоторыхъ людей актъ выбора, какъ бы труденъ и продолжителенъ онъ ни былъ, непремѣнно заканчивается тѣмъ, что одинъ какой-нибудь мотивъ вытѣсняетъ изъ сознанія всѣ остальные, превращаясь въ твердое и опредѣленное рѣшеніе. Другимъ, наоборотъ, это почти никогда не удается, и борьба мотивовъ не приводитъ у нихъ, въ большинствѣ случаевъ, ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ.

Принятіе рѣшенія сопровождается всякій разъ особымъ, своеобразнымъ чувствомъ рѣшимости, которое представляется специфическимъ для всѣхъ вообще волевыхъ актовъ. Чувство это относится къ числу возбуждающихъ и сопутствующихъ разрѣшенію напряженія (Вундтъ) и можетъ сопровождаться, смотря по обстоятельствамъ, чувствами пріятнаго или непріятнаго. Чѣмъ значительнѣе была внутренняя борьба, чѣмъ сильнѣе были колебанія, тѣмъ рѣзче, отчетливѣе испытывается это своеобразное чувство рѣшимости, наступающее по окончаніи борьбы. Съ другой стороны, продолжительныя колебанія вызываютъ непріятное, тягостное чувство сомнѣнія, возрастающее по мѣрѣ того, какъ колебанія усиливаются. У людей, которые вѣчно колеблются и неспособны бываютъ къ принятію какого бы то ни было важнаго рѣшенія, это тягостное чувство нерѣшительности, сомнѣнія, подавленности составляетъ постоянную, отличительную черту характера. Такимъ образомъ, разбираемую нами наклонность можно опредѣлить какъ способность (или неспособность) приходить къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію и испытывать при этомъ чувство рѣшимости.

Проявленія наклонности. Неспособность къ принятію рѣшеній сказывается обыкновенно тѣмъ, что человѣкъ безъ конца колеблется между двумя (а иногда и нѣсколькими) противоположными поступками, начиная то одинъ, то другой изъ нихъ, но не доводя ихъ до конца и останавливаясь на полдорогѣ. „Юлія—

воплощенная нерѣшительность: она хочетъ и перестаетъ хотѣть въ одно и то же мгновеніе; уступаетъ и сопротивляется; даетъ приказанія и вслѣдъ за этимъ отмѣняетъ ихъ“ (13). Въ результатѣ всякое дѣло остается несдѣланнымъ, такъ какъ человѣкъ никакъ не можетъ остановиться окончательно на какомъ-нибудь одномъ, опредѣленномъ образѣ дѣйствій.

Въ другихъ случаяхъ нерѣшительность выражается тѣмъ, что человѣкъ, не будучи въ состояніи окончательно принять одно какое-нибудь рѣшеніе, начинаетъ дѣйствовать одновременно въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Онъ надѣется, что сами обстоятельства въ будущемъ вынудятъ его, наконецъ, придти къ тому или иному образу дѣйствій. Надежды эти обыкновенно бываютъ тщетными, такъ какъ, если въ самомъ человѣкѣ не находится преобладающей группы мотивовъ, которая придала бы направленіе его дѣятельности, то внѣшнія условія оказываются безсильными сдѣлать это. Такимъ образомъ, и здѣсь дѣло доходитъ, въ концѣ концовъ, до полнаго застоя, до полной невозможности какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ дѣйствій. Само собою разумѣется, что приведенные только что случаи нужно отличать отъ той мудрой предусмотрительности, которая заставляетъ иногда самаго рѣшительнаго человѣка не дѣлать окончательнаго выбора до тѣхъ поръ, пока обстоятельства дѣла не совсѣмъ ясны, пока задачи и условія предстоящей дѣятельности не опредѣлились окончательно.

Относительно анатомо-физіологической стороны вопроса слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что всякіе моменты, истощающіе организмъ и нарушающіе правильную дѣятельность центральной нервной системы, способствуютъ обыкновенно развитію нерѣшительности. Постоянныя колебанія, робость, нерѣшительность и неувѣренность въ себѣ являются, какъ извѣстно, обычными спутниками неврастеніи, то-есть, такой болѣзни, въ основѣ которой лежитъ раздражительная слабость нервной системы.

Подобному взгляду противорѣчитъ до нѣкоторой степени мнѣніе, высказанное Дюмономъ (54). Согласно объясненію этого автора, тягостное чувство, возникающее во время продолжительной, ни къ чему не приводящей борьбы мотивовъ, является слѣдствіемъ того, что накопившаяся нервная энергія не можетъ разрядиться и найти себѣ выходъ въ дѣйствіи, внутреннемъ или внѣшнемъ. Намъ кажется, однако, что взглядъ этотъ нельзя считать правильнымъ. Борьба мотивовъ уже сама по себѣ представляетъ „внутреннее дѣйствіе“, душевную работу, требующую

иногда значительной степени напряженія и сопровождающуюся не малымъ расходованіемъ нервной энергіи. Сильная внутренняя борьба можетъ на нѣкоторое время совершенно истощить, обезсилить человѣка даже физически. Если бы мнѣніе Дюмона было правильно, то лица съ уже истощенной нервной системой, съ израсходованнымъ уже запасомъ нервной энергіи, оказывались бы совершенно неспособными испытывать тягостное, мучительное чувство сомнѣнія, нерѣшительности. Между тѣмъ, на дѣлѣ мы видимъ совершенно обратное. Значитъ, дѣло здѣсь не въ избыткѣ энергіи, а скорѣе въ недостаткѣ ея, въ невозможности согласовать и урегулировать тѣ противорѣчивые и противоположные процессы, которые возникаютъ въ различныхъ мозговыхъ центрахъ.

Связи и отношенія. Часто приходится слышать мнѣніе, будто значительное развитіе умственной дѣятельности, въ особенности болѣе или менѣе отвлеченнаго характера, способствуетъ нерѣшительности, наклонности къ колебаніямъ. Говорятъ, что напряженная умственная работа нужна теоретику, кабинетному мыслителю, но отнюдь не „человѣку дѣла“, рѣшимость котораго можетъ, будто бы, быть ослаблена слишкомъ большимъ количествомъ доводовъ и соображеній. Фулье рѣшительно возстаетъ противъ такого мнѣнія. Если умственная дѣятельность увеличиваетъ количество мотивовъ, то зато она же помогаетъ выяснить дѣло, устанавливая взаимныя отношенія различныхъ мотивовъ и ихъ сравнительную важность. Вѣрнѣе будетъ, слѣдовательно, предположить, что между значительнымъ развитіемъ мышленія и рѣшительностью (или нерѣшительностью) поступковъ нѣтъ прямой, непосредственной связи. Здѣсь могутъ устанавливаться различныя отношенія и сочетанія въ зависимости отъ обстоятельствъ и отъ общаго склада характера каждаго отдѣльнаго лица.

Слабость чувствъ, отсутствіе желаній (апатія) способствуютъ нерѣшительности. Правда, благодаря общей вялости эмоціональной сферы, противодѣйствующіе мотивы въ этихъ случаяхъ также ослабѣваютъ, такъ что борьба, казалось бы, должна была облегчиться. Но для того, чтобы какая-нибудь группа мотивовъ побѣдила и вытѣснила изъ сознанія всѣ остальныя, нужно, чтобы самая эта группа отличалась значительной силой и напряженностью, а этого-то какъ разъ и нѣтъ въ данномъ случаѣ. Въ свою очередь, продолжительныя колебанія, не приводящія ни къ какому результату, вызываютъ тягостное чувство сомнѣнія и общей подавленности, о которомъ уже говорилось выше.

Чувство это усиливается еще мыслями о трудности и безвыходности положенія, о предстоящихъ опасностяхъ и непріятностяхъ, которыхъ едва ли удастся избѣжать; въ результатѣ получается значительное общее угнетеніе, которое дѣйствуетъ парализующимъ образомъ на всякія вновь возникающія желанія и стремленія.

Способность къ энергическому волевому усилію безусловно способствуетъ принятію опредѣленнаго рѣшенія. Даже въ томъ случаѣ, если человѣкъ съ сильной волей заставляетъ себя на время воздержаться отъ всякаго окончательнаго заключенія (вслѣдствіе, напримѣръ, недостаточной выясненности обстоятельствъ дѣла), такое воздержаніе является, въ сущности, уже рѣшеніемъ, такъ какъ оно опредѣляетъ собой образъ дѣйствій и поведеніе человѣка въ теченіе извѣстнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени. Съ другой стороны, нерѣшительность сплошь и рядомъ зависитъ отъ неспособности даннаго человѣка къ волевому усилію, при помощи котораго одна какая-нибудь группа мотивовъ получила бы преобладаніе надъ всѣми остальными.—Другимъ качествомъ, способствующимъ нерѣшительности, является быстрая смѣна, неустойчивость принятыхъ рѣшеній, въ особенности, если различныя рѣшенія слишкомъ быстро слѣдуютъ другъ за другомъ. Очень часто нерѣшительность именно тѣмъ и выражается, что два или нѣсколько взаимно противорѣчивыхъ сужденій поперемѣнно смѣняютъ другъ друга, причемъ ни одно изъ нихъ не можетъ утвердиться въ сознаніи на сколько-нибудь продолжительное время. Такимъ образомъ, оба названныя качества слѣдуетъ считать, повидимому, близко связанными другъ съ другомъ.

Устойчивость рѣшеній (постоянство—непостоянство).

Опредѣленіе наклонности. Подъ устойчивостью рѣшеній мы разумѣемъ тѣ случаи, когда одинъ и тотъ же мотивъ или группа родственныхъ мотивовъ, получившихъ преобладаніе надъ всѣми остальными, сохраняютъ свое господство въ теченіе продолжительнаго времени (недѣли, мѣсяцы, даже годы,—смотря по содержанію рѣшенія), опредѣляя собою поступки и поведеніе даннаго лица. При этомъ, конечно, вовсе не требуется, чтобы рѣшеніе это все время не выходило изъ поля сознанія, сосредоточивая на себѣ въ каждый данный моментъ все вниманіе человѣка. Напротивъ, оно можетъ подолгу скрываться за порогомъ

сознанія, уступая временно свое мѣсто другимъ мыслямъ, чувствамъ и желаніямъ, если только дѣло идетъ о предметахъ постороннихъ, не относящихся къ сферѣ даннаго рѣшенія. Но какъ только наступитъ нужный моментъ, преобладающая группа мотивовъ снова съ полной силой овладѣваетъ сознаніемъ, направляя его къ тѣмъ же цѣлямъ, внушая ему тѣ же поступки, что и раньше.

Проявленія даннаго качества можно охарактеризовать, въ общихъ чертахъ, такъ: образъ дѣйствій человѣка въ теченіе продолжительнаго времени вполнѣ соотвѣтствуетъ тому рѣшенію, которое было имъ принято, несмотря на то, что обстоятельства за это время успѣли уже значительно измѣниться. Жизнь даетъ намъ множество разнообразныхъ конкретныхъ формъ, въ которыхъ выражается это постоянство разъ принятаго рѣшенія. Сюда относится, напримѣръ, твердость мнѣній, постоянство и неизмѣнность сужденій, однажды составленныхъ и высказанныхъ даннымъ человѣкомъ. Не взирая на многочисленныя противорѣчія со стороны другихъ людей, на то, что сами факты, повидимому, говорятъ не въ пользу его взглядовъ, человѣкъ все же до послѣдней крайности держится своего мнѣнія, уступая только подъ давленіемъ самой наглядной очевидности. Нужно только слѣдить, чтобы здѣсь не замѣшались какіе-нибудь посторонніе мотивы: самолюбіе, боязнь прослыть нетвердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, какой-либо разсчетъ и т. д.

Другимъ проявленіемъ разбираемаго нами качества служитъ настойчивость въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей, стремленіе достигнуть ихъ даже въ томъ случаѣ, если окружающія условія совершенно измѣнились. Это измѣненіе окружающихъ условій— фактъ, чрезвычайно важный для оцѣнки степени развитія разбираемой нами наклонности. До тѣхъ поръ, пока все оставалось по прежнему, пока обстоятельства, вынудившія человѣка принять опредѣленное рѣшеніе, продолжаютъ вліять на него въ томъ же направленіи, что и раньше, мы не можемъ сказать ничего о степени его постоянства. Даже самые неустойчивые люди могутъ при этихъ условіяхъ сохранить извѣстное единство въ направленіи своей дѣятельности. Но всякая сколько-нибудь значительная перемѣна обстоятельствъ является въ данномъ случаѣ настоящимъ пробнымъ камнемъ, позволяющимъ намъ судить, вытекало ли постоянство, замѣченное нами ранѣе, изъ склада характера даннаго лица, или же оно являлось с. ѣдствіемъ удачно сложившихся внѣшнихъ вліяній. Чѣмъ больше измѣнчивость обстоя-

тельствъ, тѣмъ больше человѣкъ, остающійся при своемъ прежнемъ рѣшеніи, заслуживаетъ названіе постояннаго.

Проявленія устойчивости рѣшеній не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ постоянствомъ, которое такъ свойственно разнымъ привычнымъ автоматическимъ актамъ, даже довольно сложнымъ. Человѣкъ, недавно перебравшійся на новую квартиру, не разъ поворачиваетъ по разсѣянности въ прежній переулокъ, хотя бы это и не соотвѣтствовало его теперешнимъ намѣреніямъ. Но стóитъ только обратить его вниманіе на сдѣланную имъ ошибку, и онъ тотчасъ же исправитъ ее. Между тѣмъ, человѣкъ настойчивый самъ прекрасно сознаетъ, что обстоятельства не благопріятствуютъ болѣе принятому имъ образу дѣйствій, и, несмотря на это, все-таки продолжаетъ дѣйствовать въ прежнемъ направленіи.

Связи и отношенія. Такъ какъ въ принятіи рѣшенія огромную роль играютъ чувствованія, входящія въ составъ того или иного изъ борющихся мотивовъ, то не трудно заключить, что продолжительность этихъ чувствъ можетъ въ значительной степени способствовать устойчивости разъ принятаго рѣшенія. „Преобладаніе аффективной жизни, говоритъ Рибо, не исключаетъ воли непремѣнно: напряженная, постоянная и поглощающая страсть представляетъ собой даже основаніе всякой энергичной воли. Она наблюдается у великихъ честолюбивцевъ, у мученика, непоколебимаго въ своей вѣрѣ, у краснокожаго, издѣвающагося надъ истязающими его врагами“ (60). Такимъ образомъ, возникаетъ даже вопросъ, не слѣдуетъ ли вообще причину устойчивости какого бы то ни было рѣшенія видѣть въ томъ, что рѣшеніе это находится въ связи съ болѣе или менѣе постояннымъ чувствованіемъ. Можетъ быть, чувство это не всегда бываетъ замѣтно только потому, что оно принадлежитъ къ разряду высшихъ чувствъ, сравнительно бѣдныхъ физіологическими проявленіями и дѣйствующихъ болѣе на нашу внутреннюю жизнь, чѣмъ на органы движенія, дыханія и кровеобращенія? Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, тѣсная связь между устойчивостью рѣшеній и продолжительностью чувствованій не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Отсюда вытекаетъ, другая, уже посредственная связь между устойчивостью рѣшеній и взаимной согласованностью чувствованій. Чѣмъ болѣе тѣсная связь существуетъ между отдѣльными чувствами и стремленіями даннаго лица, чѣмъ больше единства находимъ мы въ его характерѣ, тѣмъ постояннѣе будетъ каждое отдѣльное желаніе, зародившееся въ немъ, и тѣмъ устойчивѣе будутъ его рѣшенія. Поэтому то истерическій харак-

теръ представляетъ намъ такую рѣзкую картину полной неустойчивости. Настроеніе у этого рода больныхъ такъ рѣзко колеблется, различныя, часто самыя противоположныя чувства такъ быстро смѣняютъ другъ друга, что о какомъ-нибудь единствѣ личности и постоянствѣ стремленій не можетъ быть и рѣчи. Въ связи съ этимъ наблюдается и полное отсутствіе устойчивости рѣшеній. Вѣрность своему слову, постоянство и твердость мнѣній, настойчивость въ преслѣдованіи разъ задуманнаго намѣренія,— все это такія качества, которыя мы напрасно стали бы искать у лицъ съ рѣзко выраженнымъ истерическимъ характеромъ.

Еще одно качество находится, несомнѣнно, въ очень тѣсной связи съ разбираемой нами наклонностью; это—сопротивляемость внѣшнимъ вліяніямъ, вмѣстѣ съ ея важнѣйшими проявленіями: упорствомъ и сознательной самостоятельностью. Чѣмъ больше способенъ къ сопротивленію данный человѣкъ, тѣмъ большимъ постоянствомъ и устойчивостью отличаются всѣ его рѣшенія. Упорство и самостоятельность всегда идутъ рука объ руку съ постоянствомъ убѣжденій и настойчивостью въ достиженіи разъ намѣченныхъ цѣлей.

Ясность, опредѣленность желаній и рѣшеній.

Опредѣленіе наклонности. Есть люди, которые до тѣхъ поръ не считаютъ своего рѣшенія окончательно принятымъ, своего сужденія окончательно составленнымъ, пока оно не будетъ выяснено до мельчайшихъ подробностей. Всѣ эти мнѣнія и планы отличаются чрезвычайной опредѣленностью и законченностью; ни одинъ сколько-нибудь существенный вопросъ не остается нерѣшеннымъ, ни одна деталь, имѣющая хоть какое-нибудь значеніе, не остается невыясненной. Такіе люди точно знаютъ, чего они хотятъ и на что они рѣшаются. У лицъ противоположнаго склада большинство желаній и рѣшеній, хотя бы даже горячо и убѣжденно защищаемыхъ, отличается крайней неопредѣленностью и сбивчивостью. Противорѣчія и неясности встрѣчаются на каждомъ шагу, самые существенные пункты оказываются неразработанными, многіе весьма важные вопросы остаются безъ всякаго отвѣта. Ихъ мнѣнія и сужденія туманны и неясны; ихъ цѣли и намѣренія, планы ихъ дѣйствій отличаются крайней неполнотой и неопредѣленностью. Какъ отдѣльныя части рѣшенія, такъ и взаимныя отношенія этихъ частей одинаково мало выяснены. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что разсматриваемое нами

здѣсь качество можно опредѣлить такъ: полное, отчетливое и детальное сознаваніе той цѣли, къ которой человѣкъ стремится, и того образа дѣйствій и сужденій, котораго онъ рѣшилъ придерживаться.

Не слѣдуетъ только думать, что здѣсь дѣло идетъ о большей или меньшей схематичности рѣшеній, о степени ихъ конкретности или отвлеченности. Человѣкъ, привыкшій къ отвлеченному мышленію, можетъ, тѣмъ не менѣе, очень полно и отчетливо представлять себѣ цѣль своихъ стремленій и предметъ своихъ рѣшеній, только представленія эти будутъ схематичными, лишенными яркихъ, конкретныхъ образовъ. Съ другой стороны, художникъ, обладающій богатымъ воображеніемъ и привыкшій къ образному мышленію, бываетъ, однако, иногда совершенно не въ состояніи точно и опредѣленно указать, чего именно онъ хочетъ. Нерѣдко онъ впадаетъ въ самообманъ: чрезвычайная яркость и образность, съ которой рисуются ему предметы желаній, заставляетъ такого человѣка поддаться иллюзіи и думать, что желанія эти такъ же опредѣленны, какъ и ярки. Но едва только обстоятельства приведутъ его къ необходимости отдать себѣ ясный и сознательный отчетъ въ томъ, чего именно онъ хочетъ и на что именно онъ рѣшается, какъ тотчасъ же обнаружится, что, несмотря на всю яркость образовъ, представленія его объ этомъ предметѣ полны пробѣловъ и путаницы. Такимъ образомъ, повторяемъ, не слѣдуетъ смѣшивать ясности и опредѣленности желаній и рѣшеній съ яркостью и конкретностью умственныхъ образовъ, такъ какъ способности эти существенно различаются другъ отъ друга и притомъ далеко не всегда идутъ параллельно.

Что касается проявленій разбираемаго качества, то на нихъ намъ не придется долго останавливаться, такъ какъ спеціальныхъ изслѣдованій по этому вопросу, сколько намъ извѣстно, никѣмъ не производилось, а тѣ данныя, которыя можно извлечь изъ повседневныхъ наблюденій, извѣстны всякому. Вотъ, напримѣръ, одно изъ наиболѣе частыхъ проявленій неясности и неопредѣленности желаній и рѣшеній. Человѣкъ съ жаромъ защищаетъ какое-нибудь мнѣніе или проповѣдуетъ тотъ или иной образъ дѣйствій: при этомъ онъ не только на словахъ является сторонникомъ данныхъ взглядовъ или даннаго образа дѣйствій, но готовъ проводить ихъ и на дѣлѣ, вкладывая въ это дѣло всю свою энергію и не отступая ни передъ какими препятствіями. Однако, когда подходитъ рѣшительная минута, когда приходится приступать къ дѣлу или точно и опредѣленно высказать свой взглядъ на вещи, человѣкъ этотъ оказывается (часто неожиданно

для самого себя) совершенно неподготовленнымъ: почти на каждомъ шагу онъ становится втупикъ и, несмотря на все свое желаніе дѣйствовать, совершенно не знаетъ, что ему нужно говорить и какъ ему нужно поступать. Въ концѣ концовъ, такой субъектъ обыкновенно совсѣмъ теряется, и отъ всей его прежней рѣшимости остается одно воспоминаніе,—что не мѣшаетъ ему, однако, черезъ нѣсколько дней снова принимать какое-нибудь „твердое“ рѣшеніе и высказывать какія-нибудь горячія пожеланія.

Другой интересный примѣръ, также относящійся къ разбираемому нами качеству, представляетъ собою исканіе новыхъ путей въ искусствѣ и общественной жизни. Старыя формы оказываются уже непригодными, онѣ не въ состояніи болѣе вмѣстить въ себя все содержаніе жизни и ея потребностей, усложнившихся и расширившихся за послѣднее время. Новыя формы еще не появились, но онѣ „чувствуются“, къ нимъ стремятся люди передовые и талантливые, стараясь выразить свои неясныя и неопредѣлившіяся еще стремленія въ художественныхъ произведеніяхъ и общественныхъ организаціяхъ... Но все новое не дается сразу. Недостаточная еще выясненность задачъ и пріемовъ, нужныхъ для ихъ достиженія, сказывается на каждомъ шагу. Въ результатѣ получаются картины, въ которыхъ наряду съ проблесками новыхъ формъ видны кучи несообразностей, картины, которыя цѣнятся и съ интересомъ обсуждаются знатоками, и отъ которыхъ со смѣхомъ отворачивается публика. Въ сферѣ общественныхъ отношеній возникаютъ организаціи, вызывающія при первыхъ своихъ шагахъ взрывъ негодованія (иногда совершенно справедливаго) и содержащія въ себѣ, тѣмъ не менѣе, здоровый зародышъ будущаго общественнаго строя.

Связи и отношенія. Изъ того, что говорилось выше, при опредѣленіи наклонности, можно уже заключить, что степень яркости образовъ (зрительныхъ и другихъ) не находится ни въ какой прямой связи съ ясностью и опредѣленностью желаній и рѣшеній. Гораздо большее значеніе въ этомъ случаѣ имѣетъ, быть можетъ, сильно развитая способность къ самонаблюденію. Благодаря ей, человѣкъ можетъ отдать себѣ полный отчетъ во всѣхъ своихъ желаніяхъ, подробно разобраться въ собственныхъ мысляхъ, планахъ и намѣреніяхъ. И если люди, привыкшіе къ самонаблюденію и самоанализу, оказываются часто неспособными къ энергичной дѣятельности (излюбленный типъ литературы сороковыхъ годовъ), то причина здѣсь лежитъ уже не въ неопредѣленности ихъ стремленій, а исключительно въ не-

достаткѣ активности, въ неспособности къ сильному, энергическому напряженію воли.

Само собою разумѣется, что наклонность къ обдумыванію поступковъ чрезвычайно благопріятствуетъ подробному выясненію желаній и рѣшеній. Чѣмъ напряженнѣе и продолжительнѣе умственная работа, направленная на обсужденіе различныхъ подробностей и условій предстоящей дѣятельности, тѣмъ болѣе полно и отчетливо обрисовываются въ сознаніи человѣка общій планъ и конечныя задачи этой дѣятельности. Далѣе, опредѣленность желаній и рѣшеній, повидимому, значительно способствуетъ ихъ устойчивости, и обратно. Чѣмъ большею отчетливостью отличается какое-нибудь представленіе, тѣмъ лучше и прочнѣе запечатлѣвается оно въ памяти, тѣмъ дольше оно въ ней остается. Всякая неясность, неопредѣленность ведетъ къ тому, что представленія о цѣли и средствахъ, ведущихъ къ ея достиженію, постепенно, изо дня въ день, иногда незамѣтно для самого субъекта, начинаютъ измѣняться. Измѣненія эти, не будучи замѣчены, не исправляются во время, и въ концѣ концовъ человѣкъ въ одинъ прекрасный день замѣчаетъ къ своему удивленію, что его стремленія и вся его дѣятельность совершенно уклонились въ сторону отъ всего прежняго направленія. Съ другой стороны, если желанія и рѣшенія настолько неустойчивы, что мѣняются чуть не ежедневно, то, конечно, не можетъ быть и рѣчи о сколько-нибудь подробномъ ихъ выясненіи, и онѣ всегда останутся полны неясностей и противорѣчій.

Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, что всѣ намѣченныя нами въ этомъ параграфѣ связи и отношенія установлены чисто теоретически, на основаніи соображеній, болѣе или менѣе правдоподобныхъ. Для того, чтобы ихъ провѣрить, необходимы систематически поставленныя наблюденія, въ особенности же подробныя характеристики людей, отличающихся значительнымъ развитіемъ разбираемаго нами качества.

Степень развитія руководящихъ идей и стремленій.

Опредѣленіе качества. У каждаго человѣка, говоритъ Рибо, какая-нибудь стойкая идея: удовольствіе, деньги, самолюбіе, благо другихъ — руководитъ жизнью, опредѣляя собой всѣ его дѣйствія и поступки, давая направленіе всѣмъ его мыслямъ и сужденіямъ. Замѣчаніе это приложимо, правда, не ко всѣмъ людямъ. Каждому изъ насъ приходилось наблюдать лицъ, иногда

даже довольно интеллигентныхъ, но совершенно лишенныхъ какой бы то ни было стойкой, руководящей идеи. Вся душевная жизнь этихъ людей представляетъ изъ себя непрерывный калейдоскопъ самыхъ противорѣчивыхъ сужденій, намѣреній и поступковъ, зависящихъ всякій разъ исключительно отъ тѣхъ внѣшнихъ условій, подъ дѣйствіемъ которыхъ находится субъектъ въ данную минуту. Однако, такія лица попадаются все же не особенно часто. У большинства взрослыхъ, здоровыхъ психически людей всегда существуетъ, хотя бы въ зачаточномъ состояніи, болѣе или менѣе обширная группа идей и стремленій, направляющихъ всю ихъ душевную дѣятельность въ ту или иную сторону, къ той или иной конечной цѣли.

Въ составъ этой руководящей группы входятъ обыкновенно (хотя далеко не всегда!) высшія, наиболѣе отвлеченныя представленія и чувствованія, къ которымъ только способенъ данный человѣкъ: религіозныя, соціальныя, этическія, эстетическія и др. Всѣ такія чувства, связанныя съ представленіями и отвлеченными понятіями, всегда легче воспроизводятся и дольше удерживаются въ памяти, чѣмъ другія чувства, связанныя съ ощущеніями: вкусовыми, болевыми, обонятельными и т. п. Благодаря этому, онѣ имѣютъ больше шансовъ на то, чтобы путемъ частаго повторенія упрочиться въ сознаніи даннаго лица и, соединившись между собою, образовать болѣе или менѣе стойкую группу, руководящую всѣмъ поведеніемъ человѣка. Такія руководящія идеи и стремленія въ большинствѣ случаевъ отчетливо выдѣляются на фонѣ разнообразныхъ, безконечно мѣняющихся проявленій душевной жизни. Въ случаѣ же очень значительнаго ихъ развитія, вліяніе ихъ сказывается на каждомъ шагу, придаетъ особый, специфическій оттѣнокъ каждому, сколько-нибудь значительному поступку даннаго человѣка, проявляется иногда въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ жестѣ. Степень развитія подобныхъ высшихъ руководящихъ идей и стремленій колеблется у разныхъ людей въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Благодаря этимъ значительнымъ индивидуальнымъ колебаніямъ, а также благодаря своей распространенности и многочисленнымъ связямъ, качество это представляется чрезвычайно важнымъ для индивидуальной психологіи.

Проявленія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда руководящія идеи и стремленія значительно развиты, нахожденіе ихъ обыкновенно не представляетъ особенно большого труда. Нерѣдко самъ наблюдаемый высказываетъ ихъ, подробно развивая при какомъ-нибудь удобномъ случаѣ свои взгляды на тотъ или иной предметъ.

Бываютъ, конечно, и противоположные случаи, когда человѣкъ всѣми силами старается скрыть отъ постороннихъ глазъ свои „завѣтныя“ мечты и стремленія. Но при этомъ наиболѣе тщательно скрывается, обыкновенно, самое содержаніе этихъ завѣтныхъ мыслей; нерѣдко бываетъ, дѣйствительно, очень трудно узнать, какіе именно планы и намѣренія таитъ человѣкъ въ глубинѣ своей души. Но тотъ фактъ, что такія руководящія идеи есть на лицо и что онѣ оказываютъ вліяніе на всю душевную жизнъ даннаго человѣка, скрыть бываетъ очень трудно, даже прямо невозможно. Ихъ регулирующее, систематизирующее дѣйствіе сказывается на всѣхъ его поступкахъ, на всемъ его поведеніи. Всѣ его радости и печали, страсти и волненія отливаются въ извѣстную форму, диктуемую тѣми религіозными и этическими взглядами, тѣми приличіями и традиціями, которыхъ онъ придерживается. Большинство желаній и намѣреній, сколько-нибудь серьезныхъ, находятся обыкновенно въ извѣстной связи между собой, будучи регулируемы одной руководящей идеей. Такое же единство, общность направленія сказываются обыкновенно и въ дѣйствіяхъ даннаго лица, его поступкахъ, значительное большинство которыхъ бываетъ направлено къ достиженію одной общей цѣли. Даже въ манерѣ говорить, въ способѣ излагать свои мысли сказывается это объединяющее дѣйствіе высшей, руководящей идеи. Такой человѣкъ, даже если онъ не краснорѣчивъ, всегда успѣетъ изложить самое существенное, никогда не запутается въ подробностяхъ настолько, чтобы упустить изъ виду главный предметъ разговора, и вернется къ нему, хотя бы даже послѣ многочисленныхъ отступленій.

Совершенно противоположнымъ представляется поведеніе лицъ, у которыхъ высшія, руководящія идеи отсутствуютъ или развиты лишь въ незначительной степени. Дѣйствія и поступки такихъ лицъ очень часто противорѣчатъ другъ другу, такъ какъ всецѣло зависятъ отъ того, какимъ образомъ сложились внѣшнія обстоятельства въ данный моментъ; съ перемѣною обстоятельствъ мѣняется и направленіе дѣятельности. Чувства и настроенія чрезвычайно разнообразны, противорѣчивы и мѣняются самымъ неожиданнымъ образомъ. Манера вести разговоръ представляется во многихъ случаяхъ весьма характерной. Рѣчь, нерѣдко очень оживленная и интересная, безпрестанно перескакиваетъ съ одного предмета на другой, затрогивая самыя разнообразныя темы, не имѣющія между собой ровно никакой связи, и не останавливаясь ни на одной изъ нихъ подолгу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо во что бы то ни стало дать подроб-

ное и систематическое описаніе одного какого-нибудь событія, это достигается съ большими затрудненіями. То и дѣло замѣчается наклонность къ отступленіямъ и ненужнымъ подробностямъ, затемняющимъ главную мысль разсказа. Иногда, несмотря на все желаніе, такъ и не удается благополучно довести разсказъ до конца [1]).

Всѣ описанные симптомы въ очень рѣзкой степени сказываются при нѣкоторыхъ психозахъ, напр., при „гипоманіи", которая сопровождается почти полнымъ выпаденіемъ всякихъ высшихъ, регулирующихъ идей и стремленій. Быстрыя и рѣзкія смѣны настроенія, безсвязная рѣчь, изобилующая неожиданными скачками и ненужными подробностями и повтореніями, наклонность хвататься за множество дѣлъ, наряду съ невозможностью довести до конца хотя бы одно изъ нихъ,—таковы рѣзко выраженныя проявленія отсутствія разбираемаго качества.

Связи и отношенія. Такъ какъ руководящая, направляющая группа составляется, главнымъ образомъ, изъ отвлеченныхъ идей и общихъ представленій (см. выше), то наличность этихъ послѣднихъ является необходимымъ условіемъ для того, чтобы могло возникнуть разбираемое нами качество. Другими словами: только у человѣка, способнаго къ отвлеченному мышленію, къ образованію отвлеченныхъ понятій, можетъ образоваться достаточно устойчивая и вліятельная идея, которая бы опредѣляла собой направленіе его дѣятельности. Когда же такая руководящая идея появилась, то она въ свою очередь значительно способствуетъ правильному, систематическому теченію мыслей, опредѣляя собою конечную цѣль, къ которой должна быть направлена умственная работа, и тѣ пункты, на которыхъ необходимо въ особенности сосредоточить вниманіе.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь взаимную зависимость: съ одной стороны, способность къ отвлеченному мышленію необходима для выработки общихъ, руководящихъ идей и стремленій, съ другой — появленіе этихъ послѣднихъ дѣлаетъ мышленіе болѣе систематическимъ и плодотворнымъ. Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что нѣкоторые малообразованные люди обладаютъ болѣе цѣльнымъ и устойчивымъ міросозерцаніемъ, то-есть, болѣе законченной системой руководящихъ идей

[1]) Надо имѣть въ виду, впрочемъ, что явленіе это не всегда непремѣнно указываетъ на слабое развитіе высшихъ, руководящихъ идей и стремленій; у людей необразованныхъ и малоинтеллигентныхъ оно можетъ зависѣть просто отъ недостаточнаго упражненія, отъ непривычки связно излагать свои мысли.

и стремленій, чѣмъ многія лица, окончившія курсъ средняго или высшаго учебнаго заведенія: способность къ отвлеченному мышленію и образованію понятій далеко не идетъ параллельно количеству усвоенныхъ знаній. Образованіе благопріятствуетъ развитію этой способности, но не можетъ создать ее тамъ, гдѣ она совершенно отсутствуетъ.

Въ области чувствованій разбираемое нами качество тѣсно связано съ продолжительностью, постоянствомъ отдѣльныхъ чувствъ и влеченій. Мы уже видѣли, что одной изъ главныхъ причинъ, обезпечивающихъ такъ называемымъ высшимъ чувствамъ (религіознымъ, этическимъ, эстетическимъ) господство надъ всѣми остальными, является сравнительная устойчивость, постоянство этихъ высшихъ чувствъ, легкость ихъ возобновленія. Съ другой стороны, твердые, опредѣлившіеся взгляды и стремленія оказываютъ сильное вліяніе на эмоціональную сферу человѣка, придавая ей характеръ большей равномѣрности и согласованности. Тамъ, гдѣ отсутствуютъ высшія, руководящія идеи, теченіе чувствъ отличается чрезвычайной неправильностью и чрезмѣрно повышенной возбудимостью. Всѣмъ извѣстны рѣзкія, ничѣмъ не мотивированныя смѣны настроенія у истеричныхъ. Вотъ еще нѣкоторые примѣры, приводимые Крепелиномъ (28). „Внезапныя вспышки чувства встрѣчаются иной разъ при самыхъ различныхъ формахъ врожденнаго и пріобрѣтеннаго слабоумія. Изъ опыта здоровой жизни извѣстны взрывы страсти у людей ограниченныхъ, а также капризность и вспыльчивость дряхлыхъ стариковъ. Наряду съ извѣстными формами врожденнаго слабоумія, быстропреходящіе случаи возбужденія, часто очень значительнаго, наблюдаются также и въ конечныхъ стадіяхъ ранняго слабоумія, гдѣ они идутъ рука объ руку съ прогрессирующей тупостью чувствованій“ (именно — высшихъ чувствованій, такъ какъ они прежде всего поражаются при раннемъ слабоуміи. А. Л.). Итакъ, неустойчивость чувствъ, ихъ недостаточная согласованность и чрезмѣрно повышенная ихъ возбудимость, — вотъ качества, тѣсно связанныя съ отсутствіемъ высшихъ, руководящихъ идей и стремленій.

Что касается волевой сферы, то такія качества, какъ сознательное волевое усиліе, способность задержки, внѣшней и внутренней, систематичность сложныхъ дѣйствій и сопротивляемость внѣшнимъ вліяніямъ (самостоятельность) являются совершенно немыслимыми при отсутствіи извѣстнаго объединяющаго центра, извѣстной руководящей группы идей и стремленій. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ

этотъ объединяющій центръ совершенно распадается (напр., при кататоніи), дѣло можетъ дойти до того, что не только отдѣльные поступки и дѣйствія, но часто даже отдѣльныя движенія теряютъ всякое значеніе и смыслъ. Движенія кататониковъ лишены всякаго плана и не служатъ къ осуществленію того или иного намѣренія. Они состоятъ въ томъ, что больные корчатъ гримасы, выворачиваютъ члены, прыгаютъ вверхъ и внизъ, кувыркаются, катаются, бьютъ въ ладоши, бѣгаютъ кругомъ, карабкаются, пританцовываютъ, производятъ безсмысленные звуки и шумы. Собственно, о волѣ здѣсь уже едва ли можетъ идти рѣчь, такъ какъ отсутствуетъ переходъ представленій о цѣли въ соотвѣтствующія дѣйствія. Сами больные нерѣдко утверждаютъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, что они не знаютъ, откуда у нихъ берутся эти движенія (28). Такимъ образомъ, распаденіе высшихъ, руководящихъ идей и стремленій можетъ привести къ полной утратѣ всѣхъ сознательныхъ волевыхъ функцій. Этотъ фактъ еще разъ подтверждаетъ намъ, какое важное значеніе для индивидуальной психологіи имѣетъ только что разобранное нами качество.

Способность къ внутренней (психической) задержкѣ.

Опредѣленіе качества. Дѣйствіе, оказываемое высшими идеями и стремленіями на все теченіе нашей душевной жизни, обнаруживается съ особенной силой въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстныя мысли, чувства и побужденія, находящіяся въ противорѣчіи съ господствующей группой, подвергаются задержкѣ со стороны этой послѣдней. Задержка эта состоитъ въ томъ, что противорѣчащіе элементы или вовсе не могутъ возникнуть въ нашемъ сознаніи, удерживаясь все время ниже его порога, или же, появившись въ сознаніи, болѣе или менѣе быстро вытѣсняются изъ него, не будучи въ состояніи оказать сколько-нибудь существенное вліяніе на наши сужденія и поступки. При этомъ всегда возникаетъ своеобразное чувство напряженія, испытываемое съ тѣмъ большей силой, чѣмъ интенсивнѣе самый процессъ задержки.

Проявленія наклонности могутъ быть очень разнообразны. Прежде всего, процессъ можетъ варіироваться въ зависимости отъ того, насколько постояннымъ является присутствіе въ сознаніи человѣка извѣстной господствующей идеи или стремленія. Иногда (къ сожалѣнію, такіе случаи не особенно часты) прихо-

дится наблюдать человѣка, который въ теченіе сравнительно долгаго промежутка времени всецѣло поглощенъ какой-нибудь идеей, изобрѣтеніемъ, предпріятіемъ, наконецъ, сильной страстью къ чему-нибудь. Онъ, что называется, носится съ занимающей его мыслью. Гдѣ бы онъ ни былъ, что бы онъ ни дѣлалъ, господствующая идея не покидаетъ его. Все, что сколько-нибудь противорѣчитъ ей, не имѣетъ никакихъ шансовъ на то, чтобы хотя на одинъ моментъ подняться выше порога его сознанія, быть воспринятымъ и подвергнуться серьезному обсужденію. Таковы были многіе ученые и изобрѣтатели; таковы аскеты и отшельники, постоянно занятые мыслью о своемъ самосовершенствованіи.

Въ другихъ случаяхъ господствующія идеи или влеченія, хотя бы и очень сильныя, могутъ, однако, не быть столь упорными, постоянными. Это бываетъ особенно у такъ называемыхъ эластичныхъ натуръ (см. выше), у которыхъ періоды временнаго бездѣйствія наклонностей, даже господствующихъ, бываютъ иногда очень значительны. Во время такого бездѣйствія главной, руководящей наклонности всевозможныя противоположныя мысли и желанія могутъ не только возникнуть въ сознаніи, но даже достигнуть довольно значительной степени развитія, пока, наконецъ, вновь пробудившаяся руководящая наклонность не окажетъ на нихъ своего задерживающаго дѣйствія. Попятно, что въ этихъ случаяхъ борьба бываетъ обыкновенно уже гораздо труднѣе и чувство напряженія испытывается съ гораздо большей интенсивностью.

Самый процессъ задержки, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда направленъ на чувствованія и аффекты, можетъ происходить двоякимъ образомъ: непосредственно и посредственно. Первый способъ состоитъ въ томъ, что мы всячески стараемся увеличить интенсивность задерживающихъ элементовъ. Для этой цѣли все вниманіе сосредоточивается на тѣхъ представленіяхъ и образахъ, которые должны оказывать задерживающее дѣйствіе. Человѣкъ припоминаетъ обстоятельства, среди которыхъ зародилась и упрочилась въ немъ руководящая идея (напр., чувство долга), всѣ тѣ доводы и примѣры, которые говорятъ въ ея пользу. Все это направлено къ тому, чтобы усилить чувства и стремленія, связанныя съ руководящей идеей, и этимъ придать ей большую силу. Такъ, аскетъ или подвижникъ въ моментъ искушенія начинаетъ особенно жарко молиться, влюбленный, вѣрность котораго подвергается тяжелому испытанію, усиленно разсматриваетъ портретъ своей возлюбленной и т. д.

Другой косвенный способъ состоитъ въ томъ, чтобы оказывать задерживающее дѣйствіе на чувство путемъ подавленія его внѣшнихъ проявленій. Извѣстное правило гласитъ, что если кто-нибудь разсердилъ васъ, то прежде чѣмъ предпринимать что бы то ни было, слѣдуетъ, не вставая съ мѣста, сосчитать до 50; такимъ путемъ, благодаря задержкѣ внѣшнихъ проявленій гнѣва, вы сохраните необходимое хладнокровіе. Обильныя же проявленія аффекта, наоборотъ, еще болѣе усиливаютъ его интенсивность. Быстрое хожденіе по комнатѣ, танцы или гимнастическія упражненія могутъ вызвать значительное возбужденіе и приливъ энергіи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда для этого не было никакихъ достаточныхъ основаній. Вообще говоря, вліяніе на внѣшнія проявленія есть одинъ изъ самыхъ распространенныхъ видовъ задержки. Наблюденіе облегчается въ этихъ случаяхъ тѣмъ, что лишь очень рѣдко человѣку удается подавить всѣ рѣшительно проявленія даннаго чувства: всегда что-нибудь остается,—румянецъ на щекахъ, нетерпѣливое пожатіе плечами, частое постукиваніе пальцами по столу или другія нервныя движенія рукъ, подергиваніе личныхъ мускуловъ, нахмуриваніе бровей, усиленное дыханіе и т. д. Съ другой стороны, избытокъ энергіи, употребленной на подавленіе физіологическихъ проявленій чувства, можетъ въ свою очередь вызвать нѣкоторыя мышечныя сокращенія: плотное закрытіе рта (тонкія, сжатыя губы какъ признакъ „силы характера"), судорожное сжатіе челюстей, сжатіе пальцевъ въ кулакъ, топанье ногой и пр.

Есть, наконецъ, еще одинъ способъ подавлять мысли и влеченія, несогласныя съ господствующей группой,— способъ настолько косвенный, что его нельзя даже назвать задержкой въ собственномъ смыслѣ слова. Онъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ старается всѣми средствами отвлечь свое вниманіе отъ вредныхъ и ненужныхъ мыслей и желаній: пьяница, чувствующій приближеніе запойнаго періода, усиленно занимается своей работой, хватается за всякія другія занятія и развлеченія, избѣгаетъ проходить мимо винной лавки и встрѣчаться съ кутилами пріятелями. Къ сожалѣнію, всѣ эти ухищренія, въ большинствѣ случаевъ, не обладаютъ достаточной задерживающей силой, если предрасположеніе организма значительно, а прямая задерживающая способность недостаточно развита.

Что касается с т е п е н и развитія задерживающей способности, то для сужденія о ней мы можемъ руководствоваться лишь косвенными данными: сравнительною интенсивностью тѣхъ постороннихъ мыслей и влеченій, которыя удалось человѣку пода-

вить въ себѣ, а также относительной важностью тѣхъ мотивовъ и побужденій, которые вызвали процессъ задержки. Чѣмъ труднѣе была борьба, тѣмъ выше цѣнимъ мы нравственныя силы человѣка, съ успѣхомъ вышедшаго изъ этой борьбы. Ясно поэтому, что вопросъ о степени тѣсно связанъ въ данномъ случаѣ съ вопросомъ о тѣхъ возбудителяхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, которые такъ или иначе вліяли на наблюдаемое нами лицо, усиливая или ослабляя его задерживающую способность. Изъ числа чисто физіологическихъ возбудителей, дѣйствующихъ парализующимъ образомъ на нашу способность къ задержкѣ, слѣдуетъ отмѣтить въ особенности алкоголь. Главные симптомы наступающаго опьяненія: двигательное и эмоціональное возбужденіе, расширеніе поверхностныхъ сосудовъ, нарушеніе координаціи движеній, разстройство въ теченіи представленій и въ мышленіи,—являются прямымъ слѣдствіемъ того парализующаго дѣйствія, которое алкоголь оказываетъ на наши высшіе, задерживающіе центры.

Внутренними возбудителями являются обыкновенно: бóльшая или меньшая яркость и отчетливость представленій, подлежащихъ задержкѣ, степень ихъ знакомости, привычности, главнымъ же образомъ—интенсивность соединенныхъ съ ними чувствованій. Блѣдныя, неясныя воспоминанія о предметахъ и событіяхъ, отдѣленныхъ отъ насъ значительнымъ временемъ и пространствомъ, всегда легче могутъ быть подавлены, чѣмъ свѣжія, только что воспринятыя впечатлѣнія, особенно, если они неоднократно повторяются, не позволяя сосредоточить вниманіе на чемъ-нибудь другомъ, постороннемъ. Давнишнія, привычныя потребности, постоянно удовлетворявшіяся, требуютъ для своего подавленія иногда очень значительныхъ усилій. Но особенной, почти непреодолимой импульсивностью отличается, какъ уже было сказано выше, большинство органическихъ потребностей. Не даромъ борьба съ этими „животными“ влеченіями является обычнымъ упражненіемъ аскетовъ и составляетъ пробный камень для всякаго человѣка, умѣющаго владѣть собой.

Почти всѣ перечисленные возбудители дѣйствуютъ такимъ образомъ, что вначалѣ они вызываютъ къ дѣйствію задерживающую способность, чтобы затѣмъ, достигнувши значительной силы, въ концѣ концовъ обезсилить и парализовать ее. Постоянными же и прямыми внутренними возбудителями задержки являются такіе психическіе моменты, какъ чувство долга, сознаніе вреда, приносимаго извѣстными поступками и влеченіями, пред-

ставленіе о тѣхъ выгодахъ, которыя влечетъ за собой воздержаніе, разныя побочныя соображенія и т. п.

Очень труднымъ, а въ большинствѣ случаевъ и совершенно невозможнымъ оказывается процессъ задержки при нѣкоторыхъ патологическихъ состояніяхъ, какъ-то: навязчивыхъ идеяхъ, безпричинныхъ страхахъ и насильственныхъ дѣйствіяхъ. Въ слабой степени всѣ эти состоянія наблюдаются нерѣдко и у людей совершенно нормальныхъ. Авторъ близко знаетъ одного взрослаго, интеллигентнаго, вполнѣ здороваго человѣка, который, идя по улицѣ, чувствуетъ обыкновенно потребность прочитывать крупныя надписи на вывѣскахъ и каждое прочитанное слово дѣлитъ въ умѣ пополамъ, отыскивая въ немъ среднюю букву. Это же самое лицо любитъ въ минуты задумчивости ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, причемъ очень часто ему случается ловить себя на стараніи проходить всякій разъ непремѣнно по одной и той же доскѣ или вдоль одного и того же края ковра. Хорошо извѣстны и много разъ уже описывались всевозможные виды навязчивыхъ состояній, не внушающихъ, однако, никакихъ опасеній за здоровье лица, у котораго они наблюдаются. Потребность, идя по улицѣ, считать свои шаги, идя по лѣстницѣ, считать ступени; безпокойная мысль о томъ, что рецептъ невѣрно написанъ, письма вложены не въ тѣ конверты, деньги сосчитаны неправильно; неотвязная мелодія, безъ конца повторяющаяся въ умѣ, или какой-нибудь глупый стихъ, отъ котораго никакъ не удается отдѣлаться,—всѣ подобныя явленія хотя и встрѣчаются у здоровыхъ людей въ общемъ довольно часто, но все же для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности являются скорѣе курьезомъ, рѣдкостью. Они никогда не достигаютъ у нормальнаго, уравновѣшеннаго человѣка такой степени и частоты, чтобы мѣшать его занятіямъ и не быть подавленными при первой же необходимости. Поэтому для индивидуальной психологіи они не представляютъ большого интереса, и мы упоминаемъ о нихъ здѣсь скорѣе для полноты обзора, а также ради того интереса, который представляетъ явленіе, взятое само по себѣ.

Гораздо болѣе грозными представляются тѣ же самыя навязчивыя состоянія, когда они усиливаются до чрезмѣрныхъ, болѣзненныхъ размѣровъ. Неотвязныя идеи, ненужность и безсмысленность которыхъ ясно сознается больнымъ, настолько овладѣваютъ его сознаніемъ, что совершенно не даютъ ему возможности заниматься какимъ бы то ни было дѣломъ. Вѣчные страхи и опасенія, несмотря на полную свою неосновательность, поселяютъ въ больномъ унынie, подрываютъ его энергію и доводятъ его иногда

до полнаго изнеможенія. Насильственныя дѣйствія, по своему характеру иногда очень опасныя для самаго больного и для окружающихъ (кража, поджигательство, богохульство, влеченіе къ убійству), тѣмъ не менѣе, пріобрѣтаютъ такую силу, что роковымъ образомъ осуществляются, несмотря на всѣ усилія больного подавить или задержать ихъ. Однако, такъ какъ всѣ подобные случаи относятся уже прямо къ области патологіи, то мы и не будемъ входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности.

Измѣняемость даннаго качества очень велика, какъ въ разное время дня, такъ и въ различные періоды жизни. Во время сна способность задержки, повидимому, совершенно теряется, доказательствомъ чего является удивительная нелѣпость и безпорядочность, которыми отличаются нерѣдко наши сновидѣнія. Въ дѣтствѣ способность задержки почти совершенно отсутствуетъ и только къ періоду возмужалости она достигаетъ наибольшей степени своего развитія. Относительно анатомо-физіологическаго коррелата разбираемаго качества см. ниже, въ параграфѣ, посвященномъ задержкѣ физической (психомоторной).

Связи и отношенія. Для того, чтобы задержка могла осуществиться, необходима, очевидно, уже заранѣе наличность представленій, желаній и чувствованій, подлежащихъ задержкѣ, а также наличность высшихъ, руководящихъ идей и стремленій. Такимъ образомъ, способность задержки является высшей по отношенію къ цѣлому ряду другихъ наклонностей. Между прочимъ, здѣсь лишній разъ подтверждается положеніе, выставленное нами въ первой части книги (гл. X.): высшая наклонность не представляетъ собою простой суммы всѣхъ тѣхъ низшихъ, которыя необходимы для ея возникновенія. Существованіе у человѣка руководящихъ идей и стремленій далеко еще не всегда дѣлаетъ возможнымъ процессъ задержки. И жизнь, и литература даютъ намъ много примѣровъ, когда люди интеллигентные, много думавшіе о жизни и своемъ отношеніи къ ней, обладающіе стройнымъ и устойчивымъ міросозерцаніемъ, тѣмъ не менѣе, не могутъ справиться съ собой и подавить въ себѣ такія побужденія, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ ихъ идеаламъ и приводятъ ихъ, въ концѣ концовъ, къ полному разложенію и гибели.

Такое же положеніе занимаетъ разсматриваемое нами качество и по отношенію къ произвольнымъ движеніямъ. Согласно мнѣнію Вундта, внутреннее дѣйствіе, сказывающееся съ особенной силой въ актѣ задержки, представляется болѣе высокимъ по сравненію съ внѣшнимъ. Справедливость этого

взгляда подтверждается также и тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что способность задержки возникаетъ значительно позже, нежели прямые, непосредственные двигательные импульсы.—Значительная возбудимость чувствъ, а также импульсивность поступковъ сильно препятствуютъ акту задержки, о немъ уже говорилось выше. За то самая тѣсная зависимость существуетъ между способностью къ психической задержкѣ и слѣдующими душевными качествами: физическая (психомоторная) задержка, положительное волевое усиліе, произвольное (активное) вниманіе. Отношеніе между названными четырьмя наклонностями можно, повидимому, считать однимъ изъ наиболѣе типичныхъ примѣровъ того, что мы назвали взаимнымъ родствомъ душевныхъ качествъ. Не даромъ такъ часто приходится встрѣчаться съ утвержденіемъ, будто между названными качествами не существуетъ, въ сущности, никакого различія: все это лишь отдѣльныя проявленія одной общей „воли“, которая только измѣняетъ направленіе своей дѣятельности. Не надо, однако, забывать, что такое обобщеніе представляетъ собою уже гипотезу, тогда какъ наука о характерахъ должна, насколько это возможно, заимствовать изъ психологіи только факты.

Менѣе тѣсная зависимость существуетъ, повидимому между способностью психической задержки и обдуманностью поступковъ (см. ниже). Больные, страдающіе навязчивыми идеями и насильственными дѣйствіями, прекрасно сознаютъ всю нелѣпостъ и вредъ ихъ и, тѣмъ не менѣе, совершенно не въ состояніи бываютъ справиться съ ними. Нѣчто подобное можно наблюдать нерѣдко также и у людей совершенно здоровыхъ.

Способность къ физической (психомоторной) задержкѣ.

Опредѣленіе качества. Задерживающее дѣйствіе высшихъ идей и стремленій можетъ сказываться не только на процессахъ психическихъ въ собственномъ смыслѣ слова, но также и на тѣхъ внѣшнихъ физіологическихъ актахъ и проявленіяхъ, при помощи которыхъ человѣкъ сообщается съ внѣшнимъ міромъ. Нѣкоторыя изъ этихъ проявленій, какъ, напримѣръ, рѣчь и письмо, будучи вполнѣ сознательными и произвольными, всецѣло подчиняются желаніямъ человѣка, и поэтому остановка и прекращеніе ихъ въ случаѣ надобности не представляютъ обыкновенно для здороваго человѣка никакихъ затрудненій. Другія, наоборотъ, совершенно не подчинены волѣ и задержка ихъ, за

нѣкоторыми, весьма рѣдкими исключеніями, оказывается невозможной. Сюда относятся, напримѣръ, мышечныя сокращенія внутреннихъ органовъ тѣла (сердца, желудка, кишечника, мочевого пузыря), всевозможныя отдѣленія и выдѣленія организма, наконецъ, большинство вазомоторныхъ измѣненій, играющихъ такую важную роль въ процессѣ чувствованія.

Такимъ образомъ, задерживающее дѣйствіе высшихъ идей и стремленій можетъ сказываться съ особенной силой только въ сферѣ тѣхъ сложныхъ мышечныхъ сокращеній, которыя стоятъ на границѣ между произвольными и непроизвольными. Таковы рефлексы, автоматическія движенія и двигательныя проявленія чувствованій. Особенно часто примѣняется задержка по отношенію къ послѣднимъ. Иногда это дѣлается съ цѣлью подавить самое чувствованіе, о чемъ уже говорилось въ предыдущемъ параграфѣ. Въ другихъ же случаяхъ имѣется въ виду, не ослабляя напряженности самого чувства, скрыть его отъ постороннихъ взоровъ, что можно сдѣлать только путемъ задержки внѣшнихъ проявленій. Чувство, по словамъ Полана, представляетъ собой наиболѣе интимную, легче всего уязвимую сторону человѣческой психики (61). Поэтому и является очень часто потребность укрыть его отъ нескромныхъ взоровъ, притвориться равнодушнымъ въ то время, когда сильная эмоція овладѣла душой и все внутри трепещетъ отъ нахлынувшаго волненія.

Проявленія наклонности были уже отчасти описаны въ предыдущей главѣ. Здѣсь нужно обращать вниманіе, главнымъ образомъ, на тѣ физіологическія послѣдствія эмоціи, которыя не подлежатъ произвольной задержкѣ: небольшая блѣдность или слабый румянецъ на щекахъ, усиленіе блеска глазъ, легкое дрожаніе въ рукахъ и въ голосѣ, — всѣ эти признаки могутъ намъ указать на то, что человѣкъ испытываетъ внутреннее волненіе, болѣе или менѣе значительное по своей интенсивности. Въ то же время спокойствіе и плавность его движеній, ровный, нисколько не повышенный тонъ разговора, непрерывное вниманіе, съ которымъ онъ относится ко всему окружающему,—все это свидѣтельствуетъ о томъ, что мы имѣемъ передъ собой лицо, умѣющее владѣть собой и подавлять всѣ тѣ внѣшнія проявленія чувствованій, которыя могли бы помѣшать его дѣйствіямъ и намѣреніямъ. Иногда въ своемъ стараніи скрыть то или иное проявленіе охватившей его эмоціи человѣкъ начинаетъ симулировать противоположное чувство: желая скрыть, напримѣръ, свою робость и подавленность, онъ начинаетъ преувеличенно размахивать руками, говорить неестественно громкимъ голосомъ, черезчуръ громко смѣяться. По-

добные искусственные жесты, имѣющіе цѣлью маскировать настоящую эмоцію съ ея проявленіями, могутъ въ свою очередь послужить хорошимъ признакомъ для человѣка наблюдательнаго.

Изъ мимическихъ признаковъ Пидеритъ указываетъ на „взглядъ, брошенный украдкой„ какъ на характерное проявленіе скрытности. Если человѣкъ хочетъ внимательно наблюдать окружающее и въ то же время не желаетъ, чтобы другіе это замѣтили, то онъ „придаетъ своему тѣлу непринужденное положеніе, опускаетъ голову и его скрытый интересъ обнаруживается только внимательнымъ взоромъ, устремленнымъ въ сторону и вверхъ, по направленію къ объекту наблюденія". „Если взглядъ украдкой сдѣлался привычнымъ у какого-нибудь человѣка, то можно считать, что недовѣріе является основной чертой его характера" (37).

Что касается ошибокъ при распознаваніи, то нужно въ особенности остерегаться, чтобы не смѣшать самообладаніе съ общею вялостью эмоціональной сферы и ея проявленій. Нерѣдко у людей, очень пожилыхъ, говоритъ Поланъ (61),благодаря притупленію чувствительности, является дѣйствительная непритворная апатія, индифферентное отношеніе ко всему окружающему. Между тѣмъ, незнающіе могутъ именно подобныхъ лицъ заподозрить въ хитрости и чрезвычайно развитомъ умѣньи владѣть собой. Слѣдующій признакъ можетъ здѣсь помочь при распознаваніи. Чѣмъ сильнѣе возбудитель, чѣмъ важнѣе причина, вызвавшая эмоцію у наблюдаемаго человѣка, тѣмъ больше шансовъ мы имѣемъ на то, чтобы увидѣть проявленія этой эмоціи. Даже самыхъ вялыхъ, апатичныхъ людей можно, что называется, расшевелить, сообщивши имъ внезапно какое-нибудь ужасное, потрясающее извѣстіе. Между тѣмъ, у людей, владѣющихъ собой, мы находимъ обыкновенно обратное отношеніе. Различныя мелкія, незначительныя впечатлѣнія и чувства большею частью нисколько не скрываются ими, какъ не имѣющія никакого отношенія къ ихъ планамъ и намѣреніямъ. Кажущееся же равнодушіе наступаетъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда произошли важныя событія, затронувшія самыя чувствительныя струны ихъ сердца, и когда мы ожидали увидѣть ихъ необыкновенно потрясенными и взволнованными. Этотъ непонятный на первый взглядъ контрастъ между трагичностью всей обстановки и видимой невозмутимостью человѣка, котораго мы раньше считали отзывчивымъ и впечатлительнымъ, представляется чрезвычайно характернымъ. Иногда онъ, правда, является результатомъ полнаго изнеможенія, утраты всякой способности реагировать на все окружающее. Подобные случаи не трудно бываетъ тотчасъ же распознать. Но если человѣкъ, оставаясь въ такія минуты по наруж-

ности равнодушнымъ, проявляетъ въ то же время болѣе или менѣе энергическую дѣятельность, то мы проникаемся къ нему глубокимъ уваженіемъ, справедливо удивляясь его твердой волѣ и необычайному самообладанію.

Степень развитія данной наклонности представляется у разныхъ лицъ различной. Для измѣренія ея, можетъ быть, было бы полезно примѣнить обыкновенные рефлексометры, напримѣръ, очень удобный приборъ Зоммера для изслѣдованія колѣнныхъ рефлексовъ (62). Повидимому, способность задерживать рефлексы путемъ произвольнаго усилія неодинаково развита у разныхъ людей. Сравнивая среднюю высоту рефлекса до и во время задержки, мы получили бы мѣрило задерживающей способности для разныхъ лицъ. Затѣмъ, конечно, необходимо будетъ еще рѣшить вопросъ о томъ, идетъ ли способность задерживать рефлексы параллельно со способностью задерживать автоматическія движенія и проявленія эмоцій. Только въ томъ случаѣ, если этотъ параллелизмъ подтвердится, можно будетъ на основаніи пробы съ рефлексометромъ судить вообще о степени развитія психомоторной задержки у даннаго индивидуума.

Возбудители наклонности довольно разнообразны. Когда человѣкъ занятъ какой-нибудь работой, не особенно интересной и въ то же время требующей значительнаго сосредоточенія вниманія, то ему часто приходится подавлять въ себѣ различныя мелкія движенія: потребность зѣвнуть, потянуться, пройтись по комнатѣ, отогнать муху, назойливо жужжащую надъ ухомъ и т. д. Мысль о томъ, что движенія эти могутъ помѣшать работѣ, является внутреннимъ возбудителемъ, вызывающимъ къ дѣйствію способность задержки. Вообще, возбудителями способности къ задержкѣ являются всегда какія-либо внутреннія переживанія, тогда какъ внѣшнія раздраженія играютъ обыкновенно лишь роль случайнаго повода, вызывающаго появленіе въ сознаніи внутренняго возбудителя. Человѣкъ, потрясенный глубокимъ несчастьемъ, скрѣпя сердце и удерживая слезы, принимается за работу, такъ какъ иначе ему нечѣмъ будетъ жить; дипломатъ, дѣлающій важное предложеніе, старается казаться безстрастнымъ, чтобы не обнаружить прежде времени своихъ плановъ и намѣреній и т. д.

Измѣняемость качества въ различные возрасты бываетъ весьма велика. Новорожденный ребенокъ, обладающій уже цѣлымъ рядомъ рефлекторныхъ и импульсивныхъ движеній, еще совершенно не способенъ къ произвольной задержкѣ. Корковые задерживающіе центры у него находятся лишь въ зачаточномъ состояніи, а тѣ волокна, которыя проводятъ импульсы отъ коры

къ низшимъ центрамъ, еще не обложены мякотнымъ веществомъ и, слѣдовательно, также не могутъ правильно выполнять своихъ функцій. Способность задержки является впервые лишь около 10-го мѣсяца жизни, когда ребенокъ начинаетъ произвольно задерживать опорожненіе мочевого пузыря. Затѣмъ она возрастаетъ непрерывно въ теченіе всей жизни, постепенно усиливаясь и расширяя сферу своего примѣненія. На такой непрерывный ростъ указываетъ, между прочимъ, тотъ несомнѣнный фактъ, что взрослые и пожилые люди владѣютъ проявленіями своихъ чувствъ съ гораздо большимъ совершенствомъ, чѣмъ молодые, неопытные юноши.

Относительно анатомо-физіологическаго коррелата задерживающей способности въ настоящее время имѣется цѣлый рядъ указаній, отчасти полученныхъ при помощи эксперимента, отчасти же добытыхъ путемъ наблюденія. Какъ извѣстно, Сѣченовъ впервые установилъ существованіе въ головномъ мозгу центровъ, раздраженіе которыхъ оказываетъ угнетающее дѣйствіе на рефлексы. Впослѣдствіи было доказано, что не менѣе важную роль въ дѣлѣ задержки играетъ также и кора головного мозга. Опыты показали, что раздраженіе чувство-двигательныхъ (психомоторныхъ) участковъ мозговой коры, наряду съ возбужденіемъ двигательныхъ импульсовъ въ соотвѣтствующихъ нервахъ, можетъ оказывать также задерживающее, угнетающее дѣйствіе какъ по отношенію къ нѣкоторымъ мышечнымъ группамъ, такъ и по отношенію къ аналогичнымъ корковымъ центрамъ противоположнаго полушарія. Животныя, у которыхъ были удаляемы передніе участки мозговой коры, обнаруживали послѣ этого усиленную рефлекторную возбудимость, необыкновенное влеченіе къ движеніямъ и раздражительный, аггресивный характеръ. Наблюденія надъ идіотами и имбецилликами, отличающимися вообще недостаточнымъ развитіемъ психическихъ центровъ, указываютъ на значительное распространеніе среди нихъ такихъ признаковъ (или, вѣрнѣе, спутниковъ) недостаточной задержки, какъ импульсивность поступковъ, внезапные взрывы бѣшенства и т. под. Алкоголь, хлороформъ и нѣкоторые другіе яды, дѣйствующіе парализующимъ образомъ на нервную систему, вліяютъ прежде всего на высшіе, задерживающіе центры мозговой коры; этимъ именно и объясняется та картина общаго возбужденія, которая получается въ первой фазѣ дѣйствія этихъ ядовъ.

Всѣ приведенные факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что мозговая кора, являющаяся вообще сѣдалищемъ высшихъ, сознательныхъ процессовъ, играетъ главную роль также и въ процес-

сахъ задержки, какъ психической, такъ и физической (психомоторной).

Связи и отношенія. Подобно тому, какъ способность психической задержки стоитъ выше цѣлаго ряда другихъ наклонностей, относящихся къ образованію и теченію чувствъ и представленій—такъ и физіологическая задержка является болѣе высокой по сравненію съ непосредственнымъ двигательнымъ актомъ. Мы уже видѣли, что задержка развивается значнтельно позже, нежели движенія. Если бы не было двигательныхъ импульсовъ, то задержкѣ не на чемъ было бы проявиться. Далѣе, такія качества, какъ обиліе движеній, обиліе физіологическихъ проявленій чувствъ и значительная интенсивность этихъ послѣднихъ должны, очевидно, затруднять актъ задержки, а въ томъ случаѣ, если они очень рѣзко выражены—сдѣлать его и совсѣмъ невозможнымъ. Такимъ же образомъ должны дѣйствовать импульсивность желаній и рѣшеній, а также повышенная идео-моторная способность. Наоборотъ, способность психической задержки, будучи родственна задержкѣ физической, значительно усиливаетъ и облегчаетъ эту послѣднюю: всякое чувство легче бываетъ скрыть въ томъ случаѣ, если оно не вполнѣ еще овладѣло нами; когда же оно усилилось настолько, что мы потеряемъ, наконецъ, всякую власть надъ нимъ, тогда и задержка его проявленій становится дѣломъ гораздо болѣе труднымъ.

Очень важную роль играетъ задержка движеній въ актѣ произвольнаго вниманія. Извѣстно, что нѣкоторые авторы (напр., Рибо) склонны чрезмѣрно преувеличивать это значеніе, разсматривая произвольное вниманіе, какъ результатъ психомоторной задержки. Не заходя такъ далеко, мы должны все таки признать, что продолжительное и непрерывное подавленіе различныхъ побочныхъ, мѣшающихъ двигательныхъ импульсовъ является необходимымъ условіемъ для того, чтобы актъ произвольнаго вниманія осуществился въ полной своей силѣ. Интересно въ этомъ отношеніи замѣчаніе Солье, который утверждаетъ, что если удастся развить у идіота походку и способность дѣйствовать задерживающимъ образомъ на сфинктеры, то можно надѣяться путемъ воспитанія развить въ немъ также вниманіе и волю.

Способность къ положительному волевому усилію.

Опредѣленіе качества. Регулирующее дѣйствіе высшихъ руководящихъ идей и стремленій на нашу душевную жизнь

сказывается не только въ задержкѣ всѣхъ противоположныхъ, но также и въ усиленномъ выдвиганіи тѣхъ элементовъ, которые по своему содержанію отвѣчаютъ характеру руководящей группы. Мы можемъ произвольно, путемъ нѣкотораго, неподдающагося дальнѣйшему анализу усилія выдвинуть на первый планъ въ нашемъ сознаніи тѣ мысли, чувства и желанія, которыя до сей поры были слабыми и малозамѣтными; мы можемъ заставить себя начать думать или дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи, совершить тѣ или иныя движенія, какъ бы это ни трудно было для насъ въ первый моментъ.

Въ основѣ такого волевого дѣйствія всегда лежатъ какіе-нибудь отдаленные мотивы, сопровождающіеся болѣе или менѣе сильной эмоціей, причемъ характеръ и содержаніе этой эмоціи могутъ быть весьма различны. Однако, чувство усилія, волевого напряженія, постоянно сопровождающее всякое сколько-нибудь значительное волевое дѣйствіе, переживается нами во всѣхъ этихъ случаяхъ какъ нѣчто однородное и не поддающееся дальнѣйшему анализу. Далѣе, въ противоположность процессу задержки, направленному всегда на удаленіе изъ сознанія какого-нибудь чувства или представленія, въ данномъ случаѣ преобладаетъ, наоборотъ, положительная тенденція: весь волевой актъ направленъ на то, чтобы выдвинуть тотъ или иной элементъ и доставить ему возможно полное (хотя бы даже только временное) господство въ сознаніи. Поэтому мы и будемъ называть разбираемое качество, въ отличіе отъ разныхъ видовъ задержки, способностью къ положительному волевому усилію.

Проявленія. Способность эта сказывается съ особенной яркостью въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства заставляютъ человѣка усилить ad maximum свою работоспособность въ какой бы то ни было области. На этомъ основана проба Бинэ и Анри (31), предназначенная для испытанія „мышечной силы и силы воли". Испытуемаго заставляютъ однимъ пальцемъ какъ можно быстрѣе поднять извѣстный грузъ и затѣмъ удерживать его на вѣсу возможно дольше, несмотря на усталость. Всякій, кто однажды продѣлалъ на себѣ этотъ простой опытъ, знаетъ, какъ сильно приходится напрягать къ концу опыта всю свою физическую и моральную энергію для того, чтобы поддержать готовый опуститься палецъ. Аналогичный пріемъ можно употребить и въ области умственнаго труда, заставляя испытуемаго субъекта совершать какъ можно дольше безъ перерыва какую-нибудо трудную умственную работу.

Описанная проба представляетъ, однако, то неудобство, что

при ней испытываются одновременно два совершенно различныхъ качества: мышечная сила (resp. умственная работоспособность) и способность къ напряженію волевого усилія. Человѣкъ съ развитыми мышцами можетъ удерживать одинъ и тотъ же грузъ гораздо дольше, чѣмъ слабосильный субъектъ, хотя бы волевая энергія у послѣдняго была значительно больше. Поэтому намъ кажется, что прежде, чѣмъ приступать къ данному опыту, необходимо установить для каждаго испытуемаго такой максимальный грузъ, который онъ могъ бы безъ всякаго утомленія поднять нѣсколько разъ подрядъ, и съ этимъ грузомъ уже произвести описанный выше опытъ. Подобную же поправку можно ввести и въ опыты съ умственной работой.

Другимъ моментомъ, требующимъ значительнаго напряженія волевого усилія, является обыкновенно начало всякой работы, въ особенности трудной и скучной, или же новой и для насъ непривычной. Для того чтобы вывести какой бы то ни было механизмъ изъ состоянія покоя и привести его въ дѣйствіе, требуется бо́льшая затрата энергіи, нежели для того, чтобы продолжать рядъ уже начатыхъ движеній. Положеніе это вполнѣ примѣнимо и къ человѣческой работѣ, какъ умственной, такъ и физической.—Наконецъ, усиліе необходимо и въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится заставить себя подвергнуться какимъ-либо непріятнымъ ощущеніямъ; всякій знаетъ, какъ трудно утромъ встать съ постели въ холодной комнатѣ, какъ жутко входить въ холодную воду во время купанья и т. д.

Что касается внѣшнихъ, физіологическихъ проявленій волевого усилія, то однимъ изъ наиболѣе частыхъ признаковъ его является характерное сокращеніе мышцъ вокругъ рта. „Благодаря сокращенію круговой мышцы рта, а также mm. incisivi, губы плотно сжаты, причемъ красные края губъ завернуты внутрь; вмѣстѣ съ этимъ нижняя губа, благодаря дѣйствію мышцъ, поднимающихъ подбородокъ, энергически прижимается къ верхней, вслѣдствіе чего середина нижней губы кажется приподнятой и появляются двѣ складки или углубленія, которыя, начинаясь въ серединѣ нижней губы, спускаются отсюда прямолинейно въ обѣ стороны, въ направленіи кнаружи и книзу, подобно сторонамъ тупоугольнаго треугольника“ (37). Эти, чрезвычайно характерныя, по мнѣнію Пидерита, складки сопровождаются стискиваніемъ зубовъ (сокращеніе жевательныхъ мышцъ), а также фиксаціей всей головы (напряженіе шейныхъ и затылочныхъ мышцъ) и въ особенности глазъ въ направленіи того объекта, который въ данную минуту занимаетъ человѣка. Происхожденіе всѣхъ только

что описанныхъ мимическихъ движеній названный авторъ объясняетъ тѣмъ, что при всякомъ, сколько-нибудь энергическомъ напряженіи воли волевой импульсъ распространяется не только на тѣ мышечныя группы, которыя подлежатъ сокращенію, но также и на другія, побочныя. Сокращеніе этихъ побочныхъ группъ и образуетъ мимику волевого усилія.

Надо помнить, что здѣсь рѣчь идетъ именно о волевомъ усиліи, а не только объ интенсивномъ напряженіи мышцъ. Описанныя характерныя складки рта наблюдаются при всякой трудной работѣ, „будетъ ли трудность ея состоять въ значительной затратѣ (мышечной) энергіи, или въ особенной тщательности и осторожности; онѣ могутъ развиться одинаково какъ у кузнецовъ, такъ и у вязальщицъ, какъ у дровосѣка, такъ и у скульптора. Но у какихъ бы людей вы ихъ ни встрѣтили, можете быть увѣрены, что люди эти всегда выполняютъ свою работу усердно и добросовѣстно". Мало того, та же мимика свойственна всякому энергическому усилію высшаго, духовнаго порядка: „Галилея, бормотавшаго свое знаменитое: „e pur se muove"! можно представить себѣ только съ плотно сжатымъ ртомъ и стиснутыми зубами" (37).

Впрочемъ, усиленное, напряженное мышленіе сопровождается часто также другимъ мимическимъ проявленіемъ, именно поперечными складками на лбу. Происхожденіе ихъ объясняется тѣмъ, что, размышляя усиленно о какомъ-нибудь объектѣ, человѣкъ, часто незамѣтно для самаго себя, широко раскрываетъ глаза, какъ бы стараясь представить себѣ этотъ предметъ возможно яснѣе. При этомъ, въ помощь мускулу, поднимающему верхнее вѣко, начинаетъ дѣйствовать также и лобная мышца, благодаря чему лобъ покрывается поперечными складками. Если сюда присоединяется еще вертикальная складка, являющаяся признакомъ неудовольствія, то это указываетъ, что умственная работа слишкомъ тяжела, непріятна, и результаты ея не удовлетворяютъ человѣка.

Возбудителями положительнаго волевого усилія являются обыкновенно какія-нибудь отдаленныя цѣли и побужденія, для осуществленія которыхъ недостаточна та дѣятельность, которую данный человѣкъ обычно проявляетъ. Съ другой стороны, всякія препятствія, лишенія и трудности, если только они не настолько велики, чтобы подавить всякую энергію у даннаго лица, представляютъ изъ себя какъ разъ ту обстановку, среди которой волевая энергія его должна проявиться особенно ярко. Избалованные дѣти, никогда не встрѣчающія препятствій для выполненія своихъ прихотей и желаній, дѣлаются обыкновенно впослѣд-

ствіи слабыми и безвольными людьми, неспособными къ сколько-нибудь энергичному усилію. Однако, чрезмѣрная нищета и постоянныя гоненія также могутъ въ концѣ концовъ парализовать волю, выработавши изъ человѣка забитаго и совершенно пассивнаго выполнителя чужихъ желаній. Здѣсь мы какъ разъ встрѣчаемся съ тѣмъ случаемъ, когда обстоятельство, возбуждающее извѣстную наклонность, будучи черезчуръ сильно выражено, служитъ уже, наоборотъ, препятствіемъ для развитія этой наклонности.

Что касается анатомо-физіологическаго коррелата разбираемаго нами качества, то существованіе извѣстной зависимости между степенью моральной энергіи и общимъ благосостояніемъ организма не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Всѣ тѣ, уже неоднократно нами упоминавшіяся причины, которыя ведутъ за собой физическое истощеніе организма, понижаютъ обыкновенно и волевую энергію человѣка. Когда мы черезчуръ сильно утомлены, то никакіе мотивы и побужденія не въ состояніи заставить насъ сдѣлать надъ собой сколько-нибудь значительное усиліе. Однако, не слѣдуетъ также и преувеличивать той роли, которую играетъ общее физическое здоровье въ развитіи сознательнаго волевого усилія. Люди зрѣлаго и преклоннаго возраста отличаются обыкновенно большей твердостью воли, чѣмъ пылкая молодежь, а между тѣмъ здоровье у нихъ уже далеко не то, что было въ юности. Пословицѣ „здоровый умъ въ здоровомъ тѣлѣ“ можно противопоставить изреченіе: „духъ бодръ, плоть же немощна“. Аскеты и подвижники, подвергая свое тѣло всяческимъ лишеніямъ и истощая его иногда до послѣдней степени, въ то же время достигали нерѣдко высокой духовной мощи. Переводя все это на физіологическій языкъ, приходится заключить, что дѣятельность мозговой коры (по крайней мѣрѣ, тѣ стороны этой дѣятельности, которыя служатъ коррелатомъ волевого усилія) является до извѣстной степени независимой какъ отъ общаго питанія организма, такъ и отъ состоянія низшихъ, спинномозговыхъ и подкорковыхъ центровъ.

Связи и отношенія. Въ одномъ изъ предыдущихъ параграфовъ мы уже видѣли, что способность къ положительному волевому усилію является родственной по отношенію къ способности задержки. Подобно этой, послѣдней, она возникаетъ лишь на высокихъ ступеняхъ развитія психической жизни, когда имѣется уже цѣлый рядъ другихъ, болѣе низкихъ качествъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы появилось сознательное волевое, усиліе, необходима прежде всего наличность сознанія

(иначе у насъ будетъ сложное инстинктивное или автоматическое дѣйствіе), затѣмъ представленіе о мотивахъ, способность испытывать связанныя съ этимъ представленіемъ чувства, наконецъ, наличность тѣхъ интеллектуальныхъ или эмоціональныхъ процессовъ, теченіе которыхъ должно быть измѣнено путемъ вмѣшательства волевого усилія. Всѣ эти разнообразныя проявленія душевной жизни могутъ встрѣчаться и при отсутствіи волевого усилія (напр., въ случаяхъ нормальнаго и патологическаго безволія), тогда какъ это послѣднее безъ нихъ совершенно немыслимо.

Извѣстная степень развитія чувствованій необходима, такъ какъ атрофія эмоціональной жизни ведетъ къ полному равнодушію, къ совершенному отсутствію всякихъ желаній: вмѣстѣ же съ прочими желаніями исчезаютъ и тѣ отдаленные мотивы, которые заставляютъ человѣка напрягать свою волю. Однако, черезчуръ сильныя, страстныя чувства едва ли необходимы въ данномъ случаѣ, такъ какъ страстные люди рѣдко обладаютъ твердостью воли. Общая веселость, хорошее настроеніе, вытекающее изъ общаго благосостоянія организма, способствуютъ обыкновенно (хотя и не всегда,—см. выше) росту психической активности; печальное настроеніе дѣйствуетъ, наоборотъ, парализирующимъ образомъ. Что же касается дѣйствія отдѣльныхъ чувствъ, то здѣсь все зависитъ отъ ихъ содержанія: нѣкоторыя непріятныя, мучительныя чувствованія (напр., опасеніе, стыдъ, негодованіе и др.) способны возбудить нашу моральную энергію въ гораздо большей степени, чѣмъ какія бы то ни было пріятныя эмоціи.

Изъ качествъ, относящихся къ волевой сферѣ и близко связанныхъ съ разбираемой нами наклонностью, слѣдуетъ упомянуть способность къ принятію рѣшенія, а также самостоятельность, сопротивляемость постороннимъ воздѣйствіямъ. Слабые, безвольные люди зависятъ обыкновенно всецѣло отъ окружающей среды и ея воздѣйствій, не будучи въ состояніи постороннимъ вліяніямъ противопоставить свои собственныя, опредѣленныя рѣшенія и намѣренія. Наоборотъ, способность къ волевому усилію не только даетъ возможность одному какому-нибудь рѣшенію восторжествовать надъ всѣми остальными, но и придаетъ обыкновенно этому рѣшенію гораздо большую устойчивость и продолжительность, чѣмъ это бываетъ у людей слабыхъ. — О томъ, что мышечное напряженіе не тождественно съ волевымъ усиліемъ, уже говорилось выше. Рѣзкимъ примѣромъ того, до какой степени развитіе мускула-

туры не идетъ параллельно со степенью разбираемаго нами качества, могутъ служить Наполеонъ и А. Дюма. Первый—маленькаго роста, блѣдный, худощавый и, тѣмъ не менѣе, полный неистощимой энергіи; второй — здоровякъ, высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія, отличался, наоборотъ, мягкимъ и нерѣшительнымъ характеромъ (13).

Продолжительность волевого усилія (настойчивость).

Опредѣленіе качества. Всякое волевое усиліе, будетъ ли оно направлено на задержку или усиленіе тѣхъ или иныхъ психическихъ процессовъ, продолжается въ теченіе извѣстнаго времени, затѣмъ ослабѣваетъ и прекращается. Бываютъ случаи, когда прекращеніе усилія обусловливается тѣмъ, что въ немъ просто миновала надобность: иногда достаточно бываетъ короткаго, но энергичнаго напряженія, чтобы направить свою дѣятельность въ извѣстную сторону, послѣ чего она уже сама собой продолжаетъ идти въ томъ же направленіи. Однако, въ другихъ случаяхъ, когда работа тяжела и непривлекательна, когда постороннія, мѣшающія впечатлѣнія и мысли неотвязно тѣснятся у порога сознанія, является потребность въ длительномъ, болѣе или менѣе непрерывномъ напряженіи волевого усилія. Опытъ намъ показываетъ, что длительность эта у разныхъ лицъ весьма различна, и что она далеко не всегда идетъ параллельно первоначальной силѣ волевого импульса: нерѣдки случаи, когда человѣкъ бываетъ способенъ къ чрезвычайно энергичному усилію надъ собой, но только подъ однимъ условіемъ,—чтобы усиліе это не долго длилось. Явленіе это настолько обычно, что приводить какіе-либо примѣры намъ кажется излишнимъ.

Здѣсь можетъ возникнуть слѣдующій вопросъ: нужно ли выдѣлять продолжительность волевого усилія въ качествѣ самостоятельной наклонности и не слѣдуетъ ли просто соединить ее съ продолжительностью чувствованій? Вѣдь всякое волевое усиліе возбуждается, какъ мы уже видѣли, извѣстными отдаленными мотивами; сила же и устойчивость этихъ мотивовъ зависитъ отъ того, насколько сильны и устойчивы чувства, входящія въ составъ ихъ. Такимъ образомъ, продолжительность и устойчивость чувства является, въ концѣ концовъ, причиной, заставляющей насъ въ теченіе долгаго времени неуклонно напрягать свою волевую энергію для достиженія той или иной отдаленной цѣли. Все это, конечно, вѣрно: между названными двумя качествами существуетъ,

несомнѣнно, тѣсная причинная или, можетъ быть, родственная зависимость. Однако, намъ все же казалось нелишнимъ разсмотрѣть каждое изъ нихъ отдѣльно: раздѣленіе всегда способствуетъ болѣе точному изученію предмета. Но если бы дальнѣйшія наблюденія убѣдили насъ въ томъ, что названныя качества всегда и неразрывно связаны другъ съ другомъ, то, конечно, придется соединить ихъ въ одно цѣлое.

Проявленія качества прямо вытекаютъ изъ его опредѣленія, они заключаются въ томъ, что человѣкъ, начавшій съ энергіей трудное дѣло, съ такой же энергіей доводитъ его до конца, хотя обстоятельства все время остаются неблагопріятными; или же въ томъ, что онъ мужественно и въ теченіе долгаго времени переноситъ какія-нибудь жестокія страданія, ни разу не измѣняя себѣ и не впадая въ малодушіе. Иногда проявленія волевого усилія обнаруживаются не все время съ одинаковой силой, но какъ бы толчками, періодически, то ослабѣвая, то опять повышаясь. Человѣкъ какъ бы поддается на нѣсколько моментовъ дѣйствію враждебныхъ обстоятельствъ, но затѣмъ снова и снова подбадриваетъ себя и въ результатѣ все же выполняетъ свою роль до конца. Является ли этотъ второй родъ проявленій признакомъ менѣе устойчивой воли, чѣмъ первый? Дальнѣйшія наблюденія должны рѣшить намъ этотъ вопросъ.

О степени развитія даннаго качества мы судимъ по тому, насколько трудны были обстоятельства и какъ долго длилось усиліе. Необходимо всякій разъ принимать во вниманіе оба эти фактора, такъ какъ подсчитываніе времени само по себѣ въ данномъ случаѣ еще ничего не говоритъ. Никто не назоветъ настойчивымъ человѣкомъ коммерсанта, который бросилъ дѣло спустя мѣсяцъ послѣ его основанія; но настойчивость Васьки Шибанова, который въ теченіе нѣсколькихъ дней, несмотря на страшныя пытки, свято хранилъ тайну своего господина, вызываетъ въ насъ справедливое изумленіе.

Еще нѣсколько словъ объ отношеніи разбираемаго нами качества къ постоянству и устойчивости принятыхъ рѣшеній. Продолжительность волевого усилія, конечно, способствуетъ тому, что рѣшеніе, однажды принятое, будетъ въ теченіе всего послѣдующаго времени руководить поступками даннаго лица. Однако, обратный выводъ не всегда бываетъ справедливымъ: рѣшеніе можетъ оставаться неизмѣннымъ, а однако энергія, сильная вначалѣ, можетъ быстро изсякнуть и нашъ „рыцарь на часъ“, несмотря на все свое самобичеваніе, не можетъ болѣе

принудить себя слѣдовать тѣмъ благочестивымъ завѣтамъ, которые онъ съ такимъ жаромъ принялъ наканунѣ.

Чувство собственной личности (произвольность душевныхъ процессовъ).

Опредѣленіе наклонности. Большинство психологовъ строго различаютъ въ понятіи личности или субъекта двѣ стороны или два элемента, далеко не равныхъ, какъ по своему объему, такъ и по своему значенію: представленіе о своемъ „я“ и чувство своего „я“. Представленіе о собственной личности по своему содержанію измѣнчиво и неопредѣленно; его можно понимать или въ узкомъ или, наоборотъ, въ очень широкомъ смыслѣ слова. Въ своемъ наиболѣе широкомъ значеніи терминъ этотъ обнимаетъ чрезвычайно обширную группу представленій, которую можно, вмѣстѣ съ Джемсомъ (24), раздѣлить на три класса: 1) физическая личность, 2) соціальная личность и 3) духовная личность.

Въ понятіе физической личности входитъ, прежде всего, наше тѣло, то-есть, вся та совокупность ощущеній (зрительныхъ, осязательныхъ, болевыхъ и др.), которая образуетъ въ моемъ сознаніи представленіе о моемъ тѣлѣ. Затѣмъ—все то, что служитъ къ поддержанію моей тѣлесной организаціи: платье, жилище, имущество, необходимые предметы обихода, привычная пища и т. д. Соціальная личность, это—моя репутація, мнѣніе, сложившееся обо мнѣ у другихъ людей. Добрая или худая слава, честь моего имени, болѣе или менѣе громкая популярность, всѣ эти сложныя группы представленій объединяются какъ въ моемъ сознаніи, такъ и въ сознаніи другихъ людей, образуя вполнѣ опредѣленное цѣлое, тѣсно связанное съ представленіемъ о моей личности.

Наконецъ, наше понятіе о себѣ, какъ о духовной личности, складывается изъ всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы пріобрѣли путемъ самонаблюденія. Все, что мы знаемъ о своихъ собственныхъ качествахъ и способностяхъ, привычкахъ и склонностяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ, все это соединяется въ нашемъ сознаніи, образуя наше духовное „я“. При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, оказывается, что нѣкоторые душевные процессы (а слѣдовательно, и наклонности, лежащія въ ихъ основѣ), представляются намъ болѣе тѣсно связанными съ нашимъ „я“, чѣмъ другіе; такъ, напр., большинство нашихъ желаній и стремленій ближе стоятъ къ центру личности, чѣмъ ощущенія и воспріятія.

Наиболѣе же интимною частью своей личности, ядромъ ея человѣкъ склоненъ, повидимому, считать проявленія психической активности, поскольку они сказываются въ произвольной задержкѣ или въ произвольномъ усиленіи различныхъ душевныхъ процессовъ.

Вотъ тѣ три группы явленій, изъ которыхъ складывается представленіе о нашей личности. Этому „эмпирическому я“ или „познаваемому элементу личности“ Джемсъ противопоставляетъ „познающій элементъ личности“. Дѣло идетъ здѣсь не о какой-либо метафизической сущности, а скорѣе о „чувствѣ личнаго тожества“, о постоянномъ сознаніи той взаимной функціональной связи, которая соединяетъ всѣ мои душевные процессы, когда бы и при какихъ бы условіяхъ они ни совершались. Въ томъ же духѣ высказывается и Вундтъ (27): подъ „я“ слѣдуетъ разумѣть „чувство связи всего того, что переживаетъ индивидуумъ въ своемъ душевномъ мірѣ, чувство, а не представленіе, какъ оно сплошь да рядомъ называется“. Это чувство, по словамъ названнаго автора, „особенно тѣсно соединяется съ чувствомъ дѣятельности, сопровождающимъ всякое проявленіе роли, но, кромѣ того, распространяется на всю совокупность содержаній сознанія, вслѣдствіе упомянутыхъ отношеній проявленій воли къ другимъ его элементамъ“ [1]).

Въ настоящемъ параграфѣ мы будемъ имѣть въ виду именно это „чувство личности“. Представленіе о нашемъ „я“ всегда отличается, какъ мы это уже видѣли, большимъ разнообразіемъ и неопредѣленностью. Кромѣ того, оно принадлежитъ по своему содержанію, главнымъ образомъ, къ интеллектуальной сферѣ, такъ какъ въ составъ его входятъ почти исключительно воспоминанія о тѣхъ впечатлѣніяхъ и внутреннихъ переживаніяхъ, которыя были испытаны нами ранѣе. Между тѣмъ, мы поставили себѣ задачей разобрать только тѣ наклонности, которыя непосредственно относятся къ области волевыхъ и эмоціональныхъ процессовъ. Чувство же личности представляетъ изъ себя нѣчто простое, во всѣхъ случаяхъ однородное и, кромѣ того, какъ на это указываютъ всѣ авторы, въ особенности тѣсно связанное съ чувствомъ активности (resp. способностью къ сознательному волевому усилію), составляющимъ ядро волевого процесса. Въ то же время оно не вполнѣ тождественно съ этимъ послѣднимъ. Н. О. Лосскій въ своей книгѣ, уже цитированной нами выше (16), справедливо указываетъ на то, что „каждый изъ элементовъ волевого

[1]) См. также интересную брошюру Липпса, въ которой вопросы эти подвергнуты чрезвычайно подробному обсужденію (63).

акта, именно большинство стремленій, чувствованіе активности и большинство перемѣнъ могутъ встрѣчаться также въ сознаніи какъ не мои, какъ данныя мнѣ состоянія сознанія". Поэтому намъ казалось болѣе правильнымъ разсмотрѣть чувство личности отдѣльно, выдѣливши его въ качествѣ особой, самостоятельной основной наклонности.

Остается еще одинъ важный вопросъ: представляетъ ли разбираемое нами качество значительныя индивидуальныя колебанія у различныхъ людей? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить утвердительно. Правда, полное отсутствіе чувства личности едва ли можно встрѣтить у взрослаго человѣка, живущаго сознательной жизнью и не страдающаго душевнымъ разстройствомъ. Тамъ гдѣ есть сознаніе, необходимо должно быть, хотя бы въ минимальной степени, также и чувство связи, существующей между всѣми процессами, совершающимися въ этомъ сознаніи. Однако, степень развитія этого чувства у разныхъ людей далеко не одинакова. Опытъ повседевной жизни показываетъ намъ, что нѣкоторые люди очень часто на время какъ бы забываютъ о своемъ „я", совершенно не чувствуютъ его, будучи всецѣло поглощены какими-нибудь внѣшними, посторонними впечатлѣніями. Можно, конечно, утверждать, что активная, связующая дѣятельность сознанія продолжаетъ у нихъ дѣйствовать и въ эти моменты съ такой же силой, какъ и прежде,—но за то чувство собственной личности исчезло или, по крайней мѣрѣ, понизилось до крайняго предѣла. У другихъ лицъ, наоборотъ, чувство это развито въ чрезвычайной степени: какъ бы ни были сильны и захватывающи внѣшнія впечатлѣнія, люди эти никогда не забываютъ о своемъ „я", всегда удѣляя ему часть своего вниманія.

Прямыхъ, непосредственныхъ внѣшнихъ проявленій данной наклонности у насъ почти не имѣется. Приходится довольствоваться тѣмъ немногимъ, что можетъ сообщить намъ о своихъ душевныхъ переживаніяхъ само наблюдаемое лицо. А такъ какъ самонаблюденіе—вещь нелегкая, то даже при полной готовности и откровенности со стороны наблюдаемыхъ лицъ разсказы ихъ все же не могутъ считаться особенно надежнымъ источникомъ. Такимъ косвеннымъ признакамъ, какъ болѣе или менѣе частое пользованіе личнымъ мѣстоименіемъ „я", также нельзя придавать особаго значенія. Извѣстно, что дѣти, уже хорошо зная личное мѣстоименіе, нерѣдко все таки не пользуются имъ и предпочитаютъ называть себя по имени. Нѣчто подобное (хотя, конечно, въ гораздо болѣе сложномъ видѣ) наблюдается иногда и у взрослыхъ. Болѣе надежнымъ проявленіемъ можетъ служить, пожалуй,

тотъ фактъ, когда человѣкъ постоянно говоритъ о себѣ, когда во всѣхъ его разсказахъ собственная его личность (иногда даже безъ особеннаго намѣренія съ его стороны) какъ-то всегда оказывается на первомъ планѣ. Однако, и этотъ признакъ чаще всего говоритъ о самомнѣніи, которое далеко не всегда необходимо сопутствуетъ развитому чувству личности.

Существуетъ еще одинъ косвенный путь для опредѣленія того, насколько развито чувство личности у наблюдаемаго человѣка. Это—наблюденіе надъ степенью произвольности его движеній и всѣхъ вообще его поступковъ. Чувство личности, какъ мы уже видѣли, испытывается живо во время всякаго волевого усилія, будетъ ли это послѣднее направлено на нашу двигательную сферу или на теченіе нашихъ мыслей и чувствованій. При этомъ всегда ясно ощущается сознаніе произвольности нашихъ дѣйствій, зависимости ихъ отъ нашего „я“. Объективными же доказательствами произвольности дѣйствій являются разные косвенные и сопутствующіе признаки: ясное и отчетливое сознаніе цѣли, къ которой человѣкъ стремится, возможность измѣнять и направлять свои дѣйствія согласно заранѣе высказанному намѣренію, возможность по произволу задерживать ихъ. Не трудно замѣтить, что признаки эти представляютъ изъ себя, въ сущности, лишь проявленія всѣхъ тѣхъ, уже разобранныхъ нами наклонностей, которыя такъ или иначе связаны со способностью къ волевому усилію. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, если мы примемъ во вниманіе тѣсную зависимость между напряженіемъ волевого усилія и чувствомъ личности.

Особенно значительной степени развитія достигаетъ чувство личности въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ, напримѣръ, въ состояніи маніакальнаго возбужденія. „Повышенное самочувствіе“ является здѣсь, какъ извѣстно, однимъ изъ важнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ симптомовъ болѣзни. Больной чрезвычайно охотно и много говоритъ о себѣ, о своемъ могуществѣ, о своемъ прекрасномъ самочувствіи, о тѣхъ огромныхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ, и грандіозныхъ предпріятіяхъ, которыя онъ намѣренъ осуществить и т. д. Въ другихъ патологическихъ состояніяхъ чувство личности бываетъ, наоборотъ, значительно подавлено, причемъ нерѣдко измѣняется и самое представленіе о собственной личности (случаи такъ называемаго расчлененія сознанія, раздвоенія личности и т. д.). Подробное изложеніе этой чрезвычайно интересной и въ настоящее время уже значительно разработанной главы изъ психіатріи завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону.

Возбудители наклонности и ея измѣняемость. Развитіе самосознанія идетъ отъ низшихъ ступеней къ высшимъ, отъ ощущеній, исходящихъ изъ различныхъ частей тѣла, къ чувству единства и связи всѣхъ процессовъ, совершающихся въ сознаніи. Первыми возбудителями, вызывающими представленіе о собственной личности, являются чувство боли и перемѣны, производимыя ребенкомъ въ окружающей средѣ. По наблюденіямъ Прейера, до конца 1-го года ребенокъ еще не отличаетъ своего тѣла отъ окружающихъ объектовъ: дергаетъ свои пальцы, какъ посторонніе предметы, кусаетъ свое плечо, предлагаетъ сухарь своей стопѣ. На 32-й недѣлѣ наблюдаемый Прейеромъ ребенокъ взялъ рукой большой палецъ ноги и потащилъ его себѣ въ ротъ. Даже на 19-мъ мѣсяцѣ этотъ же ребенокъ на требованіе отца: „подай ногу!“ бралъ ее обѣими руками, какъ постороннее тѣло. Вообще, повидимому, въ первые годы жизни представленіе о личности совершенно отсутствуетъ. Что же касается чувства личности, то мы почти совершенно не имѣемъ данныхъ для сужденія о томъ, какъ и когда оно развивается. Только судя по тому, что способность къ волевому усилію возникаетъ сравнительно очень поздно, можно думать, что и разобранная нами наклонность развивается значительно позже, нежели большинство другихъ душевныхъ качествъ.

Что же касается анатомо-физіологическаго коррелата самосознанія, то несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи большую роль играютъ ощущенія общаго чувства и въ частности— осязательныя и мышечныя ощущенія. Были случаи, когда потеря чувствительности во всемъ тѣлѣ или въ большей его части вызывала у больного потерю чувства личности; больной говорилъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, утверждалъ, что онъ умеръ, что его не существуетъ болѣе и т. д. Съ другой стороны, повышенное самочувствіе у прогрессивныхъ паралитиковъ зависитъ, по мнѣнію Штерринга, въ значительной степени именно отъ того, что воспалительный процессъ раздражаетъ центральныя извилины, въ которыхъ локализуются мышечныя и тактильныя ощущенія всего тѣла (42). Намъ кажется, однако, что было бы большой ошибкой считать дѣятельность этихъ извилинъ единственнымъ коррелатомъ чувства личности. Скорѣе надо предположить въ данномъ случаѣ совмѣстное, одновременное дѣйствіе различныхъ участковъ коры, а можетъ быть, и подкорковыхъ центровъ. Вѣдь качество, разбираемое нами, именно въ томъ и состоитъ, что цѣлый рядъ процессовъ, совершающихся въ моемъ сознаніи; воспріятія, воспоминанія, различнаго рода аффекты и эмоціи, въ особенности

же такіе сложные процессы, какъ волевые, — связываются въ одно цѣлое, чувствуются принадлежащими моему „я“, моей личности. Поэтому и локализація даннаго качества въ одномъ ограниченномъ участкѣ мозговой коры едва ли представляется возможной.

Связи и отношенія. Прежде всего является вопросъ, насколько тѣсно связаны между собой представленіе о личности и чувство личности. Развитіе ихъ, повидимому, не всегда идетъ параллельно. Наиболѣе точное представленіе о своемъ „я“, о своихъ наклонностяхъ и способностяхъ имѣютъ, повидимому, люди, привыкшіе къ самоанализу и самонаблюденію. Такія лица отличаются обыкновенно извѣстной пассивностью, такъ какъ продолжительное самоуглубленіе отвлекаетъ человѣка отъ энергичной борьбы съ окружающими его жизненными невзгодами. Между тѣмъ, чувство собственной личности находится, какъ мы уже видѣли, въ самой тѣсной связи именно съ волевыми процессами. Положительное или задерживающее волевое усиліе—вотъ тотъ актъ, при которомъ собственное „я“ чувствуется всего сильнѣе. Человѣкъ энергичный и дѣятельный часто ошибается въ оцѣнкѣ своего характера и, слѣдовательно, его представленіе о собственной личности часто бываетъ неправильнымъ. Но за то онъ твердо знаетъ, чего ему хочется, ясно и отчетливо всякій разъ чувствуетъ, насколько симпатичны или несимпатичны, близки или чужды ему явленія окружающей его жизни. И когда онъ всѣми силами своей души реагируетъ на эти внѣшнія раздраженія, собственное „я“ чувствуется имъ съ необыкновенной живостью. Такимъ образомъ, повторяемъ, развитіе представленія о собственной личности далеко не всегда идетъ параллельно съ развитіемъ чувства личности. Тѣмъ не менѣе, извѣстной зависимости между этими двумя качествами все же, повидимому, нельзя отрицать.

Далѣе, чувство личности является высшимъ по отношенію къ цѣлому ряду другихъ душевныхъ качествъ. Такъ, напримѣръ, чтобы движеніе было произвольно, необходимо уже заранѣе имѣть представленіе какъ объ этомъ движеніи, такъ и о его послѣдствіяхъ, желать этихъ послѣдствій, наконецъ, быть способнымъ, хотя бы въ слабой степени, къ положительному волевому усилію. Между тѣмъ, обратнаго отношенія не существуетъ: движеніе, желаніе и даже волевое усиліе далеко не всегда сопровождаются чувствомъ моего „я“ и могутъ протекать въ сознаніи, какъ „не мои“ (см. выше) (16). Въ то же время, произвольность движеній не стоитъ ни въ какой связи съ ихъ

координаціей: иногда намъ удается мимоходомъ, нечаянно совершить какое-нибудь очень ловкое сложное движеніе, но когда мы затѣмъ пытаемся повторить его еще разъ, уже нарочно, то оно у насъ никакъ не выходитъ.

Въ области эмоцій чувство личности связано особенно тѣсно со всѣми идейными чувствованіями, имѣющими объектомъ наше собственное „я": самолюбіе, самомнѣніе, самоувѣренность, властолюбіе, гордость и т. д. Эгоизмъ, въ смыслѣ заботы о своихъ интересахъ въ ущербъ интересамъ другихъ людей, также усиливаетъ чувство личности, хотя, кажется, и не въ такой мѣрѣ, какъ вышеупомянутыя эмоціи. Наконецъ, сопротивляемость внѣшнимъ вліяніямъ, къ разсмотрѣнію который мы сейчасъ перейдемъ, также находится, повидимому, въ очень тѣсной связи съ чувствомъ личности.

Степень сопротивляемости внѣшнимъ вліяніямъ (самостоятельность — внушаемость).

Опредѣленіе наклонности. Когда взрослый человѣкъ, обладающій опредѣленными, установившимися взглядами и стремленіями, составляетъ себѣ сужденіе относительно какого-либо событія или рѣшаетъ, какъ ему необходимо дѣйствовать въ данномъ случаѣ, то онъ можетъ при этомъ пользоваться совѣтами и указаніями другихъ лицъ, принимая ихъ въ качествѣ руководства для своего собственнаго поведенія. Но изъ всѣхъ этихъ совѣтовъ онъ выбираетъ, главнымъ образомъ, то, что согласуется съ его собственными руководящими мыслями и намѣреніями, оставляя безъ вниманія или подвергая измѣненіямъ все остальное.

Однако, далеко не всѣ люди обладаютъ въ одинаковой степени такою самостоятельностью въ составленіи и принятіи своихъ рѣшеній. Очень часто бываетъ такъ, что человѣкъ усваиваетъ чужія мнѣнія и выполняетъ чужіе совѣты цѣликомъ, безъ всякой переработки, совершенно независимо отъ того, насколько они соотвѣтствуютъ его влеченіямъ и потребностямъ. Нерѣдко даже важныя рѣшенія принимаются исключительно благодаря тому, что услужливый пріятель, а то и совсѣмъ посторонній человѣкъ во время успѣлъ подсказать ихъ, улучивъ для этого подходящій моментъ. Для очень и очень многихъ людей мнѣніе общества, друзей, даже вообще всякое чужое мнѣніе, высказанное авторитетно и настойчиво, обладаетъ неотразимою силой; ихъ собственныя желанія стушевываются передъ нимъ, и прежнее рѣ-

шеніе, какъ бы благоразумно оно ни было, уступаетъ мѣсто новому, иногда совершенно не отвѣчающему интересамъ, потребностямъ и желаніямъ даннаго лица.

Проявленія. Бо́льшая или меньшая сопротивляемость внѣшнимъ вліяніямъ является качествомъ, чрезвычайно важнымъ для всей душевной жизни человѣческаго индивидуума, а поэтому и обнаруживается въ цѣломъ рядѣ сложныхъ проявленій. Такъ, значительная сопротивляемость ведетъ или къ образованію сознательной самостоятельности мнѣній и поступковъ, или къ тупому, ограниченному упрямству; отсутствіе же сопротивляемости порождаетъ внушаемость, подражательность и легковѣріе. Разберемъ вкратцѣ каждое изъ этихъ проявленій.

Сознательной самостоятельностью называютъ обыкновенно тѣ случаи, когда человѣкъ, отвергая чужое мнѣніе или чужой совѣтъ, можетъ болѣе или менѣе подробно мотивировать свой отказъ, можетъ указать, какимъ именно основнымъ его стремленіямъ и намѣреніямъ противорѣчило отвергнутое имъ предложеніе. Такимъ образомъ, въ составъ даннаго проявленія, кромѣ сопротивляемости внѣшнимъ воздѣйствіямъ, входятъ также способность къ обдумыванію своихъ поступковъ (см. ниже) и наличность высшихъ, руководящихъ идей и стремленій. Сознательная твердость по отношенію къ чужимъ воздѣйствіямъ возможна для меня только въ томъ случаѣ, если я имѣю свои завѣтныя цѣли и заранѣе обдумалъ всѣ тѣ средства, которыя могутъ вести къ ихъ достиженію. Въ такихъ непреклонныхъ борцахъ за убѣжденіе, какъ Галилей или И. Гусъ, мы удивляемся не только ихъ стойкости и твердости по отношенію ко всякимъ угрозамъ и увѣщаніямъ, но также строгой послѣдовательности взглядовъ, широкому кругозору и цѣльности ихъ міросозерцанія.

Надо сказать, впрочемъ, что ясное, вполнѣ отчетливое сознаніе конечныхъ цѣлей, а также подробная мотивировка своихъ рѣшеній не всегда бываютъ здѣсь выражены въ одинаковой мѣрѣ. Иногда человѣкъ, отвергающій какое-нибудь предложеніе, не въ состояніи бываетъ объяснить намъ, что именно въ этомъ предложеніи ему не нравится; онъ только смутно, инстинктивно чувствуетъ, что здѣсь что-то не такъ, что предлагаемый образъ дѣйствій противорѣчитъ важнѣйшимъ его стремленіямъ. И обстоятельства показываютъ затѣмъ, что онъ былъ правъ. Въ такихъ случаяхъ мы, конечно, также, не имѣемъ права говорить о безсмысленномъ упорствѣ: процессъ оцѣнки происходитъ здѣсь такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, и ведетъ къ тѣмъ же результа-

тамъ, только онъ не вполнѣ и не во всѣхъ своихъ частяхъ съ одинаковой ясностью доходитъ до сознанія.

Надо, кромѣ того, имѣть въ виду, что, опредѣляя у какого-нибудь человѣка степень сопротивляемости внѣшнимъ вліяніямъ, не слѣдуетъ особенно полагаться на его собственныя заявленія. Люди вообще мало способны къ самонаблюденію и очень часто ошибаются въ оцѣнкѣ своего характера, особенно когда дѣло идетъ о такихъ почтенныхъ и желательныхъ качествахъ, какъ сознательная стойкость взглядовъ и убѣжденій. Намъ не разъ приходилось наблюдать подобныя ошибки у людей взрослыхъ и вполнѣ интеллигентныхъ. Еще болѣе рѣзко выступаетъ обманчивость самонаблюденія въ тѣхъ случаяхъ, когда внушеніе производится въ состояніи гипноза. Пишущему эти строки не разъ приходилось наблюдать лицъ, у которыхъ во время гипноза легко получались внушенные параличи (невозможность, благодаря запрещенію гипнотизера, двинуть руку, пошевелить пальцемъ, открыть глаза и т. д.) и которыя по пробужденіи заявляли, что имъ просто самимъ не хотѣлось двигаться, что если бы они только захотѣли, то легко могли бы выполнить, несмотря на запрещенія, какое угодно движеніе.

Иногда я въ такихъ случаяхъ просилъ ихъ противиться внушенію какъ можно энергичнѣе и затѣмъ, загипнотизировавши ихъ вторично, повторялъ внушеніе. Несмотря на всѣ усилія, сказывавшіяся въ мимикѣ и покраснѣніи лица, въ сопутствующихъ сокращеніяхъ другихъ мышцъ тѣла, запрещенное движеніе все-таки не удавалось, тогда какъ всѣ остальныя движенія выполнялись безъ всякаго труда. И тѣмъ не менѣе, по пробужденіи больной увѣрялъ, что хотя, конечно, нѣкоторая вялость въ членахъ и наблюдалась, но все же обладаніе всѣми мышцами тѣла находилось, будто бы, въ полномъ его распоряженіи. Подобныя грубыя ошибки, касающіяся такихъ элементарныхъ функцій, какъ произвольныя мышечныя сокращенія, возможны, конечно, только въ гипнозѣ. Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о болѣе сложныхъ и тонкихъ душевныхъ отправленіяхъ, аналогичные факты могутъ быть свойственны людямъ вполнѣ здоровымъ и находящимся въ полномъ обладаніи всѣми своими физическими и духовными силами.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ безусловно видѣть признакъ несамостоятельности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ принимаетъ чужое мнѣніе или чужой совѣтъ цѣликомъ, безъ всякой переработки. Быть можетъ, онъ сдѣлалъ это вполнѣ сознательно. Данный ему совѣтъ могъ оказаться до такой степени подходящимъ, настолько могъ отвѣчать всѣмъ его важнѣйшимъ

стремленіямъ, что переработка его представлялась совершенно излишней. Всѣ эти разнообразныя условія необходимо всякій разъ принять во вниманіе и подробно анализировать.

Другимъ проявленіемъ сопротивляемости по отношенію къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ является упорство или упрямство. Этимъ именемъ обозначаютъ обыкновенно поведеніе человѣка, который, принявши однажды какое-нибудь рѣшеніе, продолжаетъ держаться его даже и въ томъ случаѣ, когда обстоятельства выяснили полную несостоятельность этого рѣшенія и полное несогласіе его съ основными стремленіями дѣйствующаго лица. Упорство можетъ проявляться въ мысляхъ и сужденіяхъ или же въ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Причины, которыя повели (въ прошедшемъ) къ принятію даннаго рѣшенія, могутъ быть самыми различными: случайное стеченіе обстоятельствъ, ошибка, недостаточно внимательное отношеніе къ дѣлу, постороннее внушеніе и т. п. Бываетъ также, что въ моментъ принятія рѣшенія оно болѣе или менѣе соотвѣтствовало обстоятельствамъ, являлось полезнымъ и даже необходимымъ. Но вотъ обстоятельства измѣнились, опытъ показалъ, что прежнія мнѣнія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, что прежній образъ дѣйствій является совершенно непригоднымъ для достиженія намѣченныхъ цѣлей, а человѣкъ все таки продолжаетъ настаивать на своемъ.

Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, не о постоянствѣ основныхъ, руководящихъ точекъ зрѣнія: эти послѣднія вытекаютъ обыкновенно изъ всего характера даннаго лица, изъ всей совокупности его важнѣйшихъ стремленій, и нѣтъ ничего удивительнаго, если онѣ не мѣняются такъ быстро. Но для упрямаго человѣка характерна именно его приверженность къ мелочамъ, его нежеланіе измѣнить хотя бы малѣйшую подробность въ своихъ сужденіяхъ или въ своемъ образѣ дѣйствій. Иногда причиной здѣсь является умственная тупость, ограниченность кругозора, неспособность установить связь между общими, руководящими точками зрѣнія и своимъ поведеніемъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ этомъ смыслѣ справедливо говорятъ о тупости и ограниченности упорныхъ людей. Примѣры такого рода упрямства можно наблюдать у людей неразвитыхъ, а также при нѣкоторыхъ формахъ психическаго разстройства. Въ случаяхъ, очень рѣзко выраженныхъ, даже сознаніе безсмысленности и вреда своихъ дѣйствій не можетъ заставить упорнаго человѣка перемѣнить ихъ. Сознательная твердость не исключаетъ убѣжденія: достаточно показать такому человѣку, что его сужденія или его поведеніе не согласуются съ его же собственными основными взглядами и намѣреніями, и

онъ самъ постарается измѣнить ихъ. На упрямаго же человѣка никакія убѣжденія не дѣйствуютъ.

Такимъ образомъ, въ составъ упорства, кромѣ сопротивляемости чужимъ вліяніямъ, входятъ также: неспособность обдумывать собственные поступки и недостаточное развитіе высшихъ, руководящихъ идей и стремленій. Благодаря этому послѣднему элементу получается явленіе, на первый взглядъ парадоксальное: человѣкъ, отличающійся чрезвычайнымъ упорствомъ, можетъ оказаться въ то же время чрезвычайно податливымъ ко всякимъ внушеніямъ и совѣтамъ, лишь бы только эти внушенія не имѣли видимаго, прямого отношенія къ предмету его упорства. О практическомъ значеніи этого явленія говорить не приходится, такъ какъ съ одной стороны исторія, а съ другой — повседневныя отношенія между начальниками и подчиненными, между мужьями и женами показываютъ, какую пользу изъ него умѣютъ извлекать хитрые люди.

Слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ объ отличіи упрямства отъ рутинности, отъ привычки (въ общепринятомъ значеніи этого слова). Привычка всегда есть нѣчто пассивное; привыкнуть можно какъ къ собственнымъ мыслямъ и дѣйствіямъ, такъ и къ чужимъ, постороннимъ, навязаннымъ извнѣ. Между тѣмъ, въ упорствѣ элементъ активности, элементъ сопротивляемости внѣшнимъ воздѣйствіямъ играетъ ничуть не меньшую роль, чѣмъ въ сознательной, обдуманной твердости характера.

Переходя къ обсужденію внушаемости, мы должны прежде всего отмѣтить, что терминомъ этимъ стали сильно злоупотреблять въ послѣднее время, обозначая имъ нерѣдко такія явленія, которыя не имѣютъ ничего общаго другъ съ другомъ. Понятіе внушаемости было развито первоначально съ цѣлью объяснить психологическимъ путемъ то поразительное вліяніе, которымъ обладаетъ гипнотизеръ по отношенію къ усыпленному имъ субъекту. Такъ какъ нѣкоторые люди подчиняются подобному вліянію не только въ гипнозѣ, но и въ бодрственномъ состояніи, то стали говорить о внѣгипнотическомъ внушеніи. Затѣмъ понятіе это стало быстро расширяться, и въ настоящее время находятся авторы, которые склонны объяснять внушеніемъ чуть ли не всю жизнь человѣческую; воспитаніе есть одно сплошное внушеніе; соціальныя отношенія людей представляютъ изъ себя взаимное ихъ внушеніе по отношенію другъ къ другу; собесѣдникъ, задавшій мнѣ какой-нибудь вопросъ, внушаетъ мнѣ мысль отвѣтить на этотъ вопросъ; оводъ, укусившій мою руку, внуша-

етъ мнѣ потребность смахнуть его и т. д.[1]). Само собою разумѣется, что такое злоупотребленіе терминомъ можетъ только помѣшать выясненію вопроса.

Намъ кажется, что главнымъ элементомъ, характеризующимъ состояніе внушаемости, является пониженная сопротивляемость по отношенію къ постороннимъ воздѣйствіямъ. Какое-нибудь представленіе, сужденіе, желаніе или рѣшеніе вводится насильственнымъ путемъ въ сознаніе человѣка и овладѣваетъ имъ, несмотря на то, что оно совершенно противорѣчитъ его желаніямъ и потребностямъ, его воззрѣніямъ и образу мыслей, наконецъ, даже непосредственному свидѣтельству его органовъ чувствъ. Самъ подвергающійся внушенію субъектъ можетъ не всегда сознавать это противорѣчіе съ одинаковой ясностью, но, тѣмъ не менѣе, оно непремѣнно существуетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые дѣйствительно заслуживаютъ названія внушенія. Руководствуясь подобнымъ взглядомъ на внушаемость, мы уже не рискуемъ впасть въ тѣ ошибки, которыя вытекаютъ изъ чрезмѣрнаго злоупотребленія терминомъ. Однако, и въ этомъ случаѣ понятіе внушенія обнимаетъ собою чрезвычайно обширный кругъ явленій, и намъ необходимо разобраться въ томъ, всѣ ли они имѣютъ одинаковую важность для индивидуальной психологіи.

Прежде всего, насъ здѣсь не могутъ особенно интересовать всѣ случаи собственно гипнотическаго внушенія. Хотя нѣкоторые авторы (напр., Бернгеймъ) и пытались разсматривать гипнозъ какъ обыкновенный сонъ, только наступившій не произвольно, а внушенный извнѣ, — однако, это едва ли такъ. Изслѣдованія другихъ авторовъ[2]) убѣждаютъ насъ скорѣе въ томъ, что гипнозъ представляетъ собою своеобразное состояніе, имѣющее свои особенности какъ въ психологической, такъ и въ физіологической сферѣ. Хотя его и нельзя назвать явленіемъ болѣзненнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, однако онъ слишкомъ мало связанъ со всей остальной душевной жизнью нормальнаго человѣка и поэтому не можетъ войти въ число основныхъ наклонностей. Бо́льшая или меньшая способность поддаваться гипнозу могла бы, пожалуй, еще послужить для насъ своего рода діагностическимъ признакомъ въ томъ случаѣ, если бы было доказано родство ея съ внушаемостью въ бодрственномъ состояніи. Къ сожалѣнію,

---

[1]) Подобное стремленіе чрезмѣрно расширить понятіе внушенія находимъ мы отчасти и въ интересной книжкѣ Б. Сиддиса (64). Подробнѣе о томъ же вопросѣ см. у акад. Бехтерева (65).

[2]) См. между прочимъ, работу Гизе и Лазурскаго (66).

систематическихъ изслѣдованій на этотъ счетъ, сколько намъ извѣстно, еще не имѣется, а практика пока далеко не подтверждаетъ такого предположенія.

Другимъ видомъ внушенія, который также едва ли можетъ пригодиться для индивидуальной психологіи, являются такъ наз. косвенныя внушенія. Извѣстенъ, напр., методъ, предложенный Бинэ (67) и состоящій въ томъ, что испытуемому показываютъ одну за другой цѣлый рядъ прямыхъ горизонтальныхъ линій. Въ началѣ показыванія каждая послѣдующая линія длиннѣе предыдущей, подъ конецъ же длина линій остается неизмѣнной; тѣмъ не менѣе, испытуемый, привыкшій къ постепенному удлиненію линій, продолжаетъ видѣть это удлиненіе даже и тамъ, гдѣ оно уже прекратилось. Вмѣсто линій можно взять кубики или шарики одинаковой величины, но не одинаковаго вѣса, и расположить ихъ въ такомъ же порядкѣ: сначала каждый послѣдующій тяжелѣе предыдущаго, а затѣмъ тяжесть остается неизмѣнной.

Еще болѣе простой опытъ въ томъ же родѣ принадлежитъ Скрипчюру (55). Берутся два шара (или два диска) одинаковаго вѣса, но различной величины: одинъ изъ нихъ значительно больше другого. И вотъ, если ихъ взвѣсить поочередно одной и той же рукой, то большій шаръ всегда кажется замѣтно легче маленькаго. Наиболѣе правдоподобное объясненіе состоитъ здѣсь, повидимому, въ слѣдующемъ. Различная величина шаровъ, сдѣланныхъ изъ одного и того же матеріала, порождаетъ мысль, что большій изъ нихъ долженъ оказаться и болѣе тяжелымъ; а такъ какъ наши мышечныя ощущенія (во время взвѣшиванія) совершенно не соотвѣтствуютъ этому ожиданію, то отсюда и получается впечатлѣніе, что большой шаръ слишкомъ легокъ, легче даже, чѣмъ маленькій.

Всѣ описанные опыты, въ сущности, можно подвести подъ ту схему, которую мы выше признали характерной и неизмѣнной для всякаго внушенія: мысль о томъ, что длина линій и вѣсъ кубиковъ должны непрерывно возрастать, или что большій шаръ долженъ оказаться и болѣе тяжелымъ, чѣмъ меньшій,—твердо овладѣла умомъ испытуемаго и извращаетъ прямыя, непосредственныя показанія его органовъ чувствъ. Однако, здѣсь нѣтъ той навязанности, насильственности, которая бываетъ при типическомъ внушеніи; ложная мысль вводится въ сознаніе косвенно, какъ бы прикрытая, при помощи нѣкоторыхъ воспріятій, которыя сами по себѣ правильны (постепенно увеличивающаяся длина первыхъ линій, различіе въ величинѣ шаровъ). Кромѣ того, весь процессъ внушенія происходитъ здѣсь въ безсознательной сферѣ,

благодаря чему описанные опыты приближаются скорѣе къ иллюзіямъ (напр., къ извѣстнымъ оптическимъ иллюзіямъ), чѣмъ къ внушенію въ собственномъ смыслѣ слова. Особенно рѣзко сказывается это въ опытѣ съ двумя шарами, гдѣ обманчивое ощущеніе не исчезаетъ даже и въ томъ случаѣ, если испытуемый прекрасно знаетъ содержаніе опыта и знаетъ, въ чемъ состоитъ его ошибка.

Такимъ образомъ, опыты съ косвеннымъ внушеніемъ въ сферѣ ощущеній значительно отличаются отъ тѣхъ внушеній, которыя свидѣтельствуютъ о пониженной сопротивляемости чужимъ воздѣйствіямъ. Было бы, конечно, интересно изслѣдовать, насколько эти два рода процессовъ близки другъ къ другу, другими словами—насколько часто они встрѣчаются вмѣстѣ и могутъ ли онѣ встрѣчаться порознь; однако, пока вопросъ этотъ не рѣшенъ точными изслѣдованіями, мы не въ правѣ еще отождествлять ихъ.

Наибольшій интересъ для индивидуальной психологіи должны представлять, какъ намъ кажется, случаи прямого, непосредственнаго внушенія въ бодрственномъ состояніи. Въ обыденной жизни повышенная внушаемость сказывается обыкновенно тѣмъ, что человѣка можно безъ особеннаго труда убѣдить въ томъ, на что онъ ранѣе ни за что не соглашался. На дворѣ пасмурно, и я, послѣ нѣкотораго обсужденія, рѣшаю, что сегодня не стоитъ идти гулять и что лучше остаться дома; однако, пришедшій пріятель начинаетъ увѣрять меня, что это ничего, что идти все таки слѣдуетъ,—и хотя всѣ приводимые имъ доводы я обсуждалъ уже ранѣе и нашелъ непригодными, тѣмъ не менѣе, мнѣ начинаетъ теперь казаться, что погода вовсе не такъ ужъ плоха и что сидѣть дома будетъ скучно. Здѣсь внушеніе удается легко, такъ какъ выборъ того или иного рѣшенія меня, въ сущности, не такъ ужъ интересуетъ. Но у людей съ сильно развитой внушаемостью подобный процессъ можетъ имѣть мѣсто также и въ гораздо болѣе важныхъ случаяхъ жизни.

Существуютъ также нѣкоторые экспериментальные пріемы, позволяющіе намъ убѣдиться въ томъ, насколько испытуемое лицо способно поддаваться прямому, непосредственному внушенію. Надо помнить только, что значеніе этихъ пріемовъ довольно ограничено, такъ какъ они относятся, въ большинствѣ случаевъ, лишь къ области ощущеній и воспріятій. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

На столѣ ставится цѣлый рядъ бутылокъ, изъ которыхъ каждая содержитъ въ себѣ кусокъ ваты или небольшое количество мутноватой жидкости. Испытуемому говорятъ, что въ каждой

бутылкѣ заключается очень слабый растворъ какого-нибудь пахучаго вещества (ваниль, табакъ, мускусъ, фіалка и т. п.). Иногда при этомъ прямо указываютъ, какой именно запахъ содержится въ каждой изъ бутылокъ. Для большей убѣдительности первая бутылка, дѣйствительно, пахнетъ, напр., ванилью, остальныя же безусловно лишены всякаго запаха. Тѣмъ не менѣе, большинство испытуемыхъ находятъ обыкновенно въ бутылкахъ (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ) тѣ запахи, которые были имъ указаны.

Другой пріемъ заключается въ слѣдующемъ. На тыльную сторону руки испытуемаго ставится небольшая открытая коробка отверстіемъ внизъ. Въ крышку ея воткнуто нѣсколько длинныхъ булавокъ. „При началѣ опыта булавки приподнимались кверху и затѣмъ снова вонзались въ крышку. Испытуемый долженъ былъ сказать, когда онъ почувствуетъ первый уколъ—хотя бы самый слабый. Хотя весь этотъ приборчикъ былъ приспособленъ такимъ образомъ, что во время опыта булавки совсѣмъ не касались кожи испытуемаго, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые ученики заявили, что чувствуютъ уколы, и даже отдергивали руку“ (68). Аналогичные или же сходные съ этими опыты были произведены различными авторами также и относительно нѣкоторыхъ другихъ родовъ ощущеній (слуховыя, зрительныя).

Еще одинъ способъ, относящійся къ внушенію въ области болѣе сложныхъ умственныхъ процессовъ. Экспериментаторъ раздаетъ испытуемымъ карандаши и бумагу и затѣмъ обращается къ нимъ со словами: „когда я вамъ скажу п о р а, то пусть каждый изъ васъ напишетъ какую-нибудь цифру... какую хотите... напримѣръ, 8... вообще, какую хотите. Пора“. Здѣсь выборъ цифры заранѣе подсказывается, какъ бы невзначай, экспериментаторомъ. Вмѣсто цифры можно заставить писать какую угодно фразу, подсказывая, какъ бы нечаянно, содержаніе этой фразы[1]).

П о д р а ж а т е л ь н о с т ь и л е г к о в ѣ р і е стоятъ близко къ внушаемости въ собственномъ смыслѣ этого слова, отличаясь отъ нея только тѣмъ, что усваиваемые субъектомъ отъ другихъ людей поступки, сужденія и вѣрованія не находятся ни въ какой особенной противоположности съ его собственными намѣреніями и взглядами. Поэтому-то подражательность или переимчивость такъ сильно развита у дѣтей, у которыхъ главныя, господствую-

[1]) Кромѣ приведенныхъ нами, существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ пріемовъ, предложенныхъ для изслѣдованія внушаемости. Описаніе ихъ читатель найдетъ въ „Трудахъ по эксп. педаг. псих.“ А. П. Нечаева (68), а также въ статьѣ Бинэ-Анри (31) и въ книгѣ Бинэ (67).

щія стремленія еще не успѣли окончательно опредѣлиться, которыя не обладаютъ еще постоянными, болѣе или менѣе установившимися привычками и поэтому съ одинаковой легкостью усваиваютъ все, что они видятъ и слышатъ вокругъ себя. Когда дѣти повторяютъ фразы или жесты окружающихъ ихъ взрослыхъ, то это совершается ими вполнѣ свободно и, такъ сказать, самопроизвольно, безъ всякаго слѣда той навязанности, которой отличается типическое внушеніе.

Подобной же чертой характеризуется и легковѣріе или довѣрчивость. Какой-нибудь недалекій субъектъ или недоразвившійся имбецилликъ съ радостью слушаетъ самыя нелѣпыя росказни, принимая ихъ за чистую монету и нисколько не думая противопоставить имъ тѣ фактическія свѣдѣнія, которыми онъ обладаетъ. Его собственный интеллектъ настолько слабъ, что совершенно не въ состояніи критически отнестись къ той безсмыслицѣ, которую ему разсказываютъ, и онъ усваиваетъ ее не только безъ всякаго сопротивленія, но, наоборотъ, съ жаднымъ любопытствомъ. Точно такимъ же образомъ относится довѣрчивый ребенокъ къ словамъ тѣхъ людей, которые имѣютъ на него вліяніе.

Однако, повторяемъ, подражательность и легковѣріе, съ одной стороны, и внушаемость, съ другой, все же очень близко соприкасаются другъ съ другомъ, будучи сложными проявленіями одной и той же наклонности, а именно—пониженной сопротивляемости внѣшнимъ вліяніямъ. Между ними существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней, и въ каждомъ конкретномъ случаѣ мы далеко не всегда можемъ опредѣлить съ достовѣрностью, къ какой именно изъ названныхъ трехъ группъ слѣдуетъ причислить то или иное замѣченное нами проявленіе.

При опредѣленіи степени развитія разбираемаго нами качества руководствуются, главнымъ образомъ, слѣдующими двумя признаками: во первыхъ, большей или меньшей значительностью эффекта, достигнутаго при помощи внушенія; во вторыхъ,—большей или меньшей интенсивностью возбудителя, необходимаго для того, чтобы внушеніе осуществилось. Положимъ, что человѣкъ твердо рѣшился на какой-нибудь поступокъ, противорѣчащій желанію его друзей и родныхъ или же требованіямъ всего общества. Начинаются уговоры, убѣжденія и всякаго рода воздѣйствія. И вотъ, смотря по тому, останется ли рѣшеніе его неизмѣннымъ, сдѣлаетъ ли онъ какія-либо уступки, или, наконецъ, кореннымъ образомъ измѣнитъ свой образъ дѣйствій, мы судимъ о степени его сопротивляемости. Въ приведенномъ выше опытѣ

съ внушеніемъ запаховъ лица, легко поддающіяся внушенію, заявятъ, что почти въ каждой бутылкѣ они ясно ощущаютъ тотъ или иной запахъ, тогда какъ другія съ сомнѣніемъ скажутъ, что только въ одной-двухъ бутылкахъ „какъ будто бы что-то слышно".

Другимъ критеріемъ при опредѣленіи степени сопротивляемости является сравнительная сила воздѣйствія, при помощи котораго внушеніе было достигнуто. Для того, чтобы вліять на взрослаго, вполнѣ развитого человѣка, требуется обладать гораздо большей энергіей, авторитетомъ, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣешь дѣло съ ребенкомъ. А. Бинэ предлагаетъ опредѣлять степень внушаемости (въ области воображенія и выжидательнаго вниманія) при помощи слѣдующаго аппарата. „Палецъ испытуемаго помѣщается въ трубку; къ этой трубкѣ прикрѣплено колесо, издающее при каждомъ своемъ поворотѣ короткій, сухой звукъ. Испытуемаго предупреждаютъ, что у него появится нѣкоторое, чрезвычайно слабое ощущеніе, интенсивность котораго будетъ возрастать при каждомъ поворотѣ колеса. Онъ долженъ будетъ описывать то, что онъ почувствуетъ". На самомъ же дѣлѣ колесо, сколько бы разъ его ни поворачивали, не можетъ коснуться пальца, вложеннаго въ трубку. Число поворотовъ колеса (т.-е., число отдѣльныхъ внушеній), необходимыхъ для достиженія желаемаго эффекта, указываетъ на степень внушаемости (31).

Возбудителемъ внушенія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, всегда является чужая воля, энергія другихъ людей. Чѣмъ могущественнѣе эта воля, чѣмъ ярче и эффектнѣе ея проявленія, чѣмъ болѣе очевидны они для наблюдаемаго нами лица, тѣмъ больше шансовъ на то, что его сопротивляемость будетъ сломлена. Извѣстно, какое значеніе имѣютъ въ подобныхъ случаяхъ авторитетъ того, кто долженъ оказывать вліяніе, его высокое общественное положеніе, богатый опытъ, наконецъ, загадочность и таинственность обстановки, вліяющая на воображеніе испытуемаго. Далѣе, внушаемый поступокъ или сужденіе не должны быть явно безсмысленными или черезчуръ ужъ сильно противорѣчить всему складу характера, всѣмъ привычкамъ и взглядамъ наблюдаемаго лица: то безусловное повиновеніе самымъ нелѣпымъ приказаніямъ, которое можно наблюдать у гипнотиковъ, совершенно немыслимо въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется дѣло съ лицами, находящимися въ бодрственномъ состояніи. Если требовать черезчуръ многаго, то и самый пассивный, безличный субъектъ наконецъ запротестуетъ.

Что касается измѣняемости разбираемаго нами качества,

то она бываетъ очень велика, прежде всего въ зависимости отъ возраста. У дѣтей сопротивляемость большею частью ничтожна. „2½-лѣтній ребенокъ, уже нѣсколько поѣвшій, какъ разъ собирается откусить еще разъ отъ своего сухаря; если я скажу ему въ это время категорически, съ увѣренностью, не допускающей никакихъ возраженій, хотя и безъ всякой мотивировки, очень громко, но такъ, чтобы не испугать его: ты уже сытъ! то обыкновенно онъ тотчасъ же, не выполнивши своего намѣренія, отнимаетъ сухарь ото рта и кладетъ его. 3-хъ и 4-хъ-лѣтнихъ дѣтей не трудно убѣдить въ томъ, что они не чувствуютъ усталости или жажды. Надо только, чтобы требованія не были слишкомъ велики и не повторялись черезчуръ часто; кромѣ того, тонъ утвержденія долженъ быть весьма рѣшительнымъ“ (39). Съ возрастомъ внушаемость, согласно даннымъ Скрипчюра (55) и Нечаева (68), падаетъ.

Связи и отношенія. Какъ самостоятельность, такъ и упрямство являются высшими по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ душевнымъ качествамъ. Для того, чтобы противиться чужому внушенію, необходимо имѣть болѣе или менѣе отчетливое представленіе о своихъ собственныхъ влеченіяхъ и намѣреніяхъ, а также о тѣхъ предложеніяхъ, которыя навязываются намъ извнѣ; кромѣ того, нужно сознавать, хотя бы смутно и неясно, противорѣчіе, существующее между первыми и вторыми [1]). Такимъ образомъ не только сознательная самостоятельность, но даже и тупое, ограниченное упрямство предполагаетъ уже наличность извѣстныхъ опредѣленныхъ стремленій, а также умственной дѣятельности, хотя бы только на первыхъ, зачаточныхъ ступеняхъ ея развитія. Обратнаго отношенія, однако, не существуетъ, такъ какъ даже значительно развитой въ умственномъ и эмоціональномъ отношеніи человѣкъ можетъ все же не обладать достаточной сопротивляемостью. Тѣсная взаимная зависимость существуетъ, повидимому, между разбираемымъ нами качествомъ, съ одной стороны, и постоянствомъ чувствованій и стремленій—съ другой. Психологически связь эта вполнѣ понятна; что же касается фактической стороны дѣла, то, сколько намъ приходилось наблюдать, названныя наклонности большею частью сопровождаютъ другъ друга. Едва ли мы ошибемся, если ска-

[1]) Существуетъ, конечно, и чисто физіологическая, безсознательная сопротивляемость различныхъ частей и тканей организма по отношенію къ постороннимъ воздѣйствіямъ. Но эта физіологическая особенность едва ли находится въ прямомъ, непосредственномъ функціональномъ отношеніи къ разбираемому нами душевному качеству.

жемъ то же относительно способности къ положительному волевому усилію.

Интересныя данныя получены были А. П. Нечаевымъ по вопросу о взаимной зависимости между внушеніемъ и вниманіемъ. Оказалось, что „колебанія вниманія, насколько они выражаются въ правильномъ воспроизведеніи воспринятаго ряда чиселъ, у лицъ, сильно поддающихся внушенію, носятъ болѣе рѣзкій характеръ, чѣмъ у лицъ, слабо паддающихся внушенію“ (68). Фактъ этотъ станетъ для насъ вполнѣ яснымъ, если мы вспомнимъ тѣсную зависимость, существующую между устойчивостью активнаго вниманія и различными особенностями волевой сферы, къ которой принадлежитъ и разбираемое нами качество.

Далѣе, чувство личности самымъ тѣснымъ образомъ связано съ сопротивляемостью внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что внушенныя измѣненія личности удаются обыкновенно только въ самой глубокой стадіи гипноза, когда усыпленный потерялъ уже всякую сопротивляемость и безпрекословно повинуется всевозможнымъ приказаніямъ гипнотизера.—Наконецъ, такія качества, какъ обдуманность поступковъ, наличность высшихъ, руководящихъ идей и стремленій, координированность чувствъ и желаній,—все это необходимо, пожалуй, для того, чтобы получилось одно изъ сложныхъ проявленій разбираемой нами наклонности, именно—сознательная самостоятельность; упрямство же, какъ мы это видѣли выше, возможно и при отсутствіи всѣхъ этихъ особенностей характера.

* * *

До сихъ поръ мы еще не касались одного изъ видовъ внушаемости, именно, **самовнушенія.** Дѣло въ томъ, что этотъ своеобразный душевный процессъ, содержащій въ себѣ, несомнѣнно, элементы внушенія, приближается въ то же время къ совершенно противоположному явленію, именно, къ упрямству. Когда больная, страдающая истеріей, вообразила себѣ почему-нибудь, что данный способъ леченія окажется для нея безполезнымъ, ее почти невозможно бываетъ убѣдить въ противномъ. Извѣстно, сколько хлопотъ доставляютъ врачамъ-невропатологамъ прихоти и капризы нѣкоторыхъ больныхъ, обладающихъ въ рѣзкой степени такъ наз. „истерическимъ характеромъ“. И между тѣмъ, истерія представляетъ именно ту болѣзнь, на которой явленія гипноза и внушенія впервые были изучены со всею полнотою. Причина заключается въ томъ отсутствіи координаціи между

отдѣльными стремленіями, въ той безсвязности душевной жизни, которая свойственна большинству истерическихъ субъектовъ. Именно благодаря ей упорство въ области однихъ какихъ-нибудь стремленій можетъ, какъ это мы уже отчасти видѣли выше, существовать наряду съ повышенной внушаемостью въ другой какой-нибудь области.

Намъ кажется совершенно неправильнымъ взглядъ Штерна (14), согласно которому внушеніе и самовнушеніе, въ примѣненіи къ индивидуальной психологіи, различаются лишь по степени. Изъ своей довольно продолжительной гипнотической практики мы вынесли убѣжденіе, что для болѣе успѣшнаго дѣйствія гипнотерапіи полезно бываетъ дѣлить больныхъ, въ этомъ отношеніи, на двѣ категоріи,—смотря по тому, поддаются ли они легче внушенію или самовнушенію. Въ первомъ случаѣ больного гипнотизируютъ и прямо, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, внушаютъ ему, что его болѣзненные симптомы ослабѣютъ или совершенно прекратятся. Во второмъ же случаѣ необходимо прежде всего ознакомиться со взглядами больного на свою болѣзнь, съ тѣми предвзятыми идеями, хотя бы завѣдомо ложными и безсмысленными, которыя онъ составилъ себѣ на этотъ счетъ. Если мы сразу станемъ въ рѣзкое противорѣчіе съ этими предвзятыми идеями, то будемъ заранѣе обречены на полный неуспѣхъ. Наиболѣе полезнымъ оказывается здѣсь постепенный и осторожный образъ дѣйствій, при непремѣнномъ условіи полнаго довѣрія со стороны паціента.

Резюмируя все сказанное относительно самовнушенія, мы думаемъ, что процессъ этотъ содержитъ въ себѣ слишкомъ противоположные элементы, чтобы оказаться полезнымъ для индивидуальной психологіи. Поэтому мы и не будемъ здѣсь вдаваться въ дальнѣйшій разборъ его, ограничившись тѣмъ немногимъ, что уже сказано.

Наклонность къ обсужденію мотивовъ (обдуманность поступковъ).

Опредѣленіе наклонности. Прежде чѣмъ принять какое бы то ни было рѣшеніе, всякій разсудительный человѣкъ сначала основательно обдумаетъ его. Онъ взвѣситъ всевозможныя послѣдствія этого рѣшенія и посмотритъ, не противорѣчатъ ли они его основнымъ намѣреніямъ и стремленіямъ. Затѣмъ онъ приметъ во вниманіе всю окружающую обстановку, ея способствующее

или задерживающее вліяніе, съ цѣлью опредѣлить, не встрѣтитъ ли выполненіе его намѣренія чрезмѣрныхъ, непреодолимыхъ трудностей. Наконецъ, онъ обсудитъ всѣ тѣ пути, которые могутъ вести къ осуществленію рѣшенія, всѣ тѣ средства, которыя могутъ ему способствовать, и оцѣнитъ, какія изъ нихъ наиболѣе пригодны для этой цѣли. Такимъ образомъ, окончательному принятію рѣшенія въ подобныхъ случаяхъ предшествуетъ очень сложный процессъ, въ которомъ одновременно участвуютъ почти всѣ стороны нашей душевной жизни.

Однако, наиболѣе важнымъ элементомъ, придающимъ характерный отпечатокъ всему процессу, является дѣятельность мышленія. Различныя возможныя рѣшенія приводятся въ связь съ условіями окружающей дѣйствительности, чтобы узнать, каковы будутъ ихъ послѣдствія; содержаніе мотивовъ, побуждающихъ насъ къ принятію рѣшенія, сопоставляется съ нашими основными стремленіями, чтобы опредѣлить, нѣтъ ли между ними противорѣчія и т. д. Индивидуальное различіе, интересующее насъ здѣсь, состоитъ въ томъ, что у однихъ людей подобный мыслительный актъ, направленный на обсужденіе конечныхъ цѣлей, средствъ и мотивовъ, предшествуетъ обязательно всякому сколько-нибудь важному рѣшенію, тогда какъ у другихъ, хотя бы даже далеко не глупыхъ людей, этого, тѣмъ не менѣе, почти никогда не бываетъ. Такимъ образомъ, обдуманностью поступковъ мы будемъ называть наклонность всякому, сколько-нибудь значительному рѣшенію (resp. сужденію или поступку) предпосылать мыслительный процессъ, направленный на выясненіе какъ самаго рѣшенія, такъ и всѣхъ сопутствующихъ и сопутствовавшихъ ему обстоятельствъ.

Проявленія разбираемой наклонности могутъ быть очень разнообразны и большею частью хорошо извѣстны всѣмъ намъ уже изъ опыта повседневной жизни. Сюда относятся, напр., такія качества, какъ предусмотрительность и благоразуміе. Далѣе, соединеніе обдуманности поступковъ съ извѣстной долей волевой энергіи и съ наличностью высшихъ, руководящихъ идей и стремленій ведетъ сбыкновенно къ тому, что всѣ дѣйствія человѣка представляются послѣдовательными и строго согласованными другъ съ другомъ (систематичность сложныхъ дѣйствій). Подобные люди „знаютъ, чего они хотятъ и почему хотятъ“; всѣ ихъ поступки и сужденія вполнѣ отвѣчаютъ ихъ намѣреніямъ и образу мыслей.

У лицъ противоположнаго склада постоянно приходится наблюдать обратное. Они не обдумываютъ своихъ словъ и поэ-

тому часто путаются и противорѣчатъ самимъ себѣ. Нерѣдко ихъ заявленія оказываются завѣдомо ложными, а между тѣмъ, они вовсе не лгали, а просто недостаточно подумали. Такія лица не могутъ сказать, почему они выбрали то, а не иное средство для достиженія своей цѣли, и какое средство является вообще въ данномъ случаѣ наилучшимъ. Иногда они, сами того не видя, желаютъ одновременно двухъ вещей, взаимно исключающихъ другъ друга, и дѣлаютъ усилія, чтобы ихъ достигнуть. Сюда же, наконецъ, относится отчасти и отсутствіе того, что называютъ тактомъ, т. е., умѣнья сообразовать свое поведеніе и свои поступки съ характеромъ и требованіями общества, въ которомъ находишься. Такъ, напр., прогрессивные паралитики, у которыхъ, благодаря нарушенію дѣятельности мышленія, становится невозможной также и обдуманность поступковъ, начинаютъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, разсказывать первому встрѣчному самыя интимныя подробности изъ своей жизни, совершенно не заботясь о томъ, нужно ли ему это знать и интересно ли ему ихъ слушать (42).

Связи и отношенія. Уже выше, при опредѣленіи наклонности, говорилось о томъ, что существованіе ея предполагаетъ наличность цѣлаго ряда низшихъ (по сравненію съ нею) душевныхъ свойствъ: воспріятій, памяти чувствованій, простѣйшихъ волевыхъ актовъ и т. д. Недостаточное развитіе всѣхъ этихъ низшихъ сторонъ психической жизни дѣлаетъ невозможныхъ обсужденіе собственныхъ поступковъ, между тѣмъ какъ обратной зависимости здѣсь, повидимому, не существуетъ.

Значительное развитіе дѣятельности мышленія (и въ частности — способности сужденія), повидимому, способствуетъ обдумыванію поступковъ, однако, далеко не въ такой степени, какъ это можно было бы заключить съ перваго взгляда. Извѣстно, что выдающіеся ученые обнаруживали иногда удивительную наивность въ дѣлахъ практической жизни, тогда какъ наиболѣе разсчетливыми оказывались люди съ довольно таки посредственнымъ развитіемъ интеллекта. Здѣсь можно, конечно, возразить, что ученые мало интересовались практической стороной жизни и поэтому ихъ неуспѣхъ могъ зависѣть просто отъ недостатка фактическихъ свѣдѣній въ этой области. Однако, противъ такого объясненія говоритъ тотъ фактъ, что многіе замѣчательные ученые, съ успѣхомъ разрабатывавшіе теоретическіе вопросы въ области политики, экономіи и права, терпѣли затѣмъ полное фіаско, будучи призваны на тотъ или иной высокій административный постъ. Они горячились, увлекались, подда-

вались впечатлѣнію минуты и нерѣдко въ самый рѣшительный моментъ совершенно забывали всѣ тѣ доводы и разсужденія, которые сами же ранѣе развивали въ своихъ книгахъ. Фактъ этотъ къ сожалѣнію слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы его надо было еще подтверждать примѣрами.

Очень близкая и вполнѣ понятная зависимость существуетъ между разбираемымъ нами качествомъ и двумя другими: ясностью, опредѣленностью рѣшеній и наклонностью къ борьбѣ мотивовъ. Чѣмъ больше человѣкъ обдумываетъ предстоящій поступокъ, тѣмъ болѣе выясняются передъ нимъ всѣ подробности этого поступка, тѣмъ отчетливѣе и опредѣленнѣе дѣлается его рѣшеніе. Здѣсь мы имѣемъ, повидимому, примѣръ того, что одна наклонность относится къ другой, какъ причина къ своему слѣдствію. Къ нѣсколько иному роду зависимости слѣдуетъ отнести связь между обдуманностью поступковъ и борьбою мотивовъ. Второе качество благопріятствуетъ развитію перваго, но отнюдь не является причиной его. Чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе борьба мотивовъ, тѣмъ больше времени и возможности имѣется, очевидно, для обсужденія этихъ мотивовъ. Однако, даже самая сильная и продолжительная внутренняя борьба не въ состояніи заставить человѣка обсудить свое положеніе, если у него не развита въ достаточной степени способность сужденія.

Подобное же отношеніе къ разбираемой нами наклонности имѣетъ способность задержки. Она чрезвычайно благопріятствуетъ обдумыванію поступковъ, но не создаетъ его. Возможность задержать на время свои дѣйствія и временно подавить порывы своего чувства, пока положеніе дѣла не выяснится окончательно, — эта возможность представляется иногда необходимымъ условіемъ для того, чтобы человѣкъ могъ дѣйствовать благоразумно и предусмотрительно. Тѣмъ не менѣе, одного этого условія недостаточно. Какъ благоразуміе, такъ и предусмотрительность могутъ проявиться въ полной мѣрѣ лишь тогда, когда, наряду со способностью задержки, у человѣка развита въ значительной степени также способность сужденія и, кромѣ того, еще нѣчто, заставляющее его предпосылать свои сужденія всякому окончательному рѣшенію, другими словами — наклонность къ обдумыванію поступковъ.

Приложеніе.

Программа изслѣдованія личности. [1])

Всякій, кто пытался когда-либо составить подробную, болѣе или менѣе обоснованную характеристику какого-нибудь человѣка— все равно, ребенка или взрослаго,— знаетъ, съ какими большими трудностями бываютъ обыкновенно сопряжены такія попытки. Особенно трудно положеніе наблюдателя въ томъ случаѣ, когда изученію его подлежитъ одновременно большое количество объектовъ (напр., дѣтей), въ характерѣ которыхъ необходимо такъ или иначе разобраться. Здѣсь некогда долго заниматься каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Требуется какая-либо короткая схема, небольшое число яркихъ, характерныхъ признаковъ, которые сразу позволяли бы занести наблюдаемое лицо въ ту или иную группу, причислить его къ одной изъ извѣстныхъ въ настоящее время разновидностей характера.

А между тѣмъ, по мѣрѣ развитія ученія о характерахъ, все болѣе и болѣе несомнѣнными становятся два факта, имѣющіе первостепенное значеніе для всей индивидуальной психологіи: во первыхъ— необычайная сложность въ строеніи характера каждаго человѣка; во вторыхъ—тѣсная связь между различными сторонами характера, между тѣми отдѣльными качествами, которыя въ своей совокупности даютъ намъ цѣльную человѣческую личность. Узнать основныя черты, дѣйствительно характеризующія даннаго человѣка, не такъ-то легко. Если мы будемъ въ своихъ наблюденіяхъ руководиться немногими рубриками, стараясь втиснуть въ нихъ все разнообразіе изучаемыхъ личностей, то результаты выйдутъ крайне отрывочными, неполными и односторонними. Мало того. Стóитъ только отнестись къ дѣлу внимательнѣе, разобраться подробнѣе въ тѣхъ немногихъ проявленіяхъ наблюдаемой личности,

---

[1]) Программа эта, вмѣстѣ со вступительными къ ней замѣчаніями, была ранѣе напечатана въ „Вѣстн. Психол." за 1904 г. № 9.

которыя подойдутъ подъ наши рубрики, и мы увидимъ, что проявленія эти далеко не такъ просты, какъ это намъ казалось вначалѣ. Даже на такихъ, сравнительно несложныхъ душевныхъ процессахъ, какъ воспріятіе или припоминаніе, отражаются очень многія стороны данной личности (напр., степень сосредоточенія вниманія, развитіе мышленія и воображенія, направленіе интересовъ, особенности эмоціональной сферы и т. д.). Нечего и говорить о другихъ, болѣе сложныхъ проявленіяхъ характера. Здѣсь все переплетено такъ тѣсно, что трудно, почти невозможно изучать отдѣльныя качества, не изучая всего человѣка.

Итакъ, бѣглое изслѣдованіе по короткой схемѣ или дастъ намъ очень мало, или не дастъ совсѣмъ ничего. А между тѣмъ, повторяю, обстоятельства въ большинствѣ случаевъ не позволяютъ цѣлыми мѣсяцами производить наблюденія надъ какими-нибудь двумя-тремя мальчиками, такъ какъ, кромѣ нихъ, есть на лицо еще два-три десятка другихъ, столь же заслуживающихъ изученія. Какъ тутъ быть?

Намъ кажется, что индивидуальная психологія должна въ данномъ случаѣ слѣдовать примѣру медицины. Идеаломъ медицинскаго изслѣдованія является клиническое наблюденіе. Здѣсь больного изучаютъ цѣлые мѣсяцы, иногда годы. Всѣ діагностическія средства и методы, которыми располагаетъ современная медицина, должны примѣняться въ хорошо поставленной клиникѣ. Составленныя такимъ образомъ исторіи болѣзни являются тѣмъ матеріаломъ, благодаря которому развивается медицинская наука, устанавливаются новые виды болѣзней, составляются классификаціи и т. д. Врачъ-практикъ не имѣетъ физической возможности подвергнуть каждаго изъ своихъ больныхъ такому же подробному изученію. Онъ по необходимости долженъ сократить программу изслѣдованія и принять различные упрощенные діагностическіе методы. Однако, клиническіе пріемы изслѣдованія ему хорошо знакомы; онъ самъ неоднократно примѣнялъ ихъ и всегда готовъ воспользоваться нѣкоторыми изъ нихъ на практикѣ, если встрѣтится со случаемъ сомнительнымъ и запутаннымъ. Кромѣ того, въ своихъ заключеніяхъ онъ можетъ опираться на весь тотъ огромный матеріалъ, который даетъ ему научная медицина. По двумъ-тремъ характернымъ признакамъ онъ уже предполагаетъ о наличности извѣстнаго вида заболѣванія и затѣмъ имѣетъ возможность вполнѣ сознательно отыкивать другіе признаки, обыкновенно сопутствующіе данной болѣзни. Только совокупность всѣхъ этихъ условій даетъ возможность врачу-практику при по-

мощи упрощенныхъ методовъ ставить вѣрные діагнозы даже въ довольно трудныхъ и запутанныхъ случаяхъ.

То же должно быть и при изученіи характеровъ. Необходимо путемъ долгаго, систематическаго наблюденія собирать характеристики, по возможности полныя и фактически обоснованныя, хотя бы сначала въ количествѣ очень ограниченномъ. Когда этихъ характеристикъ наберется достаточное количество, можно будетъ постепенно приступить къ ихъ группировкѣ и составленію классификаціи характеровъ. И хотя этотъ путь труденъ и продолжителенъ, но за то всякій успѣхъ въ этомъ направленіи будетъ, какъ намъ кажется, больше способствовать точности и плодотворности практическихъ наблюденій, чѣмъ составленіе какихъ бы то ни было слишкомъ краткихъ и „удобопримѣнимыхъ“ шаблоновъ. Такое именно подробное, „клиническое“ изслѣдованіе личности мы и имѣли въ виду, составляя предлагаемую здѣсь программу.

Существуетъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ программъ для изслѣдованія личности. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются значительною полнотою и охватываютъ всѣ важнѣйшія стороны человѣческаго характера [1]). Намъ кажется, однако, что здѣсь есть одна трудность, на которую до сихъ поръ не обращали должнаго вниманія. Дѣло въ томъ, что всякая программа составляется болѣе или менѣе схематически, заключаетъ въ себѣ рядъ такихъ вопросовъ, для отвѣта на которые нужно не только собрать извѣстное количество наблюденій, но еще и проанализировать ихъ. Научное изслѣдованіе характеровъ должно опираться на тѣ данныя которыя доставляетъ намъ общая психологія. Исходя изъ этого вполнѣ справедливаго положенія, составители программъ вносятъ въ нихъ нерѣдко различные отвлеченно-психологическіе термины и опредѣленія, ограничиваясь лишь простымъ упоминаніемъ ихъ и опуская какія бы то ни было конкретныя подробности и проявленія.

Съ извѣстной точки зрѣнія они правы. Разборъ какого бы то ни было характера только тогда можно считать доведеннымъ до конца, когда мы расчленили всю безконечную пестроту его проявленій и свели ихъ къ различнымъ комбинаціямъ нѣсколькихъ (вѣрнѣе—нѣсколькихъ десятковъ) основныхъ качествъ, болѣе или менѣе рѣзко выраженныхъ. Только въ такомъ случаѣ можно сравнить другъ съ другомъ отдѣльныя характеристики и объяснить строеніе того или иного характера на основаніи извѣстныхъ намъ психологическихъ законовъ. Но вѣдь подобный резуль-

[1]) Такова, напр., весьма подробная программа Г. И. Россолимо. (69).

татъ можетъ получиться только въ самомъ концѣ работы, когда мы подвергнемъ подробному психологическому анализу всѣ тѣ разнообразныя проявленія, которыя были отмѣчены у наблюдаемаго лица. Во время же производства наблюденій мы имѣемъ дѣло не съ психологическими отвлеченіями, а съ живымъ человѣкомъ, который движется, говоритъ, дѣйствуетъ, реагируетъ такъ или иначе на раздраженія и т. д. Слишкомъ трудно въ одно и то же время и наблюдать, и анализировать свои наблюденія. Самое большее, что можетъ сдѣлать добросовѣстный наблюдатель, это—записывать, по возможности подробно, всѣ тѣ проявленія, которыя ему кажутся достойными вниманія, и затѣмъ, на досугѣ, обсуждать ихъ, анализировать и подводить подъ тѣ или иныя психологическія рубрики.

Такимъ образомъ, отвлеченно-психологическая программа, необходимая для планомѣрной разработки матеріала и составленія классификаціи, оказалось бы во время самаго производства наблюденій почти совершенно неприложимой. Въ виду этого нѣкоторые, черезчуръ отвлеченные психологическіе термины при составленіи программъ обыкновенно выбрасываются, замѣняясь какими-нибудь примѣрами и поясненіями. Далѣе, въ программу нерѣдко вставляются различныя сложныя проявленія, имѣющія важное практическое значеніе (напр., пьянство, непослушаніе и т. п.),—хотя бы психологическое истолкованіе ихъ представлялось въ разныхъ случаяхъ весьма различнымъ. Благодаря этому, получается иногда крайняя пестрота: наряду съ нѣкоторыми, дѣйствительно основными качествами, лежащими въ основѣ цѣлаго ряда проявленій, фигурируютъ нерѣдко подробности, имѣющія весьма частное и сравнительно маловажное (въ смыслѣ характеристики наблюдаемаго лица) значеніе, и тутъ же рядомъ стоитъ какой-нибудь вопросъ, преслѣдующій чисто внѣшнія, прикладныя цѣли.

Единственный способъ, позволяющій, съ одной стороны, дать значительное количество конкретныхъ подробностей, а съ другой—установить не особенно длинную схему для сравненія другъ съ другомъ отдѣльныхъ, уже разработанныхъ характеристикъ, заключается, на нашъ взглядъ, въ томъ, чтобы составить двѣ неодинаковыхъ по величинѣ программы, идущихъ параллельно одна другой. Первая, руководящая содержитъ въ себѣ перечень основныхъ качествъ или сторонъ личности, поскольку онѣ являются результатомъ тщательнаго психологическаго анализа. Вторая, объяснительная заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе длинный рядъ конкретныхъ проявленій, соотвѣтствующихъ каждому изъ вышеназванныхъ основныхъ качествъ. Каждое изъ этихъ прояв-

леній представляетъ изъ себя, конечно, довольно сложный душевный процессъ, требующій присутствія также и нѣкоторыхъ другихъ чертъ характера; но то качество, проявленіемъ котораго этотъ процессъ служитъ, выражено въ немъ съ особенной силой, является необходимымъ для того, чтобы самый процессъ осуществился. Въ цѣляхъ большей ясности и наглядности мы иногда нарочно преувеличивали интенсивность проявленій того или иного качества, разсчитывая на то, что если указана крайняя, наивысшая степень даннаго проявленія, то болѣе слабыя, чаще встрѣчающіяся степени будутъ и безъ дальнѣйшихъ объясненій сами собой понятны [1]).

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, помогавшимъ мнѣ своими совѣтами при составленіи этой программы.

Программа № 1 (руководящая).

I. Ощущенія. Воспріятія. Острота воспріятій. Обиліе и богатство ихъ. Точность воспріятій.

II. Память. Запоминаніе. Сохраненіе въ памяти. Способность узнаванія. Легкость воспроизведенія. Точность воспроизведенія. Преобладаніе одного изъ видовъ памяти (память матеріальная и формальная). Типъ воспроизведенныхъ представленій. Способность точно локализировать воспроизведенныя представленія.

III. Ассоціаціи. Обиліе или бѣдность ассоціацій. Развитіе внѣшнихъ ассоціацій. Развитіе внутреннихъ ассоціацій.

IV. Вниманіе. Легкость привлеченія вниманія. Сила его сосредоточенія (отвлекаемость). Развитіе произвольнаго (активнаго) вниманія. Устойчивость или неустойчивость вниманія. Его объемъ.

V. Мышленіе. Наклонность къ составленію сужденій. Пра-

[1]) Въ первомъ изданіи этой книги объяснительная программа заключала въ себѣ также краткій перечень экспериментальныхъ методовъ, употребляющихся для изслѣдованія той или иной стороны личности. Опытъ показалъ, что простое упоминаніе о различныхъ экспериментальныхъ пріемахъ безъ детальнаго ихъ описанія, совершенно не достигаетъ своей цѣли. Для того, чтобы воспроизвести какой-нибудь экспериментъ, необходимо прочесть болѣе или менѣе подробное его описаніе. Такое подробное описаніе индивидуально-психологическихъ методовъ изслѣдованія можно найти, между прочимъ, въ упомянутой уже выше брошюрѣ Н. Е. Румянцева (32). Брошюра эта, являясь результатомъ дѣятельности кружка бывшихъ слушателей петроградскихъ педологическихъ курсовъ, содержитъ въ себѣ не только описаніе методовъ, но и снимки съ важнѣйшихъ таблицъ, употребляюшихся для это цѣли. См. также Toulouse, Vaschide et Pierron (70).

вильность, обоснованность сужденій. Ихъ субъективность или объективность. Большая или меньшая способность къ отвлеченію. Широта или узость понятій. Способность къ умозаключеніямъ. Наклонность къ анализу и синтезу. Наклонность къ индукціи и дедукціи.

VI. Рѣчь. Обиліе словесныхъ образовъ. Преобладающій типъ ихъ. Легкость сочетанія словесныхъ образовъ. Связь представленій и понятій съ ихъ словесными обозначеніями.

VII. Воображеніе. Способность къ образованію новыхъ представленій и ихъ комбинацій. Богатство или бѣдность воображенія. Живость, яркость его. Степень реальности новообразованныхъ представленій.

VIII. Общія особенности умственной сферы. Быстрота или медленность умственныхъ процессовъ. Преобладаніе сознательныхъ или безсознательныхъ психическихъ процессовъ. Преобладаніе внѣшнихъ воспріятій надъ внутренними или обратно. Наличность или отсутствіе направляющихъ идей въ умственной сферѣ. Умственная утомляемость. Умственная упражняемость (привыканіе).

IX. Настроеніе и аффекты. Преобладающее настроеніе. Постоянство или измѣнчивость настроенія. Способность испытывать радость и горе. Наклонность къ гнѣву. Наклонность къ испугу. Наклонность къ страху или ея отсутствіе (различные виды страха).

X. Чувства, зависящія отъ контраста. Чувство удивленія. Интересъ ко всему новому.

XI. Чувства, относящіяся къ собственной личности. Низшія органическія чувства. Забота о благосостояніи своей личности (эгоизмъ). Забота о своемъ превосходствѣ надъ другими (самолюбіе). Чувства, связанныя съ оцѣнкой собственной личности.

XII. Чувства по отношенію къ другимъ людямъ. Родственныя привязанности. Чувство симпатіи (различные виды симпатіи). Общественныя чувства.

XIII. Высшія идейныя чувствованія. Интеллектуальное чувство. Эстетическое чувство (различные его виды). Нравственное чувство; религіозное чувство (степень ихъ развитія и характеръ проявленій).

XIV. Общія особенности эмоціональной сферы. Возбудимость чувствованій. Ихъ сила, интенсивность. Ихъ продолжительность, устойчивость. Обиліе или бѣдность проявленій чувства. Вліяніе чувствъ на умственные и волевые процессы.

XV. Движенія. Обиліе или бѣдность движеній. Ихъ быстрота или медленность. Ихъ сила или слабость. Степень координаціи сложныхъ движеній. Двигательная утомляемость. Двигательная упражняемость.

XVI. Принятіе рѣшеній. Процессъ выбора. Сила или слабость желаній и влеченій. Наклонность къ борьбѣ мотивовъ. Быстрота выбора. Наклонность къ обсужденію мотивовъ. Способность къ принятію рѣшеній. Устойчивость принятыхъ рѣшеній. Ясность, опредѣленность желаній и рѣшеній. Систематичность сложныхъ дѣйствій.

XVII. Сознательное волевое усиліе. Степень развитія руководящихъ идей и стремленій. Способность къ внутренней (психической задержкѣ. Способность къ физической (психомоторной) задержкѣ. Способность къ положительному волевому усилію. Большая или меньшая продолжительность волевого усилія. Степень сопротивляемости внѣшнимъ вліяніямъ (различные ея виды).

Программа № 2 (объяснительная).

I. Ощущенія, воспріятія.

1. Острота воспріятій. Способность улавливать самыя тонкія и малозамѣтныя разницы между отдѣльными ощущеніями.

Количественная сторона. Въ сумеркахъ и темной ночью хорошо видитъ, распознаетъ самыя мелкія звѣзды на небѣ, свободно разбираетъ мелкую печать. Улавливаетъ самый незначительный шорохъ, чрезвычайно слабые и отдаленные звуки. Ясно и отчетливо различаетъ самыя слабыя прикосновенія, запахи и т. д.

Качественная сторона. Хорошо подбираетъ цвѣта, различая тончайшіе ихъ оттѣнки. Обладаетъ музыкальнымъ слухомъ, способностью улавливать разницу между самыми близкими тонами. Тонко распознаетъ различные запахи (напр., разные духи).

Не замѣчается ли преобладанія одного какого-нибудь рода ощущеній надъ всѣми остальными.

2. Обиліе и богатство воспріятій. Наблюдателенъ: замѣчаетъ все, что происходитъ вокругъ него. Когда разсматриваетъ что-нибудь, то ни одна мелочь не ускользнетъ отъ его вниманія. Чрезвычайно подробно изучаетъ все то, за что ни возьмется.

3. Точность воспріятій. Всѣ его наблюденія, описанія

и разсказы о только что видѣнномъ или слышанномъ вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности; какъ отдѣльныя подробности событій, такъ и ихъ взаимныя отношенія переданы совершенно точно. Или же всѣ его описанія, даже при внимательномъ отношеніи къ предмету, полны ошибокъ, неточностей и пробѣловъ.

II. Память.

4. Запоминаніе. Хорошо запоминаетъ предметы, лица, событія, разговоры, хотя бы только одинъ разъ имъ видѣнные и слышанные. Легко и быстро заучиваетъ самыя длинныя стихотворенія и прозаическіе отрывки. Въ короткое время можетъ усвоить во всѣхъ подробностяхъ рисунокъ или описаніе сложнаго прибора, зданія, мѣстности.

5. Сохраненіе въ памяти. (Продолжительность сохраненія и количество сохранившихся подробностей). То, что разъ видѣлъ или усвоилъ, сохраняетъ въ памяти очень долго. По прошествіи многихъ дней, мѣсяцевъ, даже лѣтъ помнитъ всѣ подробности событій почти также хорошо, какъ помнилъ ихъ на другой день. Или же всѣ впечатлѣнія быстро изглаживаются изъ памяти, воспоминанія очень бѣдны, отрывочны и неполны.

6. Способность узнаванія. Легко узнаетъ все то, что когда-нибудь видѣлъ, слышалъ или читалъ (лица, предметы, мѣстности, музыкальныя произведенія, стихотворные отрывки и т. д.). Точно и правильно различаетъ все старое, знакомое отъ новаго, незнакомаго. Или же не узнаетъ даже тѣхъ людей, съ которыми нѣсколько разъ встрѣчался и разговаривалъ.

7. Легкость воспроизведенія. Въ случаѣ надобности или когда самъ этого захочетъ, тотчасъ же припоминаетъ все, что нужно. Или же воспроизведеніе совершается съ большимъ трудомъ, приходится справляться съ записной книжкой, спрашивать окружающихъ и т. д. Только въ томъ случаѣ можетъ припомнить всѣ подробности какого-нибудь (не особенно важнаго) происшествія, когда окружающая обстановка, разговоры и его собственное настроеніе напоминаютъ ему о случившемся.

8. Точность воспроизведенія. При чтеніи наизусть стихотвореній, при пересказѣ прочитаннаго дѣлаетъ очень мало ошибокъ. Припоминая какое-нибудь событіе, описываетъ совершенно правильно всѣ тѣ (хотя бы и очень немногія) подробности, которыя сохранились въ его воспоминаніи. Или же число ошибокъ очень велико, видѣнныя ранѣе событія передаетъ (даже при са-

момъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу) очень неточно, часто перепутываетъ подробности, перемѣшиваетъ лица, дѣлаетъ собственныя вставки и т. д.

9. Преобладаніе одного изъ видовъ памяти. (Память матеріальная и формальная). Хорошо запоминаетъ и удерживаетъ въ памяти: отдѣльные звуки и ихъ сочетанія, мелодіи и отрывочныя фразы; отдѣльныя цифры и числа; движенія; лица, картины, отдѣльныя мѣстности. Или же: ритмъ и быстроту звуковъ и движеній, геометрическія фигуры, чертежи, схемы, планы мѣстностей, хронологическую послѣдовательность событій. Не преобладаетъ ли одинъ какой-нибудь изъ этихъ видовъ памяти надъ другими.

10. Типъ воспроизведенныхъ представленій (типы: зрительный, слуховой, моторный и смѣшанные). Во всѣхъ его воспоминаніяхъ, мечтахъ и сновидѣніяхъ преобладаютъ яркіе, живые зрительные образы; очень подробно и точно можетъ описать ихъ цвѣтъ, форму и положеніе. Обладаетъ способностью къ живописи. Или же преобладаютъ слуховые образы (способность къ музыкѣ) и воспоминанія о движеніяхъ.

11. Способность точно локализировать воспроизведенныя представленія. Всякій разъ можетъ точно опредѣлить, когда и при какихъ обстоятельствахъ видѣлъ даннаго человѣка. Можетъ указать, въ какой книгѣ и въ какомъ мѣстѣ страницы находится цитированная имъ фраза.

III. Ассоціаціи.

12. Обиліе или бѣдность ассоціацій. Каждое впечатлѣніе вызываетъ цѣлый рядъ мыслей, воспоминаній и образовъ. Обладаетъ неисчерпаемымъ запасомъ темъ для разговора и большимъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Или же кругъ представленій очень узокъ и ограниченъ, воспоминанія немногосложны.

13. Развитіе внѣшнихъ ассоціацій. Разсказывая о чемъ-нибудь, передаетъ подрядъ все то, что онъ видѣлъ и слышалъ, не заботясь о внутренней связи. Въ разсужденіяхъ преобладаютъ поверхностныя анологіи. Заучиваетъ (напр., уроки) не по смыслу, а чисто механически. Повторить заученное можетъ лишь въ томъ порядкѣ, въ какомъ его усвоилъ, иначе становится въ тупикъ и все забываетъ.

14. Развитіе внутреннихъ ассоціацій. Не довольно-

ствуясь простымъ пересказомъ событій, старается передать ихъ внутреннюю, причинную связь. (Осмысленный и связный текстъ—стихи, прозу—запоминаетъ гораздо лучше, чѣмъ безсвязный—собственныя имена, хронологическія таблицы).

IV. Вниманіе.

15. Легкость привлеченія вниманія. Всякая перемѣна въ окружающей обстановкѣ, все необычайное, выдающееся, а также все, что сколько-нибудь затрогиваетъ его чувства и интересы, тотчасъ же привлекаетъ его вниманіе. Или же, наоборотъ, ко всему относится одинаково разсѣянно и невнимательно, не способенъ остановиться подольше на чемъ бы то ни было.

16. Сила сосредоточенія вниманія (отвлекаемость вниманія). Сосредоточившись на какихъ-нибудь внѣшнихъ впечатлѣніяхъ (читая, слушая, разсматривая что-нибудь, работая) или углубившись въ свои собственныя мысли, совершенно не замѣчаетъ окружающаго; чтобы отвлечь его, нужно нѣсколько разъ назвать по имени, тронуть за плечо и проч. Или наоборотъ: ничтожное неудобство, помѣха, громкій разговоръ тотчасъ же развлекаетъ.

17. Развитіе произвольнаго (активнаго) вниманія. Если нужно, можетъ сосредоточить вниманіе даже на скучномъ и непріятномъ предметѣ. По желанію или въ случаѣ нужды легко переноситъ вниманіе съ одного объекта на другой. Или же занимается только тѣмъ, что представляетъ интересъ въ данную минуту, бросая дѣло тотчасъ же, какъ только найдется другой, болѣе интересный объектъ (пассивное вниманіе).

18. Устойчивость или неустойчивость вниманія. Долгое время можетъ заниматься однимъ и тѣмъ же предметомъ, поддерживать разговоръ на одну и ту же тему. Или, наоборотъ, безпрестанно мѣняетъ тему разговора, спросивши что-нибудь, не дослушиваетъ объясненія и задаетъ уже новый, посторонній вопросъ.

19. Объемъ вниманія (широта или узость его). Можетъ ли заниматься нѣсколькими дѣлами одновременно, напр.: выполнять сложную ручную работу, писать, рисовать,—и въ то же время слушать чтеніе, участвовать въ интересномъ разговорѣ; или: заниматься подробностями дѣла и одновременно не упускать изъ виду общаго плана его.

V. Мышленіе.

20. Наклонность къ составленію сужденій. По поводу всякаго сколько-нибудь значительнаго факта начинаетъ разсуждать, сопоставляетъ его съ другими и дѣлаетъ выводы. Наклонность перерабатывать и дополнять свои прежнія впечатлѣнія, мысли и воспоминанія, какъ только опытъ дастъ что-нибудь новое. Или же совершенно не способенъ разсуждать, не въ состояніи понять самой простой мысли, не замѣчаетъ вопіющихъ противорѣчій въ своихъ сужденіяхъ

21. Правильность, обоснованность сужденій. Значительное большинство его мнѣній и взглядовъ вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. На его сужденія можно положиться, такъ какъ онѣ всегда достаточно обоснованы.

22. Субъективность или объективность сужденій. Въ своихъ сужденіяхъ о предметахъ, людяхъ и событіяхъ передаетъ, главнымъ образомъ, то впечатлѣніе, которое они на него произвели. Оцѣниваетъ ихъ значеніе всегда съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ взглядовъ, не будучи способенъ встать на чужую точку зрѣнія. Или же разсматриваетъ ихъ вполнѣ объективно. Примѣръ: противоположность между художественнымъ и научнымъ отношеніемъ къ объекту.

23. Большая или меньшая способность къ отвлеченію (абстрактность или конкретность мышленія, образованіе общихъ представленій и понятій). Всегда занятъ какими-нибудь общими вопросами. Каждое отдѣльное явленіе природы или фактъ общественной жизни умѣетъ обобщить, отыскавши въ немъ черты, общія для цѣлаго класса явленій. Собирая растенія, камешки, рисунки, всегда дѣлитъ ихъ на группы по извѣстнымъ общимъ признакамъ. Можетъ дать болѣе или менѣе точное опредѣленіе различнымъ отвлеченнымъ понятіямъ (напр.: наука, справедливость, равновѣсіе). Наклонность къ занятію отвлеченными науками: математикой, философіей. Противоположныя качества: каждое явленіе интересуетъ его само по себѣ, безъ всякаго отношенія ко всему остальному. Каждый отдѣльный фактъ всегда представляетъ себѣ образно, конкретно, со всѣми подробностями. Отвлеченныя мысли и разсужденія старается для ясности иллюстрировать примѣрами, схемами и рисунками.

24. Широта или узость понятій. Всѣ его наблюденія и взгляды отличаются значительной узостью и односторонностью. Педантъ и формалистъ, изъ-за частностей не видитъ главнаго, изъ-за средствъ забываетъ о цѣли. Наклонность къ мелочной

спеціализаціи. Или же обладаетъ широкимъ кругозоромъ, способностью понимать и оцѣнивать самыя разнообразныя и противоположныя явленія.

25. Способность къ умозаключеніямъ (построеніе цѣпи сужденій для образованія конечнаго вывода). Въ области, ему хорошо знакомой, очень дальновиденъ: задолго впередъ можетъ разсчитать всѣ возможныя комбинаціи и предсказать вѣроятныя послѣдствія даннаго поступка. Въ своихъ разсужденіяхъ очень послѣдователенъ. Обладаетъ способностями къ формальной логикѣ, математикѣ и т. п.

26. Наклонность къ анализу и синтезу. Приступая къ ознакомленію съ какимъ-нибудь предметомъ (научная проблема, явленіе природы, практическое предпріятіе) прежде всего подробно изучаетъ одну за другой отдѣльныя его стороны, не оставляя безъ вниманія ни одной мелочи. Или же, наскоро ознакомившись съ нѣкоторыми подробностями вопроса, старается, исходя изъ нихъ, сразу представить себѣ общую организацію дѣла, уловить главныя причины явленія и т. д.

27. Наклонность къ индукціи и дедукціи. Дѣлаетъ выводъ только тогда, когда собрано достаточно фактовъ; вообще, въ своихъ разсужденіяхъ придерживается фактовъ (все равно, будутъ ли это собственныя наблюденія, или свѣдѣнія, полученныя изъ книгъ) и старается не слишкомъ удаляться отъ нихъ. Или же, усвоивши себѣ извѣстный принципъ или законъ (ходячее мнѣніе, научная гипотеза, какая-нибудь предвзятая мысль), дѣлаетъ изъ него обширные и разнообразные выводы, не считаясь уже болѣе съ фактами (прямолинейность, наклонность къ поспѣшнымъ обобщеніямъ).

VI. Рѣчь.

28. Обиліе словесныхъ образовъ (богатство рѣчи). Обыкновенно не чувствуетъ недостатка въ словахъ и выраженіяхъ. Для каждаго предмета, для каждой мысли у него тотчасъ имѣется цѣлый рядъ словъ, названій, готовыхъ фразъ и оборотовъ рѣчи. Или же рѣчь очень бѣдна, въ ней часто повторяются одни и тѣ же слова и обороты.

29. Преобладающій типъ словесныхъ образовъ (типы: зрительный, слуховой, моторный и смѣшанные). Какимъ образомъ охотнѣе читаетъ и заучиваетъ, про себя или вслухъ? Какимъ образомъ охотнѣе заучиваетъ,—по книгѣ или съ чужихъ словъ? если по книгѣ, то заучиваетъ ли молча, слѣдя только

глазами, или же повторяетъ слова про себя? Что больше сохраняется въ памяти: строчки, буквы, печатный шрифтъ или звуки, рифмы.

30. Легкость сочетанія словесныхъ образовъ. Рѣчь льется плавно, связно и свободно, безъ всякихъ задержекъ. Легко и быстро пишетъ письма, сочиненія и т. п. Или же рѣчь и письмо изобилуютъ тяжелыми, неуклюжими оборотами, каждую фразу по нѣсколько разъ исправляетъ и передѣлываетъ.

31. Связь представленій и понятій съ ихъ словесными обозначеніями. Для каждаго предмета или отношенія находитъ самыя подходящія, наиболѣе соотвѣтственныя названія и обороты рѣчи (мѣткая, ясная рѣчь).

VII. Воображеніе.

32. Способность къ образованію новыхъ представленій и ихъ комбинацій. Высказываемыя мысли часто бываютъ новы, оригинальны, непохожи на все прежнее. Или, наоборотъ, шаблонны, являются повтореніемъ общеизвѣстныхъ истинъ. Изобрѣтателенъ, находчивъ. Легко рѣшаетъ загадки, шарады. По нѣсколькимъ даннымъ ему намекамъ можетъ легко составить себѣ цѣлую картину какого-нибудь событія или мѣстности. Способность къ сочиненію стиховъ, повѣстей и т. п. Способность къ остроумнымъ научнымъ гипотезамъ, техническимъ открытіямъ и усовершенствованіямъ.

33. Богатство или бѣдность воображенія. Всѣ созданія его воображенія (классныя сочиненія, разсказы, мечты, сновидѣнія) отличаются крайней несложностью, примитивностью; или же, наоборотъ, изобилуютъ богатствомъ подробностей, образовъ, сравненій и т. п. На одну и ту же тему (организація какого-нибудь предпріятія, способъ выйти изъ труднаго положенія) можетъ придумать цѣлый рядъ различныхъ варіацій.

34. Живость, яркость воображенія. Образы фантазіи (напр., мечты, сновидѣнія) до того ярки, что въ воспоминаніи иногда перемѣшиваетъ ихъ съ дѣйствительностью (не знаетъ самъ, видѣлъ ли такой-то фактъ во снѣ, или на яву). Или же они блѣдны, неясны и неопредѣленны, съ трудомъ поддаются описанію и передачѣ.

35. Степень реальности новообразованныхъ представленій. Его стремленія и замыслы, даже самые широкіе и отдаленные, вполнѣ осуществимы и не заключаютъ въ

себѣ ничего несбыточнаго. Его научныя построенія вполнѣ оправдываются дальнѣйшимъ опытомъ; различныя техническія усовершенствованія, планы и проекты оказываются практичными и цѣлесообразными. Или же, наоборотъ, склоненъ мечтать, строить воздушные замки, составлять фантастическія гипотезы и неосуществимые проекты. Противоположность между реализмомъ и идеализмомъ въ искусствѣ.

VIII. Общія особенности умственной сферы.

36. Быстрота или медленность умственныхъ процессовъ. Быстро или медленно схватываетъ и подмѣчаетъ окружающія впечатлѣнія, быстро припоминаетъ, соображаетъ, отвѣчаетъ на вопросы. Быстро оріентируется во всякомъ новомъ незнакомомъ ему дѣлѣ. Всякую привычную и не особенно трудную умственную работу можетъ исполнить въ очень короткое время. Насколько хорошо успѣваетъ разсмотрѣть (при нормальномъ зрѣніи и достаточномъ сосредоточеніи вниманія) быстро промелькнувшіе передъ глазами предметы: мышь, пробѣжавшую въ углу комнаты, рядъ домовъ, на мгновеніе освѣщенныхъ молніей и т. д.

37. Преобладаніе сознательныхъ или безсознательныхъ процессовъ. Разсказывая о событіи изъ своей жизни, подробно описываетъ, что онъ думалъ и чувствовалъ въ это время. Способенъ къ самонаблюденію, къ точному описанію и анализу своихъ внутреннихъ переживаній (напр., во время психологическаго эксперимента). Или же замѣтно преобладаніе безсознательныхъ процессовъ. Не можетъ сказать, какимъ путемъ онъ дошелъ до извѣстной мысли, заключенія. Не можетъ доказать своего мнѣнія фактами, но „чувствуетъ“, что онъ правъ. „Инстинктивно“ догадывается въ чемъ сущность даннаго вопроса. Самыя удачныя мысли приходятъ въ голову невзначай, какъ бы случайно, во время прогулки, посторонняго разговора и т. п.; воспоминанія сами собой „всплываютъ“, когда о нихъ не думаетъ. Самъ не можетъ хорошенько разобраться въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ; часто самъ не можетъ назвать причины, заставившей его разсердиться, обрадоваться и проч. Приступы недостаточно мотивированнаго страха.

38. Преобладаніе внѣшнихъ воспріятій надъ внутренними и обратно. Внѣшнія воспріятія являются только поводомъ къ возникновенію длиннаго ряда мыслей, ко-

торыя и овладѣваютъ всецѣло его вниманіемъ. Часто, углубившись въ свои собственныя мысли, плохо слушаетъ то, что ему говоритъ собесѣдникъ. Любитъ тишину и уединеніе, позволяющія ему свободно предаваться своимъ занятіямъ, мечтамъ и воспоминаніямъ. Или же любитъ шумную, пеструю, разнообразную обстановку, которая давала бы массу внѣшнихъ впечатлѣній и не оставляла бы его наединѣ съ самимъ собой.

39. Наличность или отсутствіе направляющихъ идей въ умственной сферѣ. Замѣчается ли въ различныхъ его сужденіяхъ извѣстное единство, одна общая руководящая мысль,—или же они не имѣютъ между собой ничего общаго? Во время наблюденій всегда имѣетъ извѣстныя руководящія задачи или точки зрѣнія и обращаетъ вниманіе только на тѣ явленія, которыя соотвѣтствуютъ его задачамъ. Или же часто уклоняется въ сторону, забывая о цѣли наблюденій, теряя нить разговора, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой.

40. Умственная утомляемость. Сколько часовъ или минутъ можетъ провести за такой работой, которая требуетъ значительнаго умственнаго напряженія (рѣшеніе задачъ, заучиваніе уроковъ, подготовка къ серьезному экзамену). Скоро-ли наступаютъ при этомъ признаки утомленія,—субъективные (чувство усталости, тяжесть и боль въ головѣ, мельканіе въ глазахъ невозможность сосредоточиться, неспособность соображать) и объективные (количественное и качественное ухудшеніе работы, разсѣянность)? Можетъ ли долгое время работать безъ перерыва или отъ времени до времени нуждается въ отдыхѣ? Какъ часты и продолжительны должны быть эти промежутки отдыха? Сказывается ли къ концу рабочаго дня утомленіе по сравненію съ утренними часами и насколько оно значительно?

41. Умственная упражняемость (привыканіе). Какъ скоро приспособляется ко всякой новой, непривычной для него умственной работѣ? Когда послѣ перерыва снова принимается за занятія, то сколько времени (минутъ, часовъ, дней) требуется для него, чтобы „втянуться“ и начать работать обычнымъ темпомъ?

IX. Настроеніе и аффекты.

42. Преобладающее настроеніе. Всегда веселъ, доволенъ, радостно настроенъ, отличается хорошимъ самочувствіемъ; даже въ трудныхъ положеніяхъ не теряетъ хорошаго располо-

женія духа. Или, наоборотъ, самочувствіе большею частью плохое, настроеніе угнетенное, замѣчается общая вялость и подавленность. Или, наконецъ, настроеніе спокойное, ровное,—ясное, но безъ особенной радости, серьезное, но безъ оттѣнка грусти.

43. Постоянство или измѣнчивость настроенія. Несмотря ни на какія обстоятельства, настроеніе всегда одинаково. Или же оно легко мѣняется въ зависимости отъ обстоятельствъ, а иногда и безъ всякой особенной причины. Происходитъ ли смѣна настроеній быстро или медленно?

44. Способность испытывать радость и горе. Всякое пріятное событіе, все, что удовлетворяетъ его желаніямъ и потребностямъ (игры, подарки, лакомства, интересное чтеніе, свиданіе съ любимыми людьми и проч.) вызываетъ рѣзко выраженное состояніе довольства и радостное возбужденіе. Всякія же непріятности, лишенія и несчастія, постигающія его самого или близкихъ людей, сильно огорчаютъ, заставляютъ плакать, тосковать, грустить. Или же, наоборотъ, неспособенъ не къ особенной радости, ни къ особенному горю.

45. Наклонность къ гнѣву. Часто сердится, раздражается. Всякія препятствія, стѣсненія, помѣхи, даже самыя незначительныя, возбуждаютъ его и вызываютъ досаду и чувство гнѣва, достигающее иногда значительной силы (бѣшенство, ярость). Или, наоборотъ, добродушенъ, ко всему относится спокойно и снисходительно.

46. Наклонность къ испугу. Всякое сильное и внезапное впечатлѣніе (шумъ отъ паденія чего-нибудь, выстрѣлъ изъ ружья, неожиданный стукъ въ дверь, внезапное появленіе человѣка за спиной) пугаетъ, заставляетъ вздрагивать и вызываетъ сердцебіеніе.

47. Наклонность къ страху или ея отсутствіе. При приближеніи опасности безпокоится, дрожитъ, блѣднѣетъ, теряется, пытается бѣжать (или при крайней степени страха) совершенно теряетъ способность двигаться. Противоположныя качества: храбрость, смѣлость, хладнокровіе; въ присутствіи опасности, вполнѣ сознавая ее, спокойно продолжаетъ свое дѣло, разговариваетъ и т. д.

Различные виды страха: страхъ передъ болью (побои, пораненія), страхъ за свою жизнь, за свое имущество, за различные матеріальные интересы. Боязнь за свое дѣло, за свою репутацію, за свои высшіе, духовные интересы, за близкихъ и уважаемыхъ людей. Боязнь большого общества, застѣнчивость. Боязнь всего новаго, неизвѣстнаго, страхъ передъ будущимъ вообще. Боязнь

темноты, привидѣній, мертвецовъ, всего непонятнаго и сверхъестественнаго. Боязнь мышей, лягушекъ, пауковъ, отвратительныхъ животныхъ и насѣкомыхъ.

X. Чувства, зависящія отъ контраста.

48. Чувство удивленія. Всякое необычайное, неожиданное происшествіе сильно поражаетъ его. Осматривая въ первый разъ въ жизни большой городъ, музей, дворецъ и т. п., приходитъ въ сильное возбужденіе, поминутно оборачивается во всѣ стороны, испускаетъ удивленные возгласы и т. д. Или же его ничѣмъ не удивишь, ко всему относится спокойно и холодно, какъ будто бы все это уже зналъ заранѣе.

49. Интересъ ко всему новому. Все новое, незнакомое (новыя лица, новые предметы, книги, рѣдкія и странныя вещи и т. п.) возбуждаетъ въ немъ интересъ и желаніе ознакомиться поближе. Любопытенъ. Постоянно ищетъ новыхъ, неиспытанныхъ еще ощущеній и впечатлѣній. Любитъ разнообразіе, не терпитъ скуки, монотонности. Погоня за модой (въ платьѣ, манерахъ, взглядахъ и обычаяхъ).

XI. Чувства, относящіяся къ собственной личности.

50. Низшія органическія чувства. Удовлетвореніе органическихъ потребностей (сонъ, ѣда и др.) является однимъ изъ главныхъ удовольствій въ его жизни. Обжора, лакомка, гастрономъ. Наклонность къ злоупотребленію спиртными напитками. Сильное развитіе грубыхъ половыхъ влеченій; распутенъ, охотно слушаетъ всякія сальности, разсматриваетъ всякіе непристойные рисунки. Или же, наоборотъ, всѣ его физическія потребности очень ограничены, отличается умѣренностью, трезвостью и воздержаніемъ.

51. Забота о благосостояніи своей личности (эгоизмъ). Всегда заботится только о себѣ, о своихъ собственныхъ нуждахъ, выгодахъ и удовольствіяхъ; во всѣхъ остальныхъ людяхъ видитъ лишь средство или препятствіе для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Жадность, корыстолюбіе. Трусость, чрезмѣрная забота о самосохраненіи. Или же, наоборотъ, отличается безкорыстіемъ, самоотреченіемъ, способенъ къ великодушію и самопожертвованію.

52. Забота о своемъ превосходствѣ надъ другими (самолюбіе). Всегда старается чѣмъ-нибудь отличиться, превзойти своихъ товарищей. Ищетъ славы, почета, высокаго положенія, знаковъ отличія, чувствителенъ къ похваламъ и порицаніямъ, шумному успѣху или равнодушію со стороны окружающихъ. Тщеславенъ, любитъ рисоваться и кокетничать. Хвастливъ. Обидчивъ. Чрезвычайно дорожитъ своей репутаціей. Сильно развито чувство чести и собственнаго достоинства.

53. Чувства, связанныя съ оцѣнкой собственной личности. Сильная, непоколебимая увѣренность въ себѣ, въ своихъ силахъ и способностяхъ (физическихъ или духовныхъ). Смѣло и самоувѣренно берется за самыя трудныя предпріятія. Самомнѣніе. Самонадѣянность. Самодовольство. Властолюбивъ и гордъ, насмѣшливо и презрительно относится ко всѣмъ окружающимъ.—Противоположныя качества: Чувство собственнаго безсилія и неспособности; не рѣшается взять на себя сколько-нибудь отвѣтственное дѣло. Легко приходитъ въ смущеніе, замѣшательство. Въ присутствіи незнакомыхъ людей стыдится, конфузится. Наклоненъ къ раскаянію, смиренію и самоуниженію (остерегаться притворства)!

XII. Чувства по отношенію къ другимъ людямъ.

54. Родственныя привязанности. Любитъ своихъ родителей, братьевъ, сестеръ, часто вспоминаетъ о нихъ, пишетъ длинныя письма, радуется свиданію съ ними и т. д. Хорошій, заботливый семьянинъ, готовъ для своей семьи на всякія жертвы. Родительская любовь къ дѣтямъ.

55. Чувство симпатіи (различные виды симпатіи). Любовь, влюбленность. Способенъ къ сильной, глубокой любви, ради которой готовъ пожертвовать многимъ; или же привязанности его не глубоки и непродолжительны (хотя, можетъ быть, и часты). —Нѣжность, сострадательность. Ко всему слабому, безсильному (маленькія дѣти и животныя, дряхлые старики, больные и нищіе) относится ласково и съ сожалѣніемъ, старается помочь всѣмъ, чѣмъ можетъ. Добръ, услужливъ. Мягокъ, деликатенъ. Чуткъ, отзывчивъ.— Способность къ дружбѣ. Обнаруживаетъ значительную привязанность къ нѣкоторымъ товарищамъ, воспитателямъ; дѣлится съ ними своими тайнами, старается доставлять имъ удовольствіе.—Чувство уваженія. Почтительно и съ уваженіемъ относится къ родителямъ, старшимъ, начальству,—вообще, всѣмъ

тѣмъ, кого считаетъ выше, умнѣе или лучше себя. Разсказы о великихъ людяхъ и чтеніе ихъ біографій производятъ на него глубокое впечатлѣніе.

Противоположныя качества: Холодность. Жестокость, бессердечіе. Желаніе причинить другимъ страданіе (охотно дразнитъ дѣтей, мучитъ животныхъ). Мстительность, злопамятство. Зависть, злорадство. Способность къ ненависти. Ѣдкость, язвительность въ разговорахъ. Наклонность къ ссорамъ и дракамъ.—Дерзость, грубость, нахальство.

56. Общественныя чувства. Радушіе, гостепріимство. Сильно развитое чувство товарищества. Стремленіе устраивать сообща различныя предпріятія. Стремленіе направлять свою дѣятельность на пользу общества, государства, человѣчества.

XIII. Высшія идейныя чувствованія.

57. Интеллектуальное чувство. Умственная работа, если только не слишкомъ утомительна, сама по себѣ доставляетъ ему удовольствіе. Любознателенъ. Охотно читаетъ серьезныя книжки, интересуется различными чисто теоретическими вопросами. Успѣшное рѣшеніе трудной задачи очень радуетъ его, независимо отъ какихъ-либо побочныхъ соображеній (самолюбія, разсчета и т. д.). Способенъ увлекаться широкими научными обобщеніями и теоріями.

58. Эстетическое чувство (различные его виды). Чувство красоты. Любитъ все красивое, изящное: чистые, пріятные звуки, мелодіи и аккорды (пѣніе, игра на инструментахъ), красивыя сочетанія цвѣтовъ (живопись, зеленѣющіе поля и лѣса, голубое небо), плавныя, мѣрныя движенія и т. д. Одѣвается изящно, со вкусомъ. Умѣетъ составлять букеты, красивыя декораціи. Питаетъ отвращеніе ко всему безобразному, некрасивому. Или же совершенно лишенъ чувства красоты, ему нравятся пестрыя, безвкусныя сочетанія цвѣтовъ, оглушающій шумъ и стукъ и проч.

Содержаніе въ искусствѣ: нравится все полезное, цѣлесообразное: чистота и порядокъ въ комнатѣ; стройно и правильно дѣйствующая (хотя бы и не изящная) машина, пароходъ, поѣздъ желѣзной дороги; правильное, симметричное расположеніе частей въ утвари, зданіяхъ и орнаментахъ. Или же красоту и изящество предпочитаетъ пользѣ, любитъ изящныя бездѣлушки, поэтическія, хотя и нецѣлесообразныя постройки и сооруженія (парусный

корабль, старая, покрившаяся избушка въ лѣсу), въ произведеніяхъ искусства ищетъ преимущественно интересныхъ похожденій, сильно волнующихъ сценъ, различныхъ идей общаго характера и т. д.—Чувство высокаго. Любитъ все возвышенное и грандіозное: волнующееся море, водопады, сильныя грозы, голыя скалы. Зачитывается разсказами о герояхъ, обладавшихъ огромной физической силой, о грандіозныхъ сраженіяхъ и знаменитыхъ полководцахъ, или о нравственномъ героизмѣ, о христіанскихъ мученикахъ, миссіонерахъ, самоотверженныхъ поступкахъ. — Чувство смѣшного. Любитъ шутки, остроты, юмористическіе разсказы, каррикатуры, водевили и т. п.

59. Нравственное чувство (степень развитія и характеръ проявленій). Большее или меньшее развитіе извѣстныхъ нравственныхъ принциповъ, руководящихъ его поведеніемъ. Ко всему, что онъ считаетъ хорошимъ и нравственнымъ, относится сочувственно, всякій же дурной, безнравственный поступокъ вызываетъ въ немъ отвращеніе, сожалѣніе или негодованіе. Поступивши дурно, чувствуетъ затѣмъ угрызенія совѣсти.

Проявленія нравственнаго чувства: честенъ, правдивъ, откровененъ, справедливъ, добросовѣстно исполняетъ то, что считаетъ своимъ долгомъ, вѣренъ разъ данному обѣщанію, твердо держитъ свое слово. —Отношеніе къ различнымъ общепринятымъ обычаямъ и приличіямъ: вѣжливъ, аккуратенъ, умѣетъ хорошо держать себя въ обществѣ и на улицѣ, опрятенъ и т. д.—Противоположныя качества: наклонность къ обману, лести хитрости, воровству, постоянныя шалости, даже въ самыя серьезныя и торжественныя минуты, неопрятность, нечистоплотность.

60. Религіозное чувство (степень развитія и характеръ проявленій). Существуютъ ли у него какія-нибудь (болѣе или менѣе сложившіяся) религіозныя воззрѣнія, вліяющія на его поступки и поведеніе? Насколько сильно это вліяніе? Прибѣгаетъ ли къ религіи въ критическіе моменты своей жизни (во время несчастій, передъ началомъ труднаго и опаснаго предпріятія? — Проявленія религіознаго чувства: часто и горячо молится, охотно читаетъ священныя книги и бесѣдуетъ о вопросахъ вѣры и религіи. Отношеніе къ обрядовой сторонѣ религіи: частое хожденіе въ церковь, строгое соблюденіе постовъ и различныхъ другихъ обрядностей.

XIV. Общія особенности эмоціональной сферы.

61. Возбудимость чувствованій. Всевозможныя чувства и волненія возникаютъ очень легко; достаточно малѣйшаго повода, чтобы ихъ вызвать. Постоянно волнуется кипятится. Легко приходитъ въ состояніе восторга, гнѣва (вспыльчивость), угнетенія и т. д.

62. Сила, интенсивность чувствованій. Достигаютъ ли нѣкоторыя чувства и аффекты (напр.; радость, печаль, гнѣвъ, самолюбіе, состраданіе, религіозное чувство и др.) когданибудь такой силы и глубины, чтобы потрясти весь его организмъ, измѣнить хотя бы на время все его поведеніе или, наконецъ, побудить его на необычайные, изъ ряда вонъ выходящіе поступки? Или же всѣ его чувства слабы и поверхностны?

63. Продолжительность, устойчивость чувствованій. Разъ возникшее чувство не скоро успокаивается, даже если причина, его вызвавшая, уже давно исчезла. Спустя долгое время достаточно малѣйшаго повода или напоминанія, чтобы прежнее чувство возобновилось въ полной силѣ; или же, наоборотъ, всякое, даже сильное чувство быстро ослабѣваетъ и прекращается, хотя бы вызвавшая его причина и не перестала дѣйствовать.

64. Обиліе или бѣдность внѣшнихъ проявленій чувства. Каждое сколько-нибудь значительное чувство сопровождается обильными физіологическими проявленіями: краснѣетъ или блѣднѣетъ, плачетъ или громко смѣется, оживленно жестикулируетъ, голосъ дѣлается черезчуръ громкимъ или, наоборотъ, слабымъ и беззвучнымъ, дыханіе учащено, сердце сильно бьется. Или же даже при сильныхъ чувствахъ все ограничивается легкой краской на лицѣ и небольшими, полузадержанными движеніями. — Общителенъ, много говоритъ, обо всѣхъ своихъ чувствахъ всѣмъ разсказываетъ, или замкнутъ, молчаливъ, несообщителенъ.

65. Вліяніе чувствъ на умственные и волевые процессы. Событіе, сильно его поразившее, преувеличиваетъ и вообще передаетъ неточно. Сужденія о людяхъ часто бываютъ пристрастны подъ вліяніемъ симпатій или антипатій. Впечатлителенъ: при удачѣ, въ хорошемъ настроеніи духа слишкомъ оптимистиченъ, при неудачѣ же, утомленіи черезчуръ быстро отчаивается во всемъ. Часто увлекается, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ минутныхъ желаній, забывая всѣ свои прежнія рѣшенія и разсужденія. Склоненъ идеализировать свое прошлое или, наоборотъ рисовать его слишкомъ мрачно.

XV. Движенія.

66. Обиліе или бѣдность движеній. Подвиженъ или малоподвиженъ. Совершаетъ много ненужныхъ движеній: безъ всякой надобности ходитъ или бѣгаетъ изъ угла въ уголъ, прыгаетъ, размахиваетъ руками, гримасничаетъ, ерзаетъ на стулѣ раскачивается, потягивается и т. д., или же подолгу сидитъ на мѣстѣ, совершаетъ только тѣ движенія, которыя необходимы.

67. Быстрота или медленность движеній. Насколько быстро можетъ ходить, бѣгать, говорить, писать, исполнять различную ручную работу; наибольшее количество движеній (напр., поворотовъ колеса точильнаго станка) которое можетъ совершить за извѣстный промежутокъ времени.

68. Сила или слабость движеній. Можетъ поднимать и ворочать значительныя тяжести. Во время игръ, гимнастики или атлетическихъ состязаній обнаруживаетъ значительную мышечную силу.

69. Степень координаціи сложныхъ движеній. Насколько ловко или неуклюже совершаетъ хорошо знакомыя ему, привычныя движенія. Способность къ гимнастикѣ, танцамъ, подвижнымъ играмъ, спорту. Бѣглая техника при игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ. Способность къ ручной работѣ.

70. Двигательная утомляемость. Способенъ ли къ трудной и продолжительной работѣ. Насколько быстро появляются признаки утомленія (вялость движеній, дрожаніе рукъ, одышка и проч.).

71. Двигательная упражняемость (способность къ упражненію въ двигательной сферѣ). Насколько быстро и хорошо усваиваетъ различныя, новыя для него, сложныя движенія? Легко ли дается обученіе различнымъ ручнымъ и техническимъ работамъ, ремесламъ и т. д.?

XVI. Принятіе рѣшеній. Процессъ выбора.

72. Сила или слабость желаній и влеченій. Когда говоритъ о своихъ нотребностяхъ, о своихъ задушевныхъ желаніяхъ и намѣреніяхъ, то замѣтно оживляется; или, наоборотъ, остается такимъ же вялымъ, апатичнымъ и безразличнымъ, какъ и прежде. Находясь въ очень неудобномъ и непріятномъ положеніи, не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія выйти изъ него,

хотя бы это было и не трудно сдѣлать. Ко всему одинаково равнодушенъ и безразличенъ.

73. Наклонность къ борьбѣ мотивовъ (процессъ выбора). Передъ каждымъ, сколько-нибудь важнымъ рѣшеніемъ или сужденіемъ колеблется, выбираетъ, взвѣшиваетъ; или, наоборотъ, во всѣхъ, даже затруднительныхъ случаяхъ принимаетъ тотчасъ же, безъ всякихъ колебаній, первое попавшееся рѣшеніе (импульсивность поступковъ).

74. Быстрота выбора. Продолжительность колебаній, предшествующихъ окончательному принятію рѣшенія. Въ критическую минуту, когда нельзя медлить (пожаръ, внезапная опасность для жизни, критическій моментъ во время игры), дѣйствуетъ рѣшительно и цѣлесообразно.

75. Наклонность къ обсужденію мотивовъ. Предусмотрительность: заранѣе обдумываетъ всѣ возможныя послѣдствія своего рѣшенія или поступка. Благоразуміе: начинаетъ какое-нибудь дѣло, предпріятіе только въ томъ случаѣ, если обладаетъ достаточными средствами для его выполненія и если результатъ предпріятія вполнѣ соотвѣтствуетъ его цѣлямъ и интересамъ. Всѣ подробности поступка заранѣе хорошо обдуманы. Всегда можетъ сказать, почему и зачѣмъ онъ дѣйствуетъ такъ, а не иначе. Противоположныя качества: легкомысліе, беззаботность.

76. Способность (или неспособность) къ принятію рѣшеній. Даже когда положеніе дѣла ясно, все же никакъ не можетъ рѣшиться и безъ конца колеблется. Едва начавши какое-нибудь дѣло, уже начинаетъ передѣлывать его въ противоположномъ направленіи. Наличность или отсутствіе твердыхъ, опредѣленныхъ плановъ и намѣреній.

77. Устойчивость (или неустойчивость) принятыхъ рѣшеній. Постоянство въ образѣ дѣйствій, въ преслѣдованіи разъ намѣченныхъ цѣлей. Никогда или очень рѣдко мѣняетъ свои привычки и занятія. Неизмѣнность взглядовъ и мнѣній, вѣрность своимъ давнишнимъ убѣжденіямъ.

78. Ясность, опредѣленность желаній и рѣшеній. Всегда знаетъ до послѣднихъ подробностей, чего именно хочетъ и добивается. Или же конечныя цѣли очень неясны, планы и намѣренія полны противорѣчій, которыхъ онъ самъ не замѣчаетъ. На многіе вопросы, относящіеся къ предстоящему поступку, совершенно не въ состояніи отвѣтить.

79. Систематичность сложныхъ дѣйствій. Всякое дѣло совершаетъ систематически, послѣдовательно. Только окон-

чивши одно, переходитъ къ другому. Во всемъ любитъ порядокъ, систему (въ распредѣленіи времени, занятій, въ денежныхъ дѣлахъ). Занимаясь научными изслѣдованіями, охотно составляетъ классификаціи, стремится расположить факты въ извѣстномъ порядкѣ, хотя бы и чисто внѣшнемъ. Или же, наоборотъ, постоянно суетится безъ толку, перескакиваетъ отъ одного къ другому, не оканчивая ни одного изъ начатыхъ дѣлъ. Отдѣльные поступки часто противорѣчатъ другъ другу. На столѣ и въ комнатѣ безпорядокъ. Научные факты и наблюденія излагаетъ какъ попало, безъ всякой обработки и систематизаціи.

XVII. Сознательное волевое усиліе.

80. Степень развитія руководящихъ идей и стремленій. Имѣетъ ли опредѣленныя мнѣнія, взгляды (религіозные, этическіе и др.), руководящіе всѣми его рѣшеніями, опредѣленныя цѣли, дающія направленіе всѣмъ его поступкамъ? Замѣчается ли въ его дѣйствіяхъ извѣстное единство, наличность общей руководящей мысли.

81. Способность къ внутренней (психической) задержкѣ. Самообладаніе, способность подавлять въ себѣ страхъ, вспышки гнѣва, различныя страсти, влеченія и т. п. Аскетическія наклонности.

82. Способность къ физической (психомоторной) задержкѣ. Умѣетъ скрыть проявленіе своихъ чувствъ. Даже при сильномъ возбужденіи, страхѣ, гнѣвѣ, радости и т. д. остается по наружности спокойнымъ. Выносливъ по отношенію къ боли, не кричитъ, не стонетъ.

83. Способность къ положительному волевому усилію. Можетъ ли принудить себя взяться за очень трудное, почти безнадежное дѣло, если это необходимо. Находясь въ самомъ тяжеломъ положеніи (болѣзнь, отсутствіе средствъ, различныя лишенія и препятствія), все же продолжаетъ развивать энергическую дѣятельность; или же, наоборотъ, малѣйшее затрудненіе тотчасъ же парализуетъ всю его энергію.

84. Большая или меньшая продолжительность волевого усилія. Настойчивъ ли въ преслѣдованіи своихъ цѣлей? Можетъ ли довести до конца разъ начатое дѣло, несмотря ни на какія препятствія? Или же за всякую работу сначала принимается энергично, но затѣмъ быстро остываетъ? Способенъ ли на продолжительную работу, или нѣтъ?

85. Степень сопротивляемости внѣшнимъ вліяніямъ (различные ея виды). Сознательная, разумно-мотивированная самостоятельность мнѣній и поступковъ. Нежеланіе поступаться своими убѣжденіями. Чужіе совѣты и образцы принимаетъ, но только измѣнивши ихъ сообразно своимъ потребностямъ. — Тупое, ограниченное упрямство. Несмотря на всѣ убѣжденія, ни за что не желаетъ измѣнить своихъ дѣйствій, явно безсмысленныхъ и для него самаго вредныхъ.

Противоположныя качества. Подражательность: легко перенимаетъ поступки окружающихъ, ихъ манеры, жесты, сужденія, способъ выражаться; при этомъ одинаково легко усваиваетъ какъ хорошее, такъ и дурное. Уступчивость, наклонность подчиняться. Легковѣріе: всякій разсказъ, даже самый нелѣпый, принимаетъ за чистую монету. Способность поддаваться внушенію: можно безъ особеннаго труда убѣдить его сдѣлать что угодно.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

1. *Henle.* Antropologische Vorträge, H. 1. 1876.

2. *П. Лесгафтъ.* Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. СПб. 1900.

3. *А. Вирениусъ.* Характеристика учащагося. СПб. 1904.

4. *A. Fouillée.* Tempérament et caractère selon les individus, les sexes et les races. Paris, 1895.

5. *И. Кантъ.* Антропологія. СПб. 1900.

6. *W. Wundt.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. 4-te Auflage, Leipzig, 1893.

7. *N. Seeland.* Le Tempérament. Congrès international d'anthropologie. 1892, 2-me vol.

8. *Г. Гефдингъ.* Очерки психологіи. 4-е изд. СПб. 1904.

9. *Siebeck.* Geschichte der Psychologie.

10. *Бэнъ.* Объ изученіи характера. Пер. Цитовича. СПб. 1866.

11. *Gall et Spurzheim.* Anatomie et physiologie du système nerveux.

12. *Azam.* Le caractère dans la santé et dans la maladie.

13. *B. Pérez.* Le caractère de l'enfant à l'homme. Paris, 1892.

14. *W. Stern.* Ueber Psychologie der individuellen Differenzen. Leipzig, 1900.

15. *Ф. Полянъ.* Психологія характера. СПб. 1896 г.

16. *Н. Лосскій.* Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. СПб. 1903 г.

17. *Th. Ribot.* Sur les diverses formes du caractère. Revue philosoph. 1892 г. № 11.

18. *Ch. Ribery.* Essai de classification naturelle des caractères Paris, 1902.

19. *P. Malapert.* Les élements du caractère. Paris, 1898.

20. *Beneke.* Psychologische Skizzen. B. II. Göttingen, 1827.

21. *А. Лазурскій.* О взаимной связи душевныхъ свойствъ и способахъ ея изученія. Вопр. фил. и психол. кн. 53.

22. *A. Binet.* L'étude experimentale de l'intelligence. Paris, 1903.

23. *А. Шопенгауеръ.* Міръ, какъ воля и представленіе. Пер. А. Фета.

24. *У. Джемсъ.* Психологія. Перев. И. Лапшина. Изд. 2-е.

25. *А. Лазурскій.* О значеніи эксперимента въ психологіи. Вѣстн. психол. 1904 г. вып. 3.

26. *Th. Ribot.* Psychologie de l'attention. Paris, 1889.

27. *В. Вундтъ.* Очеркъ психологіи. Пер. Д. Викторова, Москва, 1897.

28. *E. Kraepelin.* Psychiatrie. 2 B. 6-te Aufl. Leipzig, 1899.

29. *M. Dessoir.* Seelenkunst und psychognosis. Arch. für systematische Philos. B. III. 1897.

30. *E. Kraepelin.* Der psychologische Versuch in der Psychiatrie. Psycholog. Arbeiten, B. I, H. 1.

31. *A. Binet et V. Henri.* La psychologie individuelle. L'année psychologique, II, 1895.

32. *Н. Румянцевъ.* Экспериментальное изслѣдованіе личности. СПб., 1907.

33. *А. И. Неклюдова.* Матеріалы по вопросу о развитіи характеровъ въ дѣтскомъ возрастѣ. 6-я книга педаг. психол. Вѣстникъ психол. 1906 г., вып. 5.

34. *Н. Е. Румянцевъ.* Матеріалы для характеристики. Вѣстн. Психол. годъ II, вып. 7.

35. — Опытъ составленія фактически обоснованныхъ характеристикъ. Вѣстн. Психол. годъ II. вып. 7.

36. *А. Бэнъ.* Психологія. Перев. Вл. Ивановскаго. Т. II. Москва, 1906.

37. *Th. Piderit.* Mimik und Physiognomik. Deutmold. 1886.

38. *К. Поварнинъ.* Объ условіяхъ привлеченія и сосредоточенія вниманія. Докл. въ Русск. Общ. Норм. и Патол. Псих. 13 апр. 1904 г. См. также диссертацію того же автора: „Вниманіе и его роль въ простѣйшихъ психич. процессахъ". СПб. 1906 г.

39. *W. Preyer.* Die Seele des Kindes. 5-te Aufl. Leipzig, 1900.

40. *И. Холчевъ.* Объ индивидуальныхъ колебаніяхъ вниманія. Вопр. фил. и псих. кн. 57.

41. *Ч. Дарвинъ.* Выраженіе душевныхъ волненій. Пер. М. Филиппова. СПб. 1896.

42. *G. Störring.* Vorlesungen über Psychopathologie in ihrer Bedeutung für die normale Psychologie. Leipzig, 1900.

43. *A. Oehrn.* Experimentelle Studien zur Individualpsychologie. Psycholog. Arb. B. I. H. 1.

44. *Sollier.* Psychologie de l'idiot et de l'imbecile. Paris, 1891.

45. *А. Лазурскій и Н. Шиповъ.* Память однородныхъ послѣдов. зрительн. впечатлѣній. Неврол. Вѣстн., Т. VIII, вып. 1.

46. *A. Lehmann.* Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens. Leipzig, 1892.

47. *Г. Спенсеръ.* Основанія психологіи. Москва, 1898.

48. *Т. Рибо.* Творческое воображеніе. СПб. 1901.

49. *А. Мосso.* Страхъ. Психофизіологическій этюдъ. СПб., 1887.

50. *R. Saxinger.* Ueber den Einfluss der Gefühle auf die Vorstellungsbewegung. Zeitschr. f. Psychol., B. 27. H. 1—2.

51. *J. M. Charcot.* Oeuvres complètes. T. III.

52. *Т. Рибо.* Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. Е. Максимовой. СПб. 1895.

53. *В. Бехтеревъ.* Объ отправленіи зрительныхъ бугровъ у животныхъ и человѣка. Вѣстн. клинич. и судебн. психіатр. Годъ III, 1885.

54. *L. Dumont.* Vergnügen und Schmerz.

55. *E. W. Scripture.* Untersuchungen über die geistige Entwickelung der Schulkinder. Zeitschr. f. Psychol., B. 10.

56. *A. Gross.* Untersuchungen über Schrift Gesunder und Geisteskranker, Psychol. Arbeiten, B. II.

57. *А. Бинэ и В. Анри.* Умственное утомленіе. Пер. Ек. Анри. М. 1889.

58. *А. Мосso.* Усталость. Пер. М. Манассеиной. СПб. 1889.

59. *H. Ebbinghaus.* Ueber das Gedächtnis. Leipzig, 1885.

60. *Т. Рибо.* Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. СПб. 1900.

61. *F. Paulhan.* La dissimulation dans le caractère. Le faux impassible. Revue philos. 1901, № 12.

62. *Sommer.* Lehrbuch der psychopathologischen Untersuchungsmethoden. Berlin—Wien, 1899.

63. *Th. Lipps.* Das Selbstbewusstsein, Empfindung und Gefühl. Wiesbaden 1901.

64. *Б. Сиддисъ.* Психологія внушенія. Пер. М. Колоколова. СПб. 1902.

65. *В. М. Бехтеревъ.* Внушеніе и его роль въ общественной жизни. СПб. 1904.

66. *Э. Гизе и А. Лазурскій.* Дыханіе и пульсъ въ гипнозѣ. Обозр. психіатр. 1900 г., №№ 6 и 7.

67. *A. Binet.* La suggestibilité. Paris, 1900.

68. *А. Нечаевъ.* Труды по эксп. педаг. психол. Вып. 2, 1902 г.

69. *Т. И. Россолимо.* Планъ изслѣдованія дѣтской души. Москва, 1906.

70. *Toulouse, Vaschide et Pierron.* Téchnique de psychologie éxperimentale. Paris, 1903.